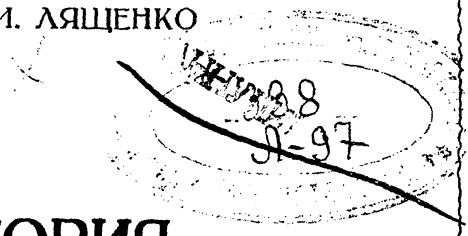
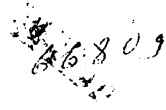
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Проф. П. И. ЛЯЩЕНКО



ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1927 — ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза, Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 90827. Гиз № 19 554.
Тир. 5 000.
Зак. № 1088.

ОТ АВТОРА.

Настоящий курс «Истории русского народного хозяйства» составился в результате лекций и семинарских занятий по этому предмету, проводимых автором на экономическом отделении I Московского университета и в других высших учебных заведениях Москвы в течение 1922 — 1926 гг. При прохождении со студентами этого курса, так же как при семинарской разработке ими отдельных тем, и слушателями и руководителем чрезвычайно остро ощущалось полное отсутствие у нас общего руководства по истории нашего хозяйственного развития. Существующие курсы по истории народного хозяйства, ограничиваясь преимущественно древним периодом, до XVII — XVIII вв., не давали ничего для основной части современного преподавания истории народного хозяйства, особенно для экономистов, — для эпохи капитализма. Отдельные монографии, ценные при семинарской разработке специальных тем, не могли заменить общего курса, благодаря чему, как часто приходилось наблюдать, у слушателей не воссоздавалось общей картины зарождения, этапов и хода развития нашего народного хозяйства.

Этим непосредственным целям пособия для преподавания, притом именно на экономических вузах, и должен отвечать предлагаемый курс. Эта задача предрешает и достаточно краткий об'ем курса, и общий характер изложения, равно как и состав литературных указаний, которыми слушатели могли бы воспользоваться для более углубленной разработки отдельных тем.

Можно, однако, думать, что такой характер курса удовлетворяет также и требованиям несколько более широкого круга читателей и лиц, желающих самостоятельно ознакомиться с основными явлениями экономической истории до-революционной России, почему курс может служить и целям самообразования как экономическая книга для чтения.

ВВЕДЕНИЕ[1]).

Экономист, приступающий к изучению истории народного хозяйства, должен прежде всего выяснить себе ряд предварительных и общих вопросов, без разрешения которых не будет достигнута основная научная задача выделения хозяйственной истории в особую научную дисциплину. Теоретико-познавательная ценность изучения истории народного хозяйства, в особенности для экономиста, заключается, конечно, не только в изучении голых фактов и внешней стороны процесса экономического развития. Подобно тому, как теоретико-познавательная ценность изучения общей истории важна для нас главным образом для построения теории общественного развития, для социологии, так и изучение истории экономического развития важно главным образом для теоретической экономии, теоретической политической экономии.

Если вообще, по словам Канта, «все наше познание начинается с опыта», то социальная наука вообще, и в частности политическая экономия, особенно должна в основу своего познания и теоретических обобщений класть непосредственное наблюдение над реальной экономической действительностью. В высокой степени справедливо то мнение, которое утверждает, что «позитивных знаний, знаний фактического устройства хозяйственной жизни, знакомства с историческим прошлым... вот чего недостает большинству из представителей нашей науки» — политической экономии.

Но отсюда же вытекает и обратное требование — одного чисто описательного исторического изучения, одного накопления фактов внешней экономической истории недостаточно для разрешения научных теоретических запросов, пред'являемых к историческому изучению хозяйственной жизни. Изучение конкретных фактов

[1]) Из вступительной лекции по истории русского народного хозяйства экономистам 2-го курса I МГУ.

исторической действительности, вмещаясь в отточенные грани экономической теории, должно вырастать до создания теории хозяйственного развития. Такая теория должна составлять в сущности единственно правильное, единственно научное социологическое содержание политической экономии.

Классическая школа буржуазной политической экономии, как известно, стояла на противоположной точке зрения, считая, что открытые ею законы капиталистического хозяйства являются вечными, естественными и неизменными законами всякого нормального хозяйства вообще. Несмотря на наивность такого социологического мировоззрения, классическая школа сыграла крупнейшую и прогрессивную роль в развитии экономической науки и в экономической жизни именно потому, что основные принципы нового капиталистического хозяйства выставлялись ею в противоположность отживающим условиям феодального строя. Наивное признание нового наступающего строя естественным, вечным, единственным только усиливало успех борьбы против разрушающегося феодализма.

Нельзя того же сказать про новейшее возрождение абстрактной политической экономии. Современные абстрактные направления политической экономии стоят в сущности на той же точке зрения вечных и абстрактных законов человеческого общества, только иных по содержанию. Возводя свои общие принципы на степень абсолютных и вечных законов экономики всякого общества, выдавая сущность и противоречия капиталистического общества за общие и неизменные законы человеческого общества вообще, занимаясь поэтому не столько исследованием противоречивой сущности капитализма, сколько его апологетикой, — эти направления лишают современную политическую экономию ее историко-социологического содержания и являются научно реакционными.

Но и противоположное этим историческое направление буржуазной политической экономии было далеко от того, чтобы свое историческое изучение конкретной экономической действительности возвысить до степени теоретической науки, сделать из собранного ею бесконечного множества исторических фактов конкретное содержание теории хозяйственного развития. Для этого у исторической школы не хватило не только глубины и широты теоретических знаний и обобщений, но и исторического понимания проблемы политической экономии. Для исторической школы, в ее старых направлениях, история хозяйственного развития предста-

влялась простой нитью внешних хозяйственных изменений, от дикой охоты кочующего номада, первобытного земледельца до развитого торговопромышленного хозяйства капитализма. Внутренней, качественной социальной разницы в своих искусственно построенных эпохах старая историческая школа не улавливала.

Не крупный шаг вперед, в сущности, делают и такие новые представители исторической школы, как Бюхер, чьи схемы исторического развития пользуются такой популярностью, но в сущности также лишены внутреннего социологического углубления в проблему. Из немецких экономистов, примыкающих к исторической школе, наиболее широко ставит вопрос об историческом изучении, как о теории развития народного хозяйства, лишь Зомбарт, для которого исторические факты являются лишь строительным материалом для «конструирования» исторического процесса в его социально-экономической сущности и в его закономерностях. Но и он не исчерпывает до конца вопроса о социально-теоретической сущности экономического развития общества.

Только у представителей научного социализма и прежде всего у К. Маркса глубина теоретического понимания проблемы политической экономии, вместе с широчайшим историческим охватом конкретной истории хозяйственного развития, сливается в единое целое, действительно достигая значения теории хозяйственного развития.

Для научного социализма исходным пунктом теоретико-исторических построений является не только историческая эволюционность всего процесса экономического развития, как это было у историков, и не только закономерная подготовленность, «законность» и даже историческая прогрессивность капиталистического общества, как это было у классиков. Для него и само капиталистическое общество носит исторический, преходящий характер, стремящийся в силу противоречивости своего внутреннего содержания перейти в новые исторические и социальные формы. Но для того, чтобы понять этот развивающийся и преходящий его характер, чтобы вскрыть социально-экономическую загадку его содержания, проблема исторического изучения экономического развития, а вместе с тем и теоретическая проблема политической экономии должна быть поставлена совершенно иначе, чем она ставилась исторической школой.

Историческое изучение должно нам дать не внешнюю, описательную конструкцию чисто материальных граней хозяйственного

развития, в которую одинаково вмещались бы материальные хозяйственные формы различных социальных систем — внешне-технические формы земледелия, промышленности, торговли и пр., начиная с древних веков до современного капитализма. Задачей историко-экономического изучения должно являться не это изучение внешних производственно-технических форм, а изучение социальных изменений в общественных отношениях, возникающих в процессе производства.

Центром этих социальных изменений являются изменения, происходящие в отношениях между человеком, носителем рабочей силы, и человеком, обладателем средств производства. Другими словами, той осью, вокруг которой должно развиваться изложение исторического процесса хозяйственного развития, должны быть не внешние — производственно-технические формы (охота, скотоводство, земледелие — в старых схемах Листа, Рошера и др.) и не внешние технические формы обмена и разделения труда (как в схеме Бюхера). И те и другие схемы скрывают в своем однообразии различное и противоположное их социальное содержание.

Чтобы вскрыть это последнее, необходимо в основу исторического изложения и его схематизации положить те изменения, которые в этом историческом процессе происходили в соотношении труда и средств производства, в зависимости от тех или иных социальных условий и форм обладания ими (орудиями труда, и прежде всего самим человеком, землею и пр.). Понятно, что изменение этих общественных производственных отношений тесно связано с изменением самой техники производства, так как самые формы обладания средствами производства, формы и способы подчинения ими труда обусловлены техническим содержанием средств производства. Но все же об'ектом исторического и экономического изучения является не это техническое содержание их, а возникающие на их почве социальные взаимоотношения людей.

При всей сложности исторического процесса развития этих взаимоотношений, основные этапы, на которые можно его подразделить, даны К. Марксом. Эти этапы: первобытно-коммунистическое, феодально-вотчинное и буржуазно-капиталистическое хозяйство. Первый этап характеризуется примитивной техникой, не дающей возможности создания прибавочного продукта; отсюда коллективные формы труда на основе общности обладания примитивными же средствами производства. Второй этап характеризуется хотя и примитивной, но несколько возросшей тех-

никой, дающей уже возможность создания прибавочного продукта, а следовательно и его присвоения. Возможность последнего обеспечивается большею частью внеэкономическим принуждением, или в непосредственной открытой форме грабежа, рабства и крепостничества, или в скрытой политической форме феодализма, феодальных иммунитетов и повинностей, натуральных и отработочных рент и т. п. Исторически этот период с его формами возникновения и присвоения прибавочного продукта, с одной стороны, сливается с разложением первобытного хозяйства, с другой стороны, — своими остатками часто проникает далеко в глубь последующей, более развитой экономической системы. Но и в основном его историческом массиве, относящемся для западно-европейского феодального общества к IX — XIII вв., можно уже отличить как элементы наивысшего развития его характерных черт, так и элементы их разложения, упадка и превращения в новые формы. Эти последние появляются много раньше падения всей системы, генетически об'единяя ее с последующей экономической формацией.

Точно так же и новая формация капиталистического общества зарождается глубоко в недрах феодального общества, на элементах его разложения, но в то же время надолго еще сохраняя в себе многие его черты и отношения. Основным признаком экономики нового буржуазного общества являются такие общественные отношения труда и средств производства, при которых открывается возможность «свободного», т. е. без вне-экономического принуждения, присвоения прибавочного продукта. Абстрактность формы этого присвоения сказывается в том, что оно происходит не в конкретной форме прибавочного продукта, а в затушеванной и скрытой форме прибавочной ценности. Но организационные способы извлечения и присвоения этой прибавочной ценности на протяжении различных исторических этапов развития капитализма весьма различны. От торгового капитализма XVI — XVII вв. до промышленного и финансового XX в., от мануфактуры до фабрики и трестированного предприятия, от анархии и конкуренции до попыток монопольного планирования, от полной свободы хозяйственной деятельности до «государственного капитализма», ограничивающего свободу отдельных предпринимателей в интересах всего класса предпринимателей в целом (все это, конечно, не уничтожает ни анархии, ни конкуренции, ни всех противоречий, свойственных капитализму в целом), — таковы те этапы и стадии, на которые может быть вообще разделена эпоха капитализма.

Таким образом, исторически исследуя каждую хозяйственную формацию, мы должны рассматривать ее в процессе ее зарождения в недрах другой формации, типического ее развития, ее изживания и разложения, часто уже при преобладании новых хозяйственных форм. Только таким путем мы можем выяснить и проследить как закономерность смены хозяйственных образований, так и внутреннее развитие в каждой из них. При медленно назревающих процессах исторических изменений каждая из указанных основных хозяйственных формаций претерпевает внутри себя, не изменяя своей социальной основы, ряд количественных изменений, которые необходимо различать, так как только таким путем мы можем понять возможность и необходимость смены самой социальной основы той или иной формации. Только возникновение рабства в первобытном хозяйстве предуказывает уже неизбежность разложения его и превращения в феодально-крепостной строй. Возникновение рыночных отношений в натуральном вотчинном хозяйстве предуказывает его разложение по пути развития капитализма. Процессы концентрации и монополизации в промышленном капитализме ясно намечают пути его изживания и перехода в обобществленное хозяйство.

Ясно, что при таких условиях даже в пределах каждой исторической хозяйственной формации мы не найдем полного единства действующих экономических сил и социальных интересов, их полного равновесия. Хозяйственная организация каждого данного момента представляет равнодействующую заложенных в общественном хозяйстве противоположных интересов, даже иногда различающихся по своей социальной основе. Так, интересы торгового капитала на известной стадии начинают противоречить интересам промышленного, хотя социальная основа того и другого одна и та же. Тем более, конечно, противоречивыми становятся новые социальные силы и интересы, когда они возникают в недрах старой социальной формации. И если развитие внутренних противоречий в пределах каждой социально-экономической формации может происходить медленным, почти малозаметным эволюционным путем, то переходы от одной исторической формации к социально отличной, другой, сопровождаются всегда формации или менее резким «революционным» потрясением всего хозяйственного организма.

Задачей историка экономического развития является выяснить развитие внутренних социально-экономических противоречий

внутри каждой хозяйственной системы, а вместе с тем и закономерность и неизбежность смены их. Но из сказанного вытекают два важных методологических вывода. Прежде всего, принимая указанную схематизацию подготовки и развития современного капиталистического общества, мы не предполагаем давать абсолютной и общей схемы общественного и экономического развития, пригодной для всех веков и народов. Та нить, которую эта схема протягивает от истории первобытного хозяйства до современного капитализма, должна дать лишь ответы на вопросы о генезисе и развитии тех или иных элементов современного капитализма. Поэтому вне ее остаются все те прошлые хозяйственные системы, которые имели свой законченный цикл исторического и хозяйственного развития, но не дали непосредственной исторической преемственности для зарождения современного капитализма. Из этой схемы таким образом исключаются такие общественные и хозяйственные формации, как древняя ассирийская и древняя греко-римская или хозяйственная и общественная структура диких народностей и т. п.

Мы можем и должны изучать и их с точки зрения того же принципа — общественных отношений носителей труда и средств производства. Мы можем находить в них явления, аналогичные социальной структуре европейского первобытного и феодального предкапиталистического общества, как и явления развитого «капитализма». Но такое изучение и такая терминология могут проводиться лишь по аналогии, без «модернизации» этих общественных формаций перенесением на них полностью понятий современного капитализма и его генезиса. Отступление от этого принципа в схемах Рошера, Бюхера, Зомбарта и др. приводит их к основным ошибочным выводам, с одной стороны, к смешению различных социальных структур в одной и той же формации, а с другой — к об'единению в одной схематической линии различных формаций, не имеющих между собой генетической связи («натуральное» хозяйство, включающее первобытную общину, рабовладельческое хозяйство древности, феодальную вотчину).

Как политическая экономия представляется теоретической наукой, изучающей хозяйство определенной исторической формации, капитализма, так история народного хозяйства представляется исторической наукой, изучающей генезис, развитие, сложение, а вместе с тем и элементы разложения хозяйства капиталистического общества.

В этом историческом изучении народного хозяйства (поскольку мы не переходим от него к изучению социологии, т. е. к учению о развитии человеческого общества вообще) мы сознательно ограничиваемся изучением генезиса и развития только современного капиталистического хозяйства. Историческое прошлое его мы рассматриваем с точки зрения перспективного удаления от широкого хозяйственного ландшафта современности. И самый характер исторических источников изучения, рисующий тем более неясные и расплывчатые очертания этого прошлого, чем более оно от нас удалено, делает центром внимания для нас не это отдаленное прошлое, а приближающиеся к нам хозяйственные ландшафты современного капитализма.

Другой вывод из изложенных задач и метода исторического изучения касается положения в этой схеме хозяйственного развития отдельных стран. Если мы устанавливаем общую закономерность перспективы капиталистического развития вообще, то отдельные страны входят в эту общую перспективу со своими индивидуальными особенностями и отклонениями отдельных этапов или всего их развития в целом. Эти индивидуальные особенности и отклонения определяются в первую очередь особенностями географической и естественной среды, внешними историческими влияниями, вторгающимися в общую перспективу. Но, поскольку мы имеем общий конечный результат — наличность капитализма, — мы должны включать данную народно-хозяйственную формацию в общую перспективу генезиса и развития капитализма и искать лишь в этой перспективе отклоняющие, пертурбационные и извращающие перспективу моменты. Поэтому теоретически неправильным, даже в качестве простой гипотезы, является предположение о каких-то «особых законах развития», о каком-либо «искусственном» направлении развития, раз мы имеем определенный конечный результат. Такая гипотеза не только не дала бы нам ничего в поисках особенностей и в об'яснении характера прошлого развития, но оставляла бы совершенно непонятной все дальнейшие судьбы его развития.

Таковы должны быть общие задачи и методы изучения истории экономического развития, поскольку мы не хотим превратить свое историческое изучение в чисто фактическую и описательную историю внешних экономических явлений, институтов и форм. Но нужно признать, что в этом направлении, даже в историко-экономической литературе Запада, сделано еще очень мало.

Старая немецкая историческая школа, накопившая громадный исторический материал, дала очень мало с точки зрения указанных требований. Некоторые представители новых течений исторической школы, в особенности Бюхер, Брентано, и на первом месте Зомбарт, гораздо более полно методологически и фактически приблизились к указанной задаче, хотя все же еще далеки от ее разрешения.

Методологически и схематически эта задача разрешена К. Марксом. Но материальное заполнение его схемы и методологическое применение ее на историческом материале было дано им преимущественно лишь в блестящих фрагментах по истории английского народного хозяйства. Хозяйственная же история других западно-европейских стран и всего капитализма в целом, несмотря на все богатства исторического материала, еще ждет своего историка.

В каком же отношении сказанные общие замечания о задачах и методах изучения истории экономического развития вообще стоят к непосредственной нашей задаче — изучения хозяйственного развития России? Можем ли мы ставить по отношению к русской экономической истории те задачи, которые до сих пор не выполнены для неизмеримо более богатой западно-европейской науки?

Понятно, что поставить себе такую задачу в целом было бы совершенно немыслимо, не только в узких рамках университетского курса. Если наша общая история изучена гораздо менее полно и совершенно, чем западно-европейская, то тем хуже обстоит дело с хозяйственной историей. Правда, мы имеем даже для более ранних эпох значительное количество опубликованных исторических памятников, источников и материалов — летописей, писцовых книг, различных политических и хозяйственных государственных актов, разных документов частного, монастырского, вотчинного и пр. хозяйства, позволяющих экономисту без чисто исторической архивной работы изучать хозяйственную историю. Но тем не менее необходимо признать, что все эти материалы и источники сравнительно более полно обработаны лишь в отношении общей истории, истории права, государственных установлений, и гораздо менее полно в отношении хозяйственной истории. Многие даже основные вопросы нашей хозяйственной истории, не говоря уж о важных деталях, еще совершенно не разрешены, вызывают споры и различные истолкования памятников. Поэтому многие исторические монографии по отдельным вопросам в своих противоречивых истолкованиях не разрешают для экономиста исходных пунктов его экономических построений. Некоторые целые эпохи нашего хозяй-

ственного развития освещены чрезвычайно слабо. Спорные пункты по самым основным вопросам имеются как в отношении древнейших периодов нашей хозяйственной жизни XII — XVI вв., так и сравнительно более поздних эпох крепостного хозяйства, промышленного и аграрного развития XIX в. и даже позднейших годов нашего капитализма.

По понятным причинам история XX в. и конца XIX в. в послереволюционные годы привлекает особенное внимание историков хозяйства, но и в этом отношении бесконечное множество открывшихся после революции материалов только в небольшой части начинает затрагиваться изучением. А поэтому и для этого периода мы стоим перед целым рядом основных спорных проблем нашего хозяйственного развития. Разрешение их представляется иногда тем более трудным, что разработка предшествующей хозяйственной истории и генезиса новейших образований капитализма не дает руководящей нити и законченных исторических предпосылок. И чем больше актуального интереса даже для настоящего времени приобретают проблемы экономического развития недавнего прошлого, тем более настойчивой представляется необходимость изучения исторических предпосылок и его генезиса в отдаленном прошлом.

При таких условиях понятно, что мы почти не имеем даже попыток нарисовать синтетическую картину истории русского народного хозяйства. Даже в смысле внешней фактической истории нашего хозяйства мы имеем лишь несколько незаконченных курсов, как старый курс проф. Довнар-Запольского (до XIV в.), новый двухтомный курс проф. Кулишера (до XVII в.), брошюру проф. Пичета (первая половина XIX в.) и некоторые др. Довольно много по экономической истории дают общие курсы, особенно М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова и др. Но все же общей картины собственно экономического развития мы не имеем.

Нечего говорить, к каким затруднениям приводит такое положение, в особенности для лиц, изучающих русскую экономику и ее прошлое в наших высших учебных заведениях. Конечно, монографического изучения отдельных эпох и проблем и прочтения для этого тысяч страниц нельзя требовать даже от нерядового студента. В результате — приходится встречаться часто с полным незнанием самых основных этапов и проблем нашего даже недавнего экономического прошлого. Обстоятельство, ничего хорошего не обещающее и для понимания важнейших проблем экономического настоящего и для его строительства.

И так как для экономиста, как мы сказали выше, изучение фактической экономической истории имеет прежде всего служебное, познавательное и методологическое, значение для понимания сущности, целостности и закономерности процесса экономического развития и в теоретическом его осмысливании, то ни недостаточность имеющихся у нас исторических материалов, ни неразработанность их не должны остановить нас в попытке подойти к изучению экономической истории России с точки зрения изложенных задач и методов.

Из сказанного также ясно, что основная часть нашего изложения начинается собственно с эпохи торгового капитализма и крепостного хозяйства, так как только в этой эпохе современный капитализм имеет непосредственные корни. Наоборот, изучение эпохи феодального и тем более первобытного хозяйства имеет для современного экономиста только вводное значение. Тем не менее, включение и этих эпох в круг общего рассмотрения необходимо потому, что многие явления, напр., в области будущих земельных отношений, намечались и подготовлялись уже в эти эпохи.

ЛИТЕРАТУРА [1]).

Общие исторические сочинения. Из *общих курсов* по русской истории, в которых в наибольшей мере уделяется внимание также и экономической истории, можно начинать с курсов: *М. Н. Покровский,* Русская история, т. I—IV (неск. изд.). — *Рожков,* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I—XI, 1920—1925. — *Его же,* Обзор русской истории с социологической точки зрения, I—II. 1905. — *Ключевский,* Курс русской истории, т. I—IV, 1908. — Далее можно поставить: *Соловьев,* История России с древнейших времен, т. I—XXIX, 1856—92. — Много места экономической истории отводится также в курсах *по истории культуры: М. Н. Покровский,* Очерк истории русской культуры, ч. I, 1923. — *Плеханов,* История русской общественной мысли, т. I, 1914. — *Милюков,* Очерки по истории русской культуры, ч. 1-я (неск. изд.). — Для изучения некоторых отдельных вопросов (земельные отношения, общественные классы и пр.), в особенности древнего периода, важны также курсы *по истории права;* из них наиболее важны: *Дьяконов,* Очерки общественного и государственного строя древней

---

[1]) Как общая библиография, так и библиография по отдельным главам и вопросам, а также указания источников составлены и даются с таким расчетом, чтобы читатель имел возможность, начиная с самого общего ознакомления, переходить к более углубленной разработке, вплоть до изучения источников в самостоятельной семинарской работе.

Руси (неск. изд.). — *Сергеевич*, Русские юридические древности, особенно т. III, 1903, а также *Филиппов*, Учебник истории русского права, 1912.

Общих курсов *по истории народного хозяйства* в законченном виде не имеется. *Довнар-Заполъский*, История русского народного хозяйства, т. I, 1911, доведен до XIV в. — *Кулишер*, История русского народного хозяйства, т. I—II, 1925,—до XVII века; имеется подробный указатель источников и литературы. *Пичета*, История народного хозяйства России, 1922, компилятивная брошюра, первая половина XIX в.

Из отдельных монографий, дающих общую постановку вопроса по истории экономического развития и охватывающих более или менее продолжительный период, кроме упомянутых ниже в специальных главах, необходимо упомянуть следующие, с которых может быть начато предварительное углубленное изучение. *Аристов*, Промышленность древней Руси, 1866. — *Рожков*, Город и деревня в русской истории, 1902. — *Лященко*, Очерки аграрной эволюции России (неск. изд.). *Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, 1911. — *Готье*, Очерк истории землевладения в России, 1915. — *Архангельский*, Очерки по истории земельного строя России, 1920. — *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, 1899 и Собр. соч., т. III. — *Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем (неск. изд.). — *Кулишер*, Очерк истории русской промышленности, 1922. — *Его же*, Очерк истории русской торговли, 1913. — *Анисимов*, Капитализм в России, ч. 1-я (эпоха торгового капитала), 1924.

Для пополнения литературного изучения и для первого ознакомления с источниками и материалами полезны хрестоматии по экономической истории; из них лучшие: *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, 1876. — *Большаков и Рожков*, Хрестоматия по истории хозяйства России, т. I—II, 1925 (с VI века до 1905 года) и т. III, 1926 г., военный и революционный период. — *Вознесенский*, Экономическое развитие и классовая борьба в России XIX и XX вв., I—II, 1921. — *Ванг и Томсинский*, Экономическое развитие России (с половины XIX в. до 1917 г.), 1925. — Для древнего периода — серия «Памятники социально-экономической истории России», под ред. *Заозерского и Кашина*, 4 вып., 1924, а именно: *Платонов*, Социальный кризис смутного времени. — *Греков*, Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. — *Введенский*, Торговый дом XVI—XVII вв. — *Пажитнов*, Промышленный труд в крепостную эпоху. Наконец, «Памятники по истории крестьян XIV — XIX вв.», под ред. *Вормса, Готье, Кизеветтера и Яковлева*. 1910.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПЕРВОБЫТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Глава I.

КОЛОНИЗАЦИЯ СТРАНЫ И ЗАЧАТКИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

То хозяйственное строительство, историю которого мы будем изучать и благодаря которому в течение ряда веков было создано русское народное хозяйство, было заложено на территории восточной Европы восточной ветвью славянского племени. Когда и как было заложено это хозяйственное строительство?

По этому вопросу, связанному вообще с вопросом о начале нашей истории, в нашей исторической литературе существует два противоположных взгляда.

По одному из них, на обширной восточной равнине, от Новгорода до Киева, от Днепра и Дуная до Дона, исстари была дикая пустыня, покрытая лесом, населенная дикими славянскими племенами, которые жили «звериньским образом по скотьски», в лесах, как «звери», ели «всякую нечисть», убивали друг друга, жили враждебными друг другу небольшими племенами, не имея никакой государственности и общественности. Такими чертами дообщественного состояния человека-зверя описывает славян наш первый исторический источник — летопись мифического летописца Нестора. Только с половины IX в. пришельцами с севера, варягами или норманами Скандинавии, были занесены в эти славянские племена начала общественности. Они создали впервые государственный строй, дали ему свое имя, заложили начало хозяйственных отношений. Только с этого времени может начинаться история восточного славянского общества, государства, а вместе с тем и хозяйства. Из летописей это мнение вошло в нашу историческую науку — в труды Шлецера, Щербатова, Карамзина, Погодина, Соловьева и вообще группы ученых историков, так называемых «западников».

По другому взгляду, восточно-славянские племена исстари обитали там, где застает их начальная летопись, т. е. в западной части восточно-европейской равнины, где они поселились задолго до начала нашей эры. Будучи вначале рассеяны по территории в виде мелких родов, эти славяне, по истечении нескольких веков, вышли из родового быта, об'единившись в более крупные племена, создав относительно высокую культуру и хозяйство, занявшись сельским хозяйством и торговлей, положив начало государственности в виде волостей и городов, первых ячеек общегосударственной организации, из которой, примерно, около IX в. возникло первое общерусское государственное об'единение. Это государственное об'единение было создано формально под воздействием пришельцев-варягов, которые, однако, не внесли существенно новой культуры, а, наоборот, восприняли славянскую культуру. Хотя с этого времени государственная и хозяйственная жизнь входит в исторический период, но генезис государственной жизни уходит своими корнями в доисторические времена хозяйства и быта славянства. Этот взгляд был введен в нашу историческую науку, после немца Шторха, учеными историками противоположного западникам, «народнического» направления: Беляевым, Забелиным и др.

Источники изучения первобытного хозяйства

Наши начальные исторические документы сами по себе не дают материала для разрешения этого вопроса. Но на помощь могут быть привлечены три других источника: во-первых, исторические свидетельства иностранных писателей и вообще история других стран, соприкасавшихся с славянами; во-вторых, лингвистика и в-третьих — археология.

Так, прежде всего, сведения о древней истории славянства той эпохи, от которой до нас не дошло никаких славянских письменных памятников, мы получаем от более культурных народов запада и востока: римлян, греков, арабов. Эти передовые народы того времени, имевшие уже письменные памятники и входившие с славянами в военное и культурное соприкосновение, дают некоторые, хотя и отрывочные описания тогдашних славян. Таковы описания славян у византийских императоров, Константина Багрянородного и Маврикия, готского историка Германариха; таковы в особенности многочисленные описания славян у арабских писателей: Ибн-Даста, Ибн-Хордабде, Ибн-Фадланда, Ибн-Хаукаля и др. Конечно, эти отрывочные и часто противоречивые свидетельства и описания еще недостаточны, чтобы сколько-нибудь точно и полно

восстановить быт и хозяйство древних славян. Тем не менее, они все же проливают некоторый свет на многие стороны славянского хозяйства и общественного строя.

Другим источником, вскрывающим нам быт, хозяйство и характер доисторической, т. е. дописьменной эпохи славянства, является лингвистика. Лингвистика, т. е. изучение языка различных народностей или различных ветвей одной и той же народности, позволяет нам открывать одинаковые корни и даже одинаковые слова в различных языках и наречиях для обозначения одного и того же понятия. И именно наличие одного и того же слова в языках различных народностей показывает, что данное явление или понятие имелось у этих народностей до того времени, когда эти народности и их языки и наречия не успели еще обособиться и образоваться, как самостоятельные. Напр., если мы находим ряд одинаковых слов и корней у всех европейских народностей, то мы можем отнести происхождение этих слов к «индоевропейскому» праязыку, на котором эти народности когда-то говорили. Точно так же, если мы находим во всех славянских языках трех основных групп славянских народностей (западной — чешской и польской, южной — сербо-болгарской, и восточной — русской) одни и те же слова для обозначения каких-либо понятий, мы должны предполагать, что эти слова возникли еще в то время, когда эти отдельные славянские народности и группы их языков не успели еще обособиться. А следовательно и самые явления, которые они обозначают, имели место в народной жизни еще в то время, когда обособившиеся впоследствии народности составляли единый народ и язык. Так, например, если мы в таком праславянском языке встречаем богатый лексикон общих слов, касающихся сельского хозяйства, земледелия, скотоводства, гораздо меньше — охоты и еще меньше — обрабатывающей промышленности, это обозначает, что на своей прародине, до расселения, славяне в преобладающей степени занимались сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, в меньшей мере — охотой и в еще меньшей — обрабатывающими промыслами.

Наконец, весьма важную помощь в деле изучения доисторических, т. е. дописьменных форм хозяйства и быта дает археология. Археологические памятники сохраняют нам черты быта и хозяйства наиболее отдаленных, первобытных эпох человечества в остатках погибших и засыпанных городов, селений; в случайно оброненных и сохранившихся под землей вещах; в спрятанных в земле кладах; в схороненных вместе с умершими предметах обихода, оружии

и т. п. Раскопки целых погибших древних городов (у нас, напр., греческой колонии Херсонеса) восстанавливают целиком и во всех подробностях весь быт и хозяйство древней эпохи. Но и отдельные археологические находки и раскопки иногда могут дать ясную картину древнего быта и хозяйства. Исследуя, напр., погребальные курганы с их остатками пищи, оружия, одежды, мы можем доказать наличность в определенный исторический период, напр., возделывания и употребления в пищу тех или иных хлебов, наличность обработки металлов, глиняных изделий, и т. п. Так, раскопки неолитического периода показывают, что обработка металлов в то время еще не была известна, так как орудия, встречающиеся в раскопках этого периода, только каменные. Но в то же время в этих раскопках встречаются доказательства культуры хлебных злаков, что свидетельствует о знакомстве западно-европейских народов с земледелием уже в этот период. Раскопки более поздних периодов дают особенно богатый и ценный, даже весьма точный материал.

В этом отношении особенно ценны раскопки различных кладов монет, в изобилии находимых во многих странах и особенно у нас на протяжении всей русской равнины от юго-востока до Днепра, Новгорода, Двины, Оки и Камы. Клады монет дают особенно точные исторические указания благодаря тому, что монеты носят более или менее точные исторические даты — чеканку в определенное царствование. Нахождение, напр., арабских монет VII-VIII вв. где-нибудь в Новгородской области или на Готланде свидетельствует, что в этот век эти области имели торговые сношения с арабским востоком. А так как, вместе с этими арабскими монетами находят, напр., различные арабские изделия: бусы, серебряные изделия и т. п., то открывается возможность восстановить и самые предметы этой торговли.

Первобытное занятие территории

Сопоставляя все упомянутые исторические, лингвистические и археологические данные, можно более или менее точно (конечно, с относительной для того времени точностью) установить основные исторические предпосылки, положившие начало истории восточно-славянских народностей.

Выходцы из Азии, арийцы-славяне впервые в виде особой народности обнаруживаются нашей летописью на Дунае в пестром составе других народностей царства даков. Римляне («волохи» нашей летописи), первоначально платившие им дань, напали на них (при императоре Траяне) и в начале II века нашей эры застави-

ли славян продвинуться с Дуная на восток и север. Сопоставляя эти известия нашей летописи с фактами римской истории, истории готов и с византийскими источниками, наши историки (Надеждин, Погодин, Ключевский) устанавливают, что эти славяне с Дуная первоначально продвинулись собственно к Карпатам, где их застает готское завоевание в III в., и где они впервые описаны историком готов Германарихом под именем народа «венетов», с главными племенами «склавенов» и «антов». С конца V в. и весь VI в. эти карпатские народности, известные западу уже под общим собственным именем «славян», неоднократно вторгаются в пределы восточной империи. Уже здесь они образуют нечто вроде политических и военных союзов, временами достигая даже общего, правда, недолговечного политического об'единения (известие араба Масуди о господствующем среди славян племени «валинана», т. е. волынян, иначе дулебов), князь которых предводительствовал всеми этими славянами [1]). Другие византийские писатели VI — VII вв., хорошо знающие этих задунайских славян, как воинственных дружинников, подвижных и постоянно нападающих на империю, говорят о них, что они живут в плохих хижинах, разбросанных по одиночке на значительном расстоянии, и постоянно переселяются.

Около половины VII в. нападение аваров повидимому оттесняет этих славян с Дуная далее на восток, к Днепру. В дальнейшем славяне распадаются на две ветви — западную и восточную. И именно с этого времени прекращаются набеги Дунайских славян на Византию, прекращаются упоминания о них византийских историков. Но вскоре, уже с IX в., славянские племена в лице их восточной ветви, опять дают себя знать своими нападениями на Византию с другой стороны. Эти славяне становятся известны под общим названием «руси», русских славян.

Таким образом, со времени первых и неясных исторических указаний и намеков, выделяющих славян из народностей, населявших во II — III веках нашей эры Карпатско-Дунайскую часть Европы, до VII в. эти славяне не выделяют еще из себя двух главных ветвей — западных и восточных славян. Но уже с VII века от этих общеславянских народностей отделяется ветвь восточных славян, которые расселяются с места их прежнего пребывания, с Карпат, на восток, в Приднепровье, Придонье, вплоть до Оки, Волги, Вятки.

---

[1]) *Гаркави,* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 135.

Здесь, в новых физико-географических условиях, среди аборигенов-туземцев этой страны восточные славяне и создают свое прочное общественно-хозяйственное бытие. Приэтом они не только переносят сюда свой прежний общественно-бытовой уклад, но и быстро, под влиянием новых общественных и хозяйственных условий, в которых жили ассимилируемые ими народности, видоизменяют его.

Поэтому мы и должны теперь остановиться на рассмотрении тех условий, в которых зародился и стал расти этот новый общественно-хозяйственный строй славянских переселенцев на восточной равнине.

Природные условия

Посмотрим, прежде всего, на природные условия той новой страны, в которую пришли славяне.

Та бесконечная равнина, которая открылась перед восточными славянами, когда они сделали свою первую остановку на западе ее, у Днепра, отличалась в значительной мере однообразием своей поверхности, более или менее однообразным климатом и характером природы. Приэтом колонизационное движение славян шло с среднего Днепра большей частью не на юг и юго-восток, а на север и на северо-восток. А здесь по характеру растительности страна представляет из себя пространства, сплошь покрытые лесами. В то время и местность вокруг Киева (который теперь находится в степной полосе) была окружена лесами: «и бяше около града лес и бор велик», говорит летописец про Киев. Южнее начинались обильные травяной растительностью припонтийские степи, а еще далее на юго-восток — сухие степи прикаспийской низменности. Но первоначально колонизация сюда не шла, так как дикая, сухая, безлесная степь мало была пригодна для тогдашней примитивной колонизации.

Поэтому восточные славяне, спустившиеся на восточную равнину, своими отдельными племенами расселились на границе северной части степной полосы, с богатой черноземной почвой, и южной части лесной, с более бедными суглинистыми почвами. Главное направление колонизации шло первоначально от среднего течения Днепра не через степь к низовьям Волги, а вдоль лесной границы, к Оке и к верховьям Волги. Вызывалось это как хозяйственными, так и политическими условиями. Плодородные почвы черноземных степей могли бы обеспечить большую выгоду здесь земледелию, чем в северной лесной полосе. Но эти черноземные степи, составлявшие тогда непосредственное продолжение бесконечных азиатских степей, были заняты кочующими азиатскими

народностями: половцами, печенегами, впоследствии татарами. А обширное лесное пространство на север и северо-восток от среднего течения Днепра, вплоть до Волги и Вятки, до Двины и северных озер, или было незанятым, или, во всяком случае, обитавшие здесь в более окраинных частях финны и болгары были легко оттеснены далее на северо-восток. Занятие степи при таких условиях было и с военной, и с хозяйственной стороны задачей более трудной, чем расселение в лесах и пользование менее плодородной и более тяжелой для обработки лесной почвой.

Другая важная сторона физико-географических условий занятой славянами территории заключалась в характере ее речной сети. Основной массив этой территории ограничивался с востока и северо-востока системой Волги, соединявшей ее с отдаленными странами Азии; с запада и юга — системой Днепра, соединявшей эту территорию с передней Азией и Византией; наконец, с северо-запада — системой Двины и озер. Притом обе эти системы вплотную подходили одна к другой на северо-западе, в области северных Ладожского и Онежского озер. Эти озера имели также свою чрезвычайно разветвленную систему рек, притоков, небольших озер, лежавших у подножия Валдайского плато, составляющего водораздел между главными речными системами. Вместе с системой Западной Двины это Валдайское плато составляло, таким образом, территорию, чрезвычайно богатую водными путями, подходящими притом же настолько близко друг к другу, что сообщение по всем направлениям через небольшие, сухопутные «волоки» не представляло никаких затруднений.

Речные пути, так же как и леса, представляли чрезвычайно важный момент в расселении на территории и направлении хозяйственной деятельности населения. Не только самое заселение шло по речным путям, но и племенное, а впоследствии и государственное об'единение населения стало группироваться по речным бассейнам. На них же сосредоточивались главные импульсы хозяйственной жизни. В то время как вдали от рек население вело примитивное хозяйство и жило в примитивных экономических формах быта, по рекам распространялось торговое движение, возникали города, закреплялась власть, а вместе с тем и первые начатки развитого и более культурного хозяйства. Таким образом, основными моментами физико-географической среды, в которой возникло первобытное народное хозяйство восточных славян, и которая оказала в дальнейшем влияние на его дальнейшее развитие, являлись лес, степь

и река. «Лес, степь и река, — говорит по этому поводу Ключевский,— это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению».

Влияние первобытной социальной среды

Кроме природных условий страны, обусловивших ту физико-географическую среду, в которой развивалось народное хозяйство, его направление определилось также и теми социально-экономическими влияниями, которые оказали на восточных славян, пришедших на восточную низменность, окружавшие их здесь народности.

Те южные степи, к северным границам которых подошли славяне, издавна служили ареной господства многочисленных и довольно быстро сменявших друг друга азиатских народностей. Киммериане, скифы, сарматы, геты, даки, печенеги, половцы, хозары, татары проходили с востока на запад по южным степям, более или менее долго здесь задерживаясь, основывая иногда более или менее прочные общественно-государственные образования, как скифы, хозары, татары. Ко времени занятия славянами территории страны с запада, т. е. к VII в., южная степь с востока стала заселяться новой азиатской народностью — хозарами.

Кочевники тюркского происхождения — хозары, попав в юго-восточные степи, в нижнее Поволжье и на Дон, быстро потеряли здесь свой кочевой быт и превратились в оседлое, торговое и мирное государство. Имея у себя в тылу богатый торговый арабский восток с его халифатом в Багдаде, а впереди, на северо-западе — тогдашнюю торговую Европу, хозары завладевают связывающими эти центры торговыми путями. Столица хозарского царства Итиль (на Волге, близ современной Астрахани) стала главным транзитно-торговым центром, где смыкалась западная торговля с восточной.

Эти хозары стали не только ближайшими соседями, но и первыми завоевателями славянских племен, пришедших к границе южных степей с запада и не успевших еще образовать здесь государственного единства. Завоевание это, однако, в отличие от последующих, имело мирные последствия, так как хозары, обложив славян данью, сделали их не только своими торговыми посредниками, но и открыли им самостоятельные пути на далекий восток, с которым они сами вели торговые сношения. Уже в VIII в., т. е. почти за два века до государственного об'единения славян, торговые сношения хозар и арабского востока со славянами достигают расцвета.

Но уже в половине IX века хозарское царство подпадает под военный натиск новых пришельцев с азиатского востока — печенегов, которые появляются в южных степях и достигают самого Днепра, т. е. непосредственно земель, занятых славянами. Хозарское царство постепенно отмирает, и славяне становятся в соседство уже не с этим мирным торговым племенем, а с дикими, кочующими воинственными племенами. К тому же, эти племена, быстро изживая себя, сменяются новыми, не менее воинственными племенами: в XI — XII вв. — половцами, в XIII—XIV вв.—татарами.

Другое национальное и хозяйственное влияние, с которым встретились славяне, подошедшие к южным степям, было грекоримское, распространившееся из многочисленных колоний, расположенных по берегам Черного и Азовского морей. В Крыму, на Таманском полуострове, в низовьях Дона и Буга расположены были многочисленные греческие колонии (Ольвия, Херсонес Таврический, близ Севастополя, Феодосия, Сурож — нынешний Судак, Понтикапея — нынешняя Керчь, Фанагория и др.). Являясь аванпостами такого мирового торгового центра, как Византия, эти колонии стали посредниками, быстро связавшими восточных славян с знакомым им еще по их прародине на Карпатах христианским западом. И если славяне не решались направлять свою военную и хозяйственную колонизацию по направлению к азиатским юго-восточным степям, всегда ожидая отсюда новых завоевателей, то их военно-торговые связи с европейским юго-западом установились самостоятельно.

В то время, как с юга славянство соприкасалось и с мирными, и с воинственными народностями, но не слилось с ними и не ассимилировало их, на севере и северо-западе обстоятельства сложились несколько иначе. Повидимому, несколько позднее, чем на юго-востоке, славянство в IX в. в его движении на север соприкоснулось с другой воинственной народностью скандинавско-норманского происхождения, нападавшей на славян с Балтийского моря и получившей название «варягов». Но если восточные народности представляли из себя бесчисленные кочующие орды, не склонные, за исключением хозар, к торговой жизни и проходившие с «огнем и мечом» по открытым сухопутным дорогам далеко в глубь страны, то эти западные народности представляли из себя такие же воинственные, но небольшие по численности дружины мореходцев-разбойников, проникавших в глубь страны речными путями и искавших в своих грабежах не

столько прямого завоевания и опустошения, сколько материалов для торговли. Вот почему, тогда как южные и восточные азиатские народности, нападая со степи на славянские земли, могли лишь разрушать их хозяйство и отодвигать его далее на север, но не проникать вглубь хозяйственной жизни, — северные варяжские завоеватели проникали в самую глубь славянской территории и хозяйственной жизни, ассимилируясь с нею и ассимилируя ее. Они ли сами дали туземцам-славянам имя («Русь») одного из своих племен, или, наоборот, ими самими было присвоено наименование одного из местных славянских племен, как бы то ни было, здесь видна полная ассимиляция победителей и побежденных под одним именем, с одним хозяйственным укладом, а впоследствии и с единым государственным устройством.

Но, конечно, для такой ассимиляции потребовался период в несколько столетий. Уже под 839 г., т. е. еще до легендарного, так называемого «призвания варягов», одна из латинских летописей рассказывает, что прибывшие в Костантинополь послы народа «Русь» не хотели возвращаться к себе прежней дорогой через степи, вследствие опасности от диких народов, появившихся в степях, почему были отправлены северным путем к германскому императору и здесь были признаны «свеонами» (шведами), т. е. по наименованию нашей летописи — «варягами». Таким образом, еще до окончательного закрепления единства приднепровских и новгородских славян в виде государства Руси было налицо хозяйственное проникновение завоевателей-варягов в экономический быт славян и местами полная ассимиляция этих народностей: недаром наша летопись говорит, что новгородцы были сначала славянами, а потом стали варягами.

Самый характер этих отношений и их развитие, от простых воинственных набегов до династического закрепления, ясно выясняется у нашего летописца, который говорит (под 859 г.), что вначале варяги, приходя из-за моря, брали с славянских и с финских племен дань «по белей веверице от дыма», но затем население изгнало их. Однако, вскоре же, по летописному рассказу (862 г.), прогнавшие варягов племена решают поискать себе «князя, иже бы володел нами и судил по праву». Призванные князья и стали «володеть», т. е. управлять и собирать дань уже не в виде грабежа, а «по праву», по условию. Так, воинственный Олег, завоевав чудь, мерю, весь, утвердившись там в городах, облагает данью подвластных ему словен, кривичей, мерю, а с Новгорода «ради мира» уста-

навливает дань в 300 гривен в год, которая платилась до смерти Ярослава [1]).

Наконец, с третьей стороны, с севера-востока, расселяющиеся славяне встретили в занимаемом ими волжско-окском районе туземные финские народности. Финские племена поселились в центре и на северо-востоке страны, в области Оки и верховьев Волги, еще до занятия территории славянами. Повидимому, именно они упоминаются еще у готских историков VI в. Под именами мери, веси, муромы, живущих по р. Оке, Москве и в районе озер, они упоминаются нашими летописями. Все они получили у нас общее название «чуди». С этими народностями славяне вошли в соприкосновение несколько позднее, когда, вытесняемые с юго-запада, они стали продвигаться на северо-восток. Эта встреча народностей имела то значение, что она совершенно не вызвала никаких завоевательных столкновений. Чудь, мордва, весь были совершенно ассимилированы славянами. Приэтом, если при ассимиляции славян с варягами-русью последние наложили резкие черты на направление хозяйственной жизни славян, влияние чуди на русских славян сказалось скорее на бытовых, этнографических, даже лингвистических сторонах, чем на хозяйственных. Так же, как и шедшее сюда славянское население, и сама чудь занималась преимущественно земледелием. Так как самый этот угол между Окою и Волгою, где исторические судьбы столкнули эти две народности, представлял далекое от торговых путей захолустье, то все это придало преобладающий земледельческий и хлебопашеский характер населению. Того расцвета торгового богатства, какое имела Киевская Русь, здесь не получилось.

Наконец, далее, на крайнем севере и северо-востоке, обитали также мирные аборигены страны: на обширном севере — финны, на северо-востоке — болгары. Те и другие представляли к тому времени высококультурные народности, с развитой торговлей и с более или менее прочно сложившимся общественно-государственным строем. Северное государство корел — Биармия — вело оживленную торговлю пушными товарами, славилось своим богатством и вместе с Булгарским царством, с его столицей Булгар на Волге (недалеко от впадения Камы), было повидимому одним из посредников в развитии хозарско-славянской торговли. Торговое влияние этих народностей можно заметить, напр., в заимствовании древне-славя-

[1]) Лаврентьевский список, 882 г.

нами своей счетной денежной единицы «ногаты» от корельской noha — беличья шкурка, которая у корел являлась денежной единицей. И эти народности, в особенности болгары, были ассимилированы славянством, особенно после того как пало хозарское царство, а вместе с тем и торговое значение Булгар и Биармии.

Таковы разрушающие, созидающие и ассимилирующие влияния тех народностей, с которыми встречались славяне при занятии ими восточной равнины. Они неодинаковым образом проявлялись в определении дальнейшего направления и судеб развития народного хозяйства славян.

С северо-запада восточное славянство получало стимулирующие хозяйственные влияния, вовлекавшие его в торговлю, в мировой оборот с западом и с востоком, быстро разлагавшие первобытное натуральное общество, усиливавшие возникновение в нем имущественного неравенства. Наоборот, влияние азиатского степного юго-востока оттесняло славянство от этих мировых путей, от мировой торговли, от выходов к морю, гнало его в лесные захолустья, где хозяйственная жизнь создавалась в упорной и продолжительной борьбе, гораздо более медленным темпом, обусловливая необходимость сохранения первобытных коллективных форм быта.

Первобытный хозяйственный строй

Третьим моментом, обусловившим первоначальные формы народно-хозяйственного строительства восточных славян на колонизуемой ими равнине, явились те хозяйственно-общественные формы, которые они принесли с собой из прежней своей родины и которые были положены ими в основу нового своего хозяйства, хотя бы и измененные под влиянием новых условий, отмеченных нами.

Общеславянская лингвистика доказывает, что земледелие было, во всяком случае, хорошо известно славянам еще до их расселения. *Жито* — общеславянское слово (от слова жить), обозначающее хлеб, служащий главным предметом пропитания, у западных и восточных славян — рожь, у южных — пшеница. Отдельные хлеба: рожь, овес, пшеница, — также не только общеславянского, но и праевропейского происхождения. Такое же значение имеют сельскохозяйственные термины — *пахать* (орати), *плуг, серп, рало* (орало), *семя* и др. Общеславянскими являются *роля* (пашня), *ляда, целина, угоръ* (перелог), *борозда, жатва, коса, грабли, снопъ, сито, мотыга, лопата.* Вообще лексикон общеславянских (а иногда и праевропейских) слов обнимает почти все главные понятия при-

митивного земледелия. Все это показывает, что земледелие вообще, и в частности хлебопашество, было не только хорошо известно, но, повидимому, и широко распространено у славян еще до их расселения.

Кроме лексикона чисто земледельских слов, праславянский язык достаточно богат и скотоводческими терминами. *Бык, вол, корова, теленок, свинья, баран,* т. е. названия всех домашних животных, праславянского, некоторые даже праевропейского происхождения. Сюда же относятся и многие термины производства, выделки и обработки животных продуктов, как *молоко, сыр, масло* и проч.

Наконец, все главные термины бортничества *(пчела, улей, трутень* и др.), а также охоты и рыбной ловли (*ловити, сеть, невод* и др.) также праславянского происхождения.

Таким образом, все эти указания подтверждают, что славянство еще до своего переселения на восток занималось как хлебопашеством и скотоводством, так охотой и бортничеством. Понятно, что оставив Карпаты и поселившись вдоль северной границы восточной степи и все более углубляясь в лес, в болота, на север, славяне продолжают здесь то же хозяйство, к которому они привыкли в своей прародине, на Дунае, но уже с теми изменениями, которые обусловлены новой обстановкой.

Окончательно потеряв свою родовую связь, расселяясь мелкими поселениями и единичными дворами, производя среди лесов свои хозяйственные заимки, славяне, которые и раньше на Дунае занимались земледелием, не могли превратиться здесь в кочующих охотников или звероловов. Но самый характер земледельческой культуры был обусловлен новыми природными условиями. Земледелие и хлебопашество могли вестись в виде первобытной (в лесах подсечной или залежной в степи), подвижной, меняющей место, системы. Имелись, конечно, и другие занятия — звероловство, бортничество, охота, лесные промыслы. И трудно сказать, какое занятие представлялось наиболее распространенным. Очевидно, что это в значительной мере зависело от характера местности. На севере и в лесах преобладали лесные промыслы, на юге — земледельческие.

Во всяком случае, даже самые ранние известия иностранных писателей о приднепровских славянах говорят о них, как о народе, занимающемся хлебопашеством. Так, византийский император Маврикий пишет (в середине VI в.) о славянах, что у них «бесчисленное множество всяческих плодов, сложенных кучами, и больше всего

проса». О хозяйстве славян говорит также арабский писатель Ибн-Даста (средина X столетия), свидетельство которого интересно именно тем, что оно может быть истолковано как указание на переложно-подсечную систему земледелия у славян. «Страна славян ровная и лесистая,— говорит он,— они не имеют ни виноградников, ни пашен... Они пасут свиней на подобие овец... Более всего они сеют проса». Сопоставление указаний, что славяне не имеют пашен и что они в то же время сеют просо, может быть истолковано лишь в том смысле, что они не имели постоянных пашен, а сеяли просо каждый год в разных местах. Во всяком случае, в том же веке и наша летопись упоминает, что древляне во времена Ольги «делают нивы своя и земле своя» [1]).

Возделывание земли среди лесов и степных новей требовало, конечно, тяжелых и сравнительно усовершенствованных орудий, вот почему наиболее древним земледельческим орудием у славян и является плуг — «рало». Пахали землю лошадьми и волами, упоминание о которых в качестве земледельческого рабочего скота имеется в ранние же годы летописных известий (напр., известные слова Мономаха о смерде, который пашет свою «ролю» (пашню) лошадью) [2]).

Значение охоты и лесных промыслов

Конечно, лес давал еще больше, чем земля, форм и способов приложения труда. Лес давал возможность заниматься охотой и звероловством на ценных пушных зверей, водившихся в них в изобилии, бортничеством, т. е. пчеловодством, и другими лесными промыслами.

Наиболее культурное славянское племя—поляне—занималось охотой. Основатели Киева, города полян, Кий с братьями «бяху ловяща зверь», т. е. были звероловами [3]). Среди более северных племен звероловство, конечно, было распространено еще значительнее. Лес доставлял наиболее ценные продукты — меха, воск, мед. Вот почему среди летописных известий о торговле и торговых договорах, о завоеваниях и дани мы всегда встречаем упоминание об этих продуктах лесных промыслов. Северяне платят хозарам дань по белке с дыма, древляне Олегу — по «черной куне» (кунице) [4]); древляне же обещают Олегу дань «медом и скорою», т. е. медом и мехами [5]). В то же время эти же продукты упоминаются как главные продукты

---

[1]) Лаврентьевский список, 946 г.
[2]) Там же, 1032 г.
[3]) Там же, изд. Археограф. ком., стр. 8—9.
[4]) Там же, 883 г.
[5]) Там же, 946 г.

торговли и товарообмена Руси с иностранными государствами. Об этом говорит, напр., арабский писатель IX в., по словам которого русские вывозят из своей страны меха выдр и черных лисиц. Святослав, желая переселиться на Дунай, указывает, что из Руси вывозится туда «скора и воск, мед и челядь»[1]). Теми же продуктами — «скорою, челядью и воском» одаривает Игорь греческих послов[2]). Наконец, для положения лесных промыслов характерно известие летописи, что Ольга, победивши древлян, стала устраивать в их земле, а затем в Новгороде, «становища и ловища» и «перевесища», т. е. приспособления для ловли зверей и птиц[3]). Другими словами, охота во времена Ольги являлась как бы уже особой отраслью княжеского хозяйства и управления в завоеванных землях.

Сопоставляя эти данные, можно подметить следующее характерное обстоятельство. Мы имеем, с одной стороны, совершенно ясные и несомненно достоверные указания на земледельческий характер первобытного славянского хозяйства. Оно именно является об'ектом обложения данью («рало»). С другой стороны, самое обложение исчислялось и выполнялось продуктами не земледельческого или скотоводческого хозяйства, а охотничьего, лесного и бортного промыслов. Именно охота, звероловство, бортничество давали продукты, шедшие, главным образом, для уплаты дани, для торговли, в руки князей, дружинников, гостей. Это — модернизируя термины и понятия — была так сказать, «товарная часть» первобытного хозяйства страны, в основе своей натурального и земледельческого. Поэтому понятно, что продукты собственно земледельческого хозяйства и не упоминаются нигде ни в качестве дани, ни в качестве предмета вывозной торговли. Это и создавало у многих историков впечатление, с одной стороны, о почти исключительно охотничье-звероловном характере первобытного славянского хозяйства, а с другой — о глубоком проникновении в это хозяйство торговли. Ни того, ни другого в действительности не было. Весь быт примитивного славянского хозяйства свидетельствует, что преобладающей отраслью его было земледелие, так как только этими продуктами земледелия и скотоводства могло обеспечить себя натуральное хозяйство на той ступени культуры, которая имелась в то время.

---

[1]) Лаврентьевский сп., 969 г.

[2]) Там же, 945 г.

[3]) Там же, 946 и 947 гг.

Натуральный характер хозяйства

Внутренний строй хозяйственной единицы того времени,— двора, семьи,— был в основе своей самоудовлетворяющим и как таковой должен был производить главным образом продукты земледелия и скотоводства, необходимые для жизни, т. е. для пищи, одежды, жилища. Лингвистические и археологические данные показывают, что преобладающей пищей у славян была растительная пища. Об этом свидетельствуют еще многочисленные праславянские слова, обозначающие предметы питания растительного происхождения, как: *жито, брашно* (мука и вообще пища), *тесто, хлеб, каша*, вместе с тем *печь, варить* и др. В то же время в археологических раскопках остатков тризн и жертвоприношений находят хлебные зерна, лепешки и др. Повидимому, также относятся к общеславянской эпохе и несколько более позднего происхождения слова, обозначающие переработку продуктов скотоводства — *молоко, молозиво, сыр, творог,* и др.; основной продукт — *мясо* — также древнего общеславянского происхождения. При археологических раскопках часто встречаются кости домашних животных, преимущественно мелких — баранов, свиней («пасут свиней, как овец», — говорит про славян Ибн-Даста), даже домашних птиц.

Предметы одежды, которые должны были получаться в том же хозяйстве, также свидетельствуют о развитии сельского хозяйства в двух главных отраслях — земледелии и скотоводстве. Общеславянский лексикон одежды *(свита, плахта, опанча, сукня, портки)* и кожаной обуви и одежды *(кожух, черевики, пояс, плащ)* показывают, что одежда делалась из домотканых тканей и вообще из материалов растительного или животного происхождения. Арабские и византийские писатели (Ибн-Даста, Джайгали, Прокопий) описывают простую одежду славян, состоящую из простых, широких шаровар, куртки, свитки, чулок («копытцы») и сапог — все, конечно, домашнего происхождения. Никаких шелков, серебряных запястий, золотых шнуров, меховых оторочек, как это встречается впоследствии в одежде князей и богатых людей, у простых людей, конечно, не было. Теплая одежда из меха была необходима по климатическим условиям для всех, но опять-таки у простых людей в обычном обиходе она делалась, конечно, не из соболей и чернобурых лисиц, а скорее из овчины и других простых домашних мехов.

Таким образом, сельское хозяйство в широком смысле слова, т. е. земледелие (возделывание хлебов, волокнистых растений) и скотоводство, давало главные продукты, безусловно необходимые для

жизни массы населения — пищу и одежду. Обработка этих продуктов, в виде первобытного ремесла в недрах натурального хозяйства, была довольно развита. Об этом также свидетельствует довольно развитой лексикон праславянских слов, относящихся к этим предметам. Здесь мы имеем такие общеславянские термины, как *шкура* (кожа невыделанная), *усние* (кожа выделанная), *черевий* (обувь), *тканъ, нитъ, куделъ, сукно*, т. е. все предметы переработки волокнистых растений, шерсти, кожи преимущественно для одежды. Далее ряд изделий хозяйственного обихода, как *чолн, ладья, долото, тесла* (топор), *бочка, жбан, корыто* и проч. Все это, конечно, изготовлялось в пределах хозяйства из имеющегося на месте сельскохозяйственного сырья или из леса для собственных надобностей. Из других продуктов лесного и бортного промысла на личное употребление шел, вероятно, частично мед, в особенности для приготовления напитка. Из леса выделывались предметы домашнего обихода — колеса, ведра, бочки, ложки, скамьи. Большая часть других продуктов леса (ценные меха, воск) шла как дань завоевателям или на обмен, для покупки предметов, без которых не могло обойтись и самое примитивное хозяйство, в особенности изделий и инструментов из металла.

Таким образом, славянство пришло на территорию восточной Европы уже оседло-земледельческим народом, хорошо знавшим все современные приемы как земледельческо-скотоводческого хозяйства, так и примитивной обработки сельскохозяйственных продуктов. В новых условиях восточные славяне должны были начать с тех же, знакомых им форм примитивно-земледельческого хозяйства, хотя под влиянием некоторых новых моментов и условий они стали довольно быстро видоизменять их.

Распадение родового быта.

Другим важным моментом, обусловившим дальнейшее развитие первобытного славянского хозяйства, явились собственно бытовые условия и формы, которые славянство принесло с собою в восточную Европу; сохранив их от доисторических периодов своей жизни, оно стало особенно быстро менять их на новой своей родине.

Исторические данные позволяют предполагать, что на своей прародине, на Карпатах, славяне жили родовым бытом, т. е. что основной их общественной организацией являлся первобытный родовой союз родичей. Общеславянская лингвистика показывает, что слова: *род, племя, воевода* — общие для всех славянских языков. Это свидетельствует, что эти понятия были присущи всем славянам еще

до их расселения. Каждый род управлялся старейшинами, иногда, в случае войны (а это случалось часто), получавшими значение и роль предводителей, князей, царьков. Военная организация должна была распатывать родовую, так как последняя предполагала первобытную и общую организацию родичей, сидевших большей частью плотной массой на какой-нибудь территории, а военные союзы предполагали сложную, интегральную организацию из дружинников отдельных родов, иногда ничем, кроме войны, друг с другом не связанных. Такие военные организации, повидимому, иногда и возникали (как приведенное выше известие о царе дулебов, управлявшем всеми славянскими племенами), но в мирное время они, повидимому, распадались, уступая место чисто родовым.

Так как отступление славян с Карпат на восток шло под военным давлением, то можно думать, что эта военная организация побеждала родовую уже при заселении восточной территории. Хотя это отступление славян не было столь паническим, как это было впоследствии при отступлении с Днепра, под давлением половцев, когда население бежало и рассеивалось, однако при колонизации новой страны все же трудно было сохранить в неприкосновенности компактные массы родов и занимать сплошные территории одним родом. Правда, наша летопись описывает порядок заселения территории отдельными славянскими племенами (поляне, древляне, северяне, вятичи и др.), подчеркивая, что эти племена «живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим» [1]). Но эти роды повидимому уже не были чистыми первобытными кровно-родовыми крупными союзами, а скорее хозяйственно-территориальными об'единениями. Хотя вероятно, что первобытное переселение славян происходило целыми родами, когда поднималась и покидала страну целая масса населения со сплошной территории, тем не менее в дальнейшем трудно было сохранить единство и неприкосновенность этого родового начала. Самый характер страны, лесной и болотистый, с небольшими, относительно, пространствами готовой к занятию земли, характер лесной жизни и лесных промыслов, заселение небольшими территориями по берегам рек, — все это рассеивало прежде компактные массы обширных родов и ставило вместо них более мелкую единицу — двор.

---

[1]) Лаврентьевский сп., стр. 8.

Первобытный двор.

При заселении славянами восточной равнины основной хозяйственной ячейкой их становится уже не род, а двор, по древней терминологии «дворище», «печище». Это не был, или во всяком случае мог не быть, кровный союз в виде семьи. Семейный «задружный» строй, распространенный у южных и западных славян, у нас, повидимому, не имел места, да и понятно почему. При занятии новой территории, среди враждебных народностей, с природой, трудно поддающейся усилиям хозяйственной обработки, в основу общежития должен быть положен трудовой союз, т. е. сочетание возможно более подходящих трудовых элементов, хотя бы и без семейных связей. В основе этого союза, конечно, могла лежать и семья. Но ее состав не всегда был благоприятен для хозяйства с точки зрения трудовых возможностей, почему она легко могла пополняться посторонними трудовыми силами. Количественный состав такой хозяйственной единицы — двора — должен быть также достаточно значительным, вследствии трудности обработки тяжелой почвы, борьбы с природой и с врагами.

Материальными остатками таких «дворищ» служат встречающиеся до сих пор повсеместно, в особенности в Приднепровьи, относящиеся, судя по раскопкам, еще к языческому периоду славянства, так называемые «городища», остатки небольших, обнесенных валом, укрепленных, «огороженных» мест, размерами часто не превышающих одиночный двор. Такие дворы строились на небольшом расстоянии (4—8 верст) друг от друга, могли иметь между собой некоторые хозяйственные и общественные связи, но в целом представляли из себя самостоятельную хозяйственную единицу. Летописец, передавая предание об основании Киева, ясно воспроизводит нам картину такого первоначального древнего двора или городища. Указав, что поляне «живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим», летописец приводит в двух вариантах рассказ о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве — и сестре их Лыбеди, которые, «седяще на горе», вначале раздельно, затем «створиша град», т. е. основали одно «городище». По другому варианту, раньше тот же Кий хотел сделать то же на Дунае: «взлюби место и сруби градок мал и хотяще сести с родом своим» [1]).

Таким образом этот «градок мал», городище, которое делалось «для рода своего» на занимаемой земле, включало в данном случае всего небольшую семью из четырех человек. Иногда такое дворище

[1]) Лаврентьевский сп. Археограф. ком., стр. 9.

могло представлять из себя действительно один двор и одну большую избу, вроде тех, которые до сих пор сохранились на крайнем севере, в Архангельской губернии. В других случаях, при дальнейшем росте, дворище могло представлять из себя иногда довольно крупную, иногда в несколько десятков лиц рабочего состава, коллективистическую хозяйственную единицу, которая совместно занимала землю, ее обрабатывала, корчевала, освобождала от леса, на ней охотилась, занималась промыслами, считала «своей», защищала ее и т. д. Поэтому в состав «дворища», как единой, но сложной хозяйственной организации, входит обыкновенно все первобытное, коллективистическое хозяйство со всеми его отраслями: «с полями, с сеножатьми, с лесами и борами, с деревом бортным, с реками и озерами, с гатями и с лазами, с ловами рыбными и пташими».

Насколько в организации дворища преобладали хозяйственные интересы и нужды, показывает тот факт, что дворище могло образоваться по «складству», в складчину, т. е. по договору, иногда на определенный срок. Очевидно, что рабочей силы одной семьи или одного рабочего было недостаточно для обоснования хозяйства — для корчевки леса, выжигания пашни и т. п., почему эти хозяйственные работы организовывались в складчину. До их завершения эти складчики жили одним двором, а затем могли расходиться и на расчищенной из-под леса пашне организовать свои отдельные хозяйства.

Земельные отношения. При описанных хозяйственных отношениях нет возможности, конечно, говорить о каких-либо устойчивых и определенных формах земельных отношений и владения землею. Территория, занятая племенем, двором, городом, считалась им принадлежащей. В основе этого права на землю лежал простой факт занятия, захвата. Род имел право защищать свою территорию от всякого «чужака», иноплеменника. Летописец рассказывает об убийстве Олегом древлянским Люта, сына киевского воеводы Свенельда, за то, что тот, охотясь в лесу за зверем, забежал в деревскую землю [1]). Следовательно, даже охота в чужих лесах преследовалась. Но, конечно, никаких точных границ племенных владений не было, а кроме того, завоевание, повидимому, открывало для завоевателей право не только на дань с покоренного племени, но и на использование завоеванной земли: по этому праву завоевания Ольга устанавливает в древлянской и новгородской земле свои

[1]) Лаврентьевский сп., 975 г.

«становища, ловища и перевесища» [1]), т. е. устраивает свои княжеские охотничьи промыслы.

Внутри каждого племени пользованье землей отдельного двора определялось также заимкой, расчисткой, использованьем для охоты или бортничества. Для последнего, напр., требовалось сделать на бортном дереве (т. е. на дереве, в дупле которого водились пчелы) «знамя», т. е. знак принадлежности его кому-либо. Но, понятно, что все эти заимки, захваты и знаки имели мало значения и могли поддерживаться лишь силой самих участников. Только гораздо позднее эти знаки трудовой заимки получили санкцию закона [2]). Дальнейшее развитие первичной ячейки поселения было повидимому различно. Иногда двор, устроенный родоначальником семьи и рода, развивался в первобытный «город», как это имеется в приведенном рассказе о Киеве. Иногда он являлся лишь начальным пунктом заселения страны вообще, без образования города. Так, тот же летописец, продолжая рассказ о занятии территории другими племенами, называет города Смоленск, Новгород, Белозеро и др., времени возникновения которых он не помнит. И здесь же он рассказывает о двух братьях, Радиме и Вятко, которые, так же как Кий с братьями, поселились со своими родами и дали начало радимичам и вятичам, но жили они в лесах, в «звериньском», диком состоянии, и не в городах, а в «селах» [3]).

На юге у полян, как у племени, с одной стороны, более культурного, а с другой — жившего в более близком соседстве с дикими кочевниками, «город», как форма укрепленного поселения, стал, повидимому, более рано и в большей степени получать широкое распространение. По крайней мере археологические остатки указывают на многочисленные «городища» в пределах теперешней Киевской (435) и Волынской губ. (348), причем большинство их относится к древнейшему до-княжескому периоду. Поэтому первые князьки-варяги «садятся» в имевшихся уже городах — Новгороде, Белозере, Изборске, а затем раздают своим «мужам» города Полоцк, Ростов, Муром, как городские центры различных племен, и завоевывают другие такие же областные племенные города.

Немудрено поэтому, что еще первые варяжские пришельцы называли славянские земли «страною городов» (Gardariki). Но это не были города не только в нашем, но и в более раннем

[1]) Лаврентьевский сп., 946 и 947 гг.

[2]) Русская правда, Академический список, 3; Троицкий сп., 64.—66.

[3]) Лаврентьевский сп., стр. 13.

смысле X—XII вв. Даже в тех случаях, когда они представляли из себя большую «огороженную» и защищенную территорию в несколько десятин, они все же были лишь местом защиты и временного пребывания населения, жившего по своим «дворищам» и «печищам», и в обычное время оставались пустыми.

Возникновение междуселенных связей и обмена.

Таким образом, двор, село, город одинаково являлись первобытными формами заселения и освоения территории, но крупных различий между ними первоначально не было. Все это были первые материальные ячейки первобытной хозяйственной организации, все они имели в основе своей единый, более или менее крупный хозяйственно-трудовой коллектив, об'единяющий несложные отрасли тогдашнего натурального хозяйства. Это была та же хозяйственная организация, которая известна в истории экономического быта Запада, правда, вначале, повидимому, менее сложная и развитая, соответственно большей примитивности общехозяйственной жизни. Первоначально «село» не являлось большим скоплением дворов, а лишь поселением отдельной семьи и обозначало известную территорию и хозяйственные угодия, занятые этой семьей.

Общественная связь между такими селами и дворищами первоначально была слабая; она ограничивалась, как сказано выше, более или менее случайными общениями бытового и религиозного характера. Хозяйственной связи между всей территорией дворищ не было. Самое расселение отдельными дворами обусловливалось невозможностью при данных условиях вести слишком большое крупное общее хозяйство. Поэтому собственно и земельной общинной связи между многими дворами не могло быть. Общинно-земельные связи могли касаться лишь некоторых неопределяемых угодий, невозделанных земель. Более значительной была связь не хозяйственного характера, а вызываемая, напр., необходимостью выбора каких-либо общих властей, старейшин, регулирования некоторых договорных отношений между дворами и т. д. Таковы, напр., связи между членами «верви», которые сохраняются еще в Русской Правде: члены верви ручаются за своих членов и отвечают по договорам за их преступления и проч.[1]). «Вервь» возникла таким образом, повидимому, в результате родового занятия территории, и представляла собой частью общественную самоуправляющуюся организацию, частью хозяйственную организацию, регулирующую

[1]) Русская правда, Троицкий список, статья 3.

пользование землею на определенной территории, санкционирующую известные права на нее и проч. Но даже если полагать, что вервь возникла из первобытного рода, все же нужно помнить, что к периоду письменных памятников она уже почти совершенно, повидимому, потеряла родовую основу и превратилась в территориальную хозяйственно-земельную самоуправляющуюся единицу, об'единяющую живущих на территории лиц. Наличность такой формы заселения территории и характер общественных связей обусловливают в дальнейшем преобладающий «сельский» и натуральный характер хозяйства, возникновение общинного землепользования и т. д.

Первобытный город.

Несколько иной характер получает хозяйственное и общественное развитие в тех случаях, когда, в процессе первобытного занятия территории, некоторые отдельные населенные пункты по каким-либо причинам — по удобству положения для религиозного общения, для обмена, для защиты от врагов — выдвигаются по своему значению. Еще в тот период, когда, по описанию летописца, некоторые из славянских племен жили в лесах «звериньским образом», они сходились на «игрища межю селы», где совершались языческие религиозные обряды, умыкались жены, приносились жертвоприношения и т. п. Здесь же, очевидно, возникал и примитивный торг жертвенными животными напитками, с'естными припасами. Охотники и звероловы обменивали ту или иную свою добычу на оружие, на другие припасы и т. п. Так возникала примитивная «гостьба», т. е. торговля, а самые пункты получили название *погостов*. Позднее, при увеличении населения и сгущении его в более крупные поселки, такие места превращались в *города*, где новые формы хозяйственной деятельности, в виде торга и примитивных ремесел, возникали не случайно и временно, как на игрищах, а превращались уже в постоянные.

Понятно, что в более удобно расположенных пунктах, прежде всего по берегам рек, район тяготения к таким «городам» становился более обширным, и влияние «городов» на окружающие деревни и дворища увеличивалось. Мелкие села и городища тяготели к более крупным, настоящим городам. Крупные города становились центрами целого племени, а вместе с тем и местопребыванием племенных князьков. Они приобретали торговое значение, которое расширялось далеко за пределы небольшой территории соседних племен, а самые города превращались в крупные торговые центры. Естественно по-

этому, что главнейшие города еще чисто славянского происхождения, которые летопись знает уже в виде более или менее крупных торговых пунктов, сосредоточивались на главнейшей водной артерии — Волхов-Днепр. И чем более от времени хозар до варягов и Киева оживлялся торговый оборот на этих пунктах, тем более возвышалось значение этих городов. Торговая предприимчивость, занесенная к славянам варягами-руссами, послужила, повидимому, особенно сильным толчком для укрепления и развития торгового значения многих славянских городов. Конечно, не все города имели в основе своего возникновения торговлю, гостьбу. Иногда, в более поздний княжеский период, города возникали по соображениям военно-административным, как места для защиты населения от набегов кочевников и др. врагов. Вот почему уже в первые же годы летописных известий о варягах-князьях встречаются указания, что варяжские князья начинают «городы ставити» и «погосты» [1]) как по военным соображениям, так и в целях развития торговли. Но во всяком случае, образование первых городов получило начало еще в до-варяжский период, как результат распадения родового быта и образования, вместо родовых и племенных связей, территориально-хозяйственных. Поэтому, напр., городские области почти никогда не включали территорию и население одного племени; и обратно — отдельные племена почти никогда не принадлежали к одной городской области, хотя большею частью и давали ей преобладающий племенной состав. Одной из наиболее единых городских областей была Киевская — центр полян, но в нее входили и значительная часть древлян с городом Искоростенем, и часть дреговичей с городом Туровом. Старый город Смоленск соединял в своей области часть кривичей и радимичей и т. п. В то же время завоевание города означало вместе с тем и завоевание и покорение всей области. Город из прежних «городищ», об'единяющих хозяйственно лишь одну семью, превращался в сложное общественно-хозяйственное целое, с особым составом населения, с особыми хозяйственными нуждами и стремлениями, с особым влиянием на окрестные более мелкие дворища, села и городища.

Возникновение влиятельного города среди таких дворищ и сел значительно меняло хозяйственные условия и их хозяйственные связи. Первоначально первобытный город и городская община, повидимому, мало разнились по характеру своих общественных свя-

[1]) Лаврентьевский сп., 882 г. и 947 г.

зей от сельской общины, от верви. Городская община являлась лишь продолжением развития сельской общины, от которой она постепенно отпочковалась. И здесь также городища и города, много раньше, чем они приобрели характер княжеских административных центров, имели своих «старцев градских», т. е. старейшин тех дворищ, которые тяготели к городу.

Но, отпочковавшись от сельской общины, город и городская община становятся на совершенно новый путь развития. Чем в более благоприятных географических, торговых, военных, условиях находился город, чем более он возвышался, тем более он вносил дифференциации и разложения в первобытный строй, тем более терялось его племенное значение, заменяясь чисто территориальным. К крупному городу начинали тяготеть не одно племя, а несколько, или, наоборот, одно племя разбивалось между разными городами. Так, не имевшие своих городов древляне «тянут» к городу полян — Киеву, радимичи — к Чернигову, и, наоборот, северяне разделились между Черниговом и Переяславлем, кривичи — между Смоленском и Полоцком. Таким образом, связанный в своем происхождении с первобытной хозяйственно-коллективной ячейкой — двором, печищем, город в первобытном хозяйстве первоначально носит преобладающие черты своей хозяйственной ячейки — «городища», но скоро начинает перерастать такое значение, превращаясь постепенно в элемент разложения первобытного натурального хозяйства и превращения его в зачаточное «общественное» хозяйство, с более или менее ясно намечающейся его дифференциацией.

Общественная организация и ее дифференцирование

Ясно, что те хозяйственно-территориальные связи, выражением которых становились крупные города, вместо прежних семейных связей дворища, должны были создать в них и особый класс людей, выделявшихся из массы областного, т. е. не городского, земледельческого и охотничьего населения. Город, в особенности если он имел однообразный племенной состав области, являлся местопребыванием племенных князьков и управителей (Мал у древлян; Ходата у вятичей и др.). Город же создавал и примитивную общественную организацию горожан — вече, которое распоряжалось судьбами города и области, призывая к себе на договорных условиях защитников — варягов, или прогоняя их. Поэтому, когда эти наемные защитники, воруженные купцы, превратились из наемников в политических властителей, они нашли себе именно в городах тот родственный им социальный и экономический класс, на который они

опирались и который создал, в сущности, возможность превращения таких наемников-воинов в князей-купцов.

Славянские «гости» и жители городов — и они прежде всего — были заинтересованы в варяжской защите своих городов, торговых складов, торговых путей. Поскольку славяне были втянуты в торговлю еще в арабско-хозарский, до-княжеский период, поскольку в ту же эпоху образовались уже города и зачатки торгово-городских классов общества, постольку и собственно славянский туземный элемент должен был участвовать в торговых предприятиях и в походах варягов-руси. Эти славянские элементы весьма рано стали пополнять кадры военных и торговых дружин руси. Так, например, если принять во внимание, что в походе Олега в 907 г. в Константинополь принимало участие до 80 тыс. человек, нужно думать, что эта армия в значительной части своей была наполнена чисто славянским туземным элементом, а не только состояла из «руси», т. е. из варягов.

Военно-торговая организация княжеских дружин и торговых ватаг слилась таким образом с соответствующими классами славянского населения древних городов, так как организация этих городов постепенно стала носить также в значительной степени военно-торговый характер. Городские тысяцкие, сотники, десятские составляли военный и правящий городской класс; это — так называемые «старцы градские», т. е. выборные городские власти, близко стоящие к княжеской дружине и участвующие в то же время в их военно-торговых операциях. Но все же эти туземные высшие классы, повидимому, не так скоро ассимилировались с военно-торговой дружиной варягов-руси в качестве политически руководящего класса. Так, ни в договоре Олега 912 г., ни в договоре Игоря 945 г. среди послов и гостей, которые от имени русского князя заключают договор, нет почти ни одного славянского имени, и все эти «сли и гостье» были явно варяжского происхождения. Поэтому можно думать, что княжеская дружина, составлявшая верхушку военного иноземного купечества, долгое время, еще до X — XI в., сохраняла свой иноземный характер, сравнительно мало ассимилируя в себе туземное купечество и городское население и стоя сравнительно далеко от собственно производственных основ туземного хозяйства. Тем не менее в тех группах славянского городского и торгового населения, которые стали выделяться еще при господстве первобытного хозяйства, пришлые завоеватели-торговцы нашли себе родственные социально-экономические элементы. Полити-

ческое и военное завоевание и образование на его почве государства могло иметь место и успех только потому, что для такого политического и экономического господства завоевателей была уже достаточно подготовлена почва экономическая и имелись соответствующие экономические элементы.

Рабовладение. Таким основным элементом разложения первобытно-коммунистического хозяйства являлось рабовладение. Городское туземное славянское население, повидимому, еще издавна выделило такой привилегированный класс, для которого рабовладение получило производственную связь с первобытным хозяйством. В «Русской Правде» [1]) упоминается древне-славянский привилегированный класс «огнищан», которые, повидимому, занимали такое же положение, как впоследствии «княжьи мужи», бояре, т. е. княжеская дружина и высшие землевладельческие классы. «Огнищане» были тем высшим классом туземного происхождения, экономическая основа которого лежала не только в торговле, но и в землевладении. «Огнище» означало домашний очаг, как и «печище», а вместе с тем вообще дом, хозяйство, — наконец, домашнюю челядь. Понятие «огнищанина» связалось, таким образом, с самостоятельным хозяйством, притом с хозяйством крупным, ведущимся с помощью челяди, рабов. Таким образом, если в огнищанине видеть наиболее древний, до-варяжский, туземный высший владельческий класс, то очевидно, что экономической основой его существования первоначально являлось землевладение и рабовладение, т. е. хозяйство, ведущееся на основе рабовладения.

Ассимиляция этого класса с пришлым военно-торговым классом шла, с одной стороны, в направлении превращения этого землевладельца-рабовладельца в купца, а с другой стороны — в направлении превращения варяга-воина и купца — в землевладельца. Но этот последний процесс относится уже к более позднему периоду, когда первобытное хозяйство дошло уже до значительной степени разложения, и когда уже ясно стали обнаруживаться элементы нового хозяйственного строя. В первобытном хозяйстве хозяйственная эксплоатация раба могла находить сравнительно не широкое распространение. Раб представлял большую ценность не как орудие производства, а как товар и предмет торговли. Поэтому огнищане, как наиболее древний славянский производительный рабовладельческий класс, не дают глубоких и жизненных ростков в тогдашнем

[1]) Академический сп., статьи 18, 19, 20, 32.

обществе, перерождаясь в какие-то другие общественные группы. И наоборот, пришлый класс торговцев-воинов, который, по словам арабских писателей, не имел ни пашен, ни деревень и занимался исключительно войной и торговлей, — быстро приобретает руководящее хозяйственное значение.

Торговля.

Таким образом, моментом, разлагавшим первобытное хозяйство и усиливавшим имевшееся в нем общественное неравенство и хозяйственное подчинение, явилась возможность вовлечения этого хозяйства в широкое междухозяйственное общение, в торговлю вообще и особенно во «внешнюю» торговлю. И вот почему в этот период первобытного хозяйства, несмотря на его «натуральный» характер, торговый обмен, торговля получила то решающее значение, о котором говорят и археологические раскопки, и летопись, и сказания арабских писателей.

Археологические данные, действительно, говорят о чрезвычайно широком распространении и весьма древнем происхождении торговли на восточно-славянской территории. Многочисленные клады римских и арабских монет I — III вв. нашей эры и некоторых ценных предметов тогдашнего торгового оборота, рассеянные в изобилии по всей территории, начиная от Кавказа, Крыма, Приднепровья до Новгорода, Оки и Камы, а также раскопки южных греческих колоний свидетельствуют о широком распространении здесь еще дославянской торговли. Славянская эпоха, начиная с VIII в., продолжала торговое развитие страны, главным образом, в виде транзитно-посреднической торговли между дальним арабским востоком, через ближайших соседей своих хозар, с Византией и европейским северо-западом. Арабский период торговли, расцвет которого приходится на VIII—IX в., продолжался и до конца X в. Это была собственно транзитная торговля, шедшая совершенно мимо хозяйства и его не затрагивавшая.

Но уже с IX в. русская торговля начинает приобретать несколько иное и более самостоятельное значение, не только как транзитно-передаточная, идущая на запад, но как самостоятельная торговля с Византией. Если транзитная торговля шла совершенно мимо первобытного натурального хозяйства, то новое направление торговли с IX в. уже вклинивалось в это хозяйство. Эта связь все же была, впрочем, чисто внешней. Торговля-грабеж только отнимала часть продуктов от хозяйства, но все еще не затрагивала его натуральных производственных основ. Но все же тем не менее эта торговля стала

служить важным моментом, постепенно расшатывавшим и разрушавшим это хозяйство.

Древнейшим путем арабской торговли, проходившим через древнюю Русь, был путь из Азии и от Каспийского моря через Волгу, волоком до Ладоги и Западной Двины и по Балтийскому морю до крайнего западного пункта арабской торговли — острова Готланда на Балтийском море. О значении этого конечного пункта арабской торговли говорят обширнейшие клады как арабских монет, найденных здесь, так и монет западных народностей (англо-саксов), очевидно соприкасавшихся здесь с арабами. Кроме того, в это же время Готланд был значительным пунктом и для византийской торговли. Через этот же путь, с западного его конца, проникали на славянскую территорию торгово-разбойничьи ватаги нормано-шведов. Как купцы VIII — X вв., они шли сюда одинаково и с целями торговли, и с целями грабежа. Грабеж и завоевание являлись источником для торговли, торговля дополняла грабеж. С востока они получали шелк, серебряные изделия, пряности, предметы роскоши, на восток сбывали меха, рабов. Об этой торговле руссов говорят многие арабские писатели, свидетельствующие, напр., что русские купцы со своими товарами приходили по реке Волге до столицы хозарского царства Итиль, где сбывали рабынь, соболей и разные меха (Ибн-Фадланд, начало X в.). Они же доходили до моря «Джурджана» (Каспийское) и на верблюдах доходили даже до Багдада (Ибн-Хардабде, конец IX в. [1]).

Другим конечным пунктом, где сходились восточные пути арабской торговли с западно-норманской, явился крайний северо-восток — мифическое царство Биармия, по берегам р. Северной Двины. И здесь также производился торг мехами (особенно беличьими), а также рабами. Рядом с Биармийским царством находилась (на р. Каме) область болгар, с городом Булгаром, также крупным торговым центром, «ярмаркой для всего края» (Ибн-Хаукаль). Южной оконечностью того же арабского пути являлась неоднократно упоминаемая столица хозарского царства Итиль. Этот один из крупных городов Европы и Азии того времени был исключительно торгово-транзитным пунктом арабско-русской и норманской торговли.

Вторым древним торговым путем был путь «из Варяг в Греки», шедший из тех же пунктов северо-запада, с Ладожского озера по Волхову (через будущий Новгород), волоком до притоков Днепра и

[1]) *Гаркави*, стр. 49.

затем по Днепру до Черного моря и Византии. Это путь уже более поздней эпохи, знаменующий расцвет византийской торговли (XI—XII в.). Однако изменение направления торговли мало изменило ее сущность. Попрежнему с востока шли шелка, серебро и золото, пряности, благовония, предметы роскоши. На восток — меха, воск, мед, челядь. И попрежнему пионерами торговли по этому речному тракту, проходившему сквозь славянскую землю, являлись варяги-норманы. Попрежнему эти купцы-воины шли через страну и в глубь страны для того, чтобы раздобыть себе здесь товар для сбыта в Византию не столько путем торговли с туземцами-славянами, сколько завоеванием, грабежом и порабощением их.

Кроме великого греческого пути, торговля с Византией шла по двум другим путям — Залозному, шедшему по Днестру к устью Дуная, и Солоному, шедшему сухим путем до р. Дона, а затем в Крым до Азовского моря, в богатое «Тмутараканское царство», (завоеванное Русью) и далее в Черное море, в греческие припонтийские колонии. Эти последние, повидимому, и были первым достижением торговли норманов-руссов. Лишь после них они начинают доходить по Черному морю далее до берегов Малой Азии и Византии. С этих пор Черное море становится действительно «русским», как называет его наша летопись, где «никто кроме руссов не плавает», как говорит арабский писатель Аль-Масуди.

По существу, следовательно, массив территории, занятой восточными славянами, прорезывали издавна два главных направления торговых путей — с северо-запада на юго-восток и из Прибалтики к Приднепровью и к Византии. Уже одно это расположение путей показывает, откуда и как шли те новые экономические воздействия, которые для тогдашнего первобытного земледельческого хозяйства славян приносила шедшая через их территорию торговля, и кто явился носителем этих явлений и этой торговли.

Как самая территория славян первоначально являлась лишь транзитной для торговли востока с западом, так и первобытное хозяйство самого славянского населения непосредственно мало участвовало в этой торговле. В торговый оборот славянство втягивалось путем грабежа-завоевания. Это грабеж-завоевание производилось почти одновременно: несколько раньше, с востока, хозарами; несколько позднее, с запада, норманами.

И для тех, и для других это завоевание представлялось экономической необходимостью, так как славянская территория лежала

на путях сношения востока с западом. Но экономические последствия того и другого завоевания были неодинаковы.

Арабы и хозары, хотя и завоевавшие славян, сами не могли проникнуть далеко в глубь страны на восток, отчасти потому, что проникновение из азиатских степей в северные леса представляло большие трудности; отчасти потому, что их стремление на запад встретилось с другим, более крепким нормано-варяжским потоком на восток. Именно варяги, эти купцы-воины, имевшие при себе, по словам араба Ибн-Фадланда, «неразлучно меч, нож и секиру», прошли страну славян насквозь с запада на восток и юг. Но, конечно, меч, секиру и нож эти купцы имели при себе не только для того, чтобы *защищать* себя и свои товары, но и для того, чтобы *добывать* эти товары. Завоевание, порабощение и грабеж-дань являлись для первобытного хозяйства славян теми «культурными благами», которые приносила им торговля как со стороны хозарского востока, так и со стороны варяжского запада.

Вот почему наш летописец, описавши общими чертами, без хронологических дат, расселение и быт отдельных славянских племен, свое «точное» историческое, с обозначением годов, описание возникновения «русской земли» начинает прелюдией — завоеванием славянских племен хозарами и варягами. В 859 году «имаху дань варязи из заморья и на чюди, и на словенях (новгородцы), на мери, и на весех, и на кривичех, а козари имаху на полех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма» [1]).

Торговый характер примитивного государственного об'единения

Здесь характерно то, что завоевателями страна была как бы разделена по дани на две зоны: северо-западная — варягов, южная и восточная — хозар. А затем через 3 года, в 862 г., летописец заносит главнейшее в его описании событие, основание русского государства: изгнавши сначала варягов за море и отказавшись от дани им, те же славянские племена призывают этих варягов «по ряду», и так как эти варяги «звахуся Варязи Русь, то от тех Варяг прозвася Русская земля» [2]).

Идиллическое описание призвания варягов, конечно, может быть истолковано, как политический договор северо-западных славян, во главе с новгородскими, с варягами-русью. Первые — установленной данью откупались от воинственных набегов, вторые —

---

[1]) Лаврентьевский сп., 859 г.

[2]) Там же, 862 г.

становились «мирными» правителями славян, получив возможность распространение завоевательной дани на другие племена, — находившиеся или под властью отдельных племенных князьков, как Кий, Щек и Хориев в Киеве, или под властью хозар, — древлян, северян, радимичей, которые после завоевания начинают также платить дань варягам-руси [1]).

Таким образом эти варяги-русь были собственно внешним и посторонним явлением в первобытном быту и в первобытном хозяйстве славян. Купцы-завоеватели, они имели свой особый быт и свои хозяйственные стремления, соприкасающиеся с примитивным хозяйством туземцев-славян только в одном — в сборе с них дани, чтобы эту дань потом сбывать в своих торговых операциях.

Вот эту-то русь и знали хорошо арабские и византийские писатели, знали, как торговый и воинственный народ. Но это не был «народ» — это была только захватившая власть и руководящая его верхушка, правящая, ставящая города и уставы, воюющая, налагающая дань и торгующая. Это был не народ, живущий «в лесах», «*звериньским* образом», «*по скотьски*», но его привелигированный городской торговый и богатый класс. Отсюда у арабских писателей и получилось впечатление, что русь — богатый торговый народ. По Ибн-Дасту русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен; их единственный промысел — торговля мехами [2]). В самом описании страны руссов на острове, окруженном болотами и лесами, на севере, легко можно видеть первую резиденцию варягов где-то на севере, в Прибалтике или в Финском крае. Эти руссы постоянно торгуют с хозарами и Румом (Римом) [3]). Городов у них множество и живут они в довольстве. Они богаты, у них «даже мущины носят золотые браслеты», жены их носят золотые цепи и дорогие ожерелья из бус [4]). Домашняя утварь их—подушки, дорогие ковры, византийские материи, кафтаны с золотыми пуговицами, собольи шапки [5]). В Итиле у них была прочная военно-торговая организация, и занимали они своими лавками и жильем почти полгорода. Таково же положение торговли руссов в Византии. Походы Аскольда и Дира и Олега на 2 000 лодок (до 50 — 80 000 человек [6]), наконец, Игоря

---

[1]) Лаврентьевский сп., 883, 884 и 885 годы.
[2]) *Гаркави*, 267.
[3]) Ибн-Хакуаль, *Гаркави*, 221.
[4]) Ибн-Даст, *Гаркави*, 268.
[5]) Ибн-Фаланд, *Гаркави*, 85.
[6]) Лаврентьевский сп., 866 г. и 907 г.

продолжают ту же политику варягов, которую они вели по отношению к славянам: чистый грабеж сменяется договорными торговыми соглашениями. Русские «гости» должны были пред'являть княжеские грамоты и паспорта, в Царьграде не чинить никакого бесчинства, на торг выходить без оружия, не более 50 человек, закупать товары на определенную сумму, обязывались не зимовать на пристани у св. Мамы и др. [1]).

Торговые стремления руссов направлялись также и далее на запад и восток. Святослав стремился на Дунай, в Переяславец, «яко ту вся блага сходятся: от Грек злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» [2]). Другое стремление — к Азовскому морю в богатую Тмутаракань, которая становилась особенно необходимым выходом на далекий восток после падения Хозарского царства.

Характер русской торговли с Византией хорошо известен по знаменитому описанию днепровских торговых путей у Константина Багрянородного. «Славяне, платившие им (варягам) дань», в своих лесах нарубают в зимнее время однодревки (ладьи), весной спускают их по Днепру в Киев и «продают их руссам», очевидно в зачет дани. Оснащенные руссами и нагруженные их товарами, ладьи совершают продолжительный, опасный и утомительный путь по Днепру через пороги, через степи, кишащие печенегами, до моря, а затем морем до Дуная и далее в Византию. Характерно то, что подробно перечисленные Константином Багрянородным днепровские пороги носят шведские, т. е. варяжские названия.

Самый перечень предметов торговли указывает на характер соприкосновения с торговлей первобытного хозяйства. Мы видели, что это хозяйство являлось в преобладающей степени земледельческим, производящим жито, хлеб, скот и его продукты, полотно, и пр. Но не эти простые предметы хозяйственного производства и потребления внутри натурального первобытного хозяйства являлись предметами торговли. Главными предметами широкой торговли и внешнего вывоза являлись меха, воск, мед, челядь (рабы). Эти предметы вывоза единогласно повторяются всеми самыми старыми историческими свидетельствами. В приведенном выше описании Константином Багрянородным торгового пути руссов по Днепру

---

[1]) Лаврентьевский сп., 945 г

[1]) Лаврентьевский сп., 945 г.

говорится, что вместе с другими товарами они везут закованных в цепях рабов. В Константинополе была особая площадь, где русские продавали своих рабов. О том же говорит арабский писатель Ибн-Фадланд, о том же говорит Святослав в летописном рассказе о его желании переселиться на Дунай [1]). Эти товары и почти только они одинаково шли из Руси ко всем соседям, с которыми торговала Русь: в Константинополь, к арабам, к хозарам. Меха и невольники были и для востока, и для запада одинаково ценными товарами: первые, как предметы роскоши и обихода, употреблявшиеся и ценимые высшими классами тогдашнего общества; вторые — как материал для восточных гаремов тех же богатых классов.

Если обратиться к предметам арабского и византийского ввоза, то и здесь мы обнаружим, что большую часть ввоза составляли предметы роскоши или вооружения. Правда, ввоз этот был гораздо более разнообразен по своему составу, чем русский вывоз. Археологические раскопки и исторические свидетельства указывают, что предметами вывоза были золотые и серебряные изделия и украшения, ценные шелковые и бархатные ткани, жемчуга, бисер, бусы, сафьян, далее копья, мечи, оружие и прочие «булатные» вещи; наконец, пряности и из более употребительных — соль, преимущественно из нижневолжских и придонских соляных озер.

Торговля и первобытное хозяйство.

Из сказанного видно, что вся внешняя торговля древней Руси ни по вывозу, ни по ввозу не могла иметь собственно производственной основы в самом тогдашнем первобытном народном хозяйстве. Источником вывоза являлись сначала грабеж, а затем та дань, которую налагали варяжские князья на своих славянских подданных. Идущая в торговлю, в виде товаров, эта дань собиралась только наиболее ценными продуктами, хотя, конечно, первобытное хозяйство добывало не только их, но и еще более — обычные продукты, необходимые для собственных нужд, для пищи и одежды. Но не эти продукты, а именно меха, воск, мед шли князю, как дань, мало употребляясь в то же время в самом хозяйстве. Еще менее нужны были для этого хозяйства предметы роскоши и дорогое оружие — они также не шли дальше варяга-князя и его дружинников.

Но, конечно, самым важным и характерным для положения был особый товар, везде сопутствующий купцам-руссам, — это рабы. Способ добычи этого товара одинаково и живописно и точно расска-

---

[1]) Лаврентьевский сп., 969 г.

зан одним из арабов — Ибн-Ростеком: руссы, говорит он, «производят набеги на славян, под'езжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран и к булгарам и продают там. Пашен русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян».

Отсюда ясно, что грабеж и разбойничьи набеги на славян являлись для варягов-руссов источником их невольничьей торговли. Вместе с тем ясно и то, что раб для них являлся лишь товаром, но не служил для них орудием производства, так как русь «пашен и не имела» и следовательно не употребляла этого раба в целях производства. Уровень и техника тогдашнего сельского хозяйства были настолько еще низки, что не давали владельцу раба никакого «прибавочного продукта». Поэтому рабы были ценны только как «товар» для продажи в гарем, как наложницы или евнухи, но не как «орудие производства» в собственной стране.

Указание Ибн-Ростека относится еще к тому времени, когда варяги-русь представляли из себя простых разбойников-викингов, еще не превратившихся в славянскую княжескую династию. Как мы видели выше, эти их разбои и заставили славянские племена сначала дать им отпор, а затем, очевидно, под угрозой нового их нападения, согласиться платить им дань «по ряду». Но превращение прямого грабежа во взимание дани внесло мало изменения в экономические отношения новых правителей и подданных. Попрежнему в дань шли продукты более ценные, могущие сбываться князьями, как товары: попрежнему первобытное натуральное хозяйство стояло далеко от этой торговли славянских князей и управителей. Да и грань между грабежом и договорной данью часто стиралась.

Как собиралась эта княжеская дань, видно из известного рассказа Константина Багрянородного, относящегося к X в., т. е. к тому времени, когда варяги получили уже значение наемных управителей и военных защитников страны «по ряду», по условию. В ноябре месяце князья «со всею русью», т. е. со своей дружиной из тех же варягов, выходили из Киева «на полюдье» (по-люди, т. е. ходили по дворам и селам) для сбора условленной дани с подчиненных или завоеванных ими племен — древлян, дреговичей, северян и пр. Так они ходили, повидимому, целую зиму — население было рассеяно, в городах кормиться было нечем, и князь с дружиной получали от населения и продовольствие для жизни, и дань для сбыта и продажи — меха, мед и пр. Такую же бытовую картину описывает и наш летописец в приведенном уже рассказе о сборе дани дружиной Игоря.

Кроме продуктов продовольствия, простых материалов для одежды (вспомним слова игоревой дружины: «отроци Свенельджи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази»), население давало меха, мед, различные продукты лесных промыслов. Так, тот же Константин Багрянородный указывает, что славяне в лесистых местностях в виде дани князю делали лодки, которые весной сплавляли в Киев. Наконец, особым продуктом дани, уже менее «добровольного» характера, являлась челядь — рабы, которыми княжеские дружины, очевидно, тоже не брезговали и охотно забирали во враждебных областях и племенах. Летописный рассказ о сборе дани Игорем с его дружиной носит почти те же бытовые черты грабежа и насилия, как в рассказе Ибн-Ростека. Дружина Игоря убеждает его пойти с ними «в дань, да и ты добудеши, и мы». Послушав их, Игорь «иде в Дереве в дань и примышляше к первой дани и насиляше им и мужи его». Но, собрав дань, Игорю захотелось «больша именья», и он, заявив своей дружине: «похожю и еще», вновь возвращается для сбора второй дани [1]).

Так же собирают дань и Святослав, и Ольга, и другие первые варяги. Притом в некоторых случаях обложение этой данью, повидимому, носит характер договорный, как у Олега с Новгородом и с радимичами [2]), но большею частью основывается на праве завоевания. В таком случае эта военная добыча состояла не только из куниц, лисиц и белок, но и из захваченной в плен челяди.

Итоги развития. Таким образом, в нашей хозяйственной истории мы не можем провести сколько-нибудь резкой и определенной черты, завершающей предшествующее многовековое развитие первобытного хозяйства и отделяющей его от последующих, хозяйственных формаций. В самом первобытном хозяйстве, задолго до его окончательного разложения, уже закладывались элементы будущего общества. И, наоборот, в новых общественных формациях местами еще долго сохранялись отсталые черты старого хозяйственного строя.

Гранью, которая может более четко отделить этот период от последующего, является то обстоятельство, что период первобытного хозяйства — догосударственный и дописьменный период. Завершение разложения первобытного хозяйства выливается в создание новых форм государственного и общественного быта. В старом хозяйственном строе были уже прочно заложены элементы его разложения, в ви-

---

[1]) Лаврентьевский сп., 945 г.

[2]) Там же, 882 г. и 885 г.

де рабовладения и торговли. В условиях нового общественного строя эти элементы дают блестящий расцвет и создают государственность, основанную на том же рабовладении и торговле, но уже в более завершенном и развитом виде. Основы классового общества вполне уже заложены, закреплены государством, а вместе с тем увековечены и письменностью. История хозяйства получает характер не дописьменной, археологической и лингвистической истории первобытной культуры, но письменной истории государственных, а вместе с тем и хозяйственных образований.

Те системы, в которые прежде всего вылилось разложившееся первобытное хозяйство, были хозяйственные и государственные системы Киевско-Новгородской Руси. В своем хозяйственном развитии они не выработали, однако, законченных форм, и только некоторые их элементы были унаследованы последующим хозяйственным развитием.

Только в хозяйственной системе Московской Руси были найдены такие хозяйственные элементы, которые создали вполне законченную и развитую хозяйственную систему, эволюционно выросшую в течение ряда веков в новейшие народохозяйственные образования. Но все же многие отдельные основные моменты хозяйственного развития Московской Руси находятся в полной генетической и преемственной связи с Киевом и Новгородом.

ЛИТЕРАТУРА.

Из общих курсов по истории народного хозяйства, указанных во введении, для первобытного хозяйства наиболее ценны курсы *Довнар-Запольского* (богатый археологический материал, литературные указания) и *Кулишера*, т. I (литература). Из указанных монографий — *Аристова*. Кроме того, о пред-истории и родовом быте славян — *Беляев*, Русская земля перед прибытием Рюрика. Врем. М. О. Ист. и древ. 1850. — *Блюмфельд*, О землевладении в древней России, 1884. — *Грушевский*, История Украины, 1891. — *Его же*, Киевская Русь, 1911. — Об арабской и византийской торговле, кроме общего очерка *Кулишера* об истории торговли, также: *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (VII—X вв.), 1870. — *Хвольсон*, Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, 1869. — *Розен*, Известия Аль-Бекри, Зап. Акад. Наук, 1878. — *Логинов*, Мирные договоры русских с греками.

Источники — главным образом летописи в списках: Лаврентьевском, в издании Археограф. Комиссии, 1872, Ипатьевском, 1871; Новгородская летопись по Синодальному сп., изд. Археогр. Ком., 1889; Полное собрание русских летописей, I—XXIII, 1891—1917.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

ЭПОХА ФЕОДАЛЬНО-ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава II.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА.

История первобытного общества и хозяйства, вообще говоря, относится и у нас и на Западе большею частью к дописьменной истории, т. е. у нас до X века. Письменные исторические памятники по хозяйственной и общественной истории большинства стран современной Европы начинаются уже с иного хозяйственного и общественного периода, сменившего первобытно-коммунистический общественный строй и предшествовавшего зарождению нового капиталистического общества (Маркс). Эта эпоха, господствовавшая в Западной Европе на протяжении нескольких веков и охватывающая более или менее полно периоды так называемого раннего (до XI в.) и частью позднего (XII — XV в.) средневековья, получила в целом название феодальной эпохи.

Характеризуясь в политическом отношении в первый свой период отсутствием единой государственной власти с публично-правовым ее характером, наличностью общественной иерархии, личных и общественных прав, основанных на вотчинно-земельном владении и вотчинной власти, в хозяйственном отношении эта эпоха характеризуется замкнутостью и ограниченностью хозяйственных отношений в пределах отдельных, иерархически связанных между собою хозяйственных единиц, в значительной мере антагонистических по своей внутренней общественной структуре. В основе всего общественно-экономического строя лежит замкнутое, домашнее хозяйство, феодальное поместье, которое самостоятельно удовлетворяет все свои потребности. Остатки первобытно-коммунистического строя — община, мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство на общинных, «черных» землях, неразделенность общинных земель от частно-вла-

дельческих — все это постепенно переходит в преобладание крупного частного землевладения и крупного поместного хозяйства, основанного на крепостном труде бывших свободных крестьян. Но как хозяйство этих последних, так и хозяйство крупных поместных владельцев сохраняет свой замкнутый хозяйственный строй, служащий целям хозяйственного самоудовлетворения, без всякого общественного разделения труда.

Феодально-иерархическая и частно-владельческая оболочка этой системы «натурального хозяйства» в наиболее типичных формах на Западе находит себе завершение к XII в., к концу эпохи так наз. раннего средневековья. Последующая эпоха позднего средневековья XII — XIV вв., также с господством феодального строя, отличается уже начатками общественного разделения труда и обмена, в пределах ограниченных районов, новых городских промышленных центров с примыкающими к нему крупными поместьями и крестьянскими поселениями. Эта эпоха «городского хозяйства», впервые выделенная Бюхером из общей эпохи феодального средневековья, в противоположность чисто «натуральному» хозяйству раннего феодального поместного строя, непосредственно примыкает к ранней эпохе зарождения капитализма с различными ее промежуточными формами разложения «ремесленного» «городского» хозяйства, развития торгового капитализма и зарождения мануфактуры.

В какой мере экономическое развитие древней Руси после разложения первобытно-общественного строя соответствует этой схеме, обобщающей хозяйственное развитие Запада?

В общей исторической русской науке долгое время господствовало направление, вообще отрицающее наличность в нашей истории тех общественных и экономических отношений, которыми характеризовалась в Европе эпоха феодализма. В настоящее время это направление можно считать изжитым, и, наоборот, вполне обоснованным представляется утверждение наличности феодальных отношений в русской истории в их типичных проявлениях в XII—XV вв. Но, как общественно-политический строй феодализма в эти века, так, тем более, и его хозяйственные основы не нашли у нас такого значительного развития, как в Западной Европе. Низкий и мало прогрессирующий уровень развития производительных сил, отсталость земледелия, отчасти неблагоприятные географические условия, обширность территории, сохранение обширных земельных пространств, создающих возможность «вольной колонизации»; отсутствие поэтому быстрой и прочной кристаллизации хозяйственных районов с местным

товарообменом, с разделением города и деревни; не столько промышленный, сколько торговый характер первого и более значительный удельный вес и самодовлеющее значение второй — таковы особенности хозяйственного положения древней Руси, непосредственно вслед за разложением ее первобытного хозяйства.

При таких условиях развития, ясные черты феодализма и «натурального» хозяйственного строя в первый, более ранний период, так же, как «городского» хозяйства в более поздний — не получили у нас значения законченной хозяйственной системы, органически развившейся в последующие хозяйственные формации. Разделение «замкнутого», самодовлеющего хозяйства на город и деревню, органическое вырастание ремесленно-промышленного города и местного торгового товарообмена в новые хозяйственные формы промышленности и торговли развитого капитализма у нас происходило гораздо более медленно, в гораздо меннее законченных формах. Зарождение капиталистического общества подготовлялось у нас не этим органическим отпочкованием «города» от «деревни» и органическим ростом «городского хозяйства», переживающего на известной стадии своего развития промышленно-техническую, а вместе с тем и социальную революцию и переходящего к законченным формам капиталистической системы. И если наше «раннее средневековье» создало сравнительно довольно законченный политически тип вотчинного феодала, вотчинно-феодальной иерархии, то хозяйственная «замкнутая» вотчинная система получает у нас уже несколько менее законченное развитие, а ее превращение в законченную систему «городского» хозяйства мы знаем в еще меньшей мере.

Зарождение капиталистических отношений происходит у нас другим путем, без значительного развития городской промышленности, с задержавшимися в своем развитии пережитками феодализма и крепостного хозяйства с одной стороны, и с остатками отсталых форм первобытных хозяйственно-общественных отношений — с другой, на почве торговой эксплоатации и разложения хозяйства мелкого производителя. Тем бродильным элементом, который разлагал этот феодально-крепостнический строй натурального хозяйства и тем ядром, вокруг которого слагались новые пред-капиталистические отношения, было не городское ремесло, непосредственно обслуживающее деревню, а торговый капитал. Он вел за собой рост общественного хозяйства на почве создавшегося общественного разделения труда в более широких рамках, чем пределы и районы «городского» хозяйства. Но если на Западе городское хозяйство, как прогрессивная про-

мышленная форма, было в антагонизме с замкнутым крепостным феодально-вотчинным хозяйством («городской воздух делает свободным», гласила средневековая пословица), то у нас торговый капитал, более широким охватом действуя на разложение натурального хозяйства, не затрагивая его ни технических, ни производственных, ни социальных основ, в то же время мирился с крепостной его организацией. На первой стадии своего развития и разложения натурального хозяйства он даже требовал ее, так как только крупное крепостное хозяйство могло быть тем связующим звеном, которое необходимо было между торговым капиталом и мелким сельским производителем. И только тогда, когда торговая эксплоатация этого мелкого производителя стала недостаточна, крепостная организация стала в противоречие с интересами торгового капитала.

Вот почему эпоха торгового капитализма и вместе с тем крепостного хозяйства получает в нашей истории такое многовековое существование и исключительно важное значение. Поэтому же она получает непосредственное генетическое значение, как длительная подготовительная эпоха пред-капитализма, тогда как недоразвившиеся начатки вотчинно-феодального и городского хозяйства не дали живых ростков для новых экономических формаций.

Эпоха феодального хозяйственного и общественного строя захватывает у нас преимущественно так называемый «удельный период», с XII в. по XV в. Ей *предшествует* сравнительно менее продолжительный период окончательного разложения первобытного хозяйства и общества и зарождения элементов классового феодального общества, особенно ярко проходящий в Киевской Руси X—XI вв. (эпоха «феодальной революции», как ее называет Рожков).

Она *заканчивается* разгромом феодального строя Московской Руси XVI в. и заложением новых, хотя и унаследовавших многие старые черты, основ крепостного вотчинного хозяйства уже на базе широкого не местного товарного хозяйства.

Территориально и политически эпоха зарождения и развития феодально-хозяйственного строя охватывает таким образом днепровскую Киевскую Русь; северную Новгородскую Русь; верхне-волжскую Ростовско-Суздальскую Русь.

Несмотря на различие преходящих политических образований и перемещений, вся эта эпоха представляет образование и развитие феодально-вотчинного хозяйства в его типичных формах натурального замкнутого хозяйства. Параллельно с ним, вторгаясь в него, более или менее сильно его расшатывая, сначала на почве вне-экономи-

ческих, военно-торговых отношений, а затем все более на почве хозяйственно-производственных условий, возникают город и торговля, не нарушающие, однако, несмотря на свой, временами блестящий, расцвет, общего натурально-хозяйственного и федально-вотчинного характера эпохи. Но так как новые хозяйственные формы и отношения, резко отличные от первобытного хозяйства, концентрируются прежде всего и более всего вокруг города и в торговле, то на них, главным образом, и сосредотачивается внимание историка этого периода.

Особенности развития Киевской Руси.

Хозяйственная история Киевской и Новгородской Руси становится таким образом не только историей феодально-вотчинной, землевладельческой и земледельческой, но и городской и торговой Руси. Поэтому некоторые историки считают возможным говорить об этом периоде, как о «городском» периоде нашей хозяйственной истории (Покровский). Но, конечно, законченная система «городского хозяйства», по типу феодального позднего средневековья Зап. Европы, предполагает уже значительное разложение натурально-хозяйственного строя, возникновение общественного хозяйства и обмена, хотя бы в пределах местного обмена и в рамках небольших районов. Город предполагает внутреннее производственное перерождение всего натурального хозяйственного строя, установление связи развивающегося в нем товарообмена с самим производством. Только в таких условиях, как это было и в Зап. Европе, новая производственная система получает прочные основы и становится способной к дальнейшей хозяйственной и социальной эволюции. Без этого разложение первобытного общественного строя и возникновение на его месте примитивного классового общества не может создать ни прочного производственного ядра, ни прочной общественной оболочки для дальнейшего роста производственных сил и для генезиса новых хозяйственных формаций.

В условиях западно-европейского феодально-городского строя это приводит к прочности хозяйственных и торговых связей в пределах небольших местных районов, к глубокому проникновению во все народное хозяйство общественного разделения труда. Только много позже, уже после Крестовых походов, западно-европейский город выходит на мировую арену также с помощью торгового капитала, но уже тогда, когда для этого мирового товарообмена в городском хозяйстве была подготовленная, достаточно прочная производственная база: город сам становится потребителем привоз-

ного сырья и производителем и экспортером своих промышленных продуктов.

В нашей экономической и политической истории смена примитивных хозяйственных и государственных образований Киева, Новгорода, Москвы свидетельствует о наличности несколько иначе слагавшегося хода развития и иных причин его. Непрочность примитивных хозяйственных и государственных образований Киева и Новгорода обусловливалась именно тем, что в основу этих «государственных» образований и их системы «городского хозяйства» было положено в преобладающей степени не производственное, а внешнее торговое начало. Это об'ясняет вместе с тем и незаконченность их хозяйственного развития. Уже в Киевской Руси была заложена классовая структура тогдашнего общества; уже в этот период все еще преобладающее вне-экономическое вторжение в натуральное хозяйство в виде грабежа начинает заменяться экономическим извлечением доли «прибавочного продукта» и обращения его в товар.

Первобытный город, семейно-хозяйственное «городище» превращаются в торговый город. Торговля представляется уже не реализацией вне-хозяйственного момента — грабежа и дани, а реализацией хозяйственно полученного прибавочного продукта. Но все же эти новые производственные отношения, образующиеся в недрах разлагающегося первобытного общества, на противоположном полюсе от элементов первобытного хозяйства, хотя все более в него внедряются, но органически с ним еще не срастаются.

Интересы натурального хозяйства все еще преобладают, и новые течения общественного хозяйства и общественного разделения труда его еще не захватывают. Новые формы производства, возникающие главным образом в виде рабского хозяйства, стоят рядом с сохраняющими еще полную живучесть и даже преобладание примитивными формами первобытно-коллективного хозяйства. Это последнее часто остается или вовсе вне сферы влияния нового, уже производственного класса, или испытывает от него попрежнему вне-экономический, военный гнет, отдавая ему попрежнему не только «прибавочный продукт», но и самого человека, как наиболее ценный товар — раба. Понятно, что такая форма эксплоатации не могла принести ничего другого, кроме полного разорения производительных сил тогдашнего хозяйства. Вернее — она не могла вылиться в прочную систему хозяйственной эксплоатации.

Такие хозяйственные условия не могли, конечно, создать прочной общественной и политической системы. Город Киевской Руси был

внешним элементом, не затрагивающим производственных основ и глубин обособленного от него натурального хозяйства деревни, не связанной с ним производственными связями. Городской владетельный класс был лишь классом, отнимающим от натурального хозяйства часть его продукта путем «вне-экономического принуждения», через грабеж, дань, или на основе рабовладения, без всякой сколько-нибудь прочной экономической связи между массой населения и городом. К этому же времени резко изменяются и внешние условия, создавшие первоначально возможность блестящего внешнего развития Киевской Руси. Главная магистраль тогдашней мировой торговли Запада с арабским востоком перемещается с Днепра и Киева на Запад, на Рейн и в Венецию, подрывая мировое значение и мировые торговые связи Киева. Одновременно с этим, с диких степей юга надвигалась новая военная сила, борьба против которой могла быть под силу только прочному государственному и хозяйственному образованию. Вот почему Киевская Русь, создав одно время блестящий политический внешний фасад, но не создав прочной экономической базы своего общества, падает под напором внешних неблагоприятных воздействий. Киевская Русь второй половины XII в. представляет уже картину полного политического и хозяйственного запустения.

Особенности развития Новгородской Руси

В то время, когда южная славянская хозяйственно-политическая система оказалась непрочной, дальнейшее хозяйственное развитие переносится на другой полюс славянско-варяжской территории. На севере в хозяйственных условиях оказалась заложенной более прочная производственная база, поставившая хозяйственное развитие на несколько более высокую ступень, чем этого могла достичь Киевская Русь. В Новгороде торговля, так же как и в Киеве, являлась способом реализации на внешнем рынке превоначально «грабежа» и «завоевания», а затем той «дани», которая вне-экономическим путем отчуждалась от первобытного хозяйства. Но как общественно-экономические, так и естественно-географические условия были здесь несколько иными, чем в Киеве.

По самому направлению торговли, здесь менее нужен был тот главный об'ект торговли, который преобладал в Киеве—рабы. Вместо этого для Запада требовались другие товары — преимущественно примитивное производственное сырье, в виде мехов, воска, пеньки, отчасти руды и пр. В то же время, по климатическим и почвенным условиям, Новгородская земля не давала возможности для высокого

уровня земледельческого хозяйства, требовала даже привоза к себе земледельческих продуктов и, следовательно, не создавала возможностей и выгод для развития непосредственно в земледелии предпринимательского рабовладельческого хозяйства.

Это обстоятельство, вместе с развитой торговлей, создало гораздо более глубоко идущее общественное разделение труда и совершенно отличные от Киевской Руси условия хозяйственного быта. В самой Новгородской земле не получает значительного распространения ни рабовладельческое хозяйство, ни вообще крупное землевладение и предпринимательское крупное сельское хозяйство. Зато под воздействием внешней торговли и ее спроса широко развивается колониальная политика Новгорода. Его колонии на севере и северо-востоке дают для него наиболее ценное сырье, необходимое для внешнего сбыта, а отчасти и для собственной ремесленной переработки. На этой почве значительно более широко развивается также и ремесленное производство не только предметов вывоза, предметов роскоши и городского обихода, но также и широкого массового потребления. Из южных же районов шли те земледельческие продукты, до хлеба включительно, которых не давало в достаточной мере местное сельское хозяйство.

Самая торговля получала поэтому характер не только внешнего вывоза, но и товарообмена с внутренними областями. Она гораздо более прочно и тесно срасталась со всеми хозяйственными условиями, получала производственную базу в условиях общественного хозяйства и разделения труда. Вместе с тем и создающаяся на этой почве классовая дифференциация общества получала более глубокие корни. Новгородский торговый и частью промышленный класс в новгородской общине достигают положения руководящих классов в чисто буржуазных общественных взаимоотношениях.

Это господство, однако, на почве широкой колониальной и завоевательной политики, приводило к углублению социальных противоречий внутри самой Новгородской земли, к той социальной борьбе, которой полна история Великого Новгорода. Это также не могло создать прочной хозяйственной и производственной базы для дальнейшего хозяйственного развития. Экономическая история Новгорода, уйдя значительно вперед, сравнительно с Киевской Русью, осталась все же не завершенной и эволюционно не выросшей в новые общественно-экономические формации.

Ростовско-суздальская Русь

Наконец, более законченную и прогрессивную хозяйственную систему создала предмосковная, Ростовско-Суздальская Русь. Недавняя и долгое время незаканчиваю-

щаяся колонизация, мелкие лесные заимки, неблагоприятные почвенно-климатические условия, господство передвижной подсечной системы, а отсюда и неусидчивый, подвижной характер земледельческого населения — все это вначале не создавало благоприятных условий для возникновения крупного рабовладельческого вотчинного хозяйства. С другой стороны, и отдаленность от торговых центров и основных торговых путей международной торговли, перенесенной теперь далеко на запад, не создавало той блестящей торговой и городской внешности, как это было в Киевской и Новгородской Руси. Все это создавало в Ростовско-Суздальском «захолустьи» еще большую замкнутость хозяйственной жизни, а вместе с тем и гораздо меньшую хозяйственную, а отсюда и политическую мощь отдельных вотчинников-феодалов. Это обстоятельство в свою очередь давало возможность для более экономически сильной, отчасти и более удачливой группы этих вотчинников-феодалов возвыситься над другими, а вместе с тем и уничтожить феодальный строй единым государственным образованием Московского государства.

Общие этапы развития

Таким образом, основным экономическим моментом, характеризующим исторические этапы рассматриваемой нами эпохи (независимо от географических особенностей) сравнительно с первобытным хозяйством являются: новые, более прогрессивные условия земледельческого производства и более высокая его техника, дающая возможность возникновения «прибавочного продукта» и владельческого хозяйства; частное завладение орудиями производства и землей; превращение товара-раба в «холопа-страдника», в раба-земледельца; возникновение торгового города, возникновение в нем зачатков разделения труда и промышленности.

Окончательное закрепление этих хозяйственных образований и разложение старых основ первобытно-коллективистического натурального хозяйства потребовало не одного столетия. Но именно потому резкой грани между этими хозяйственными периодами провести нет возможности. Чтобы варяг-завоеватель смог «володеть» славянской землей, для этого первоначально не требовалось экономического подчинения: вне-экономическое подчинение, основывающееся на завоевании, материализировалось в виде дани («володеть» почти синоним «получать дань»), стоявшей вне производственных условий натурально-хозяйственной системы первобытного хозяйства. Но чтобы тот же варяг-завоеватель смог сделаться «хозяином земли русской», чтобы он хозяйственно освоил завоеванную территорию

и господствовавшее в ней первобытное хозяйство — для этого необходимы были, с одной стороны, некоторые зачатки уже в самом первобытном хозяйстве, дающие возможность изменения его производственной основы, а с другой стороны, нужны были столетия, чтобы эти зачатки выросли в окончательно развившуюся новую производственную систему.

Вот почему наши первые письменные памятники, начинающие с середины X столетия политическую «государственную» историю славянства, в отношении хозяйственного строя дают крайне неясные очертания то остатков первобытного хозяйства, то новых, быстро развивающихся хозяйственных наслоений. В течение всего X—XI в. идет этот процесс окончательного расслоения первобытного хозяйства, остатки которого еще долгое время просвечивают сквозь новые хозяйственные формы, сохраняясь в одних местах еще не одно столетие, в других местах — отживая более быстро и решительно. К XII веку в более передовых по хозяйственному развитию местностях все решительнее и яснее вырисовывается фасад новой хозяйственной системы. Но именно прежде всего фасад, так как вдали от новых торговых городов, от княжеских хором, церквей, мрамора, парчи, золота и серебра торговой и городской Киевской и Новгородской Руси XII — XIII вв., хозяйство носило примитивный, самоудовлетворяющийся, замкнутый характер, с примитивными потребностями, хотя бы и с относительным «богатством» крупного владельца. А еще далее от городских центров и торговых путей масса населения попрежнему жила «звериньским образом», «по-скотьски», «в лесех якоже всякий зверь».

И однако, хотя этот фасад городской и торговой жизни в исторических письменных памятниках естественно выступал на первый план, затемняя все, происходящее сзади него, тем не менее ошибочно было бы думать, что все изменения, привнесенные новым веком, ограничивались только фасадом. Если для первобытного натурального хозяйства дань была внешним, вне-экономическим наростом, не затрагивавшим его хозяйственных основ и не создавшим внутрихозяйственных противоречий, то появление новых экономических моментов создавало и заостряло в хозяйственном строе общественные противоречия и приводило к новой, построенной на этих противоречиях, хозяйственной системе.

Таким образом, хозяйственная история первого исторического и государственного периода славянства, так называемой Киевской Руси, есть история разложения первобытного неклассового обще-

ственного строя, первобытно-коллективистического хозяйства и возникновения на его почве классовой, хотя и примитивной структуры хозяйства, общества и государства.

Основным моментом, в котором проявлялось изменение хозяйственного строя и хозяйственных отношений, было постепенное и медленное превращение вне-экономического фактора, чистого грабежа-дани, в экономический, приобретение им производственно-хозяйственной основы; другими словами — возникновение экономической категории «прибавочного продукта», хотя, конечно, рядом с этим все еще не меньшее значение попрежнему имеет и непосредственный грабеж.

Возникновение этого прибавочного продукта в свою очередь могло основываться лишь на почве повысившейся техники, позволившей, вместо превращения в «дань» самого человека, делать из него производителя этого прибавочного продукта. С другой стороны, это превращение прежнего «данника» в раба-земледельца вызвало необходимость для присвоения прибавочного продукта этого земледельца также и присвоение самих орудий производства и прежде всего земли. Отсюда — возникновение частной земельной собственности и частного землевладельческого хозяйства на месте или рядом с прежним первобытным земледельческим хозяйством. Поскольку этот процесс весьма резко в разных местностях индивидуализировался по своему темпу и по степени нарастания, в зависимости от местных особенностей, постольку долгое время можно наблюдать одновременно с остатками первобытного коммунизма также и новые формы хозяйства. Более или менее определившиеся формы эта стадия хозяйственного развития получает в Киевской Руси лишь к XII в., накануне ее распада. Поэтому Киевская Русь не только не дала законченной системы феодально-вотчинного хозяйства, но и не сумела окончательно разложить первобытное хозяйство. Она еще не произвела и окончательной «феодальной революции» в первобытном хозяйстве, так как в ней еще в наибольшей мере продолжает чувствоваться оторванность ее чисто внешней, торгово-государственной верхушки от натурально-первобытных основ хозяйства. Только под конец существования Киевской Руси были заложены новые основы хозяйственной организации появлением крупного землевладельческого вотчинного хозяйства,основанного на рабском труде.

Гораздо более успешным в этом отношении оказалось развитие Новгорода. Но последний не столько развивает земледельчески-вотчинные основы феодального строя, сколько сразу усваивает многие

черты более развитой эпохи городского хозяйства и даже позднейшей эпохи торгового капитализма.

Наиболее законченный тип развития хозяйства феодальной эпохи дает наша северо-восточная, Ростовско-Суздальская, а впоследствии Московская Русь в XIII—XIV вв., притом как в отношении развития феодально-вотчинного поместья, так и зачатков более позднего развития «городского» хозяйства. Но и здесь недоразвившееся формирование последнего быстро поглощается новыми экономическими образованиями торгового капитализма, относя развитие Московской Руси с XVI века к новой хозяйственной системе.

ЛИТЕРАТУРА.

Кроме *общих курсов* по истории (Ключевский, Рожков, Покровский), по истории народного хозяйства (Довнар-Запольский, Кулишер) и по истории права (Дьяконов, Сергеевич), а также указанных выше монографий Аристова, Огановского, Грушевского, Готье, для хозяйственной истории XI—XV вв. наиболее важны следующие:

По общей истории — *Павлов-Сильванский*, Феодализм в древней Руси, 1907. — *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в., 1897. — *Голубовский*, История северской земли, 1880. — *Никитский*, История экономического быта Великого Новгорода, 1893. — *Костомаров*, Северо-русские народоправства, I—II, 1863. — *Полежаев*, Московское княжество в половине XIV в., 1878.

Источники. Кроме летописей, также «Русская Правда» в списках: Академическом, Троицком, Карамзинском и главным образом: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук», т. I (1294—1588). — «Акты исторические, соб. изд. Археогр. ком.», т. I (1334 — 1598). — «Дополнения к актам историческим», т. I, 1846 — «Собрание государственных грамот и договоров», т. I. — «Сборник Муханова». 1866, — много актов и материалов о хозяйственном быте. — «Новгородская судная грамота» и «Псковская судная грамота», изд. Арх. ком.

Глава III.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Сельское хозяйство

Производственной основой хозяйства X — XII вв. в большей части страны и в большей мере, чем в первобытном хозяйстве, становится собственно земледелие. Конечно, это относилось прежде всего к более южным частям русской земли, особенно к Киевскому княжеству, к южным окраинам Московской Руси, где благоприятный климат и богатая почва при заселении давали наибольшие возможности для развития земледелия. Наоборот, на севере, особенно в Новгородской области, для земледелия природные условия были неблагоприятны. Обилие болот и лесов вообще ограничивало возможность распашки земель, требующей здесь большого труда; избыток влаги, заморозки, плохая почва делали этот труд еще менее производительным. Сплошных пространств удобной для разработки земли не было, пашню приходилось поднимать из-под леса, при чем через несколько лет расчищенная земля истощалась, почему подсечная система земледелия являлась господствующей. Понятно, что при таких условиях «притеребы» или «росчища» представляли большую ценность, так как на них не приходилось вновь затрачивать усилия для расчистки из-под леса. В Новгородской земле лишь западная часть (Валдайская возвышенность) была более плодородной и вполне пригодной для земледелия; но и здесь суровость климата и неустойчивость урожаев скудно вознаграждали земледельца и заставляли его искать других заработков.

Таким образом центром земледельческой культуры и сельскохозяйственного прогресса являлись сначала Киевские, Черниговские и др. южные области, откуда, по мере роста колонизации, эта культура распространялась и на север в плодородный приокский район. Во всяком случае плуг или «рало» (деревянный плуг), которое еще много ранее заменило в земледелии первобытную мотыгу, в X—XI в.

становится всеобщим земледельческим орудием даже в таких отсталых местностях, как земля вятичей [1]). В некоторых местностях все еще преобладала соха, так как при пахоте на росчищах и при неглубокой почве малоподвижный и глубокоберущий плуг был неприменим.

Вообще к XII веку в летописях и в других письменных памятниках, а также в народных сказаниях все чаще встречаются картинки чисто земледельческого быта: пахота плугом при помощи лошади [2]), посевы пшеницы, проса, ячменя, жита, ржи, льна, гороха, мака и др. Там же говорится о гумне, стогах сена, о лошадях и волах, плугах и боронах для обработки почвы и пр. [3]). О том же говорят и древние сказания вроде былины о Микуле Селяниновиче («а я ржи напашу, до во скирды сложу»). Такие же земледельческие картины молотьбы хлеба дает, например, «Слово о полку Игореве» («снопы стелят головами, молотят чепи (цепами) харалужными, на тоце (току) живот кладут, веют душу от тела»). Овин, как принадлежность земледельческого хозяйства, издавна был настолько распространен, что с ним еще со времен язычества связывались некоторые религиозные обряды («молиться огневи под овином», что запрещается уставом Владимира).

Однако земледелие, в особенности на севере, в связи с неблагоприятными условиями климата и с низкой техникой, всецело зависело от преходящих условий погоды и было очень неустойчивой отраслью хозяйства. Часто целые области, особенно, конечно, более бедные хозяйства, не имевшие запасов, переживали голодовки. Юг и в этом отношении был более благоприятен, тогда как Ростово-Суздальская и особенно Новгородская земля особенно часто страдали от неурожаев. Новгород часто должен был даже ввозить хлеб из других земель. Вот почему, между прочим, Новгородский летописец так внимательно следит, иногда из года в год, за результатами урожаев и хлебными ценами. Неурожайные годы сопровождались голодовками и даже людоедством. Так, в 1230 году голод был настолько силен, что «яко инии простая гадь резаху люди живые и ядаху, а инии мьртвая мяса и трупие обрезающе ядаху, а другие конину, псину, кошкы, ины же м'х (мох) ядяху, уш, сосну, кору липову и лист ильм» [4]).

---

[1]) Лаврентьевский сп., 981 г.

[2]) Там же, 1103 г.

[3]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, 374.

[4]) Новгородская летопись, 1230 г., I, 47.

Скотоводство, как отрасль хозяйства, было тесно связано с земледелием еще и в первобытном хозяйстве, так как славяне не переживали особого «скотоводческого» кочевого периода. Скот — и прежде всего вол и лошадь — был необходим хозяйству, как рабочая сила, и, как таковая, употреблялся у славян еще на их прародине (летописное известие об обрах).

Главная рабочая сила в хозяйстве — лошадь — хотя и имелась, но в недостаточном количестве и главное — крайне плохого качества: летописец говорит, что иногда это бывали «шкабаты, клячи Новгородские» [1]). Поэтому крупные землевладельцы, князья и бояре выписывали лошадей из других земель [2]). Но главным способом пополнения скота, кроме производства в собственном хозяйстве, были набеги на половцев и печенегов, от которых во время войн отбиралась масса разного скота («взяты скоты и овцы и коней и вельблуды» [3]). Почти все виды домашнего скота — лошади, быки, коровы, волы, телята, овцы, бараны, козы, свиньи известны уже периоду X — XII вв. и упоминаются в памятниках [4]). Такое же видное место, как и в первобытном хозяйстве, занимали и в этот период охота и звероловство, а также бортничество. Так же, как и в первобытном хозяйстве, охота доставляла наиболее ценные продукты питания и одежды. Среди князей и их дружины она была особенно распространена, правда иногда не столько как промысел, сколько как развлечение. Но для массы населения эти промыслы давали главные продукты, необходимые для дани и податей.

В особенности, конечно, охота, звероловство, рыболовство, бортничество получали значение важного народного промысла в более северных лесных областях, в связи с особенностями их климата, почвы, характером естественных богатств. Скудость почвы, лесистость, неблагоприятный климат местами препятствовали развитию земледелия. Но зато необ'ятные леса и обилие вод щедро вознаграждали своими богатствами за скудость почвы. Так, в Новгородской земле обилие зверья в лесах было так велико, что по народной легенде, в изложении летописец, «веверица млада, акты теперво рожена... и спадают оленци мали в ней» (в туче), т. е. что молодые веверицы, только что рожденные, приносятся в Новгородскую землю

[1]) Полное собр. русск. лет., 1471 г.
[2]) Доп. к Акт. Ист., I, 8, 1200 г.
[3]) Лаврентьевский сп., 1103 г. и др.
[4]) Русская Правда, Академ. сп., ст. 11, 12, 25, 26 и др.

на тучах и падают с неба [1]). Поэтому пушные звери являлись главным богатством Новгородского края, в особенности в северных его частях. Область Югры особенно знаменита была соболями, Двинская земля — бобрами, куницами, Печорский край — горностаями, песцами, лисицами, куницами. Белок было так много, что торговля ими шла на десятки тысяч шкур, и беличьи шкуры употреблялись как мелкие деньги. Разнообразные рыболовные угодья, годные для промышленной и торговой эксплоатации, дополняли обилие и богатство природных условий.

Понятно, что при таких условиях охота, как промысел, получала важное значение и распространение. Вот почему новгородцы весьма внимательно относились к своим правам на охоту и защищали свои охотничьи угодья от своих князей и других лиц, претендовавших на эксплоатацию охотничьих и рыбных промыслов и угодий. В договорах новгородцев с князьями весьма часто выдвигаются вопросы охотничьего промысла. В 1270 году новгородцы ставят в вину князю Ярославу, что он «от'ял Волхов гоголиными ловцы, а поле от'ял заячими ловцы» [2]). В договорах с другими князьями точно указываются места, отводимые князьями для охоты: «а свиньи ти бити за 60 верст от города», «а дале кому угодно», «а в Русу князьям ездити осень, а лете не ездити, ездити на Озвадо лете звери гонити», «а как пошло при моем отце и при моем брате, не ходите на Терскую сторону Новгородцем». Приводя эти и некоторые другие свидетельства памятников, Аристов замечает по этому поводу, что эта «часть ловлей, предоставленная на долю князей, оказывается небольшая; главный промысел зверем и птицей оставался во владении народа и частных лиц» [3]).

Таково же, повидимому, было и положение рыболовства, которое также составляло особый весьма распространенный промысел. Им занимались как отдельные лица, так и целые селения («исады»), монастыри, а в Новгороде целые «ватаги», т. е. рыбопромышленные артели. Правда промысла также защищались особыми договорами от князей и от княжеских промышленных «ватаг». Рыба шла для внутреннего потребления; рыбий жир, рыбий зуб, ворвань — шли на вывоз.

Наконец, такой же промысловый характер носило и бортничество, которым, кроме всех жителей лесных местностей, занимались

[1]) Ипатьевская летопись, 1114 г.

[2]) Лаврент. список, 1270 г

[3]) *Аристов*, Промышленность в древней Руси, 17.

иногда повидимому особые лица. А специальные торговцы в городах занимались торговлей медом и воском. И здесь договоры с князьями ограничивали их права на бортный промысел определенными местами, очевидно в ограждение прав других лиц на этот промысел [1])

Рабство в Киевской Руси

Таким образом по своему производственному направлению сельское хозяйство феодально-вотчинной эпохи, в особенности в наиболее ранний ее период (Киевская Русь X—XII вв), мало чем отличалось от производственных направлений первобытного хозяйства предшествующих веков. Оно попрежнему оставалось земледельчески-скотоводческим по преимуществу, с значительным развитием охотничьих и бортнических промыслов, получавших, в свою очередь, перевес в более северных частях страны. Но все же, техника основной отрасли хозяйства — земледелия, во всяком случае на юге, значительно прогрессирует, подготовляя базу для дальнейшего социального и экономического его развития Если первобытная мотыга предполагала крайне ограниченные рамки земледельческого хозяйства в пределах скудного пропитания семьи, то плуг давал уже возможность более или менее крупного производства. Техническая база для социального перерождения хозяйства в X — XI вв. уже имелась. Но, конечно, для осуществления такого перерождения необходима была не только такая техническая возможность, но и наличность, хотя бы в зачаточных формах, таких общественных элементов, которые в своем дальнейшем развитии, на основе новой хозяйственной техники, привели бы к новой классовой структуре общества.

Элементом, который дал источник и начало расслоения первобытного хозяйства, явилось рабовладение. Имевшее место еще в первобытном хозяйстве, на базе прямого подчинения, рабство в своем дальнейшем экономическом развитии, на базе новых производственных и хозяйственных условий, привело к окончательному расслоению первобытного хозяйства и к зарождению нового классового общества.

Рабовладение варягов-завоевателей — торговцев челядью, как мы видели, вначале не носило производственного характера и возникло в результате прямого завоевания, насильственного захвата в рабство; его экономической формой была продажа раба, как товара, а не использование его в производственных целях, как

[1]) Собр. госуд. грамот, I, № 1

орудия производства. Исторически процесс превращения раба в орудие производства шел через превращение варяга-воина и купца в землевладельца и хозяина, путем слияния этого пришлого класса купцов и воинов с туземным высшим землевладельческим и рабовладельческим классом. Исторически эти новые элементы рабовладельческого хозяйства получают более или менее законченные формы, могущие характеризовать новую эпоху примерно с XI века, когда варяжская, торгующая рабами «русь» становится уже не племенным названием пришельцев, воинов-купцов, а в виде Киевской Руси достигает государственного значения, как законченная политическая и экономическая система, основывающаяся на хозяйственной эксплоатации раба.

Понятно, что с тех пор, как под рабовладение подводится не только база вне-экономического принуждения, а производственное основание, должно измениться и положение раба, превращающегося из военной добычи — товара — в орудие производства. Кроме завоевания, возникают и другие формы установления личной, а вместе с тем и экономической зависимости. Рабство, как исконный институт древнего славянского быта, главным источником своего возникновения имело завоевание, плен. В Русской Правде не упоминается (хотя в то время, конечно, еще существует) этот обычный и древний способ возникновения рабства. Но, помимо рабства за преступления и по рождению, в ней есть указания и на другие, чисто экономические причины возникновения рабства: несостоятельность в уплате долга [1]), продажа себя в «обельные» (полные) холопы и, наконец, «тивуньство без ряду», т. е. поступление на службу тиуном, или ключником, без ряду [2]). Но и этим не ограничивались случаи возникновения холопства. Так, иногда оно возникало, например, при голодовках, когда родители отдавали даром в холопы своих детей («одьрен из хлеба гостем», «дети свое даяхуть одьрен» [3]).

Из приведенных примеров видно, что не только сущность рабства, холопства, но и его происхождение стали постепенно изменяться. Экономическои причиной возникновения «обельного», т. е. полного холопства, личного рабства, является уже не только «полóн» свободного обитателя завоеванной земли, но и отдача себя в холопство за долг, по экономической нужде, за деньги, за службу.

[1]) Русская Правда, Троицкий список, 50

[2]) Там же, 102—4.

[3]) Новгородская летопись, 1215

Таким образом, на-ряду с вне-экономическим путем установления рабства через пленение и завоевание (путем, который сохранял свою силу еще в XVI веке), появляется более важный для хозяйства путь экономического принуждения и зависимости. В Киевской Руси к XII веку устанавливается хозяйственная система, в которой раб и рабовладение становятся необходимыми звеньями всей экономики и притом не только в сфере обращения и торговли, но и в производстве. Отсюда эта система прочно укрепляется в хозяйственном строе всей феодальной Руси вплоть до XIV—XVI вв., пока с падением феодализма и исчезновением главного источника пополнения рабства — завоевания отдельных областей, оно не заменяется другими формами зависимости.

Но все же, как хозяйственная система, рабовладельческое хозяйство и в период своего расцвета имело неодинаковое распространение. Если в Киеве уже в XII веке рабовладельческое сельское хозяйство достигло расцвета (обусловив его разложение и падение), то в Новгородской области оно никогда не получило большого развития, и собственно рабовладельческое предпринимательское хозяйство было сравнительно мало распространено. Никитский указывает по этому поводу, что, судя по летописным известиям, у Варлама Хутынского, новгородского земледельца средней руки, число челяди ограничивалось всего несколькими рабами; у другого новгородца, Астафия, довольно богатого землевладельца, челяди было всего 18 семей [1]). Даже если предполагать, что эти факты несколько отрывочны и, быть может, единичны, все же у нас, повидимому, нет указаний на развитие в новгородской земле крупного предпринимательского хозяйства с несколькими стами рабов, как это было в Киеве.

Возникновение крупного землевладения

Чтобы превратить раба-товар в раба-орудие земледельческого производства, требовались еще и другие экономические предпосылки: во-первых, возможность частнохозяйственного захвата и использования основных средств производства, в первую очередь — земли, во-вторых — достаточно выгодная при тогдашней земледельческой технике производительность труда, позволявшая хозяйственно эксплоатировать рабский труд.

В Киевской Руси XI—XII вв. оба эти условия имелись. Первая предпосылка создавалась тем, что завоевание новых племен и заня-

---

[1]) *Никитский*, История экономического быта Великого Новгорода, 62.

тие новых земель давали первым князьям-завоевателям не только дань в виде мехов и челяди, но и землю с возможностью ее хозяйственного использования. Уже Ольга, при завоевании древлянской земли, начинает ставить на ней свои «места» и «села», а также «становища и ловища» [1]), т. е. переходит к организованному хозяйственному освоению и использованию завоеванной территории охотой, звероловством и бортничеством, очевидно, с помощью той же челяди. Но, конечно, наиболее прочное и полное хозяйственное освоение и использование могло создаться только на почве земледелия и обращения земли в частную собственность. В этом отношении можно думать, что некоторые земельные права князя и его дружинников, как завоевателей, намечались уже в X—XI вв. Об этом свидетельствует не только приведенное летописное известие об устройстве Ольгой своих «мест» и сел», т. е своих частных владений, но об этом можно судить также и по приведенному выше летописному рассказу об убийстве Олегом Люта за охоту во владениях Олега.

Эти земельно-территориальные права первоначально носили скорее племенной характер, т. е. противопоставлялись не столько как частные права владения отдельного лица всякому их правонарушителю, сколько как территориальные права всего племени всякому иноплеменнику. В течение X века, т. е. при первых князьях, и у них, и у дружинников еще не возникает в широких размерах частной земельной собственности. Она заслонялась фактом территориального завоевания племенной территории, господство над которой принимало экономическую форму, чаще в виде дани, чем в виде частнохозяйственной эксплоатации. Но все же эта самая дань создает экономическую почву и возможность возникновения и частного землевладения. Челядь, которой «ополонялись» князья, перестает быть товаром, а становится средством производства. Если для первобытного хозяйства и первобытной семьи трудовое начало являлось основой их земельных заимок, то и для возникновения крупного частного землевладения экономической основой становилось рабовладение и рабский труд челяди. Вместо того, чтобы сбывать последнюю, как товар, ее начинают сажать на землю.

Вместе с тем, однако, во всей хозяйственной и общественной жизни отпадала необходимость и возможность набегов и грабежей

---

[1]) Начальная летопись, 947 г

ради добычи рабов. Если раньше варяг не был заинтересован собственно в хозяйстве славянина, а лишь в нем самом, как в рабе, то теперь, посадив этого раба на пашню, он уже должен был установить определенные правовые нормы, обеспечивающие ему право владения этим рабом и его землей.

Работорговец-воин превращается в рабовладельца-землевладельца. Из рабовладения возникает землевладение. «Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие: таков был кажется диалектический процесс, которым сложилась у нас юридическая идея о праве земельной собственности», говорит по этому поводу Ключевский. Такова, можно прибавить, была и экономическая основа ее возникновения.

Частное землевладение стало возникать одновременно с тем, как закончилось завоевательное освоение территории, и после того, как в руках высших классов накопилось достаточное количество рабочих рук челяди, путем ее «ополонения» и войн. Это произошло в Киевской Руси не ранее XI века. Другими словами, около столетия со времени «легального» водворения среди славян варяжских князей и превращения их прежнего грабежа в «легально» собираемую дань потребовалось для того, чтобы эта дань пустила производственные корни в тогдашней хозяйственной жизни и заложила в первобытном хозяйстве владельческие частнохозяйственные элементы на почве экспроприации прежнего производителя.

Однако, экономически не менее, а, может быть, и более важной основой возникновения частновладельческого крупного хозяйства явилось не столько рабство «военного» происхождения, сколько происходившая уже в то время более длительная экономическая дифференциация среди массы свободного земледельческого населения и более медленно шедшая экономическая экспроприация земледельческого населения, превращавшегося из свободных земледельцев в зависимых наймитов или арендаторов крупного землевладельца. Поэтому характер земельных отношений приобретает не менее важное значение для хозяйственного развития, чем превращение раба в «пашенного холопа».

Земельные отношения

Земельные отношения феодально-вотчинной эпохи возникают в процессе дальнейшего развития тех земельных отношений, которые стали слагаться в конце первобытного хозяйства на почве его расслоения. При обилии свободных пространств, земля еще долгое время считается

вообще «божьей», «ничьей». В занятии ее преобладает простая заимка двором, селом, «деревней» в два-три двора, со всеми прилежащими к ней угодьями, с «лесами и пожнями», с бортными угодьями, с рыбными ловлями. При этом занятии верховное право рода и племени давно уже исчезло, отчасти заменившись правом «верви», как территориального союза, не носившего уже исключительного характера родовой связи. Вместе с административно-судебными функциями «вервь» распоряжалась принадлежавшими ей землями, отдавая их своим новоселам и защищая от чужих захватов, превращаясь таким образом собственно в земельное общество, как хозяйственное и земельное регулирующее об'единение. Но функции первого рода, т. е. административно судебные, повидимому, в верви еще преобладали, так как при обилии земли не было необходимости регулирования землепользования в пределах занятой территории, в виде уравнительных переделов и т. п.

Каждый занимал землю там, где хотел, и в таких размерах, сколько мог. Право на землю определялось общепризнанными началами: «куда топор и соха ходили», «расчисти — и твое» и тому подобное.

Эти земли, занимаемые и разрабатываемые отдельными лицами в пределах волостных земельных территорий, обыкновенно передавались наследственно, от отцов и дедов их потомству, не выходя из рода и не отчуждаясь обыкновенно «чужаку»; в таком случае они получали название «вотчины», «отчины», «дедины». Но иногда владельцы участков более широко пользовались своим земельным правом, отчуждая и продавая их. На этой почве мобилизации земли могли возникнуть неравномерность распределения земли, столкновения интересов отдельных землепользователей и т. д. В таком случае должен был возникнуть вопрос о взаимоотношениях, с одной стороны, этих индивидуальных прав на землю ее отдельного заимщика и владельца, а с другой — земельного общества, т. е. старой верви и развивавшейся из нее земельной общины. Последняя постепенно расширяет свои земельные права и к XIV—XV веку, повидимому, превращается в передельную общину, т. е. в земельное об'единение хозяйств, регулирующее земельные права их на началах уравнительности и переделов. Таким образом, одновременно и на ряду с возникновением крупного и частного привилегированного землевладения, земельные отношения массы населения, прежде ничем не регулируемые, получают новые формы общинно-уравнительных земельных отношений.

Вопрос об общинном землевладении

Вопрос о возникновении и характере земельной общины в нашей историко-экономической литературе представляется одним из самых спорных вопросов, оставаясь до сих пор не вполне выясненным. Когда и откуда возникла русская передельная община, и носили ли земельные отношения XIII—XV вв. характер передельно-общинных?

Необходимо прежде всего отметить, что общинные формы землевладения не являются исключительной исторической особенностью развития русских земельных отношений, как раньше предполагали: они имелись и в других странах Западной Европы. Но, с другой стороны, в европейских странах развитие земельно-общинных форм не пошло так далеко, как у нас, и не создало тех форм передельной общины, которые становятся характерными для наших земельных отношений; они остановились на более рудиментарных формах так называемой «долевой» общины. Сущность этой формы общины заключается в том, что при ней все члены общины признаются имеющими право на определенные «доли» общинной земли, притом доли, во-первых, неравные, так как уравнительных переделов община не производит: во-первых — только идеальные, так как реально земля все же не поделена в собственность между отдельными членами. Каждая семья может требовать закрепленной за ней доли земли, неравной с другими семьями, но община может производить изменение мест отвода, обмен участками, переверстки их, без изменения, однако, количества земли во владении отдельных семей. Отсюда видно, что долевая община включает в себе как элементы общинного землевладения, так и частного, и из нее может развиваться как та, так и другая форма, в зависимости от ряда условий. Так, в Зап. Европе долевая община постепенно разлагается и переходит к формам частного землевладения, тогда как у нас она эволюционирует дальше и переходит к формам уравнительно-передельной общины.

Такой формой долевой общины на Западе представляется германская «марка», типичная земельная организация средневековой Германии. В состав германской марки входили как крестьяне, так и более крупные владельцы-помещики, при чем часть земель как тех, так и других находилась в частной собственности, часть (выгоны, луга, леса) находилась в нераздельном общинном пользовании всей общины, и, наконец, пашня находилась в долевом владении крестьян. Так как такое устройство предполагает наличность земельного и имущественного неравенства, то постепенно более

крупные и богатые владельцы захватывают все большую и большую часть общинных земель. Далее, общинные земли захватываются вообще господствующими классами — королями, высшим духовенством, за которыми идет рядовое дворянство. Постепенно не только все общинные земли оказываются в руках владеющих классов, но и сами крестьяне, сидевшие на этих общинных землях, превращаются в крепостных. Долевая община у этих последних впрочем большею частью и при этом сохраняется до тех пор, пока после падения крепостного права (что в Зап. Европе происходит большею частью к началу XIX ст.) крестьяне от долевого владения прямо переходят к формам частной земельной собственности.

Несколько иным представляется процесс развития земельно-общинных отношений у нас. Как конечный результат их, мы имеем передельно-уравнительную общину, т. е. такую форму земельных отношений, когда земля закрепляется за отдельными членами не в неравных идеальных долях, а община производит количественное уравнение пользования землей своими членами путем производства уравнительных переделов. Как же и когда возникла эта наша уравнительно-передельная община, и в чем заключается ее социально-экономическая сущность?

Происхождение и развитие земельной общины

В ответ на вопрос об историческом происхождении нашей передельно-уравнительной общины нашими историками был выдвинут ряд теорий, относящих возникновение передельной общины непосредственно к родовому быту (Кавелин, Никольский); другие выводят происхождение общины из договорных начал или непосредственно из первобытной «верви» (Беляев), или из семьи (Блюменфельд, Ефименко); третьи, наконец, считают, что передельная община не имеет ничего общего с первобытно-родовой и что она образовалась значительно позже под непосредственным влиянием государства (Чичерин, Сергеевич). Не останавливаясь более подробно на этом важном вопросе о происхождении передельной общины, необходимо лишь указать, что в рассматриваемый период освоения земельной территории формирующаяся земельная община, с одной стороны, уже не имела никаких остатков прежнего родового быта, с другой — еще не всегда превращалась в передельную.

Как установлено некоторыми позднейшими исследователями (А. Кауфман) «живой истории» общины и существующих ее форм на окраинах (в Сибири, на севере), повидимому, и для эпохи XII — XIII в. в земельных отношениях преобладала свободная

заимка мелкими землепользователями участков земли. Благодаря обилию земли, не было еще необходимости строгого регулирования и тем более уравнительности этого землепользования. В общину мог вступать всякий, как сельчанин-крестьянин, так и горожанин и даже лица привилегированных классов. Всякий член общины мог захватывать землю, где ему было угодно, и в таком количестве, сколько он мог. Существовала таким образом так наз. «захватная» форма землепользования. Захваченный участок составлял «заимку», для закрепления которой за каким-либо лицом достаточно было сделать какой-либо знак на коре деревьев, на камнях и т. п. Самый факт такой заимки закреплял за лицом почти полное право собственности. Хотя формально земля считалась принадлежащей всей общине, но все же, как самая заимка земли, так и дальнейшее распоряжение ею были совершенно свободны — заимщик мог передавать свою заимку по наследству, продавать ее и т. п. Вследствие обилия земли, община не вмешивалась в эти земельные отношения. Однако земельные права общины сказывались в том, что заимку на общинной земле мог делать только член данной общины, а не посторонний. Поэтому же община вообще защищала права своих членов и интересы своих заимщиков в том случае, когда эти интересы сталкивались с заимщиками другой общины. Заимки производились большею частью одним — двумя, реже большим числом дворов, благодаря чему получалась значительная рассеянность поселений. Влияние государства на поземельную общину в этот период было ничтожно, и государство стояло совершенно в стороне от земельно-общинных порядков.

Такая форма земельных отношений существовала до тех пор, пока свободный захват земель был возможен вследствие достаточного количества удобных земельных угодий. Но, по мере того как начинала чувствоваться земельная теснота, стали возникать столкновения внутри общины, вызывая необходимость регулирования земельных отношений не только вне, но и внутри общины. Возникает таким образом новая форма так называемого «захватно-общинного землепользования». Община принуждена ограничить право свободного захвата. Если раньше заимщик мог занять всякий облюбованный им участок, даже не прилагая к нему труда и лишь поставив на нем «знаки» своей заимки, то теперь община начинает требовать для санкционирования заимки, чтобы участок действительно обрабатывался и лишь в таких размерах, которые соответствовали бы этим трудовым затратам. Понятно, что это требование

еще не приводит к уравнительности землепользования, так как тот, кто был богаче, кто имел больше скота, кто имел много рабочих рук в семье, тот захватывал и больше земли. В этот период значительное влияние на развитие земельных отношений внутри общины оказывает податная политика государства. Когда государство стало налагать на земледельческое население разного рода повинности, (а в особенности впоследствии, при введении подушной подати) выполнение их стало естественно связываться с землепользованием: всякий, кто нес повинности, должен был получить участок земли, и обратно — кто имел землю, тот должен был нести за нее повинности. Тем не менее община и на этой стадии еще не стремится уравнивать владение своих членов.

Очень часто общинное землевладение кончает свое развитие на этой стадии, переходя в формы долевой общины, как это было в Зап. Европе и не вырабатывая передельно-уравнительных начал. Необходимость земельного регулирования и уравнительных переделов возникает лишь тогда, когда исчезает прежняя земельная свобода заимки, когда обнаруживается земельная теснота, вследствие того, что не только все свободные земли оказываются захваченными крупными привилегированным собственниками, князьями, дружинниками боярами, но и общинные «черные» земли оказываются «окняженными», «обояренными», т. е. также превращенными в частную собственность тех же князей-вотчинников и бояр, уже на их «вотчинном», наследственном частном праве. При таких условиях, с одной стороны, стесненная в свободе заимок, с другой — под тяжестью своих податных обязательств и повинностей, община принуждена переходить на начала уравнительного распределении земли.

Передельная община таким образом весьма рано, еще со времени первых этапов «окняжения» и «обояривания» крестьянских земель, т. е со времени первых земельных «экспроприаций» мелкого земледельческого производителя, становится преобладающей формой земельных отношений крестьянства. Позднейшее закрепощение его, а затем дальнейшее расхищение оставшихся свободных крестьянских земель и, наконец, характер податной политики государства делают передельную общину не только особенно живучей, но и исключительной формой наших земельных отношений. Она принимается многими исследователями народническо-славянофильских направлений за особое «создание народного духа» исключительной социально-экономической ценности. В действительности,

как видно из сказанного, наша передельно-уравнительная община есть не что иное, как естественный результат раннего расхищения земель мелких земледельческих производителей привилегированными классами крупных землевладельцев, процесс ясно обнаружившийся у нас уже в XII — XIII вв. С этих пор в земельном пользовании возникают, с одной стороны, «черные земли» мелких земледельцев, сидящих на «окняженной» или «обоярённой» земле и пользующихся этой землей на началах большею частью общинного пользования; с другой стороны, все большее значение приобретает частное, вотчинное, привилегированное землевладение, нашедшее свою экономическую бозу сначала в рабском труде, а затем — в экономической эксплоатации прежних свободных земледельцев, сидевших на черных землях.

Черные земли

Характер «черных земель», владение которыми возникало из трудового права, из расчистки их из-под лесов, из трудового занятия ничьей, божьей земли, сохраняется долгое время и после того, когда уже появляется верховный владелец этих земель—князь, сначала, впрочем, не пред'являющий фактических прав собственности на эти земли. Поэтому даже тогда, когда уже появился новый формальный титул на эти земли — «земля великого князя» и «царева», владельцы и пользователи этих земель прибавили к этому титул: «а моего владения», «а росчисти наши». Фактически это была полная собственность, наследственная «вотчина» и «дедина», с свободным распоряжением ею, вплоть до продажи. Но все же появление верховного владельца не оставалось только голым титулом. На «черных» землях лежало податное обязательство, и кто их покупал, тот обязан был выплачивать и это обязательство. Это и приводит к внутреннему перерождению земельных отношений на черных землях.

Если раньше свободный захват или трудовая заимка являлись основой земельных прав, то теперь появляются и новые земельные обязанности — платить с земли подать. Вместе с тем, все более развивающееся земельное утеснение заставляет ограничивать не только совершенно свободный захват, но и права трудового землепользования. Так постепенно возникают общинно-передельные формы землепользования. Но главным признаком черных земель является прежде всего их податной, хотя все же независимый и ещё долгое время самостоятельный характер. Являлись ли собственниками этих земель отдельные земледельцы или вся община в целом, все же эти земли, даже и при признании формального

верховного титула на них за князем, противопоставлялись землям частно-владельческим, привилегированным, «белым». Это признание права на черные земли за их владельцами докатилось до Судебника 1497 г. Но уже с XII в. и особенно в XIII — XIV вв. начинается быстрый процесс захвата этих земель высшим классом окняжения и обояривания их, не только формально, но непосредственно, фактически. В результате такого крупнейшего социально-экономического переворота, закрепление этих земель за крупным владельцем превращает и прежних свободных владельцев в экономически и политически связанных с новым феодальным собственником. Так в процессе исчезновения черных земель закладываются элементы хозяйственной и политической системы феодализма.

Вотчинное землевладение

Элементы крупного землевладения и «вотчинного» хозяйства, основанного на рабском труде, встречались, как мы видели, еще в древнейший период. Но все же первобытные формы земельных отношений еще долгое время остаются преобладающими, и только в результате их разложения постепенно возникает частное землевладение и хозяйство. Частное «вотчинное» начало у мелких владельцев не получает развития именно потому, что, с захватом земли князьями, дружинниками, боярами и с обременением земли повинностями, общинные формы владения и пользования землею у этих мелких владельцев получают преобладание.

Наоборот, вотчинные права в руках представителей крупного землевладения начинают расширяться. Крупный вотчинник в вотчинной форме землевладения получает не только земельную собственность, но и ряд политических и хозяйственных прав по отношению к лицам, сидящим на его вотчинной земле. В историческом сложении этих вотчинных прав, обычно при завоевании, захвате или получении каким-либо князем земельной территории, прежние волостные земли, на которых были расположены отдельные займки, дворы и дворища, села и деревни, так же, как еще не занятые земли, стали об'являться землями «княжескими», и сидевшие на них земледельцы должны были платить князю тягло. Эти земли получили название черных земель. Во многих случаях на них господствовало общинное землевладение, в котором нераздельно соединялись как владение мелких дворов рядовых земледельцев, так и более крупные владения самих вотчинных владельцев. Но последние скоро начали выделяться из общей массы, как белые вотчинные земли.

Первоначально одно лишь формальное «окняжение» черных земель не вносило в положение земледельцев каких-либо новых хозяйственных условий землепользования. Но постепенно положение черных земель и их владельцев значительно ухудшается. «Окняжение» волости вело за собой обязанность постоя княжеских лошадей, содержания всякого рода княжеских людей, «ездоков», отбывания всякого рода повинностей и работ по «княжескому делу». Понятно, что все это подрывало хозяйство мелкого земледельца и заставляло его бросать свои земли и передавать их в руки более крупных вотчинников, или переходить на земли последних, где он находил защиту от разорения своего хозяйства княжескими данями и поборами.

Таким образом происходит процесс «обояривания» черных земель и создания на этой почве вотчинных отношений, схожих с земельно-правовыми и хозяйственными отношениями феодализма. Вотчинник, забирая крестьянские черные земли или переводя крестьян на свои земли, давая им защиту, получал над ними право суда и управления, являлся посредником между земледельцем и высшей властью. Феодальные права «иммунитета», льготы и привилегии вотчинников, создавали преимущества и выгоды для «сидевших» на вотчинных землях крестьян. Но, конечно, вотчинники, в свою очередь, требовали от крестьян, сидевших на их землях или на переходивших к ним черных землях, работы, повинностей, права хозяйственной их эксплоатации и тому подобное.

Вотчинное землевладение развивало вотчинное хозяйство. Прежде свободный и самостоятельный земледелец становился основной силой этого вотчинного хозяйства. Вот почему вопрос о привлечении на свои земли «волостных людей», земледельцев из чужих владений и из чужих волостей, представлялся весьма важным как для князей, так и для самих вотчинных владельцев. Поэтому этот вопрос — о праве или запрещении «выводить людей в свою волость» — является, начиная с XII — XIII в., на протяжении нескольких столетий кристаллизования вотчинного хозяйства, одним из наиболее важных вопросов различных соглашений между князьями, вотчинниками, областями и т. п.

Таким образом, если возможность и первые основы частновладельческого хозяйства были заложены рабством, то более глубокий и длительный экономический процесс экспроприации массы сельского населения приводил к не менее важным последствиям и

в формировании крупного вотчинного «владельческого» хозяйства на месте прежнего независимого мелкого.

Дворцовые земли

Рядом и одновременно с частновладельческим вотчинным хозяйством зарождается и совершенно аналогичный с ним тип княжеского или «дворцового» землевладения. Удельный князь в своем уделе был собственно тем же вотчинником, большею частью лишь самым крупным и богатым в своем уезде. При этом его владения часто были разбросаны и по другим княжествам. Эти вотчинные владения князей часто пополнялись, как простым захватом, так и покупкой у других разоряемых князей-вотчинников, у духовенства и др., переходя по завещанию к потомству, к членам их семьи. Так, в завещании Ивана Калиты (1328 г.) упоминается уже о 54 селах, которые он, как вотчинный владелец, раздает своим детям. Несмотря на отсутствие точного разграничения собственно государственных земель и княжеских земель частного владения, последние постепенно, однако, начинают выделяться в виде дворцовых земель, как вотчинные земли, принадлежащие княжескому роду.

Монастырские земли

Наконец, рядом с вотчинным частновладельческим и дворцовым землевладением, также уже с XII — XIII в., начинает развиваться и новый тип землевладения, аналогичный вотчинному — монастырское землевладение.

Уже с самого начала христианства на Руси церковь и монастырь быстро становятся сильнейшим сосредоточием земельных владений. «Благоверные» князья, закладывая церкви и монастыри, отводили и закрепляли за ними обширные земельные владения («да ей много именья... и села лепшая», говорит летописец о постройке Андреем Боголюбским церкви Богородицы в 1158 г.[1]). Благочестивые люди, ради благ загробной жизни и поминовения души, оставляли церквам и монастырям села и имения по завещаниям. Наконец, сами монастыри, митрополиты и епископы всячески увеличивали и округляли свои имения и села и путем покупки и путем выпрашивания всяких пожалований и т. п. Такие известные монастыри, как Троице-Сергиевская Лавра, владели вотчинами в 13 уездах с несколькими стами селений в них. Такие же представители центральной церковной власти, как московские митрополиты, впоследствии всероссийские патриархи,

[1]) Лаврентьевский список, 230.

владели имениями почти во всех княжествах и всех уездах, насчитывая свои имения сотнями, со многими тысячами крестьянских дворов и сел [1]).

При этом церковь и монастыри не ограничиваются однако указанными, весьма обильными источниками своих земельных приобретений и их расширения: они активно участвуют в захвате новых заимок, ничьих, «божьих» земель, в захвате черных крестьянских земель, в отбирании последних от крестьян путем суда и т. п. [2]). Монастырь и церковь вместе с князьями и боярами принимают живое участие в земельной экспроприации земледельческого населения и увеличении своих земельных владений.

Особенностью последних являлось еще то важное обстоятельство, что эти церковные владения у нас, как и в Зап. Европе, были так называемыми владениями «мертвой руки», т. е. не подлежащими вообще отчуждению и обороту. В то время как вотчинные владения могли раздробляться, продаваться и переходить из рук в руки, с правом последующего выкупа вотчинником, земли, пожертвованные или приобретенные церковью, закреплялись за ней навсегда. Это «вечное» закрепление соответствовало идеологической форме закрепления на «вечное поминовение», благодаря чему даже наследники пожертвованной монастырю вотчины лишались права выкупа ее у монастыря. Благодаря этому монастырское землевладение и хозяйство становились весьма важными и крупными факторами в распределении земли и в сельскохозяйственном производстве.

На основе таких процессов присвоения и перераспределения земли начинают возникать и еще более важные процессы перераспределения производительных сил и всего хозяйства между отдельными производителями и поглощение новым крупным «вотчинным» хозяйством прежнего независимого мелкого земледельческого хозяйства.

Экспроприация земледельческого населения

Еще в XII в. масса сельского населения представляла из себя свободное население, самостоятельно занятое сельским хозяйством. Эти свободные земледельцы носят общее название «смердов», «смердинов». Наиболее раннее упоминание о них мы находим в летописном рассказе

---

[1]) *Горчаков*, О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов, стр. 52 и след.

[2]) См. интересные документы по этому вопросу в упомянутом сочинении Горчакова, приложение.

о переговорах Владимира и Святослава по поводу похода на половцев. Святославова дружина доказывала, что поход на половцев нельзя предпринимать весной: «Яко негодно ныне весне ити, хочем погубити смерды и ролью (пашню) их». На это Владимир отвечал: «Дивно ми, дружино, ожи лошадий жалуете, его же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав Половчин ударить и стрелою, а лошадь его пойметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье» [1]).

Отсюда видно, что смерд — свободный сельский хозяин, ведущий свое хозяйство, имеющий свою пашню, скот. Другие источники той же эпохи дают некоторые дальнейшие указания на хозяйственное положение смердов. Помимо земледелия, они занимаются бортничеством [2]); передают свое имущество по наследству [3]); по некоторым толкованиям смерды имели даже своих холопов («смердин холоп») [4]).

Как главная масса свободного сельского населения, смерды были главными плательщиками княжеской дани. Так, по свидетельству летописи, во время одного из военных столкновений новгородцев и суздальцев, новгородцы «в'зяшя всю дань, а на суждальских смырдех другую [5]). В другом случае говорится: «не губите своих смьрд и своей дани». Михаил заключая договор с Новгородцами «вда свободу смердом на 5 лет даний не платити» [6]). Новгородцы изгнали Всеволода за то, что он «не блюдет смерд» [7]). Если прибавить к этому, что смедры составляли массу войска [8]) и что за оскорбление и убийство смерда платили, как за свободного человека, но ниже человека высших классов [9]), то станет ясным, что смерды представляли из себя свободный, но низший податной, преимущественно земледельческий класс.

История смердов, как свободного и самостоятельного земледельческого населения, неразрывно связана с историей частного

---

[1]) Лаврентьевский сп., 1103 г.
[2]) Русская Правда. Академ., 30, дополн. по Ростовскому сп.
[3]) Рус. Правда, Карамзинский список, 103, Троиц. 85.
[4]) Рус. Правда, Троиц. сп., 13, Академ., 23.
[5]) Синодальный список, 1169, 1193, 1229.
[6]) *Карамзин*, том III, прим. 327.
[7]) Синодальный список, 1136.
[8]) Ипатьевская летопись, 1245.
[9]) Русская Правда, Академ., 31—32, Троиц. 71—72.

землевладения. Дальнейшее развитие частного землевладения приводит к разложению класса смердов, как самостоятельных мелких сельских хозяев, и к превращению их в новые экономические образования. Хотя смерд и был по Русской Правде самостоятельным сельским хозяином, имевшим свою пашню и своего коня, однако эта самостоятельность, очевидно, иногда не была особенно прочна, а хозяйственное благосостояние — никогда не было особенно значительно. Недаром Владимир в своем «Поучении» говорит про себя: «Худого смерда и убогые вдовице не дал есм сильным обидети» [1]).

Очевидно, смерд — бедный, «худой» поселянин, по социальному своему положению стоит рядом с «убогои вдовицеи», которых могли «обижать» сильные люди.

От такого сопоставления смерда с убогой вдовицей недалеко до того нового термина, которым более поздние памятники заменяют смерда. Это — «сироты», также свободное, но малообеспеченное сельское население, деревенская беднота. Про них епископ Серапион в одном из своих поучений говорит, что те же «сильные люди» «свободных сирот порабощают и продают». Очевидно, что хозяйственное положение смердов-сирот вообще было очень неустойчивым.

Свободные, но обедневшие смерды должны были попадать в экономическую зависимость от «сильных людей», от крупных землевладельцев.

Можно думать, что, поскольку разлагалась первобытная крупная семья, поскольку возникало крупное рабовладельческое хозяйство частного привилегированного землевладельца с массой сельской челяди, — постольку все более неустойчивым становилось хозяйственное положение смерда. Теряя свою экономическую самостоятельность, он образовывал новые, хотя формально свободные, но экономически зависимые и хозяйственно несамостоятельные группы сельского населения. И если наши древнейшие письменные памятники, характеризуя однообразную массу тогдашнего свободного, но непривилегированного низшего населения, употребляют неопределенный термин «людие, люди», если до XII в. низший, но все еще хозяйственно самостоятельный земледельческий податной класс, уже довольно резко отграничившийся от высших классов, получил характерное название смердов, — то уже с XII —

[1]) Лаврентьевский сп., 1096 г

XIII в. упоминания об этих мелких, но самостоятельных земледельцах-собственниках постепенно исчезают.

С развитием частного землевладения они заменяются уже новым классом, земельные отношения которого к частным владельцам характеризуются, как отношения арендатора, наймита, должника, т. е. хотя все еще свободного человека, но сидящего уже не на собственной «ролье» (пашне), а арендующего ее у «господина» и от него зависимого.

Новгородские своеземцы

Несколько особый вид самостоятельного мелкого земледелия и земледельческого хозяйства имелся в Новгородской Руси. Как мы видели, в Новгородской земле вообще не создалось тех предпосылок к крупному предпринимательскому земледельческому хозяйству, какие были в Киевской Руси. Конечно, крупное землевладение бояр и монастырей в XII в. в Новгороде имело распространение, но все же оно было не слишком значительно [1]). И наоборот, мелкое земледельческое хозяйство, первоначально самостоятельное, повидимому преобладало в Новгороде в большей степени, чем в Киеве к XII в. Кроме смердов, земельное положение которых в Новгородской земле несколько неясно и спорно, мы имеем здесь весьма распространенный класс мелких землевладельцев и земледельцев, в виде так называемых «земцев» или сельников. Судя по многим указаниям Писцовых книг, этот класс мелких землевладельцев пополнялся бо́льшею частью из «молодших» людей Новгорода и его пригородов — ремесленников, «поповых детей», посадских, мелких торговцев и других средних или даже низших классов городского новгородского общества [2]). Среди земцев встречаются довольно крупные владельцы нескольких деревень, т. е. до сотни десятин посева, но преобладают мелкие посевщики, с посевом 1 — 2 десятины, т. е «крестьяне-собственники, которые сами пашут, сеют, косят [3]). Но, конечно, иногда и своеземцы имели владения и хозяйство более крупных размеров, чисто предпринимательского типа, с употреблением рабов в качестве рабочей силы для собственной запашки [4]).

Во всяком случае и в Новгородской земле к XIII веку мелкая земельная собственность начинает сильно сокращаться и, вместо

[1]) *Никитский*, Экономический быт Великого Новгорода, стр. 10.
[2]) *Никитский*, 41. *Сергеевич*, Древности, т. III, 8—11.
[3]) *Сергеевич*, Древности, т. III, 11.
[4]) Новгород. Писцовые книги I, 319, II, 236 и др.

нее начинается рост крупного землевладения и возникновение арендаторов, экономически зависимых от крупных землевладельцев. На какой же экономической базе создавались такие отношения, если, вообще говоря, недостатка в земле не было?

Экономические причины земельной зависимости

Два обстоятельства являлись здесь повидимому решающими: во-первых, недостаточность удобных для земледелия земель и необходимость расчистки из-под леса, и во-вторых — тяжелая, иногда мало плодородная почва, заставлявшая при низкой технике и при переложной или подсечной системе через несколько лет бросать ее под заросль для отдыха. Отсюда вытекала необходимость большей затраты материальных средств и труда для разработки новых участков. А это, при отсутствии средств у мелкого землероба, вело к разного рода экономической кабале на почве займа, ссуды и т. п., которые давал богатый землевладелец смерду для разработки его участка.

С другой стороны, всякое увеличение населения и состава семьи земледельца, требующее расширения хозяйства, вызывало вместе с тем и необходимость новых расчисток, которые опять-таки не могли быть произведены без ссуды, в виде скота, орудий производства, семян, денег. Но когда эти расчистки были использованы и бросались земледельцем, они оставались во владении крупного землевладельца, пока вновь не поступали в обработку тем же землеробам-смердам.

При этом необходимо заметить, что крупные землевладения часто не представляли, в сущности, обширных поместий в одном куске, а были разбросаны в нескольких десятках небольших кусков. Так, из писцовых книг Деревской и Вотской пятины видно, что у некоторых владельцев их имения составлялись из 20 отдельных, сравнительно небольших сел. Это обстоятельство заставляло эксплоатировать отдельные участки не столько собственным предпринимательским хозяйством, сколько сдачей в аренду мелким земледельцам.

Таким образом крупное землевладение нашло особый путь эксплоатации и получения доходов со своих владений — не непосредственной предпринимательской эксплоатацией своих земель рабским трудом, а путем отдачи их мелкому, экономически зависимому от них земледельцу-смерду. Этим путем землевладельцы не только получали доходы со своих земель и отданных в ссуду капиталов, но и расширяли трудом наймитов-смердов площадь

своих удобных пашенных земель, даже более успешно, чем через свое собственное рабовладельческое хозяйство.

Докапиталистический арендатор

Новый вид арендных земельных отношений достаточно ясно выступает уже во время Русской Правды. Зная смерда, как самостоятельного мелкого хозяина-собственника, Русская Правда знает также и «закупа», «ролейного закупа». Псковская судная грамота даже вовсе не знает смерда, но знает лишь «изорников», «огородников», «кочетников». Все это — уже не самостоятельные мелкие землевладельцы-хозяева, а наймиты-арендаторы, т. е. безземельное население, живущее на чужой земле и ее обрабатывающее на условиях займа или аренды. Закуп — простой наймит, сельский батрак, обрабатывающий господскую землю. Он живет у господина, не может самовольно оставить свою аренду, но все же остается свободным человеком и только в случае побега обращается в холопа. Он имеет кое-какое свое хозяйство («свойской конь») [1]), ведет его независимо от господского хозяйства («орудия свои деять» [2]); работает он за наемную плату «купу» или «копу». Но в то же время эта хозяйственная самостоятельность настолько невелика, что господин дает ему «плуг и борону» [3]), т. е. у закупа нет даже простых необходимых земледельческих орудий. Это обстоятельство об'ясняет и причину происхождения закупничества: хозяйственная необеспеченность не позволяла завести собственное хозяйство и заставляла итти в чужое хозяйство в качестве наймита. При этом, источником обязательств, вытекающих из наймитства, по мнению большинства исследователей, является заем, задолженность, которая и заставляла отрабатывать этот долг в хозяйстве заимодавца-господина. Закуп, таким образом, — сельский батрак, наймит, отрабатывающий своим трудом свой кабальный долг хозяину.

Близкое к этому положение занимает и псковский «изорник» — с'емщик пашни, «огородник» — с'емщик огорода и «кочетник» — с'емщик рыбной ловли. Здесь на первое место также выдвигается не личный наем, а аренда. Отдельные статьи Псковской грамоты довольно подробно и точно определяют эти арендные отношения, возникающие между с'емщиком и землевладельцем, условия и сроки установления аренды, ее прекращения, вознаграждения

---

[1]) Русская Правда, Карамзинский сисок, 71.
[2]) Там же, Троицкий список, 54
[3]) Там же, Троицкий список, 53.

за аренду и т. п.[1]). Особенно важным представляются размеры арендной платы: изорник уплачивает землевладельцу четверть урожая, огородник — половину. Таким образом, это была натуральная аренда исполу, в форме свободно-договорных отношений. Но в то же время, в основе их, как и в основе закупничества, часто лежала задолженность арендатора землевладельцу: последний ссужал с'емщиков своей земли деньгами, орудиями производства, семенами для посева и даже для продовольствия («семена емены»). Этот заем натурой или деньгами, так называемая «покрута», являлся, повидимому, весьма распространенным и обычным спутником аренды. Очевидно «покрута», заем натурой для обзаведения хозяйством и для пропитания до сбора урожая, являлась необходимостью для мало-самостоятельного арендатора. И хотя личная независимость изорника выражается даже более определенно, чем закупа, но экономическая зависимость была, повидимому, не менее тяжелой. Изорник за невыполнение обязательств и за оставление аренды не обращался, как закуп, в холопство, а установленный законом срок окончания аренды (14 ноября, «Филиппово заговенье») ограждал одинаково интересы как землевладельца, так и с'емщика. Но, с другой стороны, строгие правила взыскания покруты и обременительность долга создавали для этого с'емщика тяжелые условия существования, от которых он также скрывался в бегах. В случае неуплаты долга он фактически мог попадать в положение холопа или во всяком случае прикреплялся кабальными условиями выплаты этого долга к земле, фактически превращаясь в крепостного. Таким путем, в этом изорнике мы видим, пожалуй, наиболее раннюю форму и прототип будущего крепостного крестьянина, прикрепленного к барской земле, хотя в то время и сохранявшего еще формальную свободу и самостоятельность.

Организация частновладельческого хозяйства

Таким образом в основе возникновения частновладельческого хозяйства XII—XIV вв. лежали два основных момента: рабовладение и землевладение, т. е. «экспроприация» как самого сельского производителя, так и его земли. Захват в рабство был первым «вне-экономическим» способом этой экспроприации. В дальнейшем на этой почве развивается тот экономический процесс, который приводит к формированию особого хозяйственного типа владельческого вотчинного хозяйства. С XII в. частновладельческие и частнохозяйственные эле-

[1]) Псковская судная грамота, 42, 44, 51, 84—86 и др.

менты получают уже значительное распространение и юридическое признание. Князья, их приближенные («княжьи мужи») и духовная аристократия становятся и руководящим землевладельческим классом.

Частное владение получает значение юридического института и имеет уже государственную защиту. Русская Правда подробно перечисляет наказуемость за нарушение прав частного владения, в чем бы оно ни состояло: «аже межу перетнет бортную или ролейную разореть или дворную тылом перегородит... аже дуб подотнеть знаменьный или межьный...» [1]) и др. Другими словами, земельные права как на земледельческие, так и на бортные и др. участки находят себе уже правовую защиту.

Вместе с тем земельная собственность вообще становится основой нового классового деления общества. По этому принципу прежний воин-варят, «княж муж», как называют княжескую дружину помятники X века, и прежний славянин-рабовладелец, купец-гнищанин, сливаются в один новый класс — боярземлевладельцев и вотчинников, — к которому близко примыкал и высший класс духовенства (монастыри). Земля, населенная челядью, крупное хозяйство на рабском труде, вотчинное хозяйство на основе зависимых экономических отношений становятся экономической основой этого общественного класса. Уже в XII веке летописные и другие известия пестрят сообщениями, свидетельствующими о наличности у этих классов крупных рабовладельческих хозяйств. «Села» с челядью, как тогда назывались частные владения, со скотом и со всяким хозяйственным оборудованием, являются основой богатства и власти, вместе с тем и об'ектом усобиц, военной борьбы и проч. Таковы летописные рассказы об усобицах Ольговичей, которые в 1135 г. «села пожгоша... а людье уидоша, и мног полон взята, скоты и коне» [2]); рассказ о взятии Киева Изяславом, когда были разграблены игоревы «села и скоты» [3]); при походе Андрея Боголюбского в Новогородскую землю, его воины «села взяша и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скот поимаша» [4]).

Описывая усобицы между отдельными княжествами, летописец под 1177 г. неоднократно отмечает про разных князей: «а села боярские взяша, и кони и скота», или: «и пожже город весь и се-

[1]) Русск. правда, Академ, 33, Троицкий, 64—66, Карамзинский, 83.
[2]) Лаврентьевский сп., 1135.
[3]) Ипатьевская лет., 1146.
[4]) Там же, 1173.

ла», и опять: «села пожже боярьская, а жены и дети и товар да поганым на щиты» [1]).

Таким образом «село» Киевской Руси XI — XII в. — это уже не только форма поселения (как раньше — «сходятся межю селы»), а именно форма частного земельного владельческого хозяйства. В этом словоупотреблении в летописных известиях XI — XII в. «село» обозначает не населенное место многих отдельных дворов, а земельный участок отдельного лица и его семьи со всеми хозяйственными угодьями, с хозяйственным центром и местожительством этого лица — двором, дворищем. В этом именно смысле древние памятники (летописи, жития святых и пр.) говорят о разорении сел во время нападений, о жизни «на селе своем», о пожертвовании и завещании сел и т. п.

В состав села, как земельного участка, входят разнообразные угодья: поля, пожни, ловища, ягодники, перевесища, тони, т. е. земледельческие, звероловные, птицеловные и рыболовные угодья. Повидимому, такое земельное владение могло представлять из себя чересполосный участок, иногда весьма крупный, иногда небольшой. В некоторых древних завещаниях из перечислений жертвуемых или завещаемых участков можно видеть их хозяйственный состав. Так, из завещания некоего Григория видно, что его село состояло из двора, трех полей, из орамой земли под двором, из поволоков, «и притеребы, и заполькы, и репища, и ловища, и в речекы участок ловити». В другом случае перечисляется продаваемое «село», состоящее из 7 полей, участка в дворище, в соснике, в пожнях и проч. [2]).

Часто такое «село» обозначает небольшое, крестьянского типа владение, которое иногда дробилось по завещанию, при переходе по наследству и пр. В последнем случае, часто наследники получали «полсела», «треть села», сохраняя совместную жизнь в этом «селе» и образуя таки путем «деревню» в 2-3-4 двора, иногда с совместным пользованием некоторыми угодьями. Иногда встречаются села весьма незначительных размеров, принадлежащие и другим низшим классам. Так, в Двинских грамотах XIII в. встречаются известия о продаже мелкими землевладельцами и ремесленниками своих земельных участков за 30-120 белок, за несколько десятков рублей на наши деньги, т. е. несколько десятин.

---

[1]) Лаврентьевский сп., 1177.

[2]) *Довнар-Запольский*, История русского народного хозяйства, 234.

Точно так же частную земельную собственность приобретали ремесленники и купцы; последние покупали иногда владения довольно крупных размеров. Так о новгородском госте Тарасе Петрове летопись говорит (1371), что «откупил он полону множество всяких чинов своею казною и купил себе вотчину... 5 сел».

Таким образом, приобретение земли на правах частной собственности формально ничем не ограничивалось. Но, конечно, с тех пор как земля стала источником дохода и приобрела ценность, за приобретение ее нужно было платить. А платить могли те, кто имел свою «казну», кто предварительно накопил ее путем ли дани и грабежа, путем ли более или менее легальной торговли, т. е. привилегированные классы — дружинники, боярство, высшее купечество и т. п. Поэтому «села» становятся синонимом более или менее крупного имения привилегированных классов. Именно в этом смысле «села», как частные имения привилегированного класса боярства, с их челядью, скотом и прочим «имением», начинают уже весьма часто встречаться в летописях с XII века.

Что эти села представляют из себя иногда весьма крупные хозяйственные предприятия, в особенности у монастырей и князей, видно из многочисленных известий о грабежах в этих селах, а также о завещаниях этих сел своим родичам, монастырям и проч. В летописных известиях о разграблении княжеских сел часто упоминается о больших запасах товаров, вина, меда, железа, хлеба, скота, лошадей и пр. Так, Изяслав отнимает у Святослава его княжение и в нем «двор» Святослава, в котором находит деньги, «товар иже бе не мочно двинути и в погребех было 500 берьковсков меду, а вина 80 корчаг... и челяди 7 сот [1]).

Не многим отличались по величине и богатству села и дворы и княжеских дружинников, у которых другой победитель «зая товара много... золота и серебра, и челяди, и коний и скота» [2]).

В тех же XI — XII в. возникает и монастырское землевладение, и хозяйство, составляемое из пожертвований, завещаний, пожалований, приобретений по купчим и пр. Таковы наиболее ранние известия о завещании Новгородца Климента (XIII в.) Юрьевскому монастырю двух сел «с обилием и с лошадьми и с бортью и с малыми селищи, и пень и колода»; о пожертвовании Изяславом (XII в.) Пантелеймоновскому монастырю сел «с пожнями и с топей»

---

[1]) Ипатьевская лет., 1146.

[2]) Ипатьевская лет., 1159.

и «с землею и с людьми и коньми и лес и борти и ловища». О том же говорится в известиях о пожаловании земли Печерскому монастырю Изяславом [1]), о пожертвовании Печерскому монастырю «сел с челядью» [2]), о пожертвовании Хутынскому монастырю земли «с челядью и со скотиною» [3]) и многие другие. Церковь и монастыри являлись владельцами крупных владельческих хозяйств.

Таким образом на протяжении X — XII веков сельское хозяйство с основными его производственными отраслями — земледелием, скотоводством, звероловством, бортничеством — приобретает характер вотчинного рабовладельческого предпринимательного хозяйств. Можно думать, что все основные отрасли сельского хозяйства, рыболовства, бортничества, охоты, получают более или менее законченные формы крупного «замкнутого» поместного хозяйства, разнообразного (для того, конечно, времени) по своему составу. Основные и наиболее важные естественные богатства и источники существования захватываются частными владельцами. Не говоря уже о собственно земледельческом хозяйстве, которое часто приобретало довольно крупные размеры на предпринимательской рабовладельческой основе, в частновладельческом хозяйстве даже такие отрасли его, как охота и бортничество, приобретают характер предпринимательский. Об этом говорит наиболее древнее известие о захвате Ольгой земель древлян, где она стала ставить «уставы и уроки», «становища и ловища», т. е. завела самостоятельное, княжеское охотничье хозяйство.

Вместе с установлением частной собственности на землю охотничья и звероловная ее эксплоатация приобретала частнохозяйственный характер не только у князей, но и у отдельных лиц, у монастырей и пр Об этом говорят, напр., новгородцы Ярославу во время своей распри с ним [4]); те же указания имеются в различных договорах городов с князьями, когда последним отводятся охотничьи угодья — «тетеревники», «ловища гоголиные», «перевесища» и пр. — для их частновладельческого использования.

Не менее ясно видно, что начало частной собственности распространяется на бортничество, так как бортные угодья, как и охотничьи и земледельческие, так же покупаются, переходят по завещанию, хозяйственным образом эксплоатируются. Поэтому, например,

[1]) Полное собрание русских лет., I, стр 68.
[2]) Ипатьевская лет., 1158, 2.
[3]) Доп. к А. И. I, 5.
[4]) Лаврентьевский сп., 1270.

Русская Правда говорит о «княжьи борти», которые защищаются законом [1]) и на которых имеются свои бортники [2]). И в этой отрасли предпринимательного хозяйства церкви и монастырям принадлежало видное место, тем более, что воск требовался для церковного служения; поэтому же право эксплоатации бортных угодий церковью закреплялось впоследствии даже ханскими ярлыками.

Повидимому, очень значительной отраслью крупного частновладельческого — княжеского и боярского — хозяйства было скотоводство, в особенности табуноводство. Для заведывания этой отраслью княжеского хозяйства имелись «конюха» (уже у Олега был даже «старейшина конюхов»), овчары, коневники, тиуны. Размеры стад были велики — у Игоря и Святослава (1145 г.) в одном из их сел было «кобыл стадных 3 000, а конь 1 000».

Не всегда, впрочем, и не во всех своих имениях князья, бояре и крупные землевладельцы вели такое самостоятельное хозяйство. Часто, в особенности при разбросанности имений в разных местах, они не вели хозяйства, а получали лишь доходы со своих арендаторов и вообще с сидевшего на их землях населения. Или сами, во время своих «об'ездов», или через своих ключников, они собирали продукты, необходимые для собственного личного потребления, а также и разного рода продукты, но уже более «товарного» характера (лен, меха, кожи, воск, мед и пр.). В таком случае заботы землевладельца по отношению к своим владениям ограничивались только сбором этих повинностей и даров. «А доколе сын мой Федор подрастет, — пишет в своем завещании один такой владелец, — а дотоле ездит по моим селам брат мой Григорий, в мое место и людьми моими володеет, а хлеб и куны и дар, а то идет матери моей и сыну моему Федору» [3]). В связи с этим, иногда собственная запашка в боярских селах была очень невелика и часто не превышала средних размеров обычной крестьянской запашки в несколько десятков десятин, т. е. удовлетворяла лишь непосредственному потреблению семьи [4]).

Такой же способ ведения хозяйства иногда применялся и в крупных монастырских владениях. Последние к XIII в. обнаруживают значительный рост, увеличиваясь или путем всякого рода за-

[1]) Русская Правда, Троицкий сп., 64.
[2]) Доп. А. И., I, № 4.
[3]) Акты юридич., 430
[4]) Новгородские писцовые книги, I, 83.

вещаний, пожертвований богобоязненных людей, непосредственных покупок, получением путем залогов, в случае неуплаты выданного долга или, наконец, непосредственным расширением росчистей трудом тех же смердов. При всем том, собственных запашек во многих монастырских владениях так же, как и в боярских, было мало. Доходы с них составлялись и собирались тем же путем об'ездов настоятелем и ключниками своих волостей и сел и сбора там жита, яиц, кудели, воска, денег и пр.

Характер феодального хозяйства

Так возникает и образуется основная хозяйственная единица феодально-вотчинной системы — крупное землевладельческое хозяйство. По хозяйственной своей основе оно представляет типичную «натуральную» хозяйственную организацию замкнутого характера, т. е. производящую главнейшую массу своих продуктов для собственного потребления. Преобладающая масса продуктов, производимых в этом хозяйстве с помощью рабов — продукты земледелия, скотоводства, бортничества и их переработки, все эти запасы хлеба, скота, шерсти и кожи, меда, полотна и пр., имевшиеся в изобилии в крупных княжеских и боярских вотчинах, — шла на собственное потребление внутри этого хозяйства. То же назначение имели и продукты, приносившиеся в хозяйство изорниками, закупами, огородниками, кочетниками в виде хлеба, льна, полотна, яиц, масла, рыбы и пр. Этому не противоречит то обстоятельство, что некоторая, довольно значительная часть этих продуктов шла и на продажу. Несмотря на необходимость приобретать покупкой многие нужные предметы, не производившиеся в хозяйстве, особенно предметы роскоши, а для этого — отчуждать и обменивать свои продукты, хозяйство все же не принимало характера товарного хозяйства, а его продукты не превращались в товары. Самая обширность хозяйства и его организации, с массой челяди, служилых людей, разных ключников, тиунов, сокольничих, управляющих и пр., обуславливала необходимость большой производственной деятельности, больших запасов, больших размеров потребления. Конечно, градация в величине здесь была очень большая, начиная от небольшого двора или сельца, до целой системы «сел», связанных в одну хозяйственную организацию; но, тем не менее, все они одинаково носили преобладающий «натуральный» характер.

Другой характерной чертой такой хозяйственной организации, уже особенно ясно проявляющейся в XIII — XV вв., является ее связь с мелким производящим хозяйством. Хотя в это время полно-

го развития достигает и рабовладельческая основа такого крупного хозяйства, но вместе с ней развиваются и все большее значение получают производственные и земельные связи этого хозяйства с мелким хозяйством смердов, закупов, изорников и др. земледельцев, сидевших на обоярённых и окняжённых землях. Эта связь крупного хозяйства с мелким имела то важное производственное значение, что благодаря этому крупное хозяйство по производственным своим направлениям становилось в тесную зависимость от мелкого. Мелкий земледелец, сидевший на земле крупного владельца, не только вел свое собственное хозяйство, но и пахал своим скотом и инвентарем княжескую и боярскую землю, косил и убирал хлеб и сено, ловил на княжеских ловлях рыбу, занимался для княжеского и боярского двора бортничеством, охотой и пр.

Правда, в XII — XIII вв. эта хозяйственная связь мелкого хозяйства с крупным и подчинение первого второму еще не вылились в окончательно закрепившиеся формы. В хозяйственных отношениях земледельца и землевладельца вначале преобладал оброк, предполагавший наибольшую степень хозяйственной независимости свободного земледельца, смерда или изорника, от землевладельца. Но этот оброк ставил, наоборот, в наибольшую зависимость крупное хозяйство от мелкого хозяйства смерда в отношении получаемых в виде оброка продуктов: крупное хозяйство получало только то, что производило мелкое. Организация собственного рабовладельческого хозяйства вносила в этом отношении корректив, позволяя барскому хозяйству развивать те отрасли, которые были невозможны при оброке. Поэтому крупное княжеское хозяйство особенно развивает свое рабовладельческое производство, тогда как более мелкое чаще сидит на оброке.

Но вообще по мере роста производительных сил и расширения барского хозяйства, переход к непосредственной эксплоатации труда смердов и др. людей, сидевших на барской земле, в самом барском хозяйстве становится экономически необходимым. Так возникают те отношения барщины, которые, еще задолго до превращения ее в законченную систему крепостного хозяйства, становятся преобладающей основой феодального землевладельческого хозяйства и прочной экономической и политической связью между барщинным крестьянином и крупным землевладельцем-вотчинником.

Этим же создается и экономическая необходимость возникновения тех всевозможных льгот и преимуществ, которыми крупные зем-

левладельцы-вотчинники наделяли сидевших на их землях крестьян. При свободе и подвижности тогдашнего населения, при недостаточности рабочей силы, при экономической выгодности всяческого привлечения на свои земли новых поселенцев, крупные и наиболее влиятельные вотчинники (включая сюда и монастыри) ограждали свои исключительные права на хозяйственную эксплоатацию этого населения особыми льготами. Вместе с освобождением населения от уплаты княжеских налогов и торговых пошлин, от всевозможных натуральных повинностей, постоя, подводной повинности и пр., вотчинники получали от князя и право суда над своими крестьянами, право их судебной защиты и т. п.

Обыкновенно эти льготы и права жаловались особыми грамотами, подробно перечислявшими предоставленные льготы. Эти грамоты давались как церковным и монастырским вотчинам, так и светским вотчинникам-боярам, иногда даже, повидимому, не «большим» людям. Но понятно, что чем более влиятельным, крупным и могущественным был вотчинник, тем более существенное значение и выгоды имели для него и для его крестьян эти права. Для крестьян они давали возможность ведения хозяйства под защитой вотчинника от произвола волостелеи-кормленщиков, тиунов их. На этой почве возникает институт «закладничества», когда крестьянин «закладывался» за какого-либо боярина-вотчинника, отдавался под его покровительство — институт повидимому, близкий к западному феодальному патронату (Павлов-Сильванскии). Но понятно, что, располагая льготными грамотами и правами, сам вотчинник мог усилить в свою пользу хозяйственную эксплоатацию крестьянина, расширить свое хозяиство, увеличить свои росчисти и новые земельные владения.

Таким образом, вотчинник, получая от князя ряд прав и неся перед ним определенные служебные обязанности, в то же время в хозяйственном отношении все более прочно об'единялся в замкнутое хозяйственное об'единение с мелким крестьянским хозяиством. На этой почве создавалась известная иерархия такой зависимости и об'единения. Во всяком случае, такое хозяйственное об'единение и подчинение крупным вотчинным хозяйством мелкого земледельца, при той раздробленности и слабости политической власти, которой характеризуется наш удельный период, особенно в XIII — XV вв., привело к заложению у нас основ феодальной системы.

Наличность у нас основных элементов этой системы как в политическом, так и в хозяйственном отношении в настоящее время

в нашей литературе не возбуждает сомнений. Спор идет лишь о степени сходства этих явлений нашего феодализма с западно-европейским: наличность отдельных элементов феодализма признается всеми почти нашими историками, в том числе и старыми — Соловьевым, Костомаровым, Кавелиным и др. Ключевский же указывает, что сравнительно с западно-европейским феодализмом у нас нет двух его основных признаков. Западно-европейский феодализм протекал в двух основных процессах: с одной стороны, областные управители, поставленные центральной властью, пользуясь ее слабостью, обращали в свою собственность земли данной им области; с другой — крупные собственники, пользуясь той же слабостью центральной власти, стали присваивать себе политическую власть в качестве наследственных уполномоченных центральной власти. У нас процесс феодализации до таких форм не дошел, так как княжеские «кормленщики» — бояре — получали в свое частное доходное управление города и волости, а также различные льготы и иммунитеты лишь временно. Земли в этих округах никогда не становились земельною собственностью бояр, их политические права управления и иммунитеты не превращались в пожизненные, и сами они не превратились в маленьких, но самостоятельных «монархов», «баронов».

Тем не менее, необходимо признать, несмотря на эти особенности, наличность у нас как политических форм, так и экономических основ феодализма. И в Европе феодализм в разных странах не носил совершенно тождественных форм и не достиг одинаковой степени развития. После исследования Павлова-Сильванского можно считать установленными, что основные элементы феодализма у нас были в довольно развитом и законченном виде. Для экономического развития особенно важными моментами этого строя являлось, с одной стороны, «обояривание» общинных земель, экономическое об'единение вотчинного хозяйства с крестьянским, создание на этой почве замкнутости и натурального характера крупного хозяйства; с другой — те политические права управления и суда, а так же те финансовые экономические льготы и иммунитеты, которыми пользовался вотчинный владелец.

И несмотря на то, что эти владельцы-вотчинники у нас не превратились в западных «баронов», независимых монархов своих маленьких вотчин; несмотря на то, что «окняжение» земли победило ее «обояривание»; несмотря на то, что быстрое возвышение центральной власти скоро и политически, и экономически об'единило и

подчинило этих феодальных вотчинников — все же основные экономические черты феодализма у нас оказались настолько живучими, что экономически они целиком перешли в новую эпоху и были положены в основу новых форм крепостного хозяйства. Типичные этапы развития этого последнего проходили поэтому у нас не в период политической феодальной системы, а в период единого государственного об'единения. Но вместе с этим и само крепостное хозяйство переродилось из своей феодально-натуральной замкнутости в более широкие обще-национальные формы, об'единенные политически государством, а экономически — торговым капиталом.

ЛИТЕРАТУРА.

Кроме указанной в предыдущей главе общей литературы, специально по истории *сельского хозяйства* и земельных отношений XII—XV вв: *Блюмфельд*, О формах землевладения, 1884. — *Соколовский*, Экономический быт земледельческого населения, 1878. — *Ключевский*, Опыты и исследования. — *Горчаков*. О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов, 1871. — *Гневушев*, Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, т. I. Сельское население Новгородской области, 1915. — *Беляев*, И., Крестьяне на Руси, 1879 — *Беляев П. И.*, Холопство и долговые отношения по древне-русскому праву, «Юр. Вест.», 1915. — *Павлов-Сильванский*, Феодализм в древней Руси, 1907. — *Его же*, Закладничество — патронат, Зап. Арх. О-ва IX, 1897. — *Лаппо*, Тверской уезд в XVI в., 1894 — *Бахрушин*, Княжеское хозяйство XV в. (Сборн, посв Ключевскому). — *Рожков*, Социологические очерки, т I, Натуральное хозяйство древней России. — *Леонтович*, Крестьяне юго-западной Руси, 1863.

Источники. См указания к предыдущей главе.

Глава IV.

ТОРГОВЛЯ И ГОРОД В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Возникновение промыслов

Возникновение новых производственных отношений в земледельческом хозяйстве и возникновение крупного хозяйства должно было видоизменить и все последующие экономические отношения. Крупное земледельческое хозяйство, в преобладающей степени «натуральное» и служащее целям собственного потребления, все же не могло вестись уже исключительно на основах полной замкнутости, изолированности и отсутствия сбыта своих продуктов.

Конечно, те продукты земледелия, скотоводства, бортничества, охоты, которые собирались на боярских землях и угодьях, а также приносились в виде платы закупами и изорниками, в подавляющей своей части шли на личное хозяйственное или военное потребление боярина, его дружины и челяди. Но все же значительная и притом более ценная часть шла в торговлю. Меха, воск, мед попрежнему, как древняя дань, являлись главным предметом сбыта, «товарной» частью хозяйства. Но теперь эти продукты получались уже не в чистом виде грабежа и дани, а получали производственную основу и имели целью дальнейший сбыт на внешний рынок. Конечно, специальной целью работы на рынок даже крупное вотчинное хозяйство не задавалось, и рыночная реализация его продуктов первоначально являлась случайной и частичной, небольшой по своим размерам и не лежавшей в основе всей хозяйственной организации. Самый рынок, на котором могли бы сбываться продукты сельского хозяйства, представлялся очень небольшим, так как общественное разделение труда еще недостаточно проникло в общественный строй.

Выше мы уже указали, что развитие города, как промышленного центра, возникшего на почве разложения вотчинно-феодального натурального хозяйства и разделения труда, шло у нас

гораздо более медленно и менее интенсивно, чем на Западе. Тогда как в Зап. Европе, уже к XII—XIII вв. на общем фоне феодально-вотчинного хозяйства начинают выделяться города как промышленные центры, выполняющие громадную историческую, экономическую и политическую миссию борьбы против натурально-хозяйственной замкнутости и разобщенности феодализма и борьбы за экономическую и политическую независимость, у нас город как промышленный центр играл гораздо более подчиненную роль и не создал законченной «эпохи» в развитии народного хозяйства, как второй этап разложения феодального строя. Промысловые занятия, возникающие в недрах первобытного натурального хозяйства, еще долгое время не выделяются из него на основе общественного разделения труда в специально городские промышленные профессии.

Приведенные выше лингвистические указания на наличность промысловой переработки продуктов еще в хозяйстве праславянской эпохи не дают указаний на наличность специальной хозяйственной организации этой обработки, т. е. в какой мере она существовала в пределах и недрах натурального сложного хозяйства или экономически и социально выделялась в виде отдельных промыслов.

Наоборот, можно думать, что мелкое хозяйство при невысоком уровне потребностей сохраняло самоудовлетворяющийся характер и мало нуждалось в хозяйственных услугах специальных ремесленников. В то же время крупное вотчинное хозяйство как частно-владельческое, так особенно монастырское, не только в значительной степени удовлетворяло всем своим потребностям в изделиях, даже сравнительно сложных и тонких, но даже могло и само сбывать свои продукты промысловой обработки на городской рынок. Таким же относительно технически-высоким характером своих промысловых отраслей, служащих в первую очередь для удовлетворения собственных потребностей, отличалось особенно монастырское хозяйство, которое по необходимости занималось обслуживанием церковного обихода и сравнительно более сложных нужд монастырского хозяйства. Но иногда эти изделия монастырей, даже весьма простые, производились со специальной целью продажи и сбывались в городах (копытце, т. е. чулки и другие «роучьная дела», т. е. рукоделия, сбываемые иноками Печерского монастыря в городах на продажу). Таким образом, основные примитивные отрасли промышленной переработки сельскохозяйственных и других продуктов, возникшие еще в недрах первобытного хозяйства, сохранялись впоследствии

и в более сложном натуральном хозяйстве, как неразрывная его часть, без выделения его в виде особого ремесла, стоящего вне этого хозяйства.

Один из необходимейших промыслов, который возник именно в недрах первобытного хозяйства, был плотничий, так как постройка деревянных хором, хлевин, теремов, бань и прочих необходимых принадлежностей жилья и хозяйства производилась, конечно, в самом хозяйстве и своими силами. Но плотничество, как ремесло, и притом преимущественно городское, выделилось, повидимому, наиболее рано, во всяком случае с тех пор, как стали заметно развиваться города. Поэтому, например, в 988 г. Владимир «повеле рубити церкви», —значит, в то время уже были плотники; киевляне дразнили новгородцев «плотниками»: «а вы плотницы суще, а приставим вы хором рубити» [1]). Повидимому, новгородские жители занимались плотничеством, как отхожим ремеслом, и ходили на заработки в другие города. Большую работу новгородским плотникам доставляло также судостроение.

Понятно, что плотничий отхожий промысел, по самому характеру своему, предполагал уже почти полный разрыв с земледельческими занятиями, которые так же, как и строительная деятельность, производились летом.

Кроме плотников, наиболее ранние летописные известия упоминают о городниках (строителях городовых укреплений и стен), древоделах, мостниках, лучниках, бондарниках, делающих гробы (корсты) и др. [2]). Если несложное домашнее деревенское хозяйство могло само выделывать для себя все многочисленные предметы обихода (кадки, телеги, колеса, столы, стулья и пр.), то для городской жизни, а тем более для торговли, требовались ремесленники-специалисты, которые могли бы и города ставить, и церкви рубить, и ладьи, и мосты делать.

Позднее появляются мастера кирпичные, когда хоромы и церкви в городах стали делать каменные. При постройках таких каменных памятников искусства, как киевский собор Ярослава, мастерами являлись, конечно, иностранцы, но, очевидно, что от них мастерство это распространялось и среди населения. Но все же каменные постройки, кроме разве церквей и крепостей, даже в XV веке составляют еще большую редкость, и мастера-ка-

---

[1]) Лаврентьевский сп., 1016 г.

[2]) *Аристов,* Промышленность древней Руси, стр. 83—101.

менщики были такой редкостью, что, напр., по ярлыку хана Узбека (1313 г.) от обязательных работ были освобождены «каменные здатели».

О гончарном промысле хотя сохранилось мало сведений, тем не менее торговля гончарными изделиями была довольно распространена, судя по тому, что в Новгороде существовал особый «Гончарный конец». Но, повидимому, еще в большей степени, чем кирпичный, как специальный промысел он был сравнительно слабо развит и только много позже, с XIV—XV в. вместе с стекольным был занесен иностранными мастерами.

Промыслы по обработке металлов также упоминаются в наиболее ранние годы летописных известий. Из собственно промышленных отраслей, наиболее рано выделившихся из «натурального» сельского хозяйства и приобревших исключительно «товарный» и даже предпринимательский характер, особенное экономическое значение получает горнозаводский промысел. Он был особенно развит в новгородских колониях, куда новгородцы стремились именно ради железа — по берегам Белого моря, по реке Непоксе, Устюжне и др. Железную руду плавили здесь в особых печах — «домницах», и затем железо перерабатывали в различные предметы домашнего и хозяйственного потребления и военного снаряжения. О добыче железной руды летописец упоминает в своем рассказе о Югре: «И в горе той просечено оконце мало, но кажуть на железо» [1]). Такая же добыча руды производилась и в других местах. Обработка руды и выделка всяких металлических изделий производилась кузнецами-ковалями. Как всякого рода хозяйственные предметы (топоры, заступы, рало, лемехи, серпы, пилы, долота, сковороды, замки), так и оружие, а также колокола и др. производились специальными ремесленниками-ковалями, котельщиками, литейщиками. Понятно, что как сама железорудная промышленность, так и обработка железа требовали уже такой специализации, которая говорила о выделении особых ремесленных профессий и особого класса ремесленников.

С колониальными стремлениями Новгорода связана другая отрасль рудной промышленности — добыча серебра, которая производилась в «Закамье», в Югре, сибирскими инородцами, с которыми новгородцы вели не всегда удачные войны (1193), но которые все же платили новгородцам дань серебром.

---

[1]) Новгородская летопись, 1096.

Особый характер носила соледобывающая промышленность, распространенная также по преимуществу по берегам северных морей, в Двинской земле, в Старой Русе и др. Добыча соли требовала таких крупных приспособлений, варниц, которые были доступны только более крупным предпринимателям, компаниям их или монастырям.

Из городских более мелких промыслов часто упоминаются кожевники, седельники, коробейщики, лучники, медники, гончарники, древоделы, скорняки, швецы, сапожники, шапошники, чортные, рыбники, калачники, жерновики и пр. Самое содержание большинства этих промысловых занятий свидетельствует о городском их характере. Конечно, нельзя предполагать, что все эти ремесленники и по своим занятиям, и по своему социальному положению были уже вполне обособлены в отдельный ремесленный класс. Повидимому, многие из этих ремесленников занимались в то же время земледелием, были мелкими земледельцами. Но, тем не менее, дифференциация промысловых занятий уже имела довольно заметное место.

Из других отраслей промыслов одно из наиболее ранних летописных сказаний свидетельствует о полотняном промысле. Из полотна («холстины») выделывались грубые паруса Олега [1]), шатры, простые одежды и проч. Уже в Уставе Ярослава 1051 г. говорится о наказании за кражу «белые порты или полотна или портища понявы». Судя по разнообразию названий изделий, самое производство полотняных изделий было довольно разнообразно: полотно было простое (ярич, ряднина), беленое, тонкое (тончища), крашеное (крашенина) и др. Другим материалом ткачества была шерсть, из которой выделывались грубые сукна для одежды (Ибн-Фадланд, 921 г.), которая называлась сермягой, зипуном. Но, повидимому, большинство этих изделий изготовлялось внутри самого производящего хозяйства и для его нужд с помощью труда женщин. У высших классов распространено было употребление сукон более высокого качества иностранного происхождения.

Значительным промыслом по обработке продуктов являлся кожевенный промысел. Кожа употреблялась как на военные надобности — на выделку щитов и других предметов воинского снаряжения, — так и на хозяйственные — для сбруй, обуви и пр. Масса сельского населения имела издавна обувь, повидимому, большею

[1]) Лаврентьевский сп., 907 г

частью из лыка, в виде лаптей, и только более состоятельные классы и прежде всего дружина носили кожаные сапоги. Летописный рассказ времен Владимира передает слова Добрыни: «С'глядах колодник, аже суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти; пойдем искать лапотник» [1]). Другими словами — «лапотники» были более уступчивыми в платеже дани, чем люди в «сапогах». Правда, эти «лапотники» были иногда так бедны, что и самая дань платилась ими лыком, о чем говорит тот же летописец: «Победиша их и уставиша на них дань лыко и кошницы и веники до бани: не имаху бо серебра, ниже много чего красного» (1205).

Тем не менее кожевенный промысел был одним из наиболее древних, что видно из того же летописного рассказа эпохи Владимира о кожевнике Яне Усмошвеце, о котором его отец говорит: «Единого бо ми и сварящю и оному мыющю усние разгневався на мя преторже череви руками» [2]). Другими словами, Ян был кожевник, занимавшийся выделкой кож («усние», «череви»). Насколько этот промысел приобрел характер самостоятельного ремесла, видно из того, что он облагался особым сбором уже при Дмитрии Донском, причем «по старине» облагался «тшан кожевничий за соху», т. е. кожевничий чан был обложен, как и соха, по одной гривне [3]). Кроме обуви, кожевники выделывали сбруи, упряжь, седла, о чем также неоднократно говорится в наиболее ранних летописных известиях, причем при военной организации города этот промысел представлялся не столько промысловым занятием сельского населения, сколько профессиональным промышленным занятием городского населения.

При описанных условиях возникновение промышленных занятий на основе выделения их из сложного и натурального хозяйства, общественного разделения труда и превращения в специальные «городские» ремесленные занятия, могло охватить сравнительно небольшое число отраслей. Одной из первых и главных отраслей такой городской промышленности были ремесла, связанные с военным делом, или с потребностями в предметах роскоши. Поскольку они не получались из заморских стран через внешнюю торговлю, их происхождение большей частью связывается с работой иностранных мастеров, которые, естественно, стояли вне вотчинного хозяйства и жили в городе. Так, уже в XIII в. Даниил Галицкий,

[1]) Лаврентьевский сп., 987 г.

[2]) Там же, 992 год.

[3]) *Аристов*, Промышленность древней Руси, стр 150.

основатель города Холма, призывает к себе иностранных и иногородних мастеров — «немцы и русь, иноязычники и ляхы». Поэтому предметы военного обихода, металлические изделия, украшения одежды (пояса, бляхи), изделия для стола (чарки, кубки), предметы церковного обихода и украшения выделывались частью иностранными мастерами, иногда русскими, но всегда в городе. Точно так же в виде особой отрасли промышленности товарного значения рано выделяется горнорудное и соляное дело. Последнее в особенности часто достигало размеров крупного предприятия: солеварни обыкновенно находились в руках князей, митрополитов, монастырей [1]).

Во всяком случае уже с XIII и даже с XII в. ремесленники как особый промышленный класс определенно намечаются в составе тогдашнего общества. Русская Правда определяет особые размеры виры за убийство ремесленника — 12 гривен [2]). Но самые размеры этой виры показывают, что по своему общественному положению ремесленник не далеко ушел от несвободных княжеских слуг. А экономическое значение и удельный вес ремесла, при господстве все же натурального вотчинно-хозяйственного строя, не могло быть особенно велико. И такое положение ремесло сохраняет по крайней мере до XIV в., получая уже более значительное развитие не в Киевской, а в Новгородской или впоследствии в Московской Руси.

Город как торгово-промышленный центр

Таким образом, к концу нашего «позднего средневековья» у нас уже стал сформировываться город как промышленный центр, как ядро, вокруг которого стали складываться новые образования, влекущие разложение старого экономического строя, разделение труда, разложение натурального хозяйства и формирование новых общественных классов.

Правда, эта роль города в русской хозяйственной жизни, даже в XVI—XVII вв., не говоря уже о более ранней эпохе, еще не так давно отрицалась многими историками. В связи с подавляющим преобладанием в народной жизни сельского хозяйства и в связи с военными формами городской колонизации, особенно на юге, многие историки (Соловьев, Ключевский, Хлебников и др.) считали, что русский город был исключительно «огороженным» в военных

---

[1]) Акты истор., I, 49, 93 и др.

[2]) Русская Правда, Карамзинский список, 12.

целях и укрепленным селом, с крайне слабо развитыми промышленными отраслями и почти с исключительно земледельческим характером населения. Однако, другие историки (Костомаров), в особенности на основании изучения городских писцовых книг (Чечулин), приходят к более решительному выводу, что, несмотря на значительные особенности русского города и недоразвитости у нас в ту эпоху «городского хозяйства» сравнительно с западно-европейским, у нас все же, в особенности в Московской Руси XVI—XVII вв., город получает значение такого центра, в котором начинают слагаться элементы общественного разделения труда и промышленно-ремесленной деятельности, на почве товарообмена с деревней.

В этом отношении, конечно, необходимо отметить, с одной стороны, города южной степной границы, которые долгое время были действительно лишь укрепленными местами и военными поселениями ратных людей; с другой — города северные, центральной Московской области, Новгородско-Псковской области и др., в основе которых лежало не военное население, а посадское, т. е. промышленно-торговое. Притом, в связи с отмеченным преобладанием у нас роли торгового капитала, некоторые города (Москва, Новгород) получали значение не столько промышленного центра небольшого района, сколько крупного торгового центра, стягивающего товарооборот почти со всей страны.

При таких условиях, в особенности благодаря тому, что некоторые города носили преобладающий «военный» характер, промышленно-торговое значение города, в особенности в XIII—XIV вв., проявилось лишь в самой слабой, рудиментарной форме. Город вообще не получил у нас того развития, как в Зап. Европе, где «эпоха городского хозяйства» была обособленной и самостоятельной хозяйственной и общественной системой, возникшей в недрах отживающего феодализма и заложившей прочные основы будущего буржуазного общества. Но, помимо количественной разницы в удельном весе этого значения города в нашей хозяйственной и социальной истории, еще более решающее значение приобрело то обстоятельство, что качественно влияние города у нас было отлично от влияния городов Зап. Европы. Город у нас приобрел не столько промышленно-производственное значение, сколько торговое. По отношению ко всей экономике натурального хозяйства в целом это значило, что город не столько производил глубокие производственные изменения в натуральном строе, снабжая сельское хозяйство своими промышленными изделиями, все более направляя целый

ряд функций этого хозяйства в особые промышленные отрасли. производя в общественном хозяйстве глубокие борозды разделения труда, сколько снимал торговлей лишь верхушку и некоторую избыточную часть натурального производства. Хотя торговый город и вовлекал хозяйство в денежные отношения, но все же надолго оставлял почти не затронутым его натурально-хозяйственный производственный строй.

Тем не менее, обособление ремесленных занятий в городе имело большое экономическое значение. Оно полагало основу развития внутреннего рынка, а этот рынок получал для дальнейшей дифференциации хозяйства даже гораздо большее значение, чем развитие внешнего рынка. Последний всегда имел для натурального хозяйства именно «внешнее» значение, так как снимал с этого хозяйства лишь небольшую часть определенных продуктов, мало затрагивая его производственные основы, тогда как близость внутреннего и местного рынка всегда производила более глубокое производственное изменение в условиях существования натурального хозяйства.

Конечно, нельзя преувеличивать значение и размеры этой внутренней торговли; она была невелика по размерам и крайне проста по качеству своих товаров. Но, во всяком случае, для некоторых городов именно торговля определила как их хозяйственное и социальное развитие, так и дальнейшую политическую судьбу. Таково, например, было значение торговли для Новгорода.

Правда, в русской исторической литературе даже по отношению к торговле Новгорода (так же, как и по вопросу о ее значении вообще в древней Руси) существует несколько различных мнений. Тогда как, например, Аристов, а за ним и Никитский считают, что внешняя, а тем более внутренняя торговля Новгорода мало затрагивала натуральный хозяйственный строй, концентрируясь и имея значение только в городах, Довнар-Запольский стоит на противоположной точке зрения, признавая широкое значение для хозяйства внутреннего обмена, уже в значительной степени разложившего натурально-хозяйственный строй. Наконец, Покровский еще более подчеркивает социально-экономическое значение торговли, в особенности внешней, указывая, что своей торговлей с Западом, колониальной политикой на Востоке, значительной концентрацией денежного капитала Новгород дал «грандиозное для своего времени развитие капитализма».

Во всяком случае, необходимо признать, что независимо собственно от размеров торговых оборотов — по нашей мерке, весьма небольших, как небольшой была и средневековая торговля на Западе — торговля оказала решающее влияние на социально-экономическое развитие многих городов, в особенности таких, как Киев, Новгород, Псков, Смоленск, впоследствии Москва и др. Города с момента своего возникновения должны были сделаться как центром торговли, так и центром той примитивной промышленности, возникновение которой обусловливалось новыми условиями общественной жизни.

Город прежде всего требовал для своего прокормления снабжения продуктами сельского хозяйства; он же явился и продавцом продуктов развивавшейся в нем промышленности. На примитивных городских рынках и ярмарках продавались сельскохозяйственные продукты и несложные товары и предметы домашнего обихода: коровы, лошади, овцы, гуси, утки, рыба, мед, воск, ладан, пшеница, рожь, овес, мука, печеный хлеб, соль, овощи, сено, лен, дрова, зола, деготь, лубье.

Здесь же продавались изделия городского ремесла: горшки, оружие, платье, шапки, сукна, обувь, меха, хомуты, гробы.

Самый характер большинства этих продуктов, дешевых и громоздких, показывает, что снабжение ими городов шло из ближайших окрестностей. Отдаленный междугородской обмен был вообще сравнительно мало распространен как по однообразию хозяйства и культуры, так и по примитивности и малоценности товаров.

Из товаров внутреннего потребления на первом месте в междугородном торговом обороте стояла, повидимому, соль, как предмет первейшей необходимости, не везде имевшийся. Само древнее название купца во внутренней торговле — прасол, показывает на эту торговлю солью, хотя впоследствии название прасол стало общим названием более мелкого купца. Соль шла из Крыма, из Галиции, с севера — с Камы и озер, отчасти даже с Заволжья. Доставка ее из таких далеких краев, конечно, иногда становилась затруднительной, в особенности при частых войнах. Так, памятники отмечают, как благодаря войне Киева с Галицким князем прекратилась торговля солью, «и не стало соли во всей Русской земле» (Патерик, с 154). Купцы новгородские, вологодские, устюжские, тверские издавна вели торговлю солью и хлебом, которые они привозили в свои области, где недоставало этого хлеба и соли. Торговля этими товарами массового потребления требовала капиталов и привлекала внима-

ние крупных торговцев, вплоть до князей, которые, повидимому, охотно принимали участие в разных тогдашних «хлебных» и «соляных» спекуляциях: так, Ярослав в 1233 г. не пустил «гостей» в Псков и повысил цену на соль до «7 гривны бърковьск». То же он сделал, когда в 1215 г. «поби мраз (мороз) обилие (урожай) по волости», и когда «зая князь (Ярослав) вьрьш (хлеб) на Тр'жку: не пусти в город ни воза» [1]).

Но, кроме годов неурожаев, в нормальные годы даже северные области были более или менее обеспечены своим хлебом и не требовали большого привоза из более хлебородных областей. В отношении всех других продуктов массового потребления население также обеспечивалось продуктами собственного производства, и товарооборот с ним происходил разве в пределах волости-города. Внутренний товарооборот вращался большею частью в тесных рамках местного оборота городской волости вокруг многочисленных городских центров. Уже в XII в. в пределах тогдашней Руси насчитывалось более 300 «городов». Правда, далеко не все города были торговыми пунктами, тем более сколько-нибудь крупными. Но, повидимому, даже в тех случаях, когда город представлял из себя лишь административно-военный пункт или разросшееся семейное «городище», дворище, — все же он становился местом торга и товарообмена.

Торговля и товарообмен между городом и тяготеющим к нему районом происходили обыкновенно на особых рынках, называвшихся «торгами» и игравшими значение главного центра общественно-экономической жизни города. Торг обыкновенно находился в центре города, близ княжеских хором, разделяясь на ряды по родам товара: суконный, вощинный, щепенной, хлебный и проч. Так как торговля вначале носила преимущественно меновой характер, то на рынок шел всякий, кто имел какую-либо вещь, которую он хотел сбыть и за которую хотел приобрести какую-нибудь другую вещь.

О том значении, которое имели поэтому «торги» вообще, как место сосредоточения не только чисто торговой, но и всей вообще общественной жизни, говорит то обстоятельство, что, напр., по Русской Правде, «торг», рынок, является не только местом торговли, но и местом, где разыскиваются украденные вещи: «закликать на торгу», т. е. об'явить о розыске пропавшей вещи, было одной из

---

[1]) А. И, I, № 3.

обязательных судебных процедур [1]). При этом такой розыск («свод») ограничивался большею частью территорией только «своего города» и его земли, т. е. тяготеющей к нему области («А и своего города в чюжю землю свода нетуть» [2]). Другими словами, внутренние торговые отношения между отдельными городами были настолько незначительны, что указанный розыск вещей признавался целесообразным.

Конечно, совершенно в ином положении находились некоторые крупные города, как центры хозяйственной и административной жизни, а вместе с тем и внешней торговли. Такие города, как Киев, Новгород, Смоленск и многие другие, имели обширные и многочисленные рынки-базары (в Киеве, напр., 8 особых рынков) по специальным товарам и большое число иногородних купцов; в свою очередь, и новгородские купцы в большом числе (до нескольких сот) жили во всех сколько-нибудь крупных торговых городах.

Внутренняя торговля связывалась не только собственно с городами в виде постоянной в них базарной торговли, но и с ярмарками в городах и у монастырей. Последние часто развивали очень широкую деятельность, имея своих специальных приказчиков, «купчину», и охватывая своими оборотами самые разнообразные части страны.

Состав торгового класса

Все это говорит уже о выделении внутренней торговли как особой отрасли тогдашней экономики, хотя бы без окончательного оформления ее как профессиональной деятельности особого общественного класса. Ею занимаются князья, бояре, духовенство, монастыри, так же, как купцы и сами сельские производители. Представители государственной власти, князья-вотчинники, «волостели», не только ведут торговлю, но пользуются ею для взимания в свою пользу всевозможных поборов и пошлин. Проходя часто из конца в конец доступной тогда территории, внутренняя торговля облагалась особыми сборами в пользу князя: тамга, мыт, весчее, гостинное и пр., от которых часто освобождалась монастырская торговля. О них говорят многочисленные договоры и жалованные грамоты, начиная с XI века, их же отмечает и Русская Правда [3]). Взимание их часто не было какой-либо государственной и публично-правовой

---

[1]) Русская Правда, Троицкий сп., 26, 28, 32, 51.

[2]) Там же, 35.

[3]) Карамзинский сп, 33.

функцией — это часто был, как и сама торговля, лишь источник частнохозяйственного накопления, и сами князья выступали в торговле, как обычные частные торговцы, хотя бы и привилегированные. Торговля велась также и боярами-землевладельцами; с другой стороны, купцы тоже владели землями: купеческие земельные владения очень часто встречаются в писцовых книгах. Таким образом о сколько-нибудь законченном выделении класса купцов, по крайней мере до XIII—XIV в., говорить не приходится, и купец по-прежнему сливался с князем, боярином, землевладельцем, а эти последние были вместе с тем и купцами.

Только с XIII—XIV в. начинает отмечаться более или менее значительная социальная дифференциация в этом отношении. Бояре, накопившие к тому времени уже большие денежные средства своими земельными захватами, рентой, грабежом и торговлей, отходят от непосредственного ведения торговли, превращаясь скорее в класс финансовой олигархии. Особенно выпукло это явление было представлено в Новгороде. Крупные бояре начинают главным образом финансировать торговлю. Конечно, Новгород шел в этом отношении впереди других местностей и городов и уже в XIII в. намечал такие явления, которые в Москве развились лишь в XV—XVI вв. Во всяком случае крупные имущественные состояния, нажитые в новгородской торговле, встречаются уже в XIII в. Известный рассказ летописца (Новгородск., 1209 г.) о разграблении дома посадского Дмитра Мирошкина передает, что у него было конфисковано столько денег, что при разделе их каждому новгородцу пришлось по 3 гривны, т. е. 40—60 рублей, а всего, следовательно, у него имелось до миллиона рублей на наши деньги (Покровский), не считая массы долговых расписок и «досок» от разных лиц.

Таким образом, постепенно к XIV в. торговля, как профессиональная деятельность, сосредоточивается в руках специалистов-купцов. Чтобы стать полноправным, — «пошлым», как тогда говорилось (от слова «пошло», т. е. потомственным) — купцом в Новгороде, необходимо было вступить в особую организацию купечества, резиденцией которой была Ивановская церковь. Вступительный взнос определялся в 50 гривен серебром («А кто хочет в купечество вложиться в Ивановское дает купцом пошлым вкладу 50 гривен... а не вложится кто в купечество не даст 50 гривен серебра, то не пошлый купец» [1]). Взнос давал право вести торговлю и ку-

[1]) Доп. к А. И., 1, 3.

нческие дела, право быть избираемым на общественные должности и участвовать в самоуправлении.

Таким образом, уже в XIII—XIV вв., т.-е. еще в недрах феодально-вотчинного строя, торговля и торговый обмен начинают приобретать все большее экономическое и социальное значение, все более глубоко захватывая натуральное хозяйство и постепенно формируя в аморфной среде тогдашнего недифференцированного общества особый класс купцов, представителей торгового и денежного капиталов. Конечно, все это были сравнительно слабые и лишь местные зачатки, находившие место лишь в наиболее благоприятствующих к тому условиях, как, например, в Новгороде; все же хозяйство оставалось натуральным и не дифференцированным. Но важно то, что уже в это время постепенно создавались предпосылки как общественной классовой дифференциации, так и разложения натурального хозяйственного строя торговлей и денежным хозяйством.

Денежное обращение

Первоначальной формой денег у нас были скот и меха. Скот и куны (мех куницы) являются основными носителями и измерителями ценности в торговле не только в X—XI вв., но и в XII—XIII вв. Летописи и Русская Правда говорят о скоте и о кунах, как о деньгах, на которые идет счет при товарообмене, которыми платится дань, взимаются штрафы. Гривна кун (целый мех куницы) был главной счетной денежной единицей торговли еще в древнейший период; впоследствии появляются более мелкие единицы в виде «резаны», «ногаты», белки и др. Регулирования этой примитивной денежной системы со стороны государства вначале не было.

Металлическое обращение первоначально начинает происходить в виде пользования слитками по весу. Поэтому «серебро» уже в XIII в. конкурирует, как металлические весовые деньги в слитках, с «кунами», как меховыми деньгами. Попытки введения чеканки металлических денег впервые появляются под влиянием иностранной торговли еще при Владимире, когда стали чеканиться серебряные и золотые монеты, не получившие, однако, какого-либо значения во внутреннем обороте. Только значительно позже, под влиянием татар и непосредственно из их денежной системы возникает самостоятельная русская денежная система и русская денежная металлическая единица. Из татарской «деньги» стали чеканить русскую «деньгу», равную $^2/_3$ татарской. Вместо гривны счетной единицей становится рубль, рубленая гривенка (первоначально.

повидимому, около полфунта серебра), из которого чеканятся 216 мелких русских «денег».

Возникновение денег и металлического денежного обращения должно было облегчить вообще товарооборот и способствовать торговому накоплению. Вот почему Ключевский справедливо указывает на зачатки уже в этот период новой социальной силы — денежного капитала. Русская Правда, по его мнению, является по преимуществу «уложением о капитале», как о «новой социальной силе», на-ряду с княжеской властью. При справедливости этого указания на первые зачатки в зарождении этой новой социальной силы, нельзя, конечно, преувеличивать ее значение.

Основной социально-экономической силой, сменившей отживающее «вне-экономическое принуждение» вооруженной рукой, завоевание, грабеж, ополонение, дань, — являлись все еще не торговля и денежный капитал, а землевладение и землевладельческое хозяйство. Но торговля и денежный капитал являлись чрезвычайной важности моментом именно потому, что они уже тогда были элементом, разлагающим старое феодальное общество и натурально-вотчинное хозяйство.

Внешняя торговля Киевской Руси

Помимо внутренней торговли еще более разлагающее влияние на общественный строй оказало развитие внешней торговли. Если внутренний товарообмен рос на базе постепенного изменения внутренних производственных отношений хозяйства, то внешняя торговля, как и в предыдущий период торговли-грабежа, в значительной степени все еще стояла вне непосредственных производственных связей с хозяйством массы населения. Внутренний товарообмен, основанный на общественном разделении труда, давал сельскому хозяйству и городскому населению нужные им продукты для производства и потребления. От внешней торговли, наоборот, страна получала преимущественно предметы роскоши, нужные для высших классов и для церкви и совершенно ненужные для массы населения и его производительной деятельности. Но в обмен за эти предметы роскоши высших классов масса населения страны должна была отдавать во внешнюю торговлю очень много.

В обмен за предметы роскоши князьями и вотчинниками-боярами сбывались не только наиболее ценные и «товарные» продукты вотчинного хозяйства, получаемые от рабовладельческого хозяйства в виде оброка и дани — меха, воск. но и сам суб'ект хозяйства — человек, превращаемый в раба. Правда, последняя от-

расль внешней торговли получает наибольшее развитие в более ранний период рассматриваемого периода, в X—XII вв., но все же она сохраняется еще долгое время. Работорговля и продажа рабов за границу продолжается в обмен на ввозимые предметы роскоши еще и в XIII в., подтачивая производительные силы массы населения и его хозяйства, уже переросшего такое отношение к основному источнику производства — к человеку.

После расцвета арабской торговли, закончившейся в XI в., наибольшее развитие внешняя торговля получает в Киевской Руси. Но уже в XII в. она падает и прекращается с запустением Киевской Руси. В этот Киевский период торговли вывоз предметов грабежа и дани (мехов, воска, рабов) и ввоз предметов роскоши являлись основными направлениями и торговли с Византией. Такой же характер носила торговля Киева с Прагой, Краковом, Регенсбургом. Внешняя торговля до конца Киевской Руси сохраняет этот характер «грабежа» и «ополонения челядью», поскольку княжеские усобицы, столкновения отдельных вассалов с сюзеренами еще и в XII в. давали от этой внешней торговли более значительные источники обогащения, чем производственная деятельность вотчинного хозяйства.

Вот почему именно внешняя торговля создала тот блестящий внешний фасад городской и торговой великокняжеской Киевской Руси, который так выпукло описывается нашими летописями. И хотя, конечно, в этих описаниях преобладают фантастические черты и видны поэтические увлечения авторов описаний, тем не менее по сравнению с «зверинским образом» массы населения, жившего в лесных захолустьях, эта роскошь действительно могла поражать наблюдавших ее современников. И самая бедность, с нашей точки зрения, описываемых предметов «роскоши» церквей, княжеских хором, предметов, перечисляемых в княжеских завещаниях, и наследств, в то время поражавшая воображение современников, свидетельствует лишь о глубочайшем разрыве между условиями существования массы населения и высших классов, создавших свое рабовладельческое государство на почве завоевания, грабежа и внешней торговли. Это обстоятельство, как сказано выше, и было одной из главнейших экономических причин непрочности и падения Киевской Руси, не создавшей производственной базы для своих сношений с внешним миром.

Правда, не менее важное влияние на падение экономической системы Киевской Руси должно было оказать перемещение, в связи

с возвышением итальянской и венецианской торговли, с востока на запад главных путей тогдашней мировой торговли, лишивших Киев и Днепр значения главных этапов мировой торговли между Западом и Востоком. Тем не менее, одного этого обстоятельства было бы, очевидно, недостаточно, чтобы обусловить падение всей экономической системы. В дальнейшем мы увидим, что хозяйственная система Московской Руси создавалась также в захолустьи, далеком от мировых торговых путей; и тем не менее, Москва создала прочную экономическую систему. Следовательно и для Киевской Руси, при всей важности для ее исторических судеб переноса мировых торговых путей, основных причин ее хозяйственного запустения и падения следует искать не во внешних неблагоприятных влияниях, а в тех внутренних условиях, которые не подготовили в ней достаточной экономической прочности общественного строя для борьбы с этими неблагоприятными внешними условиями. Этими условиями было отсутствие создания законченной хозяйственной системы, разрыв между производственными и хозяйственными условиями массы населения и той государственно-княжеской и торгово-городской и рабовладельческой верхушкой, которая не успела превратить свою систему «вне-экономического принуждения» в прочную экономическую систему. Несколько иначе обстояло дело в Новгороде, как части той же феодально-вотчинной системы. Эта особенность заслуживает поэтому и особого рассмотрения.

Внешняя торговля Новгорода

Целый ряд особых географических, хозяйственных и исторических условий был причиной того, что внешняя торговля Новгорода, получив столь широкое значение, явилась определяющим моментом всего социально-экономического развития Новгорода, как экономической системы, несколько отличной от системы Киевской Руси.

Со времени Крестовых походов падает значение черноморско-византийского торгового пути, а вместе с тем и Киева, благодаря тому, что основные магистрали мировой торговли начинают проходить через Средиземное море, итальянские города, Венецию, Геную, минуя черноморско-византийский восток. Другой торговый мировой путь, который начинает развиваться почти одновременно с указанным и который также соединял восток с европейским западом, был путь через северные европейские прибалтийские страны на запад: в Англию, Францию, Брабант и др. Этот путь приобретает особенную важность после падения торгового значения Византии и с перенесением прежних торговых путей на запад и северо-запад.

Для торговли древней Руси он имел то важнейшее значение, что к нему примыкал древнейший Каспийско-волжский путь арабской торговли, с его ответвлениями по другим северным рекам, кончаясь на западе славянской территории Новгородом. Далее по соседству с ним были Готланд, Ганзейский союз, Дания, Швеция и др. Этот основной морской Балтийский путь и становится главной артерией Новгородской внешней торговли. Кроме него, сухопутными торговыми трактами были: вотский, лужский, псковский. Но так как Новгород не был приморским городом, и у него не было морского флота, то ближайшими городами, с которыми вел торговлю Новгород, были: Нарва, Дерпт, Рига, Ревель. Через них новгородские купцы доходили до немецких городов, Данцига и Любека, до Готланда, до Або и Выборга.

Новгородцы самым решительным образом наблюдали, чтобы вся торговля этих городов с Новгородом шла через их руки. Поэтому, например, немецким судам разрешалось ходить только по Неве, Ладожскому озеру и части Волхова; дальше же товары должны были перегружаться на русские суда. Самая торговля немцев носила исключительно оптовый характер и шла через новгородских же купцов. За нарушение этого правила и за заключение сделок с другими русскими городами помимо новгородских купцов иноземцев привлекали к суду и подвергали наказанию. Даже князья, которых призывали новгородцы, имели право вести торговлю с иностранными купцами только через новгородских купцов, о чем свидетельствуют многочисленные договоры XIII — XIV вв., заключавшиеся новгородцами с князьями.

Понятно, что такой международный характер торговли с передовыми для того времени промышленными странами Запада не мог не сказаться в сильнейшей степени на всем социально-экономическом строе Новгорода. И если для Киева, с его торговлей-грабежем и с торговлей рабами, внешний товарообмен, в лучшем случае, шел мимо производственных основ хозяйства, в худшем случае — его окончательно разорял, то для Новгорода эта торговля не могла не произвести углубленного влияния на все его производство. Для ремесленного Запада требовались не рабы, а сырье — меха, воск, пенька, ворвань и т. п. Сбывал Запад также уже не только предметы роскоши, но и предметы более широкого потребления. Для получения этого сырья в хозяйстве требовалось во всяком случае некоторое его приспособление к рыночному спросу, некоторые новые «товарные» устремления. Конечно, в зна-

чительной степени хозяйство сохраняло все же свой основной самоудовлетворяющийся, не товарный характер: отчуждались только избытки от собственного потребления. Но так как природные условия были неблагоприятны для широкого развития земледелия, и на этой почве не создалось крупного владельческого хозяйства, отчуждающего свои продукты на рынок, то внешняя торговля получила базу главным образом в колониальных захватах Новгорода. В самой же Новгородской области на сбыт стало работать не столько крупное владельческое хозяйство, сколько оброчно-отработочное хозяйство экономически зависимого крестьянина, сборы с которого и давали главные продукты для вывоза.

При таких условиях само новгородское боярство получает социальное и экономическое значение не столько как класс землевладельческий, сколько как класс сначала торговый, а затем финансово-денежной аристократии. Весь общественно-экономический строй приобретает оригинальные черты господства торгово-финансового класса, с развитой колониальной системой и с примитивным, отсталым и экономически зависимым сельским хозяйством.

Организация внешней торговли в Новгороде

Организационная сторона новгородской внешней торговли, особенно с Ганзой, хорошо изучена не только в русской, но и в немецкой литературе, по памятникам русской письменности и по памятникам упомянутых немецких городов. Новгородская торговля представляет из себя весьма близкий, хотя и оригинальный слепок с тех форм торговли, которые стали вырабатываться в западно-европейской средневековой торговле.

Немецкое купечество в Новгороде представляло из себя особую и замкнутую торговую организацию. Во главе ее стоял обыкновенно ольдерман, выбираемый всеми купцами; в качестве его помощника выбирался ратман. По прибытии в Новгород иностранные купцы обязаны были жить в специальных «дворах», которых было два: старый — готский и новый — немецкий; вне их селиться запрещалось. Правила и распорядок жизни в дворах были строго регламентированы: вход посторонним воспрещался, купцы должны были возвращаться домой к определенному часу, после чего ворота запирались, и ставилась стража. Время пребывания в Новгороде было ограничено, и купец, продавши товар, должен был уезжать на родину. Самые торговые сделки должны были также происходить в определенное время и в определенном месте. Торго-

вые лавки в немецком дворе были небольших размеров, и товар обыкновенно хранился или в складах или в немецкой церкви Петра.

Все общие вопросы торговли и сношения с новгородскими властями лежали на ольдермане; в экстренных случаях собиралось общее собрание купечества, называемое стевеном. Правила, которыми должны были руководствоваться немецкие купцы в сношениях с новгородцами, излагались в особых статутах, получивших название «скра» (повидимому от пергамента, на котором написаны были правила). До нас дошло несколько списков «скра» в нескольких редакциях. «Скра» подробно определяли правила внутреннего распорядка немецкого двора, поведения и жизни всей общины, избрания должностных лиц, своего рода устав о наказаниях за разные преступления, правила торговли, регулирование вопросов денежного обращения и кредита и т. п. Решающей инстанцией во всей этой регламентации и возникающих спорах являлась купеческая организация немецких городов, Готланда, Висби, Любека. Этот торгово-национальный центр в конечном счете регулировал все торговые сношения немецко-новгородской торговли. В целях монополизации торговли в руках Ганзейского союза издавался ряд постановлений общего характера, обязательных для всех членов. Запрещалось, например, вступать с новгородцами в торговые компании, перевозить их товары, запрещалось брать на комиссию товар других иностранных купцов: англичан, фламандцев, французов. Запрещалось под угрозой штрафа отпускать новгородцам товар в кредит, — правило, которое, впрочем, часто обходилось.

Новгородские власти не имели права вмешиваться во внутренние дела немецкой купеческой общины. В случае каких-либо споров и общих вопросов, ольдерман являлся в место сбора русского купечества, в церковь Иоанна Предтечи, и там, вместе с представителем русских купцов — тысяцким, обсуждал эти вопросы. Большая борьба шла по вопросу о праве немцев судиться собственным судом и быть свободным от русских уголовных наказаний (так же как русские купцы освобождались от этого в немецких городах). Но все же новгородцы стремились удержать у себя право суда, который обыкновенно производился новгородцами при Ивановской церкви как по гражданским, так и по уголовным делам. Князь сначала принимал участие в суде, но уже с XIII в. он был окончательно устранен от этих дел.

В таких примерно очертаниях, довольно обычных для средневековой торговли, была организована немецко-новгородская торговля.

Предметы торговли

Что касается самых об'ектов внешней торговли, то главным предметом русского новгородского вывоза являлись меха: соболя, бобры, горностаи, куницы, норки и др. менее ценные. Из других предметов сельскохозяйственного производства вывозились лен, конопля, воск; кроме того — рыбий жир, ворвань. Часть этих продуктов шла с собственно новгородских земель, но, повидимому, больше из соседних княжеств или из новгородских колоний, которые, по установившемуся для колоний обыкновению, подвергались новгородскими ушкуйниками и купцами прямому разграблению.

Со стороны немцев шли в Новгород прежде всего сукна, как главный продукт западной городской ремесленной промышленности, не выделывавшиеся в Новгороде. Шли также в меньшем размере полотна, шелка. Другой важной статьей ввоза являлись продукты металлообрабатывающей промышленности — железо, медь, олово, свинец, далее соль, и, наконец, некоторые продукты продовольствия — хлеб, вино, пиво, сельди. Шли также и благородные металлы — золото и серебро, формально, впрочем, воспрещавшиеся ко ввозу немцами.

Из приведенных описаний видно, насколько новгородская торговля и с организационной и с экономической стороны стояла впереди киевской и насколько более глубокое значение она имела для всего хозяйства. Имея вначале своим источником тот же грабеж-дань, т. е. характер вне-экономического принуждения, она скоро начинает приобретать характер экономической, преимущественно, колониальной эксплоатации. По следам новгородских ушкуйников, грабивших инородческое население Сев. Двины, Печоры, Югры, шли новгородские колонизаторы — бояре, посадские, именитые люди, захватывавшие здесь земли, заводившие охотничьи и рыбные промыслы, ставившие соляные варницы. Эти колониальные захваты являлись источником крупных богатств, еще более увеличиваемых через внешнюю торговлю.

Но, конечно, масса населения — как смерды и закупы, так и городские ремесленники — не была заинтересована в этой «империалистической» колониальной политике Новгорода. Наоборот, они были в этой политике лишь орудием колониальных авантюр и захватов боярской знати. Торговый капитал достиг в Новгороде

небывалого развития и законченных организационных форм. Но все же и в Новгороде он не создал для себя производственной основы, не нашел никаких хозяйственных форм, кроме колониальных захватов, и потому не мог оказать положительного и прочного влияния на развитие производительных сил в народном хозяйстве. И поэтому, несмотря на блестящее свое развитие, развитой торговый капитализм Новгорода должен был уступить хотя внешне и более отсталому, но более жизненному торговому капитализму Московской Руси, сумевшему создать законченную экономическую систему и экономическую базу не на работорговле и открытом грабеже, как в Киевской Руси, и не на почве колониальной политики, как в Новгороде, а на систематической хозяйственной и торговой эксплоатации массы земледельческого населения.

Поэтому торговый капитал Новгородского периода не смог разрушить господства старой феодально-вотчинной системы хозяйства, не обусловил и не создал особой и законченной целостной новой хозяйственной системы. Его деятельность всецело еще вмещается в рамки этой старой хозяйственной системы, тогда как московский торговый капитал разрушил эту систему и заложил прочные основания новой системы торгового капитализма.

ЛИТЕРАТУРА.

Кроме общей литературы, указанной в предыдущей главе, а также относящихся сюда монографий Аристова, Никитского, Рожкова, («Город и деревня»), Павлова-Сильванского, Кулишера (История промышленности и История торговли) для эпохи городского хозяйства и торговли XII—XV вв, особенно важны следующие:

О городах: Самоквасов, Города древней Руси, 1873. — *Костомаров.* Северо-русские народоправства, 1863. — *Лешков,* Русскии народ и государство, 1858. — *Забелин,* История города Москвы, 1905.

О торговле: Василевский, Древняя торговля Киева с Регенсбургом, «Ж. М. И. П.» 1888, VII. — *Бережков,* О торговле Руси с Ганзой.—*Святловский,* Примитивно-торговое государство, 1912. — *Кауфман,* Серебряный рубль в России, 1910. — *Забелин,* О металлическом производстве в России до XVIII в., «Зап. Моск. арх. о-ва», т. V.

Источники — те же, что и по предыдущей главе, а также «Памятники истории Великого Новгорода», ред. *Вахрушина.*

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НАЧАЛО ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА.

Распад феодально-вотчинной системы и возникновение денежного хозяйства.

Глава V.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

Завершение феодально-вотчинной системы в Московской Руси

Эпоха изживания у нас политического феодализма совпадает с эпохой укрепления и роста московского государства. Московская Русь началом своего политического формирования уходит далеко в глубь феодально-удельной эпохи (XII — XIII вв.). Окончательное же падение феодализма можно считать более или менее завершенным тогда, когда Московская Русь достигла уже размеров и значения сформировавшегося национально-великорусского государственного единства, то есть, примерно, к середине XV в. (Ключевский). Некоторые историки приурочивают это последнее к XVI в., к эпохе Иоанна Грозного, путем «опричины» уничтожившего последние следы феодально-вотчинных отношений (Павлов-Сильванский).

Во всяком случае, из сказанного видно, что если политические формы феодализма распадались весьма медленно, в течение нескольких столетий, то тем более медленной была хозяйственная эволюция, послужившая основой новых политических образований. И поэтому период «Московской Руси» не может быть выделен, как особый хозяйственный период, даже подобно тому, как в известной мере обособленности и завершенности это можно было сказать про Киевскую и Новгородскую Русь. Московская Русь в первые века своего политического строительства, будучи еще одним из мелких удельных княжеств, всецело повторяет тот феодально-вотчинный тип хозяйственной организации, зачатки и более или менее

развитые формы которого, с некоторыми особенностями, мы видели в Киевской и Новгородской Руси. Но в хозяйственном развитии этих последних, как мы видели, не было заложено таких элементов, которые обусловили бы и создали возможность дальнейших и новых хозяйственных образований. Поэтому не в их хозяйственной жизни приходится искать генезиса того русского народного хозяйства, который в своем развитии дошел до современных развитых хозяйственных форм. Эти элементы были впервые заложены именно в Московской Руси, и поэтому только хозяйство Московской Руси дает нам возможность установить генетическую связь новейших хозяйственных образований и развития русского народного хозяйства с его предшествующими формациями.

Остановимся поэтому на основных различиях хозяйственного развития Московской Руси, обусловивших такую его судьбу, а также на основных этапах его.

Процесс формирования феодально-вотчинных хозяйственных форм захватил только конец существования Киевской Руси (XI — XII в.). Частное землевладельческое хозяйство, возникшее здесь с XI в., притом основанное на рабстве, которое в свою очередь имело основой грабеж и разорение массы хозяйствующего населения, не могло создать здесь прочной основы для существования государственного об'единения. Разрыв между производственной основой массы населения и военно-торговой и эксплоататорской верхушкой привел к крушению всего государственного и хозяйственного строя.

В северо-западной Новгородской Руси частновладельческое хозяйство имело в основе тот же характер грабежа-насилия, но не столько над основной массой населения самой метрополии, сколько над инородческим населением колоний, и хищнической эксплоатации естественных их богатств. Притом конечным этапом этого эксплоататорского хозяйства была внешняя торговля и накопление торгового и ростовщического капитала у высшего землевладельческого и торгового класса.

Понятно поэтому, что ни Киевская, ни Новгородская Русь не могли создать законченной системы феодально-вотчинного хозяйства, предполагающего в основе своей оформившиеся и прочные производственные отношения, притом в замкнутых формах самоудовлетворяющегося хозяйства. Северовосточная Ростовско-Суздальская «удельная» Русь оказалась в наиболее благоприятном в этом отношении положении.

Далекий и глухой волжско-окский угол славянской территории, не только отдаленный географически и защищенный лесами от непосредственных ударов южных кочевников значительно более, чем Киев, но и отдаленный от непосредственных сношений с мировыми тогда центрами и путями торгового движения, — северо-восточная Русь уже в этом имела важные предпосылки для создания замкнутого феодально-вотчинного хозяйственного режима. Характер колонизации уже с XIII в. создает здесь условия для формирования новой «великорусской» национальности, образовавшейся из прочного смешения шедшего сюда с юга славянства с финскими аборигенами страны и закрепившей свое политическое единство в борьбе с татарским югом, литовским западом, инородческим северо-востоком.

Но в то же время эта колонизация еще в течение нескольких веков не могла окончательно устояться, «брела врозь» среди убогой природы, по территории, покрытой лесами и занимавшейся лишь небольшими заимками, преимущественно небольшими оазисами вокруг городов, как главных опорных пунктов этой колонизации.

Эти три основных момента: отдаленность от мировых центров и путей торговли; изолированность отдельных колонизационных и городских районов, часто между собой с трудом сообщающихся; военно-колонизационные и национальные предпосылки образующегося здесь хозяйственного единства — являлись достаточными причинами создания здесь законченной системы феодально вотчинного замкнутого хозяйства. Притом, если первые два момента являлись экономической причиной образования и закрепления вотчинно-замкнутого хозяйства, то последний явился в дальнейшем моментом разложения, преодоления изолированности и выхода на путь широких междухозяйственных связей. Пока шла колонизация глухой лесной страны, она не могла не приводить к созданию более или менее мелких, изолированных и замкнутых хозяйственных образований. Но, чем более она выходила из рамок простых крестьянских заимок, приводила к созданию зависимости мелких хозяйств от крупных, к формированию боярского землевладельческого крупного крепостного хозяйства, тем более интересы этих феодалов-вотчинников стали выходить из рамок своего изолированного «удельного» вотчинного существования и совпадать с интересами создания территориального, национального и хозяйственного единства.

Московское княжество во всех отношениях представляло для этого наиболее благоприятную обстановку и условия. Не только потому, что оно представлялось центром формировавшегося вокруг него национального единства, наиболее защищенного от неблагоприятных посторонних влияний, но и потому, что оно лежало все же на довольно важных торговых путях, получавших тем большее значение, чем больше достигалось хозяйственное об'единение.

Но это условие налагало отпечаток и на основные линии дальнейшего хозяйственного развития. В Западной Европе элементы раннего капитализма залагались на развалинах феодального хозяйства, путем возникновения городов, общественного разделения труда, возникновения городской ремесленной промышленности, становившейся новым экономическим центром для формирования и об'единения вокруг нее новых форм народного хозяйства и буржуазного государства.

В Киевской и Новгородской Руси невозможность создания, в условиях их экономики, этих прогрессивных элементов народного хозяйства привело к крушению их хозяйственной системы.

В Московской Руси также не создалось элементов, типичных для Западной Европы. Создание необходимого хозяйственного единства могло произойти не на этой почве отделения города от деревни, промышленности от сельского хозяйства, гегемонии первой над последним, а на той же почве внешнего, рыночного, торгового об'единения хозяйственных единиц. Обмен возникает не столько на почве глубокой общественной и хозяйственной дифференциации и общественного разделения труда на одной и той же мелкой хозяйственной территории, сколько на почве широкого территориального обмена или внешнего сбыта.

Особенности экономического развития

Этим Московская Русь примыкает по общей внешней картине своего развития к Киевской и Новгородской Руси с их выпирающим на первый план развитием торговли. Но экономическое значение этой торговли для Московской Руси было совершенно иное, чем для Киевской и Новгородской.

Торговля, в виде реализации земледельческих продуктов, приобретает здесь глубокие производственные корни в народном хозяйстве основной массы населения. Его хозяйственная деятельность теснейшим образом связывается с интересами рынка. Конечно, крупное хозяйство имело гораздо больше возможностей самостоятельно выступать на рынок. Вотчинное хозяйство царя,

князя, боярина, монастыря, реализуя свои землевладельческие доходы и ренты на рынке, уже с XV — XVI вв. начинало все более систематически работать на рынок. Мелкому крестьянскому хозяйству эта связь с рынком не могла достаться так легко. Продовольственно-потребительский характер его производства был более значителен; переход на денежные формы хозяйства был более труден; производственные условия полукочевого подсечно-переложного хозяйства, перемежающейся заимки, были неустойчивы. Поэтому непосредственную связь с рынком вообще, а тем более с территориально отдаленным, такому производителю наладить было трудно. Для этого требовался посредник, который смог бы об'единить в торговом об'единении как его распыленное и неустойчивое производство и его распыленный продукт, так и самого производителя, эксплоатируя его для получения своих торговых прибылей.

Такой посредник был подготовлен экономическим развитием всей предшествующей эпохи. Землевладелец-вотчинник стал организатором крупного вотчинного крепостного хозяйства, созданного на эксплоатации мелкого крестьянского производителя и задающегося теперь целью не только собственного потребления, а и стремлением к накоплению рент в виде денежных средств. Купец-капиталист стал посредником в служении рынку как этого крупного вотчинного хозяйства, так и мелкого крестьянского, эксплоатируя последнее, поскольку оно также для выполнения своих обязательств перед помещиком должно было не только приносить ему прибавочный продукт в натуральной форме, но и само выступать на рынке в качестве товаропроизводителя. Таким образом создавалась взаимная заинтересованность крупного вотчинника-крепостника и торгового капитала, одинаково заинтересованных в развитии рынка, в увеличении «товарной» массы, т. е. в конечном счете в создании системы хозяйственной, производственной и торговой эксплоатации мелкого производителя. Для прочности такой хозяйственной системы потребовалось не только внешнее, торговое об'единение, но и организационное переустройство старой вотчинной и свободной крестьянской хозяйственной системы. Рост государственно-национального об'единения, «собирание земли русской», был внешней оболочкой длительного хозяйственного процесса уничтожения хозяйственной изолированности и разложения натурального вотчинного хозяйства, поглощения им — «обояривания» — земли, хозяйства и личности самостоятельного мелкого производителя

и, наконец — об'единение всей экономической системы в виде системы торгового капитализма на базе крепостных хозяйственных отношений.

Таким образом Московская после-феодальная Русь кладет основу новой хозяйственной эпохи — торгового капитализма и крепостного хозяйства. Понятно, что как отживание элементов старой феодально-вотчинной системы, так и зарождение элементов новой системы крепостного хозяйства и торгового капитализма происходило весьма медленно. В конце XV в. намечаются лишь слабые признаки зарождения новой системы с преобладанием еще сильных элементов старого строя. К концу политического существования Московской Руси и с возникновением новой императорской России они находят себе наиболее законченное и яркое выражение. Но еще долгое время императорская Россия живет в преобладающей системе торгового капитализма и крепостного хозяйства, хотя уже с средины XIX в. в ней замечаются элементы новой системы промышленного капитализма.

В чем же заключаются причины такого продолжительного господства и особенности влияния в нашей экономической истории эпохи торгового капитализма?

Сущность торгового капитализма

Как известно, система торгового капитализма характеризуется тем, что «так как торговый капитал не выходит из сферы обращения, и его функция состоит исключительно в том, чтобы обслуживать обмен товаров, то... для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения... Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение, как товары — будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкое крестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не меняет их характера, как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его формы» (Маркс).

Так как торговый капитал подчиняет себе продукт лишь в сфере обращения его, не воздействуя на самое производство, так как цель его — содействовать лишь обмену товаров, то для его существования не необходимы те условия, которые требуется для зарождения промышленного капитализма. Это обстоятельство и обусловливает, с одной стороны, прогрессивное экономическое значение

торгового капитала на ранних стадиях развития, когда он должен разложить первобытное натуральное деревенское или городское хозяйство, и когда еще нет места для зарождения производственно-капиталистических элементов и отношений. Но, с другой стороны, это придает торговому капиталу на известной стадии экономического развития, когда уже подготовлена почва для производственного капитализма и прогрессивной капиталистической производственной техники, реакционную экономическую роль — задержки в переходе к новым производственным отношениям.

Историческая система торгового капитализма поэтому надолго включает в себе как технически мало прогрессивное городское ремесло, так и систему крепостного сельского хозяйства. И то, и другое торговый капитал вовлекал на рынок, притом на широкий рынок, расширяя узкие торговые перспективы первого и замкнутый потребительный характер второго. Он вел таким образом за собой рост общественного хозяйства на почве создавшегося общественного разделения труда. Но наличие при таких условиях технически и социально прочной ремесленной промышленности, ремесленного городского хозяйства, создавало совершенно иные условия дальнейшего экономического развития, чем ее отсутствие. На Западе «городское хозяйство» было сравнительно с натуральным, поместным и деревенским, хозяйством прогрессивной экономической, технической и социальной формой, стоявшей в антагонизме с замкнутой крепостной, феодально-вотчинной. «Городской воздух делает свободным»—гласила средневековая пословица. Городская промышленность требовала углубления общественного разделения труда. Городская организация производства создавала при тогдашнем уровне техники максимальные производственные возможности, подготовляя социальные, экономические и технические предпосылки для дальнейшего экономического развития и для изживания исключительного влияния торгового капитала.

У нас все эти условия созданы были предшествовавшим экономическим развитием в гораздо меньшей степени, и наоборот, система торгового капитализма нашла себе прочную опору и сильного союзника в слабости промышленного развития, в слабости общественного разделения труда, в крепостном земледельческом хозяйстве, на почве торговой эксплоатации и разложения хозяйства мелкого производителя.

В экономическом воздействии торгового капитала на натуральное земледельческое хозяйство получают особенную важность два

обстоятельства. С одной стороны — торговый капитал довольно резко изменяет самую форму хозяйства, как крупного, так и мелкого, превращая его в товарное хозяйство, но в гораздо меньшей мере он изменяет его производственно-техническую основу. Так как торговый капитал подчиняет себе продукт лишь в сфере обращения, не воздействуя на самое земледельческое производство, так как цель его — содействовать лишь обмену товаров, то ни отсутствие свободного труда в крепостном хозяйстве, ни низкий уровень техники крестьянского хозяйства и вообще развития производительных сил, ни отсутствие частной собственности на землю в условиях сохранения отсталых форм передельно-общинного землепользования не представляются препятствиями для развития торгового капитала. Он возникает и завладевает сферой обращения и при рабском и при крепостном труде, так же как и при свободном; и при общинном и при неразделенном владении землей, как и при частной земельной собственности; и при господстве как крупного, так и мелкого хозяйства.

Единственно, что необходимо для торгового капитала — это возможность товарного и денежного обращения, независимо от того, представляет ли производство во всем своем размере товарное производство, т. е. производство предметов, самих по себе предназначающихся на продажу, как, напр., в городском ремесле, или товарный характер получают только те продукты, которые представляют избыток сверх собственного потребления, как, напр., в самостоятельном и независимом крестьянском сельском хозяйстве. Даже более того — нельзя признать, что торговля требует изготовления излишнего продукта, предназначенного вступить в обмен. При некоторых условиях и тем более, чем полнее и совершеннее торговый капитал завладел сферой обращения, вполне возможен, а часто становится необходимым сбыт таких продуктов и в таких размерах, которые не представляют излишка, остающегося сверх удовлетворения всех хозяйственных потребностей сельского производителя, а, наоборот, являются крайне необходимыми для самого хозяйства предметами. Не заботясь об успешности и продуктивности производства, а лишь о получении прибыли в процессе обращения, торговый капитал не только не смотрит на правильность хозяйственного потребления и воспроизведения благ, но, наоборот, стремится втянуть в сферу обращения возможно большее количество продуктов, хотя бы это отрицательно отзывалось на производительной деятельности и на условиях существования самого сельского производи-

теля. Понятно также поэтому, что чем менее развито само производство, чем менее закончен процесс его обобществления, — как это имеет место в условиях преобладания мелкого сельского хозяйства — тем могущественнее и влиятельнее роль торгового капитала, как самостоятельного посредника в обмене, тем сильнее его стремление и способность высасывания продуктов из рук производителя, тем быстрее идет сосредоточение в руках торговцев крупных состояний в форме торгового капитала, пока изменение самих условий производства не предоставит возможности превращения торгового капитала в высшую его форму, в капитал производительный.

Другой важной стороной воздействия торгового капитала на земледельческое хозяйство явилось то обстоятельство, что, совершая свою «историческую миссию» хозяйственного об'единения изолированных производственных единиц, крестьянских хозяйств, и втягивая их в рыночное обращение, торговый капитал при примитивных формах торгового обращения не может непосредственно эксплоатировать мелкое товаропроизводящее крестьянское хозяйство. Для того чтобы извлечь из этого мелкого земледельческого хозяйства товарный продукт, необходимо, чтобы оно превратилось в крупное товаропроизводящее крепостное хозяйство. Путем экономического и вне-экономического принуждения мелкий товаропроизводитель — свободный крестьянин, превращается в крепостного, чтобы отдавать своему владельцу прибавочный продукт и этим превратить крепостное хозяйство в крупное товаропроизводящее хозяйство. Поэтому экономическое развитие торгового капитала оказывается теснейшим образом связанным с развитием крепостного хозяйства. В отличие от феодально-вотчинного крепостное хозяйство в развитом состоянии представляется крупным товарным хозяйством. Торговый капитал и крепостное хозяйство взаимно друг друга обусловливают и экономически связывают: торговый капитал может эксплоатировать массу крестьянского хозяйства и извлекать у него прибавочный продукт только посредственно, через помещичье хозяйство; это последнее, чтобы вести свое товарное и расширенное производство, может реализовать свою продукцию только на широком рынке, через посредство торгового капитала.

Этапы торгового капитализма в русском народном хозяйстве

Этим определяется и характер исторической роли у нас торгового капитала. Возникший на разложении замкнутого и изолированного феодально-вотчинного хозяйства, торговый капитал, вместе с своей производственной организационной формой — крепостным

хозяйством — явился неизбежным органом в развитии и в росте производительных сил. Но вместе с тем, имея целью лишь товарную эксплоатацию хозяйства, не перестраивая и не развивая прогрессивно его производственно-технических основ, торговый капитал в своем вековом господстве должен был обусловить, с одной стороны, продолжительный производственный застой хозяйства, с другой — крайнюю степень торговой эксплоатации производителя. Тяжесть экономических отношений нашла себе отражение и в реакционных формах общественных отношений: в расширении крепостного права, в усилении прав помещика. Доля прибавочного продукта по необходимости должна была увеличиваться не только ради увеличения прибылей торгового капитала, но и ради увеличения доходов и прибылей его посредника — помещика.

Рост и накопление торгового капитала становятся таким образом в неизбежную связь с усилением крепостной эксплоатации. Расширение сферы влияния торгового капитала на новые отрасли народного труда и хозяйства превращается в распространение крепостной системы хозяйства на все эти отрасли. Территориальное распространение об'единяющей миссии торгового капитала на новые области, включение их в национальное хозяйственное единство — означает территориальное распространение крепостного хозяйства на области, до тех пор крепостного хозяйства еще не знавшие.

Эпоха торгового капитализма становится таким образом важнейшей и одной из наиболее продолжительных и, пожалуй, наиболее законченных эпох нашего хозяйственного развития. Корнями своими она входит непосредственно в феодально-вотчинную эпоху, т. е. относится к XV — XVI вв. Она обуславливает вместе с тем и самое разложение феодальной эпохи, так как и в политическом, и в хозяйственном отношении падение изолированной и натуральной феодально-вотчинной системы, создание на ее месте об'единенного политического и хозяйственного национального целого стало возможно лишь на экономической базе торгового капитала. Завершение, а вместе с тем и изживание свое, эпоха торгового капитала находит лишь во второй половине XIX в., когда она сменяется порожденной ею же эпохой промышленного капитализма. Таким образом эпоха торгового капитала обнимает почти три века нашего хозяйственного развития.

На протяжении этой истории торгового капитала можно установить две более или менее определенно разграничивающиеся эпо-

хи. Начиная от зарождения первых элементов торгового капитала, в течение двух веков, т. е. почти до конца XVII в., идут первые шаги развития торгового капитала и завоевания им экономических позиций разлагающегося феодально-вотчинного хозяйства. Конечно, было бы неправильным предполагать, что не только в это время, но даже и в гораздо более позднее, торговый капитал уже всецело проник в мелкое и крупное натуральное хозяйство, всецело охватил отдаленные части страны своими торговым об'единением. Натурально-хозяйственный строй для преобладающего числа хозяйств и для преобладающей массы их продукции оставался господствующим еще и в XVIII в. Торговый капитал за это время еще не создал и не завершил законченной социально-экономической системы торгового капитализма. Но тем не менее наличность самого торгового капитала в качестве новой и крупной экономической и социальной силы все более разрушала отсталые хозяйственные формы натурального хозяйства. Вместо прежней замкнутости натуральное хозяйство при наличности торгового капитала все более начинает работать на рынок, сначала случайно, не систематически, но затем все более втягиваясь в работу на рынок и ради рынка, — в товарное хозяйство.

С начала XVIII в., и особенно со второй половины его, экономическое развитие и значение торгового капитала достигает высшего своего предела, обусловливая вместе с тем и наивысший расцвет системы крепостного хозяйства и в территориальном, и в экономическом, и в социально-политическом отношениях. К этому времени торговый капитал захватывает в сферу своего влияния не только земледельческое хозяйство, но и мелкое городское ремесленное хозяйство и мелкое же крестьянское «кустарное» производство, обслуживая ими широкий потребительный рынок вплоть до вывоза их продуктов за границу. И так как в этом промышленном сбыте торговый капитал с большим успехом мог действовать именно в среде крестьянского хозяйства, то мелкое товарное промышленное производство получает у нас преобладающую форму деревенского «кустарного», зависимого от капиталиста-скупщика производства. Но в то же время этот торговый капитал, владея рынком и скупая продукты труда мелкого производителя, держа последнего в полной от себя экономической зависимости, не обнаруживал никакой склонности получить в свои руки самое производство. Высокие торговые прибыли давали ему значительно больше, чем могло бы дать промышленное предприятие, в особенности при невысокой

отечественной технике и при конкуренции иностранной промышленности.

Однако все же, уже почти с начала того же XVIII столетия и особенно со второй половины его, при продолжающемся усилении торгового капитализма, в народном хозяйстве начинают постепенно зарождаться и все более укрепляться элементы нового направления в хозяйственном развитии. Торговый капитал постепенно начинает переходить в формы промышленного капитала. Зарождение промышленности и быстрый расцвет ее «мануфактурного» периода открывали перед торговым капиталом возможности перерождения его в более прогрессивные формы производительного капитализма. Уже в начале XVIII в. можно ясно наметить эту генетическую преемственную связь между крупным торговым капиталом прежней Московской Руси и зачатками капиталистической мануфактуры новой петровской промышленной эпохи. Но целый ряд неблагоприятных условий и в этом случае создавал для нашего промышленного развития и возникновения у нас промышленного капитализма гораздо более препятствий, чем , напр , в Западной Европе. Недостаточность накопления капитала, отсутствие высокой техники, накопленной в Европе продолжительным периодом ремесленной промышленности, а главное — все еще продолжающаяся крепостная связанность хозяйства, недостаточность общественного разделения труда, недостаточность отделения города от деревни, отсюда — слабая емкость рынка для промышленных изделий, и все это на общем фоне длительного сохранения пережитков отсталых полуфеодальных общественных отношений — таковы были те общие условия, при которых переход торгового капитализма в более прогрессивные формы промышленного капитализма не мог не происходить весьма медленно.

В результате в нашем хозяйственном развитии вплоть до XIX в. наблюдается не падение и изживание системы крепостного хозяйства, а наоборот, ее усиление и количественное, территориальное ее распространение, тогда как Западная Европа к этому времени уже решительно освобождалась от крепостного хозяйства. Вместе с тем и торговый капитал остается у нас надолго при своих торговых формах эксплоатации народного хозяйства, это последнее надолго сохраняет свою крепостную основу, а все общество — феодально-самодержавную оболочку.

Последний век господства торгового капитала окрашен вместе с тем и его совершенно реакционным экономическим влиянием,

сковывающим дальнейшее развитие производительных сил. В некоторых частях и отраслях народного хозяйства и в некоторых районах эти экономически реакционные тенденции держались особенно долго и упорно — прежде всего в крепостном сельском хозяйстве. Но разрешение всей проблемы развития производительных сил принадлежало не этим экономически отсталым пережиткам и отживающим хозяйственным формам, а новым элементам промышленного капитализма.

Элементы промышленного капитализма, дающие вполне заметные ростки уже к 1830—40-м годам, разбивая старые хозяйственные и общественные формы, ликвидируют господство торгового капитализма и выносят на поверхность общественной жизни новые производственные условия, новые социальные силы, новые общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература по общей экономической истории начальной эпохи торгового капитала (т. е. главным образом Московской Руси XVI—XVII в.) значительно полнее, чем за предыдущие периоды.

По *общей истории хозяйства*, колонизации, быта из указанных уже сочинений, кроме соответственных глав общих курсов, ближайшее отношение имеют монографии Аристова, И. Беляева, Ю. Готье, Лященко, Огановского, Блюмфельда, Соколовского. Кроме того: *И. Миклашевский*, К истории хозяйственного быта Московского государства, 1894 — *Костомаров*, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа, Моногр., т. XIX. — *Соколовский*, Экономический быт земледельческого населения и колонизация юго-восточных степей, 1878. — *Перетяткович*, Поволжье в XV и XVI в., 1877. — *Лаппо*, Тверской уезд в XVI в., 1894. — *Багалей*, Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства, 1877. — *Сташевский*, К истории колонизации юга.

Литературу по отдельным вопросам см. ниже, в соответственных главах.

Источники. Кроме указанных в гл. II — Актов Археографической экспедиции, Актов исторических, Дополнений к Актам историческим, Собрания грамот, наиболее важным источником для хозяйственной истории Московской эпохи являются писцовые книги: «Писцовые книги Московского государства», под ред. *Калачева*, 1877. — «Новгородские писцовые книги», т. I — VI, 1859—1910. — «Писцовые книги Рязанского края», ред. Сторожева, 1898.—«Материалы по истории города XVII—XVIII ст.ст.», 1883.

Другими историческими источниками этого периода являются сочинения иностранцев о Московии. Из них главные: *Герберштейн*, Записки о Московии, пер. 1866 г. (о нем *Замысловский*, Герберштейн и его историко-географические известия о России, 1884). — *Флетчер*, О государстве русском, пер. 1905 (о нем *Середонин*, Сочинение Д. Флетчера, как исторический источ-

ник, 1891). — *Олеарий,* Подробное описание путешествия Голштинского посольства, 1870. — *Кильбургер,* Краткое известие о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, 1820 (о нем *Куриц,* Сочинение Кильбургера, 1915). — *Де-Родес,* Размышления о русской торговле в 1653 г., Магаз. землевед. и путеш, т. V. — *Коллинс,* Нынешнее состояние России, Чт. Об. Ист. и Др. — Из русских современников — *Котошихин,* О России в царствование Алексея Михайловича, 1906. *Крижанич,* Русское государство в половине XVIII в., — *Ключевский,* Сказания иностранцев о Московском государстве, 1918. — *Середонин,* Известия англичан о России, 1884. — См. также «Библиотека иностранных писателей о России», 1836.

Глава VI.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Технический уровень земледелия

Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в. получает уже гораздо больший удельный вес, чем в предшествующие эпохи. Несмотря на все еще значительную лесистость страны, охотничьи промыслы, как основной источник существования и хозяйственной деятельности, отходят на задний план. Иностранные путешественники, посещавшие Москву, уже в начале XVI в., свидетельствуют, что вокруг Москвы они видели только горелые пни от бывшего леса, а из зверья встречали лишь зайцев. Если даже это наблюдение относится только к центру Московского государства, во всяком случае, о былом баснословном обилии зверья уже не было слышно.

В связи с этим сельское хозяйство вообще и в особенности земледелие становится господствующей отраслью народного хозяйства. Из имеющихся памятников, повидимому, нельзя вывести какого-либо заключения о господствующей системе земледелия. На севере, в лесистых местностях, повидимому, попрежнему преобладала подсечная система, кроме крайнего севера, (на Мурмане, по р. Печоре), где попрежнему преобладали охота и бортничество. На тогдашнем Московском юге (теперешние Тульская и Орловская губернии) преобладало еще «дикое поле» и господствовала переложная система [1]). Наконец, в центральных московских районах и вблизи

[1]) Некоторые авторы считают, что «перелог» писцовых книг нельзя смешивать с переложной системой: это то, что пахалось, но в момент регистрации уже не пашется. Если принять во внимание, что при переложно-залежной системе и в настоящее время забрасывание земли делается на 15—25 лет, то нераспашка перелога даже в течение 25 лет перед описью в писцовых книгах не опровергает существование «переложной системы», поскольку вообще можно говорить о какой-либо «системе» для того времени. Ср. *Благовещенский*, Четвертное право, 2. *Сташевский* — Московский уезд, 28. *Кулишер* — История народн. хозяйства, 31

городов все более господствующей становилась трехпольно-зерновая система.

Писцовые книги, описывая пашенные земли, обыкновенно употребляют для их классификации термины; пашня паханная или живущая, пашня «наездом», перелог, поросшая лесом. Приэтом пашня паханная или живущая измеряется всегда в трех полях, в обычной формуле «в одном поле (столько-то) четвертей, а в двух по тому ж». Эта всегда встречающаяся формулировка позволяет предполагать, что по крайней мере в «живущей» пашне, т. е. близкой к селениям и регулярно обрабатываемой, преобладала трехпольно-зерновая система. Наоборот, на более отдаленных участках земля, повидимому, обрабатывалась не так регулярно, «наездом» [1]), временами забрасывалась на более или менее продолжительные сроки, вновь запускалась под лесную поросль и т. п. Другими словами, на этих землях преобладала не трехпольная, а залежно-переложная и местами подсечная система.

Естественно, что при трехпольной и залежно-зерновой системе земледелия главными продуктами земледелия являлись озимые хлеба (рожь, реже пшеница) и яровые (овес, ячмень, просо,, гречиха), в Псковской и Смоленской областях также лен, конопля и др [2]).

Что касается техники земледелия, то главным орудием обработки была соха. Плуг, рало, о котором говорили летописи Киевской Руси, встречался повидимому редко, что зависело, однако, может быть, не от упадка земледельческой техники, а от свойств почвы, не требовавшей такой глубокой вспашки, как степные земли Киевской Руси. Из других орудий упоминаются бороны, косы, серпы, сошники как деревянные, так и железные. Достаточно для того времени высокий местами уровень земледелия характеризуется тем, что, покрайней мере, в центральных нечерноземных областях уже было известно навозное удобрение: в крестьянских порядных одной из обычных повинностей является «гной (навоз) на землю возити» [3]). В качестве тяговой силы обычно употреблялись волы или лошади,

[1]) Обработка более удаленных от усадьбы и деревни земель «наездом», т е. временными поездками на эти участки для их обработки, снятия урожая и т. п. без постоянного на них хозяйственного обзаведения, до последнего времени была распространена у нас на юге, в Сибири и др. Поэтому, едва ли правильно считать, что «наезжая пашня», в некоторых памятниках приравниваемая к «запустевшим» землям, является вообще признаком регресса земледельческого хозяйства. (Рожков, 64.)

[2]) *Флетчер*, О государстве русском, (6—9).

[3]) Сводный текст крестьянских порядных, стр. 15.

которых в крупных боярских и монастырских имениях насчитывалось по нескольку сот. Кроме крупного рогатого скота для полевых работ остальные виды собственного прдуктивного животноводства (бараны, овцы, свиньи, птица) были сравнительно мало распространены и составляли необходимую принадлежность лишь более крупных княжеских и боярских вотчин. Плодородие земли в Московской Руси, в особенности в южных ее частях, по свидетельству иностранных путешественников, было чрезвычайно велико: по их словам рожь и пшеница давали урожаи сам-20, сам-30 (Олеарий, Герберштейн). Однако к таким рассказам о баснословных урожаях, повидимому, следует относиться с большой осторожностью. Новейшие исследования и изучение конкретных записей урожаев в государевых, боярских и монастырских имениях показывают, что даже в XVII в. урожаи большею частью были сам-2, сам-3 и редко достигали сам-5, т. е. далеки от тех баснословных урожаев, о которых рассказывали Герберштейн и Олеарий.

Производственные отношения и организация владельческого хозяйства

Вместе с условием техники важнейшим моментом в характеристике сельскохозяйственного производства в частновладельческом хозяйстве составлял вопрос о его организации. Как было указано выше, в домосковский период барская запашка была относительно невелика, ограничиваясь потребительскими нуждами барского двора, правда, весьма значительного по числу своих домочадцев и челяди. При этом для обработки барской пашни все еще в большом числе употреблялся труд холопов. В расцвет барского хозяйства Московского периода, т. е. уже в XVI веке, барская запашка значительно возрастает, и наличность холопского труда уже становится недостаточной.

Холопство

По мнению некоторых историков число земледельческих рабов в Московской Руси XVI ст. было уже совершенно ничтожно (Беляев). Правда, другие авторы (Ключевский) придерживаются противоположного мнения, а по более новой проверке (Рожков) оказывается, что в центральных уездах Московской Руси процент холопских дворов, работающих на барской запашке, достигал 8,8 — 10%. Еще большее распространение получал холопский труд на барской пашне в степи и в Прикамьи.

О напряженной потребности барского хозяйства в холопском труде свидетельствует также то обстоятельство, что в XVI в. в Московской Руси впервые появляется особый вид холопства, кабальное холопство. Это — холопство, впервые и открыто возникающее

на чисто экономической почве займа (кабала — расписка о займе). При всей спорности в нашей исторической литературе некоторых вопросов о происхождении, юридическом положении и прочих признаках кабального холопства [1]), важными представляются, с одной стороны, чисто экономическая почва кабального холопства, с другой — то обстоятельство, что в течение XVI в., вместо временного, до уплаты долга, кабальное холопство постепенно превращается в постоянное и пожизненное, с отменой даже права возврата кабальных денег. Отсюда недалеко было и до записей в холопство «вольных людей», т. е. до добровольного холопства и без получения кабальных денег, по каким-либо другим экономическим причинам. К концу XVI в. (указы 1586 г. и 1597 г.) закрепляется таким образом новый источник рабского труда для барского хозяйства. Но, во всяком случае, самые поиски новых форм холопства показывают, что запасы имеющегося холопского труда становились уже недостаточны для увеличившейся барской запашки. Такое положение было и в монастырских имениях, где монастырская пашня обрабатывалась монастырскими «слугами» и «детенышами» [2]).

Стремление к расширению барской запашки, обнаружившееся в XVI в., при недостаточности холопского труда могло найти выход только при одном условии, имевшемся в распоряжении помещика: в превращении повинностей сидевших на его земле крестьян из натурально-оброчных в отработочную систему, т. е. в возникновении «барщины», как системы эксплоатации пока еще свободного, но уже экономически зависимого крестьянского труда. Частный владелец-вотчинник и монастырь, повидимому, почти одновременно приходят к необходимости использования крестьянского труда для собственной запашки. Отсюда недалеко было и до превращения этого свободного, но экономически зависимого земледельца-крестьянина в крепостного. С этого времени вопрос о производственной организации сельского частновладельческого хозяйства на долгое время становится вопросом крестьянским, вопросом об организации крепостного права.

Натуральная и отработочная рента

Мы уже видели выше, что еще в феодально-вотчинную эпоху на вотчинных землях и пустошах селились обыкновенно различных видов земледельцы — «люди», «сироты», «закупы», «смерды», просто «христиане» (крестьяне), получившие в пользование вла-

[1]) *Дьяконов* Очерки общественного и государственного строя, стр. 381.
[2]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения, 306.

дельческую землю, иногда ссуду на хозяйственное обзаведение, и выполнявшие за это повинности в пользу землевладельца. Таким образом производственные отношения этих двух общественных классов—землевладельца-вотчинника и земледельца-крестьянина — характеризовались как отношения землевладельца-рентьера и докапиталистического фермера. А по своей экономической форме эта некапиталистическая рента, которую уплачивал докапиталистический арендатор земельному собственнику, могла проявляться в обычных формах: трудовой (отработочной), натуральной (испольной) и денежной [1]). Замкнутому вотчинному хозяйству наиболее свойственна была вторая форма натуральной ренты, предполагавшая наиболее простые производственные отношения, в виде снабжения барского двора продуктами крестьянского хозяйства, отсутствие сбыта, но вместе с тем и наиболее низкий производственный уровень вотчинного хозяйства, не выше обычного крестьянского.

С развитием денежного хозяйства (особенно с XVI в.) начинают осложняться и производственные отношения между производителем и землевладельцем. Последний, с одной стороны, стремится повысить свои доходы и притом в более подвижной арендной форме; с другой стороны — стремится с той же целью взять в свои руки само производство, ставя его уже на более высокую производительную ступень. Первое выливается в стремлении к переходу от натуральной аренды к денежной, второе — к отработочной. Но денежная аренда, предполагающая развитие денежных отношений в самом крестьянском хозяйстве и переносящая на это последнее денежную реализацию продукта, могла развиваться сравнительно более медленно. Отработочная же аренда требовала существеннейшей производственной реорганизации как самого вотчинного хозяйства, так и хозяйства крестьянского, органического слияния того и другого в единую производственную систему. На протяжении конца XV в. и всего XVI в. мы видим борьбу в развитии этих трех систем организации хозяйства, закончившуюся победой отработочной системы и приведшую к крепостному праву.

Порядные

Хозяйственные отношения крестьянина к помещику и вотчиннику, во всяком случае, представлялись уже в достаточной мере сложными. Вот почему, если еще до XVI в. эти отношения устанавливались большей частью по словес-

---

[1]) *Лященко*, Очерки аграрной эволюции, 123.

ному уговору, по обычаю, «божею правдою», то уже в XVI—XVII вв. эти условия большею частью закрепляются в письменной форме, в виде «порядных». До нас дошло довольно много таких порядных, относящихся к этому времени и вскрывающих производственные отношения между землевладельцем и земледельцем [1]).

«Поряжаются» вообще или «поряжаются в крестьяне» обыкновенно на определенный участок земли, деревню, выть, вотчину, пустошь и на определенный срок: на 3—5 лет, реже на 10—20 лет. Занимая участок, порядчик получает обыкновенно «подмогу» и ссуду — «денег пять рублев», «десять кадей овсяных семян», «ржи четыре четверти» и т. п. Самыми важными пунктами являлись, конечно, перечисления условий эксплоатации участка и повинностей порядчика. Они определялись перечнем работ: «земля орати и сеяти, сено косити», «пары парити», «навоз возити», «огороды у поль и у пожень ставити», «землю не запустошати», «вново чистити», «всякие угодья... ведати», «рыба ловити» и т. д. Так как иногда арендовалась пустошь, то обычно весьма подробно исчислялись обязательства относительно усадебных построек, которые должен возвести арендатор, с точным указанием длины, ширины и высоты клетей или хором, служб при них, материала постройки, ремонта их. Понятно, что все эти постройки поступали по окончании срока аренды в пользу владельца, и порядные специально оговаривали, чтобы «двор, хоромы и огороды около пашен отдати прикатчику сполна» и «хором во дворе не опустошити». Повинности и обязательства в пользу владельца в порядных XVI в. исчисляются большею частью в денежной форме: «давати празги по пяти алтын денег», «оброку нам давати... по четыре гривны». Но, кроме того, полагалась и натуральная плата: пятый сноп всякого хлеба, рыба с рыбьих угодий, наконец, мелкий доход, в виде яиц, льна, шерсти, масла, меда, баранов, даже грибов и т. п. Наконец, «всякое изделие делати» — являлось также формой отработки за полученную землю.

Точно такими же словами и нормами определяются обыкновенно повинности и «изделье» крестьян в монастырских порядных, причем монастыри развивают денежные сборы со своих крестьян в несколько меньшей, повидимому, степени и, наоборот, усиленно развивают натуральные оброки и особенно

[1]) См. Сводный текст крестьянских порядных XVI в., 1910.

значительно всякое «сделье», т. е. барщинную работу в монастырском хозяйстве.

В течение XVI в. и XVII в. наблюдается стремление помещиков к переводу крестьян с натурального оброка на денежные повинности. Во многих писцовых книгах уже начала XVI в. приводятся исчисления норм, по которым натуральные оброки должны переводиться на денежные («За коробью ржи десять денег, за коробью овса пять денег. За гусь 2 деньги, за куря деньга»). В писцовых книгах конца XVI ст. оброки устанавливаются часто уже прямо в денежной форме («с выти по пяти алтын»), хотя одновременно пестрят и исчисления коробов ржи, гусей, холстов и пр.[1]). Во всяком случае, происхождение денежных оброков из прежних натуральных повинностей, путем вытеснения первыми последних, обнаруживается весьма ясно. В XVII в. денежные оброки занимают уже видное место.

Кроме оброка, некоторым распространением местами пользовалось половничество, т. е. обработка земли за часть урожая. Доля продукта, отдаваемого землевладельцу, была неодинакова: в Пскове (по Псковской судной грамоте) — четверть урожая, в других местах — одна пятая, одна третья, редко половина. Половничество было, повидимому, относительно наиболее выгодной для крестьян формой оплаты. Но в течение XVI в. и эта оплата повышается, а кроме того, вообще половничество сокращается, заменяясь оброком или барщиной.

Барщина

Гораздо более сложное и важное значение получает развитие отработочной аренды, т. е. отработков на барской земле — барщина. Барщина предполагает уже значительно более полное обособление барского хозяйства от хозяйства собственно крестьянского. Первое и по своему направлению, и по вырабатываемым продуктам, и по технике, и, наконец, по рыночным своим связям становится вне зависимости от крестьянского хозяйства и может достичь более высокого производственного уровня. Вот почему барщинные повинности все более часто не ограничиваются только работой на барской пашне, но к ним присоединяются, например, подводная повинность, т. е. обязанность подвоза барского хлеба на рынок в Москву и другие города, обязанность рыбной ловли, работы на мельницах, постройка мельниц,

---

[1]) Новгород. писц. кн., тт. III—V; писцов. кн. Москов. госуд. т. I, Московский, Костромской, Дмитровский у.у., т. II, Тверской у. и др.

лодок. Таким образом крестьянское хозяйство не только снабжало помещичье продуктами, но и работало на него для рынка. Само по себе крестьянское хозяйство рассматривалось при этом лишь как источник необходимого труда и получало самостоятельную хозяйственную организацию лишь как способ «воспроизводства рабочей силы», необходимой для помещичьего хозяйства.

Как более сложное, требующее более законченной организации, более или менее значительного вложения средств, барщинное хозяйство было доступно только крупным и экономически мощным хозяйствам. Поэтому оно, повидимому, преобладает в монастырских хозяйствах и в более крупных хозяйствах боярской знати. В монастырях «изделье», т. е. барщина, имеет место уже в XIV в., в последующие века она усиливается и становится более разнообразной. В частновладельческих имениях кризис XVI в. отразился сокращением барской запашки, но тем не менее относительно она, в особенности к XVII в., начинает укрепляться. Хотя, конечно, в большинстве хозяйств как частных, крупных и мелких, так и монастырских все еще налицо пестрота повинностей — натуральных, денежных и барщинных, — тем не менее последние начинают все более преобладать. К концу XVI в. встречаются случаи уже полного поглощения барщиной всех других повинностей, т. е. полный переход частновладельческого хозяйства на предпринимательские начала и на получение прибавочного продукта в виде трудовой, отработочной ренты. К этому же времени уже впервые начинает замечаться и географическая локализация этого предпринимательского помещичьего хозяйства: барщина особенно заметно начинает развиваться в южных земледельческих уездах Московского государства, залагая здесь основы будущего центра крепостничества [1]).

Но какова же была тогда степень эксплоатации в барщине еще свободного крестьянина, какова была доля прибавочного продукта, отнимаемого у него помещиком, и, следов., тяжесть барщины? Имеющиеся источники дают мало указаний для суждения о том, какова была и настолько увеличивалась тяжесть этой барщины для крестьянского хозяйства. Исходные данные по монастырским имениям дают следующие цифры, характеризующие тяжесть барщины к началу XVI в. В Дмитровском у., например, в имении Троицкого монастыря, крестьяне за получаемые 5 десятин обрабатывали 1½ —

[1]) *Готье*, Замосковный край, 515.

2 десятины, иногда платя сверх того и некоторый оброк [1]). Другими словами, барщина отнимала у крестьян не более одной четверти — одной трети времени; остальное время крестьянин работал на себя. Если таково положение было в центральных частях Московского государства, то нужно думать, что в других местностях тяжесть барщины была не больше. Но уже к концу XVI ст. тяжесть барщины повидимому значительно увеличивается: в 1590 г. в том же Троицком монастыре крестьяне при переводе с оброка на барщину должны пахать за выть 5 десятин, т. е. десятину за десятину [2]). Еще большее значение получает то обстоятельство, что барщинная повинность не только увеличивается соразмерно обрабатываемой барской пашни, но значительно усложняется качественно, в виде новых форм повинностей, как, например, упомянутой подводной. При таких условиях понятно, что такое стремление к увеличению «прибавочного труда» за счет труда необходимого, т. е. стремление к повышению эксплоатации крестьянства, не могло не привести к разорению последнего и к тому кризису, которым характеризуется положение сельского хозяйства во второй половине XVI в.

Сельскохозяйственный кризис XVI в.

Таковы были организация и положение сельского хозяйства Московской Руси XVI в., т. е. тогда, когда после крушения феодального строя в нем стали зарождаться новые хозяйственные условия. Этот переход от старых форм крупного вотчинного замкнутого хозяйства к новым формам более мелкого и связанного с рынком, но основанного в стремлении к максимальной эксплоатации труда, не мог не сказаться довольно длительным кризисом вообще всего народного хозяйства Московской Руси.

Быстрая колонизация Московской Руси к XV в. обусловила здесь весьма быстрый рост и довольно высокий уровень сельского хозяйства. К этому времени пашня уже значительно вытеснила лес; в пашне преобладала именно «пашня паханная» и «живущая», с ее постоянной трехпольной системой. В общей распашке этот вид пашни занимал еще до средины XVI в. свыше 95%, тогда как пашня наезжая и перелог — всего 4—5%. К 80-м годам XVI века пашни паханной осталось в центральной области всего 31,6%, а в Новгородской области всего 6,9%, тогда как пашня наезжая в перелог соответственным образом увеличились [3]). Вместе

[1]) Писцовые книги Московского гос., Дмитровский у., 756—70.

[2]) *Соколовский*, Экономический быт, 40.

[3]) *Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, II, 116.

с тем происходит и прямое обезлюдение деревни: по подсчетам Огановского, на основании данных Рожкова, число «пустошей», т. е. заброшенных деревень было в центральной области в первую половину XVI в. всего 5,2%, а к концу века уже 49,2%, в Новгородской за те же периоды — 3,2% и 82,2%. Эти массовые данные обнимают около 108 тыс. населенных мест и дают картину сильного запустения деревни во второй половине XVI в.

Вместе с тем особенно сильно сокращаются земельная обеспеченность и сельскохозяйственная производительность крестьянского хозяйства. Большинство исследователей этого периода (Рожков, Готье, Огановский) согласно констатируют, что крестьянская запашка в размере на один двор сократилась в течение XVI в. в центральных частях Московского государства в 2—2½ раза. Но то же сокращение крестьянской запашки, в особенности в расчете на душу, продолжается и в XVII в., несмотря на происшедшее за это время увеличение семейного состава двора.

Интересы господствующего класса — необходимость расширения предпринимательского хозяйства, товарного производства, работы на рынок, повышения производительности труда — требовали расширения и закрепления барщины. Но это достигалось, конечно, разорением эксплоатируемого класса, крестьянского хозяйства. Переход к крепостной барщине был, следовательно, той формой, в которой господствующий и руководящий экономикой класс мог направлять развитие производительных сил; но эта форма развития была, конечно, далека от интересов развития всего общества в целом.

Распад вотчинных земельных отношений

К концу феодально-вотчинной эпохи и к началу Московской Руси можно считать окончательно сложившимися те основные типы земельных отношений, которые, как мы видели выше, стали формироваться уже в наиболее ранние периоды феодально-удельной Руси. Если удельная княжеская и боярская Русь преставлялась в значительной мере частновладельческой Русью, с зашедшей уже далеко земельной экспроприацией прежних мелких земледельцев, то Московская Русь дает дальнейшее и еще более быстрое поглощение прежних черных крестьянских земель частновладельческими княжескими, боярскими, монастырскими имениями. В течение XVI в. в земельных отношениях Московской Руси совершается окончательный процесс этой ликвидации черных земель и усиленного развития на их месте частновладельческих земель. По утверждениям неко-

торых исследователей, черные земли в XVI в. уже совершенно исчезли в центральных московских уездах, в небольшой части сохранились на северо-западе и в значительных количествах остались лишь на отдаленной северной окраине [1]). Уже в XV — XV вв., как мы видели, черные земли начинают усиленно «обояриваться», создавая этим почву для укрепления феодально-вотчинных отношений между крупным боярином и группировавшимися вокруг него мелкими, политически и экономически зависимыми от него земледельцами. С изживанием феодальных отношений и укреплением московской княжеской власти, черные земли окончательно теряют значение волостных земель и превращаются в земли княжеские, государевы. Сначала это была только перемена титула и названия. Но скоро этот процесс получает важнейшее хозяйственное значение в развитии земельных отношений. В руках князя и государя черные земли становятся тем фондом, из которого князь начинает «жаловать» и вознаграждать своих служилых людей, притом именно за службу их центральной власти.

Помимо раздачи своим служилым людям черных земель, для этой же цели служили обыкновенно земли, конфискуемые у старых вотчинных владельцев. Если черные земли при их «окняжении» сохраняли все же характер государственного земельного фонда (из них в будущем и образовались государственные крестьяне и земли), то конфискуемые у вотчинников земли считались владением князя, дворцовыми землями. Завоевания и политическая борьба Москвы с другими княжествами, особенно с Новгородом, доставили особенно значительную земельную добычу в этот фонд дворцовых земель: в Новгородской области Иваном III и Иваном Грозным почти все боярские, монастырские и владычьи земли были конфискованы и превращены в дворцовые. Однако они обычно недолго удерживались в руках самих московских князей: заменяя феодальных вотчинников своей верховной властью, князья нуждались в этих землях для раздачи их служилым людям. Даже более того: при неразграничении в то время публичноправовых и частнохозяйственных княжеских отношений, государю и князю-вотчиннику ради сохранения и укрепления своей власти иногда приходилось отдавать своим служилым людям не только эти завоеванные и конфискуемые, т. е. собственно государственные земли, но и свои личные вот-

[1]) *Соколовский,* Эконом. быт земледельческого населения и колонизация юго-восточных степей. Стр. 5 и след.

чинные земли. Обострение политической борьбы за власть в начале XVII в. стоило особенно значительных количеств розданных дворцовых и княжеских земель. Таким образом дворцовые земли являются подвижным, временами быстро увеличиваемым, временами быстро расходуемым фондом, через который центральная власть насаждает зависимый от нее служилый поместный класс, нужный ей как для ликвидации старого феодально-вотчинного землевладения, так и для укрепления собственной власти.

Борьба вотчины и поместья

Таким образом с разложением феодально-вотчинного строя у нас со второй половины XV в. имелись налицо два параллельные вида частных владений: с одной стороны, наследственная, преимущественно крупная и привилегированная вотчина как остаток прежнего феодально-боярского и княжеского землевладения, и с другой стороны — поместье, развившееся особенно с XVI в. как временное и часто менее привилегированное мелкое и среднее поместное землевладение дворян и служилых людей. Уже политика Ивана III, в особенности, например, в Новгороде, сильно подорвала здесь удельный вес крупного боярского вотчинного владения, посадив на их месте более мелкое, поместное. Опричина Ивана Грозного была окончательным торжеством поместного землевладения и уничтожением с корнем феодальных преимуществ боярского вотчинного землевладения. Процесс ликвидации земельных отношений феодализма одновременно был таким образом и процессом окончательной ликвидации черных земель. Смутное время уничтожает последние их остатки, и к концу Московской эпохи господствующей формой земельных отношений является исключительно поместье.

Социальный состав нового поместного класса был весьма разнообразен. Исторически основным ядром его являлись те служилые люди князя, которые несли у него личную и военную службу, получая от него в качестве кормления и вознаграждения за эту службу и на время службы участки княжеской земли во временное пользование, в поместье. Это условие сближает наше поместье с западно-европейским бенефицием (пожалованием); возможно, что оно встречается и в нашей истории весьма рано, уже в XIII — XIV в. (Павлов-Сильванский). Но особенно быстрое пополнение и формирование нового поместного класса начинает происходить с XVI в., когда Москва, ликвидируя уделы и боярские вотчины, привлекая к себе на службу не только прежних князей и бояр, но и горожан, купцов, своеземцев, дворовых слуг, даже холопов —

при всем различии их сословного положения, личного и политического влияния — равняла их по одному признаку — пожалованием за государеву службу землей во временное пользование ею.

В результате уже в начале XVI в. в Шелонской, напр., пятине больше половины конфискованных Москвой новгородских земель было роздано московским служилым людям в поместье. В других частях Новгородской области к тому же времени также свыше половины и даже до двух третей земель принадлежало владельцам на поместном праве. Еще большее значение поместье приобретало на юге, где, благодаря необходимости защиты границы от нападения южных кочевников, земля наделялась почти исключительно военным служилым людям, и где почти все землевладение было на поместном праве (Рязанский, Епифанский, Тульский, Каширский, Орловский уу., где от 80% до 99% всей земли принадлежало владельцам на поместном праве). Несколько дольше и в большем количестве сохраняется вотчинное владение в более старых, северных и в центральных частях Московского государства (Звенигородский, Коломенский уу.), но и здесь поместье постепенно вытесняет вотчину. Только на крайнем севере поместье еще не получает преобладания, благодаря сохранению здесь значительного количества «черных» земель. В остальных местностях феодальная вотчина уступает свое место новому господствующему типу земельного владения, поместью, как условному владению землей, наделяемой за службу центральной государственной властью и на время этой службы.

Это последнее обстоятельство — временный характер поместного землевладения — и дает основание некоторым исследователям (Рожков) подчеркивать условность и непостоянство владения, переходящий его характер, как главные черты юридической формы поместного владения, имеющие вместе с тем важные хозяйственные последствия и об'ясняющие характер того хозяйственного кризиса, который пришлось пережить Московской Руси в XVI столетии.

Как мы видим, изживание феодально-вотчинного хозяйства и политического строя с XVI в. и окончательная ликвидация его опричиной Ивана Грозного вызывались развивающимся денежным хозяйством и широким товарооборотом, ради которого и происходило формирование нового политического и народохозяйственного единства в новом Московском государстве. У замкнутого в себе «натурального» вотчинного хозяйства ускользала экономическая база его существования. Оно стояло в непримиримом противоречии

с общественным разделением труда, с широким товарооборотом на обширной и теперь уже единой территории, как прогрессивными и новыми хозяйственными явлениями той эпохи. Политическая ликвидация феодальной замкнутой вотчины представлялось прогрессивным требованием хозяйственного развития. В этом политическом перевороте крупная феодальная вотчина должна была уступить более мелкому поместью, как новой форме зависимой от центральной власти земельной собственности. Эта зависимость заключалась именно во временности владения землей.

Сел.-хоз. кризис XVI века как следствие борьбы за рабочую силу.

Но все же было бы неправильно видеть в этой юридической природе поместья причину последующего хозяйственного кризиса, который пришлось пережить сельскому хозяйству Московской Руси именно после ликвидации вотчины (как это делает Рожков). Как указывалось другими исследователями (Огановский, Сташевский, Готье, Кулишер), подвижность и временность пользования в поместье была фактически не больше, чем в вотчине, и следовательно в этом нельзя искать причины сельско-хозяйственного кризиса. В то же время, как совершенно справедливо указывает М. Н. Покровский, было бы совершенно непонятным, каким образом и почему, «во имя экономического прогресса раздавив феодального вотчинника, помещик очень быстро сам становится экономически отсталым типом». А между тем можно считать несомненно установленным, что со второй половины XVI в. и вплоть до начала XVII в. отмечается определенный регресс сельского хозяйства, сокращение запашки, возврат от устанавливавшегося трехполья к залежи и тому подобное.

Основную причину этого кризиса, связанного вместе с тем с переходом от крупного вотчинного хозяйства к поместному, следует искать в разном положении главной производственной силы поместного и вотчинного хозяйства — в положении труда. Мы уже указывали, что тот холопский труд, который имелся, повидимому, в таком изобилии в крупных княжеских и боярских вотчинах XII — XIV вв., уже в XV в. начинает относительно убывать и уже не в состоянии удовлетворить производительные силы крупного поместья с его развитыми отраслями хозяйства. Вотчина начинает переходить к системе связывания своей хозяйственной жизни с мелким хозяйством смердов, закупов, изорников и других видов экономически зависимого крестьянского населения, на основах частью натуральной, частью отработочной аренды. Вотчины своими

иммунитетами и прочими льготами имели настолько много преимуществ, что легко могли сосредоточить вокруг себя значительные кадры рабочих сил в виде свободных, но экономически зависимых от них крестьян.

Но ликвидация феодальной вотчины была вместе с тем и ликвидацией этих иммунитетов и льгот, которыми в такой мере не обладало поместное, зависимое от той же центральной власти землевладение. Кроме того, и холопской рабочей силы поместное хозяйство также имело меньше, чем крупная родовитая вотчина.

Таким образом, когда с развитием экономической жизни и установлением широкого товарооборота потребовалось разрушение хозяйственной изолированности вотчинного хозяйства, это привело и к разрушению завязанной в нем организации рабочей силы. Среднее поместное хозяйство не могло уже работать холопьим трудом, которого ему и по количеству недоставало, не говоря уже о низком его качестве, в особенности в условиях денежного хозяйства. Но и основать свое производство на экономически зависимом от него крестьянском труде оно не могло, так как само зависело от государственной власти, не могло дать уже отжившую защиту против этой государственной власти, да и экономически оно было малосильно.

Необходимая организация труда в поместье могла быть достигнута только иным путем — путем вне-экономического принуждения и прикрепления этого труда к поместью. Вот почему вместе с закреплением поместья, как преобладающей формы земельных отношений, становится необходимым и «закрепление» за ним крестьян. То, чего мог достигнуть феодальный вотчинник, было не под силу без санкции государственной власти мелкому поместному владельцу. Конечно, и последний стремился применить всю силу экономического нажима, чтобы фактически закрепить за собой постоянство работы сидевших на его земле крестьян, притом теми же способами экономической зависимости, которые применялись и более крупным вотчинным владельцем — ссудой, помогами, экономической кабалой и проч. Но помещики часто получали в поместье земли пустые, либо заброшенные, либо не разработанные, без сидевших на них крестьян, почему для организации хозяйства им недоставало самим не только рабочих рук, но и средств для обзаведения. Поэтому новые помещики сами часто добивались от правительства или податных льгот или даже пособий «на хо-

ромную ставку»[1]). Средств для самостоятельного ведения хозяйства и для экономического подчинения крестьянства в распоряжении у поместья было меньше. Тот же самый результат мог достигаться лишь с большим экономическим нажимом, но этот экономический нажим в конечном итоге должен был разорять крестьянство, заставлять его сокращать свои запашки, искать спасения в бегстве от этого нажима к новым помещикам. И так как это усиление экономической эксплоатации со стороны поместья началось со времени закрепления его преобладания, то в течение XVI века в результате и наблюдается не только хозяйственный кризис самого поместья, но и связанного с ним крестьянского хозяйства.

В течение второй половины XVI века средняя запашка крестьянского двора сокращается почти вдвое и более[2]). Обезлюдивались как крестьянские дворы вообще, так и на помещичьих землях. Усиление экономического нажима усиливало и стремление избежать его со стороны крестьянина; отсюда — усиление всякого рода крестьянских «отказов», прямое бегство задолженных крестьян с их участков; отсюда — необходимость регулирования этого права отказа (Юрьев день) вплоть до полного закрепления крестьян.

Существование и развитие поместного хозяйства стало требовать не только экономического, но и вне-экономического принуждения по отношению к источнику создания «прибавочного продукта», к крестьянину. Но с тех пор, как ликвидацией феодальной вотчины был дан, в форме поместья, выход для новой, работающей на рынок товарно-денежной экономики, государство вновь расширяет социально экономические права поместья, фактически сливая его с прежней вотчиной, но уже в новых политических рамках и на новой экономической почве — крепостного хозяйства. Помещик — уже не феодальный владелец, а всего лишь «посредник» между государством и крестьянином, между торговым капиталом и крестьянским хозяйством на почве его эксплоатации и тем и другим. Теперь он уже вновь может получить прежнее «безусловное» право владения.

Управление крестьянами в целях их эксплоатации и государством и помещиком становится уже «государевой службой». Эта «государственная» по тогдашней идеологии функция, т .е. право

---

[1]) *Рождественский*, Служилое землевладение, 284.

[2]) *Рожков*, Сельское хоз. Москов. Руси, 146—149.

эксплоатации закрепляется за особым классом помещичьего дворянства, а за этим последним закрепляются наследственные, «вотчинные» права владения и землей, и самими крестьянами. Правда, формальное идеологическое оправдание «государевой службой» права владения землей и крестьянами сохраняется и прикрывает это голое право эксплоатации еще в течение нескольких столетий. Но уже в XVII в. эта форма переживает свое внутреннее экономическое содержание, и к концу XVII мы вновь видим в Московском государстве господство не поместного, а вотчинного владения, т. е. прямое и ничем не обусловленное право помещика-дворянина на эксплоатацию крепостного крестьянина.

Поместное и вотчинное землевладения были двумя главными типами частновладельческих земельных отношений. В качестве особого вида землевладения могут быть выделены новгородские земцы или позднее своеземцы. Этот старый (несколько спорный в исторической литературе) новгородский вид землевладения был представлен преимущественно мелкими, служилыми и тяглыми людьми, владевшими землей на правах полной собственности и эксплоатирующими свою землю либо холопским и крестьянским трудом, либо трудом своей семьи. При конфискации Москвой земель новгородского боярства у «земцев», повидимому, была оставлена нетронутой их земля, но зато они обязаны были службой и отчасти, следовательно, приблизились к поместью.

Сокращение церковного землевладения

Другим важным видом земельных владений, наряду с вотчиной и поместьем, оставалось и в XVI в. церковное и монастырское землевладение. К концу XVI в. этот вид землевладения в Московском государстве получает уже громадное распространение, притом еще более значительное не только по количеству всей вообще земли, но особенно по количеству хозяйственно-обрабатываемой земли. Так, в 13 станах Московского у. к концу XVI ст. из всей обрабатываемой земли до 60% находилось у монастырей[1]), так что в центре государства процветало не боярское землевладение, где земли пустовали, а монастырское, которое продолжало «копить земли».

Такое положение уже в то время начинает представляться до некоторой степени угрожающим. Конечно, не соображения идеологического порядка о необходимости «нелюбостяжательства», но

[1]) *Кулишер*, История, II, 54.

опасения истощения земельного фонда и потери вотчинных и поместных земель, все более и «на вечные времена» закрепляемых за церковью, ставили вопрос о церковном землевладении: благодаря увеличению последнего, служилый класс «велие приде в оскудение». Государство должно было вновь пополнять служилое землевладение и таким образом расплачиваться за «спасение душ» своих бояр. Поэтому уже в XVI веке принимаются слабые меры к ограничению безвозмездных и возмездных, без разрешения центральной власти, переходов вотчин к церкви и монастырям. Установление денежных вкладов на «помин души», вместо вкладов землею и вотчинами, также не привилось, потому что ни сами вотчинники, ни государство не имели таких денежных средств, чтобы заменить земельные вклады денежными капиталами [1]).

Поэтому результаты всех этих ограничений были, повидимому, незначительны, и церковное землевладение попрежнему сохраняло значение громадного земельного фонда, правда, увеличивающегося с XVII века уже более медленно. Только в таких исключительных событиях, как борьба Москвы с Новгородом, страдала и сокрушалась не только частновладельческая вотчина, но и церковное, митрополичье и монастырское землевладение, которое к концу XVI века спустилось здесь до ничтожных размеров.

Возникновение крепостного поместья

То усиление эксплоатации и экономического нажима на крестьянское хозяйство, которое шло одновременно с разложением феодально-вотчинного хозяйства и укреплением поместья, происходило первоначально в форме «свободных» договорных экономических отношений. Но уже в самом феодальном строе вотчинного хозяйства, в праве суда и расправы, были заложены элементы закрепления известной юридической власти владельца над крестьянином. С другой стороны, вотчинник и монастырь, на землях которых сидели тяглые крестьяне, были в известной мере ответственны за правильное выполнение ими повинностей князю.

Тем не менее все эти условия, при возможности «отхода» и ухода с земли, еще не закрепляли крестьян помещику и его земле. Но уже постепенной практикой с XV века среди крестьян, обычно свободно переходивших от одного владельца к другому, выделяется группа крестьян «старожильцев», «застаревших крестьян», которые сидели на одних и тех же землях уже несколько десятков лет и

---

[1]) *Рождественский*, Служилое землевладение. Стр 111—120

фактически правом перехода не пользовались [1]). Понятно, что при такой прочной хозяйственной связи, устанавливавшейся между вотчиной и старожильцем, уход последнего был очень опасен, и потому запрещения перехода старожильцев, в силу одной давности, встречаются наиболее рано, и ко второй половине XVI века старожильцы уже утрачивают права выхода [2]). Но вслед за тем ограничение права выхода начинает распространяться и на «новопорядчиков», уже не на основе давности, а по соображениям хозяйственным и по задолженности этих новопорядчиков землевладельцу.

Эти ограничения вводятся и усиливаются также весьма постепенно. Псковская судная грамота еще для XV века устанавливает лишь один законный срок отказа («Филиппово заговенье» — 14 ноября). Этот срок перехода узаконяется и последующими отдельными грамотами. Наконец, Судебники 1497 и 1550 г. окончательно устанавливают: «А христианам отказываться из волости из села в село один срок в году» — в течение недели до и после Юрьева дня.

Естественно, что ограничение свободы перехода, в особенности в связи с усилением эксплоатации, стало вызывать и сопротивление крестьян. Появляются «беглые» крестьяне, притом как среди старожильцев, «искони вечных» крестьян, так и среди новопорядчиков, большею частью на основе их ссудной задолженности помещику. Задолженность помещику и монастырю была главной причиной, вызывавшей ограничение перехода и закрепощения. Подмога и ссуда «серебром», семенами, ссуда «хлебная и денежная» преобладают в крестьянских отношениях к владельцам в XVI веке и даже в XVII веке. Без этих ссуд большинство крестьян, повидимому, не могло поставить «крестьянский завод» и приобрести «всякую деревенную посуду», т. е. обзавестись хозяйством и инвентарем. Но, повидимому, и в тех случаях, когда более состоятельные крестьяне могли обходиться без ссуды, сами владельцы склонны были смотреть на эти ссуды, как на способ закабаления. Крестьянину при попытках отказа приходилось доказывать, что он «подмоги у него (помещика) ничего не имал». Как вообще была распространена ссуда даже семенами, т. е. самым необходимым материалом для хозяйства, показывает, напр., запись вотчинной книги Кириллова-Белозерского монастыря, что из всех

---

[1]) *Дьяконов*, Очерки, стр. 19.

[2]) Там же, стр. 27.

крестьян, арендовавших у монастыря землю, до 70% не имели собственных семян для посева и пользовались ими в виде монастырской ссуды [1]).

Таким образом в течение XVI века в хозяйственной жизни постепенно складывались условия, закреплявшие связь крестьянина с поместным хозяйством. Еще до того времени, когда законодательство заметило и зарегистрировало складывающиеся отношения, они уже были налицо и пользовались значительным распространением. В настоящее время можно считать доказанным и общепринятым мнение, что собственно никакого законодательного акта, устанавливавшего закрепощение крестьян и отмену правил Судебников о выходе в Юрьев день, не было. До нас сохранился лишь указ 1597 г., предписывающий возвратить от всех помещиков и вотчинников тех беглых крестьян, которые поселились на их землях, уйдя с других мест в течение последних 5 лет до указа, т. е. не раньше 1592 г.; крестьяне, хотя бы и «беглые», поселившиеся раньше, не возвращались к прежним помещикам. На основании этого наши старые историки (Татищев, Карамзин, Костомаров) предполагали, что в 1592 г. вышел указ, отменивший «Юрьев день» и окончательно установивший закрепление. Но все новейшие исследователи сходятся на том, что такого указа вовсе не было и право выхода в Юрьев день отмерло само собой к концу XVI в. Указ же 1597 г. устанавливает лишь 5-летнее право давности для исков владельцев беглых крестьян, ушедших от владельца без установления «отказа», нелегальным путем «побега».

Прекратилась ли, однако, та неустойчивость в положении и организации труда во владельческом хозяйстве, необходимость изживания которой привела к закреплению? Повидимому, еще в течение почти столетия сколько-нибудь значительной устойчивости здесь достигнуто не было. Дело в том, что не только сами крестьяне часто были заинтересованы в свободе перемещения рабочей силы. Если часто крестьяне по своей инициативе бросали одних владельцев и переходили к другим, то активное участие в этом принимали и сами владельцы. Это участие проявлялось обыкновенно в форме «вывоза» крестьян, т. е. переманки одними владельцами крестьян с земель других владельцев, иногда легально, «с отказом», иногда «без отказа и беспошлинно» и даже с прямым насилием — увозом. По писцовой книге Тверского уезда согласно подсчетам Лаппо

[1]) *Ключевский*, Опыты, 264.

из 333 случаев крестьянских переходов в 188 случаях их «вывозили», т. е. переманивали или насильно переселяли те землевладельцы, которые хотели заселить свои земли [1]). Понятно, что «насильством» и вопреки указам о сроках могли вывозить крестьян лишь наиболее крупные и сильные вотчинники, отнимавшие рабочую силу от своих менее сильных собратий. Такой крупный вотчинник, как боярин Романов, еще в XVII в. употреблял способы «вывоза» крестьян от других землевладельцев, не далекие от способов приобретения холопов варягами XI в.: «Приезжают... люди его и крестьяня человек по сороку и по пятидесят и больши в наши поместицы днем и ночью, нас, холопей ваших, бьют и грабят, жен и дочерей позорят и из денег и из платья пытают и из за нас, холопей ваших, и из за монастырей крестьян и бобылей вывозят насильством» [2]).

Другими моментами, прорывавшими оседание закрепляемых крестьян на земле их владельцев, являлись те неблагоприятные хозяйственные и политические условия, которыми так богат XVI в. и которые часто заставляли не только крестьян, но и самих владельцев бросать свое хозяйство. Смутное время выжгло и разорило массу деревень, сел и поместий, разбросало крестьян на новые земли, что, в свою очередь, дало возможность другим владельцам и монастырям закрепить этих крестьян на своих землях. Во время голода крестьяне часто бросали земли небогатых землевладельцев, не могущих оказать им помощи, и шли к более сильным помещикам, от которых получить их обратно было уже не так легко. И хотя укрыватель и захватчик чужих крестьян подлежал судебному взысканию, все же экономический интерес в разрешении самого настоятельного для барского хозяйства вопроса — о рабочей силе — был настолько велик, что за осуществление его стоило рисковать судебной волокитой, кончавшейся чаще не в пользу правого, а в пользу богатого.

Таким путем к концу XVI в. и в начале XVII в. окончательно складывается та новая хозяйственная система, которая в виде крепостного хозяйства в течение трех столетий всецело овладевает всем русским народным хозяйством. Она возникает на почве развития производительных сил в сельском хозяйстве, в виде необходимости перехода к более интенсивным и устойчивым формам хозяйства,

---

[1]) *Лаппо*, Тверской уезд, стр. 44—48.

[2]) *Сташевский*, К истории колонизации юга, стр. 4.

шедшим на смену прежним экстенсивным формам залежной системы. Но это же развитие производительных сил приводило и к окончательному разложению феодально-вотчинной хозяйственной системы с ее экономической замкнутостью, вместо которой в новой системе выдвигалось развитие товарно-денежного хозяйства. Крупное феодальное, политически автономное, замкнутое в себе вотчинное хозяйство сменяется более мелким, работающим на рынок поместным хозяйством, связанным уже со всей системой народного хозяйства и с государственной системой, его олицетворяющей.

Изменения, вызванные переустройством новой хозяйственной системы, получают значение социального переворота, притом одновременно в трех направлениях.

Падение феодального режима приводит к господству новой социальный класс служилого, поместного дворянства, который свою «историческую миссию» — об'единение в одном народно-хозяйственном целом всей системы — совершает с санкции государства, во-первых, за счет экспроприации земли у прежних феодальных вотчинников, во-вторых, за счет экспроприации земли и свободного труда у прежде свободных крестьян и, в-третьих, — в союзе с торговым капиталом, реализующим идею «национально-хозяйственного» об'единения.

ЛИТЕРАТУРА

Кроме общих сочинений и монографий, указанных во введении (особенно Аристова, Беляева, Дьяконова, Готье, Лященко, Огановского), а также указанных в предыдущей главе сочинений Миклашевского, Соколовского, Лаппо, Багалея, Перетятковича, важнейшими монографиями по вопросам, затронутым в этой главе, являются:

По вопросам *сельского хозяйства: Рожков,* Сельское хозяйство Московской Руси XVI, 1899. — *Готье,* Замосковский край в XVII в., 1906. — *Заозерский,* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. — *Забелин,* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. В. Е. 1871, I—II. — *Благовещенский,* Четвертное право. 1899. — *Ключевский,* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря, Опыты и исследов.

По вопросам *землевладения и земельных отношений,* кроме указанных выше, также: *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, 1898. — *Рождественский,* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., 1898. — *Сташевский,* Опыт изучения писцовых книг Московского государства, в. I, 1907. — *Беляев,* О поземельном владении в Московском государстве, 1851. — *Горчаков,* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода, 1871.

Специально по вопросу *об истории земельной общины: Чичерин*, Обзор истории развития сельской общины, Опыты, 1858. — *Соколовский*, Очерк истории сельской общины на севере России, 1877. — *Ефименко*, Крестьянское землевладение на севере, 1884. — *Соловьев*, О поземельном владении в России, Отеч. Зап., 1858. — *Кауфман*, Русская община в процессе ее зарождения, 1908. — *Панаев*, Общинное землевладение и крестьянский вопрос, 1881. — *Кочаровский*, Русская община, 1906. — *В. В.*, Крестьянская община, 1892.

О сельском населении и прикреплении крестьян: Ключевский, Происхождение крепостного права. Подушная подать и отмена холопства в России. Опыты и исследования. — *Лаппо-Данилевский*, Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения, в сборнике «Крестьянский строй», I, 1905. *Его же*, Организация прямого обложения в Московском Государстве, 1890. — *Победоносцев*, Исторические исследования и статьи, 1876. — *Дьяконов*, К истории крестьянского прикрепления, Ж. М. Н. П., 1893, VI.

Источники. См. указания к предыдущей главе. Специально по истории крестьянства: *Дьяконов*, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, I—II, 1895—1897. — *Самоквасов*, Крепостное право в древней России (архивный материал), 1909. — «Сводный текст крестьянских порядных», 1910. — *Введенский*, Торговый дом XVI—XVIII вв., 1924 — *Греков*, Монастырское хозяйство, 1924.

Глава VII.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Московский город как промышленный центр

Мы уже говорили, что в истории русского народного хозяйства в период его «позднего средневековья» город и городское хозяйство не составили особой, продолжительной и весьма важной эпохи, как это было в западно-европейское средневековье. У нас не создалось местного, в пределах небольших городских районов, разделения труда и обмена между промышленным городом и деревней. Не создалось тех первых форм будущего промышленного развития, которые в Западной Европе, с одной стороны, в эпоху позднего средневековья быстро разлагали феодальный строй, с другой — подготовляли почву для грядущего развития промышленного капитализма. Вместо этого решающее значение в нашем народнохозяйственном развитии получил торговый капитал, который разлагал феодально-вотчинную систему, но в то же время надолго закреплял особые формы крепостного хозяйства.

Тем не менее, все же город получает у нас известное народохозяйственное значение. Зачатки такого же «городского хозяйства», как и в Западной Европе, основанного на общественном разделении труда и на товарообмене между городом и деревней, но в гораздо менее развитых формах, чем на Западе, мы видим и у нас, особенно именно в Московскую эпоху.

Понятно, что при господстве в XV-XVI вв. все еще «самоудовлетворяющегося» сельскохозяйственного населения, нельзя преувеличивать степень наметившегося тогда разделения труда между городом и деревней. Не говоря уже о крупном частновладельческом и монастырском хозяйстве, даже более мелкое крестьянское хозяйство большинство своих потребностей в одежде, жилище, хозяйственных принадлежностях удовлетворяло собственным домашним производством. Поэтому состав промышленных отраслей

собственно городского населения ограничивался лишь относительно немногими производствами, необходимыми не столько самоудовлетворяющейся деревне, сколько самому городу с его как производительными, так и непроизводительными элементами.

В состав городского, но не промышленного, населения, по описям писцовых книг, входят ратные, служилые люди, а также такие лица, как извощики, скоморохи, кровопуски, повивальные бабки и т. д. Исследователь городов Московской Руси XVI в. на основании писцовых книг насчитал до 210 «ремесленных» городских профессий, хотя некоторые из них, как только что упомянутые, конечно не относятся к понятию промышленного ремесла [1]). Преобладающим ремесленным занятием является производство съестных припасов — хлебники, рыбники, пирожники, квасники, винокуры и проч. В отдельных городах эта группа ремесленников дает от одной пятой почти до половины общего числа их (в Пскове 30%, в Туле 32,4%, в Казани 41%, в Свияжске 43%). Уже одно это обстоятельство показывает, что значительная часть ремесленной деятельности города шла не на удовлетворение потребности тяготеющей к нему деревни, а самого городского населения.

Другой крупной группой ремесленных занятий является изготовление предметов одежды — суконники, холщевники, кожевники, башмачники, портные, шубники, шляпники, чулочники и проч. Эта группа в большинстве городов дает от одной четверти до одной трети всех ремесленников. Но и здесь ремесло, повидимому, еще не захватило обработки первичного продукта (льна, шерсти), так как прядение и ткачество еще попрежнему составляют принадлежность преимущественно сельского хозяйства, а не городского ремесла, которому принадлежит только выделка изделий из этих продуктов.

Далее следует, по классификации Чечулина, группа ремесленников по производству предметов домашнего обихода первой необходимости и группа по изготовлению разных предметов менее широкого потребления. Из этих групп более важно выделить ремесленников по обработке металлов, притом, с одной стороны, военного снаряжения (седельники, сабельники, бронники, стрельники), с другой — хозяйственного обихода (сковородники, замочники, полудники, игольники) и, наконец, — предметов роскоши. К сельскому хозяйству имела отношение главным образом лишь вторая группа,

[1]) *Чечулин*, Города Москов. госуд, 339.

так как металлические изделия и предметы хозяйства в меньшей степени производились в самом сельском хозяйстве, а преимущественно приобретались в городе.

Таким образом, хотя городская промышленность получила в XVI в. уже значительное развитие, тем не менее нужно признать, что деревня гораздо меньше в этом отношении зависела от города, чем город от деревни. Сельское хозяйство являлось не только основой всего народного хозяйства, но у городских жителей и у ремесленников оно часто было не менее важным занятием, чем само ремесло. Вот почему сами города в известной мере носят действительно земледельческий характер, и — что еще более важно — городской промышленный класс еще далеко не выделился, как особый общественный класс.

Классы городского населения

Основным ядром торговопромышленного городского населения являлись «посадские люди», городское мещанство, наиболее полно связанное с городской промышленностью и торговлей. Но и они часто имели свое сельское хозяйство, снимали земли и покосы, имели рыбные ловли и т. п. С другой стороны, служилые и ратные люди, второй видный слой городского населения, также почти всегда занимались торговлей и даже ремеслами, не говоря уже о том, что они также часто вели свое сельское хозяйство. В некоторых городах, в особенности в южных, носивших характер военных поселений с меньшим развитием посадского населения, ратным людям принадлежала большая часть торговых заведений и ремесленных предприятий. Но и в других городах они не только вели торговлю и занимались ремеслом, но, судя по размерам платимых ими сборов и пошлин, имели предприятия более крупные, чем посадские люди. Наконец, и крестьяне не только являлись покупателями, потреблявшими продукты городского рынка, но и сами занимались ремеслами и торговлей наряду с другими группами городского промышленного населения.

При таких условиях город в Московской Руси не мог стать, подобно средневековому городу Западной Европы, ни экономическим центром ремесленной промышленности, ни организационным центром городского промышленного класса. В этом отношении московский город мало чем отличался от города феодальной эпохи, несмотря на то, что экономический удельный вес его стал неизмеримо больше. Городское население долгое время сохраняет смешанный классовый состав и не превращается в обособленный городской промышленный класс. Формальное обособление городского населения

начинает происходить, пожалуй, скорее в форме его податных отношений к государству как низшего тяглого сословия, включающего в себя и мелких самостоятельных ремесленников, торговцев, крестьян, и рабочих людей, и мелкий служилый люд, без резкого их классового обособления. Вообще городское население носит гораздо более многочисленные следы сословных группировок, чем производственных группировок по положению в промысле. Таковы различные упоминаемые в писцовых книгах и других памятниках того времени закладчики, дворники, захребетники, подсоседники и проч., положение которых определялось большею частью отношением к тяглу, принадлежностью или непринадлежностью к городскому податному населению. В то же время торгово-промышленные посады обрастали лавками и промыслами не тягловых посадских людей, а людей служилых, ратных, даже церковных. И, обратно, тягловые посадские люди, торговцы и ремесленники «закладывались» к боярам, вотчинным владельцам и монастырям и под их защитой и льготами вели те же промыслы, но уже без несения тягла.

Городское ремесло

Правда, уже в XVII веке (Соборное уложение 1648 г.) имеются попытки обособления городского промышленного населения как тяглового и посадского, т. е. живущего в городах, занимающегося промыслом и выполняющего соответствующие повинности. Предписывалось «возвратить в тягло» все слободы частных владельцев и запретить закладничество. Но, тем не менее, экономическая организация вотчинного и поместного хозяйства, с его многочисленными дворовыми ремесленниками, была настолько сильна, что сфера влияния городской промышленности долгое время оставалась весьма ограниченной.

Понятно поэтому, что в XVI—XVII вв. не наблюдается еще никаких признаков экономической организации городского посадского населения как промышленного класса. В эти века расцвета западноевропейской ремесленной цеховой организации мы не видим почти никаких признаков ее у нас. Обязательный характер принадлежности ремесленника к цеху на Западе стоял в полном противоречии со свободой промысловой деятельности у нас. Организационные формы как всего ремесленного класса в целом (старейшины, мастера, подмастерья, ученичество), так и регламентация производства у нас в это время или совершенно отсутствовали, или носили характер бытовых явлений, а не организационных форм промышленного производства (ученичество). Строгого обособления отдельных

ремесленных занятий по принадлежности к цехам не было, и одно и то же лицо могло быть и сапожником, и древоделом, и хлебопашцем. Разделение труда и дифференциация внутри ремесла были также значительно меньше развиты, хотя иногда и имели место, в особенности при выделке предметов, требующих сравнительно высокого уменья (иконопись). В то же время ремесленник не только производил свои изделия по заказу из материала заказчика, но, повидимому, производил их для рынка, прямо на продажу, почему большинство ремесленников имело лавки в городе, превращаясь таким образом в более законченный тип мелкого товарного хозяйства, чем западное европейское «ремесло на заказ».

Немудрено поэтому, что наш ремесленный городской класс XV—XVII вв. по своему экономическому положению и социальному влиянию был далек от тех характерных черт влиятельной городской буржуазии, которую представляло из себя западно-европейское цеховое ремесло. Это был низший городской класс, городская беднота, живущая, по свидетельству иностранных наблюдателей, в курных избах, на окраинах города. Заработки их были настолько низки, что даже в таких сравнительно квалифицированных ремеслах, как изделия из серебра, готовые изделия продавались почти за одну стоимость металла. Портные, сапожники, извощики, пильщики были наименее состоятельными ремесленниками, платившими повинностей менее рубля в год; несколько более самостоятельными были скорняки, кожевники, серебряники, имущество которых в редких случаях оценивалось в несколько тысяч [1]). Но зачастую встречаются и такие ремесленники, которые вовсе не имеют «своих животов» и ходят «помиру».

Одним городским ремеслом не ограничивались, однако, те формы промышленной деятельности, которые в то время стали намечаться в народном хозяйстве. Во-первых, в самом городском ремесле, при общем примитивном его уровне, выделялись некоторые виды его, поставленные более высоко. Это была в первую очередь выделка предметов роскоши и драгоценных металлов, чем часто занимались иностранные мастера, которых специально выписывали из-за границы. В Москве в половине XVII ст. таких иностранных мастеров было уже так много, что они образовали особую пригородную слободу; в число их входили серебряных и золотых дел мастера, часовщики, живописцы, седельники, кружевники, аптекаря, порт-

[1]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышленность Москвы, стр. 84.

ные и другие. В общем — это был тип, наиболее близкий к западноевропейскому цеховому ремеслу.

Сельское ремесло

Но еще большее, чем ремесло городское, имело значение ремеслу сельское. Было уже указано, что крупная вотчина или монастырское хозяйство со своим сложным хозяйственным строем должны были выработать довольно высокую специализацию различных требующихся для них технических отраслей. Для вотчинного и монастырского обихода требовались: плотники, кузнецы, каменщики, сапожники, ткачи, портные, хлебники, а затем даже иконописцы, резчики, златобойцы и многие другие. Часть этих работ выполнялась теми же крестьянами, сидевшими на вотчинных или монастырских землях, в виде оброка или за отработки. Но значительная часть выполнялась за особую денежную плату и особыми лицами, как их «вольное ремесло». Монастырское хозяйство, повидимому, принуждено было особенно значительно и часто прибегать к «вольному» наемному ремеслу. Сохранившиеся приходо-расходные книги различных монастырей дают картину самых различных ремесленных специальностей, применявшихся в виде найма ремесленников в монастырском хозяйстве [1]). Понятно, что в монастырском хозяйстве ремесленники работали на заказ монастыря из его материала и часто его орудиями.

Но еще большее значение приобретает другой вид деревенского ремесла, не связанный с крупным хозяйством, а обслуживающий мелкое крестьянское хозяйство. Отсутствие тесного промышленно-менового обращения между городом и деревней способствовало значительному развитию этого вида ремесленно-промысловой деятельности деревни. Но то же слабое развитие городского ремесла, вместе с деятельностью торгового капитала, способствовало дальнейшему росту и новому направлению этого деревенского ремесла — превращению его в мелкое товарное производство, работающее не только для удовлетворения сравнительно узких потребительных нужд деревенского рынка, но и на более широкий городской рынок.

Таким путем в недрах сельского крепостного хозяйства возникают основные формы промышленной переработки продуктов, частью в целях удовлетворения собственных потребностей крестьянского хозяйства (домашнее производство), частью в виде натурального оброка продуктами переработки, приносимыми помещичье-

---

[1]) *Кулишер*, История, II, стр 211—223

му хозяйству и вырабатываемыми тем же крестьянским хозяйством; далее в виде выделяющегося из крестьянского же хозяйства «деревенского ремесла» и, наконец в виде «промышленно-перерабатывающей помещичьей дворни» и монастырского перерабатывающего хозяйства — источники, которые дадут впоследствии начало основным руслам в развитии различных организационных форм промышленности в условиях крепостного хозяйства.

Крупная промышленность

Однако городским и деревенским ремеслом не исчерпывались все промышленные потребности и отрасли хозяйства того времени. Некоторые промыслы и по технике своей, требуя массового приложения труда, и по экономике, работая на рынок, не вмещались в рамки ремесленного производства или помещичьего хозяйства. Из таких отраслей наиболее видное значение получают солеварение, рудное и поташное дело, «тяжелая» металлургическая промышленность и некоторые другие. Эти отрасли впервые начинают организовываться как более или менее крупные предприятия специального характера, т. е. не связанные с вотчинным земледельческим хозяйством, часто на «капиталистических» началах с применением «вольного» труда, в особенности квалифицированного иностранного.

Железо-рудная и соляная промышленность, как мы видели выше, являлись наиболее старыми отраслями, получившими характер крупных и работающих на рынок. Часто они, впрочем, зарождались и организовывались в пределах вотчинного частновладельческого или монастырского хозяйства. Некоторые монастыри вместе со своими рыбными ловлями особенно значительно развивали и солеварение, притом не только для своих нужд, но и на продажу. Но в XVI в. в этой отрасли появляются уже специальные солепромышленники-капиталисты, которые заводят крупные соляные промыслы.

Наиболее видными солепромышленниками, — пожалуй, родоначальниками будущей крупной торгово-промышленной буржуазии,— являются знаменитые Строгановы, владельцы многочисленных крупных солеварен на Устюге, по Каме, в Перми, на Урале. Организационной формой предприятий Строгановых была та же вотчина: «дедовские и отцовские и своей купли деревни в волостях жилые и пустые... и что у тех деревень сенных покос по печищам и в островах и по присадам... и всяких угодий по государевым грамотам по правежным и по купчим и даным по закладным и по всем крепостям». Главной производственной отраслью строгановского хозяйства были соляные промыслы. Для развития их приобретаются обширные

вотчины, отдельные варницы, деревни с крестьянами, принимается на работу всякого рода люд на основах кабалы, оброка или найма [1]). Кроме добывания соли, Строгановы занимались производством поташа, скупкой щетины и торговлей ею и др.

Но если Строгановы являются наиболее типичными для того времени представителями торгово-промышленных капиталистов-предпринимателей, то такая же крупная предпринимательская промышленная деятельность имелась и в среде крупного вотчинного боярства. Типичным представителем этого вотчинного дворянского промышленного предпринимательства является «большой боярин» Морозов с его обширными вотчинами и знаменитым «поташным делом» («будные майданы»). Поташ Морозова вывозился за границу и пользовался там большой известностью [2]). Двенадцать «будных майданов», вырабатывавших каждый до 100 бочек поташу, представляли для того времени крупнейшее, работающее и на экспорт промышленное предприятие. В основе этой промышленности лежали исключительно вотчинные отношения, с барщинными отработками крестьян, сидевших на морозовских землях. Беспощадная эксплоатация крестьян, вместе со всяческими правительственными льготами по продаже и экспорту поташа, позволяли боярину Морозову получать от своего дела большие барыши. Промышленные предприятия встречаются и у других представителей вотчинной знати, до царя Алексея Михайловича включительно [3]); в них, таким образом, можно видеть зачатки тех «вотчинных фабрик», т. е. более или менее крупных крепостных мануфактур, которые впоследствии получают значительное развитие.

Наконец, в том же XVI веке, но еще более в XVII в., можно отметить возникновение и другой формы промышленности — казенных «заводов», связанных преимущественно с рудным, военным, строительным, монеточеканным делом и проч. Требующие значительно больших средств и квалифицированного труда, эти отрасли возникают большею частью в виде «государевых», т. е. казенных, предприятий и связаны с выпиской иностранных мастеров. Добыча железной руды около Тулы, железной и медной — на Урале вызвала постройку здесь в 1632 — 1677 гг. железных и медных заводов под руководством иностранных мастеров для выделки оружия, разных изделий, литья пушек и проч. И здесь в основе организации

[1]) *А. Введенский*, Торговый дом XVI — XVII вв

[2]) *Забелин*, Вестник Европы, 1871, I—II.

[3]) *Заозерский*, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, М. 1917.

труда лежала приписка к заводам крестьян, обязанных обслуживать завод как добыванием руды, подвозом топлива, так и непосредственной работой на заводах. Но, повидимому, и здесь, также как и в других крупных промышленных предприятиях, применялся довольно широко вольнонаемный труд разных «охочих людей».

Итоги

Таким образом в области промышленности в Московскую эпоху мы можем заметить уже зачатки всех тех форм промышленности, в которые впоследствии выливается ее развитие. Наибольший удельный вес вообще в народном хозяйстве имеет еще промышленная обработка продуктов внутри самого хозяйства вотчинного, монастырского или крестьянского, для собственного потребления и без специального выделения из земледельческих занятий. Но рядом с этим возникает, с одной стороны, ремесло, мелкая промышленная и простая обработка продуктов, в виде городского и деревенского ремесла, с другой стороны — более крупная предпринимательская промышленная деятельность в виде промышленных предприятий на основе труда барщинных и оброчных крестьян в помещичьих заводах и предприятиях, или в виде частных заводов торгово-промышленного класса и казенных «государевых» заводов, также с применением барщинного крестьяского труда или вольнонаемного труда разных людей. И если из всех этих наметившихся форм промышленности ремесло, в особенности городское, обнаруживало, пожалуй, наиболее медленный темп развития и наибольшую косность, то, наоборот, крупное производство, как связанное с вотчинным хозяйством, так тем более частное и казенное, обнаруживало наибольшую инициативу и настойчивость в своем развитии, давая уже в XVI в прочные ростки для будущего промышленного развития XVII — XVIII вв.

Вообще промышленность в Московской Руси XVI — XVII ст. уже настолько развилась, что представляется возможным наметить ее географию. Горная и металлургическая промышленность сосредоточивалась в двух районах: около тульской железной руды, где были построены Демидовский, Протвинский, Истинский, Угодский и другие заводы, и вокруг Москвы, где был построен ряд железных и ружейных заводов — Марселиуса, Избранята, Сороксанский, Обушковский и др. Несколько более рассеянной преставлялась другая важная отрасль промышленности — соляная. Наиболее крупным центром ее являлась Прикамье, где имелись варницы в Чердыне, Соликамске, Новом Усолье, Чусовой и др. На севере крупные варницы имелись в Сольвычегодске, Яренске, Солигаличе. По

Верхней Волге — в Ростове Ярославском, Кинешме. Великои Соли (около Костромы), Балахне. В Новгородском районе — в Ст Руссе и в Сольцах. В Московском районе — в Киржаче, в Переяславле. Центром поташного производства являлись Нижегородские уезды и села. Арзамас, Сергач, Лысково, Мурашкино, а также Смоленск и Прикамье. Наиболее важными центрами кожевенного производства являлись В. Новгород, Псков, Нижн.-Новгород, Ярославль, Кострома, Суздаль, Муром. Канатное производство было в Вологде, полотняное — в Твери, Москве, Ярославле, Вологде, стекольное — под Москвой, мыловаренное — в Вологде, в Нижнем, в Москве. Этими главными промышленными пунктами почти исчерпывается вся география московскоїї «крупноїї» промышленности XVI — XVII веков.

ЛИТЕРАТУРА.

Кроме указанной выше литературы по Московскому периоду, специально по истории города, городского населения и городской промышленности: *Чечулин*, Города Московского государства, 1889 — *Самоквасов*, Древние города России, 1873 — *Пригары*, Опыт истории состояния городских обывателей, 1868. — *Смирнов*, Города Московского государства, 1917. *Забелин*, История города Москвы, 1905 — *Никитский*, Очерк внутренней истории Пскова, 1873. — *Богоявленский*, Некоторые статистические данные по истории русск. города XVII в., Труды Мос. Арх Ком. Арх. Об., I.

О положении городской промышленности и промышленного населения: *Довнар-Запольский*, Промышленность и торговля Москвы, 1910. — *Его же*, Организация московскнх ремесленников в XVII в., Ж. М Н. П:, 1910, а также указанные выше монографии Забелина, Заозерского.

Источники, упомянутые выше: «Писцовые книги» и «Материалы для истории города XVII — XVIII вв», а также сочинения иностранцев и современников — Котошихина, Кильбургера, Герберштейна и др.

Глава VIII.

ТОРГОВЛЯ И РЫНОК.

Возникновение товарного производства

Из предыдущего изложения мы видели, что в Московской Руси XVI—XVII вв. резкого обособления между городом и деревней и глубоко проведенного общественного разделения труда не было. Ни занятия городских и сельских жителей, ни классовая структура городского и сельского населения не были сколько-нибудь резко обособлены. Одни и те же лица как в городе, так и в деревне занимались и сельским хозяйством, и промышленностью, и торговлей

Однако, тем не менее, все хозяйство в целом уже далеко ушло вперед от замкнутого в себе натурального строя и не могло уже стоять вне хозяйственных связей и общения с другими хозяйствами. Обмен и товарное хозяйство, и именно в форме денежного товарообмена, постепенно начинают разрушать тот преобладающий «натуральный» характер, которым до этого отличалось крупное феодальное вотчинное хозяйство.

Уже переход крестьянских повинностей из натуральных в денежные должен был резко изменить как взаимоотношения владельческого и крестьянского хозяйства, так и структуру последнего. Чтобы уплатить денежные повинности, крестьянин должен был сам реализовать на рынке свои продукт. А так как мы видели, что в начале XVI в. «прибавочный продукт», отдававшийся крестьянином на барщине помещику, был не менее одной четверти всего продукта, а в течение века он дошел до $^1/_3$ и более, то при полном переходе на денежные повинности «товарная часть» крестьянского хозяйства должна бы быть не менее $^1/_3$ — $^1/_4$ всего производства. Правда, денежный оброк составлял лишь часть всех повинностей крестьянского хозяйства; но, с другой стороны, и для него самого многие его потребности удовлетворялись путем купли, а для этого, следовательно, требовалось отчуждение его продуктов

Эта «товарная часть» крестьянского хозяйства состояла, повидимому, из самых разнообразных продуктов, в зависимости от условий местного производства и сбыта. Таковым преимущественно был, напр., лен в Псковской и Новгородской областях; хлеб, скот и его продукты — кожи, сало, масло, — в более плодородных южных местностях; продукты огородничества — вблизи городов и более или менее крупных населенных пунктах. Во всяком случае, даже такой предмет первой необходимости и главный продукт земледельческого производства, как хлеб, производился не только для собственных нужд, но и для сбыта, притом на весьма отдаленных рынках. По свидетельству Герберштейна, в Москву зимой ежедневно привозилось до 700 — 800 подвод с хлебом, рыбой и другими продуктами, причем хлеб привозился из отдаленных местностей до 1.000 миль [1]).

При необеспеченности и низком уровне благосостояния крестьянского хозяйства вообще, товарная часть его абсолютно не могла быть сколько-нибудь значительна, но относительно она была, повидимому, довольна велика. По крайней мере некоторые иностранные наблюдатели прямо указывают, что крестьяне Московской Руси в XVI в. жили очень бедно, питались одним ржаным хлебом, а остальные более ценные продукты своего хозяйства продавали на рынке (Даниель Принц). Но, конечно, несмотря на это, крестьянский спрос, в особенности на некоторые предметы первейшей необходимости (соль, металлы), был, в свою очередь, одним из важнейших для городского рынка.

Необходимость товарного производства не ограничивалась установлением связей крестьянского хозяйства только с местным рынком. Крестьяне начинают сбывать свои продукты на более или менее отдаленные рынки, о чем говорит приведенное выше свидетельство Герберштейна, а также и других иностранцев. Недостаточная емкость ближайших городских пунктов и, наоборот, развитие крупных городских и торговых центров вне плодородного земледельческого района способствовали развитию крестьянского сбыта непосредственно на отдаленные рынки Так, из Рязани крестьянский хлеб шел в Москву, из самых южных уездов — в Ярославль, в Вологду; крестьянские плоты с хлебом сплавлялись до Устюга и Холмогор (Ченслер). Понятно, что в таких слу-

---

[1]) *Середонин*, Известия англичан о России, Чт. О-ва истор. и древн., 1884, IV.

чаях, нужно думать, товары перевозились на такое далекое расстояние большей частью скупщиками и посредниками из крестьян же, но во всяком случае важно то, что и крестьянское хозяйство в это время представляло уже в значительной части товарное производство.

Развитие денежных сборов вместо натуральных переносило тяжесть рыночной реализации продуктов на крестьянское хозяйство. Понятно, что крупное барщинное, частновладельческое или монастырское, хозяйство еще в большей степени работало на рынок и получало товарный и предпринимательский характер. Чем более крупную и сложную организацию представляло такое хозяйство, тем большую, и относительно и абсолютно, долю своих продуктов оно производило, как товары. Такие хозяйства, как хозяйства боярина Морозова или царя Алексея Михайловича, производили на рынок самые разнообразные продукты — хлеба, овощи, скот и его продукты (кожи, сало), лен, пеньку и особенно продукты будного (поташного) дела. Конечно, имея в изобилии эти продукты, крупное хозяйство само было вполне обеспечено большинством предметов первейшей необходимости, которые требовались крупному боярину для его двора с чадами, домочадцами и челядью. Но все же и это хозяйство не могло обойтись без покупки некоторых товаров, продуктов городской промышленности и особенно заморских — пряностей, материи, предметов роскоши и проч. Наконец, весьма значительное развитие товарного производства и сбыта на рынок имело место в монастырском хозяйстве, которое сбывало на рынок не только продукты натуральных крестьянских оброков, но и имело специальные отрасли, работающие главным образом на рынок, в виде соляных и рыбных промыслов, выделки холстов, кожи, обуви и пр. В то же время монастырское хозяйство представляло также крупного потребителя целого ряда товаров как для обычного потребления (некоторые предметы потребления, одежда и пр.), так и более ценных предметов церковного обихода.

Таким образом, уже в течение XVI в. и особенно сильно в XVII в. в большинстве областей Московского государства товарное производство и денежное хозяйство более или менее значительно и глубоко проникает в сельское хозяйство как крупное, так и крестьянское. Вместе с этим развивается и организуется как внутренний рынок, увеличиваясь и по об'ему оборотов и по числу торговых пунктов, так и внешний рынок.

Москва как торговый центр

Главнейшим пунктом торговли внутренней и внешней являлась, конечно, Москва Сюда стекались продукты охоты, рыболовства и звероловства из колоний Сибири и с севера, железные изделия с Урала и из Тулы, всевозможные предметы роскоши и разного обихода из-за границы. Москва стояла в центре пересечения новых торговых путей, значительно изменившихся сравнительно с путями Киевской и Новгородской Руси. Старый путь на запад и в Европу через Новгород шел через Тверь — Торжок — Новгород — Нарву. Другой западный путь шел через Смоленск — Витебск — Ригу. Пути на Европу этим, однако, не ограничились. В XVI — XVII вв. все большее значение приобретает северный путь на Вологду через Сухону — Устюг — Двину на Архангельск, — путь, открытый англичанами и давший сильный толчок развитию англо-русской торговли. Своей системой рек через р Москву и Оку Москва или непосредственно или через небольшие «волоки» соединялась с восточной водной системой через Волгу до Астрахани, а через Каму — с Сибирью. На юг шли дороги в Киев и Чернигов, правда, уже не имевшие большого значения. А затем шли уже дороги более «местного» значения — на Тулу, Рязань, Калугу, Кострому, Владимир.

По этим главным путям и располагались новые торговые пункты Московского государства, служившие для Москвы первоначальными сборными, промысловыми, экспортными пунктами. Так, на северном пути важными торговыми пунктами были Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма — крупные солепромысловые и торговые пункты; Вологда — перевалочный пункт с Двины на сухопутье, а вместе с тем и крупный распределительный пункт всего севера для товаров, идущих с Двины и с Волги. На Волго-Окском пути крупное значение получают Коломна, преддверие Москвы, на самой Волге — Кострома, Ярославль, Нижний-Новгород, Казань и далее Астрахань как крайний пункт торговых встреч московского купечества с бухарскими, персидскими, ногайскими и др. восточными купцами и вывоза отсюда ценных восточных товаров. К той же Волге по Сибирскому водному тракту тянули крупные промысловые соляные и железорудные пункты: Сольвычегодск, Яранск, Чердынь, Пермь и далее Ирбит и Енисейск — также важные пункты ярмарочной торговли с сибирскими инородцами и Дальним Востоком, до Китая включительно. На северо-западных путях стояли старые крупные торговые пункты: Новгород, Псков, Смоленск, Тверь и более мелкие — Ст. Русса, Торжок, В. Волочек и др., частью бога-

тые своими собственными товарами, особенно льном, пушниной, солью, частью как транзитные и перевалочные пункты; былого значения эти пункты, впрочем, уже не имели и во всяком случае не развивались так сильно, как Москва. Наименее важными в XVI—XVIII вв торговыми пунктами являются новые южные военные города, но и здесь Тула, Рязань, Калуга, Серпухов, затем Воронеж постепенно приобретали все большее торговое значение. Вообще, если судить по размерам торгового обложения «пятинным» сбором, то по размерам торгового оборота на первом месте стояла Москва — около 450 тыс. рублей или около одной трети оборота всей страны; на втором месте — Казань — 140 тыс. руб., около 10%, далее Нижний Новгород — 50 тыс. руб., Ярославль — 35 тыс. руб., Псков и другие [1]). Но, несомненно, фактические обороты торговли были значительно более крупные, чем это вытекает из облагаемых «пятинным» сбором оборотов.

По всем этим пунктам, не считая массы более мелких городов, торжков, сел. монастырей, ярмарок, шла торговля как всякого рода русских торговых людей, так и иностранных купцов, имевшихся во всех сколько-нибудь значительных торговых пунктах. Торговый оборот таким образом охватил не только полностью всю территорию страны, но и связал ее с иностранными государствами. Конечно, нельзя преувеличивать ни размеров и оживленности этого торгового оборота, ни его свободы и организованности. При отсутствии хороших сухопутных сообщений и замерзаемости рек, торговый оборот шел очень медленно; торговый капитал часто оборачивался один раз в год, иногда и того менее. Дороги, непроезжие из-за топей и лесов, были небезопасны от грабежей. Кроме этих последних, тяжелым бременем на торговлю ложились всевозможные торговые сборы, таможенные пошлины, проездные, тампа, мостовщина, мыт и проч. Пошлины эти платились как русскими, так и иностранными торговыми людьми и ложились довольно тяжело на торговлю, тем более, что вместе с законными пошлинами таможенными и воеводами брались взятки, или товар прямо грабился.

Организация торговли

Самая организация торговли, ее экономика и социальная структура, зависела от целого ряда производственных условий того или другого района и от направления сбыта его товаров. «Торжки», т. е. пункты местной торговли преимущественно продуктами сельского хозяйства

[1]) *Сташевский*, Пятина, Ж М Н. П. 1912.

и предметами первой необходимости, имелись не только в городах, но и в селах, вокруг монастырей, около церквей и т. п.

Монастыри и здесь были на первом месте организаторами и устроителями этих торговых пунктов как для сбыта собственных произведений и продуктов крестьянского хозяйства, так и для более широкого товарообмена. Некоторые из этих сельских и монастырских торжков мало чем уступали по числу лавок и по оборотам торговли некоторым городам. Это были именно пункты скупки того сельскохозяйственного сырья, которое составляло главный предмет торговых оборотов как во внутренней, так и во внешней торговле. Но, конечно, сюда же, для снабжения крестьянского потребителя продуктами городского ремесла, приезжали из городов торговые и посадские люди, которые одновременно сбывали на этих рынках и предметы собственного и вообще городского ремесла и покупали для города сельские продукты. Так возникает, с одной стороны, кочевая разносная торговля мелких профессиональных торговцев и ремесленников, которые «от'езжали» по деревням со всякого рода товаром; с другой стороны — ярмарки, периодические, приурочиваемые обыкновенно к церковным праздникам, с'езды продавцов и покупателей, иногда с довольно отдаленного района, для закупки и снабжения товарами. В торговле ярмарок обыкновенно были представлены уже все главные товарные продукты, производимые в данном районе крестьянским, владельческим и монастырским хозяйством или нужные им.

Именно эта мелкая, местная торговля, захватывающая низины народного хозяйства, представляется особенно важным показателем степени разложения натурального характера этого хозяйства и развития товарно-денежного хозяйства. Уже один список товаров, продававшихся на таких мелких торгах и торжках, свидетельствует о широком развитии денежного хозяйства не только в крупных городах, но и в недрах народного хозяйства, в селах и деревнях. Там продавались и покупались: соль, мясо, коровы, бараны, гуси, утки, поросята, тетерки, яйца, рыба, икра, лук, чеснок, яблоки, мак, пшеница, ячмень, соль, гречиха, горох, толокно, хмель, мед, лен, конопля, меха, овчины, кожи, обувь, уголь, лучина, доски, тес, коробья, сани, колеса, корыта, лопаты, жернова, лыко, мочало, рогожи, железо и проч. Таким образом самые насущные потребности простого крестьянского хозяйства в значительной части могли удовлетворяться и удовлетворялись через рынок, путем покупки у других мелких производителей этих предметов.

Но, конечно, наиболее выпукло характер и организация торговли представлены были в крупных торговых городах, как Москва, Псков, Новгород, Рязань, Коломна, Холмогоры, Архангельск и др. От посещения этих городов и особенно Москвы иностранцами остались многочисленные описания, дающие возможность воспроизвести обстановку и условия крупной городской торговли в Московской Руси. Внешне всех иностранцев поражало обилие лавок в Москве и других городах и склонность русских к торговле. По наблюдениям Кильбургера (1674 г.), в Москве число лавок больше, чем в Амстердаме, но лавки эти—в большинстве маленькие ларьки, в которых купцу трудно повернуться Полная лавка занимала обыкновенно площадь 4—5 саж., но большею частью преобладали «пол-лавки», четверть лавки. Некоторые торговцы имели, впрочем, по $1\frac{1}{2}$ — 2 и более лавок в одном или разных рядах [1]). Другой путешественник (Рейтенфельс, 1671—1673 гг.), описывая торговлю Москвы вокруг Кремля и Китай-города, подчеркивает разнообразие продаваемых здесь товаров — каждый в особом ряду: шелковые ткани, полотна, серебро, иностранные вина, меха, колокола, топоры, кожи, ковры, сало, сбруя, иконы, хлеб и проч. В Москве в 1626 г. в торговой части (Китай-город) имелось 827 торговых владений типа постоянных лавок и 680 переносных торговых помещений, палаток, скамеек и проч. [2]). Торговля одинаковыми товарами сосредоточивалась обыкновенно в особых «рядах» — шерстяном, шелком, соболином, железом и пр., таких рядов иностранные путешественники насчитывают десятки. Между этими рядами сновали многочисленные торговцы в разнос рыбой, калачами, разными мелочами, а также отдельные жители и приезжие крестьяне, продающие полотна, одежду и проч. Такой же характер носила торговля в других торговых центрах.

Но вся эта торговля при всем ее развитии, которое не следует преувеличивать, в XV—XVI вв. носила все же преобладающий характер местного товарооборота. В ней, как мы видели, принимали участие преимущественно посадские люди, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, отдельные жители. Самая торговля поэтому не только по своим размерам, но и по своей экономике носила в значительной части «ремесленнический» характер, т. е. состояла или в продаже своих изделий, или если и имела посреднический про-

---

[1]) *Кильбургер*, Краткое известие о русской торговле, 88.

[2]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышленность Москвы, 55.

фессиональный характер, то велась, как «ремесло», без сколько-нибудь значительного капитала. Наиболее мелкие лавки, ларьки, скамьи принадлежали именно ремесленникам и крестьянам, продающим собственные и скупленные изделия и продукты. Посадский портной, кузнец, горшечник, плотник имел лавку, но торговал в ней и всяким другим товаром, далеким от своей специальности. Так, посадский огородник продавал лук и чеснок со своего огорода, но торговал и солью, рыбой, калачами. Из крестьянских лавок боярских, монастырских, патриарших крестьян продавалось сено, хлеб, лапти, но здесь же торговали щепенным товаром и железом. Чисто «ремесленная» торговля здесь незаметно соединялась с мелкой посреднической торговлей и скупкой продуктов у своих односельчан, не превращаясь еще в профессиональную торговлю купца-капиталиста.

Возникновение профессиональной крупной торговли

Но среди этих владельцев лавок, в тех же пушном, соляном, кожевенном и др. рядах встречаются уже не только мелкие торговцы-ремесленники, но и более крупные купцы, ведущие розничную или даже оптовую торговлю. Это уже не «ремесленники», а представители капитала, иногда довольно крупного. Правда, наряду со своими крупными заморскими и колониальными сибирскими и северными торговыми оборотами, они не брезгуют заниматься и мелочной торговлей из своих лавок, продавая здесь самый разнообразный товар. В социальном отношении эти крупные торговцы также еще не обособились в отдельный общественный класс. Мы видели, что даже крестьянское хозяйство часто выходило уже из рамок местного товарооборота и занималось более крупной торговлей. В некоторых случаях, напр. в Устюге, упоминаются такие крестьяне, которые «торгуют большие товары», то есть ведут оптовую торговлю, притом «чюжьими животы», т. е. на занятый капитал, хотя в то же время имеют свое обыкновенное крестьянское обзаведение и платят тягло не как торговцы, а «с пашенные земли со крестьяны ровно» (Кулишер). Конечно, такие удачники из крестьян встречались, очевидно, довольно редко, тем более, что правительство в податных целях преследовало такую «беспошлинную» торговлю крестьян. Но жизнь брала свое, и уже в начале XVII в., помимо «пашенных», т. е. земледельческих крестьян, упоминаются крестьяне торговые, «которые сверх своих пашен торгуют». Такие торгующие крестьяне особенно часто встречаются среди монастырских, патриарших крестьян, в крупных вотчинах, одним словом, там, где денежное хозяйство и товарное производство получают

особенно значительное развитие, порождая вместе с тем и удачливых посредников.

Из этих-то бывших пашенных крестьян наиболее часто и выходили те торговые посадские люди купцы, которые уже занимались торговлей как профессионалисты, часто уже на свой сколоченный капитал.

Другим источником происхождения профессионального купечества могла явиться их связь с городской промышленной деятельностью, с ремеслом. Но здесь, — поскольку весьма условно можно говорить об обособлении этой деятельности, — повидимому, было меньше простора для накопления торгового капитала. Превращение ремесленника в торговца-капиталиста встречается вообще редко. Сбыт продуктов ремесленного производства имел очень ограниченный и дешовый рынок, тогда как сбыт земледельческого сырья имел неограниченные возможности вплоть до внешнего рынка. Таким образом, можно думать, что торговый капитал по своему экономическому источнику происхождения стоял ближе к деревне, чем к городу, и основывался на торговой эксплоатации именно сельского производителя.

Повидимому, большинство провинциального купечества принадлежало к этой группе средних по капиталу купцов, ведущих преимущественно внутреннюю торговлю. Но уже среди этого рядового купечества имела место значительная дифференциация по размерам капиталов и оборотов. Среди посадского купечества писцовые книги и другие памятники обыкновенно различают людей «лучших», средних и худших, в зависимости от размеров капитала и оборотов. Фролка Ребров, Яким Патокин, Федор Козлов, несмотря на свои имена, носившие признаки «низшего происхождения», обладали, однако, десятками лавок в разных городах и в Москве, имели свои вотчины, торговали солью, пушниной, хлебом, имели мельницы, винокуренные заводы, соляные варницы, брали откупа и обладали капиталами в несколько десятков (на наши деньги сотен) тысяч рублей. По общественному мнению, нашедшему отражение в официальной терминологии, это все были «лучшие» люди, настоящие представители туземного торгового капитала, настоящие двигатели жизни, разрушители «натуральных» основ замкнутого хозяйства своих захолустий.

Но, конечно, не следует думать, что и этот средний, основной купеческий слой представлял из себя обособившийся класс. Наравне с этими купцами-профессионалами торговали действительно

«все» (Кильбургер) — ратные и служилые люди, пушкари, стрельцы, духовенство — попы, дьяконы, дьячки и проч. Все они имели свои лавки с самыми разнообразными товарами — от икон до пушнины, рыбы и мяса — которыми торговали тем более успешно, чем менее развита была профессиональная купеческая торговля. Поэтому в южных приграничных городах особенно успешно торговали ратные люди; в Туле, например, им принадлежало 30% всех лавок, и только 20% посадским торговым людям. Точно так же слабое развитие профессиональной торговли, заменяемой торговлей стрельцов, пушкарей, казаков, наблюдалось во всех пограничных городах — Козельске, Одоеве, Лихвине, Новосили (Сташевский). В более отдаленных и старых торговых центрах, как Псков, Новгород, Казань, в торговле преобладали купцы, но и здесь служилые люди, духовенство, крестьяне вели самую разнообразную торговлю наравне с посадским купечеством.

Наконец, над этой средней группой обыкновенного купечества возвышалось крупное и именитое купечество — «гости». Звание «гостя» было привилегированным званием, дававшим за особые «заслуги» и притом очень немногим лицам: в Москве таких лиц было около 30. Но, конечно, дело здесь не ограничивалось одним почетным званием — в основе его лежала величина торгового капитала. Гости были представителями крупного капитала.

В прежнее время, в Киевской и Новгородской Руси, как мы знаем, «гостем» назывался вообще купец-профессионалист, преимущественно крупный. Постепенно эта верхушка крупного купечества разделяется на три особых корпорации: гости, гостинная сотня и суконная сотня. Первые, по характеристике Кильбургера, были «царские коммерции советники и факторы» царя. Они вели преимущественно «казенную» внутреннюю и внешнюю торговлю монополизированными товарами, брали откупа, хотя, конечно, вели торговлю и самостоятельно. У купцов гостинной и суконной сотни преобладали, наоборот, самостоятельные торговые операции. Но все они об'единялись по тому экономическому признаку, что это были представители крупного капитала.

Насколько велика была здесь концентрация торгового капитала, видно из следующих примеров. Наиболее крупным «гостем» был Никитников, торговавший разнообразными товарами, в том числе сукном, солью, рыбой, имевший свои караваны судов, ходивших до Астрахани, конкурент Строгановых, собиравшийся купить их вотчину за 90 тыс. рублей (свыше миллиона рублей на наши

деньги); его капиталы составляли четвертую часть всех капиталов всех других гостей. Другой «гость» из гостинной сотни Я. Грудицын имел свыше 40 деревень, рыбные и соляные промыслы, много лавок и проч., он был самый состоятельный купец из всей гостинной сотни (158 человек), и капитал его составлял около $^1/_{23}$ всех капиталов гостинной сотни. Вообще из числа 158 купцов, входящих в нее, семь человек обладали ¼ всех капиталов гостинной сотни. Далее, одним из крупнейших гостей был Воронин — Московский купец с 30 лавками с суконным и с другим разным товаром, он же крупный железнозаводчик с наемными рабочими, хлебопромышленник, судовладелец, откупщик, поставщик на армию. Вообще гости торговали с капиталом от 20 до 100 тыс. т. е. от 200 тыс. рублей до 1 миллиона рублей на современные деньги, а, по словам Флетчера, у некоторых капитал доходил до 300 тыс рублей, т. е. до 3 миллионов рублей.

Но если все это были представители столичной купеческой знати, близкой к царскому трону и получавшей от этого много выгод и преимуществ, то, пожалуй, еще более импозантную картину крупного капитала дают «именитые люди» Строгановы, крупнейшие представители провинциального купечества, не принадлежавшие в начале к привилегированным организациям гостей [1]). Особенно интересным здесь является то обстоятельство, что, как мы видели выше, Строгановы были не только купцы, но и промышленники, имевшие соляные варницы и железоделательные заводы, и вотчинники-землевладельцы. Торговый размах Строгановых был по тому времени очень велик: они торговали не только по всей тогдашней Руси, от Перми и Архангельска до Москвы, Нижнего и Рязани, но и в Сибири и за границей, куда они отправляли товары за свой страх и риск со своими приказчиками. Они вели обороты самым разнообразным товаром: солью и железом со своих варниц и заводов; хлебом, провозимым на север; рыбой со своих рыбных промыслов, мехами, соболями, песцами, получаемыми от сибирских инородцев, которым они сбывали «немецкие безделушки и бубен-

---

[1]) Основателем фамилии Строгановых считается Сольвычегодский крестьянин Спиридон Строганов (ум. в 1395 г.) Только в 5—6-м поколении некоторые потомки Спиридона получают звание гостей, в 7-м — «именитых людей», а в 10-м поколении (в XVIII в) — звание баронов, роднясь с князьями Волконскими, Нарышкиными, Барятинскими, Стрешневыми и др. знатью; в то же время отпрыски другой ветви до сих пор крестьянствуют в Сольвычегодском уезде. *Введенский*, Торговый дом XVI—XVII вв

ны» (Витзен); воском, кожей, пушниной, которые они сбывали за границу, шелком, сукном, предметами роскоши, которые они получали из-за границы. И они же собирали для царя ясак с инородцев, брали откупа, выполняли казенные поставки и подряды (Введенский).

Из сказанного видно, что торговлю гостей нельзя рассматривать, ограничивая ее исключительно торговыми операциями. Их экономическое значение и деятельность были значительно более глубокими. Им фактически принадлежало высшее руководство всей торговопромышленной, экономической и финансовой жизнью страны. Недаром Кильбургер называет их «царскими коммерции советниками», которые «неограниченно управляют торговлей во всем государстве». Вернее — не только торговлей, но и государственными финансами, так как они являлись откупщиками и «факторами» в государевом, т. е. в казенной, торговле.

В участии царя в торговле и своеобразном «срастании» частного торгового капитала гостей и самого царя с «государственными началами» заключается характерная черта социально-экономической структуры тогдашнего общественного строя. Царь являлся лишь представителем самого крупного торгового дома, носителем вместе с тем и «государственных» торговых монополий. Целый ряд отраслей как внутренней, так и внешней торговли был монополизирован в руках царя и царской государственной казны. По сообщениям Родеса и Флетчера, в середине XVI в. в царской монополии находились следующие отрасли торговли: хлеб, пенька, ревень, шелк-сырец, поташ, смольчуг, икра, иногда монополия распространялась и на другие товары.

Но этим не ограничивалось монопольное положение царя в торговле. Кроме этих «заповедных» товаров, все вообще иностранные товары, привозимые в Московию, после осмотра и оценки их в таможне, пред'являлись царским гостям или самому царю, которые отбирали все, что им понравилось, и только остальное пускалось в продажу. Особенным вниманием царя и гостей пользовались драгоценные камни и металлы, жемчуга, дорогие «узорчатые» материи и проч. При этом, отбирая, по словам Флетчера, эти товары от иностранных купцов по дешевым ценам или даром, царь и гости перепродавали их другим своим купцам по более дорогим ценам. И, наоборот, даже те товары, которыми разрешалось торговать всем — меха, мед, воск, сало и пр. — часто скупались для царской торговли специальными лицами по твердым установленным и более низким

ценам, а затем перепродавались по высоким ценам на внутреннем рынке и за границей. Наконец, иногда запрещалось населению продавать свои продукты даже для уплаты податей до тех пор, пока запасы тех же товаров на царских складах не будут распроданы.

Руководителями и выполнителями всех этих царских торговых операций и были привилегированные «гости», царские факторы. Понятно поэтому, что такие широкие полномочия их вызывали с их стороны злоупотребления и притеснения как населения, так и рядовых купцов, а со стороны последних такую ненависть, что гостям, по выражению Кильбургера, народ готов был «сломать шею».

Таким образом как гости, так и царь составляли верхушку крупного торгового капитала. К ним нужно присоединить, с одной стороны, наиболее крупное вотчинное боярство, с другой—наиболее крупные монастыри, которые также вели крупную оптовую внутреннюю и заграничную торговлю.

Наконец, необходимо особо выделить иностранных купцов и вообще положение и организацию внешней торговли Московии.

Внешняя торговля

С организационной стороны внешняя торговля и торговые сношения с иностранцами в Московской Руси XVI — XVII вв. не достигли тех законченных форм, которые выработались, как мы видели, в Новгороде. Правда, иностранцы — голландцы, немцы, шведы, англичане — имели свои особые дворы и организации во всех почти главных торговых городах. В Москве они жили в особой Немецкой слободе. Но все же даже в Москве их положение не было так строго и точно регламентировано и определено, как в Новгороде. Этим обусловливались частые недоразумения, споры, конкуренция между русским и иностранным купечеством, жалобы, подаваемые на иностранцев, что они «оголодили» русскую землю», челобитные о запрещении им торговли и т. п. Часто эти жалобы достигали цели, и иностранная торговля облагалась пошлинами, стеснялась, вовсе запрещалась.

Основным правилом, впоследствии закрепленным Новоторговым уставом 1667 года, было запрещение иностранцам непосредственной розничной торговли с населением: «Всем иностранцам никаких товаров врозь не продавать.. и по ярмаркам им и ни в которые города с товары своими и с деньгами не ездити и прикащиков не посылать». Таким образом, иностранцам не позволялось продавать в розницу, торговать вне городов, на ярмарках и в селах, непосредственно у производителя. Все сношения можно было вести только через русское купечество. Мера эта была вообще обоюдоострая и скорее невыгод-

ная для развития товарооборота, но в выгодах крупного купечества и царской торговли.

Другим злом, которое также отражалось отрицательно на народном хозяйстве, являлась монополия царской торговли на многие товары как во внутреннем, так и во внешнем товарообороте. Давая такое обогащение только царской казне, она была невыгодна для народного хозяйства в целом, повышая цены привозных и понижая цены отпускных товаров.

Тем не менее, внешняя торговля все же довольно быстро развивалась, преимущественно с немцами, шведами, англичанами. Родес и Кильбургер дают интересные списки товаров, которые ввозились и вывозились Московией в 1655—1671 гг. Здесь фигурируют у Родеса в вывозе: 10 000 ластов (около 1 миллиона пудов) хлеба, мехов на 98 тыс. рублей, кож на 371 тыс. рублей, около 500 тыс. аршин холста и полотна, далее сала на 126 тыс. рублей, икра, воск и проч. В списке ввозимых через Архангельск товаров у Кильбурге фигурируют жемчуг, золотые и серебряные изделия, 28 тыс. стоп бумаги, 10 тыс. немецких шляп, 837 тыс. булавок и иголок, золотая монета, а затем вино, инбирь, перец, сельди, оружие, москательные и аптекарские товары, сукно и проч.

Вся экономика ввоза и вывоза основывалась в значительной мере на баснословно низких ценах на отпускные товары в Московии и высоких ценах на них за границей, и обратно—на относительно низких ценах на изделия из-за границы и высоких ценах на них в Москве. Это давало возможность брать большие прибыли как иностранным, так и русским купцам за счет производителя, отчасти и потребителя.

Итак, подводя итоги рассмотрению торговли в Московской Руси XVI — XVII вв., необходимо сказать, что уже в значительной части своей она носила весьма определенно выраженный капиталистический характер. Конечно, поскольку классовая структура общества еще не вполне сформировалась, постольку даже верхушка торгового капитала не была вполне обособленной от других социально-экономических групп. Как в мелкой, ремесленного типа, торговле сливались мелкие ремесленники, крестьяне, мелкие торговые посадские люди, как в средней по размерам торговле с основным профессиональным кадром купечества сливались ратные и служилые люди, среднее духовенство, так на верхушке торгового капитала его интересы об'единяли крупных гостей, царя, высшую боярскую знать, высшее духовенство.

Таким образом классовое начало все более проникало во все поры старого общества, и классовый отбор по признаку новой социальной силы — капиталу — сметал прежние сословные социальные группировки, об'единяя владельцев капитала общностью интересов и стремлений — к получению торговой прибыли. Внутри этой группы имелись, конечно, противоречия, и иногда весьма значительные, в зависимости от размеров капитала и возможности использовать свои монополистические привилегии Но во всяком случае интересы нового, быстро формировавшегося и укреплявшего свои позиции торгово-капиталистического класса к XVII в. достигают если не господства, то решающего значения.

Это господство в государственной жизни интересов торгового капитала и облегчалось и олицетворялось тем, что царь был «первым купцом». Правда, он был в то же время и «первым землевладельцем». Но это обстоятельство олицетворяло лишь еще незавершенность классовой структуры общества, а с другой стороны, единство интересов двух господствующих классов, крупных землевладельцев и крупных капиталистов. А это единство вместе с тем и предуказывало неизбежные пути дальнейшего развития народного хозяйства

ЛИТЕРАТУРА

Кроме литературы, указанной в предыдущей главе, имеющей близкое отношение к вопросу о торговле и рынке, особенно монографии Аристова, Довнар-Запольского, Никитского и др., см также главным образом: *Костомаров*, Очерк торговли Московского государства, Монографии, т XX, 1889.— *Устрялов*, Именитые люди Строгановы, 1842.—*Сташевский*, Пятина 142 года Ж М. Н. П, 1912, IV—V. — *Любименко*, История торговых сношений России с Англией, 1912

О денежном обращении: Ключевский, Русский рубль XVI—XVII вв.,— *Кауфман*, Серебряный рубль, 1910.

Источники те же, что в предыдущей главе

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ЗАВЕРШЕНИЕ В КРЕПОСТНОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Глава IX.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Общие причины возникновения

Конец XVI в., окончательно закрепивший крепостное хозяйство и придавший ему легальный титул крепостного права, еще не выявил новых хозяйственных форм — в виде законченной системы, проникающей все народное хозяйство. Социально-экономический переворот второй половины XVI в., вылившийся в ликвидацию феодально-вотчинного хозяйства, в закрепощение крестьян, в развитие торгового капитала, не мог не отразиться как экономическим, так и политическим кризисом, который на долгое время охватывает всю жизнь Московской Руси в виде «великой разрухи» смутного времени. Столкновение между новым дворянством и вотчинной боярской знатью, имевшей до сих пор в своих руках два главных источника своего могущества—землю и экономически закабаленных крестьян,—и было борьбой именно за эти земли и рабочие руки. Эта борьба не окончилась ни в пользу вотчинников, ни в пользу крестьян, а в пользу нового руководителя производительной жизни — дворянина-помещика, вместе с торговым капиталом давшим новое направление хозяйства.

Но принудительное, в целях товарного производства, закрепление этих рабочих рук за помещиком, в условиях последовавшего кризиса и разорения, еще в течение нескольких десятилетий не могло дать реальных результатов. Уже голод 1602 — 1604 гг. в Борисово царствование заставил легализовать фактически не уничтоженные переходы крестьян: «тому крестьянину жить за тем, кто его голодные годы прокормил». «Смута», приведя в движение всю мас-

су населения, еще больше опрокинула крепостную привязанность крестьян: население «скиталось от страху и ужасти по лесам и болотам» Неустойчивость хозяйственной связи помещика с крепостным крестьянином усиливалась в особенности в связи с теми крупными сдвигами, которые происходили среди самого поместного класса и которые поддерживали старые приемы «вывоза» и переманивания крестьян сильными владельцами.

Только в середине XVII в. постановлением Соборного Уложения 1649 г. об отмене «урочных лет» в исках о беглых крестьянах было закреплено легальное и бессрочное право крепостных владельцев на их беглых крестьян. Хотя и после этого постановления право возвращения беглых и уведенных крепостных крестьян часто оставалось только на бумаге, тем не менее важно то обстоятельство, что это новое и важное подтверждение крепостных прав совпадает с новым под'емом крепостного хозяйства. До 20 — 30-х годов XVII ст. результаты кризиса и «смуты» еще очень часто чувствовались, в особенности в центре. Так, например, в Троицких вотчинах пашня, составлявшая в конце XVI в. 37,3%, в 1614—1616 гг. упала до 1,8% и в 1620—1640 гг. достигла все еще лишь 22,7%, вообще же в более окраинных уездах «пашня живущая» составляла 22—49% всей пахотной земли (Готье).

Но уже к 40-м годам кризис, вызванный борьбой и смутой, может считаться вполне ликвидированным. К 40-м годам пашня паханная в 14 уездах составляет уже 42,8%, к 70—80-м годам — 62.2% (Огановский)

Окончательная политическая победа поместного дворянства в избрании Романовых выдвинула новые господствующие группы не титулованной, не удельно-княжеской аристократии, а менее знатной поместной — тех же Романовых, Морозовых, Салтыковых и др., которые смотрели на свои поместья не как удельные вотчинники, а как хозяева-предприниматели.

Отсюда — значительное расширение барской запашки на крепостном труде к середине XVII ст., когда она начинает занимать обычно до половины, местами до 90% всей пашни. Но если и раньше для барского хозяйства наиболее трудно разрешимым представлялся вопрос о рабочих руках, то с расширением барской запашки в XVII в он должен был еще более обостриться Для разрешения его требовалось дальнейшее обезземеливание населения, которое выражалось в росте таких категорий населения, как бобыли, задворные люди, деловые люди, число которых в XVII в увеличи-

вается. Но наиболее обещавшим было усиление эксплоатации крепостных крестьян именно в форме расширения крепостной барщины вместо натурального или даже денежного оброка.

Помимо этих количественных изменений, выражавшихся в увеличении крепостной эксплоатации крестьянского труда, более важным моментом являлось то, что крепостной труд к концу XVII в. проникает всю систему народного хозяйства. Для земледельческого хозяйства переход к крепостному труду совершался постепенно, со второй половины XVI в., не вызывая необходимости резких изменений хозяйственной организации и заменяя лишь экономически зависимый труд крепостным. В основе же обрабатывающей промышленности до половины XVII в. лежал преимущественно свободный труд городского ремесленника. Правда, этой городской, работающей на рынок ремесленной промышленности противопоставлялась промысловая переработка продуктов в недрах крупного вотчинного или мелкого крестьянского хозяйства. Но эта промышленная деятельность направлялась преимущественно на нужды собственного потребления, и только когда замкнутый характер вотчины стал разлагаться, перед этой промышленностью встал вопрос о выходе на рынок с помощью торгового капитала.

Завершение распада вотчинного хозяйства к XVI веку и выход его на рынок совпали таким образом с завершением крепостного хозяйства и с распространением крепостной системы также на область промышленности Крепостное хозяйство со второй половины XVII в. обнимает уже не только земледельческое хозяйство и переработку его продуктов для собственного потребления, но и промышленность, как особую и иногда независимую от земледельческого вотчинного хозяйства организацию, ведущуюся, однако, на началах крепостного хозяйства. Крепостное хозяйство становится общей системои всего народного хозяйства в целом. Оно затмевает своим значением отстающую от него свободную ремесленную городскую промышленность. К осуществлению его производственных задач, господствующих во всей хозяйственной жизни, направлена деятельность торгового капитала. Союзник крепостного хозяйства — торговый капитал—ради своих высоких торговых прибылей отказывается от каких-либо производственных устремлений и даже, наоборот, надолго встречает в возможности их осуществления препятствия в общей экономике крепостного хозяйства.

Всю почти трехвековую историю крепостного хозяйства можно разделить таким образом на периоды, в зависимости, с одной сто-

роны, от глубины и широты охвата крепостным хозяйством всей системы народного хозяйства, а с другой — в зависимости от глубины возникающих в этой системе внутренних хозяйственных противоречий, приводящих, в конце концов, к ее отмиранию. Из сказанного видно, насколько неправильно считать крепостную хозяйственную систему, крепостное хозяйство, формой только сельского и притом помещичьего хозяйства. Хотя сельское хозяйство является источником зарождения этой системы, хотя в нем она наиболее прочно держится, однако она именно как система проникает во все и народное и даже государственное хозяйство. Промышленность, торговля, внутренняя и внешняя, финансы, система обложения, колонизация и даже система управления — все проникается элементами этой системы, на ней основывается.

Поэтому неправильно и причины разложения и отмирания крепостной системы искать только в условиях сельского крепостного хозяйства. В некоторых отраслях народного хозяйства крепостная система оказывается более живучей, чем в других. Эти последние — промышленность, рынок — тем более властно начинают требовать ее ликвидации, чем большее социально-экономическое значение они получают. Решение вопроса осложняется еще тем, что единства в нем не могло быть и для отдельных районов, так как интенсивность развития крепостного хозяйства была различна в разных районах, равно как сила и значение противодействующих влияний, идущих со стороны промышленности и рынка, были также не одинаковы.

Этапы крепостного хозяйства

Первый период сложения крепостной системы в земледельческом хозяйстве путем вырастания ее из свободной отработочной (барщинной) системы охватывает время, примерно, с половины XVI в.—когда уже явно намечаются признаки дальнейшего закрепления экономической зависимости еще и крепостным, «внехозяйственным» принуждением — и до середины XVII в., когда крепостная барщина окончательно утверждается как законченная хозяйственная система для основных районов Московского государства. Это наиболее бурная, с глубокими социально-экономическими кризисами эпоха выработки крепостной системы, как следствия падения феодально-вотчинного замкнутого хозяйства и постепенного превращения, в значительной его части, в работающее на рынок поместное хозяйство. Вместе с тем это была эпоха окончательного оформления предшествовавшей двухвековой истории «экспроприации» земледельческого

производителя, теперь уже не «окняжения» и «обояривания», а захвата помещиком-крепостником его земель, разорения и закабаления этого мелкого земледельческого производителя.

Но все же крепостная система нужна была развивающемуся крупному землевладельческому хозяйству лишь как способ выхода на рынок для «товарной» части его земледельческих продуктов. Самое же хозяйство все еще сохраняло в известной мере самоудовлетворяющийся характер. Самая ограниченность рынка, вследствие слабого развития городского потребительного спроса и слабости общественного разделения труда, налагает сравнительную узость и на развитие товарного хозяйства, а вместе с тем и на крепостные формы его организации. Поэтому в этот первоначальный период барщинная система, как наиболее типичная для крепостного хозяйства, обнимает собственно лишь сельское хозяйство, тогда как первичная переработка сельских продуктов сохраняет преимущественно все же более «свободную» хозяйственную форму оброка. Географически также крепостная система более усиленно захватывает в это время лишь сравнительно центральные области государства, более близкие к рынку. Наоборот, более северные, «поморские», части страны, (пермский северо-восток, Сибирь, а также юг с его степями) пока еще менее сильно чувствуют тяжелую руку крепостного владельца, дольше сохраняя свои черные земли и являясь местом свободной колонизации

Но уже с конца XVI в. и особенно к середине XVII в. вполне ясно чувствуется об'единяющее влияние рынка, уже не местного, а общенационального, руководимого торговым капиталом и все более решительно втягивающего в товарное обращение все районы страны и не только земледельческие, но и промышленные отрасли. Уже к середине XVII в. крупное и передовое крепостное вотчинное хозяйство начинает выходить на рынок не только своими сельскохозяйственными продуктами, но и продуктами своей крупной добывающей и перерабатывающей промышленности Крепостные отношения были единственно возможными для организации этого производства, почему крепостная система начинает из области собственно сельского хозяйства распространяться и на организацию крупных промышленных отраслей. Железоделательные, соляные, поташные и другие предприятия Морозова, царя Алексея Михайловича, Одоевского, монастырей свидетельствуют, что крупное промышленное крепостное хозяйство уже к середине XVII в. сделало большие успехи, все более нарастая в своем удельном весе и значе-

нии сравнительно с медленно развивавшейся мелкой городской ремесленной промышленностью.

Этот второй период, начавшись со второй половины XVII в., находит наиболее яркое выражение в петровскую и послепетровскую эпоху, когда система крепостного хозяйства всецело переносится на промышленное развитие и на организацию «фабрик» [1]) казенных, посессионных, вотчинных. Несмотря на некоторые различия в юридических формах и способах установления крепостных связей между крепостным фабричным крестьянином и фабрикой или владельцем ее, основы крепостной фабричной отработочной системы, фабричной барщины, остаются во всех этих видах фабрик одинаковыми.

Но, помимо врастания вглубь народного хозяйства, крепостная система за этот период делает большие успехи и распространяется вширь. Самый факт все большего развития поместного землевладения в южных колонизуемых районах, в теперешнем земледельческом центре, в среднем Поволжье, вовлекает в закрепощение массу новых земель с массами новых крепостных, скоро превращая этот земледельческий центр в район наиболее ярко выраженного крепостного земледельческого хозяйства. Присоединение малороссийских губерний, а также западных, еще более расширяет систему крепостного хозяйства даже на такие местности, где население еще до середины XVIII в. сохраняло свободу. Параллельно с этим идет самая разнузданная раздача земель и закрепление за частными владельцами новых сотен тысяч крестьян, благодаря чему конец XVIII в. и начало XIX в., годы екатерининско-павловского царствования, становятся годами расцвета самого широкого и самого глубокого крепостничества, как системы, охватившей все народное хозяйство и всю территорию страны.

Но уже с этого же времени, т.-е. с начала XIX в., во всей крепостной системе в целом все более ясно начинает ощущаться внутренняя дифференциация. Земледельческий черноземный центр

---

[1]) В последующем мы будем применять этот термин «фабрика» по отношению к петровским и даже после-петровским мануфактурам, соответственно терминологии эпохи, без кавычек, раз навсегда подчеркнув условность его содержания и несоответствие для того времени научному содержанию современного понятия фабрики Петровские и даже после-петровские «фабрики» по тогдашней терминологии, как мы увидим далее, были типичными мануфактурами, притом даже часто не централизованными, хотя и довольно крупными по размерам. См также стр. 217—224.

становится все более типичным районом беспросветной крепостнической барщинной эксплоатации в помещичьем земледельческом хозяйстве, с крайне низким уровнем развития его производительных сил и с отсталыми формами зернового трехполья. В нечерноземной полосе крепостное хозяйство все более выливается в оброчную систему, основывающуюся не на непосредственной эксплоатации крепостного труда в барском хозяйстве, а лишь на получении в чистом виде прибавочного продукта от крепостного труда, безразлично, в какой форме и в какой отрасли хозяйства применяемого. Это обстоятельство в связи с наибольшим развитием здесь городской жизни приводит не только к некоторой интенсификации земледельческого хозяйства, но и к развитию промышленности вообще, к развитию кустарных промыслов, отхода и т. п., являющихся источником получения прибавочного продукта для владельца крепостного крестьянина.

Наконец, с первых же десятилетий XIX в. начинается на юге, в новороссийских степях, в связи с колонизацией их, зарождение новых форм сельского хозяйства, основанных уже на свободном труде и по размерам своим представляющих гигантские предприятия в сотни тысяч десятин, хотя и с экстенсивными скотоводческими формами их использования.

Начало изжива-ния

К началу XIX в. формы крепостного хозяйства—фабричного и барщинного, земледельческого и оброчного — находят себе наиболее полное и законченное развитие. Но первая же четверть XIX в. становится годами перелома и кризиса, вызванного как изменением общей экономики самого крепостного хозяйства и его новыми связями с мировым хозяйством, так в известной степени и внешними обстоятельствами. Вслед за этим крепостное хозяйство вступает уже в длительный период органического кризиса, обострения внутренних противоречий и своего разложения. Для крепостного хозяйства успешность борьбы за существование могла быть достигнута лишь нахождением таких форм организации хозяйства, производственных отношений и техники, которые давали бы возможность развития производительных сил внутри самой крепостной системы. В поисках способов поднятия этой производительности и состояла основная и неразрешимая задача, над разрешением которой трудилось много «передовых» умов крепостных помещиков.

Для собственно земледельческого крепостного хозяйства вопрос так и остался до самого 1861 года неразрешенным, так как

помещикам казалось, что стоит только посильнее нажать крепостной винт, как крепостная «производительность» и выгодность крепостного труда повысятся и всецело себя оправдают. По крайней мере в том же крепостном земледельческом центре почти поголовное превращение крепостных крестьян в барщинных показывало, что помещики при усилении барщинного режима удовлетворены были производительностью крепостного труда. Но в области промышленности и особенно в таких передовых отраслях промышленности, как хлопчатобумажная, элементы загнивания крепостной системы уже ясно чувствуются даже в 1830—40-х годах.

Торговый капитал, создав на почве крепостного хозяйства национальный рынок и подготовив, хотя и в слабой степени, первоначальное накопление национального промышленного капитала, перерастает крепостную систему и начинает стремиться к новым формам промышленного капитализма.

Наконец, рынок, новый капиталистический рынок, внутренний и внешний, также не могли мириться с крепостной «производительностью» труда и крепостной хозяйственной организацией. Все более быстрый темп развития и все большую успешность в служении рынку обнаруживали не крепостные центральные земледельческие районы, а районы юга и новороссийских степей, применявшие вольнонаемный труд и капиталистическую технику.

К 1861 г. крепостное право, как правовая оболочка хозяйственных отношений, уже далеко не соответствовало интересам обширной и прогрессивной хозяйственной периферии — интересам земледельческого юга, промышленного севера, интересам развития рынка и промышленности, интересам всего народного хозяйства в целом. Сам крепостной земледельческий центр стоял перед неразрешимой задачей примирения своей отсталой хозяйственной системы с новыми формами хозяйственной жизни, находя единственное разрешение этой задачи лишь в усилении степени эксплоатации крепостного труда.

Замена устаревшей правовой оболочки новыми имущественными отношениями была произведена на этот раз предусмотрительно и без таких социальных потрясений, которые можно было в противном случае предвидеть, судя по все более возраставшему сопротивлению крепостной массы. Но, конечно, классовое правительство, произведя освобождение «сверху», чтобы оно не произошло «снизу», вполне озаботилось о том, чтобы реформа была лишь компромиссом между требованиями представителей развивающейся

промышленной жизни, с одной стороны, крепостных помещиков — с другой. Сам земледельческий производитель, как и в период закрепощения в XVI в., был лишь об'ектом борьбы за рабочие руки и организацию труда между промышленностью и сельским хозяйством. И так как по своей классовой структуре правительство представляло более крепостнически-землевладельческие, чем промышленные интересы, то и в реформе 1861 года первые нашли более полное осуществление, чем вторые.

Правда, для завершения «первоначального накопления» промышленного капитала и для превращения торгового капитала в промышленный была создана основная предпосылка, тормозившая до тех пор его развитие — «освобождение» труда в условиях прогрессирующей его пролетаризации, развитие денежного хозяйства и рынка. В самых условиях земельной реформы были созданы моменты, необходимые для развития этих предпосылок промышленного капитализма. Но в то же время крепостнические элементы и после ликвидации крепостной системы оказываются еще довольно долго живучими в сельском хозяйстве, отраженно влияя и на развитие новых форм промышленности и всего народного хозяйства в целом.

Крепостное хозяйство таким образом сохраняет свои пережитки и влияние еще на довольно долгое время после его ликвидации, в эпоху промышленного капитализма.

ЛИТЕРАТУРА.

Общая литература о крепостной эпохе довольно обширна, хотя научному исследованию в большей степени подвергались вопросы крепостного права, его происхождения и внешней истории, чем вопросы крепостного хозяйства. О происхождении крепостного права см. литературу к гл. VI. Из общих сочинений по истории крепостного хозяйства и права см. особенно: *Струве*, Крепостное хозяйство, 1913.—*Лященко*, Очерки, особ. главы IV—VI — *Волконский*, Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве, Труды Рязан. Уч. Арх. ком. 1897. — *Повалишин*, Рязанские помещики и их крепостные, 1903. — *Энгельман*, История крепостного права, 1900. — *Трефилъев*, Очерки по истории крепостного права, 1904. — «Крестьянский строй», сборник, 1905. — Бытовые и хозяйственные картины крепостной эпохи хорошо изложены в 6 томах «Великой реформы». См. также специальную литературу следующих X—XII глав.

Для изучения крепостного хозяйства, кроме указанной выше литературы по истории хозяйства XVII—XVIII вв., для XIX века особенное значение имеют, с одной стороны, появляющиеся с этого времени, как главный источник хозяйственной истории, статистические исследования и описания,

а за недостаточностью их — монографические (премущественно журнальные) описания современниками крепостного поместного хозяйства, различные «наказы», «руководства» помещиков для управления имениями и т. п Из статистических описаний крепостного хозяйства XIX в. наиболее ценны: *Щербатов*, Сочинения, особенно т. I, 1896. — *Арсеньев*, Обозрение физического состояния России, 1818. — *Его же*, Начертания статистики Российского государства, 1819 — *Зябловский*, Статистическое описание Российской империи, 1808. — *Его же*, Российская статистика, 1832. — *Тройницкий*, Крепостное население России по народной переписи, 1861. — *Андросов*, Хозяйственная статистика России, 1897. — *Тенгоборгский*, О производственных силах России, I—III, 1854—1858 —*Семенов*, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII в. до 1858 г, 3 т. — «Об'яснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», сост. *Вильсон*, изд. 1-е, 1851. — *Турчанинов*, История сельского хозяйства России, 1854 —Указатель общей литературы по крепостному хозяйству, см. *Лященко*, Очерки, приложение.

Глава X.

ЭКОНОМИКА КРЕПОСТНОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ.

Рост крепостного хозяйства

Мы уже говорили, что конец XVI в. и первая половина XVII в. окрашены усиленной борьбой остатков крупного феодально-вотчинного хозяйства с более мелким дворянско-предпринимательским за необходимую для того и другого рабочую силу. Необходимость работы на рынок, интенсификация сельского хозяйства привели к закреплению этой рабочей силы за помещиком-предпринимателем или служилым человеком, работающим на рынок и измеряющим свои доходы уже в цене и в деньгах.

При таких условиях интерес помещика к направлению, содержанию и производительности рабочей силы его крепостного крестьянина уже значительно расширялся. Раньше этот крестьянин должен был выработать себе «пропитание» и дать, кроме того, все же относительно небольшой «прибавочный продукт» для самого помещика, причем увеличение доли и массы этого прибавочного продукта имело довольно тесные границы, в связи с характером продукта и с ограниченностью самого потребления. Теперь, при работе на рынок, при возможности реализовать на нем этот прибавочный продукт, превратив его в деньги или по крайней мере в легко сохраняемое сокровище, в золото, драгоценности, а иногда и в средства нового расширенного производства, — открывалась возможность бесконечного увеличения этого прибавочного продукта, а вместе с тем и стремление к усиленной эксплоатации крепостного труда. Основным вопросом крепостного хозяйства становится поэтому, с одной стороны, вопрос о его количественном расширении на новые области, на новые группы трудового населения, с другой стороны — вопрос о создании такой организации его, чтобы достигалась максимальная его производительность.

Экономика крепостного хозяйства, как мы видели, уже вполне определилась ко второй половине XVII в. Она состояла в закреплении за помещичьим хозяйством крестьянской рабочей силы в типичной форме барщины, т. е. работы на барском поле и вообще в барском хозяйстве. В этом смысле поэтому одинаковым представлялось как положение собственно «холопа» — раба, рабочей силы, покупаемой по «купчей крепости», так и положение собственно крестьянина, сидевшего на барской земле и «закрепощавшего» себя работой на барской пашне.

Но все же положение холопа и крепостного еще до конца XVII в. значительно различалось. Первый не имел своего хозяйства и был лишь простою принадлежностью владельческого хозяйства. Второй имел свое хозяйство, имел даже свои хозяйственные права, первоначально вплоть до права, по крайней мере фактически, иметь своих крепостных и свою собственность. Его хозяйство составляло часть помещичьего хозяйства, находилось с ним в функциональной зависимости. В начале XVIII в., именно в связи с петровскими податными реформами, происходит полное слияние холопов с крестьянами, которые в первых переписях (ревизиях 1718—1727 гг.) одинаково заносятся в ревизские сказки как единое податное, обязанное круговой порукой и отбывающее рекрутчину население.

С тех пор именно запись в ревизскую сказку за каким-либо помещиком определяло крепостное состояние. Таким путем в состав крепостных включались некоторые новые группы прежде свободных «вольных», «государевых», «гулящих» людей и т. п. Петр стремился к тому, чтоб из податного населения «никто... в гулящих не был», а каждый «определялся бы в другие службы или к кому в дворовое служение, а без службы не шатался», и «ни один без положение в оклад не остался».

Благодаря этому уже к середине XVIII в. состав крепостного населения значительно расширился, и по численности оно составляло преобладающую группу. По III ревизии — 1762 — 1766 гг. (впервые учитывавшей отдельно крепостных крестьян) — из общего числа податного населения по Великороссии и Сибири в 7,4 млн. крепостных крестьян учтено было 3,8 млн. (53,2%). В последующие годы абсолютное число крепостных крестьян сильно увеличилось, особенно благодаря пожалованиям государственных крестьян и земель помещикам: за 35 лет царствования Екатерины II таких крестьян было «пожаловано», т. е. превращено в крепостные, 800 тыс.

душ, а за 4 года Павлова царствования — 600 тыс. душ. Вместе с тем крепостное состояние указами Екатерины 1763 г. и 1783 г. было распространено на свободное сельское население присоединенных малороссийских губерний, а указом Павла 1796 г. — на остальные губернии юга — Екатеринославскую, Кавказскую, Таврическую, на Дон и др. В результате по V ревизии (1794 — 96 гг.) крепостных имелось уже 9,9 млн., по VI ревизии в 1811 году—уже 10,4 млн., по VIII ревизии (после освобождения в остзейских губ. 416 тыс.) — 10,9 млн. На этой цифре количество крепостного населения держится почти без изменений до конца — по X ревизии 1859 г. — 10,7 млн. душ.

Таким образом быстрый рост крепостного населения наблюдается к началу XIX в., когда численность его за 40 лет увеличилась абсолютно с 3,8 млн. до 10,4 млн., т. е. почти в 3 раза, после чего абсолютное число крепостного населения начинает слегка сокращаться. Но относительная численность крепостного населения, как к податному, так и ко всему населению,за все время падает, сокращаясь с 45% по VI ревизии до 37½% по X ревизии.

Однако, в эти суммарные цифры, характеризующие рост крепостного населения, необходимо ввести поправку на неравномерность географического его распространения. По подсчетам Семевского, процентное отношение крепостных крестьян к общему числу всех крестьян по IV ревизии было, напр., в Калужской губ. 83%, Смоленской и Тульской 80%, Ярославской, Костромской, Псковской 72—76%, в Нижегородской, Орловской, Владимирской, Московской, Тверской 64—69%, Пензенской, Саратовской, Новгородской, Симбирской 56—51% и наименьшее — в Олонецкой 6%, Вятской 2%. По подсчетам Тройницкого на основании цифр X ревизии в 1859 г., процентное отношение крепостного населения к общему числу населения по отдельным губерниям было: свыше 50% в 16 губерниях, преимущественно примосковских нечерноземных (Смоленская 69,07%, Тульская 68,94%, Калужская 61,80%, Владимирская 57,91%, Костромская 57,41%, Тверская 50,63%), а также в некоторых северо-западных. От 25% до 50% в 10 губерниях, частью центрально-черноземных (Орловская 47,26%, Пензенская 46,25%, Курская 33,19%, Тамбовская 39,87%), в Малороссийских (Полтавская 37,47%), южных (Екатеринославская 31,51%) и некоторых северозападных. От 10% до 25% имели 5 губерний (Петербургская, Вологодская, Самарская, Казанская, Оренбургская) и 5 губерний (Таврическая, Олонецкая, Вятская,

Астраханская, Бессарабская) имели крепостного населения менее 10%. Приэтом и по отдельным губерниям процент крепостного населения также падал. Так, если сопоставить приведенные выше исчисления Семевского процентного отношения крепостных крестьян к общему числу крестьянского населения по IV ревизии с исчислениями Тройницкого процентного отношения крепостных ко всему населению по X ревизии, то, несмотря на неполную сравнимость данных, можно все же видеть, что относительная численность крепостного населения к 1858 г. сократилось особенно значительно именно в тех губерниях, где наиболее быстро развивалось городское и промышленное население.

Таким образом, центром крепостничества являлись основные области Московского государства и ближайшие к ним губернии и кроме того польский запад, где крепостное право было до присоединения этих губерний. На окраинах, как южных, так и северных, процент крепостного населения был значительно меньше, местами ничтожен. Поэтому, рассматривая крепостное хозяйство как особую хозяйственную систему, в особенности в области сельского хозяйства, необходимо помнить, что речь идет прежде всего и главным образом об основных районах Московского государства, с его сложившейся поместной системой в земельных отношениях. На окраинах, особенно, например, в Сибири и на юге, оно не имело значения.

Организация крепостного земледельческого хозяйства

Организационной единицей крестьянских повинностей в крепостном хозяйстве было *тягло*, т. е. крестьянская семья, состоящая из двух полных рабочих — мужчины и женщины. В тягло обыкновенно записывались крестьяне от 17 до 55 лет, крестьянки от замужества до 50 лет; малолетних записывали на мелкие работы. Но часто помещики записывали в тягло и малолетних, и холостых, и стариков до 70 лет. На это «тягло» шел счет всякого рода повинностей: барщинных, оброчных, денежных; по тяглам же измерялись вообще и хозяйственная мощь самого помещичьего хозяйства и его доходы. Понятно, что выполнение повинностей тяглом зависело от хозяйственной дееспособности его, т. е. от наличности у него собственного количества земли, скота, инвентаря. Поэтому помещичье хозяйство должно было наблюдать за сохранением правильной хозяйственной организации тягла, за соответствием его земельного надела рабочему составу семьи, наличности средств производства, инвентаря, скота, производить в необходимых случаях

соответствующую перетасовку между упадочными и крепкими тяглами и проч. Интересы помещичьи вообще заключались в том, чтобы иметь более или менее равномерные по экономической производительности тягловые единицы.

Что касается самых форм эксплоатации крепостного труда, то в различных районах, в зависимости от экономических условий района и, прежде всего, от степени развития промыслов и промышленного населения, с одной стороны, и от степени выгодности и доходности сельского хозяйства — с другой, вырабатывались различные формы эксплоатации крепостного труда и организации основанного на нем хозяйства.

Вообще организация крепостного земледельческого хозяйства состояла в том, что из всей земли данного поместья, считавшейся вместе с сидевшими на ней крестьянами полной собственностью помещика, часть выделялась как барская земля, на которой велось собственно помещичье хозяйство, другая часть — отводилась в пользование крестьянскому хозяйству. Земля отводилась крестьянам как форма обеспечения их существования. В зависимости от целого ряда условий — плодородия почвы, выгодности ведения сельского хозяйства, наличности других источников существования и заработков населения — изменялось соотношение барской и крестьянской доли. Помещик или считал наиболее выгодным развивать свое собственное земледельческое производство, — и в таком случае он ограничивал крестьянское землепользование возможным минимумом, лишь бы сохранить за крестьянским хозяйством известную хозяйственную дееспособность. В крайнем случае, он мог совсем ликвидировать хозяйственную самостоятельность крестьянина, выдавая ему, вместо обеспечения наделом, лишь простой «корм», как рабу, и употребляя его полностью в своем хозяйстве. Или, наоборот, он считал невыгодным вести самостоятельное хозяйство, и тогда возможно большая часть земли передавалась для эксплоатации крестьянскому хозяйству, а помещик свой доход извлекал не от собственной производительной деятельности, а в открытом виде из труда крестьянина, земледельческого или промыслового, в форме всякого рода натуральных и денежных повинностей, которыми обязывалось крестьянское хозяйство.

Так возникают две основные формы организации крепостного хозяйства — барщина и оброк, не проявлялись почти нигде в совершенно чистом и обособленном виде и осложняясь другими, второстепенными формами эксплоатации крепостного труда в

двух основных районах страны — нечерноземном севере и черноземном юге.

Приведем сначала количественные данные, характеризующие распространение этих двух форм в указанных районах. По исчислениям И. Игнатович, процент барщинных и оброчных крестьян во всех имениях в первой половине XIX в. был [1]):

Губернии великороссийские	% барщинных	% оброчных
Нечерноземные	41,1	58,9
Черноземные	71,2	28,8
Поволжские	73,3	26,7
Восточные—степные	83,0	17,0
Губернии северозападные . .	92,4	7,6
» малороссийские:		
правобережные	97,4	2,6
левобережные	99,3	0,7
Губернии новороссийские .	99,9	0,1
Итого по 40 губ.	71,7	28,3

Таким образом можно наметить три района по интенсивности распространения и по формам организации крепостного хозяйства. В первом районе нечерноземных губерний (промышленных) преобладает оброк (три пятых), но с значительной долей и барщины (две пятых). Во втором районе — черноземные губернии, Поволжье, черноземный юго-восток — преобладает барщина (около трех четвертей и выше), но есть и оброк (одна четверть — одна пятая). В губерниях северо-западных, малороссийских и южных барщина резко преобладает (свыше девяти десятых, почти до полных 100%), но в последних, как мы видели, вообще крепостное население было очень незначительно.

Из сопоставления приведенных на последних страницах цифр можно видеть, что основые границы районов преобладания барщины или оброчной системы определяются границами черноземной и нечерноземной полос. В черноземной полосе, в особенности в губерниях земледельческого центра, при высокой плодородности земли и все еще при обилии ее, при близости потребительского или внешнего рынка и при достаточно высоких ценах на сельские продукты, при отсутствии у крестьян других источников существования и занятий,—наиболее выгодным было эксплоатировать крестьянский труд в барском хозяйстве, на барской пашне.

[1]) *Игнатович*, Помещичьи крестьяне, стр 73.

Барщина

Крепостное хозяйство выливается здесь в наиболее типичную форму—барщины, т. е. в такую организацию крепостного хозяйства, когда крепостной крестьянин часть своего рабочего времени («необходимое рабочее время», скажем мы теперь) употреблял в своем собственном хозяйстве, являвшемся для него источником существования, другую же часть в виде «прибавочного рабочего времени» затрачивал в помещичьем производстве.

В типичной форме барщинной организации хозяйства, в особенности, например, в центрально-земледельческом районе, эта обработка барской пашни производилась не только крестьянским трудом, но и крестьянским скотом и инвентарем. Благодаря этому все вообще барское земледельческое хозяйство и по направлению и по уровню техники мало чем отличалось от крестьянского. Но все же крестьянское и барское хозяйства представляли в сущности два самостоятельных хозяйства, лишь тесно связанных между собой взаимной экономической обусловленностью.

Для помещика крестьянское хозяйство могло явиться только источником рабочей силы, организация же всех других сторон помещичьего хозяйства зависела от помещика. Он мог иметь свои средства производства, свою технику, мог избирать направление производства, независимо от направления крестьянского хозяйства, употребляя крестьянский труд не только в земледельческом, но и в промышленном производстве. Но понятно, что для такой организации хозяйства требовался довольно значительный капитал, которым большинство помещиков не обладало. Поэтому обычно барское земледельческое хозяйство совершенно вплотную сливается с крестьянским хозяйством, последнее становится основой помещичьего хозяйства, и расширение первого обыкновенно идет за счет сокращения второго.

Поэтому в тех губерниях, где преобладала и развивалась барщинная запашка, там сокращались наделы и запашки крестьян. Так, в типичных барщинных губерниях земледельческого центра процент помещичьей земли составлял не менее 50% и выше всей удобной земли, у крестьян наделы на ревизскую душу редко превосходили $2\frac{1}{2}$ — 3 дес. в среднем. Наоборот, в губерниях нечерноземных, где помещичье хозяйство не было выгодным и где преобладал поэтому оброк, там помещики оставляли у себя 20 — 25% всей земли, редко одну треть, отводя остальное крестьянам, почему крестьянские наделы на душу достигали здесь 4 —5 дес. и часто более.

Поэтому же барщинный способ ведения хозяйства, вообще говоря, преобладал в средних имениях, так как он требовал не только присутствия, но и непосредственного участия помещика в хозяйстве. Наоборот, более крупные и самые мелкие помещики предпочитали не вести своего хозяйства: первые потому, что жили в городах, занимали высшие должности и даже небольшой оброк приносил им колоссальные суммы; вторые потому, что земли у них было так мало, что ее хватило только на организацию крестьянского хозяйства.

Какова была в целом тяжесть барщинной эксплоатации для крестьянского хозяйства? Мы уже говорили, что собственно в земледельческом хозяйстве эта тяжесть характеризовалась тем, что в XVII в. крестьянин за 3 — 4 дес. в своем хозяйстве обрабатывал 1 десятину в помещичьем хозяйстве. В середине XIX ст., как норму, крестьянин обрабатывал десятину помещику за десятину своей земли. В 1797 г. была установлена законом общая норма барщины в размере трех дней в неделю при свободном воскресном дне. Но повидимому уже и раньше, а тем более к XIX в. помещики не довольствовались этой трехдневной барщиной. Так, еще в екатерининских комиссиях многие депутаты и сами дворяне указывали, что трехдневная барщина «считается весьма умеренною» и что в действительности барщина часто бывала выше и доходила до полных шести и даже семи дней, отчего «земледелие пришло в упадок» [1]).

Точно так же в XIX в., по свидетельству многих современников (Н. Тургенева, Тучкова и др.), многие помещики в Тульской, Рязанской и в других земледельческих губерниях доводили барщину в летнее время не только до 4, но до 5 и даже до 6 дней, оставляя крестьянскому хозяйству одно воскресенье. А некоторые помещики Тульской губ., по свидетельству того же Тучкова, заставляли работать барщину и в воскресенье,—так как в праздник христианину «работать на себя грех», — а крестьянину предоставлялось убирать свой хлеб... ночью. Иногда исполнение барщины по числу дней заменялось «уроком» в определенное количество работ на тягло, т. е. поденная система заменялась сдельной, но эти уроки были настолько велики, что требовали громадного напряжения труда для своего выполнения.

Таково было положение работ на барской пашне летом. Но помещик интересовался барщиной своих крепостных крестьян не

---

[1]) *Семевский*, Крестьяне, т. I, 63—67.

только в области собственно земледельческого производства. На барщинном же труде основывались и различные промышленные производства помещиков, которые, как мы видели, уже в XVII в. у наиболее богатых и крупных помещиков приобретают значительное распространение. В XVIII—XIX вв., с усилением помещичьего предпринимательства, эта сторона приобретает особенно важное значение как форма барщинной эксплоатации труда. Выгода для помещика здесь заключалась в том, что эксплоатация крестьянского труда происходила здесь не только в летнее время, как в земледелии, а круглый год. Ниже мы остановимся более подробно на этого рода помещичьем промышленном предпринимательстве, отметив здесь лишь то обстоятельство, что промышленная эксплоатация крепостного труда усиленно занимала внимание хозяйствующих помещиков. Но организация крупных промышленных предприятий требовала больших капиталов, и потому этот способ барщинного труда был доступен все же сравнительно немногим. Тем не менее барщина, кроме полевых работ, существовала почти во всех имениях в виде каких-либо строительных работ, выделки и подвозки кирпича, земляных работ и т. п. Женщины зимой несли барщину тканьем холста, шерсти и т. п., часто также по довольно тяжелым «урокам».

Наконец, весьма распространенной и важной формой применения барщинного труда была так называемая «подводная повинность», т. е. предоставление крестьянским хозяйством подвод и рабочей силы для отвоза продуктов помещичьего хозяйства на рынок. При тогдашних путях сообщения, чем больше помещичье хозяйство работало на рынок, тем больше оно нуждалось в установлении правильных сношений с этим рынком для сбыта своих товаров. Эту форму организации транспорта помещичье хозяйство также нашло в крепостной барщине: доставка хлеба и других продуктов обыкновенно составляла одну из крупных барщинных повинностей крестьян. И так как тогда эти продукты отвозились не только на ближайший рынок или пристань, но и на более отдаленные и крупные рынки, например, в Москву и даже в Петербург, часто за 400 — 500 верст и более, ради получения более выгодных цен, то эта подводная повинность отнимала весьма много времени. Если принимать исчисления Заблоцкого, что гужевые перевозки помещичьих продуктов занимали летом до 800 тыс. человек, а зимой до 3 млн., то можно примерно считать, что подводная повинность отнимала зимой до 30% рабочего времени крепостных крестьян и ле-

том до 8%, а ценностное ее выражение определялось в 54 млн. рублей [1]).

Но этим не исчерпывались повинности барщинных крестьян. Кроме них крестьяне обязаны были различными мелкими поборами — холстами, шерстью, пенькой, яйцами, гусями и проч., а часто сверх всего и деньгами. Следовательно, барщина большею частью соединялась с оброком.

Таким образом, представляется весьма затруднительным определить тяжесть барщины. Можно лишь указать, что она отнимала подавляющую часть рабочего времени крепостных крестьян, оставляя им самую ничтожную его долю, необходимую для поддержания своего существования. По подсчетам Семевского, стоимость барщинных повинностей в 1760 годах определялась приблизительно в 7 — 8 руб. на душу, а через 30 лет уже в 14 — 16 руб. на душу.

От расширения барщины на 5 — 6 дней в неделю был один шаг до того, чтобы вовсе прекратить самостоятельное хозяйство крестьян, заставив их целиком работать в барском хозяйстве. Таким путем из барщины возникает так называемая «месячина», т. е. превращение крепостных крестьян просто в крепостных рабочих, т. е. рабов без всякого своего хозяйства, получающих от помещика «месячину», т. е. месячную заработную плату в виде продуктов питания, одежды и проч. Попытки перехода на месячину встречались весьма часто у многих «просвещенных» помещиков, стремящихся усилить эксплоатацию крепостного труда. Главным препятствием здесь являлось лишь то, что экономика помещичьего хозяйства все же в конце концов основывалась на крестьянском хозяйстве и поэтому, уничтожая самостоятельность последнего, помещик подрывал собственное хозяйство.

Оброчная система

Другим основным способом эксплоатации крепостного труда и организации крепостного помещичьего хозяйства была оброчная система. В чистом виде оброчная система предполагает собственно ликвидацию помещичьего производственного хозяйства и предоставление всей земли в хозяйственное пользование крестьян. Такое положение, по свидетельству современников, местами действительно наблюдалось в конце XVIII в. [2]). Но большей частью оброчная система применялась не в чистом виде, и помещик оставлял все же часть

---

[1]) *Лященко*, Очерки, стр. 207.

[2]) «Записки» князя Трубецкого, 102.

земли себе, эксплоатируя ее или барщинной, или смешанной системой. Во всяком случае, при оброчной системе крестьянин за пользование землею обязывался помещику или продуктами своего хозяйства в натуральной форме (особенно разными мелкими сборами), или деньгами.

Но экономический смысл оброчной системы лежал не в этом: оброчная система большею частью не ограничивалась эксплоатацией крестьянского труда только в земледельческом хозяйстве. Последнее не могло дать больших доходов крестьянину, а вместе с тем и помещику. Поэтому оброк, вообще говоря, не сообразовался с доходностью земли и сельского хозяйства, извлекаясь из всей суммы возможных доходов крестьянского труда. При таких условиях только часть крестьян оставалась на пашне, выполняя иногда себе в убыток земледельческую работу и ведя свое, часто только потребительское хозяйство. Главная же масса крестьянского труда направлялась в отхожие промыслы, в города, на фабрики, в торговлю или в крайнем случае — на кустарную работу на месте. Именно этот труд давал возможность и был источником извлечения помещиком больших оброков.

Сведения об основной части оброка в денежной его форме позволяют более точно, чем для барщины, установить его размеры и изменения во времени. В конце XVIII века средний оброк колебался от 1 рубля до 5 рублей с души, в зависимости от местности и зажиточности крестьянского тягла. По мнению Семевского, обычным оброком в 1760 годах можно считать 1 — 2 рубля, в 1770 годах 2 — 3 рубля, в 1780 годах 4 рубля и в 1790 годах уже 5 рублей с души. С тягла, следовательно, к концу XVIII в. это давало 10 — 12½ рублей [2]).

В XIX веке рост оброков продолжается не менее быстро. В первое десятилетие этого века оброк доходил до 25 — 35 рублей с тягла, т. е. 10 — 14 рублей с души, а во вторую половину царствования Александра I «нормальным» оброком для великороссийских губерний, по мнению некоторых исследователей, было 70 рублей с тягла, т. е. около 30 рублей с души [3]). Но вообще оброк был чрезвычайно неравномерен и разнообразен. Часто бывали случаи, когда, пользуясь состоятельностью и значительными доходами крестьян, помещик брал с них по нескольку сот рублей оброка.

---

[1]) *Семевский*, Крестьяне, т. I, стр. 53 и след.

[2]) *Середонин*, Исторический обзор деятельности комитета министров, т. I.

Понятно, что такой большой оброк не мог извлекаться из земледельческих занятий крестьян. Поэтому экономическая сущность оброка в черноземной и нечерноземной полосе была неодинакова. В первой те помещики, которые применяли оброчную систему — а таковых было здесь меньшинство — принуждены были ограничиваться сравнительно умеренными доходами. Это побуждало большинство переходить к барщинной системе, чтобы повысить свои доходы повышением эксплоатации крестьян, расширением своего земледельческого хозяйства за счет сокращения крестьянского. Но низкая производительность крепостного труда давала очень тесные границы для такого земледельческого предпринимательства, и помещик здесь упирался в тупик невозможности развития производственных сил своего предпринимательского хозяйства и повышения своих доходов от него. Последнее было возможно при оброчной системе в нечерноземной полосе — но это обозначало ликвидацию собственного сельского хозяйства и также не разрешало вопроса.

Проблема производительности и помещичье предпринимательство

Таким образом, после того, как к концу XVIII в. и к началу XIX века распространение крепостной системы количественно дошло до своего предела, перед ней стал вопрос о внутреннем ее развитии, в смысле возможности роста производительных ее сил в новых экономических условиях. Для помещика этот рост производительных сил олицетворялся в повышении доходности от его сельского хозяйства; но, конечно, об'ективно этот рост производительных сил выражался в повышении производительности и доходности крестьянского хозяйства. В системе экономического хозяйства имелось таким образом неразрешимое экономическое, а вместе с тем и социальное противоречие. Многие помещики, в сущности, это хорошо понимали, но тем не менее стремлением помещиков, как класса, становится разрешение этого вопроса в пределах крепостной системы.

С начала XIX ст. этот вопрос ставится уже особенно ясно. Проблема развития производственных сил сельского хозяйства в пределах крепостной системы становится в течение полувека основной проблемой тогдашней нашей сельской экономики. «Лет 70 назад, — писал известный славянофил и помещик Ю. Самарин в 1850 годах, — владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком, собирая, сверх того, натурою разные припасы для своих домашних потребностей. Этот порядок вещей изменился

постепенно от совокупного действия многих причин... дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы, обеспечить на будущее время верное их поступление и для достижения этих целей естественно избрали самое сподручное и дешевое средство: заведение барщины» [1]).

Среди «многих» причин, упоминаемых Самариным, главным внешним толчком, перебросившим многих помещиков из городов в деревню и заставившим заняться сельским хозяйством, как правильно подметил еще Гакстгаузен, были события 1812 года, разорившие городскую жизнь массы помещиков и сделавшие их хозяевами поневоле. Но, понятно, что решающее значение оказали те изменения в общей экономике страны, которые в начале XIX ст. выразились в росте городского промышленного населения, под'еме промышленности, росте хлебных цен, увеличении вывоза. Все это возбуждало стремление к использованию новых условий в смысле развития предпринимательства, работы на рынок, повышения своих денежных доходов. Оседающее на землю дворянство, конечно, стало стремиться заменить более спокойную, но менее доходную крепостную натуральную или денежную ренту самостоятельным хозяйством. Вопрос о поднятии его доходности сводился, с одной стороны, к изменению технической стороны хозяйства — к поднятию его производительности и рационализации; с другой — к нахождению такой организации, при которой крепостной труд давал бы максимум эффекта.

В техническом отношении те образцы, по которым пытались строить свое хозяйство прогрессивные помещики, даны были тогдашним последним словом западно-европейской агрономии. Они сводились к рационально построенному сельскохозяйственному производству на почве «плодопеременния», т. е. к замене господствовавшего до тех пор экстенсивного зернового хозяйства плодосменной системой. Центр тогдашних прогрессивных течений в сельском хозяйстве — Московское общество сельского хозяйства, с его «Земледельческим журналом» — в 1820 годах было занято исключительно проповедью этой плодосменной системы, выливавшейся в нечерноземном центре преимущественно в травосеяние и переход к животноводческим отраслям хозяйства, на юго-западе — в свеклосахарное хозяйство. Но уже в 1830 годах замечается реакция против этих «западных» увлечений.

---

[1]) *Самарин*, Сочинения, т. II.

На практике для громадного большинства средних помещиков, именно в черноземном районе, было ясно, что рациональная западная техника не применима в русских условиях и далеко не везде может дать выход из затруднительного положения. Зерновое хозяйство оставалось все же основным направлением, которое гораздо более соответствовало низкому уровню техники, отсутствию средств для реорганизации хозяйства, всем традиционным навыкам и могло дать непосредственное увеличение доходов путем простого расширения помещичьих запашек. Поэтому уже к 1840 годам, вместе с падением интереса к «плодопеременно» и к интенсивным направлениям хозяйства, отмечается возврат к экстенсивным зерновым направлениям путем простого увеличения пашни за счет распашки лугов и выгонов. И именно к тому времени, когда более капиталистический юго-запад стал развивать свеклосахарное производство, а крайний юг сохранял еще долгое время экстенсивное овцеводство, в районе, наиболее страдавшем от крепостной отсталости, в земледельческом центре, этот возврат к утрированным формам зернового хозяйства сказался наиболее сильно.

Капиталистическая техника разбилась здесь о крепостную экономику и крепостную организацию хозяйства. Для интенсивных плодопеременных систем, для скотоводческих и технических направлений требовались две основных производственных предпосылки — наличность основного и оборотного капитала и наличность квалифицированного и высокопроизводительного труда. Ни того, ни другого у крепостного помещика не было. В русском сельском хозяйстве,—говорит один из современников по этому поводу,— «денежный капитал редко участвует, а главный необходимый, лучше сказать, неизбежный капитал есть крепостные крестьяне» [1]). «Сугубая новость для русского сельского хозяйства — капиталы, — говорит другой современный автор,—о них и слуха нет» [2]). Для русского сельского хозяйства не было и не могло быть прогрессивной и производительной формы приложения капитала, кроме вложения его в виде непроизводительного крепостного труда, в виде, как его называла крепостная бухгалтерия, — «капитала орудий».

С таким единственным и неизбежным «капиталом орудий» переход к усовершенствованным и рациональным организационным формам хозяйства, конечно, был невозможен. Западно-европейская

---

[1]) «Начальные основания русского сельского хозяйства», М. 1837.

[2]) «Русский земледелец», журнал, издаваемый Павловым, кн. I.

сельская экономика давала и в организационном отношении образцы капиталистического хозяйственного устройства. Это был либо английский тип хозяйства, когда капитал вкладывался в сельское хозяйство фермером, а землевладелец ликвидировал свое хозяйство, или немецкий—когда «Der Ritter wird Landwirth, т. е. когда землевладелец сам сохранял в своих руках ведение хозяйства, вкладывая требуемый для интенсификации и индустриализации капитал.

И те же прогрессивные помещики, которые увлекались западной техникой, отдали дань увлечению и «английским фармером» и «индустриализацией» сельского хозяйства, превращением его в фабрику. «Английский фармер столь же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в упряжку»,—говорит не без сарказма автор известного памфлета «Плут и Соха». Действительно, как могло образоваться фермерское хозяйство, когда и самого-то фермера не было, так как этот «фармер» сам был только «капиталом орудий» в помещичьем хозяйстве. Об эту же причину безрезультатно разбивалась и проповедь «соединения индустрии и сельского хозяйства», т. е. индустриализации сельского хозяйства. Последняя могла поддерживаться лишь особыми привилегиями, напр., екатерининским законодательством о развитии дворянского винокурения, особыми мерами покровительства свеклосахарным заводам и т. п.

Таким образом, пережив молодую пору увлечений и исканий в 1820 — 40-х годах, русское помещичье сельское предпринимательство в 1840-х годах вновь приходит к «истинно-русским» способам ведения хозяйства: ему приходится выбирать между барщиной и оброком, либо так или иначе их комбинировать. Предпринимательство толкало на барщину, но было ясно, что низкая производительность крепостного труда убивает все возможности хозяйственного развития. «Барщина», — говорит известный в крепостной литературе «пензенский помещик», — отнимающая возможность у бедного выйти из бедности, у зажиточного — разбогатеть, у человека, одаренного каким-либо особенным талантом, — развить этот талант... действует на всех крестьян подобно медленному яду, убивающему тело и душу» [1]).

Оброк, по мнению другого автора, «устраняет беспечность, лень, дает возможность развития индивидуальных сил». Но ведь оброк означал ликвидацию собственного предпринимательского хозяй-

[1]) Журнал Землевладельцев, 1858, I.

ства, не обеспечивая в то же время исправности доходов. Сами помещики хорошо это знали и не без горькой иронии описывали, как им управляющий почтительнейше доносит, что «в имении все состоит благополучно, только, по неурожаю хлеба или по дешевизне того же хлеба, крестьяне не могут выполнить всего оброка» [1]). Сельскохозяйственная экономическая литература 1840 — 50-х годов полна этих споров о выгодности и предпочтительности барщины или оброка, как способов эксплоатации крепостного труда, и поисков новых способов наиболее выгодной организации крепостного хозяйства.

Нужно сказать, что в этом отношении изобретательность крепостных помещиков была довольно разностороння, но результаты ее были отрицательными. По общему отзыву их же самих, производительность крепостного хозяйства была очень низка и не прогрессировала. Поэтому при общем развитии экономической жизни, развитии денежного хозяйства, рост потребностей со стороны как помещичьего, так и крестьянского хозяйства мог удовлетворяться только количественным ростом запашек и экстенсивно-зерновым их использованием, а также усилением степени эксплоатации крестьянского труда, т. е. еще большим отягчением крестьянского хозяйства. К концу 1850-х годов то однообразие расширившейся зерновой культуры, к которому по необходимости пришло большинство помещичьих хозяйств крепостного земледельческого центра, ставит перед крепостным хозяйством вопрос о самом его существовании.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература о крепостном земледельческом (поместном) хозяйстве и о положении крепостных крестьян к концу XVIII в. и в XIX в., кроме указанных в предыдущей главе монографий Струве, Лященко, Волконского, см. особенно *Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, тт. I—II, 1901—1903. — *Его же*, Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX в., 1888. — *Игнатович*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, III изд., 1925. — *Самарин*, Сочинения, т. II, записка «О крепостном состоянии», 1877 — 1878. — *Заблоцкий*, Граф Киселев и его время, т. II, записка «О крепостном состоянии в России», 1882.

Большой интерес для изучения экономики помещичьего крепостного хозяйства в XIX в. представляют довольно многочисленные статьи в тогдашних экономических и сел.-хоз. журналах и отдельные брошюры современников. Назовем наиболее интересные из них: *Бунин*, Мысли о русском хозяйстве, 1882. — *Елагин*, Проект об определении в неотъемлемое владе-

[1]) *Жуков*, Руководство, 1848.

ние дворцовым кестьянам земли и т. д., Журн. Землевлад., 1859. — Письма пензенского помещика, Журн. Землевлад., 1858. — *Вилькинс*, Что нужно помещичьему крестьянину, 1832. — *Его же*, Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, 1843. — *Жуков*, Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством, 1848. — *Карпович*, Хозяйственные опыты, 1837. — *Поздюнин*, Об оброчных работниках или совершенно новом образе взимания помещичьих повинностей, 1845. — *Сабуров*, Записки пензенского помещика, «Отеч. Записки», 1842 — 1843 гг. — *Шишков*, Оброк и барщина, Зап. Лебединск. О-ва с. х. 1857. — *Швитков*, О двух главных способах к лучшему деревнями управлению, Тр. В. Э. О. т. 57.

Из иностранцев наиболее интересны для этого времени: (рус. акад.) *Storch*, Historisch Statistisches Gemälde des russischen Reichs, 179. *Гакстгаузен*, Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России, сокр. рус. перевод, 1870. *Болтин*, Примечания по истории древней и нынешней России г-на *Леклерка*, 1788. О *Георги*, *Бернгарди* — см. у Струве, Крепостное хозяйство. См. также ниже литературу к главе о кризисе крепостного хозяйства. Литературные указатели см. Лященко. Очерки, приложение, и Игнатович, III изд., приложение.

Глава XI.

КРЕПОСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Общая характеристика мануфактурного периода

Начало XVIII в. и петровские реформы в нашей экономической истории являются важнейшим моментом в развитии нашей промышленности. С этого именно времени начинается история нашей «крупной» промышленности, вернее тот «мануфактурный» период истории нашей промышленности, который затянулся у нас до середины XIX ст., т. е. до превращения этой мануфактуры в капиталистическую фабрику. Пред'историей этого мануфактурного периода в нашем промышленном развитии является ремесло, которое имело уже значительное распространение в Московском государстве XVIII века. Оно, однако, генетически было мало связано с мануфактурой и фабрикой, так как, в противоположность Западной Европе, это ремесло не получило у нас такого прочного и широкого развития, чтобы стать базой дальнейшего развития городской буржуазии и крупной индустрии. Генетически более тесно, как мы увидим далее, возникновение нашей мануфактурной промышленности связано с другой предшествующей формой развития промышленности, также существовавшей в до-мануфактурный период, — с так называемой «кустарной» промышленностью. Да и дальнейшая история этой последней тесно переплетается с дальнейшим же развитием нашей мануфактуры и даже капиталистической фабрики.

Тем не менее, все же начало XVIII в. можно считать окончательно определившейся гранью «мануфактурного» периода в нашем промышленном развитии. Это, конечно, не должно быть понимаемо в том смысле, что наша крупная промышленность возникла только в начале XVIII в., была создана только Петром и притом «искусственно» им насажена, без всякой предшествующей экономической подготовки. Наоборот, из предыдущего изложения мы видели, что уже в Московской Руси второй половины XVII века, наряду с господством мелкой городской ремесленной промышленности за-

рождаются формы крупной промышленности. Первые их зачатки появляются в форме иностранных предприятий, создаваемых преимущественно для удовлетворения военных и прочих нужд государства, или зарождаются в недрах крупных вотчинных хозяйств, в виде различных крупных, работающих на широкий рынок промышленных производств.

Но все же эти зачатки и своеобразные формы «крупной» промышленности еще не создали в XVII в. системы и начала мануфактурного периода в русской промышленности. Последний следует отнести именно к началу XVIII в., к петровским преобразованиям. И не потому, конечно, что Петр «искусственно» насадил эти «фабрики»-мануфактуры (как впервые стал утверждать первый историк нашей промышленности Корсак, а за ним Милюков и писатели народнического направления). А именно потому, что отдельные элементы, бывшие уже налицо раньше и являвшиеся необходимыми предпосылками возникновения мануфактурной промышленности, ко времени Петра I вылились уже в более или менее законченную и развитую систему. Этими предпосылками, необходимыми для возникновения и развития мануфактуры, являются: накопление капитала и обращение его из области обращения в область производства; наличность массового работника с накоплением известной ремесленно-мануфактурной техники; наличность рынка и широкого обмена на базе общественного разделения труда.

Таковы были предпосылки мануфактурного периода промышленности на Западе; такими в общем они были и у нас к началу XVIII ст. Наличность значительных средств и капиталов создавалась, как мы видели, в XV — XVII ст. как в виде крупных рентных доходов землевладельцев, крупных помещиков-дворян, так особенно в виде крупных торговых капиталов. Хотя в массе торгового обращения преобладала мелкая торговля ремесленного характера, но все же степень накопления и концентрации торгового капитала была довольно значительна.

В настоящее время, после исследования Туган-Барановского, можно считать установленным, что этот крупный торговый капитал явился главным источником создания первых крупных мануфактур петровского времени. Среди петровских «фабрикантов» пестрят имена крупных московских купцов и гостей. К ним необходимо прибавить некоторых крупных землевладельцев, которые имели промышленные предприятия в предыдущем веке, некоторых состоятельных дворян, небольшое число иностранцев и других лиц.

Правда, большинство этих лиц, за недостаточностью собственного капитала, получало на устройство промышленных предприятий значительные пособия от казны. Но, повидимому, размеры и число этих получений не были особенно значительны: по подсчетам Туган-Барановского, не более 15 — 20 частных предприятий из сотни, учрежденных в петровское время. Но, кроме того, вообще ни это обстоятельство, ни даже прямое устройство казенных промышленных предприятий, ни, наконец, в значительной мере военно-государственный характер производства большинства этих промышленных предприятий не говорят о какой-либо «искусственности» насаждения у нас крупной промышленности. И в Западной Европе, даже в наиболее передовых промышленных странах, как Франция, участие государства своими капиталами, создание казенных промышленных предприятий и мануфактур имело место и оказало сильное влияние на развитие частной капиталистической промышленности. И там таким основным источником частного промышленного капитала являлся торговый капитал, который был накоплен особенно в колониальной торговле и который в XVIII в. начинает уже все более из области обращения направляться в промышленность. Он находит здесь поддержку со стороны государства в виде различных промышленных привилегий, таможенной защиты и проч., что позволяет ему получать от своего промышленного приложения не меньше барыша, чем от торговли.

Понятно, что возникновение крупной промышленности и промышленной буржуазии по существу своему теснейшим образом связано с формирующимся буржуазным государством, с его военными и хозяйственными задачами, а вместе с тем и с той финансовой помощью, которую это государство должно оказывать нарождающейся крупной промышленности, почему об искусственности здесь говорить не приходится.

В этой же плоскости должен рассматриваться и вопрос об образовании необходимого для мануфактуры массового обмена и широкого рынка. Государство всегда и везде со своими военными заказами и административными нуждами или со своим спросом на предметы роскоши являлось, в особенности вначале, главным потребительным рынком мануфактурной промышленности. Именно потому, что ремесло очень часто не удовлетворяло и не могло удовлетворить этот спрос ни по характеру своих продуктов, ни по их массе, крупные государственные поставщики как в Западной Европе, так и у нас, при расширении спроса со стороны государства, естественно

должны были притти к выводу, что выгоднее было для этих поставок опираться не на мелкое разрозненное ремесло, а на об'единенную мануфактуру. Поэтому последняя долгое время в преобладающей мере работала на «государственный» рынок, тогда как массовый потребитель предметов широкого потребления долгое время оставался еще в сфере обслуживания ремеслом.

Но при всем том нельзя и преувеличивать исключительную связанность нашей мануфактуры петровского периода с государственными заказами и потреблением. Хотя последние безусловно стояли на первом месте, тем не менее мануфактуры в значительной степени работали и на широкий рынок, вырабатывая сукно, полотно, гвозди, посуду и проч. У нас эта сторона получила даже большое развитие, чем в Западной Европе, ввиду недоразвитости ремесла и более широких связей с рынком через торговый капитал.

Наконец, последней предпосылкой образования мануфактуры является вопрос о накоплении промышленной техники и об образовании массового промышленного работника. И в этом отношении западно-европейская мануфактура в значительной степени не вырастала непосредственно из ремесленной промышленности, а вырастала на почве захвата ее торговым капиталом, путем об'единения сбыта ее продуктов и превращения самостоятельного ремесленника в зависимого от торгового капитала мелкого товаропроизводителя — кустаря. Вместе с этим постепенно, а в некоторых странах довольно быстро, начинается процесс формирования новых кадров промышленного пролетариата из обезземеливаемого населения. В этом отношении в нашем промышленном развитии наблюдаются, пожалуй, наибольшие черты отличия от Западной Европы. С одной стороны, отсутствие у нас развитого ремесла, а с другой — закрепление земледельческого населения не давали у нас возможности такого значительного и быстрого сформирования свободных мануфактурных рабочих, как это требовалось быстрым темпом развития самой промышленности. Но зато у нас не меньшее значение получает мелкая промышленность кустарного типа. Один из ученых наблюдателей нашей экономической жизни конца XVIII в., Шторх, очень тонко отметил, что русские ремесленники почти ничего не работают на заказ потребителя, а работают на рынок, продавая все свои изделия скупщику. В этом «кустарничестве», столь у нас распространенном, формировались для мануфактур первые кадры технически обученных рабочих, вполне подготовленных к производствен-

ному их об'единению под руководством торгового капитала. Поэтому-то у нас, при возникновении мануфактур и даже при наличии крепостной системы (т. е. еще в до-петровских предприятиях, так же как в начале и в петровских мануфактурах), работа шла на основе свободного труда иностранных мастеров или русских свободных людей — кустарей и ремесленников.

Однако, уже для петровской промышленности этих кадров свободных рабочих было недостаточно. Вновь устраиваемые заводы вместе с пособием от казны часто получали от старых казенных заводов также и опытных мастеров и рабочих; остальную массу рабочих фабриканты набирали с большим трудом из самых различных элементов: беглых крестьян, отставных солдат и солдатских детей, нищих, бродяг и т. п. Хотя и в Западной Европе эти лица отчасти пополняли кадры мануфактурных рабочих, но все же в основной массе последние, и наиболее квалифицированные из них, пополнялись из бывших ремесленников. Наша промышленность в условиях слабого развития ремесла и крепостного права не могла иметь этого источника. Единственным средством организации крупной промышленности в системе крепостного хозяйства было распространение крепостной системы и на промышленность. Знаменитый петровский указ 1721 года разрешает «купецким людям» покупать к фабрикам и заводам целые населенные деревни «под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно».

Таким образом, тогда как в Западной Европе мануфактурный период был не только «освобождением» крестьян от земли, но и их личным освобождением, у нас самые первые ростки крупной мануфактурной промышленности по необходимости стали развиваться в среде и в системе крепостного хозяйства. Это обстоятельство привело к очень важным последствиям. Раз в крепостной системе было найдено благополучное для помещика и «фабриканта» разрешение вопроса о рабочей силе, об этом источнике доходов предпринимателей, неизбежно должно было возникнуть стремление воспользоваться ею и со стороны «законных» владельцев этих крепостных — дворян-помещиков. Развивать промышленность и устраивать «фабрики» начинает не только купеческий капитал, но и поместное дворянство, в изобилии имеющее крепостную рабочую силу. В результате, указами 1762 г. фабрикантам запрещается покупать крестьян к фабрикам. И хотя в 1798 г. разрешение покупать к фабрикам крестьян вновь восстанавливается, однако большого значения эта мера уже не имела: с XIX века «купеческие фабрики» стали переходить

на вольнонаемный труд, тогда как «дворянские фабрики» еще долгое время продолжали жить крепостным трудом. Вместе с этими привилегиями дворянской промышленности, среди фабрикантов (в особенности в некоторых отраслях, например, в суконном производстве) купечество начинает все более вытесняться дворянством: к концу XVIII в., например, из 40 суконных фабрик 19 было дворянских (Туган-Барановский).

Петровские мануфактуры

Таким путем у нас со времени Петра возникают три основных вида «фабрик»: казенные, посессионные (преимущественно купеческие) и вотчинные (дворянские). Но что же представляли из себя эти петровские «фабрики» в техническом и экономическом отношении? В действительности ли вносили они какой-либо «промышленный переворот» в тогдашнюю промышленную экономику [1])?

В техническом отношении это были, конечно, мануфактуры, т. е. предприятия, работающие ручным трудом, но мануфактуры весьма крупные по своим размерам. Самая причина их возникновения — недостаточность производительного размаха ремесла — говорила за необходимость относительно крупных размеров мануфактурного производства. Поэтому, например, в казенной парусной мануфактуре в Москве числилось 1 162 рабочих, на суконной мануфактуре Щеголина 730, на казенной суконной фабрике Микляева 742 рабочих и т. п. Но, повидимому, при таком значительном об'единении крепостного труда, единообразно направляемого и руководимого, техническая концентрация производства в петровских мануфактурах была не велика. Некоторые оставшиеся описания их свидетельствуют, что «мануфактуры» часто представляли из себя не единое централизованное предприятие с сотнями рабочих в одном здании, а скорее об'единенную систему отдельных светелок, или даже частичную работу на дому отдельных кустарей. Так, например, одна из крупных парусных мануфактур Меньшикова в Почепе состояла из 23 светелок для «работных людей», 8 амбаров для работ, ряда других деревянных построек. Другая парусная же мануфактура Строгановых (1732 г.) состояла из 13 светелок в 7 — 8 окон. Таким образом «мануфактуры» представляли из себя скорее поселки из кустарных изб, и настоящие «заводские» здания, каменные и крупные по размерам, встречались очень редко [2])

[1]) См. примечание на стр. 190.

[2]) *Оглоблин*, Очерки по истории украинской фабрики. Мануфактура в Гетмановщине, гл. I, 2.

Приэтом не только частные, но и наиболее важные казенные предприятия представляли часто в сущности не настоящую централизованную мануфактуру, а систему кустарных светелок и работу на дому; в заводском же здании производились лишь некоторые работы, которые на дому у мастеров производить было невозможно. Например, такое важное производство, как Тульский оружейный завод, имело очень небольшую техническую централизацию производства. В 1712 г. Петр в целях «лучшего усмотрения и поспешения» в оружейном деле приказывает построить в Тульском заводе «оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми на том оружейном дворе безостановочно, а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». Следовательно, до тех пор ружье выделывалось мастерами по своим мастерским, и только некоторые операции (сверление дула) делались в заводских мастерских. В 1718 г. оружейный двор был готов, но повидимому централизованное производство на нем так и не наладилось, так как работа на дому и впредь разрешалась, а в 1733 г. значительная часть построек оружейного двора была снесена на слом [1]).

Если так обстояло дело на казенных оружейных заводах, то конечно, еще менее централизованным и еще более приближающимся к типу кустарных светелок было производство на других, более мелких и частных «фабриках».

Таким образом, следует отметить, что петровские фабрики не произвели какой-либо «промышленной революции», развиваясь на базе старой техники и экономики ремесла и кустарного производства. Предпосылки развития петровских мануфактур были таким образом налицо уже в XVII в. Но все это, конечно, не уменьшает значения петровской эпохи, как эпохи, в которой наметились и окончательно выработались направление и организационные формы нашего промышленного развития в его особенностях и своеобразии.

Казенные мануфактуры

Первой и наиболее простой формой организации крупной промышленности, к которой обратился Петр I, было устроиство казенных промышленных предприятий. Военные нужды, создание флота, переустройство армии, строительство городов требовали быстрых мер по усилению промышленного производства. Так создаются оружейные и металлургические заводы: Петрозаводский, Сестрорецкий, Охтенский, Тульский. На Урале и в Перми создаются казенные горные заводы,

---

[1]) Архив истории труда в России, т I, стр. 18—19.

из которых наиболее крупные—Уктусский и Каменский. Крупными казенными предприятиями были парусная фабрика в Москве, селитренные заводы в Казани и на юге, ряд заводов стекольных (в том числе наиболее крупный знаменитый петербургский, существующий до сих пор), писчебумажных, суконных, табачных, шелковых и проч. О размерах этих казенных предприятий можно судить по таким цифрам: к 9 пермским горным заводам было приписано 25 тыс. крестьян, на Сестрорецком заводе работало 683 чел. рабочих, к Тульскому заводу было приписано 508 дворов крестьян, на парусной фабрике в Москве работало 1 162 человека. Устроенные на казенные средства, эти заводы работали с помощью мастеров, иностранцев и русских, собираемых на заводы как на «государеву службу».

Посессионные мануфактуры

Однако довольно скоро приходится отказаться от такого огосударствления промышленности, повидимому, за ее убыточностью. Постепенно значительная часть отдельных предприятий, в особенности «легкой» промышленности, передается на определенных условиях пользования частным лицам. Вместе с небольшим числом прежде существовавших предприятий возникает таким образом, с одной стороны, особая группа частных купеческих «мануфактур», работающих на вольнонаемном труде, с другой — «так называемые «посессионные мануфактуры».

В 1793 г. издается общее распоряжение, чтобы «казенные фабрики» передавать «партикулярным лицам» отдельно или компаниям. Главным контингентом этих компаний и отдельных предпринимателей были купцы, посадские, иностранцы, иногда дворяне. Так, была передана казанская суконная казенная фабрика купцу Микляеву, другая суконная фабрика купцу Щеголину, бумажная фабрика в Петербурге Маслову и Солодовникову, московские полотняные заводы купеческой компании Андрею Турке, Цимбальщикову и др. Из дворянских промышленных компаний наиболее крупная шелковая мануфактура была организована графом Апраксиным, Шафировым и Толстым. Из иностранцев наиболее крупным предпринимателем был мануфактурщик Тамес, стоявший во главе компании из русских крупных купцов.

Вообще «незнатные» имена торгового купечества, притом почти исключительно русского, пестрят среди списков фабрикантов петровской эпохи. Это имеет место как по отношению к частным предприятиям, устраиваемым самостоятельно, так и по отношению к арендуемым казенным предприятиям. Это был первый производ-

ственный результат предшествующего накопления купеческого капитала в торговле в эпоху XVI — XVII ст. и обращения его на производственные цели. Действительно ли это накопление торгового капитала явилось источником зарождения крупной промышленности или, наоборот, она была создана «искусственно», только казной?

Государственная казна принимала в образовании капиталов, вкладываемых в промышленность, значительное участие, но тем не менее размеры вложения со стороны частных капиталистов были более значительны. Часть фабрик устраивалось целиком «своим коштом», часть лишь с пособием от казны. Так, в упомянутой крупной компании Шафирова учредителями вложен был капитал в 81,3 тыс. рублей и пособие от казны 36,7 тыс. рублей. В компании Тамеса учредителями внесено было 46 тыс. рублей (в том числе самым крупным пайщиком Микляевым 12 тыс. руб.) и 5 тыс. руб. пособия от казны; капитал компании игольного завода Томилина составлял 33 тыс. руб., полотняной фабрики Гончарова 142 тыс. руб.

Таким образом, принимая во внимание ценность денег того времени, можно считать, что в организацию промышленных предприятий вкладывались крупные капиталы, в переводе на современные деньги до миллиона и более рублей. «Первоначальное накопление», повидимому, достигло уже достаточных по тому времени размеров. Но, конечно, от этого все же было далеко до возможности развития промышленного капитализма: для этого последнего в условиях крепостной хозяйственной системы недоставало, как сказано, другой предпосылки — образования свободного пролетариата. Поэтому не только частная «капиталистическая фабрика» петровской эпохи, по крайней мере до начала XIX века, подавляется фабрикой, работающей на крепостном труде, но эта последняя получает исключительное господство и распространение.

Впервые, как сказано выше, крепостная фабрика возникает на основании указа 1721 года о приписке к купеческим фабрикам крепостных крестьян. Так образуется особый вид так называемых «посессионных» крепостных фабрик. Посессионными фабриками стали называться такие фабрики, большею частью бывшие казенные, которые передавались в пользование частным лицам со всеми строениями, землей, иногда денежной ссудой и с правом покупки и приписки крестьян к фабрике. Кроме того посессионные фабриканты получали освобождение от обязательной государственной службы, от налогов, таможенные льготы и проч.

Особенности организации и положения посессионных рабочих были следующие: крестьяне были крепки не владельцу, а «фабрике», они не могли продаваться отдельно от «фабрик» и составляли с ней нераздельное целое. Все производство посессионных фабрик находилось под контролем правительства. Размеры, предметы и качество выработки, вплоть, например, до определения ширины и добротности сукон, условия сбыта продукта, размеры заработной платы и условия работы — все это находилось под котролем и регулировалось правительством.

Ясно, что при таких условиях посессионные предприятия представляли из себя малоподвижный и вовсе не капиталистический аппарат. «Фабрикант» был связан прежде всего всеми условиями производства товара, его расценками, поставкой и т. п. Он был связан и наличностью определенного кадра приписных рабочих, работавших часто «брат на брата», т. е. половина была занята фабричным трудом, половина жила земледельческими работами. Положение рабочих было весьма тяжелое, были очень часты волнения и восстания рабочих. Но вместе с тем фабрикант не имел права их уволить и сократить производство. Не вырабатывалось и кадра профессиональных и квалифицированных и свободных рабочих.

Только законом 1840 года было разрешено посессионным фабрикантам, вместо приписных крестьян, работать вольнонаемным трудом, т. е. фактически переходить в капиталистические предприятия. Однако, в условиях крепостного хозяйства и это не могло спасти положение посессионных фабрик: для многих посессионных фабрикантов интерес представляло, повидимому, не само промышленное производство, а возможность обладания крепостным трудом, которым они часто пользовались вовсе не для промышленного производства. Уже «обследование фабрик» 1740 года обнаружило много «подложных фабрик», т. е. хотя и имеющих крепостных, но фактически не работающих и подлежащих закрытию. Тем не менее посессионные фабрики, особенно в некоторых отраслях промышленности, например, в уральской горной промышленности, существовали все время крепостной эпохи и были ликвидированы в общем порядке только в 1861 году.

Вотчинная мануфактура

Наконец, последним видом крепостной промышленности являлась «вотчинная фабрика». Это помещичья мануфактура, работающая исключительно крепостным трудом принадлежащих помещику крестьян.

Помещичьи дворянские фабрики почти отсутствуют в петровскую эпоху и начинают усиленно развиваться лишь со второй половины XVIII века, века развития дворянской политики, вплоть до 1840 — 50-х годов, когда вотчинная фабрика также начинает окончательно изживать себя.

Элементы вотчинной «фабрики» отчасти слагались еще в недрах самодовлеющего поместного хозяйства, создавая помещичьей фабрике преимущества перед другими ее видами. На первом месте здесь стоит, конечно, наличность рабочей силы, притом такой, которою помещик мог распоряжаться совершенно свободно. Конечно, эта рабочая сила в массе своей была совершенно непригодна к квалифицированному промышленному труду. Но все же известные технические навыки создавались и здесь, благодаря тому, что, с одной стороны, само помещичье хозяйство широко применяло техническую переработку продукта для нужд собственного потребления: руками многочисленной дворни здесь ткалось полотно, выделывались сукна, плелись кружева, вырабатывался ряд других предметов. С другой стороны, эти же промыслы существовали и в самом крестьянском хозяйстве, частью также для собственного потребления, частью для выполнения натуральных оброков помещику или, наконец, для продажи.

Другой элемент — наличность иногда больших количеств сырья—льна, пеньки, шерсти, кожи, зерна,—которые казалось более выгодным сбывать в переработанном виде. Рынок был обеспечен, так как крепостной транспорт и в этом отношении создавал преимущества для поместной фабрики. При таких условиях требовалась минимальная затрата средств, капитала, чтобы организовать фабрику. К концу XVIII в. и в начале XIX века эти «фабрики» становятся модным и общим увлечением всех сколько-нибудь «прогрессивных» и состоятельных помещиков.

Самая организация вотчинной фабрики была связана с организацией всего поместного хозяйства. Крепостные крестьяне также работали большей частью «брат на брата», т. е. половина была занята земледельческими работами, половина фабричными. Иногда на фабрике занимались только зимой, оставляя все лето для земледельческих работ. Платы большей частью никакой не платилось, так как все отбывали работу в порядке барщины. Эксплоатация крепостного труда на помещичьих фабриках достигала высших пределов, и недаром, по словам Н. Тургенева, крестьяне говорили о крепостной фабрике с таким же страхом, как о чуме. Отсюда то

естественное сопротивление, которое оказывали помещичьей фабрике крепостные крайне низкой производительностью труда, побегами, волнениями и т. п. Тем не менее все же помещичья фабрика долгое время, вплоть до 1861 г., держалась своими основными преимуществами: обилием даровых рабочих рук, наличностью сырья, низкой техникой производства вообще. Поэтому она процветала в тех отраслях, для которых сырье вырабатывалось в самом хозяйстве и техника была низка (суконные, полотняные фабрики), и, наоборот, не привилась в производствах, работавших на крупном сырье и высокой технике (хлопчатобумажная промышленность).

Рядом с собственно помещичьей фабрикой следует поставить еще одну разновидность «фабрики», тесно связанной с крепостным хозяйством, хотя и работающую большей частью на наемном труде. Это фабрики крепостных крестьян. Так как помещики, в особенности в оброчных губерниях, были заинтересованы в развитии промышленной деятельности своих крепостных, они охотно позволяли им устраивать промышленные предприятия, конечно небольшие, кустарного типа, которые при удаче вырастали в более или менее крупные мануфактуры, а впоследствии и в настоящие фабрики. Все эти фабриканты крепостные иногда имели на своих фабриках крепостных, записанных на имя помещиков; но сами они и все их имущество считалось собственностью помещика. Оброки их были в таких случаях очень высокие. Еще труднее было выкупиться на волю: за выкуп приходилось платить иногда десятки тысяч рублей. Такова, например, история знаменитого в будущем крупного фабриканта Морозова, выкупившегося у своего помещика за 17 тыс. рублей; Мальцевых, получивших уже в 1775 году дворянское звание; многих хлопчатобумажных фабрикантов Иваново-Вознесенского района, бывших крепостных графа Шереметьева, и многих других. Но вообще эти крепостные фабриканты большей частью довольно скоро превратились в настоящих, более или менее крупных промышленных предпринимателей, хотя некоторые из них до самой реформы 1861 г. оставались крепостными.

Итоги петровской мануфактуры

Таковы были основные типы и направления нашей промышленности, сформировавшейся со времени петровской мануфактуры. Они, как мы видели, значительно расширяли промышленное производство, существовавшее до этого времени, и по числу своему и по новым отраслям производства. Основным массивом петровских мануфактур являлись горные и металлургические заводы, оружейные, па-

русные, полотняные, суконные, писчебумажные, стекольные, кожевенные, шелковые, зеркальные, обоев, фарфора и др. Многие из этих отраслей имелись и в допетровскую эпоху, но со времени Петра они получили сильнейший толчок к своему развитию. К сожалению, не имеется сколько-нибудь точных данных о числе мануфактур, возникших при Петре. Наиболее часто приводимые цифры Кириллова дают 233 мануфактуры к концу царствования Петра, но цифры эти для некоторых отраслей повидимому значительно преуменьшены (2 полотняные, 1 шелковая и 2 суконные мануфактуры), а с другой стороны, в них попали некоторые предприятия не-мануфактурного типа. По другим данным (Голикова), из 195 наиболее крупных мануфактур было 10 суконных, 9 полотняных, 7 шелковых, 5 кожевенных, 4 писчебумажных, 3 оружейных.

Еще большее значение имело то обстоятельство, что крупная мануфактура, при всем своем невысоком уровне, способствовала сильному под'ему производительных сил. Это особенно сказалось, например, на таких отраслях, как металлургия, по размерам производства которой Россия того времени стояла на одном из первых мест в мире, вырабатывая при Петре 6½ млн. пудов чугуна.

Положение ремесла и кустарничества

Необходимо, однако, отметить, что наряду с этими относительно крупными предприятиями мануфактурного типа при Петре продолжает развиваться и мелкая промышленность ремесленного и кустарного типа. Развитие городских центров, особенно таких крупных и новых, как Петербург, вызывало быстрый рост здесь разнообразного городского ремесла. Петр впервые делает попытку дать ему цеховое устройство, наподобие Западной Европы. В Петербурге ремесленники насчитывались во всяком случае тысячами. Здесь были кроме обычных и старых ремесл — башмачников, портных, кожевников, столяров и пр. — также и новые — каретники, переплетчики, часовые мастера, парикмахеры, модных нарядов и проч.

Эти отрасли мелкой ремесленной промышленности по своему направлению большей частью не встречались и не конкурировали с крупной мануфактурой. Иначе обстояло дело с той формой промышленности, которая также имелась у нас издавна, в форме так называемой кустарной промышленности. Еще Шторх отметил, что русские ремесленники очень мало работают на заказ потребителю, а продают свои изделия на рынок через скупщиков. Действительно, из наличности крупной торговли в московских рядах полотном и из значительного вывоза его за границу можно заключить, что это

полотно в больших размерах скупалось по мелким городам и селам купцами, так как среди московских ремесленников ткачей полотна не имелось вовсе и полотно выделывалось исключительно кустарями. То же относится ко многим другим отраслям — мелкому железному производству, кожевенному, мыловаренному и проч. Таким путем еще в XVIII в. возникают, например, крупные центры кустарного полотняного производства в Иваново-Вознесенске и в Шуе, в будущих центрах крупной мануфактуры; тогда же возникает и кустарное производство металлических изделий в Павлове Нижегородской губ. Эти отрасли кустарной промышленности весьма успешно конкурируют с возникающей мануфактурой, которая имеет перед ними мало технических преимуществ. Но в то же время, как мы видели, и самая мануфактура эта возникает на базе того же «кустарного» производства, представляясь лишь организационно-коммерческим об'единением этих мелких кустарных светелок под руководством государства или торгового капитала.

Поэтому ни в техническом, ни, тем более, в социальном отношении нельзя преувеличивать значение петровских мануфактур, смотря на них как на разорвавшее с прошлым «искусственное насаждение» крупной капиталистической промышленности, вместо господствовавшей до тех пор мелкой промышленности. Петровская мануфактура полностью опиралась на предшествующее промышленное развитие, заложив вместе с тем новые и весьма важные моменты дальнейшего промышленного развития.

Промышленная политика

Общий характер развития нашей промышленности, наметившийся в эпоху Петра I, т. е. к началу XVIII ст., продолжается и в течение всего XVIII и половины XIX века. Меркантилистическая политика поощрения и развития крупной промышленности на началах государственного регулирования и поддержки промышленной деятельности торгового капитала, как исполнителя государственных начинаний в области промышленности, особенно ярко проявляется вплоть до 1760-х годов.

Подражая западно-европейским образцам и господствовавшим тогда принципам меркантилизма, государство брало на себя покровительство развитию крупной промышленности путем устройства новых «фабрик»; выдачей ссуд и пособий из казны; созданием крупных промышленно-торговых монополий на целые отрасли производства; поощрением туземной промышленности таможенными пошлинами и запретом ввоза иностранных товаров; приписной к промыш-

ленными заведениями рабочих в различных формах принудительного труда—крепостных и посессионных крестьян, всяких «нищих и бродяг», «праздношатающихся» и т. п. Казенные денежные ссуды предпринимателям в крупных размерах выдаются особенно для производства и поставок различных предметов, необходимых казне и армии. С выдачей ссуд тесно связывается предоставление монопольных прав на производство для обеспечения его успешности и интересов казны. Но часто монополии предоставлялись не только на такие производства, как горное дело и железоделательные заводы, но, например, на производство ситца, обоев, шелковых чулок, пуховых шляп и т. п. При таких условиях и при развитом тогда фаворитизме, можно думать, что все эти меры часто имели целью не столько поощрение промышленности, сколько подачки отдельным лицам.

Только с 1766-х годов в правительственной промышленной политике отмечаются уже новые веяния. Новые идеи промышленной и торговой свободы, пришедшие в Западной Европе на смену ограничениям меркантилизма, повидимому, довольно быстро находят отклик и у нас. Уже в знаменитых екатерининских комиссиях в речах депутатов слышатся эти новые идеи: «вольность есть главное для распространения коммерции средство». Торговля и промышленность выходят из рамок монополии и старых средств покровительства. В 1754 году уничтожается важнейшее препятствие к развитию внутренней торговли и промышленности — внутренние таможенные пошлины. Екатерина же постепенно уничтожает целый ряд отдельных промышленных монополий, а в 1775 г. провозглашает свободу промышленности и торговли, дозволяя «всем и каждому заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия». Это, конечно, не обозначало полной свободы промышленности, и в целом политика меркантилизма продолжается. Она выражается попрежнему в высокой таможенной защите от иностранных товаров, в некоторых запрещениях ввоза и вывоза, в привлечении иностранных промышленников для развития новых отраслей и т. п.

Итоги мануфактурного периода

Каковы же были количественные итоги ко времени этого нового поворота в развитии нашей промышленности к концу XVIII века? Если брать только численность тогдашних «фабрик», то рост их представляется весьма значительным. Цифры тогдашней промышленной статистики представляются весьма неточными. По подсчетам некоторых

исследователей того времени [1]), вместо 233 фабрик, имевшихся к концу царствования Петра, ко времени воцарения Екатерины II (1762 г.) их было 984, а ко времени ее смерти (1796 г.) 3 161 (не считая горных с производством на 3 548 тыс. рублей). По другим подсчетам, — 201 фабрика в 1761 г. и 478 в 1776 году [2]). Третьи дают средние цифры; так, например, Герман в известном академическом обзоре русских мануфактур определяет число их в 2 322 [3]). Разница об'ясняется не только понятной неточностью учета, но и неопределенностью того, что называлось тогда «фабрикой», неполным учетом особенно вотчинных промышленных предприятий, причислением часто к мануфактурам мелких кустарных предприятий и т. п.

Во всяком случае, промышленность с конца XVII до начала XIX века сделала крупные количественные успехи. Помимо увеличения числа предприятий, значительно увеличилось также и число рабочих, занятых в этих предприятиях, хотя понятно, что здесь статистический учет должен страдать еще большей неточностью. По тем же подсчетам, например, Германа, число рабочих на мануфактурах определяется в 119 тыс. человек, хотя по другим подсчетам оно определяется значительно меньше; так, в 1760 году на фабриках, находящихся в ведении мануфактур-коллегии, т. е. наиболее крупных, насчитывалось всего 38 тыс. рабочих. Наконец, вместе с увеличением числа мануфактур обращает на себя внимание и увеличение их размеров. Тот же Герман, лично исследовавший состояние мануфактур, указывает небывало крупные для того времени размеры их по числу занятых рабочих: на шелковой московской мануфактуре Милетина 988 рабочих, на полотняной мануфактуре Хлебникова в Пронске 1 059 рабочих, Лучинина в Туле 1 295 рабочих, Гончарова в Москве 3 479 рабочих, Яковлева в Ярославле 2 697 рабочих. Как характеристика степени концентрации производства эти цифры должны считаться преувеличенными, так как, повидимому, в них входили не только рабочие, занятые в самом предприятии, но и работавшие на дому. Тем не менее факт значительного роста числа промышленных предприятий и числа рабочих, занятых на них к концу XVIII в., не подлежит сомнению.

Однако, этим количественным ростом не исчерпываются характерные черты развития нашей промышленности к этому времени.

---

[1]) *Бурнашев*, История мануфактуры в России, 1833 г.

[2]) *Семенов*, Изучение российской внешней торговли и промышленности, т. III, 1856 г.

[3]) Записки Академии наук, 1822.

Несмотря на этот быстрый рост промышленности, им не было положено у нас начало крупной капиталистической промышленности и промышленной буржуазии, как это к тому времени намечалось в Западной Европе. Наоборот, ярко выраженная общая дворянская политика Екатерины отразилась и на социальной, и на экономической структуре нашей промышленности. Отрицая промышленные монополии, она вводит в то же время такую важную сословную монополию, как закрепляемое (уставом о винокурении 1765 г.) исключительно за дворянством право винокурения. Усиление крепостного режима и расширение области крепостного труда приводит к тому, что дворянские вотчинные фабрики начинают расти и относительно побеждать фабрики купеческие. Конец XVIII в. представляется расцветом дворянской вотчинной фабрики: в 1773 г. при 328 купеческих фабриках дворянских насчитывалось 66, т. е. около 16,5% общего числа; через 50 лет, к 1820 году это отношение почти удерживается (15%), но уже к 1840-м годам оно падает до 5%.

Таким образом, даже екатерининская дворянская политика хотя и усилила роль и удельный вес дворянского промышленного предпринимательства и крепостной дворянской фабрики, но все же не дала для промышленности прочной победы крепостной вотчинной фабрики над купеческой вольнонаемной. Это станет особенно ясным, если обратиться не к числу промышленных предприятий, а к соотношению крепостных и вольнонаемных рабочих, занятых в промышленности: число последних растет, в особенности в некоторых отраслях, даже быстрее, чем число крепостных. И, во всяком случае, это число вольнонаемных даже в конце XVIII в., а тем более в 1820—25 гг. уже настолько значительно, что считать мануфактуру этих годов чисто крепостной мануфактурой было бы ошибочно. Вот цифры, характеризующие положение этого вопроса (принимая во внимание, конечно, все приведенные выше оговорки о их неточности).

Общее число рабочих, кроме горных, винокуренных, пивоваренных и мельниц (по Туган-Барановскому) было:

Годы	Число фабрик	Число всех рабочих (тыс.)	% вольнонаемных рабочих
1769	—	45,7	39
1804	2 423	95,2	47
1820	4 578	179,6	58
1825	5 261	210,6	54
1860	15 388	565,0	87

В различных отраслях производства наблюдалась значительная разница:

Производства	Число фабрик		% вольнонаемных рабочих	
	1804 г.	1825 г.	1804 г.	1825 г
Суконное	155	324	10	18,4
Полотняное . . .	285	196	60	70,8
Хлопчатобумажное .	199	484	83	94,7
Шелковое	323	184	73	83,0
Писчебумажное . .	64	87	22	24,0
Металлическое . . .	26	170	28	22,0
Кожевенное	850	1 784	97	93,0
Канатное	56	98	85	92,0

Таким образом уже к 1825 году цитаделью крепостного труда оставались лишь суконные дворянские, да металлургические и писчебумажные (дворянские и посессионные) фабрики. На остальных в подавляющей степени господствовал уже вольнонаемный труд. Промышленность уже за 35 лет до реформы переросла свою крепостную базу и уже почти всецело превратилась в «свободную» фабрику.

Причины отсталости

Подводя итоги этого второго периода в развитии нашей промышленности, необходимо сказать, что, несмотря на тяжелую среду и систему крепостного хозяйства, уже с начала XIX века не соответствовавшего интересам развития промышленности, последняя сделала крупные успехи. По мнению иностранных наблюдателей, русская промышленность в конце XVIII века представлялась вовсе не тепличным и небольшим по размерам растением, а, наоборот, в некоторых отношениях ставила Россию на одно из видных мест сравнительно с другими странами. Особенно замечательно положение, например, тяжелой металлургии, по которой Россия стояла на первом месте: в 1800 году производство чугуна в России (на Урале) достигало 10,3 млн. пудов, тогда как в Англии всего 8 млн. пудов, причем русский чугун был очень высокого качества. Но уже к 1850-м годам Россия во много раз отстает от Англии, производство которой увеличилось до 140,1 млн. пуд., тогда как в России всего до 13,9 млн. пудов; впереди ее к этому времени стоят уже Франция и Соединенные Штаты, а к 1860 г. Россия стоит по производству чугуна уже на 8-м месте — 17,5 млн. пудов, меньше Австрии (19 млн. пуд.) и Пруссии (27 млн. пуд.).

На уральской тяжелой металлургии особенно резко сказались таким образом отрицательные условия крепостного хозяйства, приведшие к краху прежде первоклассной промышленности. Тот технический прогресс, который к тому времени всецело захватывает тяжелую металлургию других стран, совершенно не коснулся крепостнической металлургии Урала. Она попрежнему основывалась исключительно на барщинно-посессионной эксплоатации крепостного труда, основывая свое господство «не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве» (Ленин).

Эта монополия обеспечивалась высокими таможенными пошлинами, которые, например, по таможенному тарифу 1822 г. составляли 250% стоимости железа и 600% стоимости чугуна. Такие пошлины совершенно закрывали русский рынок от конкуренции дешевых английских продуктов, но они же вместе с тем обеспечивали и техническую отсталость уральской горной промышленности. Оплот крепостного хозяйства, она еще задолго до падения этого хозяйства несет на себе все последствия разложения этого крепостного хозяйства и крепостнически дворянской политики.

Уральская крепостная горная промышленность в своем крепостном разложении и кризисе только наиболее выпукло передает черты кризиса и других отраслей промышленности под влиянием крепостного хозяйства. Например, другая область господства крепостного труда и вотчинной фабрики, суконное производство, следует пути уральской горной промышленности, с одной стороны, в смысле привилегий, поставок в казну, опекаемости от конкуренции, а с другой — в смысле застоя и кризиса.

Зарождение капиталистической фабрики

Наоборот, иначе складывается развитие тех отраслей промышленности, которые в наименьшей мере были связаны со всей системой крепостного хозяйства, с его принудительным непроизводительным трудом, низкой техникой, с государственными поставками, привилегиями и таможенным покровительством. Такой типичной отраслью промышленности является хлопчатобумажная промышленность.

Хлопчатобумажное производство является у нас сравнительно новой отраслью текстильного производства (в особенности, например, в сравнении с таким старым производством, как полотняное). Более рано у нас развивается заключительная стадия хлопчатобумажного производства — ситцепечатание по готовому иностранному миткалю. В начале XVIII в. появляется бумаготкацкое производство из готовой иностранной пряжи и только с конца

XVIII века и начала XIX в. появляется бумагопрядильное производство из ввозного хлопка-сырца, хотя до 1850-х годов все еще преобладал ввоз готовой пряжи. Впервые более или менее крупные хлопчатобумажные мануфактуры появляются у нас в середине XVIII века, когда монополия на это производство была предоставлена английским фабрикантам Чемберлену и Козенсу. Но, кроме монополии, никаких других привилегий этим фабрикантам — ни приписки крестьян, ни таможенной защиты от ввоза английских тканей (вплоть до протекционистского тарифа 1822 г.) — предоставлено не было. Тем не менее наша хлопчатобумажная промышленность, в особенности во второй четверти XIX века, делает громадные успехи. Причиной быстрого ее развития является прежде всего быстрый рост и удешевление производства английской хлопчатобумажной пряжи, на которой главным образом работала наша бумаготкацкая промышленность. Это делало хлопчатобумажные ткани самым дешевым продуктом одежды, создавая им широкий рынок и успешно конкурируя с потреблением дорогой полотняной ткани, производство которой с 1830 — 1840 годов претерпевает кризис.

По технике своей хлопчатобумажное производство, как ситценабивное, так и ткацкое, также представляло из себя мануфактуру, т. е. пользовалось исключительно ручным трудом. При сравнительной простоте производства, после уничтожения прежней монополии в 1772 году, ситценабивное и ткацкое производство начинает распространяться среди крестьян, в виде кустарничества, в особенности во Владимирской губ. (в Иваново-Вознесенске, Шуе), в Московской губ. и др. Иногда также ткачи-кустари превращались во владельцев светелок и даже в настоящих, довольно крупных «фабрикантов». С другой стороны, здесь же создавались технически квалифицированные кадры рабочих, часто не связанных с крепостничеством или во всяком случае все более полно превращающихся в профессиональных промышленных рабочих. Таким образом подготовлялись основные предпосылки развития будущей капиталистической фабрики — накопление капитала и образование профессионального рабочего.

Еще более важное значение для дальнейшего развития нашей хлопчатобумажной промышленности оказала отмена в 1842 г. существовавшего в Англии запрещения вывоза машин для хлопчатобумажного производства. С этого времени русская промышленность начинает питаться не только английской дешевой пряжей, но и английскими усовершенствованными машинами, пе-

переходя из стадии мануфактуры в настоящую фабрику. Переход на машинную набивку и ткачество начинает замечаться еще с 1830-х годов. После же 1842 года начинается усиленный ввоз к нам машин, притом не только набивных и ткацких, но и прядильных.

Завоевание английской техникой нашей хлопчатобумажной промышленности олицетворялось в 1840—60-х годах в деятельности знаменитого английского предпринимателя-комиссионера Кнопа, оборудовавшего и построившего громадную долю наших наиболее крупных и известных даже до последнего времени хлопчатобумажных фабрик (Морозовские, Даниловские, Вознесенские мануфактуры, вплоть до наиболее крупной Кренгольмской). Первым результатом этого было освобождение от ввоза английской пряжи и переход на ввоз хлопка-сырца для собственного бумагопряденья: в 1824—26 гг. ввоз хлопка был лишь 74 тыс. пуд., а в 1848—50 гг. уже 1,3 млн. пудов, тогда как количество ввозной пряжи сократилось с 627 тыс. пудов в 1836 — 38 гг. до 281 тыс. пудов в 1840 — 1850 г.

Понятно, что эти хлопчатобумажные фабрики, работавшие теперь уже на машинах, тем более не могли пользоваться неквалифицированным и низким по производительности крепостным трудом. Хлопчатобумажная промышленность таким образом к 1840-м годам полностью основывается на вольнонаемном труде. Но, несмотря на это, отрицательное влияние крепостного строя в этом отношении сказывается и на хлопчатобумажной промышленности: для требуемых ей кадров свободных квалифицированных рабочих все же не создавалось достаточных размеров резервной армии рабочих. Но и в другом отношении крепостное хозяйство сказывается отрицательно на этой отрасли промышленности: работая на широкий массовый рынок, она встречается с той стороной крепостного хозяйства, которая проявляется в низком покупательском спросе со стороны главного массового потребителя — крестьянина.

Таким образом хлопчатобумажная промышленность наиболее рано, сравнительно с другими отраслями промышленности, и технически и экономически перерастает крепостное хозяйство и еще в недрах его вырабатывает формы крупной капиталистической фабрики. Но в то же время эта отрасль промышленности тем более должна чувствовать все противоречия, в которых стояло крепостное хозяйство с развивающимся капитализмом.

ЛИТЕРАТУРА

История крепостной промышленности XVII—XIX вв. не отличается богатством Одно из наиболее ранних исследований: *Корсак*, О формах промышленности, 1861. Основным исследованием остается до сих пор *Туган-Барановский*, Русская фабрика, 1898. Вообще об эпохе зарождения крепостной промышленности: *Милюков*, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст., 1892. — *Семенов*, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, 1859. — *Николович*, История фабрично-завод. законодат. Российской импер., 1883 — 1884. — *Шульце-Геверниц*, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, 1901, гл. 1-я. Из истории отдельных отраслей: *Белов*, Исторический очерк уральских горных заводов, 1896. — *Удинцев*, Посессионное право, 1896. — *Шипов*, Хлопчатобумажная промышленность в России, 1857 — *Оглоблин*, Очерки истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика, 1925. — *Воблый*, Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I (1764—1830), 1909.

О положении труда в крепостную эпоху см. ряд статей и материалов в *Архиве истории труда* в России, I—X, 1921—1923; см. также Вестн. Ком. Академии, 1925 г. № 13, ст. *Меерсона*. См. также *Пажитнов*, Промышленный труд в крепостную эпоху, 1924. Его же, Положение рабочего класса в России, 1923.

Статистика: По истории крепостной фабрики материалы статистического характера, кроме указанных в гл. IX общих статистических обзоров и монографий, особенно *Тенгоборгский*, Производительные силы России, 1854—1858. См. также «Обзор различных отраслей мануфакт. промышленности России», т. I—III. 1862—1865. — «Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур», 1825.

Глава XII.

КРИЗИС И ЛИКВИДАЦИЯ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Противоречия крепостной системы

Как мы видели, XVII в. был веком закрепления торгового капитала, возникшего на базе крепостных производственных отношений и выливается, в свою очередь, в социально-экономическую структуру московского помещичье-крепостного и торгового государства. При таких условиях создание единого государства, вместо прежней изолированности феодальной вотчины, предполагало и образование единого экономического целого, единого «национального» рынка. Возникающие в пределах этого единого экономического целого географическая дифференциация, общественное разделение труда, отделение промышленных занятий от земледельческих должны были усугубляться тем сильнее и быстрее, чем более значителен был географический рост государства, обнимающий все более отдаленные и разнообразные районы. Вместе с этим расширением и углублением разделения труда должна была углубляться и классовая дифференциация общества, затвердевание новых производственных общественных группировок в обособленные общественные классы.

Все эти тенденции в своей зачаточной форме наблюдались уже и к концу XVII в. Но тем не менее размеры и глубину их нельзя преувеличивать не только для XVII в., но и для значительной части XVIII в. Эта общественная и экономическая дифференциация происходила у нас в среде крепостного хозяйства и происходила поэтому в значительно более замедленном темпе, чем, напр., это происходило в ту же эпоху в Западной Европе. И не потому, что крепостное хозяйство находилось в противоречии с торговым капиталом и было не-товарным хозяйством. Наоборот, крепостное поместное хозяйство сменило феодальную вотчину, как товарное хозяйство сменяет натуральное. Но замедленность общественной и экономической дифференциации обусловливалась тем, что торговый капи-

тал в системе крепостного хозяйства не затрагивал изменения производственных основ этого хозяйства, ограничиваясь торговой его эксплоатацией. Поэтому расширение и углубление крепостного хозяйства, — а расцвет его, как мы видели, приходится на конец XVIII в.,—должны были вместе с тем приводить к экономическому застою и к производственному репрессу там и в тех именно областях народного труда, которые развивались на базе крепостного хозяйства. Таково именно было положение сельского хозяйства, особенно в крепостном земледельческом центре: те отрасли народного хозяйства, которые, как промышленность, в особенности вначале, развивались не на базе крепостного труда, обнаруживали довольно значительный прогресс, пока они не были захлестнуты крепостной системой и не подпадали под ее разлагающее влияние.

Поэтому, рассматривая все крепостное хозяйство в целом, необходимо сказать, что оно не только в период своего разложения и загнивания, т. е. в XIX в., но и в период своего развития и апогея носило внутренне противоречивый характер. С одной стороны, как хозяйство товарное, оно ориентировалось на рынок, на его рост и на углубление товарно-рыночного производства. Но, с другой стороны, не давая стимулов для производственного прогресса и ограничиваясь лишь усилением торгово-крепостнической эксплоатации, оно долго сохраняло натурально-потребительский характер, обусловливая незначительную товарную емкость, а вместе с тем и слабость темпа накопления и социально-экономической дифференциации. Требуя развивающегося рынка, оно в то же время пресекало его развитие как на одном полюсе, — держа на уровне крепостной нищеты того потребителя продуктов промышленности, который должен бы явиться главным ее потребителем и создать массовый внутренний рынок для продуктов промышленности,—крестьянина, так и на другом полюсе, — сковывая прогрессивный рост промышленности цепями непроизводительного крепостного труда и отрезая возможность производительного накопления капитала. Только исходя из такого понимания крепостного хозяйства, как нам кажется, можно понять всю сложность нашего экономического развития в течение XVIII в. и половины XIX в., а также причины разложения, кризиса и ликвидации крепостного хозяйства.

Эти причины поэтому следует искать не в том или ином отдельном моменте крепостного хозяйства — в непроизводительности крепостного труда, в невыгодности барщины или оброка, в перепроизводстве, во внешнем или внутреннем рынке,—а во всей хозяйствен-

ной системе в целом. И так как крепостное хозяйство было особой и законченной формой товарного хозяйства, то узел его противоречий был завязан в рынке, в котором должны были находить то или иное разрешение все его производственные и социально-экономические противоречия.

Влияние рынка

Основной момент развития хозяйства XVIII—XIX вв. — процесс общественного разделения труда в виде отделения города и деревни — характеризуется такими подсчетами одного из исследователей этого вопроса. В 1724 г. городское население составляло 328 тыс., т. е. 3% всего населения, в 1796 г. оно было уже 1 301 тыс. или 4,1%, в 1812 г. — 1 653 тыс., или 4,4% [1]). Таким образом за 90 лет городское население увеличилось абсолютно в 5 раз, но относительно всего на 1,4%; другими словами, абсолютный рост городского населения был довольно значительный, но относительный — весьма слабый. В основе его лежало развитие промышленности и «бегство из деревень», все более захватывавшее оброчного крестьянина-промышленника, обращавшегося от исконного занятия земледелием к промысловым и торговым занятиям. Нечерноземная полоса первая захватывается этим движением. В конце XVIII в. в нечерноземных губерниях уже от $^1/_5$ до $^1/_3$ взрослого мужского населения уходит на внеземледельческие заработки, порывая связь с сельским хозяйством. Вместе с этим экономическая дифференциация страны начинает углубляться, земледельческое хозяйство все более переносится и специализируется в южных районах, тогда как нечерноземный оброчный север свое хозяйственное развитие ставит все в большую зависимость от развивающейся промышленности. Сельское хозяйство, даже крестьянское, все более полно приобретает денежный характер, работая на широкий «национальный» рынок, построенный на происходящем отделении сельского хозяйства от промышленности.

Наиболее резкий поворот в этом отношении приходится именно на начало XVIII в. Еще иностранные наблюдатели конца XVII в. подчеркивали тот поражавший их факт, что «в Московии... в провинциях, удаленных от рек, жители обрабатывают столько земли, сколько нужно для собственного пропитания». И далее, характеризуя общие условия экономики и быта, тот же автор продолжает: «Нельзя ничего вообразить беднее одежды московских крестьян. Белье из толстой грубой холстины и лыковые лапти, которые они выделы-

---

[1]) *Милюков*, Очерки, I, 82.

вают с необыкновенным искусством. Почти нет ни одного москвитянина, который не знал бы и не отправлял бы этого ремесла» (Олеарий).

Уже в середине XVIII в. это положение в значительной степени отходит в область предания и сохраняется лишь в воспоминаниях современников. Писатели второй половины XVIII в. все согласно подчеркивают тот громадный переворот в отношениях между сельским хозяйством и промышленностью, который произошел на рубеже XVII — XVIII вв. Один из известных писателей середины XVIII в., Болтин, так описывает этот переворот: «Из сословия земледельцев знатное количество перешло в сословие промышленников, фабричных, ремесленников. Прибыло много городов, заведены многие здания, к строению которых потребовалось великое число мастеровых... Многие годы в самых плодороднейших провинциях был хлебу недород, в продолжении коих весь запасный хлеб истощен, и цена от того вдвое возвысилась» [1]). Другие писатели той же эпохи — Щербатов, Елагин и др., подчеркивая «обращение от претрудного прилежания земледелию к промышленности», приписывали этому обстоятельству сокращение земледельческой культуры, истощение «запасных житниц», возрастание дороговизны и проч. «Сие есть коренное зло в России,—говорит Щербатов,—что во многих ее областях великое число крестьян, оставляя земледелие, ударились в другие промыслы. Прежде крестьяне прилежали к хлебопашеству, были сыты, но бедны. Теперь же крестьяне..., оставляя земледелие, стали ходить на другие работы и действительно стали богатее деньгами, но земледелие упало» [2]). Наконец, ученый статистик и экономист начала XIX в. Арсеньев, вспоминая недавние времена, подтверждает, что «в прежние времена в нашем отечестве была весьма мало известна городская промышленность, и потому поселяне должны были сами удовлетворять своим необходимым потребностям и некоторым образом быть ремесленниками и фабрикантами, по крайней мере, в предметах, необходимых для их жилищ, одежды и содержания. Это продолжается и доселе, и от того многие деревни приняли вид городов, будучи заселены ремесленниками-крестьянами» [3]).

---

[1]) «Примечания на историю древние и внешние России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором *Ив. Болтиным*», 1778.

[2]) *Щербатов*, Статистика в рассуждении России, соч. т. I, изд. 1896 г.

[3]) *Арсеньев*, Начертание статистики российского государства, т. I, 1818 г, стр. 135—39.

Писатели - аграрии XVIII — XIX вв., в особенности менее дальновидные из них, во всем этом видели «коренное зло» и причину падения земледелия. Конечно, в действительности дело обстояло несколько иначе. Земледелие сокращалось в нечерноземной полосе, благодаря развитию здесь промышленных занятий, но земледелие черноземной и южной полосы находило в городах и во всей нечерноземной полосе развивающийся рынок.

Правда, полностью вопрос об образовании единого рынка не мог быть разрешен, с одной стороны, вследствие отдаленности потребляющих пунктов от производящей полосы и отсутствия усовершенствованных путей сообщения; поэтому, напр., колебания цен на продукты сельского хозяйства были чрезвычайно велики и во времени и в пространстве. С другой стороны, фискальная политика правительства долгое время препятствовала образованию единого рынка

Напр., узаконениями Петра I, в целях регулирования внутреннего хлебного снабжения и внешнего вывоза, районы портовых закупок для вывоза были строго разграничены, а самый вывоз часто регламентировался или вовсе воспрещался. Внутренняя торговля, помимо некоторых еще долго державшихся монополий (напр., хлебная), парализовалась внутренними таможнями и др. стеснениями торговли. Только в 1754 г. отменяются внутренние таможенные пошлины, а затем в 1762 г. окончательно провозглашается свобода торговли продуктами сельского хозяйства и в частности хлебом. К этому нужно прибавить меры специального покровительства развитию товарно-торгового характера помещичьего сельского хозяйства, в виде провиантских правил 1758 г. о покупке хлеба у производителей, в виде закрепления за дворянами монополии винокурения и т. п.

В результате XVIII век — век усиленного роста городов и промышленности, неземледельческого населения и товарообмена — был и веком быстрого роста цен за земледельческие продукты. Напр., по сведениям того же Щербатова, цена на хлеб на гжатских пристанях была: в 1760 г. — 86 к. четверть ржи, в 1763 г. — 95 коп., в 1773 г. — 2 р. 19 к. и в 1790 г. — 7 руб. По данным Шторха, пенька за берковец стоила в 1767 г. 15 р., в 1803 г. — 34 р., лен в те же годы 21 руб. 50 к. и 50 руб. 40 к., сало 15 руб. и 40 руб. Отчасти в этом повышении реально сказывалось лишь падение ценности ассигнационного рубля, который в 1800 г. стоил всего 66 коп. сер., а в 1815 г. уже всего 24 коп. сер. Но тем не менее все же рост общественного

разделения труда, развития промышленности и внутреннего рынка в течение всего XVIII в. шел в преобладающей степени на пользу сельского хозяйства, так как повышение цен на его продукты шло быстрее повышения цен на продукты промышленности. В том же направлении действовало и развитие внешнего сбыта. В 1726 г. вывоз главнейших товаров из русских портов оценивался в 2,7 млн. руб. сер., причем на первом месте стояли пенька, лен, льняное полотно, железо, кожи. В 1763 — 65 гг. вывоз возрос уже до 12 млн. руб. в 1781—85 г.—23,7 млн. руб., а в 1796 г. уже 67,7 млн. руб., причем на первом месте попрежнему стояла пенька (8,5 млн. р.), лен (5,3 млн. р.), железо (5,0 млн. р.), льняное полотно (4,3 млн. р.) и только на пятом месте зерновые хлеба, — 2.9 млн руб., а затем кожи, канаты, щетина, поташ и проч.

Помещик и крестьянин на рынке

Таким образом к концу XVIII в. и к первым годам XIX в. можно констатировать определенный рост и благоприятную кон'юнктуру как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Кто же преобладал на этом рынке и кто, следовательно, пользовался этой благоприятной кон'юнктурой?

Во-первых, как производитель на рынке, конечно, преобладал помещик. Мы видели, что уже к концу XVIII в. усиливается переход на барщину, повышается эксплоатация барщинного крепостного труда, а при оброчной системе повышаются оброки. При таких условиях, пользуясь, кроме того, даровой доставкой своих продуктов на рынок, помещик являлся почти монополистом на этом рынке. Крестьянин на рынке реализовал очень немного, так как при барщине «товарная» часть его не могла быть значительной и ограничивалась лишь необходимостью покрытия некоторых денежных расходов. При денежном оброке «товарная» часть крестьянского земледельческого хозяйства должна была быть несколько более значительной, поскольку оброк покрывался не только промысловыми, но частью и земледельческими продуктами. Но все же и в этом случае для крестьянина самая отдаленность сколько-нибудь крупных и выгодных рынков отрезала возможность непосредственных сношений с рынком.

Поэтому крестьянский торг получает значение местного сбыта, посредником в котором становится прасол, мелкий скупщик, торговец из тех же крестьян. Именно на этой почве возникает та «крестьянская» торговля, которая вызывала ранее протесты со стороны купечества в екатерининских комиссиях. Дело шло, конечно, не

о массовом участии крестьянского хозяйства в торговле, а о тех крестьянах-скупщиках, которые занимались торговлей и перепродажей продуктов сельского хозяйства своих же односельчан, а отчасти и мелких помещиков.

При слабой классовой дифференциации и при относительной незначительности накопления торгового капитала, эти крестьяне-скупщики являлись необходимым посредническим элементом мелкой сельской торговли. Из их среды вырабатывался и накапливался тот мелкий, но массовый торговый капитал, которому впоследствии принадлежала такая значительная роль в развитии денежного хозяйства в деревне. Но этот торговый капитал внешне и сословно еще не обособился от массы крестьянства. Еще Петру I приходилось ради фискальных целей прибегать ко всяческим мерам запрещения, заставляя торгующих крестьян торговать «своим именем», т. е. записываться для этого из крестьян в посадские и платить за торговлю соответствующие пошлины. По таможенному уставу 1755 г. крестьянам разрешалось торговать только в своих селениях и только определенными товарами, в городах же торговать без записи в посадские и без выборки торговых документов не разрешалось. Но, конечно, запись в купечество означало выбытие крестьян из своего крепостного состояния, почему за крестьянскую торговлю без записи их в купечество всецело стояло дворянство.

Что касается торговых прав самого поместного дворянства, то они были очень широки. Тем же таможенным уставом подтверждалось право дворян торговать всеми продуктами их хозяйства, только «не скупными у других», сбывая их в селах и городах, оптом и в розницу, продавая их в портах на вывоз за границу. Имея главную массу товарных сельскохозяйственных продуктов, поместное дворянство естественно господствовало на рынке. Понятно, что такое положение вызвало резкие нападки со стороны профессионального купечества. Депутаты его в екатерининских комиссиях не скупились в доводах, порицающих это стремление дворянства вместе с крестьянством захватить в свои руки торговлю сельскохозяйственными продуктами. Но дистигнуть успеха им не удалось. С одной стороны, влияние интересов дворянства было велико, а ограничение права торговли наносило им явный ущерб; а с другой стороны, торговый капитал был еще не настолько значителен, чтобы охватить весь товарооборот страны. В целом ряде уездов, городов и местечек, по свидетельству тех же депутатов, не было профессионального ку-

печества, и торг по необходимости должен был производиться крестьянами и помещиками [1]).

Все это свидетельствует таким образом о недостаточности классовой дифференцированности общества и о недостаточности накопления торгового капитала. Последний захватывал главным образом лишь верхушку товарного обращения, был крупным оптовым торговым капиталом. И понятно, что этот крупный торговый капитал, не будучи в состоянии непосредственно охватить товарное производство мелкого производителя-крестьянина, должен был прибегать к посредничеству помещика или скупщика-крестьянина. Таким образом устанавливалось единство интересов между торговым капиталом и крепостным помещичьим хозяйством.

Помещичье хозяйство было главным товаропроизводителем сельскохозяйственных продуктов. Из подсчетов некоторых дореформенных статистиков можно приблизительно определить, что, например, на хлебном рынке из всего товарного хлеба до 90% шло из помещичьего хозяйства и около 10% из крестьянского. Если даже для других продуктов (лен, пенька и др.) доля крестьянского производства была, вероятно, несколько более значительна, тем не менее на товарном рынке в целом преобладал помещик. Однако, господство помещичьего хозяйства на сельскохозяйственном рынке вовсе не приносило ему одни успехи. Чем более товарным оно становилось, тем более оно подпадало под влияние сложных рыночных отношений. В течение всего XVIII в. крепостное товарное производство, повидимому, все еще отставало от быстро развивающегося внеземледельческого спроса, вследствие чего рыночная кон'юнктура все время оставалась благоприятной. С первых же годов XIX в. оно обнаруживает уже серьезные изменения. Помещичье крепостное земледельческое хозяйство вступает на путь переживания неустойчивых рыночных кон'юнктур и товарных кризисов.

Товарный кризис и проблемы производительности

Еще в 1803 г. повышательное движение сельскохозяйственной кон'юнктуры было настолько значительно и очевидно, что возбуждало даже опасения. Вольно-экономическое общество, тогдашний центр прогрессивной экономической мысли, в 1803 г. задает конкурсную задачу «О причинах дороговизны на с'естные припасы», предлагая вместе с тем «изыскать ближайшее средство, от чего могут цены на те же припасы уменьшиться». Премированный (Швиткова) и не-

[1]) Истор. сведения о екатерининских комиссиях, т. II.

примированные ответы довольно согласно устанавливают эти причины в духе старых рассуждений Щербатова, Болтина и др. Это именно то, что торговых и промышленных людей умножилось столько, «сколько невместимо нуждам всего общества», что «крестьянин.. на стороне промышляющий.. делает сугубую обществу тягость: 1) тем, что не делает самой природной своей повинности хлебопашеством, 2) тем, что на стороне есть хлеб, в котором нужда хлебопашцу» (Швитков). В неопубликованных ответах также указывалось на «умножение винокуренных заводов до очевидного излишества», умножение горных заводов, железных, вследствие чего «земледелие... в половину уменьшилось, а хлебоедов умножилось» [1]).

При таких условиях подсказывается и ответ о средствах изживания этой дороговизны — нужно «торговых людей в городах поубавить» (Швитков).

Но, конечно, такие апологеты сельского хозяйства возражали в сущности не против повышения цен, выгодного для них, а лишь против того разложения крепостного хозяйства, которое вносило развитие городов и промышленности, да против неумеренных помещичьих распашек, приводивших к перепроизводству и падению цен. Поэтому, напр., такой представитель крупных аграриев, как граф Румянцев, выдвигал иную теорию: «Россия, по его словам, будет богата, когда четверть хлеба повысится в цене до 25 рублей». И действительность показывала, что помещики всецело стремились воспользоваться благоприятной рыночной конъюнктурой для расширения своего предпринимательского хозяйства.

Мы видели, что с конца XVIII в. и в начале XIX в. начинается «оседание» хозяйствующих дворян-помещиков на землю, особенно усилившееся после 1812 года. Рост городов, внутреннего спроса, высокие цены, державшиеся почти сплошь в первые два десятилетия XIX в. — все это усиливало тягу к сел.-хоз. предпринимательству крепостных помещиков. На этой почве, как мы видели, возникли стремления помещиков к техническим усовершенствованиям и интенсификации своего земледельческого хозяйства, к подражанию западно-европейским образцам и т. п. Но уже к 1830-м годам—к новому повороту цен вниз — это увлечение прошло. Отсутствие капитала, низкая производительность крепостного труда, вся экономика крепостных отношений не позволяли развивать технически совершенное и на капиталистический лад поставленное хозяйство. По-

---

[1]) *Струве*, Крепостное хозяйство, 114.

мещичье хозяйство стало, в особенности в наиболее типичном крепостном районе земледельческого центра, в преобладающей степени возвращаться к экстенсивным формам зернового хозяйства. На этой базе зернового производства помещичьему крепостному хозяйству и пришлось пережить тот кризис, который стал не только преходящим конъюнктурным эпизодом рынка, но заставил особенно остро поставить вопрос о всей крепостной системе.

Действительно, не прошло 20 лет после предложения Вольно-экономическим обществом конкурсной задачи о причинах повышения цен и средствах борьбы с ним, как другое научное учреждение, Академии наук, в 1826 г. задает противоположную задачу: осветить вопрос об обнаружившемся к этому времени понижении цен на земледельческие продукты. Премированный автор, А. Фомин, дает и противоположный ответ о причинах и способах изживания падения цен. При этом он уже не останавливается только на констатировании факта падения цен, начало которого он относит к 1820 г., но выдвигает целую экономическую программу, стоящую на противоположном полюсе Швитковско-Щербатовской программы — убавить торговых людей.

Из собственно экономических причин падения цен и кризиса автор указывает особенно две: сокращение и узость внешнего сбыта и рынка и недостаточность развития внутреннего рынка, т. е. городского промышленного спроса на продукты сельского хозяйства. Экономическая программа Фомина не отличается законченной ясностью, но все же в некоторых отношениях весьма определенна: Рост городов и промышленности, «переход большого числа лиц из состояния земледельцев в состояние ремесленников и торговцев, умножение среднего состояния», а также «распространение мануфактурной промышленности»,—другими словами, индустриализация страны—могли бы «доставить сбыт земледельческим произведениям». Ссылаясь на науку политической экономии и на авторитет Шторха, автор указывает, что только «в свободном состоянии промышленности» производительные силы всегда будут употреблены с наибольшей выгодой. В крепостном же хозяйстве крестьяне «не имеют свободы в отыскании себе занятий и промышленности». Затраты крепостного труда производятся нецелесообразно, лишь бы помещик мог получить доход. Отсюда происходит «задержание естественного хода и распределения народного богатства», слабость «приобретения капиталов», медленность роста «среднего класса», недостаточность развития внутреннего рынка, а также непрочность внешнего рынка.

Справедлив пессимистический вывод, что земледельческий кризис будет продолжаться до тех пор, «доколе настоящее положение вещей и действующие причины, внешние и внутренние, будут продолжаться» [1]).

Сочинение Фомина можно считать едва ли не первой более или менее обоснованной декларацией о приоритете промышленности в развитии народного хозяйства и о необходимости принципов свободы в «естественном ходе» и распределении народного богатства и в развитии производительных сил. Другими словами — декларация, противопоставляющая начало буржуазного развития системе крепостного хозяйства.

Уже одно это показывает, что противоречие крепостного хозяйства с развитием всего народного хозяйства в это время не только было налицо, но и начинало осознаваться не только такими буржуазными идеологами, каким выявляется Фомин, но и самими крепостными производителями, помещиками. Каким же образом и с каким успехом крепостное производство приспособлялось к этим новым условиям?

Крепостной помещик, работавший на рынок и принужденный всей системой крепостного хозяйства бросить свои увлечения интенсификацией и рационализацией и перейти к экстенсивному зерновому хозяйству, имел в своем распоряжении лишь одно средство для повышения своих доходов — возможно сильнее зажимать винт крепостной эксплоатации и расширять свое зерновое производство. Это естественно должно было поставить помещика перед товарным кризисом, перед относительным товарным перепроизводством. Хотя данные дореформенной статистики, конечно, чрезвычайно неточны и приблизительны, все же они сходятся на том, что главенствовавшее на зерновом рынке помещичье хозяйство уже к 1840 годам испытывало товарное перепроизводство.

По подсчетам лучших дореформенных статистиков и официальных исследований, помещичье производство, за вычетом вывоза, городского потребления и некоторой переработки, в 1840 — 50 годах давало от 10 — 12½ млн. четвертей хлеба, не находящего сбыта. Конечно, как и при всяком товарном перепроизводстве, разрыв между производством и потреблением ярко сказывался в том, что, при таком количестве не находящего себе сбыта и продаваемого по

---

[1]) *Фомин,* О понижении цен на земледельческие произведения в России; см. *Лященко,* Очерки, гл. V.

дешевым ценам хлеба, крестьяне часто целыми губерниями голодали, ели лебеду и суррогаты. Поэтому цены часто повышались даже на местах производства до чрезмерной высоты. Так, уже вслед за упомянутым сочинением Фомина, вышедшим в 1829 г., наступили голодные 1833 г., 1839 г., 1840 и 1841 г. с необычайно высокими ценами. Поэтому, по исчислениям дореформенных экономистов, цены на хлеб в течение 1820 — 1840 гг. даже повышались. Например, по подсчетам Мальцева цены повысились с 6 р. 75 к. в 1822 — 26 гг. до 12 р. 90 к. в 1837 — 41 гг. за четверть ржи.

Близкие к этому цифры дает и другой исследователь Веселовский [1]), который, обрабатывая особым образом цифры цен на хлеб, доказывает, что цены как на внутреннем, так и на внешнем рынке не только не падали, но, наоборот, повышались. Так, отпускные средние цены за четверть были:

1824 — 1828	3 р. 27 к.
1829 — 1833	4 » 40 »
1834 — 1838	4 » 80 »
1839 — 1843	5 » 05 »

Таким образом основная тенденция цен не понижательная, а повышательная. Но если помещики жалуются на понижение цен, то это, по мнению Веселовского, зависит не от понижения цен, а от их чрезвычайной колеблемости, благодаря чему помещик, «продав свой хлеб три года под ряд по 15 — 20 руб, считает невыгодными цены в 5 — 6 руб.». Другую причину Веселовский видит в «несоразмерности продажных цен на земледельческие произведения с тою стоимостью, во что они обошлись производителю».

Веселовский не закончил своего исследования хлебных цен, и его мысль была далее развита и углублена другим автором, Заблоцким [2]). Он продолжает нить рассуждений Веселовского как раз с того места, где ее оставил Веселовский. Он спрашивает, что значит издержки производства в условиях крепостного хозяйства? И может ли их «знать» помещик в условиях своего крепостного хозяйства? Он утверждает, что крепостной помещик «не знает», во что ему обходятся его земледельческие произведения. В условиях крепостного хозяйства помещик связан «обязательной рентой», т. е. (по тогдашней терминологии, скрывавшей запрещение обсуждения

[1]) *Веселовский*, О ценах на хлеб в России, Журн. Мин. Гос. Имуществ, 1845 г. т. XV.

[2]) *Заблоцкий*, Причины колебания цен на хлеб, Отеч. Зап., 1847, т. 52.

крепостного права) связан «обязательностью», экономической неизбежностью всей системы крепостного хозяйства. Он не может прекратить производство тогда, когда рыночная кон'юнктура и хлебные цены становятся невыгодными; он продает хлеб «во что бы то ни стало», в особенности в связи с крепостной организацией снабжения рынка, он вообще при наличности «обязательности» не может использовать для производственных целей даже благоприятную кон'юнктуру. Если принять во внимание тогдашний «эзоповский» язык, обусловленный цензурными запретами обсуждать крепостное право, то можно видеть, что Заблоцкий ставит совершенно ясно вопрос: дело не в колебаниях цен, а в самой крепостной системе, не дающей возможности «рационально», на новых хозяйственных условиях, с точным учетом себестоимости и с приспособлением к рынку, поставить земледельческое хозяйство. Что именно так понимались рассуждения Заблоцкого и современниками, показывает полемика с ним другого крупного тогдашнего экономиста. Тенгоборского, который, соглашаясь с автором, что «настоящая система нашего сельского хозяйства (читай — крепостное хозяйство) исключает возможность с какою-либо точностью установить издержки производства, что она устраняет через это один из определяющих моментов рыночной цены и составляет одну из главных причин значительной изменяемости цен», — не находит ничего другого в качестве противоположного аргумента, как указание на «многие другие нравственные и физические причины», а также «постепенное улучшение нашего общественного хозяйства», которые могут способствовать выходу помещичьего хозяйства из тупика его противоречий с капиталистическими условиями рынка [1])

Итак, уже сколько-нибудь наблюдательные и умные современники крепостного хозяйства в 1840 — 50 гг. ясно видели и могли уже точно обосновать, что кризис крепостного хозяйства кроется не в той или иной изменчивой рыночной кон'юнктуре, а в самой сущности всей системы. Даже повышательная кон'юнктура 1840 — 50 гг. не могла разрешить вопроса и улучшить положения помещичьего крепостного хозяйства, именно вследствие связанности его с рынком и невозможности в то же время согласовать свой «обязательный» характер с капиталистическими условиями образования цен. В самом крепостном труде лежала и возможность и необходимость служения помещичьего хозяйства рынку со всеми вытекающими от-

[1]) *Тенгоборский*, О производительных силах России, т II, стр. 54—77.

сюда последствиями: возможность — потому что лишь право пользоваться крепостным трудом и обманчиво дешевая его оценка побеждала для помещиков громадные расстояния от потребительных рынков, непроездные пути и низкие цены на местах; необходимость — потому что лишь на рынке помещичье хозяйство могло реализовать в деньгах получаемый от крепостного труда натуральный прибавочный продукт, не считаясь с его действительной стоимостью. Поэтому там, где потребительный рынок был ближе, как в нечерноземной промышленной полосе, где крестьянин мог сам знать этот рынок и, следовательно, реализовать на нем свой натуральный продукт, уплачивая свою крепостную подать помещику уже в деньгах, там помещичье хозяйство более быстро переходило к денежной оброчной оценке крепостных повинностей, там самостоятельное барщинное землевладельческое хозяйство ликвидировалось быстрее, заменяясь оброчным крестьянским и вызывая необходимость разрушения вековых крепостных устоев хозяйства. Иное положение создалось в земледельческих районах, где единственной формой эксплоатации крепостного труда представлялось земледелие и где в то же время рынок был далек, а производство превосходило местный спрос.

Идя навстречу течениям времени, отвечая на запросы развивающегося денежного хозяйства и городской жизни, постоянно нуждаясь в деньгах, помещичье хозяйство стремилось завоевать рынок не организованностью предложения, а массой, количеством предлагаемого продукта, путем чрезмерной эксплоатации дарового труда, для производства наибольшего количества продукта, а затем продажей его по какой бы то ни было цене.

Тот же крепостной труд, который доставлял помещику массу прибавочного продукта, этот же труд, и только он один, мог победить и другое препятствие хозяйства — отдаленность рынков и затруднительность сбыта хлеба в крупные потребительские центры. Благодаря подводной крепостной повинности, для работавшего на рынок помещичьего хозяйства не существовало, в сущности, ни отдаленных рынков, ни плохих, непроезжих дорог. По подсчетам дореформенных статистиков, подводная повинность занимала зимой до 3 млн. человек, а летом до 800 тыс., т. е. до 30% крепостного труда зимой и до 8% летом. И так как зимнее время не было для помещика временем создания «прибавочного продукта» крестьянином, то все рачительные помещики стремились занять зимнее время своих крепостных если не промыслами, то извозом. В результате поме-

щики, «не зная цены» произведенного «даровым» трудом хлеба, «не знали», как дорого обходится им этот даровой же труд по доставке их произведений на рынок, и решались итти на всевозможные уступки в цене, чтобы хоть что-нибудь выручить за привезенный на рынок хлеб. И хотя низкие и неустойчивые цены вызывали жалобы помещиков, но при малейших благоприятных условиях они вознаграждали себя возможностью реализации громадной массы получаемого ими прибавочного продукта по более высокой цене. Поэтому вся тяжесть такой бросовой продажи ложилась гнетом не на помещичье хозяйство, а или на самостоятельное крестьянское хозяйство или на хозяйство более мелких помещиков, и частью даже на торговый капитал, т. е. на всех тех, кто не мог пользоваться крепостным трудом для доставки своих произведений на рынок и кто поэтому хорошо «знал цену» своих товаров. В результате таких отношений, в тех местностях, где помещичье хозяйство производило наибольшие массы товарного хлеба, т. е. в районах производящей полосы, хлебные цены и во времени и в пространстве были крайне неустойчивы. По подсчетам Протопопова, во втором пятилетии 1830 годов в производящих районах высшие цены превышали низшие часто в 5 — 6 и даже в 10 раз. Неустойчивость хлебных цен, по отзывам сельских хозяев, являлась самым сильным препятствием для прогресса и вообще рациональной постановки производства.

Противоречия отдельных районов

Все это положение, как мы видели, довольно хорошо понималось помещиками, по крайней мере наиболее умными из них, но выходов из него в пределах крепостной системы не было, так как одни были недоступны, другие по существу вели к ликвидации помещичьего крепостного хозяйства. В последнем смысле разрешился, как мы видели, вопрос в нечерноземных губерниях. Барщинное хозяйство здесь давно уже изжило себя, и помещик нечерноземной полосы особенно отрицательно относился к барщине, видя в ней «корень зла» и считая более выгодным отдать крестьянам даже $^2/_3$ земли, а за полученный оброк вести на оставшейся земле рациональное хозяйство вольнонаемным трудом [1]).

Поэтому-то перед 1861 г. процент барщинных крестьян в нечерноземной полосе был во Владимирской губ. всего 20%, Ярославской — 21%, Вологодской — 23%, Костромской — 23%, Московской — 25% и т. п. По направлению своего производства нечерно-

[1]) *Чаплин*, Земледелие и земледелец в России, 1839 г.

земное хозяйство давно уже стало переходить от чисто зерновых экстенсивных направлений к более интенсивным культурам — льну, картофелю, конопле — и к животноводству. А эти интенсивные направления особенно не удавались в помещичьем хозяйстве и, наоборот, довольно удачно шли в крестьянском хозяйстве.

В отношении этих продуктов крестьянское производство уже к середине XIX в. стало вытеснять помещичье как во внутреннем, так и во внешнем сбыте. Увеличение, например, вывоза из России льна, пеньки, пакли — главных продуктов вывоза нечерноземной полосы — шло в значительной степени за счет крестьянского производства (напр., льна в 1821 — 25 гг. вывезено 1,7 млн. пуд., а в 1846 — 50 гг. — 3,5 млн. пуд.). Хотя все это повышало помещичьи оброки, но все это обозначало и ликвидацию самостоятельного помещичьего хозяйства. Еще более ясно экономическая выгодность для помещиков ликвидации своего хозяйства выступала в тех случаях, когда оброк имел в основе промысловые занятия крестьян. Здесь уже крепостное хозяйство совершенно ликвидировалось, а оставалось одно лишь «крепостное право» на получение прибавочного продукта на основе вне-экономического принуждения, и вопрос для помещика шел лишь о цене за свой отказ от этого права. Этим и об'ясняется «либерализм» нечерноземных помещиков по отношению к отмене крепостного права.

Другим земледельческим районом, интересы и развитие которого лежали не в крепостном хозяйстве, были южные—новороссийские, юго-восточные и частью малороссийские губернии. И в тех и в других, в особенности в первых, как мы видели, крепостное население было незначительно. Заселение девственных степей, развитие сначала экстенсивного животноводства (овцеводства), а затем распашка баснословных по плодородию почв под пшеницу шло здесь в преобладающей степени не на основе крепостной, а на основе капиталистической колонизации. Процент крепостного населения был здесь минимальным, напр., в Таврической губ. — 5,9%, в Бессарабской — 1,1%. Здесь еще с 1840 годов создается крупное крестьянское хозяйство фермерского типа, здесь крупное помещичье хозяйство стремится использовать весь небольшой фонд вольнонаемных рабочих, привлекая их из других губерний и заменяя их машинами. Уже в 1816 г. южные помещики дебатируют вопрос о выгоде машинного труда, а министерство внутренних дел издает пропагандистскую брошюру «О шотландских молотилках». Пшеница, ради которой бурно расширяется посевная площадь, становится основной

осью хозяйства, щедро оплачивая даже высокие расходы на заработную плату и постепенно вытесняя прежде господствовавшую мериносовую овцу.

Рынком сбыта южной пшеницы является уже не ограниченный и неустойчивый внутренний рынок, а заграничный рынок, куда через южные порты по рекам и на волах пошла масса пшеницы. Вывоз пшеницы в среднем за год увеличился с 10,7 млн. пуд в 1831 — 35 гг. до 38,1 млн. пуд. в 1856 — 60 гг., причем вывоз южных портов составлял до 90% всего вывоза пшеницы из России Южнорусское земледельческое хозяйство всецело связывалось, таким образом, не только с внутренним, но и с мировым рынком. Мировой спрос и мировая цена через Одессу определяли здесь успешность зернового производства и его развития. И если в 1820 — 40-е года мировой спрос был сравнительно невелик, и цены не обнаруживали повышательной тенденции, то с середины 1840 г. положение изменяется. Отмена в 1846 г. ввозных пошлин на хлеб в Англии, рост промышленности и городского населения обусловливают все возрастающий спрос и повышающиеся цены. Но, ориентируясь на внешний рынок и учитывая его выгоды, южный производитель хлеба должен был считаться и с конкурентами, должен был заботиться и о возможности дальнейшего расширения производства и о его удешевлении. Для этого ему нужен был приток свободных рабочих рук, задерживавшихся в перенаселенном крепостном центре, нужны были железные дороги и усовершенствованные пути, нужны были капиталы, кредит, словом, нужно было «свободное» капиталистическое хозяйство.

Сходное с этим положением было также на Юго-востоке, Востоке и в Заволжье, отчасти в малороссийских губерниях. Крепостной труд имел здесь несколько большее значение: крепостное население в Харьковской губернии составляло 29,8%, в Оренбургской — 11,8%, в Самарской — 15,3%. Отдаленность от портов и мирового рынка больше связывало земледелие этих районов с внутренним рынком нечерноземной промышленной полосы, хотя все же через Волгу и балтийские порты и через сухопутные границы хлеб отчасти шел отсюда и на вывоз. Но зато тем более сильно должно было ощущаться отсутствие усовершенствованных путей сообщения. При их наличности перспективы развития сельского хозяйства при обилии плодородной почвы открывались благоприятные, но центр внимания и здесь лежал не в крепостном труде, но в этих, пока дешевых, плодородных землях которые помещику не-

обходимо было удержать ради дальнейшего развития фермерско-капиталистического сельского хозяйства.

Наконец черноземный земледельческий центр. Это — центр и оплот крепостного хозяйства, оплот барщины и крепостного предпринимательского земледельческого хозяйства. Барщинные крестьяне накануне реформы составляли здесь, например, в Тамбовской губ. 78%, в Орловской — 72%, Тульской, Пензенской, Курской — 75% и т. д. В производственном отношении — это район застарелого трехполья, крайней распаханности, исключительного господства зернового хозяйства и «серых хлебов», ржи и овса, почти полного отсутствия посторонних крестьянских заработков, а вместе с тем отсутствия и «посторонних» доходов помещика, кроме земледельческого барщинного хозяйства. Отрезанный от внешних рынков отсутствием путей сообщения и «ржаным» направлением своего производства, этот район связан был исключительно с внутренним рынком. Но и на нем он не только не находил достаточного простора для увеличения своего производства, но, наоборот, все более стал встречаться с конкуренцией южных районов. Недаром уже в 1840-х гг. некоторые помещики начинают говорить о необходимости внутренних таможенных пошлин для ограждения черноземного центра от конкуренции юга (пензенский помещик Сабуров).

Только усиление барщинного режима с его отсталым зерновым хозяйством, подводная повинность, позволявшая держать в руках примитивный транспорт, поддерживали это зашедшее здесь в тупик крепостное хозяйство. В этом смысле оно было экономически реакционно, так как оно было заинтересовано не в усовершенствовании путей сообщения и не в связи с мировым рынком, а в барщине, которая во всяком случае обеспечивала ему известную массу обязательного прибавочного продукта, хотя бы ценой крайнего истощения крестьянского хозяйства. Только этим обстоятельством, а не экономической выгодностью барщины об'ясняется такое господство барщинного хозяйства в земледельческом центре вплоть до самой реформы. Не зная своих издержек производства и себестоимости продукта, вследствие видимости «дарового» труда, помещик готов был ради реализации прибавочного продукта итти на всевозможные уступки рынку. Это, конечно, подтачивало основу помещичьего хозяйства — крестьянское хозяйство; но даже при явной разорительности и убыточности своего хозяйства помещик не мог отказаться от него, обратив свой «капитал» в крепостном труде на другую отрасль промышленности. Даровой «обязатель-

ный труд был обязателен для обеих сторон — и для крестьянина и для помещика. Поэтому и после ликвидации этой обязательности помещичье хозяйство могло держаться лишь этим же фактически «обязательным» трудом «освобожденных» крестьян.

Но с отпадением «вне-экономического» принуждения — крепостного права — тем более настоятельной поэтому являлась необходимость экономического принуждения. Оно заключалось в том, что вместе с личным «освобождением» крестьянин освобождался и от лучшей и значительной части земли, прикрепляясь, однако, к ней мерами экономических, сословных, бытовых и административных ограничений. Этим определялись и позиция черноземных помещиков в проведении реформы и вся последующая история «оскудевающего» центра.

Изживание крепостной системы

Итак, рассматривая всю систему крепостного сельского хозяйства в целом, необходимо сказать, что к середине XIX века она экономически вполне изжила себя, хотя было бы неправильным везде и для всех районов искать одну причину этого изживания. В громадном и наиболее прогрессирующем районе юга сельское хозяйство вообще быстро становилось на капиталистические рельсы и связывалось с мировым рынком. Для него не столько собственное крепостное хозяйство, — мало здесь развитое, — сколько вся крепостная система с отсталостью производства, отсталостью путей сообщения, узостью рынка, слабым темпом дифференциации населения являлась непреодолимым препятствием. Север точно так же давно ликвидировал крепостное хозяйство и, наоборот, своей развивающейся промышленностью, денежным хозяйством, промысловой дифференциацией населения боролся с ним, поскольку та же крепостная система обусловливала узость внутреннего рынка, медленность образования рынка труда, слабость накопления, отсталую технику. Но и в цитадели крепостного хозяйства и господства барщины — в земледельческом центре, при видимом его расцвете и прочности, хозяйство зашло в безнадежный тупик отсталых хозяйственных форм, невозможности их развития, товарного кризиса, низких цен, т. е. узости всей своей экономической базы.

Волнения крестьян

Но, конечно, помимо внутреннего экономического распада крепостной системы громадное влияние на ускорение ликвидации крепостного права оказало обострение политической стороны вопроса. Боязнь волнений и восстаний крестьян еще со времени пугачевщины все

больше охватывала как самих помещиков, так, конечно, и правительство. Для всякого сколько-нибудь трезвого хозяина-помещика было ясно, что при обычных обостренных отношениях между этим помещиком и крестьянской средой никакое ведение хозяйства не представлялось в сущности возможным. Пассивный протест крестьянства против крепостного строя выражался в систематическом бегстве от помещиков, в самовольных переселениях на новые земли — на юг и восток, где не так чувствовался крепостной гнет. Далее, единичные случаи активного сопротивления помещичьему гнету в виде убийств помещиков, поджогов усадьб также все время учащались: по весьма неполным данным министерства внутренних дел, за время царствования Николая I было 144 случая убийств помещиков.

Но, понятно, особенно значительную угрозу представляли для правительства массовые волнения и восстания крестьян, которые напоминали о возможности еще не изжитой ни в памяти правительства, ни в памяти народа пугачевщины. Классическая формулировка этих правительственных настроений была дана в известных словах Александра II о том, что лучше освободить крестьян сверху, чем дожидаться, чтобы освобождение совершилось само снизу.

Действительно, крестьянские восстания быстро возрастали. С 1826 по 1861 г. известны 1186 бунтов крепостных. Число восстаний по пятилетиям ко времени реформы быстро вырастало. Именно, в 1826—34 гг. их было 148, в 1835—44 гг. — 216, в 1845—54 гг. — 348 и с 1855—61 гг. — уже 474. Волнения с наибольшей силой охватывали центральный черноземный район, центр крепостничества и наиболее сурового режима барщины. На юге их было меньше, но число их также возрастало; так, в левобережной Украине в 1826—29 гг. было одно волнение, в 1830—40 гг. — 12 волнений. В Новороссии волнения начались только в 30-х годах, в связи с распространением здесь крепостного хозяйства, и в 40-е годы их число увеличилось.

Причины волнений по официальным обследованиям установлены для 423 имений. В 210 имениях волнения были вызваны слухами о воле и стремлением крепостных освободиться от крепостной зависимости. Кроме того, в качестве причины волнений приводятся: тяжелые условия барщины в 95 имениях; тяжелые оброки — в 26 имениях; взыскание недоимок — в 9 имениях; голод — в 30 имениях; переселение крепостных — в 17 имениях; урезка земли — в 13 имениях.

Волнения крестьян часто приобретали характер обширных и организованных восстаний. О длительности волнений и упорности борьбы крестьян говорят следующие цифры. В 68 имениях волнения повторялись от 2 до 5 раз, в 14 имениях тянулись от 10 до 30 лет, в 29 имениях — от 3 до 9 лет, в 24 имениях тянулись 2 года. Волнения, вспыхнув в одном месте, быстро перебрасывались в другое.

Правительство круто расправлялось с бунтовщиками. Для защиты помещиков и для укрощения крестьян и расправы с ними применялась воинская сила, иногда в размере целых полков. После расправы начиналось расследование причин волнений, но весьма редко положение крепостных облегчалось, и только наиболее злостные помещики подвергались наказанию, а имения их брались в опеку.

Отсюда следует, что нельзя считать сколько-нибудь правильным и состоятельным как с теоретической, так и с фактической стороны мнение Струве, что крепостное хозяйство к 1861 году экономически, да и политически еще не созрело для своей ликвидации и что реформа, будучи актом мудрого и просвещенного абсолютизма, предвидевшего необходимость экономического прогресса, «не столько подвела итоги прошлого и настоящего, сколько учла будущее». Этим будущим было, по мнению Струве, главным образом развитие железных дорог, которые были несовместимы с крепостным строем. Но неправильно видеть общую и универсальную причину ликвидации крепостного хозяйства лишь в воздействии на него мирового рынка, в увеличении экспорта, во внешних стимулах к расширению производства, которых не могло выполнить крестьянское хозяйство (Покровский, Рожков и др.). Крепостное хозяйство в целом изжило себя под воздействием как внутренних, так и внешних хозяйственных причин. И если тем не менее пережитки крепостных отношений сохранились и в новых условиях надолго после 1816 г., то лишь потому, что господствующий землевладельческий класс, которому принадлежал решающий голос в реформе, сумел провести ее так, чтобы и без крепостного «права» поставить крестьянина перед не менее сильным «экономическим принуждением». Правда, это была ставка на бедность и разорение этого крестьянского хозяйства, на медленность промышленного развития, на задержку вообще буржуазных элементов в народном хозяйстве, в социальной жизни страны.

Но именно все эти черты, заложенные в самой реформе, надолго налагают характерный отпечаток на все пореформенное экономическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература *о кризисе крепостного хозяйства*, о предпосылках и причинах ликвидации его — главным образом в указанных предыдущих главах монографиях Струве, Лященко, Игнатович, а также Покровского и Рожкова

Для изучения товарного кризиса крепостного хозяйства накануне реформы особенно интересны статьи и работы современников, трактующих этот вопрос. Из них наиболее важны рассмотренные в тексте и следующие: *Швитков*, О двух новых способах к лучшему деревенями управлению, Тр. В. Э. О., т. 57. — *Фомин*, О понижении цен на земледельческие произведения в России, 1829. — *Веселовский*, О ценах на хлеб в России, Жур. Мин. Гос. Имущ., 1845, XV. — *Заблоцкий*, Причины колебания цен на хлеб в России, Отеч. Зап., 1847. — *Егунов*, О ценах на хлеб в России, 1855. — *Вильсон*, Об'яснения к хозяйственно-статистическому атласу, изд. III 1857. — *Протопопов*, О хлебной торговле в России, Ж. М. Г. И. 1842. *Заблоцкий-Десятовский*, Граф Киселев и его время, 1882, т. IV, приложение, записка «О крепостном состоянии».

Глава XIII.

РЕФОРМА 1861 г., ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ.

Постановка вопроса о реформе

Если мы взглянем на публицистическую литературу по экономическим и сельскохозяйственным вопросам за последние три года перед реформой, т. е. когда вопрос о ликвидации крепостного права был принципиально решен и официально возвещен, мы можем заметить в ней весьма оживленное обсуждение реформы. Помещик, единственный вершитель судьбы 20 миллионов крепостных крестьян, хорошо понимал, что вопрос идет о жизни и смерти всего крепостного хозяйства. Другая заинтересованная сторона — крепостной крестьянин конечно вовсе не был предоставлен в этой «борьбе интересов» при проведении реформы. Была, правда, и третья сторона — нарождающаяся буржуазия, — заинтересованная в ликвидации крепостного хозяйства, но ее удельный вес был настолько незначителен, что и голоса ее было почти не слышно. Отчасти это последнее обстоятельство об'ясняется цензурными условиями, запрещавшими сколько-нибудь всестороннее обсуждение реформы даже в период официальной постановки вопроса о ликвидации крепостного права. Поэтому как в литературе, так и в самом проведении реформы вопрос был поставлен исключительно в отражении помещичьих интересов и свелся к тому, как произвести эту ликвидацию наиболее выгодно для помещика.

Общее решение вопроса было найдено весьма скорое и простое: земля и крестьянский труд в совокупности единственные источники помещичьих доходов. Поэтому при быстром развитии в стране денежного хозяйства и при постоянно возрастающей в крестьянском хозяйстве денежной нужде необходимо было создать такие условия наделения землей, при которых сохранилось бы «экономическое принуждение» крестьянина отдавать свой прибавочный труд

в той или иной форме помещику. Реформа поэтому ни по внешним формальным своим признакам, ни по экономической сущности не получила значения какого-либо «мирного переворота», окончательно расчищающего путь победоносному развитию буржуазных тенденций. Наоборот, последние продолжали развиваться, несмотря на то, что в самой реформе было заложено много элементов, задерживающих это развитие. Среди помещичьего класса наиболее последовательными представителями «буржуазных» тенденций капиталистического развития в сельском хозяйстве являлись помещики нечерноземных губерний. Именно они устами Унковского (депутата Тверской губ.), требуя немедленного освобождения крестьян с выкупом ими земли и личности, путем выдачи помещикам соответствующих облигаций, приносящих доход, заявляли. что «выдача капитала необходима для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемным трудом». Но все же даже и этим защитникам будущего капиталистического развития пришлось во многом уступить интересам другой группы помещиков-крепостников, «плантаторов», как их называли, добивавшихся возможно более полного сохранения прежних крепостных отношений. Равнодействующая сложения сил в реформе прошла с уклоном гораздо более близко к интересам поместного хозяйства, чем развивающейся промышленности. Но уже и такое компромиссное решение вопроса имело, конечно, колоссальное значение в смысле развития новых сил и для дальнейшего экомического развития.

Как известно, первым официально об'явленным правительственным актом о реформе (после многочисленных «секретных» комитетов о том же, из них последнего в 1856 году [1]) и исторической эрой «освободительной реформы» считается рескрипт 20 ноября 1857 г. виленскому генерал-губернатору Назимову об основаниях крестьянской реформы. Именно этот рескрипт вызвал такие восторженные статьи современников, как Герцена (статья в «Колоколе»: «Ты победил, Галилеянин») и Чернышевского. После этого «секретный» комитет был преобразован в «Главный» такого же бюрократическо-дворянского состава. В течение 1858 г. постепенно образовывались так называемые «губернские комитеты» из представителей дворянства, для обсуждения начал реформы. Проекты поступали в

[1]) *Лященко*, Последний секретный комитет по крестьянскому делу, 1911.

Главный комитет, где с марта 1859 года были образованы «Редакционные комиссии», в которые, кроме чиновников, входили «эксперты» от дворянства, а для общего обсуждения проектов призывались еще «депутаты» (тоже дворяне) с мест. Рассмотревши в три периода своих занятий проекты реформы, редакционные комиссии были закрыты, проекты поступили вновь в Главный комитет, оттуда в январе 1861 г. в Государственный совет, где рассмотрение было закончено 7 февраля, и 19 февраля был подписан «манифест», об'явленный 5 марта 1861 г.

Таков внешний ход истории проведения реформ. Если посмотреть на те изменения, которые претерпели основные начала реформы в течение этого продолжительного рассмотрения, то мы увидим, как постепенно все более закреплялись интересы помещиков в целях обеспечения им наивыгоднейшей ликвидации крепостного права и обеспечения им сохранения их доходов от земли и крепостного труда

Общие начала и противоречия в реформе

Основы реформы, как они окончательно выработаны были в упомянутых инстанциях, заключались в следующем [1]).

Во-первых, вся земля, как находившаяся в помещичьем пользовании, так и в крестьянском, была принципиально признана собственностью помещиков. Из предыдущего мы видели источник и давность — постепенный захват свободных и крестьянских земель вотчинником и помещиком с XIII в. и вплоть до XIX в. — происхождения этой собственности. Тем не менее, на этом признании земли, а вместе с тем и сидевших на ней крепостных крестьян «полною и неот'емлемою» собственностью помещика сходились решительно все направления и взгляды.

Но это признание, естественно, должно было выдвинуть вопрос о земельном или безземельном освобождении. Правительство считало необходимым «ради государственных интересов» произвести освобождение с землею, но это вызывало со стороны помещиков обвинение правительства в «сполиации» (грабеже) и в нарушении «неот'емлемых, ненарушимых и законных» прав. Но дело в том, что в вопросе о безземельном или земельном освобождении интересы помещиков отдельных районов довольно значительно расходились.

---

[1]) *Скребицкий*, Крестьянское дело, т. I См. также *Иванюков*, Падение крепостного права в России. *Лященко*, Крестьянское дело, 1914.

В центрально-черноземных губерниях, где, как мы видели, главным образом и сосредоточивалось крепостное землевладельческое хозяйство, уже к 1850-м годам наблюдалась перенаселенность имений крепостным трудом, непроизводительным и малодоходным. Здесь, по свидетельству Кокорева, Самарина и других деятелей реформы, уже в 1850-х годах были случаи, что земля без крепостных продавалась дороже, чем с крепостными. Помещик с его собственностью на землю являлся здесь, по выражению Черкасского, «монополистом самого ценного товара» — чернозема. Поэтому интересы помещиков центрально-черноземных губерний сводились к такому «освобождению», при котором они сохраняли бы за собой всю землю, т. е. к безземельному освобождению. Но, с другой стороны, так как при таких условиях для ведения нового хозяйства помещику потребовались бы капитал и рабочие руки, то, как компромисс, вполне приемлемый для большинства, было освобождение с таким минимальным наделом, который привязывал бы крестьянина к земле, обеспечивал бы помещику дешевые рабочие руки, а в случае отсутствия капитала позволял бы получать доходы с земли и без собственного хозяйства, путем кабальных аренд земли малоземельным крестьянам. Сходно с этим складывались и помещичьи интересы в северо-западных губерниях, где также преобладало собственное помещичье хозяйство и где помещики готовы были на безземельное освобождение или на наделение крестьян минимальными наделами, с сохранением почти одной лишь усадебной оседлости для связи их с помещичьим хозяйством.

Далее, в губерниях юго-западных и малороссийских, где уже к тому времени стало быстро развиваться чисто капиталистическое, преимущественно свеклосахарное производство, с вольнонаемным трудом, помещики были согласны на ликвидацию крепостного хозяйства, но были заинтересованы в сохранении в своих руках возможно больших размеров земли, а вместе с тем и в удержании массы крестьянского населения на месте, т. е. тоже стремились к предоставлению крестьянам по возможности почти одной усадебной земли. ради обеспечения помещичьих хозяйств крестьянским трудом.

Наконец, в новороссийских и заволжских губерниях, малозаселенных крепостными, помещики полностью поддерживали безземельное освобождение, так как хотя земля была здесь дешева, но она сулила большие барыши и под'ем цен при быстро развиваю-

щемся хозяйстве и колонизации, а потому был интерес полностью ее сохранить.

Совершенно иначе складывались интересы помещиков в нечерноземных губерниях. Здесь источником помещичьих доходов являлась не земля, а сидевшие на ней крепостные оброчные крестьяне. Поэтому здесь ценилась не столько сама земля, которая была мало плодородна и дешева, а крепостные души, почему населенные имения здесь ценились даже дороже, чем в черноземных губерниях. Помещики не могли поэтому согласиться на безземельное освобождение, так как земля им была не нужна; они готовы были отдать хоть всю землю, но требовали таких условии освобождения, которые дали бы им вознаграждение собственно за крепостное право. Поэтому они первоначально требовали выкупа личности, но когда в открытом виде этот выкуп личности не прошел, выход был найден в повышенных расценках земли, в которых в скрытой форме включен был и выкуп личности.

При такой противоположности интересов помещиков отдельных районов развитие реформы могло пойти, конечно, только по линии компромиссного решения. Вполне безземельное освобождение было отвергнуто как по указанным хозяйственным интересам части помещиков, так еще и по соображениям политического характера, из-за боязни волнений крестьян и «опасного» образования пролетариата. Точно так же предоставление одной усадебной оседлости без земельного надела оказывалось малоосуществимым, так как при таких условиях ни помещичье предпринимательское хозяйство, ни сравнительно слабо развитая промышленность не могли бы поглотить массы избыточного крестьянского труда. Поэтому было принято, как общий принцип, освобождение крестьян с землей, но в таком размере и на таких условиях, чтобы помещичье хозяйство было вполне обеспечено крестьянским трудом, а кроме того, чтобы помещики приобрели через реформу и необходимый им в новых условиях капитал. Само правительство смотрело на такой способ освобождения с землей как на средство, «чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен, и чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены». Сами же помещики хорошо сознавали, что узел всех дальнейших взаимоотношений между помещиком и крестьянином лежит в недостаточности земельного обеспечения крестьянского хозяйства. «Мы не можем наделить крестьян землею в такой мере, чтобы быт их совершенно обеспечивался, писал помещичий журнал «Сельское

благоустройство»; крестьянин... должен помнить, что личный труд есть главное его средство к жизни, а потому... слишком щедрый надел землею скорее был бы для них вреден в нравственном отношении, избавляя от необходимости дорожить своим трудом» [1]).

Размеры наделения [2])

Поэтому, хотя при выработке основ реформы было принято начало, по которому наделы крестьян должны быть достаточны «для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком», тем не менее эта «достаточность» не была осуществлена. Прежде всего встретились трудности в определении этой «достаточности», так как каких-либо точных данных для определения таких «нормальных» наделов не было. Губернские комитеты, особенно центрально-черноземных губерний, стремились ко всяческому сокращению наделов даже сравнительно с существовавшими.

Редакционные комиссии пришли к заключению о необходимости вместо таких «норм» положить в основу наделения «существующий факт или порядок вещей, установившийся под влиянием векового опыта», т. е. приняли, как норму, «существующие» наделы. На этом основании редакционные комиссии признали, что «за крестьянским сословием должно быть по возможности сохранено пользование за определенные повинности тем же самым наделом, которым существование его обеспечивалось до сих пор, т. е. в размере, в котором он находился в 1859 году». Этим узаконивались крепостные отношения и для будущего.

Но и на этом дело не остановилось. Под давлением защитников удержания земли у помещиков, в отклонение от существующих наделов, были приняты «высшие» и «низшие» размеры наделов, причем, в случае превышения существующих наделов над «высшими» для данной местности, помещик мог отрезать их до высшей нормы. Обратная же «прирезка», в случае понижения существующих наделов против минимальной нормы, не всегда производилась, и помещик мог во всяком случае оставить за собой не менее трети всей земли.

При поверке предположенных наделов на местах и депутатами произошло новое понижение норм, хотя сами редакционные комиссии признавали, что наделы эти «ни в коем случае дальнейшему понижению подлежать не могут». Наконец, при окончатель-

---

[1]) «Сельское благоустр.», 1858 г. кн X.

[2]) *Скребицкий*, Крестьянское дело, т. II, ч. 1—2.

ном рассмотрении Главный комитет и Государственный совет также понизили нормы надела.

В результате были выработаны особые положения для великороссийских губерний, для малороссийских и западных, причем великороссийские губернии были разделены на 3 полосы: черноземную с 5 высшими нормами наделов от 3 до 4½ дес., нечерноземную с 7 высшими наделами в 3½—8 дес. и степную с 4 высшими наделами в 6½—12 дес. В этих положениях понижение наделов против предположенных комиссиями произошло: в черноземной полосе в 50 уездах из 142, т. е. в 33%, причем в 8 уездах понижение достигает 1—3½ дес., в губерниях нечерноземных уменьшение коснулось 107 уездов из 232, т. е. 46%.

Таким образом, крестьянские наделы при освобождении в большинстве случаев подвергались значительному уменьшению. Если мы возьмем приводимые Скребицким цифры «обыкновенных наделов», бывших до реформы, и сопоставим их с цифрами действительных средних наделов при наделении крестьян землею, то для черноземных губерний, с преобладанием барщины, получим следующие результаты [1]):

Губернии	Дореформенные наделы на 1 рев. душу.	Послереформенные наделы на 1 душу
	Десятины	
Курская	2,3	2,2
Орловская	2,6	2,6
Рязанская	2,6	2,3
Тульская	2,6	2,8
Тамбовская	3,1	2,4
Воронежская	2,6	2,7
Пензенская	2,8	2,2
Харьковская	2,5	2,6
Екатеринославская	2,8	2,0
Киевская	6,6	2,1
Подольская	5,5	2,2
Саратовская	3,8	2,4
Симбирская	2,9	2,4
Казанская	3,0	2,3
Вятская	3,2	3,0
Пермская	5,5	4,0

[1]) Таблица составлена на основании цифр, даваемых Скребицким, — «Крестьянское дело», т. II, ч. 2-я, вед. VI и т. III См. также «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России», Спб., 1873. Приложение, т. I и «Статистика поземельной собственности 1877—1878 гг.»,

Поскольку позволяют судить эти, далеко не точные, а лишь приблизительные цифры, в большинстве черноземных губерний крестьянские наделы были при наделении землей значительно уменьшены. Эта разница между дореформенными и пореформенными наделами должна еще более увеличиться, если принять во внимание, что в показании размеров «обыкновенных наделов» губернскими комитетами большей частью совсем не включались ни усадебные земли, ни лесные угодья, которые вошли в надел при освобождении.

Большею частью совершенно иную картину получаем для нечерноземных промышленных губерний, где до освобождения преобладала оброчная система:

	Дореформенные наделы на 1 рев. душу	Пореформенные наделы на 1 душу
	Десятины	
Ярославская	5,2	3,8
Костромская	6,8	4,9
Владимирская	3,1	3,9
Московская	2,6	2,9
Калужская	2,5	3,8
Петербургская	3,3	4,8
Новгородская	2,7	5,7
Смоленская	3,6	4,8

За небольшим исключением (первых двух губерний), в большинстве нечерноземных губерний крестьянское землевладение с реформой не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Это и было более всего выгодно для помещичьего класса. При бездоходности земли и хозяйства на ней, нашелся иной, чем в черноземных губерниях, но не менее выгодный способ ликвидации крепостного права: продажа земли по повышенной оценке крестьянам.

Так разрешался вопрос о размерах земельного обеспечения. При этом, в пределах установленных норм, порядок наделения определялся «добровольным соглашением» помещика с крестьянами. Таким образом фактически помещику предоставлялось выбирать наиболее выгодный для него способ ликвидации крепостных своих прав. Например, в пределах таких «добровольных соглашений» помещику разрешалось наделить крестьян в размерах одной четвертой части высшего для данной местности надела бесплатно, т. е. без всяких повинностей и выкупа в свою пользу, но сохранив за собою все остальные земли. Эти «дарственные» или «четверт-

ные» наделы, установленные в последний момент прохождения реформы в Государственном Совете, по предложению кн. Гагарина, давали возможность почти безземельного освобождения. Они применялись особенно успешно на востоке (Самарская, Саратовская губ.), где крестьяне надеялись, освободившись от платежей за землю, арендовать ее, так как в то время арендная плата в этих губерниях была ниже выкупных платежей. Поэтому, например, в Саратовской губ. до 107 тыс. крестьян (33%) перешло на дарственный надел, в Самарской — 39 тыс. (35%), в Екатеринославской — 40 тыс. (25%), в Симбирской — 40 тыс. (19%), в Воронежской — 45 тыс. (17%), в Пензенской — 36 тыс. (14%).

Сопоставив дореформенное крестьянское землепользование и сумму всех отрезков от дореформенных наделов, получим следующую таблицу [1]):

	Крестьян. землепользование до 1861 г.	Отрезки	
	тыс. дес.	тыс. дес.	%%
15 нечерноземных губерний . .	14 550	1 437	9,9
21 черноземная губерния . . .	14 619	3 825	26,2
Всего по 36 губ. .	29 169	5 262	18,1

Таким образом крестьяне лишились с реформой в черноземных губерниях до четверти своего дореформенного землепользования. В некоторых губерниях этот процент был особенно высок. Так, отрезки составляли в Самарской губ. 44% всего дореформенного землепользования, в Саратовской — 41%, в Полтавской и Екатеринославской — 40%, в Казанской — 32%, в Харьковской и Симбирской — 31% и т. д.

Условия наделения и градация повинностей [2])

Таковы были количественные итоги наделения. Не менее важным, чем размеры наделения, были условия, на которых наделялись крестьяне «помещичьей» землею. В этом отношении интересы помещиков разных районов также расходились. Земля наделялась крестьянам не в собственность, а лишь в «бессрочное пользование» за установленные повинности, размер которых через определенное число лет мог изменяться. Эти повинности могли состоять или в определенном

---

[1]) *Лосицкий*, Выкупная операция, 1906.

[2]) О повинностях и условиях наделения см *Скребицкий*, Крестьянское дело, т. III.

числе дней отработки на помещичьих землях (в барщинных имениях) или в определенных денежных оброках (в оброчных имениях). Крестьяне, получившие землю и обязанные за пользование ею выполнением повинностей, получали название «временно обязанных». Таким путем в сущности сохранялись и лишь несколько регламентировались прежние крепостные хозяйственные отношения, хотя бы и без «крепостного права».

В барщинных имениях за высший надел предполагалось отработочная повинность в размере 40 дней мужских и 30 женских с тягла в год, причем работа происходила по «урочному» положению и под наблюдением помещика. Другими словами, это было в чистом виде, хотя и регламентированное, крепостное право. Для оброчных имений в различных местностях за высшие размеры наделов установлены были высшие же размеры оброков в 12 р., 10 р., 9 р. и 8 р., причем за наделы меньших размеров, чем высшие, была принята изобретенная тверским комитетом так называемая «градация» оброков. По этой системе, например, в нечерноземной полосе, если для четырех-десятинного надела, оброк был установлен в 12 р., то, в случае меньших размеров надела, оброк платился так: за первую десятину половина, т. е. 6 руб., за вторую десятину — четверть, т. е. за две десятины 9 руб., остальная четверть раскладывалась на остальные две десятины. Таким путем нечерноземные помещики получали возможность, если это им было выгодно, дать крестьянам высший надел, если нет — дать уменьшенный надел, получив повышенную расценку для него. Это и был главный способ получения нечерноземными помещиками в повышенных расценках земли скрытого выкупа личности крестьянина.

Таким образом вся система исчисления крестьянских повинностей за землю представляла повторение крепостных отношений, притом часто даже в более тяжелых и невыгодных для крестьянина размерах. Но и для помещиков такое регламентированное крепостное хозяйство, конечно, не только не представляло какого-либо интереса, но представляло большую опасность. Поэтому-то они и стремились перейти от барщинных повинностей к оброчным и, по возможности, ускорить развязку «обязанных отношений». Кроме того, как говорил Унковский, помещикам нужны были «капиталы», и поэтому они были вдвойне заинтересованы в том, чтобы капитализировать причитающиеся им крестьянские повинности.

Выкупная операция

Этой цели ускорения развязки «временно обязанных» отношений и служила выкупная операции. По «добровольному» соглашению с помещиком крестьяне имели право выкупать свои «земли», т. е. повинности, и тогда из временно обязанных они превращались в «крестьян-собственников». И так как повинности крестьян помещику устанавливались не пропорционально доходности собственно земледельческого хозяйства, а покрывали все доходы помещика от права на крепостной труд, то оказалось, что, вообще говоря, выкуп земли значительно превосходил стоимость земли, хотя формально считалось, что выкупается только земля.

Самая операция выкупа была построена на следующих началах. Годовой оброк, установленный в пользу помещика, капитализировался из 6%, т. е. приравнивался к доходу, получаемому с капитала, приносящего 6%; например, при оброке в 6 руб. капитализация его давала 100 р. Эта капитализированная сумма называлась выкупною оценкою надела. Правительство брало на себя посредничество между помещиком и крестьянином в выплате этой суммы таким образом, что при заключении выкупной сделки оно уплачивало помещику 80% от этой суммы процентными бумагами (выкупными свидетельствами), приносящими 6% дохода; остальные 20% выкупной суммы, в случае добровольного соглашения на сделку, крестьяне должны уплатить помещику сами. В случае сделки по требованию помещика — его получение ограничивалось только этими 80%. Выданная помещику правительством сумма засчитывалась в выкупной долг крестьян правительству с рассрочкой уплаты ее в течение 49 лет со дня выдачи с платежом 6½% роста и погашения.

Развязка обязанных отношений

Переход на выкуп был необязателен, и фактически помещик по своему желанию мог или оставить крестьян в положении временно-обязанных или перевести, даже против желания крестьян, на выкуп, лишаясь в последнем случае лишь права на доплату 20%, так называемых «верхов». Но задержка в развязке временно-обязанных отношений была в общем невыгодна для помещика. К тому же и земельная задолженность его была очень велика. Поэтому переход на выкуп происходил довольно быстро, хотя еще в 1881 г., когда

[1]) Об организации выкупа см. *Скребицкий*, Крестьянское дело, т. IV, глава II.

переход на выкуп сделался обязательным, еще 15% крестьян осталось в положении временно-обязанных.

Если взять ту сумму платежей, которую заплатили крестьяне за землю по выкупу, и продажные цены на землю не только перед освобождением, но даже и после него, то окажется, что выкупная сумма была гораздо выше продажных цен. Именно, соответствующее сравнение дает нам следующие цифры в млн. руб. [1]):

	Ценность надела по продажным ценам		Ценность надела по выкупу	Премия помещиков за выкуп
	1854—58 г.	1863—72 г.		
Черноземн. губ.	219	284	342	123
Нечерноземн. губ. . .	155	180	342	187
Западные губ.	170	184	183	13

Если перелагать всю полученную помещиками премию на отчужденную ими землю, то окажется, что они продавали ее дороже бывших в то время средних цен: в черноземной полосе на 12,5 р. десятину, в нечерноземной — на 15,2 р. десятину. Это и была премия за выкуп «крепостных душ», переложенный формально на землю. Если перелагать эту стоимость именно на то, что она в действительности и выражала, т. е. на крепостные души, то окажется, что, выручив в выкупной операции полную стоимость земли, помещики получили, кроме того, благодаря повышенным выкупным оценкам, в черноземной полосе до 36,1 р. с крепостной души и в нечерноземной полосе — до 62,3 руб. с души.

Устройство других групп крестьян [2])

Необходимо отметить, что «Положение 19-го февраля 1861 г.» имело более широкое значение и касалось не только помещичьих крестьян. Оно в общем было положено в основу и земельного устройства других многочисленных категорий крестьян, с некоторыми лишь отклонениями в зависимости от различных условий. Особенно важное значение получило земельное устройство удельных и государственных крестьян. Положением 1863 г. все находившиеся в пользовании удельных крестьян земли были предоставлены не в постоянное их пользование, а в собственность, с применением обязательного выкупа, причем в выкупные платежи были обращены платившиеся раньше поземельные платежи. Всего удельных крестьян было 850

---

[1]) *Лосицкий*, Выкупная операция, Спб., 1906., стр. 16, прилож., табл. 1.

[2]) Об устройстве других групп крестьян см. *Лященко*, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, 1913.

тыс. чел., получивших до 3,6 млн. дес., по 4,2 дес. на душу, т. е. несколько больше помещичьих.

Другую очень крупную группу крестьянского населения — 16,5 млн. душ обоего пола — составляли государственные крестьяне. Положением 1866 г. за ними были закреплены все земли, находившиеся в их пользовании, но не в собственность, а в бессрочное пользование за определенные платежи, оброчную подать, изменяемую через 20 лет. Только с 1887 года эта оброчная подать была превращена в выкупные платежи. Всего государственных крестьян на основании этого было землеустроено в 27 губерниях первых двух очередей 5,7 млн. душ, получивших в среднем надел по 5,7 дес. на душу. Таким образом в отношении земельного обеспечения государственные крестьяне стояли в несколько лучшем положении не только сравнительно с помещичьими, но и с удельными.

Новая экономика помещичьего хозяйства

Таковы были земельные и финансовые платежные условия и результаты реформы 1861 г. и последующих актов 1863 — 66 гг., развивавших ее положения и распространивших их на другие категории крестьян. Конечно, решающее значение для новой экономики получило земельное устройство помещичьих крестьян. Но после того, как помещиком была так успешно произведена новая «экспроприация» значительной части крестьянской земли, а на крестьянское хозяйство возложено было обязательство выплачивать громадные платежи за отмененные крепостные повинности, сумел ли этот помещик поставить как свое хозяйство, так и хозяйство «освобожденных» крестьян, а вместе с тем и народное хозяйство всей страны в условия действительно свободного капиталистического развития?

Уже из изложения основ реформы можно было видеть, что таких условий ни в помещичьем, ни, тем более, в крестьянском хозяйстве создано не было. Что касается помещичьего хозяйства, то основная нужда в капитале для ведения хозяйства в новых условиях была удовлетворена лишь в небольшой части. Большая часть громадных выкупных платежей не могла быть употреблена производительно в сельском хозяйстве, так как она пошла на уплату уже имевшейся задолженности помещиков. К 1860 годам до 62% крепостных крестьян были заложены, и на помещичьих населенных имениях лежал долг в 398 млн. руб., т. е. свыше 53% их стоимости; весь же долг, лежавший на землевладении, достиг 425 млн. руб. Благодаря этому из крупных сумм, которые должны были поступить помещикам в виде выкупных платежей, значительная часть пошла на

уплату банковских долгов. Так, за первое десятилетие к 1871 году, из общего выкупного долга крестьян за приобретенную землю в 543 млн. руб., до 248 млн. руб. пошло на уплату банковских долгов. Но и из остальных сумм большая часть была ими непроизводительно прожита или направилась в промышленные отрасли.

Поэтому уже к 1870-м годам начинает отмечаться сокращение помещичьих запашек. Как отмечается в правительственной Валуевской комиссии, учрежденной для исследования положения сельского хозяйства в 1870-х годах, вслед за освобождением стала быстро происходить, кроме капиталистически развивавшихся хозяйств юга и югозапада, сокращение помещичьих запашек, вследствие недостатка средств на оборудование хозяйства и невыгодности вести его на капиталистических началах. Это касалось главным образом нечерноземных губерний и бывшего барщинного крепостного земледельческого центра. Помещичье хозяйство пошло здесь не по линии развития собственных производительных сил, а по линии использования крестьянского труда и хозяйства в целях эксплоатации своих земель. Те условия, в которые было поставлено это крестьянское хозяйство после реформы, способствовали развитию таких взаимоотношений.

Положение крестьянского хозяйства

Помимо отмеченного выше уменьшения размеров надела реформа принесла и крестьянскому и помещичьему хозяйству сильнейшее увеличение нужды в денежных средствах, вследствие быстрого развития в стране денежного хозяйства.

Что касается крестьянского хозяйства, то прежде всего сильно увеличились всевозможные платежи и повинности как в отношении к государству, так и в отношении к прежним владельцам. При этом большая часть повинностей перешла в денежную форму. Освободившись от натуральных повинностей помещику, но и то далеко не от всех, крестьянин принужден был нести перед государством ряд гораздо более тяжелых денежных; вместо прежней подушной подати и государственного сбора, на сельском населении стал лежать длинный ряд разнообразных сборов: выкупные платежи за землю бывших помещичьих и удельных крестьян, оброчная подать за землю бывших государственных крестьян, государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и др. Все эти платежи возросли сравнительно с дореформенными и абсолютно и особенно в денежной своей части. Одни денежные сборы различных

перечисленных платежей достигли 4 руб. 40 к. — 5 руб. на душу, или 1 рубль на десятину. Они ложились на крестьянское земледельческое хозяйство таким тяжелым бременем, что, по выводу официальной комиссии, «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян, в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела, без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность в 5 раз» [1]).

К тому же выводу о несоответствии платежей и доходности крестьянских наделов приходит и другая правительственная, податная комиссия, по расчету которой для нечерноземных губерний платежи бывших помещичьих крестьян при полном наделе составляют от 200 до 276% доходности земли, а в черноземной полосе — до 124% при среднем и до 200% при низшем наделе. «Отсюда, — говорит по этому поводу профессор Янсон, — для черноземного крестьянина то же стремление, что и для нечерноземного, к посторонним заработкам — не из желания увеличить свое благосостояние, а из нужды, чтобы прокормить, одеть семью и уплатить подати» [2]).

К сожалению, мы имеем очень мало данных для суждения о том, насколько видное место в крестьянском хозяйстве и бюджете занимали чисто денежные расходы до освобождения и после освобождения. Крепостная статистика сохранила, однако, несколько весьма подробных бюджетных описаний расходов крестьянской семьи на продовольствие, ведение хозяйства и пр. Но все же и из них видно, что доля денежной части в крестьянских приходо-расходах была незначительна [3]). После реформы она должна была возрасти чрезвычайно резко. Так, если даже взять только одни перечисленные выше повинности, которые теперь крестьянское хозяйство должно было нести исключительно в денежной форме, вместо прежнего преобладания натуральной, и которые составляли большую часть денежных крестьянских расходов, то с реформой они должны были возрасти не менее, как вдвое.

Итак, вместе с освобождением от личной зависимости помещику, крестьянскому хозяйству была поставлена задача, далеко не легко разрешимая. «Освобожденное» от значительной и лучшей ча-

[1]) Доклад высочайше учрежденной комиссии, стр. 35.

[2]) *Янсон*, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, стр. 33 и 81

[3]) *Лященко*. Очерки, гл IV.

сти находившейся в его пользовании земли в плодородных районах, заплатив за нее по чрезмерно повышенной оценке, освободившись от натуральных повинностей, — крестьянское земледельческое хозяйство должно было с этих уменьшенных наделов добывать значительно большие, чем прежде, суммы для исполнения этих повинностей, притом уже не через помещика, а самостоятельно и непосредственно реализируя на рынке свои земледельческие продукты в денежную форму.

Брошенное в круговорот денежного обращения, при искусственно созданном малоземелье и невозможности правильной постановки и развития производительных сил своего хозяйства, крестьянское хозяйство должно было стремиться к экстенсивному, количественному расширению своего производства, к выработке наибольшей массы продукта. Отсюда и возникла столь характерная для всего пореформенного времени погоня за землей, ради выработки лишнего пуда хлеба — этого единственного товара, который в громадном большинстве местностей только и могло производить на рынок крестьянское хозяйство. Своей земли было недостаточно — и помещичьи поля стали по-старому, как и при крепостном хозяйстве, частью за денежную уплату, а большею частью даже за прежнюю натуральную оплату отработками или исполу, обрабатываться крестьянами, крестьянским инвентарем и скотом.

Если в земледельческом центре крестьянство искало выхода из положения в усиленной распашке собственных и в аренде помещичьих земель, то в южных и восточных губерниях как крестьянское, так и помещичье хозяйство стало на чисто предпринимательские, капиталистические начала, работая с помощью применения вольнонаемного труда, машин, все более развивая свою товарную продукцию. Наконец, в нечерноземной полосе крестьянский труд все более усиленно начинает отливать от земледельческого хозяйства вообще в область промышленности. Все это в сильной степени усиливает дифференциацию районов, создает широкий внутренний рынок, развитие торгового земледелия, внутреннее классовое расслоение деревни, усиливает промышленный характер нечерноземной полосы, спрос ее на продукты южного земледелия, также как сбыт ее промышленных продуктов в земледельческие районы. Если к этому прибавить, что одновременно с реформой начинается усиленное железнодорожное строительство, также не имевшее почвы для своего развития при крепостном праве, то станет ясным, что с падением системы крепостного хозяйства должны были развиваться

силы, быстрым темпом ведущие народное хозяйство к новым, капиталистическим условиям.

При всем том, однако, условия, в которых была осуществлена реформа, способствовали также и тому, что и при новых условиях пережитки крепостных хозяйственных отношений сохранились еще на долгое время. С отпадением «вне-экономического принуждения», поскольку оно выражалось в голой форме крепостного права (замененного в значительной степени и лишь в другой форме новой полицейско-дворянской властью), помещик получил новые, экономические орудия для воздействия на крестьянское хозяйство и для извлечения из него своих выгод и новых рентных доходов. Высота этих доходов от кабально-земельной эксплоатации крестьянского хозяйства была настолько значительна, что сравнительно с нею часто не представляло выгод собственное предпринимательское хозяйство на капиталистических началах. К тому же для этого последнего помещичье хозяйство часто не имело ни достаточных средств, ни уменья. Поэтому в значительном числе районов и местностей — и в том числе на первом месте в старом крепостническом районе земледельческого центра — помещичье хозяйство после реформы организуется не столько на новых предпринимательски-капиталистических началах, сколько на началах преобладающей кабальной эксплоатации крестьянского хозяйства в связи с его земельным голодом и в форме земельного ростовщичества.

Все это крайне задерживало возможность прогрессивного развития производительных сил страны вообще и в особенности в области сельского хозяйства. Только районы, издавна более свободные от крепостничества, и более сильные экономические группы помещичьего хозяйства начинают более быстро итти по пути капиталистического хозяйства. Точно так же и в крестьянском хозяйстве элементы тяжелой экономической кабальной зависимости от поместного хозяйства сохраняются еще долго, еще более способствуя расслоению крестьянского хозяйства на противоположные экономические и социальные группы. Это влияние пережитков крепостничества сохраняются в нашей экономической и общественной жизни, как мы увидим далее, надолго, пережив даже первую революцию 1905 года и будучи окончательно уничтожено лишь Октябрьской революцией вместе с уничтожением вообще частной земельной собственности.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература о *реформе* 1861 г. в значительной степени касается лишь внешней ее истории, притом благодаря прежним цензурным условиям почти исключительно в официальных версиях. Только в 1900-х годах с архивных материалов по крестьянской реформе снимается печать тайны, и появляется ряд новых исследований. Из наиболее старых историй реформы: *Семенов*, Освобождение крестьян в царствование Александра II, 3 т, 1889—1893. — *Иванюков*, Падение крепостного права в России, 1903. — *Энгельман*, История крепостного права в России, 1900. — *Ходский*, Земля и земледелец, т. II, 1891. Из более новых: *Лященко*, Последний секретный комитет по крестьянскому делу, 1911. — *Его же*, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика (по архивным данным), 1913.— *Корнилов*, Великая реформа, 1905. — *Кованько*, Реформа 19 февраля 1861 года, 1914 — *Лосицкий*, Выкупная операция, 1906

Источники: Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т I—IV, Бонн на Рейне, 1862—1868 гг. — «Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», I—XVIII. 1859—1860 — «Второе издание». Журналы и доклады, т. I—XVII. 1859—1860.— «Приложения к трудам редакционных комиссий». Сведения о помещичьих имениях, 1860. — «Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу», — I—II, 1915.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ.

Глава XIV.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.

Общие условия формирования капитализма

Официальное падение системы крепостного хозяйства в 1861 году (вернее в 1863 г., поскольку в течение двух лет «переходного периода» все оставалось по старому) может считаться лишь весьма условной гранью, разделяющей две эпохи хозяйственного развития,—эпоху крепостного хозяйства и торгового капитализма от буржуазной эпохи промышленного капитализма. Эта условность сказывается как в процессе отмирания остатков крепостных хозяйственных форм и общественных отношений, так и в процессе зарождения и развития новых форм промышленного капитализма, постепенно придающего буржуазную оболочку всему пореформенному хозяйству, обществу и государству. Преобразованные остатки крепостных форм и отношении мы встречаем много лет спустя после 1861 года, также как зачатки чисто буржуазных отношений промышленного капитализма, хотя бы и своеобразно преломляемые через призму крепостного хозяйства, мы видим в некоторых областях хозяйства много раньше 1861 года.

И тем не менее, если этот год мы все же можем считать гранью, разделяющей две исторические хозяйственные эпохи, то лишь потому, что именно к этому времени относится формальное устранение тех основных препятствий, которые стояли на пути развития промышленного капитализма. 1861 год таким образом не создал новых предпосылок для развития капитализма, поскольку эти предпосылки частью созданы были уже в недрах крепостного хозяйства. частью, наоборот, стали создаваться только после его ликвидации. Но им была расчищена почва для окончательного закрепления не-

обходимых условий промышленного капиталистического развития. устранена формальная надстройка, в целом уже пережившая развитие своей экономической базы. Тем не менее, однако, отдельные части этой старой экономики оказались еще настолько живучими, и социальная сила их настолько значительной, что новая экономика, получив формальную свободу и все основные предпосылки для своего развития, унаследовала такое экономическое и социальное прошлое, которое наложило отпечаток и на характер и на темп этого развития промышленного капитализма.

Промышленный капитализм, как известно, предполагает прежде всего, как основную предпосылку, развитие товарного хозяйства, возникающего на почве разложения натурального хозяйства и общественного разделения труда. В конечном счете это сводится, таким образом, к возникновению рынка как основной среды для развития капитализма, притом рынка не мелкого и местного, а массового и «национального», поскольку промышленный капитализм создается всегда—как минимум и как первая ступень—в рамках «национального», «народного» хозяйства. В свою очередь, для возможности создания такого широкого рынка в «национальном» масштабе, особенно при обширности территории страны, требуется важнейшая техническая предпосылка — усовершенствованные пути сообщения, паровой железнодорожный и водный транспорт. Далее, промышленный капитализм требует предварительного образования и накопления более или менее крупных денежных капиталов, которые преобразуются в материальный субстрат промышленного капиталистического предприятия — в его основной капитал, его фабричные здания, машины и проч. Наконец, переход к промышленному капитализму может иметь место лишь в том случае, если создана третья основная его предпосылка — создание свободных рабочих рук как основной движущей силы развития промышленного капитализма. К этому необходимо добавить, что все эти экономические предпосылки происходят на технической базе крупного производства, в форме машинного производства, становящейся характерным признаком капиталистического производства, в противоположность предшествующим формам ремесленного и переходного мануфактурного производства.

Как известно, в наиболее типичных формах такой ход зарождения и развития промышленного капитализма имелся в Англии, на примере хозяйственного развития которой Марксом был изучен ход и создана схема «первоначального накопления» и дальнейшей

эволюции промышленого капитализма. В какой же мере в русском хозяйственном развитии капиталистической эпохи мы имеем явления, аналогичные или тождественные с этой классической схемой, и в какой степени в недрах нашего крепостного хозяйства были созданы указанные основные предпосылки промышленного капитализма?

Накопление капитала

Основные предпосылки зарождения у нас промышленного капитализма были в значительной своей части подготовлены и созданы в предшествующий период торгового капитализма и крепостного хозяйства, но в гораздо менее развитой форме. чем в странах Западной Европы, особенно в Англии Процесс первоначального накопления, происходивший в Западной Европе бурным темпом, на почве мировой колониальной политики и мирового грабежа, происходил у нас, как мы видили, в тех же формах грабежа, колониальной политики и накопления торогового капитала, но не в мировом, а — в особенности в эпоху Московского государства—более в провинциальном и менее крупном масштабе. Неправильно было бы предполагать, что колониальные источники первоначального накопления у нас отсутствовали. К таким колониальным источникам первоначального накопления в прямом виде следует отнести и деятельность, например, русско-американской торговой компании 1819 года, которая «приобрела отечеству острова и земли», а себе «упромыслила» 16 млн. рублей капитала; таковы войны николаевской эпохи, такова завоевательная политика в Закавказье и в Ср. Азии. Но во всяком случае этот колониальный источник первоначального накопления имел у нас все же меньшее значение, чем в Западной Европе, и потому это накопление происходило в более медленном темпе и с меньшим количественным результатом, хотя по существу в тех же формах. Главный источник образования денежных капиталов — внешняя и колониальная торговля — в период бурного начального развития капитализма в Западной Европе у нас не только не возростал, но относительно падал в своем темпе и удельном весе. За 50 лет последней четверти XVIII в. этот источник дал немного более 130 млн. рублей активного баланса, т. е. в среднем всего около 3 млн. рублей в год.

Однако, пореформенная эпоха вносит весьма существенное изменение в положение внешней торговли как источника накопления: с 1860-х годов сильно увеличиваются размеры вывоза вообще, а с 1890-х годов и баланс ее становится положительным. Вот цифры в

среднем по пятилетиям годового ввоза и вывоза в миллионах рублей:

Годы	Вывоз	Привоз	Баланс + или —
1861—65	225,8	206,7	+ 19,1
1866—70	317,3	317,8	— 0,5
1871—75	470,6	565,8	— 95,2
1876—80	527,3	517,8	+ 9,5
1881—85	549,9	494,3	+ 55,6
1886—90	630,9	392,3	+ 238,6
1891—95	621,4	463,5	+ 157,9
1896—900	698,2	607,3	+ 90,9

Отсюда видно, что после отрицательного баланса 1865—80 гг., как результата слабой еще экспортной способности и увеличения в то же время ввоза, уже с 1886 — 90 гг. начинается усиленное влияние внешней торговли на внутреннее накопление. При этом необходимо отметить, что собственно активность баланса еще не является показателем абсолютных размеров накопления и вскрывает лишь его динамику. Размеры же внутреннего накопления вообще, и в частности в промышленности, косвенным образом могут характеризоваться или вообще размером торговых прибылей, извлекаемых от внешней торговли, или, например, таким признаком, как увеличение ввоза машин, т. е. направлением ввоза на обслуживание промышленности страны средствами производства. Приведем по этому вопросу несколько иллюстраций.

Привоз к нам машин и всякого рода инструментов в среднем по пятилетиям был в год (в млн. руб.):

1861—65 8,4	1881—85 23,0
1865—70 19,8	1886—90 20,4
1870—75 32,3	1891—95 37,0
1876—80 53,5	

Таким образом внешняя торговля давала в 1870-х годах уже до 53 млн. рублей в год, оседавших в промышленности в виде основного капитала — машин, орудий производства и проч.

Что касается торговых прибылей, то, в виду чрезвычайной трудности подсчета прибылей от всех отраслей внешней торговли, приведем примерный подсчет торговых прибылей, получаемых торговым капиталом от внешней торговли хлебом.

В дореформенное десятилетие 1851 — 60 гг. всего было вывезено хлебов на сумму 85,7 миллиона рублей, в 1861 — 70 г. на сумму

165,1 миллиона рублей. За время с 1870 — 1900 г. из России было вывезено всех хлебов до 10,4 миллиарда пудов по таможенной оценке на сумму до 8,3 миллиарда рублей. Если считать, что торговое посредничество во всех своих инстанциях при продвижении хлеба в этой цене получало едва ли менее 15—20%, то общая сумма прибыли торгового капитала от заграничного хлебного экспорта за время 1870—1900 гг. определится примерно в 1,0—1,5 миллиарда рублей за 30 лет, т. е. около 50 миллионов рублей в год, тогда как в 1851—60 гг. эта сумма торговой прибыли от хлебного экспорта была не более 8 миллионов рублей в год, а в 1861—70 гг. не более 15 миллионов рублей в год.

Другим источником накопления торгового капитала являлась внутренняя торговля. Она в крепостную эпоху имела более крупное значение, чем внешняя. К сожалению, сколько-нибудь точных данных о ней за это время не имеется. По отдельным приблизительным подсчетам обороты ее только в течение первой четверти XIX века возросли почти в 4 раза, дойдя до 900 миллионов рублей, а торговые прибыли, очевидно, составляли не менее 90 — 100 миллионов рублей в год. Среди торговцев 1840-х годов современники и иностранные наблюдатели часто называют крупных торговцев, обладающих 4—5 миллионами руб. капитала (Гакстгаузен) и являющихся «страшными монополистами», держащими в своих руках целые отрасли торговли хлебом, мануфактурой и пр. в крупных районах.

Конечно, абсолютные цифры торговых оборотов и прибылей не поддаются сколько-нибудь точному учету, но все же динамика торгового накопления после реформы видна из следующих приблизительных цифр официального учета торговых оборотов внутренней торговли в целях обложения[1]). В 1873 г. сумма торговых оборотов этих предприятий (без мелких видов торговли) исчислялась в 2 400 миллионов рублей, в 1885 г. — в 5 440 миллионов рублей, в 1890 г.—в 7 755 миллионов рублей, в 1895 г.— в 9 690 миллионов рублей и в 1898 г.—в 9 903 миллиона рублей. Если считать, что в среднем для всех видов торговли капитал оборачивался в год примерно 3 раза, то сумма оборотного капитала, вложенного в торговлю за рассматриваемое время, возросла с 800 миллионов до 3 300 миллионов (или, если принимать в 1898 г. ускорение оборота капитала до 4 раз, — 2 500 миллионов руб.). При этом следует отметить то

[1]) «Свод данных о торговых сборах в России», 1886—1900 гг. и «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов», Изд. Деп Торг. и Мануф., 1885—1900.

обстоятельство, что торговые прибыли все в меньшей степени основывались на оборотах сел.-хоз. продукции: в 1885 г. из 5 440 миллионов рублей оборота 2 905 миллионов рублей приходится на банки, ссудные кассы, транспортные предприятия, и из остальных 2 535 миллионов рублей на торговлю сел.-хоз. продуктами только 526 миллионов рублей, или около 9,6% всех оборотов. В 1898 году, несмотря на общее увеличение всего торгово-капиталистического обращения почти в 2 раза, процент оборотов с сел.-хоз. товарами понизился до 8,7%. Наоборот, все бо́льшая доля капитала оседала из торгового обращения в виде банкового и промышленного капитала: за то же время, например, вклады и текущие счета коммерческих банков увеличились с 78 миллионов рублей в 1870 г. до 230 миллионов рублей в 1890 г., а обороты промышленных предприятий, обложенных раскладочным сбором, увеличились с 529 миллионов рублей в 1885 г. до 879 миллионов рублей в 1896 году. Торговое накопление таким образом быстро концентрировалось в банках и переливалось в формы промышленного капитала, выходя уже из рамок «первоначального» накопления.

Не меньшую, а пожалуй даже более крупную роль в первоначальном накоплении играли у нас еще в период крепостного хозяйства такие «отпрыски мануфактурного периода», по выражению Маркса, как государственные долги, налоги, протекционизм и, наконец, откупа. Государственный долг накануне реформы исчислялся уже в 807 миллионов рублей, и хотя он шел в громадной степени на непроизводительные, преимущественно военные цели, но все же в форме внутренних займов он оседал в стране и способствовал концентрации капитала. В 1876 г. государственный долг исчислен уже в 3,9 миллиарда рублей, в 1892 г. в 4,9 миллиарда, а в 1903 г. в 6,7 миллиарда. Наконец, к этого рода внутренним источникам накопления денежных капиталов следует отнести и систему откупов и монополий, среди которых винные откупа были одним из главнейших и неисчерпаемых источников накопления. Если принять во внимание, что одни винные откупа накануне реформы доставляли казне чистого дохода до 45—55 миллионов рублей в год, а прибыли откупщика (они были вообще гомерические) составляли сумму, едва ли меньшую, чем эти доходы казны, то отсюда можно видеть, насколько велик был этот источник накопления.

Послереформенная экономика уничтожила некоторые из этих источников накопления, в частности систему откупов, но зато

открыла новые богатые источники прилива капитала в промышленность. Таким источником были, как результат той же «экспроприации» земледельческого населения, выкупные платежи, получаемые помещиком за освобожденных крестьян. К этим поступлениям землевладельческих классов следует присоединить и те суммы, которые они стали получать от продажи своих земель и которые в известной части пошли на накопление капитала в промышленность. Так, эти два вида капитальных поступлений, полученных дворянством после реформы, определяются следующими приблизительными цифрами в миллионах рублей (Маслов).

Годы	Выкупная ссуда	Выручка от продажи	Итого
1863—72	607,2	115	722
1872—82	158,2	219	377
1883—92	100,0	304	404
1893—97	6,2	207	213

Итого за 30 лет дворянством было капитализировано до 1,7 миллиарда рублей, частью, конечно, прожитых и потребленных непроизводительно, но частью вошедших в те национальные фонды накопления, которые стали к этому времени отлагаться в банках или реализироваться в железных дорогах, промышленных предприятиях, акционерных капиталах и проч.

Состояние материалов не дает возможности сделать какой-либо итоговый подсчет того первоначального накопления, которое было создано в течение двух веков торгового капитализма и к началу эпохи нашего промышленного капитализма. Можно лишь констатировать, что внешняя торговля, внутренняя торговля, система государственных финансов, капитализация землевладельческих доходов — были главными источниками, создавшими вполне достаточные размеры этого накопления. Дальнейшей эпохе промышленного капитализма оставалось лишь возможно быстро умножить капитальные фонды, переданные ему эпохой торгового капитала.

Необходимо отметить, что все эти источники накопления почти целиком упирались в крестьянское хозяйство и шли за счет его эксплоатации и разорения. Такие источники, как откупа, особенно открыто и цинично основывались на спаивании крестьян и на разорении крестьянского хозяйства. Но и другие источники накопления вели свое начало из того же разорения, хотя и проходили по более запутанному руслу. Внутренний рынок и высокие прибыли от вну-

треннеи торговли питались главным потребителем — крестьянином. На внешний рынок шло в подавляющем количестве сельскохозяйственное крестьянское сырье, побеждающее другие конкурирующие страны только своей дешевизной, нищенской оплатой крестьянского труда, недоеданием самого производителя. Железные дороги оплачивали свое дорогое хозяйство главным образом за счет перевозок того же крестьянского хлеба. Банки развивались в значительной мере за счет общегосударственных средств и того же главного плательщика-крестьянина. В результате, платежи, платимые крестьянами уже в 1870-х годах, везде превышали доходность земли, в некоторых губерниях в два-три раза.

Образование внутреннего рынка

Другая необходимая для промышленного капитализма предпосылка — образование внутреннего рынка — также уже в эпоху крепостного хозяйства и особенно с XIX века, как мы видели, намечает свои вполне определенные контуры на почве географической и экономической дифференциации страны, особенно в виде резкого хозяйственного различия между промышленным нечерноземным севером и земледельческим черноземным югом. Но и в этом отношении вся экономика крепостного хозяйства противопоставляла такому развитию внутреннего рынка ряд существеннейших препятствий. Развитие денежного хозяйства задерживалось и все еще сохранившимися натуральными отношениями в крестьянском и помещичьем хозяйстве. экономической сущностью крестьянского крепостного тягла, его недифференцированностью, связанностью с землею.

В этом отношении реформа 1861 года, резко изменив экономику как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, бросив последнее в круговорот денежного хозяйства, должна была вместе с тем дать и окончательный толчок к сформированию «национального» внутреннего рынка. В производстве—с распадением вне-экономической основы «права» на крепостной труд и его прибавочный продукт — новая производственная экономика стала развиваться на базе новой капиталистической эксплоатации и новой капиталистической техники. В обращении — с отпадением той крепостной основы, которая в виде подводной повинности поддерживала единство «национального» рынка в крепостной системе, — выдвинулась необходимость новой капиталистической техники обращения, в виде железных дорог, банков, кредита и проч.

Быстрота этого образования единого внутреннего рынка, скованного после реформы железными дорогами, лучше всего обнару-

жается в росте железнодорожной сети. Тогда как ко времени реформы мы имели всего 1488 вер. жел.-дор. путей, к 1871 г. уже 10 202 вер., к 1881 г. 21 155 вер и к 1891 г. 28 093 вер. Это жел.-дор. движение охватывало в 1880 — 84 гг. 2 707 млн. пуд., а в 1895 — 1898 гг. 6 470 млн. пуд., т. е. грузооборот увеличился более чем в 17 раз, а пробег этих грузов увеличился за то же время с 72,9 миллиарда пудоверст до 1 504,5 миллиарда пудоверст, т. е. более чем в 20 раз. Значительно увеличилось также и пассажирское движение, которое возросло за это время с 10 миллионов человек до 66 миллионов.

Если к этим цифрам новых железнодорожных путей сообщения прибавить цифры старых водных путей сообщения, также сильно выросших с 1870-х годов, благодаря развитию парового транспорта (в 1880-х годах уже около одного миллиарда пудов перевозок), и если вспомнить, что весь гужевой помещичий крепостной транспорт исчислялся примерно около 3 миллионов подвод, перевозя едва ли более 100 миллионов пудов в год, — то станет ясно, как велика была «промышленная революция» в транспорте в 1860—1870 гг.

Не менее резкий революционный переворот произошел и в другой области капиталистической организации рынка — в области кредита. Для характеристики величины этого переворота достаточно сопоставить лишь две цифры: 15 миллионов коммерческого кредита в год до реформы и 656 миллионов рублей коммерческого кредита в кредитной сети 1873 года.

Понятно, что этот быстрый рост внутреннего рынка и капиталистической его организации мог итти лишь при одном условии: при полном разрушении натурально хозяйственного строя, при разложении массы мелких производителей, еще недавно хозяйственно самодовлеющих и независимых от рынка. Капиталист торговец и капиталистический рынок в национальном масштабе образуются лишь тогда, когда в национальном же масштабе произошла дифференциация населения на производителя и потребителя, продавца и покупателя, притом продавца и покупателя не только продуктов-товаров, но и рабочей силы.

Образование пролетариата

Мы подходим таким образом к третьему элементу формирования промышленного капитализма — к процессу обезземеливания мелкого самостоятельного производителя и образования пролетариата.

Этот процесс, проходивший в Англии весьма рано (XVI — XVIII вв.) и весьма бурно, у нас происходил также в особых фор-

мах и гораздо более замедленно. Он начался в сущности еще в рамках крепостного хозяйства и не столько в форме присвоения земли, сколько в форме присвоения продукта труда и самого его носителя — крестьянина. Этот чисто крепостной способ экспроприации самостоятельного производителя являлся методом, противоположным западно-европейскому капиталистическому «освобождению» производителя от средств производства и превращения его в «свободного» пролетария. Вот почему догма о самобытности нашего экономического развития — крепостной по своей сущности — надолго была усвоена не только нашими крепостниками, как политический принцип, но и многочисленными разветвлениями народников, начиная с славянофилов, как антитеза пролетаризации населения на Западе.

Поэтому только тогда, когда был поставлен вопрос об уничтожении этого «права» на экспроприацию продукта труда и самой личности крестьянина, был в сущности поставлен и положительно решен вопрос об «экспроприации земли»: последний этап обезземеливания, как социально-экономической предпосылки развития промышленного капитализма, произошел у нас в сущности лишь к средине XIX века. Вместе с тем и образование промышленного пролетариата не могло итти у нас таким быстрым темпом, отвечающим быстрому темпу развития промышленности. Крепостное хозяйство не только не окончательно закрывало возможность образования промышленных рабочих, но, наоборот, в оброчной системе нашло выгодный для себя способ увеличения доходов. Другим способом образования свободных пролетариев явилось превращение пашенных крепостных крестьян в дворовые, число которых в последние 20 лет перед реформой увеличилось в 1½ раза, до 1,46 млн. душ обоего пола.

Но тем не менее все же крепостное хозяйство задерживало и экономически стесняло образование класса профессиональных промышленных рабочих. Поэтому ни с количественной, ни с качественной стороны сформировавшиеся в крепостном хозяйстве кадры промышленных рабочих не могли удовлетворять потребностям развивающейся капиталистической промышленности. Крепостная система обусловила оригинальные и «самобытные» общественные отношения, слагавшиеся между крестьянином-рабочим, с одной стороны, и помещиком-фабрикантом — с другой. Крестьянин превращался в фабричного рабочего, становился в экономическую зависимость, — подчинение и эксплоатацию, — к фабриканту, оста-

ваясь в то же время крепостным крестьянином, т.-е. находясь в известных общественных отношениях крепостной зависимости и от помещика.

Таким образом косвенно слагались и отношения промышленного капиталиста к крепостному помещику. первый должен был в заработной плате крепостного фабричного рабочего, оброчного крестьянина, платить помещику его ренту — оброк. И помещик, в целях экономического давления на получение этой своей ренты, мог в каждое время (до закона 1835 г.) отозвать своего рабочего-крестьянина с фабрики. Понятно, что такое положение, выгодное для крепостного помещика, было нетерпимо для промышленного фабриканта. Поэтому реформа 1861 года не только должна была устранить все эти препятствия, но и в количественном отношении дать сильный толчок для образования кадра настоящего «свободного» пролетариата.

Образование безземельного крестьянства открыто было проведено реформой 1861 года для следующих групп бывших крепостных крестьян. Во-первых, для помещичьих дворовых и месячников, которых накануне реформы насчитывалось до 1461 тыс. душ обоего пола; к ним следует присоединить 12 тысяч крепостных, принадлежавших беспоместным дворянам, и часть крестьян мелкопоместных имении, в количестве 137 тыс. душ, не получивших наделов. Второй группой уже вполне пролетаризированного населения являлись бывшие крепостные крестьяне вотчинных фабрик; их насчитывалось к моменту освобождения до 59 тыс. душ. Далее следуют крестьяне казенных заводов и фабрик в количестве 386 тыс. душ обоего пола и сверх того 230 тысяч мастеровых казенных горных заводов. Наконец, приписанных к частным заводам на посессионном праве 519 тыс. душ обоего пола. Итого всех этих групп, не получивших наделов землей в реформе 1861 г., было до 2,8 млн. душ обоего пола, а с некоторыми другими группами безземельного освобождения около 3 млн. душ обоего пола [1]), не считая таких кадров, как бывшие отставные солдаты, кантонисты и др., с которыми, по подсчетам Лохтина, число обезземеленного реформой населения, определится до 2,6 млн. душ мужского пола или 11,4% крестьянства [2]).

Но этим не исчерпываются те кадры безземельного пролетариата, которые были уже в 1861 году. Не менее важным для них

[1]) *Лященко*, Крестьянское дело, введение

[2]) *Лохтин*, Безземельный пролетариат в России, стр. 30.

источником явилось то крайне недостаточное наделение, которое создавало из наделенных крестьян лишь «рабочих с наделом». Если считать за таковых крестьян, получивших надел менее 1 десятины, то их окажется 5.5% ревизских душ мужского пола или до 1 млн. душ обоего пола.

Таким образом кадры безземельного крестьянства, созданного реформой, можно определить, примерно, до 4 миллионов душ обоего пола. Эта масса и составила то «скрытое перенаселение», которое стало питать развивающийся город и промышленность. В последующие годы, чем больше росли эти последние, тем большую массу отхода из деревни и превращения в городских пролетариев давала эта масса «крестьянства» по названию и паспорту. На это постоянное увеличение отхода показывает рост выдач так называемых «долгосрочных паспортов» крестьянам, что свидетельствует о полном разрыве их с своим сельским хозяйством: число таких паспортов, достигавшее в 1861 — 1870 гг. 59.2 тыс. в год, в 1891 — 1900 гг. возросло до 1845 тыс. И тем не менее, несмотря на такой отлив из деревни этих безземельных, число их в деревне не уменьшилось: обследования 1893—1897 гг. исчисляют число безземельного сельского населения в 7% с числом душ до 4,3 млн., причем в некоторых губерниях процент их достигает 11—17% (в Полтавской 11,4%, Нижегородской 11,6%, Киевской 14,7%).

Однако фактическое обезземеливание населения было значительно больше этих цифр «формально-безземельного» населения, так как значительная доля «земельных» дворов своей землей не пользовалась. Для обозначения хозяйственного положения различных групп такого фактически безземельного населения земские переписи 1880—1890 гг. пользовались названиями «бесхозяйных», «бездомовых», —не сеющих» дворов. Для 140 уездов Европейской России, по переписям 1890-х годов, число таких «бесхозяйных» дворов определяется в 10%, а «бездомовых» в 4,7% [1]), а по подсчетам Лохтина общее количество обезземеленных крестьян всех видов (считая и наделенных до 1 десятины) составляло в 1905 году 19,4% всего наличного крестьянского населения Европейской России.

Конечно, далеко не вся эта масса составляет «пролетаризованное» население, так как в нее входила часть крестьян, разорвавших с землей, но занятых торговлей, промыслами и проч. Но все же из этих цифр видно, что в нашей экономике промышленного капи-

[1]) *Благовещенский*, Сводный статистич. сборник хозяйств. сведений по земским подворным переписям, М., 1893.

тализма уже в 1880-е годы образовались весьма крупные запасы того «скрытого» перенаселения, которое пополняло кадры промышленного пролетариата. Если считать, что число промышленных рабочих, занятых в крупной промышленности к концу XIX века, определялось, примерно, в 3 млн. человек (а с семейным составом свыше 7 млн. человек), то, очевидно, «резервная армия» капитализма обеспечивала его рабочими в тройном, примерно, количестве сравнительно с «действующей» армией.

Такую колоссальную армию создало развитие капитализма за 35—40 лет своего существования.

Из этой резервной армии в первую очередь формировался необходимый для него промышленный пролетариат, из нее же формировались кадры сел.-хоз. рабочих, в особенности для капиталистических районов юга; она давала главную массу для новой капиталистической экономики, в виде колонизированных новых территорий; она же служила источником быстрого роста городского населения и в результате, следовательно, обусловливала быстрый рост рынка для того же капитализма. Благодаря этому, например, городское население растет вдвое быстрее общего роста населения: тогда как в 1863 г. из 61,4 млн. населения Европейской России в городах жило 6,1 млн. (9,9%), в 1897 году из 94 млн. в городах жило 12,0 млн. (12,8%); другими словами, сельское население увеличилось на 48,5%, городское на 97% (Ленин).

С другой стороны, насколько велико было поглощение этой резервной армии капиталистическим хозяйством юга, показывают такие цифры. По подсчетам Короленко, для конца 1880-х годов в 15 губерниях преимущественно перенаселенного земледельческого центра избыток рабочих рук сравнительно с местным спросом на них достигал 6 360 тыс. человек, которые и составляли громадную армию, шедшую как на север в промышленные центры, так и особенно на юг, где недостаток рабочих рук для сельского хозяйства исчисляется им до 2 173 тыс. человек[1]). По другим же подсчетам, на основании данных земской статистики для 148 уездов Европейской России, из 5,1 млн. работников мужского пола было около 2,8 млн. «промышленников», т. е. занятых наемным трудом в промышленности, и 2,3 млн. занятых «сел.-хоз. промыслами», т. е. наймом на сел.-хоз. работы, что составляло до 25% всех мужчин работников в черноземной полосе и 10% в нечерноземной. А рас-

[1]) Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. V. Короленко, Вольнонаемный труд, 1892 г.

пространяя этот процент на всю Европейскую Россию, это даст как минимум 3½ млн. сел.-хоз. батраков[1]). Таким образом и сел.-хоз. капитализм имел уже значительную армию сел.хоз. пролетариата.

Однако, ход разложения и пролетаризации крестьянства шел быстрее, чем открывались возможности его поглощения промышленным и сел.-хоз. капитализмом. Отсюда, уже с 1880-х годов начинает происходить выбрасывание освобождающихся рабочих рук в виде переселения в Сибирь и на восток. Главная масса этих переселенцев формировалась если не всецело из безлошадных и безземельных, то, во всяком случае, имеющих не более 1 дес. надела. Уже в 1882 году, когда переселение находилось еще под законодательным запретом (чтобы не лишать помещиков на местах дешевых рабочих рук), учтено было 10 тыс. «самовольных» переселенцев; в 1889 г. число переселенцев достигает 37,7 тыс., в 1891 г.—82,1 тыс., в 1895 г.—108,3 тыс., в 1896 г.—202,3 тыс. и в 1899 г.—223,9 тыс. Так шло выбрасывание излишних рабочих рук капитализмом, а вместе с тем — расширение на восток рынка для сбыта его продуктов.

Промышленная техника

Перейдем теперь к рассмотрению последнего момента промышленного капитализма — к созданию промышленной капиталистической техники.

В Западной Европе эта капиталистическая техника сменила имевшуюся до нее «мануфактурную» путем промышленной революции в конце XVIII в. и в начале XIX в. Этот промышленный переворот происходил у нас также с значительным запозданием и вначале значительно более медленно и только в последние десятилетия XIXв., под влиянием иностранного капитала, наоборот, весьма быстро.

Конечно, капиталистическая машинная и фабричная техника не могла в законченных формах создаться у нас в рамках крепостного хозяйства. Поэтому, поскольку в конце XVIII ст. в промышленной технике вообще как на Западе, так и у нас, преобладала мануфактура, Россия в некоторых отраслях, например, в тяжелой индустрии стояла, как мы видели, впереди наиболее передовой промышленной страны, Англии. Но уже к первой четверти XIX века промышленное развитие Англии быстро ликвидирует это промышленное первенство России, и к середине столетия последняя становится

[1]) *Руднев*, Промыслы крестьян Европейской России, Сборник Саратовского Земства, 1891 г., ср. также *Ленин*, т. III

уже одной из отсталых промышленных стран. Железоделательная крепостная промышленность Урала, не знавшая паровых машин и до середины XIX века работавшая на примитивных кричных горнах, обнаружившая полнейший технический застой, представляет лучший пример невозможности какой-либо «промышленной революции» в рамках крепостной системы.

Но все же необходимо сказать, что даже и в этом отношении технические предпосылки промышленного капитализма начали созревать еще в недрах крепостной системы: наша легкая хлопчатобумажная индустрия, наиболее далеко стоявшая от крепостничества, вообще наиболее рано, уже с 1840-х годов, переходит на капиталистическую машинную технику. Конечно, сами машины создавались еще не отечественной капиталистической промышленностью — их присылала Англия, откуда в 1850-х годах ввозилось машин на 7½ млн. рублей ежегодно. Но уже самый факт значительного потребления ввозных машин нашей промышленностью свидетельствует, что еще в крепостной период она стала понемногу облекаться в капиталистическую машинную технику, становясь в этом отношении в зависимость от более развитой системы английского капитализма.

Хотя развитие машинной капиталистической техники в отдельных отраслях промышленности начинается даже еще задолго до 1861 г., в других в 1860—1870-х годах, в некоторых и еще позже, но вообще окончательная победа капиталистической техники может быть признана для всех отраслей промышленности лишь к 1890-м годам.

Так, хлопчатобумажная промышленность первая начала еще в 1840-х годах переходить на усовершенствованные машины, но тем не менее в общей массе производства только с середины 1870-х годов механическое ткачество начинает вытеснять ручное. В 1866 г. всего в России было только 42 механических бумаготкацких фабрики, в 1879 году — 92, причем в 1866 г. на 94,6 тыс. рабочих, работающих на фабриках, было 66,2 тыс. работающих на дому, в 1879 г. это соотношение было: 162,7 тыс. на фабриках и 50,2 тыс. на дому, а в 1894/95 г.—242,1 тыс. на фабриках и только 20,5 тыс. на дому. Следовательно, только с конца 1870-х годов намечается полная победа фабрики над ручным ткачеством. В других отраслях текстильной промышленности дело обстояло еще хуже: например, среди московских фабрик к концу 1870-х годов в суконном производстве было 75,7% механических фабрик, в шерстяном и полушер-

стяном 33,3%, в бумаготкацком 16,4% в шелковой 1,5% (Туган-Барановский).

Пожалуй, еще позже происходит полный охват капиталистической техникой других отраслей нашей промышленности — рудной, металлургической, хотя, с другой стороны, он происходит здесь и наиболее быстрым темпом. Например, в рудном деле только с конца 1870-х годов ручная забойка заменяется у нас перфоратором (механическим сверлилом), но до 1890 г. этот перфоратор все же приводился в действие ручной силой рабочего, и только к 1900-м годам он стал приводиться в действие механической и электрической силой, а стальное сверлило было заменено алмазом. Между тем в Европе такая техника стала применяться уже в 1870-х годах.

Очень характерна у нас борьба отсталой техники в металлургии. Один из важных признаков капиталистической техники — работа на минеральном топливе, вместо древесного: у нас еще в 1890-е года до $^2/_3$ чугуна получалось на древесном топливе и только в 1900-е годы на минеральном топливе стало выплавляться до 57%. Точно так же еще в 1870—80-х годах у нас был сильно развит такой отсталый технический способ доменного производства, как работа на холодном дутье; на Урале это холодное дутье процветало, хотя везде в Европе оно было давно оставлено. В 1885 г. из 195 доменных печей у нас было еще 88 на холодном дутье и только в 1900 г. их было 32 из общего числа 302; но и к 1910 г. все еще их оставалось 11 из общего числа 165. Другой признак — смена кричного способа пудлингованием: в 1870 г. на 425 пудлинговых печей у нас приходилось 924 кричных горна, и только в 1893 г. число последних — 404 горна — было уже меньше числа пудлинговых печей — 640 Так же медленно шла смена бессемеровских печей мартеновскими: в 1876 г. у нас не было еще ни одной мартеновской печи при 8 бессемеровских [1]). Даже в таких отраслях промышленности, как нефтяная, мы еще в 1891 г. из 274 млн. пуд. нефти до 39 млн. пуд. или около 15% добывали примитивным фонтанированием, вместо господствовавшего в других странах тартания.

Таким образом можно видеть, что этот последний элемент промышленного капитализма— высокая капиталистическая техника— развивался у нас, пожалуй, с наибольшим запозданием. И понятно почему: для выполнения своей миссии промышленному капитализму требовалось накопление капитала, образование армии пролетариата,

[1]) *Гливиц*, Железная промышленность России, гл. IV и V

образование возможно более широкого рынка; но он мог под защитой таможенных пошлин, охраняющих от иностранной конкуренции, обходиться и без высокой техники, так как и при этой технике его прибыли и накопления были очень велики. Это обстоятельство придавало нашему капитализму отсталый характер, а вместе с тем и предрешало дальнейшие судьбы в смысле подчиненности более прогрессивным системам капитализма.

Проблема развития капитализма в литературе

Таким образом основные предпосылки промышленного капитализма: товарное хозяйство и образование рынка на почве общественного разделения труда; накопление денежного капитала и превращение его в промышленный; пролетаризация мелкого производителя и образование свободного промышленного рабочего; наконец, преобразование производственной техники из мануфактурной в машинную. Все эти предпосылки в известной степени имелись налицо уже давно и подготовлялись отчасти даже еще в последнее десятилетие крепостного хозяйства. Но силы, задерживавшие промышленное развитие, были еще настолько значительны, что его темп и результаты до 1860—70 гг. были очень невелики.

Вот почему, только после развязки крепостных отношений с 1870-х годов хозяйственное развитие становится на капиталистические рельсы и начинает итти быстрым, иногда бурным темпом. «Новизна» хозяйственных отношений, впервые создавшаяся в этот период, сравнительно с недавним прошлым, была настолько значительна, что она заслоняла то обстоятельство, что все основные элементы имелись в недоразвитой и искаженной форме еще в предыдущий крепостной период. Зарождение новых капиталистических форм и отношений становилось вне генетической связи с хозяйственным развитием предшествующей эпохи, понимавшейся как противоположность капитализму. Бурное же развитие капитализма на месте быстро разрушавшихся некапиталистических отношений давало повод считать эти капиталистические отношения принесенными извне, «насильственно» насаждаемыми на почве самобытных, некапиталистических отношений «народного производства».

Так создавалась легенда об «искусственности» нашего капитализма, о возможности избежать его в развитии русского народного хозяйства, о возможности «повернуть колесо истории» в противоположном направлении. Таким образом, вместе с наступлением у нас эпохи промышленного капитализма возникают и идеологические направления, отрицающие целесообразность, возможность и даже

факт нашего хозяйственного капиталистического развития. Как во времена Щербатова, Елагина и Фомина, так и в 1880—90 годах в нашей экономической литературе возникает оживленный спор о «судьбах капитализма в России».

Одним из наиболее видных авторов, выступивших с рассмотрением вопроса о том, каковы «судьбы капитализма в России», принадлежавшим к народническому направлению, является В. В. (В. П. Воронцов) в книге под указанным названием и в других многочисленных произведениях [1]). Исходным пунктом для В. В. является догма о признании «самобытности» экономического развития русского народного хозяйства и всей вообще русской жизни. По мнению В. В., главной производительной силой в русском народном хозяйстве являются крестьяне. Железные дороги, обрабатывающая промышленность, банки и все другие условия капиталистической промышленности и капиталистического обращения — все это существует и живет за счет крестьянства и для этого крестьянского хозяйства. Но, вследствие «самобытности» экономической жизни крестьян, им не нужны эти железные дороги, как не нужны вообще орудия капиталистического обращения. Крестьяне «ведут свое хозяйство не по законам европейской политической экономии и не по бухгалтерским расчетам прибыли и убытка». Наоборот, они ведут все свое хозяйство в целях удовлетворения собственных потребностей. Земледелие обеспечивает производство необходимых продуктов для крестьянского потребления, на удовлетворении собственных потребностей основываются и все другие отрасли крестьянского хозяйства. Единственной причиной существования у нас, напр., кустарных промыслов, как промыслов, работающих на широкий рынок, является недостаток земельного обеспечения, ибо в противном случае кустари не продавали бы своего продукта, и промышленная деятельность служила бы населению лишь для удовлетворения собственных потребностей. Поэтому только малоземелье является, по мнению В. В., основной причиной развития крестьянского хозяйства в направлении развития денежных и рыночных отношений. Поэтому вся экономическая политика государства должна быть направлена на устранение этой причины. Таким путем В. В. и приходит к идее «душевого надела», как права всех крестьян на землю, подлежащую уравнительному распределению.

[1]) *В. В.* Судьбы капитализма в России, 1882. — Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве, 1892. — Крестьянская община, 1892 г. Сравни *А. Волгин*, Обоснования народничества в трудах В. В, 1896

Необходимо отметить, что ту же мысль еще в 60-х годах высказывал другой видный наш экономист, Чернышевский, который также и душевом наделе и в равномерном наделении землей видел возможность для России избежать капитализма. По мнению В. В., право получить себе известный участок земли для обработки и для существования должен иметь каждый крестьянин. Только недостаток земли, голод, гонит крестьянина на фабрику, и, если бы была возможность достичь полного земельного обеспечения, то вместе с тем прекратился бы отход на фабрику, который создает кадры безземельного пролетариата.

Идеи В. В—прямая идеализация натурального крестьянского хозяйства. В них сказывается стремление развитое меновое хозяйство капиталистического типа, которое тогда уже (с 1860—70 годов) было вполне развито в России, заменить натуральным хозяйством. В. В. отрицает у нас возможность существования общественного разделения труда, как предпосылку развития менового хозяйства, указывая, что это общественное разделение труда у нас не имеет достаточной почвы. Наш капитализм, по мнению В. В., насажден искусственно и является «гостем, привлеченным насильно», который поэтому не может оказывать на наше хозяйственное развитие того положительного влияния, какое он оказал в Зап. Европе. Рассматривая процесс возникновения капиталистической промышленности в Зап. Европе, В. В. указывает, что в Зап. Европе капитализм развивается в виде производительного капитализма, в России же он развивается в виде торгового капитала, захватывая не производство, а только сбыт, и ограничиваясь лишь торговой эксплоатацией. Поэтому наш капитализм не дает воспитания рабочим массам, не создает их классовой организации, не может создать повышения производительности, ибо все условия производства остаются вне влияния этого капитализма. Наоборот, отрицательные стороны этого торгового капитализма сказываются очень сильно и прежде всего в том, что он отрывает от земли земледельца, разрушает мелкое народное производство как в области собственно земледельческого промысла, так и в области обрабатывающей промышленности, требуя, наоборот, для себя искусственной поддержки, опеки, покровительственных тарифов и проч.

Но, к счастью, — говорит В. В., — наш капитализм, так искусственно поддерживаемый, не развивается и не сможет развиваться. Причиной этого В. В. считает необходимость для развития капитализма внешнего рынка. Действительно, если считать, что капита-

листическое производство является производством, в котором создается прибавочная ценность, то, говорит В. В., ясно, что для того, чтобы реализировать эту прибавочную ценность, необходим особый рынок, не вмещающийся в условиях внутреннего рынка. На внутреннем рынке реализоваться может только та часть прибавочного продукта, которую капиталист, получая в виде прибыли на капитал, потребляет сам, или та часть продукта, которую получает рабочий в виде заработной платы. Вся же прибавочная ценность в условиях капиталистического производства в той же самой стране реализоваться не может. Поэтому для капиталистических стран необходим внешний рынок. Между тем мы не можем рассчитывать на завоевание внешних рынков; они уже завоеваны другими, более передовыми капиталистическими странами. Технически Россия является наиболее отсталой из других европейских стран и не может бороться с ними не только на внешнем, но и на собственном рынке, несмотря на высокие покровительственные тарифы. Рассматривая фактические данные о развитии нашей капиталистической промышленности и прежде всего о количестве рабочих в фабричной промышленности, В. В. приходит к выводу, что количество рабочих у нас падает. В результате В. В. приходит к заключению, что капитализм у нас не развивается и не может развиваться.

Подобные же мысли были высказаны и обоснованы новыми доводами другими авторами. Напр., Николай — он (Даниельсон) в «Очерках пореформенного хозяйства» (1893) более подробно развивает мысль В. В., что наш капитализм—товарный. Рассматривая вопрос о нашем капиталистическом производстве и влиянии его на хозяйственный строй, он указывает, что все орудия нашего капиталистического обращения, как-то: железные дороги, банки, кредит и т. п., создаются лишь для реализации продуктов, производимых в условиях некапиталистического сельскохозяйственного производства, самое же народное хозяйство не затронуто капитализмом. Поэтому наш «капитализм обращения» имеет в своей основе некапиталистическое производство и всецело от него зависит. Рассматривая, например, условия обращения и товарного движения по железным дорогам, Н. — он находит, что наши железные дороги живут урожаем, и что колебания движения по жел. дор. всецело зависят от колебания урожаев, а масса этого урожая идет из некапиталистического крестьянского хозяйства. То же самое наблюдается и в работе наших банков. Н. — он приходит почтому также к выводу, что наш капитализм «мертворожден».

Изложенные идеи об особенностях хозяйственного развития России развивались в журнальной литературе и другими авторами, примыкавшими к группе так называемого «легального народничества», особенно в 1880—90-е года. Необходимо впрочем отметить, что позиции народничества об «особенностях» нашего развития прежде всего в отношении капитализма в целом и в частности в отношении промышленности были уже в 90-х годах совершенно разбиты. Дольше народнические идеи держались в отношении развития сельского хозяйства, земельных отношений, земельной политики, общины и т. п. Здесь, на смену «старого народничества» (В. В., Н. — он, Каблуков, Южаков, Михайловский) и после промежуточных представителей (Пешехонов, Черненков, Кочаровский, Вихляев, Огановский) выступила группа «неонародничества» (Чаянов, Челинцев, Макаров), хотя и не занимающаяся непосредственно историей хозяйственного развития России, но все же затрагивающая отдельные проблемы эволюции русского крестьянского хозяйства и разрешающая их в духе народничества, исходя впрочем из других теоретических предпосылок и построений. Более широкий (хотя в корне неправильный) социально-экономический метод и подход В. В. и Н. — она к проблеме русского хозяйственного развития «неонародничество» сужает до исследования «организационно-производственной» структуры отдельного частного крестьянского хозяйства. Применяя метод бюджетных исследований и изучая «микрокосмос» отдельного хозяйства, неонародники только косвенно и редко делают какие-либо общие выводы для разрешения социально-экономической проблемы хозяйства и его развития. Поскольку эти выводы имеются — они близки к старонароднической догме, с некоторыми лишь уступками «духу времени»: те же «семейно-трудовые» представления о крестьянском хозяйстве, тот же трудово-потребительский его характер, то же игнорирование у одних авторов и недостаточность у других рыночно-капиталистических связей в трактовке крестьянского хозяйства, то же отрицание процессов дифференциации и т. п. [1]).

Наибольшего расцвета народничество достигает в 1880—90-х годах, т.-е. как раз в период нашего промышленного упадка и застоя. К концу 90-х годов вместе с промышленным под'емом все более ярко начинает проявляться другое литературное движение — «легаль-

[1]) Новейшую критику неонародничества см. *Литошенко*, Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства, 1923.

ный марксизм». Имея связь с прежним нашим «западничеством» и исходя из учения социализма вообще и марксизма в частности, это направление, впитав в себя довольно широкие круги тогдашней публицистики, литературы, профессуры, отрицало идею «самобытности» нашего экономического развития и устанавливало неизбежность и общность законов его развития по пути капитализма. Одним из наиболее ранних представителей этого направления был профессор-экономист Зибер (своей книгой «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях», 1885, впервые популяризировавший Маркса). Он отрицал возможность «самобытного» некапиталистического пути нашего хозяйственного развития и считал, что «нашему мужику предстоит вывариться в фабричном котле».

Большое значение в литературном утверждении этого легального марксизма имела книга Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.). Струве приходил к заключению, что наш культурный и хозяйственный рост связан с развитием капитализма, что бедность русского населения — наследие натурального и крепостного хозяйства, а не продукт капиталистического развития. Наоборот, только недостаточность развития капитализма задерживает общий хозяйственный и культурный рост. Тем не менее, вступив на путь денежного хозяйства и товарного капитализма, наше хозяйственное развитие неизбежно перейдет в форму производственного капитализма. Отсюда вывод: «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Философским и общесоциологическим обоснованием нового направления явилась книга Бельтова (Плеханова): «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Большое значение для укрепления марксистских взглядов на наше экономическое развитие имели и другие его статьи, особенно критическое, и фактическое исследование «Наши разногласия». Специально критике теорий В. В. была посвящена книга Волгина «Обоснование народничества в трудах В. В.» (1896 г.).

В изучении и марксистском освещении конкретной истории нашего хозяйственного развития сделала эпоху книга Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898). Подробно рассмотрев происхождение, дореформенную и послереформенную историю русской фабрики, Туган-Барановский приходит к заключению, что, действительно, развитие нашего капитализма и крупной промышленности идет гораздо более медленно, чем в За-

падной Европе. Но причина такой медленности заключается не в каких-либо «особых свойствах» нашего экономического развития, а лишь вообще в отсталости нашей экономической жизни. Рассматривая развитие форм «народного хозяйства», Туган-Барановский указывает, что, например, кустарное производство является не какой-либо формой самобытного «домашнего производства», как думали народники, а часто лишь порождением той же самой крупной обрабатывающей промышленности. Далее число рабочих в нашей крупной промышленности, в противоположность мнению В. В., не только не уменьшается, а наоборот увеличивается. Наконец, наше промышленное развитие не носит и такой непосредственной связи и зависимости от крестьянского хозяйства и от урожаев, как думал Н. — он.

Решающим моментом в обосновании марксистских взглядов на «Развитие капитализма в России» имела книга В. Ильина-Ленина под этим названием (1899). Здесь были окончательно опровергнуты и развенчаны как теоретические предпосылки народников по отношению к нашему хозяйственному развитию, так и их пониманию крестьянства вообще, крестьянского хозяйства, его дифференциации, его рыночных связей, развития в нем капиталистических отношений, их понимание нашего промышленного развития, процессов его роста и капитализации и, наконец, — их методологические приемы обработки и использования материала и проч.

После книги Ленина спор об общем характере нашего промышленного развития мог считаться окончательно решенным.

Несколько дольше затянулась борьба на идеологическом фронте по вопросу о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Хотя книга Ленина и в этом отношении нанесла народничеству непоправимый удар, тем не менее новые народнические направления перенесли спор на несколько иную почву, соединив прежние свои утверждения об «особенностях» русского крестьянского хозяйства с утверждениями об «особенностях» экономики сельского хозяйства вообще и восприняв отчасти эту последнюю идею у немецких «ревизионистов». Полемические статьи Ленина о Булгакове, Чернове и др. полностью опровергли эти новые теоретические предпосылки народнических воззрений о нашем сельскохозяйственном развитии. В дальнейшем работы Маслова, Лященко, Книповича, также как более ранняя работа Гурвича, давали фактические—исторические и статистические—обоснования марксистских взглядов на наш аграрный строй, аграрные отношения и

сельскохозяйственное развитие. Во всяком случае этот идеологический спор в связи с неонародничеством в нашей литературе донесен был вплоть до войны и революции.

Но сама жизнь, само наше экономическое развитие уже с конца 1890-х годов и особенно в первые годы нового столетия, а также поворот в общественных условиях и правительственной политике в это время, — ясно свидетельствовали о том, что мы прочно стали на пути буржуазно-капиталистического развития. Вопрос уже явно не мог итти о каких-либо народных «особенностях» нашего развития, а вместе с тем о положении и роли тех или иных общественных формах, скорости этого капиталистического промышленного развития, а вместе с тем о положении и роли тех или иных общественных групп в этом капиталистическом развитии. В связи с этим и роль легально-литературного марксизма была сыграна, и группировка общественных сил пошла по линии активной деятельности на том или другом полюсе сформирования капиталистического общества.

Главные этапы промышленного капитализма

Таким образом, пореформенное развитие нашего капитализма шло теми же путями развития и укрепления основных моментов, которые вообще создают капиталистическую экономику народного хозяйства и определяют этапы ее развития. Поэтому эти основные моменты должны быть положены и в основу нашего дальнейшего изложения истории пореформенного капитализма.

Первое десятилетие после реформы представляет из себя в сущности выявление и закрепление основных предпосылок капитализма: разложение остатков натурального хозяйственного строя деревни, развитие денежного хозяйства и образование внутреннего рынка на базе развития железных дорог: образование избыточного населения, как результат «чистки земель», произведенной реформой и усиленной пореформенной экономикой; первые результаты промышленного «первоначального накопления»; капитализации орудий капиталистического обращения — жел. дорог, банков, кредита, как последняя военная подготовка промышленного капитализма для завоевания им «народного» хозяйства.

Этот подготовительный десятилетний период, с одной стороны, имеет наибольшие корни в предреформенной экономике и в условиях самой реформы. С другой стороны, он непосредственно сливается с первым чисто капиталистическим под'емом 1870-х годов. Эта эпоха капиталистического грюндерства и первых, в условиях новой экономики, шагов промышленного капитализма одновре-

менно давала и яркую картину новых чисто капиталистических явлений и еще более — сильно выраженный процесс разложения еще господствовавших старых экономических форм и общественных отношений. К 1880-м годам последние временно побеждают первые, создавая почти на десятилетие хозяйственный застой и общественную реакцию. Тем не менее в недрах ее подготовлен был новый период хозяйственного развития и победы капитализма.

В 1890-х годах, и особенно во второй половине их, наше хозяйственное развитие получает законченную физиономию, как эпоха создания и закрепления «национального» промышленного капитализма. История, сбросив с весов хозяйственного развития отсталые формы мелкого «народного» промышленного призводства и их «народническую» идеологию, бурным темпом ведет русское народное хозяйство «закономерными» путями капиталистического развития. Но, по темпу развития обгоняя на этом пути другие промышленные страны, пройдя в одно десятилетие путь, который другие страны проходили в несколько десятилетий, русский промышленный капитализм не мог ни создать соответствующих общественных форм своего бытия, ни обеспечить себе свой Hinterland в виде капитализации всего народного производства в целом и в виде создания прочного внутреннего рынка для своего развития. Поэтому, чем более значителен был под'ем 1895—1899 гг., тем более глубоки и продолжительны были кризис и депрессия 1900—1909 гг.

Однако, уже в предыдущем периоде и в этой депрессии были заложены и элементы нового промышленно-капиталистического этапа. Русский «национальный» промышленный капитализм становится все более тесными узами связанным с мировым капитализмом. Не имея силы занять в его системе совершенно самостоятельного положения, он тем не менее быстро входит в мировую систему империалистического финансового капитализма как крупная, хотя и не вполне самостоятельная величина. Пройдя вновь чрезвычайно быстро все организационные, финансовые, экономические и политические этапы финансового капитализма, втянутый в политическую мировую борьбу с другими системами за «раздел мира» и одновременно с этим — как символ своей отсталости — ликвидируя свои отжившие общественные формы, русский капитализм на этой империалистической стадии своего развития вместе с тем ликвидирует и самого себя.

Таким образом наше дальнейшее изложение капиталистического периода нашего народного хозяйства подразделяется на

следующие этапы: образование предпосылок промышленного капитализма, грюндерство 1870-х годов и кризис 1880-х; эпоха закрепления «национального» промышленного капитализма в 1890-х годах; кризис и депрессия 1900—908 гг., промышленный под'ем и эпоха финансового капитализма 1909—1914 гг. с его военным вырождением 1914—1917 гг. При этом, поскольку в обозрении дореформенного хозяйственного развития и даже эпохи 1870—80 гг. решающее значение мы отводим сельскому хозяйству, постольку с 1890-х годов гегемония в хозяйственом развитии, а вместе с тем и в изложении отводится промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

По общей проблеме и общей истории развития капитализма в России: *В. Ленин (Ильин)*, Развитие капитализма в России, 1899. — *Струве*, Критические заметки, 1894. — *Бельтов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1895. — *Волгин*, Обоснования народничества в трудах В. В., 1896. — *Шульце-Геверниц*, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, 1901. — «Общественное движение в России в начале XX в.», т. I, 1909.

Специально по вопросу капитализма в русском сельском хозяйстве: *Ленин*, Сочин., т. IX. — *Лященко*, Очерки. — *Маслов*, Аграрный вопрос в России, а также — *Книпович*, К вопросу о дифференциации русского крестьянства, 1912. — *Гурвич*, Экономическое положение русской деревни, 1896. — *Суханов*, К вопросу об эволюции сельского хозяйства, 1909.

Из народических трактовок проблемы капитализма основные: *Ник. — он*, Очерки нашего переформенного хозяйства, 1893. — *В.В.*, *Судьбы* капитализма в России, 1882. — *Зак.* Промышленный капитализм в России, 1908. Из наиболее новых народнических трактовок, специально по вопросам капитализма в деревне: *Черненков*, Характеристика крестьянского хозяйства, 1918 — *Челинцев*, Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, 1919. — *Чаянов*, Очерки по теории трудового хозяйства, 1912. — *Макаров*, Крестьянское хозяйство и его эволюция, 1920. — *Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, 1909—1914. — *Студенский*, Очерки по теории крестьянского хозяйства, 1924. Критика их у *Литошенко*. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства, 1923.

Из общих обзоров всего периода см. *Бехтеев*, Хозяйственные итоги истекшего 45-летия, 3 т., 1902, как трактовка вопроса видным представителем дворянских кругов. — *Тернер*, Государство и землевладение, 2 т., 1896. — *Лохтин*, Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами, 1901. Наиболее ценная сводка общих итогов развития с 1860-х годов до конца XIX в. в коллективной работе «Общественное движение в России в начале XX в.» под ред *Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова*, т. I — V, 1909, особенно т. I и II.

Статистические материалы и источники см. в литературных указаниях к следующим главам.

Глава XV.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ РЕФОРМЫ.

Общие условия развития сельского хозяйства

Те начала производственного капитализма, которые были окончательно внедрены и закреплены в нашей промышленности после реформы 1861 года, прошли довольно далеко от сельского хозяйства. По отношению к этому последнему капитализм и после реформы продолжал развивать свою историческую миссию в форме торгового капитала, т. е. в форме торгово-капиталистической эксплоатации мелкого некапиталистического хозяйства, без непосредственного преобразования на капиталистических началах самого производства. Конечно, в некоторых районах, как мы видели выше, даже при крепостном праве залагались уже элементы капиталистического сельского хозяйства с применением вольнонаемного труда, машин, с вложением капитала.

Но все же для всего хозяйства в целом пореформенная эпоха, в течение по крайней мере двух-трех десятилетий, является эпохой окончательного разложения торговым капиталом старых форм полукрепостного, полунатурального хозяйства путем усиленного вовлечения их в товарно-торговые денежные формы хозяйства. Этот процесс, медленно происходивший и в рамках прежнего крепостного хозяйства, теперь в новых условиях самого сельского хозяйства и в окружении быстро развивающейся капиталистической промышленности стал происходить гораздо более быстро и с новыми результатами. Вместе с общим количественным ростом сельскохозяйственного производства начинает быстро происходить процесс изменения и всей его социально-экономической структуры.

Остатки прежней «самостоятельности» и самоудовлетворяемости мелкого земледельческого производства быстро исчезают, производство его, хотя бы и не капиталистическое в целом, начинает быстро подчиняться господствующим в стране капиталистическим

отношениям, капиталистическим условиям обращения, капиталистическому рынку. В сельском хозяйстве возникает система экономических отношений, аналогичная той, которая в промышленности выливается в так называемую систему «домашней промышленности», в систему мелкого «производства на скупщика», как выражение зависимости некапиталистического производителя от торгового капитала. Эволюция промышленных форм показывает, что в промышленности эта система может развиваться только в одном направлении — в сторону постепенного внедрения капиталистических отношений в само производство, т. е. в сторону капитализации самого процесса производства путем окончательной потери мелким производителем своей хозяйственной самостоятельности и превращения его в наемного рабочего, работающего в выросшем рядом с ним капиталистическом предприятии.

В пореформенном развитии нашего сельского хозяйства мы можем наблюдать процесс, аналогичный с этим характером эволюции промышленных форм. С одной стороны, мелкое, прежде в значительной части «натуральное» крестьянское хозяйство начинает все более производить для рынка, притом для рынка широкого, капиталистически организованного. Поэтому в служении рынку крестьянское хозяйство не может сохранить свою самостоятельность и попадает в зависимость от торгового капитала. Этот процесс находит таким образом выражение в росте вообще товарно-торгового земледелия, товарного производства в сельском хозяйстве, сохраняющего в производственном отношении мелкий некапиталистический характер.

С другой стороны, наряду с все большим обхватом этого хозяйства торговым капиталом, постепенно преобразовались и производственные его основы, закреплялись его капиталистические отношения в самом сельскохозяйственном производстве. Эти зачатки производственного капитализма, развивавшиеся в сельском хозяйстве, находили себе выражение в изменении техники, в новых направлениях сел. хоз. производства, требующих применения машин, в развитии технических предприятий по переработке сырья. Все это вызывало необходимость применения капитала, иногда довольно крупного. Так возникают и усиленно развиваются у нас такие отрасли, как свеклосахарное производство, сел.-хоз. винокурение, картофелетерочное и крахмально-паточное производства, маслоделие, сыроварение, льнотрепальное производство и другие направления так называемой индустриализации сельского хозяйства.

Эти направления, обусловленные более или менее значительным вложением капитала, не всегда могли быть доступны не только крестьянскому хозяйству, но даже и не всякому помещичьему. Поэтому они становятся принадлежностью или более экономически сильных помещичьих хозяйств или в некоторых случаях (напр. маслоделие, переработка льна, картофелетерочное производство) более крупного и кооперированного крестьянского. Вызывая увеличение применения наемного труда, они создают почву развития капиталистических отношений на другом полюсе деревни, обусловливая и усиливая расслоение крестьянства и превращая часть его в фактических батраков этих свеклосахарных, винокуренных и т. п. заводов.

Понятно, что так как развитие производственного капитализма в сельском хозяйстве идет вообще значительно более медленно чем в промышленности, в силу ряда технических и социально-экономических его отличий, то вначале мы не наблюдаем и у нас в сельском хозяйстве тех законченных форм производственного капитализма, которые в 1870 — 1890 гг. получили полную победу в промышленности. Поэтому первый тип развития капиталистических отношений, в виде подчинения всего сельского хозяйства торговому капиталу, в виду капитализации собственно сел.-хоз. рынка, без капитализации самого производства, получает у нас преобладающее значение, в особенности в течение первых двух-трех десятилетий после реформы. Однако и закрепление капиталистических отношений в самом производстве за это время сделало большие успехи.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве шло гораздо более медленно и с гораздо меньшими результатами, чем в промышленности, главным образом, по двум причинам. В самой реформе 1861 г. были уже заложены, иногда в преобладающей мере, элементы не столько капиталистического развития сельского хозяйства, сколько сохранения и в будущем кабально-зависимых отношений между помещиком и крестьянином. Для значительной части помещичьего класса или вовсе не было возможности капиталистически поставить свое сельское хозяйство, или более выгодным было эксплоатировать свою землю не в собственном производстве, но арендой ее крестьянами. Но и для значительной части этих крестьян-арендаторов не имелось экономической возможности стать фермерами-капиталистами. Аренда их приняла формы некапиталистической, отработочной и испольной аренды, более доступной для крестьянина и более выгодной для помещика. Поэтому

капиталистические тенденции в сельском хозяйстве встретились с противоположными тенденциями господствующего помещичьего класса (или по крайней мере части его). В силу сложившихся условий экономики помещичьего и крестьянского хозяйства, этот класс был заинтересован не столько в развитии капитализма в сельском хозяйстве, сколько в сохранении кабально-зависимых форм, заложенных в интересах тех же помещиков, в реформе 1861 г. Другими словами, помещичий класс направлял развитие сельского хозяйства по «прусскому образцу» (Ленин), с сохранением, однако, выгодных для него некапиталистических форм эксплоатации, чем, понятно, задерживалось капиталистическое развитие сельского хозяйства.

Другая причина медленности капиталистического развития сельского хозяйства после реформы заключалась в том, что вскоре через 15—20 лет после реформы, наше сельское хозяйство, вовлеченное на мировой рынок, начинает переживать длительный, почти двадцатилетний кризис, сильнейшим образом сказывавшийся отрицательно на успехах развития сельского хозяйства.

В результате этих двух моментов, хотя количественно сельское хозяйство в течение всей пореформенной эпохи и развивалось весьма быстро, но все же оно отставало от развития промышленности. Как рынок для этой последней, оно не могло достигнуть той емкости, которая требовалась быстрым темпом промышленного развития. Этим судьбы пореформенного развития сельского хозяйства и промышленности связывались особенно сильно, так как противоречия и отсталость социально-экономических и производственных отношений в сельском хозяйстве получали решающее значение для развития всего народного хозяйства в целом.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению фактической стороны развития сельского хозяйства после реформы.

Положение сельского хозяйства после реформы

Реформа 1861 г. застала русское сельское хозяйство на крайне низкой технически-агрономической ступени развития. Как в нечерноземной полосе, так и в более значительно населенных частях черноземной, господствующей системой являлось трехполье. В более южных частях господствовало еще залежное хозяйство с экстенсивным скотоводством вообще и в частности овцеводством, в особенности на юге и юго-востоке. В северных нечерноземных губерниях лишь в очень немногих местах начали появляться травосеяние и специальные культуры.

К сожалению, наша сельскохозяйственная статистика до 80-х годов почти совершенно отсутствовала, почему приходится довольствоваться в виде иллюстраций лишь некоторыми подсчетами отдельных исследователей. По данным проф. Янсона, в 1875 г. общее распределение сел.-хоз. площади было таково: пахотная земля занимала 98 3 млн. дес. (21,5%), сенокосы — 54,6 млн. дес. (11,9%), леса — 138,0 млн. дес. (30,2%), остальные — 167,4 млн. дес. (36,4%) — неудобные земли. Конечно, в отдельных районах это распределение было неодинаково; так, напр., пашня в земледельческом центре и на западе занимала около 60% [1]).

Во всяком случае, кроме разве земледельческого центра, господство трехполья еще не уперлось в невозможность дальнейшего существования и не дожило еще до своего кризиса. Из общей площади пашни пар занимал около 32 млн. дес., т. е. около 33%; из остальной площади до 63,5 млн. дес. занимали зерновые хлеба (в том числе 51 млн. дес. продовольственные, и из них 23,9 млн. дес. — рожь), остальные незерновые и промышленно-технические растения занимали ничтожную площадь: картофель — около 1,5 млн. дес., лен — 800 тыс., конопля — 500 тыс., свекла — 212 тыс., табак — 41 тыс. и т. д.

Количество скота в 1872 г исчислялось в 16.4 млн. голов лошадей, 24,6 млн. голов рогатого скота, 49.5 млн. овец и 10,5 млн. свиней В переводе на крупный скот все количество скота исчислялось по Европейской России в 1851 г. в 49,2 млн., в 1861 г. — в 49,9 млн и в 1871 г — в 49.8 млн.

Таким образом общий характер господствующей системы определялся как трехполье в более северных частях и залежно-скотоводческая система — в более южных. В земледелии подавляющую роль (до 97% посевной площади) занимали зерновые хлеба, и лишь 3% — все незерновые, торговые и специальные технические культуры. Из зерновых хлебов до 36% занимала рожь, около 17% — пшеница, 18% — овес и 7% — ячмень; остальные — гречиха, просо и пр. продовольственные хлеба. Уже к 70-м годам, таким образом, господство трехпольно-зерновых направлений в сельском хозяйстве было подавляющим. Последующие годы более усиливают как общую распашку земель, так и усиление господства зернового хозяйства, скоро приводящее к кризису всю систему.

---

[1]) *Янсон*, Сравнительная статистика России, 1880, т. II, отд. I.

Зерновое хозяйство

Действительно, те условия, в которые было поставлено после реформы 1861 г. наше сельское хозяйство вообще и в особенности крестьянское хозяйство, должны были сказаться прежде всего расширением посевных площадей под зерновыми хлебами, как первый и ближайший источник развития денежного хозяйства, в особенности в черноземных земледельческих губерниях.

К сожалению, наша сел. хоз. статистика не дает сколько-нибудь исчерпывающих данных о посевных площадях за продолжительный период, почему приходится довольствоваться отрывочными сопоставлениями.

Так, по 45 губерниям Европейской России общее количество пахотной земли определялось в 60-х годах и по сравнению с ними в 1881 и в 1887 гг. в тыс. дес [1]).

	В начале 60-х годов	1881 г	1887 г.
Черноземная полоса	49 034	65 492	73 164
Нечерноземная полоса	33 499	28 782	30 629
Всего по 45 губ. .	82 533	94 274	103 793

Таким образом, уже в середине 80-х годов, по сравнению с 60-ми, наблюдается, с одной стороны, необычайный рост пахотной площади в губерниях черноземной полосы; с другой — не только замедление роста, но даже сокращение его в губерниях нечерноземных. Именно, если принять пахотную площадь в 1860-х годах за 100, то изменения ее к 1881 и 1887 годам представятся следующими относительными цифрами:

	1881 г.	1887 г.
Черноземная полоса	136,6	149,2
Нечерноземная полоса	85,9	91,4
Всего по 45 губ. .	114,2	125,9

Таким образом, тогда как площадь пашни в нечерноземных губерниях уменьшилась почти на 10%, в черноземных губерниях она увеличилась почти на 50%. Происходило, следовательно, резкое обособление районов по их значению в земледельческой культуре, с резким сокращением ее в северных промысловых губерниях и с расширением в черноземно-земледельческих. И так как рост пашни в черноземных губерниях шел значительно более быстро,

[1]) «Свод. статист. сведений по сельскому хоз. России к концу XIX в.» Мин. Земл. и Государ. Им., СПБ., 1902 г., табл. III, 4.

чем сокращение ее в нечерноземных, то общие итоги земледельческого производства и в частности зерновых хлебов быстро возрастали. При этом, этот рост пашни и зернового производства происходил в неодинаковых условиях и с неодинаковыми последствиями, с одной стороны, в старом земледельческом, бывшем крепостном центре и, с другой — в быстро колонизуемом крайнем юге и востоке. На окраинах распашка шла за счет поднятия новых земель и сокращения залежи, развития крупного капиталистического или фермерского хозяйства, в центре — за счет сокращения лугов и выгонов, т. е за счет ухудшения господствующей здесь трехпольной системы. В то же время на окраинах эта распашка приводила к усилению пшеничной культуры, в центре — ржаной, но везде — к усилению посевных площадей, культуры зерновых хлебов и к закреплению трехполья. В 1881 г. в Европейской России посевная площадь составляла 60,6% всей пашни, а из всей посевной площади зерновые хлеба составляли 91,3%. Другими словами, зерновая трехпольная система хозяйства и в 1881 г. являлась уже всецело господствующей.

Внутреннее развитие этой системы приводило, с одной стороны, к форсированному производству ржи в земледельческом центре, с другой стороны — к еще более быстрому росту пшенично-ячменной культуры на юге. И если для пшеничной культуры юга открывался близкий и широкий экспортный рынок, то форсированное производство серых крестьянских хлебов в земледельческом центре, при относительной узости внутреннего рынка и наличии начавшегося с 80-х годов мирового сел.-хоз. кризиса, ставило земледельческое хозяйство этого центра в особенно невыгодное положение, приводя его к зерновому и в частности к ржаному перепроизводству и кризису.

Уже в 90-х годах обнаруживается прекращение роста посевной площади под зерновыми хлебами во многих губерниях, особенно земледельческого центра, а местами и прямое ее сокращение.

Так, если сравнить посевную площадь под зерновыми хлебами 80-х годов и начала 1900-х годов, то обнаруживается следующее сокращение посевной площади: в земледельческом центре 3 — 10% (Рязанская 10%, Тульская 10%, Орловская 5%, Курская 5%, Воронежская 3%), в нечерноземных губерниях 9 — 19% (Тверская губ. 9%, Нижегородская 10%, Московская 19%). Наоборот, за то же время в губерниях юга, юго-востока, запада посевная площадь необычайно сильно растет (Бессарабская на 41%, Екате-

ринославская губ. 59%, Самарская губ. 57%, Таврическая 46%, Подольская и Волынская 18%, Могилевская 30%, Витебская 25% и т. д.). Но если для нечерноземных губерний сокращение зерновой площади под зерновыми хлебами свидетельствовало о переходе к более интенсивным формам скотоводческого и травопольного хозяйства, к специальным культурам, то для земледельческого центра такое сокращение посевных площадей знаменовало прямой количественный регресс сельского хозяйства. Этот регресс был вызван чрезмерной распашкой земли в этом районе и крайне утрированными формами господствовавшего здесь зернового трехполья. Распашка земель уже к 80-м годам достигала здесь 70—75%. Падение цен, вызванное мировым кризисом, обусловливает здесь и сокращение посевной площади. за время с 60-х годов к концу 90-х годов посевная площадь под зерновыми хлебами в крестьянском хозяйстве сокращается здесь с 12,6 млн. дес. до 10,4 млн. дес.

Таким образом в нечерноземной полосе приостановка роста пашни и в особенности культуры зерновых хлебов наблюдается уже с 1860 — 70-х годов. Центрально-земледельческий район прекращает рост пашни и посевных площадей под зерновыми хлебами в 1880 — 90-е годы в результате сел.-хоз. кризиса и конкуренции хлеба южных районов. Но тем не менее экспансия зернового хозяйства на юге, востоке, юго-востоке была настолько значительна и быстра, что общие размеры урожая и зернового производства в целом непрерывно растут, начиная с 60-х годов.

К сожалению, и здесь, вследствие отсутствия точных статистических данных, приходится ограничиваться лишь некоторыми иллюстрациями. Общие размеры роста сел.-хоз. производства хорошо иллюстрируются следующей таблицей В. Ильина с дополнением ее позднейшими данными о валовых сборах хлебов:

Периоды	Население (млн. душ)	Чист. сбор всех хлебов и картоф. (млн. четв.)	На 1 душу населения приходится зерн. хлеб.	картофеля
1864—66	61,4	152,8	2,21	0,27
1883—87	81,7	255,2	2,68	0,44
1900—05	107,6	396,5	2,81	0,87

Таким образом, мы видим, что население возросло за 40 лет на 75,2%, сбор хлебов — на 159%, сбор картофеля отдельно — на 452,3%, т. е. население возросло в 2 раза меньше, чем сбор всех хлебов, почему количество сбираемого хлеба на 1 душу населения возросло на 48,4%. Из отдельных районов чистый сбор на душу увеличился с 1864—66 гг. до 1883 г., напр., в южном степ-

ном с 2,09 пуда до 3 42 пуда, в нижне-волжском с 2,2 до 3,35 пуда. (Ленин).

Следовательно, росла как производительность сельского хозяйства, так и общие размеры его производства. В частности, для зерновых хлебов за более поздние годы, когда у нас имеются более точные статистические данные, можно привести следующие цифры посевной площади и сбора хлебов для 50 губерний Европейской России.

Посевная площадь в млн. дес

Годы	Всего зерновых хлебов	В том числе: Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
1881	59,0	10,7	23,2	4,2	12,9
1883—1887 . . .	59,9	10,7	23,9	4,6	12,9
1893—1895 . . .	60.4	12,0	28,8	5,8	12,3
1896—1900 . . .	64,1	13,7	23.2	6,4	13,4
Сбор хлебов в млн. пудов					
1886—1890 . . .	2 243,9	351,8	970,5	183,0	519,4
1891—1895 . .	2 487,9	452,2	995,7	267,7	531,9
1896—1900 . . .	2 734,9	500,8	1 090,0	274,7	595,4

Таким образом за 15 только лет сборы всех хлебов в 50 губерниях возросли на полмиллиарда пудов, в частности пшеницы на 150 млн. и ячменя на 90 млн. Но если к этим 50 губерниям присоединить остальные местности Европейской и Азиатской России, то общий темп возрастания посевных площадей и валовых урожаев даст еще большие цифры, и для последнего пятилетия 1895 — 1900 гг. общая посевная площадь под зерновыми определится в 75,2 млн. дес., а сбор около 4 миллиардов пудов. Таким образом Россия, увеличив в течение 30 лет после реформы свои 2 миллиарда пудов урожая до 4 миллиардов, стала еще больше «зерновой» и «хлебопашенной» страной. Посмотрим теперь, как развивались в ней интенсивные отрасли сельского хозяйства, которые после реформы имели очень небольшое значение.

Рост интенсивных культур

В северных нечерноземных губерниях переход от зерновых направлений хозяйства был отчасти подготовлен еще в крепостную эпоху. Так, в нечерноземных губерниях вообще и особенно в подстоличных, западных и северных, где еще в крепостную эпоху имелись уже многопольные севообороты и животноводческие направления хозяйства, там в связи с развитием городской жизни начинает расти молочное

хозяйство для сбыта в города — производство сыра, масла и проч. Товарное производство молочных продуктов в 10 северных губерниях в 1879 г. оценивалось в 3 370 тыс. руб. и в 7 промышленных — в 1 088 тыс. руб., т. е. всего до 4½ млн. руб. Молочное производство приобретало здесь товарно-промысловое значение, преобразуя не только рутинную технику как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, но и изменяя его социальные основы — развивая применение машин, наемного труда, требуя вложения капитала, разлагая прежние «потребительские» основы крестьянского молочного скотоводства.

Такие же явления отмечаются и в другом районе развития специальных культур и льноводства — в Псковской, Смоленской, Тверской губ. Становясь все более главным и крупным центром производства льна, этот район настолько быстро стал развивать свое льноводство, что главным образом за счет этого района общее производство льна увеличилось с 12 млн. пуд. в 1860 г. до 20 млн. пуд. в 1880 г., 26 млн. пуд в 1893 — 1897 гг. (Ленин). Рос вместе с тем и вывоз льна, увеличившийся с 4,6 млн. пуд. до 13,3 млн. пуд. в 1894 — 1897 гг. И здесь развитие льноводства, с одной стороны, освобождало местное сельское хозяйство от зерновых культур, обусловливая спрос на привозный хлеб, с другой — увеличивало товарный сбыт льна для внутренней промышленности для вывоза, и, наконец, изменяло всю экономику хозяйства, вызывая необходимость перехода к усовершенствованным системам, к улучшению техники, к работе на рынок и т. п.

Но, конечно, наиболее революционизирующее влияние на сельское хозяйство отдельных районов оказал переход к промышленно-техническим культурам и к заводской переработке их продуктов. Такова была, напр., культура картофеля в северных и западных губерниях, которая не только изменяла всю систему земледелия и севооборота, но и требовала переработки на картофельнотерочных или винокуренных заводах. Мы видели, что производство картофеля после 60-х годов сильно возрасло как за счет непосредственного роста потребления, так и за счет увеличения промышленной переработки: потребление для винокурения с 6,9 млн. пуд. в 1867 г. увеличилось до 102 млн. пуд. в 1896/97 г. Картофельно-крахмальное производство увеличилось в 1860 — 1890 гг. с 270 тыс. рублей до 1 760 тыс. руб. (Ленин).

Наконец, одним из важнейших новых промышленно-технических направлений сельского хозяйства, начавших усиленно разви-

ваться с 60-х годов, являлось свекло-сахарное производство. Посевная площадь под сахарной свеклой, исчислявшаяся в 1860 г. в 100 тыс. дес., в 1870 г. около 160 тыс. дес., в 1896-98 гг. исчислялась уже в 369 тыс. дес.; количество же перерабатываемой свеклы возросло за это время с 4,1 млн. берковцев до 35 млн. берковцев. Этот вид промышленно-технических систем сел.-хоз. производства, связанный с значительным вложением капитала, с применением большого числа наемных рабочих, составлял главную форму крупного капиталистического помещичьего хозяйства юго-западных, западных и частью южных губерний

Помимо этих основных специальных отраслей, выделявшихся в некоторых крупных районах, как новые направления товарного земледельческого хозяйства, и в земледельческих районах, под влиянием развития жел.-дор. сообщений, развития городского спроса, роста промышленности, начинает усиливаться значение таких товарных отраслей сельского хозяйства, как товарное огородничество, в особенности, напр., в Ярославской губ., садоводство и табаководство в южных губерниях, маслобойное производство и пр.

Экспорт сел. хоз. продуктов

Тем не менее, несмотря на такие заметные успехи в развитии интенсивных и специальных культур, русское сельское хозяйство 1870—1890 годов сохраняет попрежнему характер подавляющего господства зерновых хлебов. Именно они решали вопрос о доходности самого сельского хозяйства, о роли его в народном хозяйстве вообще, о роли его в нашем экспорте, т. е. о связи нашего народного хозяйства с мировым. В нашем экспорте попрежнему все продукты сельского хозяйства давали 75 — 80% ценности, а одни зерновые хлеба — свыше 50% всей ценности экспорта. Если, напр., сравнить ценность вывоза в 1861 — 1865 гг. и в 1891 — 1895 гг. для отдельных групп сел.-хоз. товаров, получим следующую таблицу:

	1861—65 гг.		1891—95 гг.	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Общий вывоз	181,6	100	628,0	100
В т. ч. зерновые хлеба . .	56,3	31,0	296,7	47,2
» » » сахар	0,5	0,3	18,3	2,9
» » » яйца	0,01	0,0	14,7	2,3
» » » масло кор.	0,7	0,4	3,4	0,5
» » » птица, домашн. жив.	0,02	0,0	4,6	0,7
» » » сало скотское . . .	10,8	5,9	0,7	0,1
» » » лен	17,8	9,8	54,2	8,6
» » » пенька	9.1	5,0	14,8	2,4

Таким образом Россия со своим четырехмиллиардным урожаем становилась все более крупной «житницей» Европы, вывозя все более крупные количества зерна за границу и значительно медленнее развивая экспорт продуктов своего интенсивного животноводческого хозяйства и специальных культур. Это обстоятельство, характеризуя связи нашего сельского хозяйства с мировым рынком в 1870 — 90 гг., должно было особенно сильно сказаться на последствиях мирового кризиса 1870 — 90 годов для нашего зернового хозяйства.

Действительно, остановимся более подробно на росте и значении нашего зернового экспорта. Дадим сперва общую таблицу вывоза главных зерновых хлебов. В среднем по пятилетиям годовой вывоз хлебов составлял:

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Всего хлебов млн. пуд	млн. руб
1861—65	50 135	13 774	5 967	5 023	79 886	56,3
1866—70	76 768	20 494	15 179	7 556	130 056	95,1
1871—75	92 149	53 274	23 937	12 050	194 113	172,4
1876—80	110 490	83 219	42 676	20 665	287 005	281,7
1881—85	124 267	61 268	51 244	32 358	301 735	301,1
1886—90	162 285	82 507	61 199	61 577	413 746	332,1
1891—95	171 211	56 863	56 885	92 533	441 139	296,7
1896—900	166 884	74 711	48 981	81 118	444 166	298,8

Или, если рост вывоза и его ценности выразить в относительных числах, приняв вывоз 1861—1865 гг. за 100, то получим:

Годы	Рост вывоза	Рост ценности вывоза
1861—65	100	100
1866—70	163	169
1871—75	243	306
1876—80	359	500
1881—85	378	533
1886—90	518	590
1891—95	552	527
1896—900	556	531

Отсюда видно, что со времени 60-х годов развитие экспорта пшеницы, непрерывно и совершенно правильно повышаясь, достигло в течение 50 лет увеличения в 4½ раза. Наоборот, рост экспорта ржи в первые 4 пятилетия идет необычайно быстро; к началу 80-х годов он достигает уже размеров в 6 раз больше, чем в 60-е годы, но вслед за тем размеры экспорта ржи начинают об-

нарушивать уменьшение, которое в 1906—1913 гг. низводят экспорт до цифр 1860 — 70-х годов. Еще более быстрый ход развития представляет экспорт ячменя, который, после небольших цифр 70-х годов, уже к 80-м годам дает сильное повышение. Особенно же крупное развитие дают 1900-е годы, когда вывоз ячменя по сравнению с 1861 — 1865 гг. возрос в 36 раз.

Благодаря этому, весьма резко изменяется состав нашего зернового экспорта. Тогда как крепостная помещичья Россия вывозила преимущественно пшеницу, после реформы из нее хлынула в массе крестьянская рожь, и только много лет спустя в связи с передвижкой зерновой культуры на юг, в экспорте вновь стала преобладать пшеница. Эти изменения в составе экспорта характеризуются следующими цифрами. В пятилетие 1851 — 1855 гг. пшеница составляла 59,2% нашего хлебного вывоза, рожь — 16,7%, овес — 5%, в 1876—1880 гг. пшеница — 38,5%, рожь — 29%, овес — 14,9%, ячмень — 7,2%. Это был результат перехода зернового экспортного производства от помещичьей пшеницы на крестьянскую рожь. Но уже с 90-х годов начинает действовать другой фактор, вновь приводящий к преобладанию в экспорте пшеницы и ячменя и падению ржи — именно распространение зерновой культуры в южные пшеничные районы. Так, в 1891 — 1895 гг. пшеница составляла в вывозе 38,8%, ячмень — 21%, а рожь всего 12,9% и овес — 12,6%.

Таким образом первые десятилетия после реформы 1870—1880 гг. в нашем вывозе начинают преобладать более дешевые «серые» хлеба. Это обстоятельство, конечно, понижало значение экспорта для всего народного хозяйства в целом, но еще более важное значение оно приобретает в связи с тем, что сельское хозяйство Европы в 1880 — 1890 гг. переживало период глубокого сел.-хоз. кризиса.

Значение мирового сел. хоз. кризиса

До конца 70-х годов европейский капитализм переживал в общем полосу под'ема повышательной кон'юнктуры. В связи с этим даже возросшее к этому времени мировое снабжение и усиленный ввоз не только из России, но и из заокеанских стран, свободно поглощались европейским спросом. Поэтому мировые цены на зерновые хлеба до начала 70-х годов имели повышательную тенденцию или во всяком случае сохраняли устойчивость.

Но уже с конца 70-х годов и начала 80-х годов, под влиянием усилившегося снабжения со стороны заокеанских стран и России, а главное в связи с продолжительной депрессией, установившейся с этого времени в европейском промышленном капитализме, обна-

руживается относительная избыточность мирового снабжения, падение мировых цен и наступает продолжительный мировой кризис сельского хозяйства.

Так, напр., средние пятилетние цены в главных европейских странах, в переводе на русскую меру, были в коп. за пуд.

Годы	Английская коп. пуд.	Французская коп. пуд.	Прусская коп. пуд.
1861—70	188	170	155
1871—75	187	189	178
1876—80	157	174	160
1881—85	137	156	143
1886—90	108	147	132
1891—95	97	135	125

Наибольшего падения хлебные цены достигли в 1894 г., когда они составляли на западно-европейских рынках всего лишь половину цен конца 70-х годов.

Естественно, что при этих условиях русский зерновой экспорт приносил все менее выгод для производителя и продавца этого хлеба за границу. Это падение экспортных цен видно из следующей таблицы средней экспортной оценки русского зернового экспорта (в коп. за пуд.) [1]).

	Пшеница	Рожь	Ячмень
1861—65 г.	66,8	52,8	49,4
1866—70 »	65,8	52,8	49,7
1871—75 »	90,1	65,7	60,6
1876—80 »	85,1	63,1	56,1
1881—85 »	76,7	63,4	52,0
1886—90 »	64,6	42,5	37,6
1891—95 »	55,6	46,6	35,9

Степень падения цен в пятилетних средних несколько скрадывается, благодаря неурожайным годам—1883/84 г., 1888 г., 1891 г.; в отдельные же годы, как, напр., в 1894 г., цены были: пшеница — 46,7 коп., рожь — 35,2 коп.; ячмень — 29,1 коп., т. е. вдвое ниже уровня 70-х годов.

Европейский сел.-хоз. кризис, принявший к 80-м годам характер длительного мирового кризиса, в эти же годы овладевает и русским зерновым хозяйством. Уже с начала 80-х годов сельскохозяйственный и в особенности зерновой кризис приобретает ха-

---

1) *В. Покровский*, Сборник свед. по истории и статист. внешней торговли, стр. 12 — 35.

рактер катастрофы, находящей даже при тогдашних условиях официальной печати яркое отражение в ней и приводящей к созданию официальной комиссии по выяснению причин падения хлебных цен. К середине 80-х годов падение цен достигло такой степени, что в 1885 г. официальный обозреватель, констатируя «затруднительное положение сел.-хоз. промышленности», указывает, «что кризис распространился все глубже и шире не только в области сельского хозяйства, но и в других отраслях промышленности и торговли. Вследствие затруднительного сбыта сел.-хоз. продуктов и низких цен на них, уменьшилась покупательная сила значительной части населения, а результатом этого явилось сокращение спроса на всякого рода мануфактуру и фабричные изделия» [1]). Другой не менее «компетентный» автор, министр внутренних дел Толстой, подтверждал, что «неудержимо развивающееся с 1881 г. падение цен на все хлебные продукты привело население к тому, что наибольшая часть произведений земли не только не приносит хозяевам сколько-нибудь вознаграждающей их труд прибыли, но дает прямо убыток» [2]).

Падение хлебных цен

Таким образом, зерновой кризис расширялся до общего народнохозяйственного кризиса, а по глубине своей приводил к прямой убыточности зернового производства. При этом необходимо, однако, все же отметить весьма важную особенность критического падения хлебных цен. Они в значительно большей степени пали для серых хлебов, ржи и овса, тогда как цены пшеницы в течение 80-х годов, при всей их неустойчивости, пали значительно меньше. Если исключить катастрофу 1891 г., сразу повысившую цену на все хлеба, то только в 1894 г. цены на все хлеба, в том числе и на пшеницу, достигли наиболее низкого уровня. Это видно из следующих сопоставлений так называемых «местных» цен по сводкам министерства земледелия (в коп. за пуд):

Годы	Пшеница озимая	Рожь	Овес	Среднее для 4-х хлебов
1881	—	98	62	80
1883	109	82	57	78
1885	81	63	60	67
1887	85	49	38	53
1894	51	41	35	42

[1]) «1885 г. в сел.-хоз. отношении».

[2]) «Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сел. хоз. произведения», стр. 10.

В отдельных областях цены опустились еще значительнее — против начала 80-х годов на 500 и более процентов. Так, в средней и восточной части черноземной полосы цена ржи упала во многих местностях с 1 р. до 20 к. за пуд, и цена ниже 30 коп. держалась месяцами. В торговых хрониках встречались указания, что в некоторых из северных черноземных губерний цена одного пуда ржи доходила местами до 18 и 12 коп. «Такого уровня цен не знало или о нем забыло современное поколение русских сельских хозяев; подобные цены не были известны после крестьянской реформы и не на возможности их существования строились расчеты хозяев даже самых предусмотрительных» [1]).

Тот же официальный источник, вычисляя стоимость производства отдельных хлебов и доходность их при существовавших рыночных ценах (1887 г.), констатирует почти по всем районам убыточность (включая ренту) производства ржи и в значительной мере овса, при более благоприятных соотношениях для пшеницы. Так, рожь только в южных губерниях, да и то далеко не во всех, давала прибыль в 4—6 руб. на десятину, в средне-черноземных она давала убыток в среднем 2—8 руб., в северно-черноземных 1—9 р., в восточных 3 — 7 руб. Такие же данные получались для овса, дававшего на десятину убыток, напр., в средне-черноземных губерниях в среднем 5—7 руб., северно-черноземных от 2—3 руб. до 7—9 руб.; только пшеница давала во всех районах чистую максимальную прибыль (14 — 38 руб на дес. озимая и несколько меньшую — 8 — 27 руб. на дес. — яровая в южных губерниях; несколько меньше — 5—25 руб. в средне- и северно-черноземных) [2]).

Таким образом, можно определенно констатировать, что кризис в первую очередь и наиболее сильно ударил по производству серых «крестьянских» хлебов — ржи и овса и в меньшей мере и позже — по производству пшеницы. Рожь и овес уже за первое пятилетие 80-х годов потеряли половину своей рыночной стоимости, тогда как все хлеба за это время потеряли всего около трети своей стоимости, а пшеница и того менее. Это был первый удар капиталистического кризиса по наименее экономически мощному товаропроизводителю — непосредственно по крестьянскому хозяйству или по наиболее слабому помещичьему, поскольку оно в своих испольных, арендных и проч. отношениях жило тем же крестьянским хозяйством.

[1]) Сель-хоз. и статист. сведения, вып. III, стр. XII.

[2]) Там же, сводная таблица, стр. XXV и след.

Территориально это обозначало кризис прежде всего ржаного и крепостного земледельческого центра и центрального земледелия. Поэтому-то с тех пор понятие о нашем сел.-хоз. кризисе в первую очередь и в наибольшей степени стало прилагаться к сельскому хозяйству этих районов. Наоборот, положение в южных, производящих пшеницу и наиболее капиталистических районах было более благоприятно.

Но понятно, что «ржаной» по преимуществу кризис 80-х годов был лишь предупреждением и преддверием общего зернового кризиса. Если в 1887 г. при средней местной цене на пшеницу (озимая 85 коп., яровая 75 коп. пуд) она давала доход, то в 1894 г., при мало изменившихся, скорее повысившихся издержках производства, но при цене всего 51—49 коп. пуд, критическое положение рынка должно было захватить и пшеницу, а вместе с тем и пшеничные районы.

К середине 90-х годов зерновой кризис в русском сельском хозяйстве проявился уже в полной мере. Так, напр., результаты производства зерновых хлебов в помещичьих хозяйствах по ценам 1894 г. были таковы (не включая ренты) [1])

Районы	Рожь		Пшеница яров.		Овес	
	себест.	цена	себест.	цена	себест.	цена
Южный степной	35	31	42	40	—	—
Юго-западный	32	33	—	—	33	36
Средне-черноземн	25	25	32	39	26	28
Северо-черноземн	24	35	—	—	20	33
Нижне-волжск.	33	27	34	44	23	28

Таким образом себестоимость была или выше рыночных цен, или на границе ее, притом без учета ренты: с учетом же последней убыточность производства еще более увеличивается.

Общие результаты кризиса

Каковы же были результаты этого кризиса и падения выгодности сел.-хоз. производства, поскольку кризис различным образом должен был отразиться на интересах и положении отдельных хозяйственных групп и привести к изменениям их хозяйственных отношений?

Результаты кризиса неодинаковым образом сказались на различных районах. Непосредственным производственным результатом кризиса для отдельных районов явилось усиление дифференциа-

[1]) Сборник «Влияние урожаев и низких хлебных цен», под редакцией Чупрова и Посникова, ст. Анненского.

ции их производственных направлений в смысле перехода от зерновых направлений к животноводческим, к молочному хозяйству, к техническим культурам и проч. Поэтому в тех районах, где переход от зерновых направлений хозяйства был уже подготовлен, там, как мы видели выше, в 1870 — 1890 гг. отмечалось усиленное развитие более интенсивных форм и направлений сельского хозяйства.

Гораздо более важное и более интересующее нас в настоящее время влияние оказал сел.-хоз. кризис на общие социально-экономические сдвиги в сельском хозяйстве.

Сельскохозяйственный кризис в одном отношении действовал одинаково как на крестьянское, так и на помещичье хозяйство: он произвел отбор экономически-сильных, разложил и дифференцировал как помещичье, так и крестьянское хозяйство, прежде оба в значительной степени нивелированные крепостным строем. Но те условия, при которых на этот новый путь капиталистического развития вступало помещичье и крестьянское хозяйство, были, конечно, совершенно различны.

Помещичье хозяйство, сохранив за собой лучшие земли и получив за ликвидацию остальных крупные капитальные суммы, обеспечив себя готовой и дешевой рабочей силой, в общем могло успешно и выгодно перейти на новые производственные условия. При благоприятной рыночной конъюнктуре правильно поставленное сельское хозяйство сулило достаточные выгоды. Во всяком случае, первые 10 — 15 лет об «оскудении» поместного дворянства, при всей трудности перехода на новые производственные рельсы, говорить не приходилось. И если через 20 лет после реформы явно обнаружилось экономическое разложение и падение дворянского помещичьего хозяйства, то причина этого заключалась в том, что в самой реформе было заложено меньше предпосылок для капиталистического развития помещичьего хозяйства, чем для сохранения остатков кабально-крепостной эксплоатации.

Крестьянское хозяйство, наоборот, вступило в новые условия с урезанным земельным наделом, с крайне низкой отсталой техникой, с крайним переобременением хозяйства платежами, с необходимостью выколачивать их через все виды своего труда. Поэтому крестьянское хозяйство с первых же лет после реформы попадает на много лет в тяжелое критическое положение и обнаруживает черты упадочного развития. И если тем не менее, вместе с этим упадочным характером развития в нем одновременно обнаруживается экономическая дифференциация и рост положительных элементов, то про-

исходит это не в связи с теми хозяйственными условиями, которые были заложены в нем реформой 1861 г., а наоборот — несмотря на эти условия, и в связи главным образом с теми воздействиями, которые оказывало на крепостное хозяйство общее развитие народного хозяйства и рост промышленности.

Рассмотрим теперь общий характер развития и взаимоотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в годы после реформы.

Упадок крестьянского хозяйства

Критическое положение крестьянского хозяйства, как результат малоземелья и переобременения его платежами, вызванными реформой 1861 г., уже через десятилетие после реформы стало совершенно ясным даже для правительства. Для последнего основным признаком деревенского «неблагополучия» являлся рост недоимочности, которая стала быстро расти и в некоторых губерниях уже превышала вдвое годовой оклад платежей.

В связи с этим в 1872 — 1878 гг. правительством создаются в некоторых из наиболее недоимочных губерний местные комиссии, и командируются чиновники для выяснения положения крестьянского хозяйства. Несмотря на специфический характер этих комиссий, состоявших из помещиков и чиновников, картина вскрылась ужасающая.

В Черниговской губ., по донесению командированного чиновника, у крестьян часто «хлеб служит не как пища, а для спасения от голодной смерти»; «хлеб употребляется с примесью сорных трав, выжимок, иногда до двух третей»; «от употребления в пищу коры и т. п начали страдать опухолью всего тела». В Симбирской губ. «крестьянская земля за недоброкачественностью не дает урожаев» и забрасывается. Те же явления отмечаются в Псковской, Тверской, Петербурской губ. и т. д.

Учрежденная в 1872 г. знаменитая «Валуевская» комиссия «наподобие королевским комиссиям в Англии» через показания «экспертов» (тоже, конечно, помещиков, предводителей дворянства, чиновников) установила не менее убийственную картину положения крестьянского хозяйства. Ливенский (Орловской губ.) предводитель дворянства пишет про сельское хозяйство своей местности, что «всякий, кто смотрит на него со стороны, подумает, что местность эта разорена неприятелем, до такой степени она представляется жалкою». Курский губернатор пишет, что сельское хозяйство «осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян». Помимо обычных ссылок на пьянство,

лень и прочих об'яснений такого положения крестьянского хозяйства, большинство сколько-нибудь трезво смотрящих на дело помещиков признавало, что переобременение крестьянского хозяйства платежами составляло главную причину невозможности вести хозяйство. По сравнению с помещичьими, крестьянские земли были обложены в 10—20 и даже в 40 раз больше. Тогда как в помещичьем хозяйстве платежи составляли 2 — 10% доходности, в крестьянском хозяйстве они везде превышали 50%. Вообще из 208 млн. руб. податных сборов, падающих на все сельское хозяйство, крестьяне платили 195 млн. руб. и помещики 13 млн. руб. [1]). В некоторых губерниях, в особенности для хозяйств с низшим наделом, платежи часто превышали доходность хозяйства. Так, платежи хозяйств с низшим наделом составляли в процентах к доходности крестьянских земель в Самарской губ. 129%, в Симбирской губ. 189 — 240%, в Брянском у. 400 — 456%, в Харьковской губ. 139 — 226% и т. д., т. е. превышали в 2 — 4 раза доходность хозяйства [2]).

Понятно, какое влияние такое переобременение одними государственными и выкупными платежами должно было производить на крестьянское земледельческое хозяйство, особенно в наиболее обремененных губерниях центра, Поволжья, запада. Крестьянство здесь быстро разорялось, бросалось в отхожие промыслы на переселение, забрасывало наделы, дифференцировалось и пролетаризировалось.

Если в годы сравнительно высокой рыночной кон'юнктуры крестьянское хозяйство после реформы поставлено было в крайне тяжелые условия, то понятно, что кризис и падение цен должны были сказаться на нем особенно разорительно. Крестьянское хозяйство 80-х годов даже, напр., в центрально-земледельческом районе, уже почти половиной своего дохода было связано с денежным хозяйством и с рынком. По подсчетам Ленина для Воронежской губ., у средних групп до 41 — 46%, а у крайних групп (высших и низших) до 57 — 60% их приходо-расходов составляли денежные, т. е. связанные с рынком и рыночной реализацией продукта, приходы и расходы. В губерниях южных и юго-западных, работающих на экспорт, а также в губерниях нечерноземных, вырабатывающих более высокорыночные продукты, этот процент должен быть еще выше. Поэтому понижение хлебных цен приводило местами к абсолютному

---

[1]) «Доклад Валуевской комиссии», стр. 35.

[2]) *Лященко*, Крестьянское дело, стр. 639.

сокращению крестьянской пашни в центрально-земледельческом районе, напр., посевная площадь на крестьянских надельных землях сократилась с 12.6 млн. дес. в 1861 — 1870 гг. до 10 — 7 млн. дес. в 1881 — 1890 гг. Упало и количество скота, этого основного признака хозяйственного благосостояния крестьянского хозяйства.

Дифференциация деревни

Но влияние кризиса не ограничивалось тем, что приводило к обнищанию и понижению производительных сил как крестьянское, так и помещичье хозяйство. Гораздо более важными были другие стороны и другой результат кризиса и вообще развития денежного хозяйства после реформы. Это — быстрое расслоение крестьянства, приводившее к выделению из него более сильных, выживающих кризис экономических групп, а с другой — к окончательному лишению хозяйственной самостоятельности более маломощных групп. Конечно, не кризис создал это расслоение и дифференциацию, которые явились естественным следствием развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Но он особенно ускорил и усилил этот процесс отбора противоположных экономических групп, почему 1880 — 90-е годы являются годами наиболее бурно выраженного процесса расслоения крестьянства, «экспроприации» массы мелких производителей.

Как мы указывали выше, вопрос о «дифференциации» или расслоении крестьянства, в свое время, в 1880 — 90-е годы, был одним из боевых вопросов нашей экономической литературы и публицистики в спорах марксистов и народников о «судьбах капитализма в России». И замечательно то, что оживление этих споров совпадает именно с периодом наиболее упадочных для крестьянского хозяйства последствий кризиса. Народнические экономисты из-за этого упадка не видели другого, еще более важного явления — расслоения крестьянского хозяйства, выделения из него групп, достаточно быстро прогрессирующих и усваивающих экономику и приемы капиталистического хозяйства. После блестящего, классического анализа В. Ильиным (Лениным) этого явления нет необходимости доказывать, что последняя четверть XIX в., т. е. прежде всего годы сел.-хоз. кризиса, были годами того первого капиталистического отбора в среде крестьянского хозяйства, который приводил к образованию, с одной стороны, пролетаризирующихся, с другой — накопляющих слоев деревни. Напомним лишь те основные выводы, которые были сделаны В. Лениным на основании обширного материала земских переписей почти по всем губерниям.

Во-первых, высшие группы имеют вообще более высокий численный семейный состав; благодаря этому 20% дворов, принадлежащих к высшим экономическим группам, имеют 26—30% населения. Крупная семья нужна для этих хозяйств именно потому, что размеры хозяйств велики, превышая личные потребности и имея предпринимательский характер. Но и этот крупный состав семьи не может, как мы увидим далее, удовлетворить производственным потребностям этих хозяйств. Далее, несмотря на наличие общинного «уравнительного» землевладения, высшие группы владеют более значительной долей надельной земли, чем им приходилось бы по числу надельных душ их семейного состава.

Но это надельное землевладение еще очень слабо отражает неравномерность пользования землей. Прежде всего купчая земля сосредоточивается в подавляющей массе в высших группах, которые (20% всех дворов) имеют 60—70% и даже до 99% купчей земли, тогда как 50% дворов (низших групп) имеют в разных губерниях 0,4—12,8% и maximum 15% купчей земли.

Еще более эта неравномерность землепользования подчеркивается арендой: высшая группа в 20% дворов сосредоточивает 49—83% всей арендованной земли, тогда как группы малоземельные арендуют землю в значительно меньших, относительно, размерах — на половину дворов приходится всего от 6% до 15% арендованной земли. Наоборот, сдача земли дает обратные показатели: главные сдатчики земли — низшие группы (на 50% их падает 67 — 98% всей сданной земли). Таким образом, вопреки народническим утверждениям о «продовольственном» или «трудовом» характере аренды и сдачи, аренда и сдача носят характер явлений капиталистического порядка.

В результате таких внутренних перемещений землепользования, действительное землепользование дает такую картину: 20% дворов высших групп пользуются 30 — 50% всей земли, 50% дворов низших групп 20—30% всей земли. При этом, в распределении посева эта неравномерность сказывается еще более значительно, чем в землепользовании, так как, очевидно, низшие группы даже не вполне используют свою землю для посева: на них приходится всего 16 — 31% посева, тогда как 20% высших групп имеют 34 — 56% посева.

Далее, группировка по скоту и, особенно, по рабочему скоту обнаруживает такую же неравномерность, идущую параллельно росту земледельческого хозяйства.

Чрезвычайно показательным моментом для характеристики развития капиталистических отношений в крестьянстве является наличность торгово-промышленных заведений в различных группах. В земских обследованиях учет этих заведений часто смазывается, об'единяя под названием вообще «промыслов» торгово-промышленные заведения предпринимательского типа в одну группу с противоположным явлением — с «промысловыми» заработками пролетарских слоев крестьянства. Тем не менее, разделяя эти явления особо, можно обнаружить, что пятая часть дворов (зажиточная группа) сосредоточивает около ½ торгово-промышленных заведений, тогда как половина дворов, беднота, — всего около одной пятой. Наоборот, промысловые заработки пролетарского характера сосредоточены в бедных дворах — на половину этих дворов приходится 60—90% таких «промыслов».

Таким образом, с одной стороны, мы видим, что «зажиточные крестьяне вкладывают капитал и в земледелие (покупка земли, аренда, наем рабочих, улучшение орудий), и в промышленные заведения, и в торговлю, и в ростовщичество». С другой стороны, в противоположной группе развиваются тоже «промыслы», «знаменующие превращение крестьянина в пролетария».

Наконец, важнейшим признаком, свидетельствующим о разложении крестьянства на две противоположные группы, — с одной стороны, батраков, с другой стороны, хозяев-капиталистов, — является степень распространения нанимающих батраков хозяйств в различных группах: дворы с наймом батраков сосредоточиваются в громадной доле в зажиточном крестьянстве. 50—70% всех дворов с наймом батраков падают на зажиточную группу в 20% всех дворов.

Таким образом, несмотря на все дефекты земской статистики для характеристики классового расслоения деревни, все же с помощью анализа ее цифр В. Ленину можно было вскрыть тот процесс расслоения крестьянства, который привел к образованию в деревне, с одной стороны, сельской буржуазии, с другой — сельского пролетариата. Крепкое земледельческое крестьянство, — владельцы торгово-промышленных заведений, владельцы денежно-ростовщического капитала, — по примерному подсчету Ленина, занимает не более одной пятой части всех дворов с $^3/_{10}$ всего населения. По своей экономической мощи эта группа является безусловно «господином современной деревни». С другой стороны, сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом, безземельное и малоземельное кресть-

янство, батраки, дворы, существующие главным образом продажей рабочей силы и проч. — таких дворов насчитывается приблизительно половина с $^4/_{10}$ всего населения. Промежуточная среди них группа средних крестьянских дворов, примерно, в 30% всего числа дворов и населения, составляет переходный слой, который, разлагаясь, дает, с одной стороны, элементы капиталистические, с другой — пролетарские.

Идет ли этот процесс расслоения крестьянства и как быстро? По этому вопросу в земских статистических исследованиях 1880—90-х годов, которыми оперировал В. Ленин, не было точных статистических доказательств. Но все же, все общие данные показывали, что этот процесс сделал большие успехи с 1860 — 70-х годов. Экономика деревни через 20 лет после «освобождения» была совсем иной, сравнительно с экономикой крепостной деревни. И если даже в крепостную эпоху через крепостную уравнительность резко пробивалась хозяйственная дифференциация, то конечно, «освободительная» реформа действительно освободила и усилила эти тенденции.

Для нас пока здесь важно указать, что эти тенденции роста капиталистических отношений в деревне не только не заглохли, но, наоборот, усилились на почве сел.-хоз. кризиса 1880—90-х годов. Последующий под'ем с конца 90-х годов создал условия, еще более благоприятствующие такому расслоению и капитализации крестьянского хозяйства. Поэтому повторные земские статистические обследования крестьянского хозяйства 1880—900-х годов, равно как и общие статистические данные, показывают, что все отмеченные выше процессы капитализации деревни — увеличение площади землепользования у более сильных групп путем прикупки земли, расширения аренды; сосредоточение в своих руках рабочего скота; улучшение обработки путем применения машин и удобрений; увеличение товарности вырабатываемой продукции, увеличение применения наемного труда, — развивались в крестьянском хозяйстве, производя отбор более экономически мощных от пролетаризирующихся.

Достаточно указать, напр., что частное землевладение крестьянства быстро увеличивалось и к концу 90-х годов достигло около 21 млн. дес. против 5,6 млн дес. после реформы. Что эти покупки совершались более мощными экономическими группами, показывает хотя бы тот факт, что в покупках земли через крестьянский банк покупки сельскими обществами, т. е. всей массой крестьян,

составляют всего около четверти всех покупок, тогда как более сильные группы, покупающие единолично и товариществами, купили до трех четвертей всей земли. О том же свидетельствует и то обстоятельство, что в этих покупках крупные покупки свыше 100 дес. занимали до 60%.

Не меньшее значение в расширении земледельческого хозяйства продолжает играть аренда частновладельческой земли. Вместо недавнего преобладания кабальных, испольных и отработочных, полукрепостнических аренд, начинает развиваться денежная аренда, преимущественно более зажиточных групп. Официальный обозреватель трудов «местных комитетов» в «особом совещании о сел.-хоз. промышленности» 1902 г. констатирует, что «почти половина крестьянских хозяйств не участвует в с'емке земель за отсутствием необходимых для того средств, и арендой пользуются лишь дворы с известным достатком... Менее состоятельные крестьяне оттесняются от земли более состоятельными».

Этот же факт подтверждается новейшими повторными земскими исследованиями во многих губерниях. Приведем по этому поводу несколько более выпуклых данных по земледельческому району. В Тульской губ. (1899 г.), напр., в группе мелких хозяйств, до 1 дес., процент арендующих дворов всего 3.6, в крупных св. 10 дес.—95%, причем на двор арендуют в первом случае 0.5 дес., во втором — 8.9 дес. Для Воронежской губ. (1900 г.) те же соотношения характеризуются: в низшей группе до 1 дес. процент арендующих дворов — 7.9%, с арендой на двор 0,87 дес., в высших группах с посевом 20 — 40 дес. процент арендующих дворов 87,4%, с арендой 12,7 дес., в группе свыше 40 дес. арендующих 69,7% с арендой 112,9 дес. В Полтавской губ. такие же цифры для сеющих до 2 дес.: 27,2% арендующих, с 0,9 дес. аренды; для групп 15—50 дес.: 42,8% арендующих и 12,8 дес. аренды.

Таким образом крепкие слои в десятки раз интенсивнее обеспечивают себя арендой земли. Конечно, для этого нужны средства производства. Поэтому, напр., в той же Полтавской губ. в низшей группе с посевом 1 — 2 дес. приходилось в среднем скота на хозяйство 1.3 головы, в высшей, с посевом в 50 и более дес.—28,2 головы. В Воронежской губ. беспосевные группы являются на 92,7% бескотными группами и на 92.5% безинвентарными. Группы с посевом до 1 дес. на 83,5% бескотные и на 84,2% безинвентарные, тогда как группа свыше 40 дес. на 79,2% четырехлошадные, а безинвентарных в числе их всего 0,2%. В Екатеринославском у. без-

земельные дворы на 44,5% безлошадные, тогда как дворы свыше 25 дес. на 94% четырехлошадные; в то же время у первых на одно хозяйство — 0.73 машины, у вторых — 3,45 машины; наконец, из этих же крупных хозяйств 62% нанимают наемных рабочих в среднем по 3,5 рабочих на хозяйство. В Тульской губ. на 100 хозяйств приходится плугов в группах до 5 дес. 0.0 плугов и столько же молотилок; в группах свыше 25 дес. — 87 плугов и 183 молотилки. Ясно, что более высоко поставленное хозяйство давало и соответственные результаты: напр., в Полтавской губ. сбор пшеницы в низших группах — 86 пуд., в высших — 110 пуд. с дес. У 4,2% наиболее крупных хозяев имелось более трети всех хлебных излишков, а 12,8% зажиточных хозяйств имели $^2/_3$ всех хлебных излишков [1]).

Понятно, что этот процесс выделения крепкого крестьянства с капиталистическим «фермерским» хозяйством шел с неодинаковым везде успехом и различно в разных районах. Главным тормозом для развития такого хозяйства являлись, конечно, те отношения между помещичьим хозяйством и крестьянством, благодаря которым помещичье хозяйство в своих выгодах поддерживало и культивировало маломощное крестьянское хозяйство, необходимое помещику для высоких земельных цен, отработочных аренд, дешевых рабочих рук и т. п.

На это удержание крестьянства на его явно недостаточном наделе, на закрепление связи крестьянства с деревней, с общиной, с его «неотчуждаемым» наделом и были направлены, как было указано выше, все усилия помещичьего класса, в особенности в период реформы 1880 — 90-х годов. Правда, эти реакционные усилия не могли прекратить процесс расслоения деревни, т. е., с одной стороны, забрасывания надельного землевладения и сельского хозяйства, с другой — развития крепкого предпринимательского крестьянского хозяйства. Но на задержку этого процесса экономически разлагающееся помещичье хозяйство повлияло в сильнейшей степени. И если в развивающейся капиталистической промышленности этот процесс обоими своими полюсами — и крепким, и пролетаризирующимся крестьянством — находил себе основу и благоприятную почву, то к концу века помещичье хозяйство, экономически реакционное и основанное на отсталых формах эксплоатации, встало

[1]) О дифференциации крестьянства за 1895 — 1902 гг. на основании данных повторных переписей 1899—1902 гг. см. между прочим *Беленко*, Дифференциация крестьянства; *Гайстер*, статья в сборнике «1905 год», т. I.

уже в явное противоречие с интересами не только бедняцкой и эксплоатируемой части деревни, но и крепкого крестьянина.

Пореформенные судьбы помещичьего хозяйства

Посмотрим же теперь, каковы были экономические и социальные судьбы помещичьего пореформенного хозяйства.

Остановимся прежде всего на выяснении изменения основного элемента социальной силы этого хозяйства — на его землевладении

Распределение земель после реформы 1861 г. нашей первой земельной переписью 1877 г. определено так. Из общего количества всех учтенных по 49 губ. земель в 337 млн. дес к категории «крестьянских надельных» земель принадлежало 116.7 млн. дес. (13%) и частным владельцам—94 млн. дес. (24,9%); остальные 126,3 млн. дес. (44,1%) принадлежали казне. Понятно, что тотчас после реформы помещики-дворяне были главными собственниками 94 миллионов десятин частновладельческой земли. После реформы у дворян-помещиков осталось 79.1 млн. дес. Еще в 70-х годах они удерживают свое преобладание, имея 73,1 млн. дес. Но уже с 80-х годов они начинают быстро терять свою земельную собственность. По переписи 1887 г. у дворян-помещиков сохраняется всего 65.3 млн. дес. а в 1905 г. всего 53.2 млн. дес. Другими словами, потеря земли дворянством за 45 лет достигла 26 млн. дес. земли. Поэтому к XX веку они окончательно теряют свое преобладание в качестве частных земельных собственников. Именно процент распределения частновладельческой земли по сословиям был:

	1877 г.	1887 г.	1905 г.
Дворяне	77,8	68,3	52,5
Крестьяне . . .	7,0	13,1	23,9
Купцы и мещане . .	14,2	16,3	20,2

Поместное дворянство за 30 лет сократило свою долю участия с трех четвертей всех частновладельческих земель до половины. Средняя ежегодная убыль дворянского землевладения в 70-х годах была до 517 тыс. дес. в год, в конце 70-х годов — 741 тыс. дес., в начале 90-х годов — 785 тыс. дес. и к концу 90-х годов — 977 тыс. дес. в год. Дворянское поместное владение вытесняется купеческим и частным крестьянским.

Но этим не исчерпывается характер крупнейших социальных сдвигов внутри землевладельческих классов после реформы. Одним из наиболее важных показателей в этом отношении является рас-

пределение земель по размерам землевладения. По той же статистике 1877 г. имеем:

Группа	% числа владельцев	% всей земли	% пашни в каждой группе
До 10 дес.	50,8	1,0	46,2
10— 50	26,8	3,6	44,4
50— 200 » . . .	11,5	6,2	41,6
200— 500 » . . .	5,0	8,7	39,3
500—1 000 » . . .	2,7	10,1	35,8
Св. 1 000 » . . .	3,2	70,4	19,8

Из таблицы видно, что до трех четвертей всей земли было сосредоточено у небольшого числа — около 15 тыс. помещиков; из них 924 владельца обладали почти одной третью (29,7%) всей земли. Наоборот, свыше 80% всех владельцев обладали менее, чем $^1/_{20}$ земли. Другими словами, земля была концентрирована в руках очень небольшого числа лиц, владельцев крупнейших латифундий.

Эти-то латифундии в первую очередь стали разлагаться и переходить из рук их владельцев к другим сословиям.

Напр., за первое десятилетие 1863—1872 гг. по 24 губерниям из 100 дес. проданной земли 74,3 дес. приходилось на крупное землевладение, и средний размер отчуждаемого имения был 183 дес

Однако неправильно было бы думать, что все дворянские поместья, а следовательно, и крупное хозяйство после реформы вообще ликвидировалось. Усиленно продавая землю, поместное дворянство в другой своей части в то же время прикупало землю. Из всего мобилизационного фонда земли в 80,7 млн. дес. в течение 30-летия после реформы дворянство купило 33 млн. дес., т. е. около 40% всей проданной земли. Притом среднее на одну сделку количество десятин земли при продажах дворянами было 224,9, а среднее количество десятин земли при покупках дворянами было 346 десятин [1]).

Другими словами, среди поместного дворянства пореформенный процесс мобилизации земли производил отбор наиболее экономически сильных групп, которые не только не теряли землю, но, наоборот, концентрировали ее в своих руках, организуя хозяйство на капиталистических началах. Это были именно группы помещичьего хозяйства, подкрепленные значительными суммами выкупных платежей, полученных с крестьян. В условиях повышательной

[1]) *Лященко,* Мобилизация землевладения, стр. 15

конъюнктуры 70-х годов они заложили основу крупного капиталистического производства в нашем сельском хозяйстве. Перейдя после 1861 г. на вольнонаемный труд, эти помещичьи хозяйства быстро развивают применение машин, искусственных удобрений, переходят к интенсивным скотоводческим и заводским системам хозяйства. Потребление сельскохозяйственных машин, сильно возросшее к концу 70-х годов, развивалось главным образом за счет более или менее крупных частновладельческих хозяйств. Так, внутреннее производство сел.-хоз. машин, в 1862 г. насчитывавшее всего 62 завода, в 1879 г насчитывало уже 340 заводов с суммой производства на 3.98 млн. руб. Привоз из-за границы сел.-хоз. машин возрос с 788 тыс. руб. в 1869 — 1872 гг. до 3 519 тыс. руб. в 1877—1880 гг. Растет также применение паровых машин и локомобилей как в отраслях производства, связанных с сельским хозяйством, так и непосредственно в самом сельском хозяйстве (Ленин).

В отношении организационных форм крупное капиталистическое сел хоз. выливается в формы свеклосахарных, винокуренных, картофельных заводов, которые начинают особенно сильно развиваться на юго-западе, западе, частью на юге, привлекая крупные капиталы, усовершенствуя технику, развивая производство. Напр., переработка сахарной свеклы на заводах юго-запада увеличилась с 5.5 млн. берковцев в 1860 г. до 22,9 млн. берковцев в 1882—1883 гг. За то же время на винокуренных заводах переработка на спирт картофеля увеличилась с 5,5 млн. пуд до 43 млн пуд. В южных степных районах на месте распадавшихся крупнейших (80—200 тыс. дес. земли) латифундий с экстенсивным овцеводческим хозяйством создавались также крупные предпринимательские хозяйства в 1 000—5 000 дес. земли, работавшие с применением машин и заменявшие прежнюю мериносовую овцу экспортной пшеницей.

Наконец, в нечерноземных губерниях, в связи с близостью городских и промышленных центров, начинают создаваться еще меньшие по размерам, но довольно интенсивные и капиталистически организованные молочные и скотоводческие хозяйства. Но понятно, что переход на чисто капиталистические рельсы с наемным трудом, с применением машин и т. п. был доступен далеко не всем хозяйствам и далеко не везде был в реальных условиях наиболее выгоден.

Наименее удовлетворительно обстояло дело в бывшем крепостном земледельческом центре, где не было ни возможности перехода

к интенсивным формам хозяйства, ни близости экспортного рынка. Наоборот, крайняя недостаточность земли у крестьян, при отсутствии капиталов у помещиков, делали наиболее выгодным способ эксплоатации земли крестьянской арендой и крестьянским инвентарем. Таким образом, здесь создался наиболее отсталый тип частновладельческого хозяйства с рутинной техникой, с господством трехпольного зернового хозяйства, отработочная система с ее почти крепостными, отсталыми отношениями помещичьего и крестьянского хозяйства. Но, конечно, эти формы хозяйства получали широкое распространение и в других районах. Собственное хозяйство заменялось здесь сдачей земли исполу за продукты, за отработки, реже за деньги. Во всяком случае помещичья земля обрабатывалась крестьянским инвентарем и скотом. Так как со стороны крестьян такая отработочная аренда обусловливалась недостачей земли, то, понятно, она обходилась дороже обычной денежной, т. е. труд крестьянина ценился очень дешево. Часто эта аренда выливалась в чисто кабальные отношения (в особенности в случаях соединения ее с ростовщичеством), когда «битье рублем» заменяло прежнее крепостное принуждение, создавая отношения даже более тяжелые, чем при крепостном праве... Но даже при более «нормальных» условиях таких отработочных крестьянских аренд помещичьему хозяйству они несли полную отсталость техники, совершенную рутину и были выгодны лишь благодаря крайне низкой расценке крестьянского труда. Вот почему до конца 70-х годов, т. е. до начала конкуренции с центрально-земледельческим районом районов юга и востока, до начала мирового кризиса и падения цен, помещичье хозяйство все же и в этих условиях не переживало тяжелого кризиса.

Положение резко меняется с 80-х годов, когда цены вообще начинают падать, а для центрального земледелия к общим условиям присоединяется еще и конкуренция внутренних южных районов. Кризис ударяет прежде всего по менее прочным хозяйствам, ведущим свое хозяйство самостоятельно. Они начинают переходить на сдачу земли тем же крестьянам и к испольщине. Цитированный уже официальный источник прямо указывает, что это явление, преимущественно наблюдавшееся в черноземной полосе (но вообще повсеместно) «об'ясняется истощением оборотного капитала у хозяев и безвыгодностью денежных затрат на хозяйство, тогда как испольный посев гарантирует по крайней мере от прямых убытков».

Насколько значительно усилились с 80-х годов старые отработочные и испольные формы ведения хозяйства, показывают следующие данные о развитии этих форм за годы кризиса[1])

Годы	Ведут хозяйство сами, в %	Сдают в испольную аренду, в %	Смешанные формы, в %
1886—1890 .	40	39	21
1891—1895 . . .	38	42	20
1896—1900 . . .	29	51	20

Понятно, что такая форма хозяйства гарантировала от прямых убытков только помещиков, но не самих крестьян. Настоящий «товаропроизводитель»-крестьянин, выплачивая помещику эту испольную аренду, в остальном продукте выплачивал сам себе по подсчетам официального статистика (Короленко) заработную плату в... 11 коп. в день на своих харчах Распространение «вненадельной» аренды помещичьих земель как денежной, так и испольной, достигает к 1880 — 90-м годам максимального развития, определяясь в 49,8 млн дес. по 50 губерниям (проф. Карышев), т. е. более 40% надельной земли, с уплатой аренды в сумме свыше 315 мил. руб или в среднем по 25 руб. на двор

Тем не менее, конечно, и этот «товаропроизводитель» мог только до известных пределов итти на сокращение своей «заработной платы» и доходов. За этим пределом приходилось все же прекращать производство. И тот же официальный источник министерства земледелия, как на последствия кризиса и падения цен, указывает, как на массовое явление, на «уменьшение спроса на землю со стороны крестьян», на «неисправность арендаторов», на падение арендных цен. «значительное, местами на 100%, понижение продажных цен» и, наконец, при всем том, на «сокращение запашек», т. е. сокращение зернового производства. В общем для центрально-земледельческих губерний падение арендных цен определялось в 20—30% и до 50%.

Задолженность и убыль дворянского землевладения

Одновременно с этим росла задолженность помещичьего землевладения. В 1878 г. ипотечная задолженность частного землевладения достигает уже 1 328 млн. руб. (а с западными губерниями до 1 544 млн. руб.), охватывая до 42 млн. дес. земли. Из этого числа на долю «дворянских» долгов дворянскому банку приходилось 448 млн.

[1]) «Материалы высочайше утвержд. комиссии 11 ноября 1901 г. по обследов благосост. сельского населения»

руб. и 12,5 млн. дес. Усиливается мобилизация земли как свободная, так и принудительная за долги банкам: одно дворянское землевладение по отчетам дворянского банка потеряло только за время с 1883—1895 гг. в 39 губ Европейской России 8 059 тыс. дес., т. е. 13% площади всего дворянского землевладения. Число же принудительных продаж земельными банками за неплатеж стало расти с такой быстротой, что в 1893 г. назначено было в продажу уже 2 237 имений, тогда как в 1886 — 87 гг. таких имений бывало в год от 21 до 160.

По другому официальному источнику (по учету облагаемых земель мин. финансов), дворянское землевладение с 76,6 млн. дес. в 1876 г. сократилось до 70, 2 млн. дес. в 1877 г., 65,8 млн. в 1887 г., 57,8 млн. дес. в 1897 г. и 54 млн. дес. в 1900 г. В год это давало около 2½% убыли, т. е. грозило в 50 лет «естественным» порядком свести на-нет поместное владение господствующего класса.

Понятно, что такое положение принимало для дворянства характер катастрофы. И если промышленное оживление 70-х годов давало выход к экономическому благополучию некоторой части поместного дворянства, то промышленный и сельскохозяйственный кризис 1880 — 90-х годов сугубо ухудшал положение. Вот почему 1880-е годы становятся годами не только продолжительной общехозяйственной депрессии, но и годами крайней общественной реакции, крайнего усиления дворянской покровительственной политики, усиленной реставрации дворянской власти над крестьянами, усиления дворянской «опеки» над крестьянством, сословно изолирующей политики по отношению к крестьянскому землевладению и т. п.

Для непосредственного поддержания дворянского землевладения учреждается в 1885 г. Дворянский поземельный банк, в котором в первые же два года было заложено до 3.9 млн. дес. и выдана ссуда 140 млн. руб., а всего за 1886—1912 гг. было заложено 24.7 млн. дес. с ссудой 1 146 млн. руб. В 1883 г. учрежден был Крестьянский банк, скоро сделавшийся также средством наиболее выгодной ликвидации дворянского землевладения путем продажи земли крестьянам; через этот банк было продано крестьянам в течение 30 лет преимущественно бывших дворянских земель 15,8 млн. дес.

Необходимо отметить, что эта ликвидация дворянского землевладения шла по все повышающимся и весьма выгодным для дворянства ценам. Благодаря той же недостаточности крестьянского наделения и повышенному арендному спросу, земельные цены росли чрезвычайно быстро. По подсчетам Центр. Стат. Комитета средние

по 45 руб. цены на землю были накануне освобождения 12 руб. 69 коп. дес., в конце 60-х годов 20 руб. 44 коп., в конце 90-х годов 66 руб. 92 коп., причем в отдельных районах они повысились в таких размерах: в южном степном с 11 руб. 34 коп. накануне освобождения до 123 руб. 97 коп. в конце 90-х годов; в малороссийских с 17 руб. 76 коп. до 119 руб. 80 коп.; в восточных с 5 руб. 82 коп. до 32 руб. 50 коп. Таким образом, если, напр., определить стоимость всей частновладельческой земли по ценам 1860 г., то она составит 2.6 млрд. рублей, а в 1900 г. она составляла уже 6.8 млрд. руб. Что касается дворянского землевладения, то оно исчислялось ко времени реформы в 73,2 млн. дес. стоимостью в 2,6 млрд. руб. К 1900 г. его размеры сократились до 54 млн. дес., но стоивших уже 3,9 млрд. руб. Таким образом дворянство, продавая землю, не только выгодно для себя капитализировало свои ренты, но все в большей сумме налагало их гнет на сельского производителя.

И тем не менее, несмотря на такой рост рент и цен, вместе с быстро идущей потерей земли, производственная основа все более ускользала от господствующего класса. Всевозможные экономические мероприятия, очевидно, не могли задержать идущего экономического процесса. Очевидно, к этим экономическим мероприятиям — не только не помогающим, но усиливающим катастрофу дворянства — необходимо было для удержания прежнего господства прибавить меры «внеэкономического» порядка.

С 80-х годов начинается длительный период политики «покровительства» дворянству и «опеки» его над крестьянством. Установление знаменитой «твердой власти» земских начальников, усиление сословных ограничений для крестьянства, ограничение семейных разделов (закон 1888 г.), ограничение переделов общинных земель (закон 8 июня 1893 г.), превращение надельного крестьянского землевладения в «неотчуждаемый сословный фонд» путем запрещения отчуждения и залогов крестьянских наделов (закон 14 декабря 1893 г.), полный запрет или крайние стеснения (до закона 1904 г.) переселения крестьян — таковы главные мероприятия этой темной эпохи дворянской реакции. В 1893 г. это выливается в признание необходимости общего пересмотра всего «крестьянского вопроса» и в создание новых «редакционных комиссий» для «укрепления» власти и для ограждения хозяйственной обеспеченности крестьян как особого сословия, на почве владения неотчуждаемой надельной землей. Эти новые редакционные комиссии были созданы и закончили свою работу в 1901 г. Способы самозащиты падающего

дворянства казалось были найдены. Но к этому времени не только уже изменилась вся экономическая обстановка, но — что еще важнее — и другая заинтересованная сторона, крестьянство, пожарами и восстаниями 1902 г. заявило о своем существовании. Семь томов «редакционных комиссии» были забыты перед новыми наступающими событиями.

ЛИТЕРАТУРА.

Вообще о *положении сельского хозяйства* после реформы, кроме указанных в предыдущих двух главах общих монографий, фактическое положение сельского хозяйства непосредственно после реформы и в 1890—900 гг. освещается: *Янсон*, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, 1881 —*Васильчиков*, Землевладение и земледелие, т. I—II, 1876. — *Ермолов*, Современные сел.-хоз. вопросы, 1891. — *Гурвич*, Экономическое положение русской деревни, 1896. — *Каблуков*, Об условиях развития крестьянского хозяйства в России, 1908. — *Карышев*, Крестьянские вненадельные аренды, 1892. — *В. В.*, Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве, 1892 — *Постников*, Южно-русское крестьянское хозяйство, 1891. — «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», Сборн. под ред. *Чупрова и Посникова*, 1897. — *Лохтин*, Состояние сельского хозяйства в России, 1901. — *Вихляев*, Очерки по русской сельскохозяйственной действительности, 1901.

Специально по вопросу о *сельскохозяйственном кризисе* и о положении сельского хозяйства в 1880—1890 гг.: *Конюков*, Европейский сельско-хозяйственный кризис, 1925. — *Короленко*, О сельскохозяйственном кризисе, 1890 — *Гайстер*, Сельское хозяйство, статья в сборн. «1905 год», 1926. — *Лященко*, Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, 1927.

Из основных *статистических материалов* см. издание Министерства земледелия. «Год в сельскохозяйственном отношении». См. также «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. I — XIII. — «Свод статистических сведений о сельском хозяйстве России к концу XIX в.», в. I — III, 1902.

Из *официальных комиссий* по положению сельского хозяйства за это время особенно см. «Материалы Валуевской комиссии» и ее «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России», 1873, а также «Доклад высочайше учрежденной в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения», — «Материалы комиссии 11 ноября 1901 г. по обследованию благосостояния сельского населения», I — III вып. 1902.

Глава XVI.

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА.

Характер дореформенного внутреннего рынка

В условиях крепостного хозяйства, как мы видели, процесс сложения единого национального рынка встречался с крупными противодействующими влияниями как в области экономики народного хозяйства, так и в области собственно техники транспорта. Эти условия в значительной мере сохранились и в первые годы после реформы, пока жел. дороги не изменили в корне все рыночные условия. При преобладании в стране мелкой местной промышленности, рынок ее ограничивался преимущественно тесными границами местного оборота, а в связи с сохранившимся еще натуральным характером деревенского хозяйства — и небольшими количественными размерами. Только такие крупные города, как Москва, Петербург, Одесса, Харьков, Нижний и др. города юго-запада, центра и Поволжья представляли довольно крупные производящие и потребляющие, а вместе с тем и торговые центры, с постоянным спросом и товарооборотом. Сбыт сельскохозяйственных продуктов поддерживался в подавляющей степени помещичьим хозяйством, обладавшим не только массой товарного продукта, но и крепостным трудом для сбыта этого продукта на рынок.

При отсутствии усовершенствованных путей сообщения, небольших размерах товарооборота, небольшой покупательной способности населения торговля выработала примитивные формы товарооборота. Предметами торговли было преимущественно сельскохозяйственное сырье, которое собиралось по мелочам у помещиков и крестьян в производящих земледельческих районах через мелких прасолов, концентрировалось в руках более крупных торговцев и затем направлялось в крупные потребительные центры или за границу. Торговля имела таким образом медленный оборот, сверху — крупно-капиталистический, снизу — мелкий прасольский ха-

рактер, большие барыши и громадную градацию и цепь посредничества от мелкого прасола до крупного купца-оптовика. Обратный товарный поток из города в деревню был сравнительно ничтожный, в виду натурального характера крестьянского хозяйства, развития домашних промыслов и слабого развития промышленности. Сбыт в деревню промышленных изделий, преимущественно ею самой не вырабатываемых, производился с помощью многочисленных мелких торговцев-офеней, которые на многочисленных сельских ярмарках сбывали различные необходимые для деревни изделия города и одновременно являлись скупщиками сельскохозяйственного сырья от крестьян и мелких помещиков. Только более крупные помещики сбывали продукты своего сельскохозяйственного производства на отдаленных более крупных рынках и пристанях непосредственно крупному купцу-оптовику.

В основе товарного обращения в стране лежала ярмарочная сельскохозяйственная торговля, дававшая первые истоки для дальнейшего сосредоточения товаров в крупной, медленно идущей торговле. Общее число ярмарок в стране в средине 60-х годов доходило до 6½ тысяч, из них крупных ярмарок с оборотом в 1 млн. руб. — более 33 (в том числе Нижегородская с оборотом 115 — 130 млн. руб., Ирбитская 41 млн. руб. и др.); свыше 500 тыс. руб. — 27 ярмарок и свыше 100 тыс. руб. — 182; остальные 6 250 ярмарок были мелкие уездные и сельские. Эта масса ярмарок главным образом собирала сельскохозяйственное сырье: они же являлись и проводниками промышленных товаров, направляемых из производящих районов через крупные ярмарки Нижнего, Ирбита, Украины в деревню. Товары московского промышленного района через Нижний шли в Поволжье, через Ирбит — в Сибирь, в обмен на восточные товары, через украинские ярмарки — на юг.

При таких условиях не могло, конечно, создаться единого «национального» рынка. Вся страна была разбита на отдельные географические районы, с крупным руководящим центром-ярмаркой и с группой крупных местных торговцев-капиталистов, державших в своих руках снабжение и сбыт товаров во всем районе. Между отдельными районами существовала значительная изолированность и значительные колебания цен. Такая централизация торговли и изолированность рынков создавали господство крупного торгового капитала, руководившего скупкой-сбытом через массу мелких посредников или собственных приказчиков.

Реформа 1861 г. и железнодорожное строительство оказали на внутренний рынок революционизирующее значение, резко изменив как его экономику, так и технику Реформа, бросив крестьянское хозяйство в водоворот денежного хозяйства, усилив бремя денежных платежей, подорвав домашние промыслы, естественно, толкала крестьянина на рынок и как продавца своих сельскохозяйственных продуктов и как покупателя продуктов промышленности. Рынок стал сильно расти, и один ярмарочный оборот по привозу товаров возрос с 360 млн. руб. в 1863 г. до 460 млн. руб. Железные дороги оказали еще более глубокое влияние на развитие рынка, впервые вовлекая в рыночный оборот ранее не затронутые районы, быстро увеличивая рыночный оборот и коренным образом изменяя не только технику, но и социальную структуру рынка.

Жел.-дорожное строительство

Первые постройки у нас жел. дорог относятся еще к дореформенному времени (1830 г. царскосельская, 1845 — 1848 гг. варшавско-венская, 1853—1862 гг. петербургско-варшавская, 1860 г. николаевская). Но эти дороги (кроме николаевской и царскосельской) имели лишь стратегическое значение. Первые дороги крупного хозяйственного значения стали строиться лишь в 60-х годах, когда с падением крепостного хозяйства стала ясной необходимость открыть земледелию возможно широкий рынок сбыта его продуктов.

В этих видах в первую очередь поставлено было соединение Москвы с Петербургом и балтийских портов с хлебородными местностями центра. Другой, стоящей на первой очереди линией, была признана южная, которая должна была соединить Москву с центром, центр и юг с южными портами и открыть, таким образом, «удобное в крае сообщение для сбыта продуктов на юг за границу, на запад и северо-запад — во внутренние губернии».

Эти два направления и должны были лечь в основу того остова железнодорожных линий, который с течением времени должен был получить дальнейшее развитие. Уже в Главном обществе железных дорог были намечены главнейшие основания предполагаемой железнодорожной сети. Она должна была состоять из магистралей «от С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы через Курск и низовья Днепра до Феодосии, и от Курска и Орла через Динабург до Либавы; таким образом, непрерывным через 26 губерний железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, сосредоточение хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступ-

ные; облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее»[1]).

Таким образом, в правительственной железнодорожной политике на первом месте стояло целью вовлечение в торговый оборот и связывание с рынком именно земледельческих районов. Было признано, что наивысшую важность представляют именно те дороги, которые соединяют хлебородные районы с внутренними рынками, т. е. обеспечивают их снабжение. Таково было значение первой крупной линии С.-Петербург—Москва. Лишь затем, обеспечив внутренний рынок, железные дороги должны были соединить производительные районы также и с портами, открыв их продуктам сбыт за границу.

Менее, чем через 20 лет после начала правильного и планомерного железнодорожного строительства, к концу 1868 г. была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производительными районами: дорога Москва—Курск привлекала к Москве грузы центра, Москва—Козлов—Воронеж собирала хлеб с юго-востока, Москва—Нижний — со всего волжского и камского района, Москва—Петербург отчасти служила путем привлечения грузов с северо-запада, отчасти снабжала южным хлебом Петербург. Вслед за сооружением этих линий началась постройка путей, соединяющих хлеботорговые районы с портами и служащих для доставления хлеба на вывоз. Сюда принадлежит прежде всего магистраль Рига—Царицын, начатая строиться отдельными участками впрочем много ранее, но законченная только в 1871 г.: пройдя с низовьев Волги и юго-восточных степей через черноземный центр, она явилась широким руслом для вывоза отсюда избытков хлеба за границу. После постройки этих линий стали сооружаться и другие, не изменяя общего плана сети. К концу 1875 г. центр обогатился новыми линиями — Москва—Ярославль, а также Сызрань—Вязьма и Козлов—Саратов,—увеличившими район тяготения к Москве далеко на восток. Кроме этих двух линий, работавших отчасти также и на экспорт, главными экспортными линиями явились Курск—Харьков—Одесса, Харьков—Ростов, Воронеж—Ростов, Харьков—Севастополь, служившие для выхода хлеба центра в южные порты, и линия Либава—Ромны, ставшая вместе с Риго-царицынской линией стягивать грузы не только центральных, но и южных губерний к балтийским портам.

---

[1]) *Куломзин*, Наша железнодорожная политика, т. I, стр 38

К 1875 г. явился уже вполне законченным тот остов железнодорожной сети, который был намечен в указе об учреждении Главного общества железных дорог в 1862 г.

Последовательное развитие жел.-дор. сети в следующие пятилетия по Европ. России представлено в следующей таблице (по статистич. сборникам Мин. путей сообщения):

Годы	В течение пятилетия открылось верст ж. д.	К началу пятилетия длина ж. д. была верст
1861—1865	2 055	1 488
1866—1870	6 659	3 543
1871—1875	7 424	10 202
1876—1880	3 529	17 626
1881—1885	3 074	21 155
1886—1890	2 864	24 229
1891—1895	6 643	27 093
1896—1900	7 978	33 736
1901—1905	6 532	41 714

Если же принять во внимание начавшуюся в 1890-х годах постройку грандиозной Сибирской ж. д., а также среднеазиатских ж. д., то увеличение всей русской сети в Европ. и Азиатской России будет таково:

	В течение пятилетия открылось верст ж. д.	К концу пятилетия длина ж. д. была верст
1896—1900	15 139	48 875
1901—1905	7 255	56 130
1906—1910	5 161	61 291

Таким образом, в течение первых 15 лет после реформы, железнодорожная строительная деятельность обнаруживала такое усиленное оживление, что общее протяжение железных дорог увеличилось в 12 раз против начала 60-х годов.

Понятно, что сами железные дороги явились настолько могущественным новым экономическим фактором, что их влияние должно было надолго затемнить действие других факторов, тем более, что, начав свое развитие на почве расширения сбыта прежде всего продуктов сельского хозяйства, железные дороги должны были послужить могущественным толчком для развития и других отраслей промышленности, а для некоторых и началом их.

Перемены в экономической географии

Вторая половина 60-х годов, время усиленного железнодорожного строительства, была временем резких перемен и перемещений в географии промышленности, сельского хозяйства и торговли. Падение одних промышленных и торговых центров и поднятие других, расширение одних районов сбыта на счет других, направление новых торговых путей — все это вело к тому, что и само производство тех местностей, близ которых проходили железные дороги, становилось в совершенно новые условия. Резкость и сила всех этих перемен в народном хозяйстве сказались еще тем более сильно, что только что совершившееся освобождение крестьян дало промышленной жизни, сельскому хозяйству и торговле такие новые формы и столь новое направление, что для того, чтобы приспособиться к ним, нужны были многие годы. Между тем, проведение железных дорог часто снова меняло, в ином уже направлении, только начавшиеся слагаться новые формы промышленной и торговой жизни.

Поэтому, вместе с развитием железных дорог, особенно в первоначальный период железнодорожного строительства, вместе с необычайным оживлением промышленности вообще, с необычайным развитием как внутренней, так и внешней торговли, наступает коренная ломка промышленных и торговых отношений различных районов России, часто направлявшая их производство совсем в другую сторону. В течение нескольких лет железные дороги окончательно переменили промышленную географию страны и торговое значение отдельных пунктов [1]).

Посмотрим же, на счет чего шло усиленное биение этого нового пульса промышленной жизни — железных дорог, в тот период, когда влияние его стало сказываться уже достаточно ощутительно.

Уже самая постройка железных дорог прежде всего через черноземные производительные районы показывала, что должно было служить материалом, которым обусловливались возникновение и жизнь железных дорог. Недостаток хлебного сбыта и снабжения, как мы видели, должен был самым тягостным образом сказываться и на крепостном сельском хозяйстве; для свободного же мелкого крестьянского производства он был совершенно невыносим. Поэтому железные дороги должны были тотчас же завладеть транспортом хлебных грузов, и на первое время чем более вглубь страны прорe-

[1]) Об этом подробнее см. *Лященко,* Очерки аграрной эволюции, гл. VII.

зывались железнодорожные линии, чем интенсивнее развивалось железнодорожное движение, тем большая доля в нем принадлежала хлебным перевозкам.

Масса хлынувшего на железные дороги хлеба стала быстро возрастать и абсолютно и относительно, обгоняя в своем росте перевозки всех других грузов. Так в первые годы развития сети перевозки по железным дорогам составляли, в миллионах пудов:

Годы	Всего товаров малой скорости	Всего хлебных грузов	% хлебных грузов в общем движении
	Миллионы пуд.		
1870	492	135	27,5
1873	1 153	444	38,5
1874	1 356	557	41,1
1876	1 374	577	42,1

Завоевывая все более и более преобладающее место в общей массе перевозок по всем железным дорогам, хлеб для некоторых из них являлся почти исключительным источником перевозок и, следовательно, доходности. На тамбово-козловской железной дороге хлебные грузы составляли до 73,1 % всей массы грузов, на рыбинско-бологовской 57.6 %, на орлово-грязской 83.6 %, на ряжско-моршанской 88.9 %

Железные дороги не только вовлекали в товарный оборот все большие массы сел.-хоз. продуктов, они резко изменяли и налаженные пути снабжения рынков: они уничтожали старые проторенные, гужевые тракты, они отвлекали грузы от одних пристаней, расширяя районы тяготения других; они сводили на-нет торговое значение прежних крупных перевалочных, распределительных, транзитных пунктов, заменяя их рассеянием торговых оборотов по мелким жел.-дор. станциям. Снабжение таких, например, крупных пунктов, как Москва, резко изменяется, с одной стороны, вследствие сильного падения гужевых подвозов (с 15 млн. пуд. до 500—800 тыс. пуд.) и отклонения железными дорогами прежних районов тяготения к портам (напр., линией Рига—Орел); с другой стороны — вследствие громадного расширения района тяготения в других направлениях.

Не менее важное влияние оказали железные дороги на изменение состава торгового класса. Вместе с распылением прежней крупной сел.-хоз. торговли, концентрированной в немногих пунктах сбора, транзита и сбыта, падает значение крупного торгового капитала.

Вместо крупного московского или коломенского купца, нижегородского мукомола, московского льняного или пенькового фабриканта, крупного экспортного оптовика, вместо старого «лабазника» на железнодорожные станции хлынула масса мелких торговцев, экспортеров, комиссионеров, скупающих хлеб, пеньку, кожи, сало, овчины, пух, щетину, — одним словом, все товары, нужные как внутреннему рынку, так и на экспорт. Работающий с небольшим капиталом, с небольшими накидками на цены, но с быстрым оборотом капитала, этот мелкий торговый капитал проникал в глубину деревни, быстро втягивал ее в денежный оборот, увеличивал товарность ее хозяйства, увеличивал товарные массы как для внутреннего, так и для внешнего рынка [1])

Железнодорожная тарифная политика

Влияние жел. дорог в смысле вовлечения в рыночный оборот новых отдаленных районов и продуктов их сел.-хоз производства стало сказываться особенно сильно после того, как правительство с конца 1880-х годов берет в свои руки руководство жел.-дор. тарифами и устанавливает систему дифференциальных тарифов. Дифференциальные тарифы, устанавливая для отдаленных расстоянии более низкие пудоверстные ставки, чем на более близкие, удешевляя перевозки, расширяли районы тяготения к рынкам сбыта и втягивали в рыночный оборот самые отдаленные районы юго-востока, Заволжья, Сибири, раньше не имевшие сбыта, вследствие низких цен и дороговизны перевозки. Теперь, с удешевлением последних, цены на местах начинают определяться ценой центрального рынка, и поэтому начинают особенно быстро расти на отдаленных рынках. Так, если проследить за период развития жел. дорог повышение цен на потребительных рынках и на окраинных, то обнаружится, напр, что цена четверти ржи в 1870-х годах, по сравнению с дореформенными повысилась на Петербургском рынке на 30%, в Рыбинске на 50%, в Орле на 66%, в Харькове на 85%, в Саратове на 100%. Таким образом, интенсивность повышения цен увеличилась по мере удаления к периферии

Такие новые выгоды, открывавшиеся окраинному сельскому хозяйству, революционизирующим образом влияли на сельское хозяйство этих районов Вместо прежних пустынных степей и экстен-

---

[1]) О жел.-дор. строительстве и вызванной им «демократизации» торговли см. *Лященко,* «Очерки», гл. VII — VIII, а также ст. *Мукосеева,* в сбор. «Общественное движение в России», т. I.

сивного овцеводства на них здесь стали быстро расти пашня и возделываться зерновые хлеба для сбыта за границу и на внутренние рынки. Эта конкуренция новых и богатых районов юга с прежней «житницей» для внутреннего и внешнего рынка — черноземным центром — губительным образом сказывалась на сельском хозяйстве последнего, принужденного работать на более выпаханных почвах, при отсталой технике, высоких арендных ценах и т. п.

Железные дороги таким образом чрезвычайно осложняли рыночные и производственные отношения отдельных районов, втягивая их сельское хозяйство в условия товарного обращения и ставя их хозяйственные результаты всецело в зависимость от рынка. Правительственная податная политика, выколачивание податей, земельная задолженность еще более усиливали необходимость сбыта крестьянским хозяйством своих продуктов, увеличивали «товарность» их производства.

Таким образом, мелкое, некапиталистическое крестьянское хозяйство, со своей отсталой техникой, обремененное высокими арендными и прочими платежами, все более втягивалось в служение рынку. В своей рыночной реализации продукта оно сталкивалось с капиталистически организованным рынком и с его капиталистической экономикой — железными дорогами, банками, со скупщиком-комиссионером, агентом мирового рынка, с единой мировой ценой. В некоторых районах это сказалось особенно тяжелыми последствиями и, напр., крестьянское хозяйство земледельческого центра вынуждалось попрежнему служить рынку массой своего дешевого продукта, хлеба, сбывая его хоть бы за бесценок.

Такие производственные отношения лежали в основе сильного расширения сельскохозяйственного рынка в 1870—80-х годах. При этом, так как внутренний рынок не мог вместить весь хлынувший на него избыток хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов, то внешний рынок начинает занимать все большую долю вообще в сельскохозяйственном товарообороте. Одновременно с этим общим экспортным направлением развития рынка идет процесс увеличения участия в рыночном обороте продуктов окраинных земледельческих районов.

Приведем несколько статистических иллюстраций, характеризующих развитие товарооборота за эти годы.

Характер товарного движения

Сопоставим прежде всего основные элементы развития жел.-дор. движения [1]).

Годы	Длина сети (верст)	Количество грузов (млн. пуд.)	Пробег грузов (млрд пудоверст)	Грузов на 1 версту (пудов)
1865—69	4 682	377	72,9	81
1870—74	12 441	979	203,7	78
1875—79	18 513	1 698	383,4	93
1880—84	21 611	2 707	649,6	125
1885—89	24 882	3 628	747,9	146
1890—94	27 940	4 648	989,2	166
1895—98	34 161	6 470	1 504,5	189

Таким образом количество товарного движения росло вообще быстрее (в 17 раз), чем рост самих железных дорог (в $7\frac{1}{2}$ раз), но еще более быстро рос пробег грузов (в 21 раз), как показатель вообще охвата железнодорожным движением всего народного хозяйства.

Различные отрасли народного хозяйства в количественном отношении натуральных масс продукции участвовали в жел.-дор. движении, конечно, неодинаково. Именно, в среднем за 1895—1897 гг. было перевезено:

	Млн. пуд.	% в общем движении
А. Продуктов сел. хозяйства . . .	1 023,9	36,8
В том ч. продуктов земледелия . . .	599,9	21,2
» » » » -лесоводства . .	364,5	13 5
» » » » скотовод., рыболовства, птицеводства и пр. .	60,4	2,1
Б. Продуктов промышленности . . .	1 692,8	60,0
В том ч. волокнистых веществ . .	53,7	1,9
» » » питательных продуктов	285,1	10,1
» » » керамическ. производ . .	130,2	4,6
» » » горнозаводск. пром. . . .	947,3	33,7
» » » металл. и машин.	68,0	2,4
В. Колониальных товаров	17,7	0,6

Отсюда видно, что по массе товарного движения до двух третей давали продукты промышленности и из последних более половины горнозаводские грузы Сельское хозяйство давало более трети всех грузов с преобладающей в них массой продуктов полеводства.

---

[1]) *Билимович,* Товарное движение на русских жел. дор., гл. I.

Посмотрим теперь, какие изменения произошли в характере и составе жел.-дор. товарного движения в рассматриваемые десятилетия.

Средние годовые размеры жел.-дор. перевозок главных групп товаров были [1]):

	Количество в млн. пуд.			Прирост за 1876—902 гг.	
	1876—78 гг.	1895—97 гг.	1898—902 гг.	Млн. пуд.	%
Нефтяные прод.	6,4	200,7	236,9	230,5	3 602
Каменный уголь	90,3	445,6	639,1	548.8	608
Чугун, рельс. жел. . . .	23,8	99,5	122,4	98,6	414
Лесн. строит. мат. . . .	67,8	201,7	263,5	195,7	289
Сахар	21,6	51,1	63,9	42,3	196
Хлопок	7,2	16.9	21,8	14,6	203
Шерсть	4,2	8,4	8,5	4,3	102
8 зерн. хлеб.	311,9	572,0	620,5	308,6	99
Всех товар. мал ск. . .	978,0	2 808,3	3 649,0	2 671,0	273

Хлебные грузы в начале развития сети составляли главнейшую долю товарного жел.-дор. движения. В 1876—1878 гг. они составляли до 30% всех вообще жел.-дор. грузов — 312 млн. из 978 млн.— притом громадную долю в этом движении составляли именно «серые» крестьянские хлеба, как главный продукт сельскохозяйственного сбыта и экспорта. Но уже в 1878—1885 гг. доля зерновых хлебов в жел.-дор. движении понижается до 26%, в 1886—1890 гг. до 23%. Капиталистический рынок и его проводники — жел. дор. — начинают все более заполняться уже не продуктами некапиталистического сельскохозяйственного производства, а продуктами капиталистической промышленности. Именно, железнодорожное движение вообще, как показатель развития рынка, увеличилось в 3½ раза, причем особенно сильное увеличение дают топливные грузы (нефть в 36 раз), металлургия (возросшая в 5 раз), продукты легкой индустрии (в 3 раза). Наоборот, главный продукт железнодорожного движения 70-х годов — зерновые хлеба — увеличился лишь в два раза и даже по абсолютной массе перевозок к 1898—1902 гг. уже теряет свое первенство, уступая его каменному углю.

Другая характерная черта развития жел.-дор. движения — это все больший территориальный охват им всего народного хозяйства и вовлечение его в единый национальный рынок. Это обстоятельство проявляется в увеличении среднего пробега, который делает по жел. дорогам тот или иной товар. Если сравнить цифры, напр.,

[1]) «Статистические сборники Мин. путей сообщения за соотв. годы».

1876—1880 гг. и 1896—1898 гг., то оказывается, что средний пробег нефти по жел. дор. за это время возрос с 145 верст до 490 верст каменного угля с 288 до 359 верст, лесных материалов с 162 верст до 308 верст. С хлебных грузов с 478 верст до 646 верст. Другими словами, районы сбыта главных товаров с уплотнением сети жел. дор за этот период увеличились в два и более раз.

Кроме железных дорог, такое же влияние усиленного вовлечения народного хозяйства в обращение на национальном рынке производило и усовершенствование водных путей, в виде парового транспорта. Конечно, это влияние водных путей носило более ограниченный, местный характер, но все же удешевление и увеличение водного транспорта сильно влияло на увеличение рыночных связей. В 1863 г. у нас было лишь 646 пароходов с 47 тыс. лош. сил, в 1890 г. уже 1 824 парохода с 103 тыс. лош. сил. а в 1895 г. 2 539 пароходов с 130 тыс. лош. сил. Поэтому водные и особенно пароходные и буксирно-пароходные перевозки росли очень быстро, хотя и медленнее железнодорожных Общие размеры грузового движения были:

Годы	Водного		Железн. дор.	
	Млн пуд.	% роста	Млн. пуд.	% роста
1876—80	852	100	1 053	100
1881—85	852	100	1 418	135
1886—90 . . .	1 015	119	1 801	171
1891—95 . . .	1 228	144	2 270	215
1896—98	1 684	198	3 049	290

За двадцать лет товарное движение всех грузов в целом по водным путям увеличилось вдвое, по жел. дорогам — втрое.

Такое усиленное вовлечение в рыночное обращение не могло, конечно, остаться без влияния и на характер производства, особенно сельскохозяйственных продуктов Производство последних все в большей мере стало принимать товарный характер, т. е. они стали производиться специально на продажу. Притом этот товарный характер производства начинает приобретать в сельском хозяйстве (не говоря уже о продуктах промышленности) преобладание не только для таких чисто товарных отраслей, как сахароварение, маслоделие, льноводство и т. п., но и для таких, все еще в значительной степени «потребительских» продуктов, как зерновые хлеба.

К сожалению, у нас отсутствуют статистические данные, чтобы дать картину развития «товарности» хозяйства в отношении всех

этих продуктов. Поэтому ограничимся лишь основным и наиболее характерным продуктом — зерновым хлебом, рыночные судьбы которого в значительной степени определяют не только результаты сельского, но отчасти и всего народного хозяйства в целом.

Изменения в характере хлебных перевозок

Рост городского населения и промышленности, сделавший большой скачок вверх сначала в 70-х годах, а затем в 90-х годах, должен был сказаться на увеличении массы товарного сельского хозяйства и в частности зерновых хлебов. «Товарность» зернового производства начинает уже с 80-х годов расти значительно быстрее самого производства. Так, если в качестве размеров и признаков товарности брать товарные перевозки хлебов в их соотношении с урожаем, то за ряд пятилетий получим следующие сопоставления для главных зерновых хлебов в млн. пуд. и в процентах:[1])

Годы	Урожай (в млн. пуд.)	% роста	Перевозки (в млн. пуд.)	% роста	% перевозок к урожаю
1886—90 . .	2 457	100	421,8	100	17,2
1891—95 . . .	2 709	110,3	476,3	112,7	17,6
1896—1900 . .	2 993	121,8	615,0	145,8	20,5
1901—05 . . .	3 485	141,8	744,7	176,6	21,4
1906—10 . . .	3 300	134,3	897,5	212,8	27,2
1911—13 . .	4 557	185,5	842,1	199,6	18,5

Если к жел.-дор. перевозкам присоединить водные, то получим следующую таблицу:

Годы	Жел. дор. и водн. перев. (в млн. пуд.)	Рост перевозок	% отношен перевозок к урожаю
1896—900	919	100	30,7
1901—905	1 237	134,6	35,5
1906—910	1 339	145,7	40,6
1911—913	1 317	143,3	28,9

Отсюда видно, что вовлечение урожая крупным товарным оборотом в железнодорожное, водное, межрайонное и экспортное торговое движение быстро возрастало, достигнув максимума к концу первого десятилетия XX в.

---

[1]) *Лященко,* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии, гл. II, а также Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства.

Отдельные хлеба сохраняют значительную разницу своих отношений перевозки к урожаю и роста перевозок, что обнаруживается из следующих сопоставлений:

Годы	% отношение жел. дор. перевозок к урожаю			
	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
1893—900 . .	21,8	5,8	10,3	13,0
1901—905 . .	21,9	6,6	14,3	16,3
1905—910	26,4	6,4	18,8	14,1
1911—913	22,9	5,1	20,2	14,2

Отсюда видно, что к началу XX в. в железнодорожное товарное движение поступало до четверти всей производимой пшеницы, до одной пятой ячменя, одной седьмой овса и лишь одной пятнадцатой ржи. Но, конечно, этим не исчерпывалась вся «товарность» зернового производства. Уж одни водные перевозки увеличивали ее почти вдвое, а если принять во внимание и гужевой подвоз и внутрирайонный сбыт хлеба, то в общем товарность зернового производства может быть определена к началу XX ст. не менее 50%, главным образом, за счет таких главных «товарных» хлебов, как пшеница и ячмень

Другой, весьма важной чертой этой «товарности» зернового производства является ее направление на внутренний или внешний рынок. Статистически это может быть учтено, с одной стороны, рассмотрением цифр жел.-дор. движения в вывозном или внутреннем сообщении, с другой стороны — непосредственным учетом процента экспорта к урожаю. Приведем несколько цифр, вскрывающих эти весьма важные моменты.

Мы уже говорили, что наши железные дороги в первые десятилетия «питались» главным образом хлебом, притом «крестьянским» хлебом. Теперь мы можем прибавить — хлебом, идущим на экспорт. Действительно, разделяя все хлебные перевозки на вывозное и внутреннее сообщение, получаем следующие цифры в среднем по пятилетиям, в млн. пудов:

Годы	Вывозное сообщ.	Внутрен. сообщ.	Всего
1876—80	161,2	120,5	281,7
1881—85	195,3	171,9	367,2
1886—90	235,5	186,3	421,8
1891—95	219,3	257,0	476,3
1896—900 . . .	318,0	257,0	575,0
1901—05	416,8	327,9	744,7
1906—10	463,0	434,5	897,5
1911—13	413,0	429,1	842,1

Таким образом, еще до 1886—1890 гг. вывозное сообщение по абсолютным размерам превышало внутреннее, но последнее росло все же более быстрым темпом, чем первое, почему соотношение между обслуживанием внутреннего и внешнего рынка к 900-м годам резко изменилось. Это видно из следующих процентных отношений внутреннего и внешнего сообщения в общей массе хлебных перевозок.

Годы	Вывозное сообщ.	Внутреннее сообщ.
1876—80	57,2	42 8
1881—85	53,2	46,8
1886—90	55,8	44,2
1891—95	46,0	54,0
1896—900	55,3	44,7
1901—05	56,0	44,0
1906—10	51,6	48,4
1911—13	49,0	51,0

Внутреннее и вывозное сообщения изменились в противоположном направлении, т. е. внутренний рынок постепенно вытеснял внешний рынок. Отдельные районы обнаруживают в этом отношении значительную разницу. Так, центрально-земледельческий район во внутреннее сообщение отправлял 57,9% всех хлебов, малороссийский — 53,5%, приволжский — 53,0%, тогда как юго-западный всего 27,2%, новороссийский — 24,6%; два последних района были, следовательно, в преобладающей степени экспортные.

Возрастание роли внутреннего рынка для хлебного производства еще более выпукло видно из рассмотрения той процентной доли, которую отрывал экспорт от общей массы зернового производства. Ответ на это дает следующая таблица (Лященко).

Процентное отношение экспорта к урожаю

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
1886—90 гг. 50 губ.	46,3	8,5	33,6	10,6
1891—95 » » » . .	37,9	5,7	34,6	10,7
1896—900 » 53 » . .	28,7	6,8	26,9	8,1
1901—05 » » » . . .	26,6	6,3	31,1	11,3
1906—10 » . . .	25,6	3,9	37,4	8,0
1911	34,2	5,4	52,5	13,4
1912	16,2	2,2	29,8	6,6
1913	15,0	2,9	34,2	4,0

Еще в 80-х годах пшеница почти в половине урожая шла на экспорт, в 1901—1905 гг. эта доля уменьшилась почти до чет-

верти, ячмень в целом мало изменил свою экспортную долю, для ржи и овса она вообще невелика.

Рассмотрение товарного движения других продуктов как сельскохозяйственных, так и промышленных, за отсутствием более точных данных, за ряд лет невозможно. Можно лишь указать, что по отношению к другим, кроме хлебных, сельскохозяйственным товарам, вместе с описанным выше ростом торгового земледелия и специализации районов, отмечается быстрое увеличение товарного жел.-дор. движения. По темпу роста товарного движения хлеба, как мы видели, отстают от всех других сельскохозяйственных грузов — шерсти, льна, сахара, мяса, фруктов, масла, кож, хлопка, птицы, яиц и пр. К сожалению, отсутствие данных жел.-дор. статистики за продолжительный период не позволяет точно выяснить темп развития товарности этих грузов и их направление на внутренний или внешний рынок. Рост значения последнего мы уже видели в цифрах экспорта продуктов интенсивного сельского хозяйства, которое в 1891—1895 годах в целом составляло по ценности уже до двух третей ценности вывоза зерновых хлебов.

Общие размеры сел.-хоз. рынка

Поэтому, чтобы дать суммарную характеристику внутреннего рынка и его состава по отдельным отраслям производства, приведем также далеко не точные цифры размеров оборотов торговых предприятий, как они учитывались на основании взимания так называемых «раскладочных» сборов. Понятно, что цифры, полученные на основании этой статистики, должны быть сильно преуменьшены. Кроме того, в приводимые подсчеты не входят мелкие торговые предприятия и все вообще предприятия тех 15 губерний бывшей империи, где раскладочный сбор не был введен.

В 1898 г. обороты торговых предприятий определялись этой официальной статистикой так:

	Млн. руб.	%%
Товарная торговля	4 442	100
В том числе мануфактурн., галант. и пр. . .	923	20,8
» » » хлеб в зерне и муке	880	19,8
» » » колониальн. и бакал. товары . .	612	13,8
» » » лес, дрова, кам. уголь, строит. материалы	188	4,2
» » » вино, спирт, пиво	186	4,2
» » » скот, мясо, яйца, зелень . . .	180	4,1
» » » недрагоценные металлы	175	3,9

Сверх того, банкирские операции исчислялись в 4 017 млн. руб., торговое посредничество — 1 001 млн. руб., транспортные конторы — 174 млн. руб., а всего 9 903 млн. руб. Кроме того, обороты так называемых «предприятий, обязанных публичной отчетностью» (акционерные, торговые общества, банки и пр.) — 10,4 млрд. руб., а всего 20,3 млрд. руб. По указанным причинам эти цифры значительно ниже действительных оборотов всей торговли, которые приблизительно могут быть определены до 25 миллиардов руб. [1]).

Насколько ощутителен был рост товарно-торговых оборотов в 90-е годы, можно видеть также из следующих характерных цифр. За одно десятилетие с 1890—1900 гг. основные капиталы торговых акционерных предприятий возросли с 25,3 млн. руб. до 76,6 млн. руб. Число почтовых отправлений, как показатель торгово-денежных отношений, за это же время возросло с 348 млн. до 849 млн.

Из изложенного видно, насколько крупная перемена произошла в условиях внутренней торговли и внутреннего рынка в течение 2-3 десятилетий после реформы 1861 г. Общий характер происшедших изменении сводился к образованию единого «национального» рынка, к быстрому расширению его об'ема, территории и оборотов, к приобретению законченной капиталистической организации. Эти изменения вполне соответствовали общему развитию капиталистических отношении в нашем народном хозяйстве, особенно в 90-е годы. Они подготовляли победоносное шествие промышленного капитализма, сопутствовали ему, обусловливали его быстрый рост. Но в то же время, как мы видели из обзора развития сельского хозяйства за те же годы, этот быстрый процесс капитализации обращения, соответствовавший тенденциям развития и нуждам промышленного капитализма, находился в явном противоречии с экономикой деревни. Торговый капитал, сменяя свою прежнюю «самобытную» внешность и медленность на «европейские» капиталистические формы, на быстрые, усовершенствованные пути и приемы обращения, имел перед собой, в громадной, преобладающей массе производства — в сельском хозяйстве — того же мелкого, некапиталистического, полуразоренного и отсталого производителя.

Капиталистический торговый насос стал выкачивать из этого крестьянского хозяйства его продукты-товары гораздо более совершенными способами и в большем количестве, чем раньше. Но это,

---

[1]) «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов» Деп. торг. и мануф

конечно, не улучшало положения самого производителя. Торговый капитал успешно, еще более успешно, чем раньше, извлекал свои прибыли из развившегося товарного обращения.

Но для промышленного капитала такое положение не могло быть благоприятным и устойчивым — рыночная база для него была слишком шаткая и неустойчивая, а это делало недостаточно прочным и все его развитие.

Вот почему первое же десятилетие нашего капиталистического оживления закончилось почти десятилетним же периодом застоя и кризисов, и только во второй половине 90-х годов оказались налицо элементы нового капиталистического под'ема.

ЛИТЕРАТУРА

Процессы образования внутреннего рынка после реформы см. главным образом *Ленин*, Развитие капитализма, а также *Лященко*, Очерки, гл VII—X, *и Мукосеев*, статья в сборнике «Общественное движение в России», т. IV — По вопросу о значении железных дорог и о железнодорожном товарном движении. *Куломзин*, Наша железнодорожная политика, 1902. — *Головачев*, История железнодорожного дела в России, 1881. — *Мигулин*, Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы, 1903. — *Чупров*, Железнодорожное хозяйство, 2 т., 1875—78. — *Блиох*, Влияние железных дорог на экономическое состояние России, 1878 — *Витте*, Принципы железнодорожных тарифов, 1884. — *Билимович*, Товарное движение на русских железных дорогах, 1902

Статистика железных дорог и железнодорожного движения давалась в «Статистических сборниках» Мин пут. сооб. и в «Сводной статистике» Мин. фин., обработаны у Билимовича и Лященко.

Глава XVII.

ЭПОХА ГРЮНДЕРСТВА И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА.

(70-е годы)

Падение крепостной системы, развязав рост производительных сил страны, должно было двинуть их по тому пути развития товарно-денежного хозяйства и капиталистической промышленности, которые в зачаточной форме намечались и в крепостном строе, но не могли получить в нем достаточного развития. Теперь, в новых условиях хозяйственной жизни, не могли уже сохраняться те формы хозяйственной деятельности, которые жили только на основе крепостного труда.

«Освобождение» — с его «чисткой земель» для капитализма — выбрасывало на рынок вполне достаточное для развития капитализма количество рабочей силы. Окончательное разложение натурального хозяйства создавало для капиталистической промышленности рынок сбыта. Накопленные в крепостную эпоху торговый и промышленный капиталы и капитализированная землевладельцами в выкупных свидетельствах «крепостная рента» могли приступить к организации крупной промышленности на новых капиталистических началах.

Но, конечно, вся эта хозяйственная перестройка требовала значительного времени, почему первое десятилетие после реформы представляет из себя переходный период, занятый ломкой старых хозяйственных отношений, переустройством их на новый лад, формированием новых сил, средств и техники для нового капиталистического хозяйства, притом формированием весьма медленным и сопровождающимся болезнями роста и кризисами.

Основными моментами, к которым сводился этот рост капитализма, с его болезнями и изменчивыми настроениями, в течение первых 20—25 лет после реформы были: капитализация процесса обращения и производства, а в связи с этим борьба утверждаю-

щейся капиталистической фабрики с умирающей мануфактурой и кустарной промышленностью и процесс образования внутреннего капиталистического рынка. В пределах этих моментов главным образом и слагается народнохозяйственная история 1870—1900 гг., Дальнейшее развитие и углубление процесса развития капитализма относится уже к последующей эпохе 1895—1900 гг., когда линии полной победы промышленного капитализма выступают уже гораздо более выпукло.

В этой главе о первых двух десятилетиях формирования у нас промышленного капитализма мы и остановимся на этих трех основных моментах: капиталистическом грюндерстве 70-х годов, направленном преимущественно на капитализацию средств обращения и частью — на производство; на борьбе капиталистической фабрики с мануфактурой и кустарной промышленностью и на капиталистическом завоевании внутреннего рынка.

I. Промышленное грюндерство.

Кризис переходного времени

В техническом отношении переход от крепостничества к «свободному труду» застал русскую промышленность, как мы знаем, на мануфактурной стадии ее развития. За исключением некоторых отраслей промышленности (бумагопрядильное, ситценабивное и некоторые др.), в массе производства и в частности в тяжелой индустрии, в суконном производстве и во многих других, господствовал ручной труд и технический застой. При таких условиях крупное и капиталистически организованное предприятие не имело почти никаких технических преимуществ перед мелким, а так как положение крупного предприятия осложнялось целым рядом других моментов — рабочим вопросом, недостатком капитала, узостью рынка — то оказывалось, что «мелкое» производство вообще имело даже некоторые преимущества перед крупным.

Поэтому поворот к капитализму, начавший особенно ясно и быстро намечаться после реформы и проявлявшийся в победе капиталистически-организованной купеческой фабрики над отсталой, бывшей крепостной, вотчинно-дворянской, совпадал вместе с тем с другой тенденцией — с временным укреплением мелкого производства и некоторым «рассеиванием» крупной промышленности. Поэтому в развитии нашей промышленности в первое десятилетие после реформы можно наблюдать две основные тенденции: с одной

стороны, ликвидируемые крупные крепостные промышленные предприятия уступают свое место капиталистически-организованным, дворянские вотчинные фабрики — купеческим; с другой стороны, вообще крупные предприятия, мануфактурные по своей технике и не имеющие технических преимуществ перед мелкими, начинают уступать место менее крупным. Таким образом, в целом мы имеем здесь явный процесс расслоения докапиталистических крепостных промышленных форм и замену их капиталистическими. Но в то же самое время развитие их носило характер, обусловленный нашей экономической отсталостью.

Наиболее отсталыми в техническом и экономическом отношениях представлялись помещичьи вотчинные, а также посессионные фабрики. Естественно, что они в первую очередь и стали ликвидироваться, лишившись в своих экономических условиях основы своего существования — крепостного труда. Напр., в одной Симбирской губернии, после реформы, из 30 бывших вотчинных мануфактур 10 закрылось вовсе. 10 перешло в руки купцов, и только 8 осталось у помещиков. Вообще же, напр., в суконной промышленности (преимущественно помещичьей) число рабочих с 1859 г. по 1863 г. сократилось с 99,0 тыс человек до 71,8 тыс., а число фабрик с 419 до 365 (Туган-Барановский).

Такое же влияние оказала реформа 1861 г. на размеры продукции тяжелой металлургии в посессионном Урале, который в 1860 г. выплавлял 14,5 млн. пуд., а в 1862 г. всего 10,5 млн. пуд. На отрасли промышленности, не столь тесно связанные с крепостным трудом, реформа оказала непосредственно меньше влияния (промышленность шелковая, хлопчатобумажная, испытавшая, впрочем, в 1862—1865 гг. кризис под влиянием гражданской войны в Америке). В известной мере первые годы после реформы отрицательно отразились на всех отраслях крупной промышленности, так как в первый момент после реформы много рабочих стало покидать города и фабрики, возвращаясь в деревню за своим «наделом». Понятно, что это явление было кратковременным, так как «чистка земель для капитализма», произведенная 1861 г., скоро стала оказывать обратное влияние — отход из деревни, усиление притока рабочих рук на фабрики и заводы и развитие вообще промышленных занятий в деревне.

Понятно, что процесс капитализации всего народного хозяйства и промышленности не мог итти первое время сколько-нибудь значительно и быстро, так как общих предпосылок к тому как

в области рынка и сбыта, так и в области накопления капитала, было недостаточно. Правда, уже сама реформа произвела среди фабрик отбор наиболее мощных и капиталистически оборудованных. Так, напр., та же самая суконная промышленность, которая в течение трех-четырех лет после реформы так резко сократилась по числу фабрик и занятых рабочих, за те же годы увеличила свое производство с 24,0 млн. рублей до 26,1 млн. рублей. Но во всяком случае первое десятилетие после реформы проходит почти застойно для большинства главных отраслей промышленности. Напр., общая выплавка чугуна, дававшая в 1860 г. 20,5 млн. пуд., в 1865 г. дала всего 18,2 млн. пуд.; добыча каменного угля с 1860 г. увеличилась с 18 млн. пуд. всего лишь до 22,3 млн. пуд. в 1865 г., количество переработанного хлопка в десятилетие 1860—70 гг. колеблется, не повышаясь в цифрах 1.5—2.8 млн. пуд., в некоторые годы и менее. Всего крупных предприятий фабричного типа с числом рабочих не менее 100 нашей фабрично-заводской статистикой в 1866 г. насчитывалось по 71 производству 644 предприятия (из них с паровыми двигателями всего 307) с числом рабочих 232 тыс. человек и с суммой производства в 201 млн. рублей.

Капитализация орудий обращения

Однако, несмотря на эти «болезни роста» и медленность темпа промышленного развития, общий процесс капитализации народного хозяйства шел все же довольно интенсивно. В первые годы он был направлен не столько непосредственно на организацию капиталистического производства, сколько на капитализацию обращения — на организацию банков, кредита, жел.-дор. транспорта и т. п. Эти необходимые подготовительные этапы капиталистической промышленности требовали значительных капиталов, которые начинают быстро организовываться и извлекаться из недр народного хозяйства в новой, чисто капиталистической форме — акционерных капиталов.

Еще до реформы у нас насчитывалось 78 акционерных предприятий с капиталом в 72 млн. руб., но уже с 1861—1873 гг. учреждается 357 акционерных обществ с капиталом в 1 116 млн. руб. Правда, в этом отношении сама реформа потребовала известного финансового напряжения и произвела задерживающее влияние на формирование акционерного капитала, благодаря чему вложение новых акционерных капиталов, доходившее в 1860 г. до 6,2 млн. руб., в 1862 г. упало до 2 млн. рублей, в 1863 г. — до 850 тыс. руб.; но уже в 1866 г. оно вновь достигает 7,5 млн. руб., а в 1870 г. —

22,5 млн. руб. и затем уже исчисляется в несколько десятков миллионов рублей ежегодно.

Некоторая часть их образована была на иностранные капиталы, но во всяком случае главная доля принадлежала туземному капиталу. К туземным капиталам, накопленным в торговле и в промыслах, присоединились также капиталы землевладельческого класса, получаемые в виде выкупных платежей и от свободной ликвидации земли помещиками. Только за первое пореформенное десятилетие 1863—1872 гг. дворянство получило до 607 млн. руб. выкупной суммы и около 115 млн. рублей за проданную землю, всего до 772 млн. руб., значительная часть которых направилась на новое акционерное капиталистическое строительство.

Посмотрим теперь, на какие именно отрасли хозяйства направлялись эти капиталы.

Из указанного числа 357 акционерных обществ, возникших в 1861—1873 гг., было основано: банков 73 с суммой акционерного капитала в 226,9 млн. рублей; железнодорожных обществ 53 с суммой капитала в 698,5 млн. руб.; пароходных 15 с капиталом в 7,3 млн. руб.; торговых предприятий 14 с капиталом в 6 млн. руб. и собственно промышленных предприятий всех видов 163 с капиталом в 128,9 млн. руб. Таким образом промышленность поглощала всего 11,4% всего акционерного капитала, тогда как банки, жел. дороги и капиталистические торговые предприятия, т. е. капиталистические организации обращения — до 83%. В этом сказывается та гегемония интересов торгового капитала, которую новая эпоха унаследовала от крепостной.

Но при всем том мы замечаем здесь уже то новое, что не только количественно, но и качественно отличает это новое от старого: крупный капитал, концентрируясь и приливая в организацию капиталистических средств обращения, естественно стал скоро переливать через эти границы, направляясь на организацию капиталистического производства. Уже к моменту реформы ликвидируются старые кредитные учреждения (ассигнационные, заемный банк, ссудные казны), и коммерческий банк преобразуется в Государственный (1860 г.). К 1870 г. мы имеем уже довольно развитую сеть кредитных учреждений, во главе с Государственным банком с 41 его отделением, 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного кредита, 163 городских банка, 16 ссудосберегательных товариществ.

Насколько эта сеть являлась уже тогда могущественным руслом для концентрации и перераспределения туземного капитала,

показывают такие цифры. К 1873 г. в Государственном банке имелось текущих счетов на 1 041 млн. руб., в акционерных — на 1 479 млн. руб. и вкладов в Госбанке 42 млн. руб., в акционерных 191 млн. руб., всего до 2 754 млн. руб., тогда как до реформы имелось около 350 млн. руб. вкладов в главном дореформенном «Заемном банке» и около 1 000 млн. руб. во всей системе старых кредитных учреждений (Земельный и коммерческий банки, приказы общественного призрения, сохранные и ссудные казны и проч.). Притом, в значительной мере это были вклады, производимые за счет самих же этих казенных кредитных учреждений, так что собственно частные коммерческие вклады были ничтожны [1]). Куда направлялись и как распределялись эти капиталы, видно из того, что в 1873 г. учет векселей по всей кредитной сети достиг 431 млн. руб., а ссуды под товары и процентные бумаги 225 млн. руб., т. е. весь коммерческий кредит — до 656 млн. руб. против 15 млн. собственно коммерческого кредита в дореформенное время.

Другою отраслью капиталистического обращения, в которую направлялись капиталы, как частные, так и государственные, было железнодорожное строительство. Вложение крупных капиталов началось здесь еще в 1857 г., когда было организовано «Главное общество российских жел. дорог», основанное преимущественно на французские капиталы и получившее концессию на 4 000 верст жел. дорог. Впрочем надежды на привлечение иностранного капитала к организации этого общества не оправдались, так как иностранные капиталисты, получив акции по дешевой нарицательной цене, скоро продали их по повышенной русским капиталистам. Тем не менее с этих пор железнодорожная горячка становится одним из главных признаков пореформенного капиталистического строительства. В результате, тогда как к 1857 г. у нас имелась всего 1 тыс. верст жел. дорог в 1865 г. их было уже 3,6 тыс. вер., в 1867 г.—10,6 т. вер. и в 1877 г.—20,2 тыс. верст. Акционерный капитал, вложенный в железнодорожное строительство, составлял до реформы 178 млн. руб., а в первое десятилетие вновь вложено 698 млн. руб., правительственные же железнодорожные займы к 1877 г. достигли 1 833 млн. руб.

Таковы были первые шаги победоносного охвата капитализмом народного хозяйства капиталистическими орудиями обращения. Понятно, что обилие денежных капиталов, благодаря организации банков и расширению банковых кредитов, а также усиленное железно-

[1]) *Кауфман*, Статистика русских банков, ч. II, 1875.

дорожное строительство не могли не оказать влияния на промышленное оживление вообще и на быстрый рост всех отраслей капиталистической промышленности, в частности — тяжелой металлургии и машиностроения.

Правда, наша тяжелая металлургия и машиностроение были не подготовлены к быстрому росту железнодорожного строительства. Рельсового производства у нас почти не существовало, паровозы строились всего на одном заводе, вообще железнодорожное оборудование — на семи, чугуна собственной выплавки нехватало, и поэтому почти все оборудование — рельсы, паровозы, вагонные принадлежности — выписывалось из-за границы. Поэтому, напр., ввоз чугуна и железа с 198 тыс. пуд. в 1851—1856 гг. возрос до 19,5 млн. пуд. в 1867—1871 гг., до 29,4 млн. пуд. в 1877—1881 гг., а машин всяких с 7,5 млн. руб. в 1856—1860 гг. до 29,5 млн. руб. в 1871—1875 гг. и 51 млн. руб. в 1876—1880 гг. Даже для сооружения, напр., Уральской жел. дор. в центре нашей тяжелой металлургии, были привезены из-за границы не только паровозы и рельсы, но и всякого рода мелкие железные изделия, винты, болты и проч.[1]). Попытки конкуренции нашей тяжелой металлургии с иностранными изделиями при фритредерском тарифе 1857 г., при высоких качествах иностранных изделий и низкой их цене, не могли иметь успеха.

Промышленное грюндерство 1870-х годов

Тем не менее тот золотой дождь, который стал орошать первые ростки нашей капиталистической промышленности, и то оживление сбыта и оборотов, которые приносило железнодорожное строительство, не могли не оказать сильного воздействия на развитие всех отраслей промышленности. Рост ее в течение первых 15 лет после реформы виден, напр., из следующих цифр годового производства[2]).

	1860 г.	1876 г.
Бумажная пряжа млн. руб. . .	28,7	44,2
Хлопчатобум. изделия » » . .	42,9	96,3
Шерстяная пряжа » » . .	0,45	2,5
» изделия » » .	34,9	52,7
Машины » » . .	14,0	43,4
Нефть млн. пуд.	0,6	10,9
Камен. уголь » »	7,3	111,3
Чугун » »	18,2	25,5
Железо » »	11,7	17,1
Сталь » »	0,1	1,1

[1]) *Брандт,* Иностранные капиталы, т. II, стр. 20.

[2]) *Покровский,* К вопросу об устойчивости активного баланса, 1898.

Таким образом 10 — 15 лет после реформы были для большинства отраслей нашей промышленности годами первых успехов, давших даже для таких старых отраслей промышленности, как хлопчатобумажная и шерстяная, увеличение производства в два раза и более. Для таких же новых отраслей, как каменноугольная, нефтяная, сталелитейная, это были годы обоснования первых крупных капиталистических предприятий, впервые создавших новые крупные промышленные районы с громадными производственными перспективами. Таковы были, напр., первые заводы англичанина Юза (английское акционерное о-во с капиталом в 3 млн. руб.), давшие начало южной металлургической промышленности в Криворожском бассейне, таковы были первые крупные каменноугольные предприятия в Донецком бассейне, таковы были первые крупные нефтяные акционерные общества Нобеля и проч.

Создавшееся на почве банкового кредита, акционирования и прилива иностранного капитала промышленное грюндерство, при всем своем блестящем фасаде, не могло, однако, не вызывать серьезных опасений. Нужно признать, что экономический фундамент для такого грюндерства был все же невелик.

Для тяжелой индустрии — это было главным образом железнодорожное строительство, для которого даже нехватало внутреннего производства чугуна и рельсов, и которое поглощало все производство каменного угля и нефти. Но железнодорожное строительство быстро развивалось до середины 70-х годов, увеличив жел.-дор. сеть в пятилетие 1871—1875 гг. на 7,4 тыс. верст и доведя ее до 10,2 тыс. верст. После этого оно уже сильно сжимается, всего до 4,5 тыс. верст в пятилетие 1876—1880 гг., вместе с тем, конечно, и резко сжимается рынок сбыта для тяжелой индустрии. Для легкой, и особенно хлопчатобумажной индустрии, базой для развития явился массовый, т. е. главным образом крестьянский рынок; но и этот рынок, при низкой покупательской способности населения, при частых неурожаях, был очень непрочен.

Промышленный кризис 1873—75 гг.

После учредительской банковской и промышленной горячки к началу 70-х годов, первое предупреждение молодому капитализму было дано уже в 1873 г., когда в связи с западно-европейским кризисом наши банки и промышленность были захлестнуты волной финансовых затруднений, товарного перепроизводства, недостатка сбыта, понижения цен, банкротств, банковых и промышленных крахов. Новое акционерное строительство, развивавшееся до 1873 г. бешеным

темпом, сразу несколько замирает. Тогда как в 1871 г. капиталы новообразованных акционерных обществ достигали 30,8 млн. руб., в 1872 г. они составляли 61,9 млн. руб., в 1873 г. — 86,9 млн. руб., но в 1874 г. дали всего 51,1 млн. руб., а в 1875 г. — 37,0 млн руб. В результате за всю вторую половину 70-х годов, в 1874—1881 гг. было вновь организовано всего 272 акционерных общества с капиталом в 305,6 млн. руб. против 1 115,6 млн. руб., вложенных в предыдущий период. При этом замечательно то, что особенно резко сократилось акционирование в области банков (вложено всего 2,5 млн. руб. новых акционерных капиталов против 227 млн. за предыдущий период) и жел. дорог (41,3 млн. против 698 млн.). Наоборот, собственно промышленное акционирование даже увеличилось как абсолютно (до 177,4 млн руб. капитала против 128,9 млн. руб. за предыдущий период), так и относительно (с 11,4% до 58% всего акционерного капитала).

Современные обозреватели кризиса 1873—1875 гг. вполне правильно видели главный толчок к нему в сокращении жел.-дор строительства, что было вызвано, в свою очередь, затруднениями финансового характера. Но более глубокие причины лежали, конечно, в недостаточности развития внутреннего рынка, при отсутствии которого сокращение жел.-дор. строительства так резко могло повлиять на ухудшение положения.

Главный массовый потребитель продуктов промышленности все еще в значительной степени удовлетворялся собственными домашними полотнами, сукнами и проч. изделиями, так как фабричные изделия ему были все еще мало доступны. О кровельном железе вместо соломенных крыш деревня думать не могла. Экономическое положение крестьянства в первое же десятилетие обнаружило такое падение, что даже по официальной характеристике крестьянское хозяйство казалось «разоренным неприятелем». Крестьянское хозяйство не могло выполнять даже государственные повинности, не говоря уже о развитии своей покупательской способности; недоимки по государственным повинностям в некоторых местностях в 3-4 раза превышали годовые оклады этих повинностей. Вся первая половина 70-х годов (кроме 1874 г.) отличалась низкими урожаями, а 1871/72 г. и 1875/76 г. были голодные годы. Понятно, что при таких условиях внутренний рынок не мог явиться базой для капиталистической промышленности.

Во всяком случае, в результате кризиса, грюндерство к средине 70-х годов стихает, и 1873—1877 гг. были годами продолжительного

промышленного затишья. Но в 1877 г., под влиянием войны, промышленность вновь получает толчок к оживлению, и в 1879—1881 годы промышленное грюндерство, оживление производства и торговли достигают своего апогея, не виданного до тех пор. Хорошие урожаи 1877—1879 гг. и благоприятные результаты нижегородской ярмарки в 1879—1880 гг. вызвали громадное оживление промышленности, в особенности хлопчатобумажной, повышение цен на ее изделия, повышение дивидендов и основание новых предприятий. По отчетам некоторых хлопчатобумажных предприятий, дивиденды их в 1879—1880 гг. достигали 40—50% и даже 70% на акционерный капитал. Стоимость выработки продукции хлопчатобумажной промышленности повысилась с 96,3 млн. руб. в 1876 г. до 200 млн. руб. в 1880 г. Каменноугольная промышленность вновь дала скачок в продукции до 201 млн. пуд. (1880 г.), нефтяная до 20 млн. пуд., железоделательная до 26,1 млн. пуд.

Но и это промышленное оживление продолжалось недолго. Уже с 1881—82 гг., отчасти в связи с резко пониженными урожаями за эти годы, а также в связи с дальнейшим замиранием жел.-дор. строительства, недостаточности широкого и прочного внутреннего рынка и, наконец, под непосредственным влиянием западноевропейского кризиса 1880 г., наша промышленность вновь переживает тяжелый кризис и вступает в полосу длительной депрессии вплоть до конца 80-х годов. Конечно, общий рост промышленности и жел.-дор. строительства продолжается. Но насколько был замедлен их темп, показывают такие цифры: образование новых акционерных капиталов, достигшее в 1873 г. максимальной цифры в 86,9 млн., упавшее к 1880 г. до 51,2 млн., в последующие годы продолжает падать, достигая в 1886—87 гг. 20—24 млн. руб. в год. Железнодорожное строительство, давшее за 1871—1875 гг. 7,4 тыс. верст новых жел дор., в 1881—1885 гг. дало всего 3,1 тыс. верст. Сокращение работы предприятий, массовое закрытие фабрик, массовая безработица и, наконец, первые массовые проявления рабочего движения и забастовки — таковы были результаты этого первого периода в развитии нашей капиталистической промышленности к концу 80-х годов.

Этим, собственно, кончается первый «подготовительный» период нашего промышленного капитализма — период изживания неустройств и пут еще недавнего крепостного строя; период первых и быстрых, но часто еще не окрепших шагов начинающегося капитализма; период грюндерских горячек железнодорожного и банко-

вого строительства. Почва для развития капитализма была расчищена, первые шаги сделаны. Оставалось на этих первых камнях в фундаменте капиталистического строительства построить законченную систему национального капитализма.

Выполнение этой задачи относится уже к новой эпохе хозяйственного развития — к эпохе 90-х годов. Но прежде чем перейти к этой эпохе завершения строительства национального капитализма, остановимся еще на одной стороне той работы, которую этот капитализм должен был проделать — на уничтожении некапиталистических своих конкурентов, и прежде всего тех остатков «народного производства», которые еще сковывали развитие капиталистического рынка «самообслуживанием» народного потребления продуктами некапиталистической, «кустарной» промышленности.

II. Борьба фабрики с кустарем.

Большая часть отраслей кустарной промышленности возникла еще много ранее реформы 1861 г.; многие из них с 1861 г., а особенно с 70-х годов, начинают быстро приходить в упадок. Во всяком случае 1870—1890 гг. представляются эпохой наиболее оживленной борьбы кустарной промышленности с развивающейся фабрикой. На фоне этой борьбы становится понятным возникновение народнических теорий о происхождении кустарной промышленности. По этим теориям, возникшая из натурального домашнего производства в крестьянском хозяйстве и служащая первоначально лишь удовлетворению собственных потребностей этого хозяйства, кустарная промышленность впоследствии органически выросла до работы на рынок, пока здесь не встретилась с «искусственно насаждаемым» капитализмом, имеющим перед ней технические преимущества и поэтому ее побеждающим. Борьба между народничеством и марксизмом, развернувшаяся по этому вопросу в 90-х годах, заставила, между прочим, пересмотреть и этот вопрос о происхождении кустарной промышленности, разрешив его в духе, совершенно противоположном народничеству.

Происхождение кустарных промыслов

Нетрудно, конечно, видеть, что очень многие, если не большинство кустарных промыслов не имеют и не могут иметь ничего общего с «народным производством», т. е. с производством для собственного потребления. Такие отрасли, как выделка шелковых тканей, парчи, перчаток, финифтяных изделий и проч., конечно, не могли возникнуть

из крестьянского потребления. Но даже предметы более широкого потребления, как хлопчатобумажное ткачество, металлические изделия, требующие большею частью привозного и покупного сырья, не могут зародиться непосредственно в недрах натурального хозяйства. Поэтому «органический» процесс зарождения кустарных промыслов, соответственно народнической теории, если и может иметь место, то лишь по отношению к очень немногим производствам.

Действительно, некоторые, но очень немногие кустарные промыслы, выросли из домашнего производства, путем выделения из собственного потребления некоторой товарной части и постепенного ее увеличения, пока весь промысел не принимал характера преобладающей работы на рынок. Такое возникновение имеет место обычно в тех промыслах, которые обслуживают главным образом предметы широкого потребления в крестьянском обиходе, в которых техника очень несложна и сырье для которых имеется непосредственно в крестьянском хозяйстве. Таковы, напр., плетение лаптей, ткачество грубого холста, валяние войлочных изделий, тележный и бондарный промыслы и проч. Эти и тому подобные промыслы, являющиеся наиболее старинными и получившие у крестьян название «искобины» («искони-бе»), и дали почву для народнических об'яснений кустарных промыслов, как специальной отрасли «народного производства».

Но уже многие даже из этого рода кустарных промыслов возникают не непосредственно из «домашнего производства», а выделившись первоначально из него в виде деревенского ремесла. В тех случаях, когда техника промысла является сколько-нибудь сложной, промысел обыкновенно становится достоянием специальных деревенских ремесленников, обслуживающих первоначально местный рынок самостоятельно и лишь затем принимающих вид «кустарей», т. е работающих на широкий рынок через скупщика. Очень часто такой деревенский ремесленник, в поисках расширения рынка, первоначально проходит стадию «отхожего ремесленника», кочующего со своим производством от потребителя к потребителю, пока изменение условий транспорта и рынка не сделает более выгодным не кочевать самому, а продвигать к потребителю товар через скупщика. Таково возникновение кустарничества из ремесла в сапожном промысле, в шерстоваляльном, шерстобитном, овчинном и проч Знаменитые, напр., кимрские сапожные промыслы, существовавшие как отхожие ремесла еще в XVII в., только в XIX в. становятся кустарными.

Несколько иным бывает путь возникновения кустарных промыслов из ремесла в том случае, когда само ремесло возникает в деревне не из натурального крестьянского хозяйства, а самостоятельно, через какого-либо специалиста-ремесленника, который, распространяя в населении ремесленные навыки и расширяя свое производство, начинает работать на продажу. Таков исторически установленный путь возникновения кустарной финифтяной живописи в Ростове Ярославской губ., мебельных промыслов в Вятской губ., очень часто — кузнечных и гвоздарных промыслов и т. п.

Возникновение очень многих кустарных промыслов связано непосредственно с крепостным хозяйством. Последнее влияло на возникновение и развитие кустарной промышленности различным образом. С одной стороны, для удовлетворения нужды помещичьего хозяйства в различных предметах личного и хозяйственного употребления, среди помещичьей дворни работали всевозможные мастера и мастерицы — сапожники, портные, столяры, кружевницы, ткачи и проч. Помещики часто принимали меры к усовершенствованию этих промыслов своих дворовых, путем найма мастеров, обучения и проч. Другой способ возникновения таких же крепостных кустарных промыслов — из помещичьих вотчинных фабрик. Работавшие на них крестьяне приобретали промышленные навыки, а так как техника таких «фабрик» была очень простая, ручная, то они могли при случае переносить ее и в устраиваемое свое производство. Иногда таким мастерам еще при крепостном праве удавалось вынести свое мастерство за пределы помещичьей дворни или фабрики и развить собственное производство на продажу. Так как такое устройство крестьянских самостоятельных производств для помещика было выгодно, давая возможность увеличения оброков, то помещики часто принимали меры к развитию этих самостоятельных промышленных занятий своих крестьян.

Таким путем из крепостного хозяйства возникли очень многие промыслы. Типичный и очень распространенный кружевной промысел вырос большею частью из помещичьих девичьих и «светелок», впоследствии перенесясь в крестьянские избы для работы на продажу. Связанными с помещичьими фабриками являются некоторые суконные промыслы, кожевенные, металлические и проч. Наконец, под непосредственным влиянием крепостной оброчной системы и желания помещиков увеличить взимаемые с крестьян оброки, образовались такие крупные центры кустарной промышленности, как

металлические промыслы с. Павлово, бывшее имение графа Шереметьева, и мн. др.

Таковы были пути возникновения кустарной промышленности в условиях товарного производства докапиталистического хозяйства. Капитализму не приходилось их создавать вновь, но он использовал имевшееся в них товарное производство для подчинения их себе сначала в области сбыта, а затем и в области производства. Но помимо того, промышленный капитализм на первых ступенях своего развития иногда не только поглощал, но, наоборот, способствовал возникновению кустарных промыслов. И этот путь возникновения кустарной промышленности, непосредственно под влиянием капиталистической фабрики, в некоторых случаях представлялся даже преобладающим. Напр., по подсчетам Туган-Барановского в Московской губ. из 141 тыс. кустарей в старинных промыслах «народного» происхождения (плетение лаптей, бондарный промысел и проч.) заняты не более 25% общего числа кустарей, в промыслах же, созданных непосредственно фабрикой, — около 59% (хлопчатобумажные, шелковые, галантерейные, перчаточные промыслы и тому подобные).

Причина такого воздействия промышленного капитализма лежит прежде всего в условиях техники промышленных предприятий в этот период их развития. Переход торгового капитализма в промышленный приводит к созданию капиталистической мануфактуры, первоначально еще с весьма слабой степенью централизации. В чистом виде и при низком уровне имеющейся техники это приводит к возникновению так называемой «раздаточной системы», когда производство ведется целиком в децентрализованном порядке, и организатором производства является капитал еще в торговой своей оболочке, в виде капиталиста-торговца, раздающего покупную пряжу для тканья отдельным мелким кустарям. Но иногда по уровню техники представляется более выгодным некоторые производственные операции производить в централизованном порядке, другие, наоборот, в децентрализованном. В таком виде возникает, напр., кустарное ткачество уже не вокруг раздаточной конторы, а вокруг прядильной мануфактуры, которая сама вырабатывает пряжу, передает ее для ткачества кустарям, завершительный же процесс — ситценабивание — производится также на фабрике.

Помимо этого, фабрика часто влияет на возникновение и развитие самостоятельного кустарничества. Когда техника производства несложна, как это бывает в мануфактурный период, то рабочие

проработав на фабрике и возвращаясь к себе в деревню, часто ставят у себя небольшой «стан» для своей собственной работы. При удаче они развивают небольшие предприятия, «светелки», привлекая к работе своих односельчан, распространяя навыки и способствуя, таким образом, возникновению целой отрасли кустарной промышленности. В зависимости от техники, а также от рынка и прочих экономических условий, такие промыслы иногда начинают процветать, вступая в борьбу с фабрикой, иногда весьма успешную. В тех случаях, когда техника централизованной мануфактуры совершенно простая, даже уже возникшие мануфактуры разлагаются на децентрализованную систему светелок и кустарей-одиночек, становясь источником и школой для возникновения массовых кустарных промыслов. Все это дает видимость победы «народного производства» над капиталистическим, видимость «искусственности» и «непрочности» последнего, пока развитие машинной фабричной техники не убьет окончательно примитивное кустарное производство.

Таким образом, говорить о каком-либо специфическом «народном» характере происхождения и сущности кустарной промышленности не приходится. Исторический путь ее возникновения и развития — не что иное, как — или путь разложения натурального домашнего производства, или разложения примитивного ремесла, или вовлечения в товарно-рыночные отношения промышленной деятельности крепостного хозяйства, или, наконец, первые шаги крупной промышленности в виде раздаточной и мануфактурной систем Первые три фазиса возникновения кустарной промышленности свидетельствуют лишь о постепенном захвате торговым капиталом хозяйственной жизни, последний — о первом этапе превращения торгового капитала в промышленный.

Борьба кустаря с фабрикой

Вот почему вопрос о судьбе русской кустарной промышленности и об исходе борьбы с ней капиталистической фабрики в 1870—1890 гг. получает особый интерес, как вопрос о победе новых форм промышленной жизни над историческими пережитками и над отсталыми формами.

Мы видели, что сколько-нибудь значительное проникновение машинного способа производства в русской промышленности начинается накануне реформы, и то преимущественно в области хлопчатобумажной промышленности. Этим хлопчатобумажному кустарному ткачеству наносится серьезный удар, но все же оно даже еще к 1860 — 70-х годах сохраняет значительный удельный вес, почти

равный по числу занятых лиц механическому фабричному производству. Быстрый прогресс техники, с одной стороны, изживание изолированности местных рынков и образование единого национального рынка — с другой, способствуют все более успешному завоеванию производств фабричной машиной и вытеснению ею ручного кустарничества. Кустарничеству в самых различных его отраслях фабричным производством наносится удар за ударом, и если вследствие каких-либо особых экономических или местных условий оно продолжает существовать или даже численно множиться, то лишь ценой полнейшего прозябания.

Этот процесс решительной борьбы фабрики с кустарем относится в преобладающей степени к 1870—1880 годам. К этому времени относится и большинство обследований кустарной промышленности, констатирующих ее тяжелый «кризис» и изыскивающих меры поднятия ее жизнеспособности. К этому же времени относится и указанное выше оживление спора о «судьбах русского капитализма» между народниками и марксистами, — спора, разрешенного действительностью в том смысле, что если в 1870—1890 гг. «народное производство» в виде кустарной промышленности еще не окончательно было вытеснено фабрикой, то только потому, что эта фабрика была еще недостаточно в капиталистическом отношении высоко поставлена.

Последующие годы поставили вопрос о вытеснении фабрикой кустаря наиболее решительно. Обыкновенно процесс вытеснения кустарной промышленности фабричной происходит весьма просто. В центре какого-либо старого кустарного производства возникает машинизированная фабрика, устроенная часто каким-либо наиболее крупным и удачливым бывшим кустарем-скупщиком, владельцем «светелки» и проч. Машинное производство понижает цены товара, вырабатываемого кустарем, и прежний «независимый» кустарь быстро превращается в наемного рабочего. Конечно, такой классический по простоте путь вытеснения кустаря фабрикой в действительной жизни осложняется рядом сопутствующих моментов, то ускоряющих, то задерживающих общий ход процесса.

Прежде всего — характер техники. Если техника двигателей и производства такова, что она может быть раздроблена и применяема по мелочам, на небольших станках, то часто такая механическая техника может усваиваться и сравнительно мелким кустарем, почему производство их получает новые выгодные шансы развития; таковы, напр., мелкие кустарно-металлические изделия. Если же, наоборот, техника такова, что она доступна исключительно круп-

ному предприятию, тем более если на них начинает вырабатываться какой-либо новый продукт, заменяющий прежний кустарный, производство последнего быстро и безвозвратно гибнет; таково, напр., вытеснение нефтью и смазочными нефтяными маслами прежних дегтярных и деревоперегонных промыслов. Иногда победа фабрики проявляется в видимом увеличении числа кустарных промышленников: напр., удешевление фабрикой производства гвоздя или ситца делает невыгодным существование прежних мелких кустарно-промышленных светелок и кузниц: они закрываются, но работавшие на них превращаются в кустарей-одиночек, давая видимость «роста» и победы кустаря.

Все этого рода процессы «борьбы фабрики и кустаря» особенно выпукло начинают проявляться именно с 1870—1880 годов, когда производство в целом стало механизироваться. Медленное — тоже своего рода «органическое» — вырастание фабрики из кустарной мастерской и превращение ее в механизированную «фабрику» наблюдается, напр., в мелкой металлической промышленности Вормско-Павловского района. Здесь, благодаря возможности механизации мелкого производства, доступной некрупному кустарю-предпринимателю, хотя и недоступной рядовому кустарю-работнику, возникает ряд мелких механизированных предприятий с наемными рабочими. Число таких заведений было в 1879 г. — 12, в 1890 г. — 24, в 1894 г. — 31, число же паровых двигателей в них — 2, 11 и 19. Из таких «кустарных» мастерских возникли всероссийски известные фабриканты-кустари: Завьяловы, Кондрашевы, Ананьевы и проч. Понятно, что, обладая первоначально все же невысокой техникой, такие кустарные фабрички долгое время отчасти сохраняют характер децентрализованной мануфактуры, выполняя некоторые операции и выработку полуфабрикатов на дому у кустарей-одиночек. И только массовое производство крупной механической фабрикой дешевого замка, ножа, гвоздя, окончательно сметает не только этих «кустарей-одиночек», но часто и более крупные кустарные мастерские.

Таковы же происхождение и отношения с фабрикой самоварного кустарного промысла в Тульской губ. Выделка самоваров, прежде исключительно ручное производство, с 70-х годов переходит на более или менее крупные и механизированные мануфактуры, на которых выполняется часть основных операций, другая же часть остается децентрализованной по кустарным избам одиночек; в 1894 г. таких «фабрик», частью с паровыми двигателями, насчитывалось 25 с 1 202 занятыми на них рабочими и, сверх того, 607 рабочими на

дому. И так как самоварное производство механизируется только в отдельных своих частях, оставаясь в целом с преобладанием ручного труда, то оно в наибольшей степени сохраняет свой чисто мануфактурный и «кустарный» характер.

Но если самоварный и ножевой кустарный промысел, по условиям техники производства, избегли, с одной стороны, полного поглощения крупной механизированной фабрикой, с другой — сами успели усвоить некоторые преимущества механического производства, то иная судьба наблюдается в некоторых других отраслях кустарно-металлических производств. Это относится к распространенному в том же Павловском районе замочному производству. Несмотря на то, что в самом Павлове в замочном производстве не возникало механических предприятий, к 90-м годам павловский замочный промысел приходит в упадок. Причиной этого явилось то обстоятельство, что в Западном крае появились крупные замочные фабрики, которые своим замком, вдвое более дешевым, чем кустарный павловский, стали вытеснять последний с всероссийского рынка. Такая же судьба постигла другой кустарный металлический промысел, гвоздарный, широко распространенный до 70-х годов в Тверской, Ярославской, Нижегородской губерниях. Первая конкуренция кустарному гвоздю, грубому и относительно дорогому, создается английским фабричным гвоздем, который оказался лучше и дешевле кустарного и уже с 70-х годов стал с ним успешно конкурировать. С 80-х годов появляются русские механические фабрики так наз. «проволочного» гвоздя, наносящего окончательный удар кустарному гвоздю. И здесь первоначально происходит «децентрализация» промысла, т. е. вытеснение сначала кустарей-предпринимателей, владельцев кустарных светелок, с наемными рабочими, благодаря чему производство переходит в кузницы кустарей-одиночек; но скоро фабричный проволочный гвоздь своей дешевизной убивает и их производство, оставляя кустарному промыслу лишь производство крупных специальных гвоздей — судовых, балочных, а также некоторых других изделий, не захваченных еще машиной.

Конечно, техника сама по себе еще не может оказать окончательно решающее влияние на судьбу промысла; ее действие сказывается в определенной рыночной среде в соответствии с характером имеющегося спроса. В этом отношении интересна судьба сапожного промысла с его центром в Кимрах Тверской губернии. Первоначально исключительно ручной, он был достоянием исключительно мелкого

кустаря, работающего в одиночку на скупщика, сбывавшего кимрские сапоги по всей России. С 70-х годов в этом промысле начинает применяться сапожная машина, доступная мелкой мастерской, хотя и недоступная рядовому кустарю-одиночке. В связи с этим начинает расти число кустарных мастерских и увеличиваться число наемных рабочих. В 90-х годах появляются крупные механические обувные фабрики, недоступные вообще «кустарной» промышленности — кустарный сапог не может конкурировать с механическою обувью, но так как последняя вырабатывается все же более высокого качества, преимущественно для городского населения, то кустарное обувное производство сохраняет свои позиции в производстве более дешевой деревенской обуви.

Тот же благоприятный (благоприятный лишь по внешности, а не по экономической выгодности) для кустарничества результат получается в том случае, когда крупное производство вообще не интересуется данной отраслью производства, вследствие полной невыгодности его механизации (рогожный промысел, игрушечный и некоторые др.), или вследствие того, что эта механизация доступна и выгодна лишь в мелких мастерских (производство войлока, мешков и пр.). Во всяком случае, во всех этих и тому подобных отраслях возникновение фабричного механизированного производства совершается более или менее медленно, постепенно и незаметно, и в смысле техники, и в смысле отношений между кустарем-предпринимателем и кустарем-рабочим. Именно это обстоятельство часто давало повод народническим экономистам рассматривать эти кустарные промыслы, как «народное производство», когда по существу они представляли полное господство отношении капиталистической зависимости. Следовательно, именно отсталость нашего капиталистического развития создавала и обусловливала эти «некапиталистические» будто бы формы и отношения.

Гораздо более резкий переворот, иногда целая «революция», совершается в кустарной промышленности тогда, когда машины и крупные фабрики всецело и быстро овладевают производством. Падение цен на фабричные изделия сравнительно с кустарными бывает в таком случае настолько сильно и стремительно, что фабрика прежде всего целиком выбивает предпринимательскую прибыль у кустарей-предпринимателей, владельцев мастерских, затем делает невозможной работу и кустареи-одиночек, несмотря на крайнее понижение их заработков и крайнюю напряженность их труда, и губит, наконец, целиком весь промысел.

Весьма в характерных чертах такой процесс проходил в хлопчатобумажной промышленности. Первое появление цилиндро-печатных машин в 30-х годах подрывает промысел кустарей-набойщиков, а ситценабивные машины-прототипы (дающие при работе 2 человек столько же, сколько раньше вырабатывали 50) совершенно уничтожают через 10 лет после своего появления кустарное ситценабивное производство. С 1840—1850 гг. начинает механизироваться ткацкое производство. До 1846 г. ткацкое производство было всецело в руках кустарей, так как торговец-капиталист, получивший из-за границы английскую пряжу, раздавал ее кустарям-ткачам. В 1846 г. появляется первая механическая бумаготкацкая фабрика; в 1866 г. их было уже 42 с 94,6 тыс. рабочих, тогда как кустарей осталось всего 66 тыс.; в 1879 г. их было уже 92 с числом рабочих 162,7 тыс., а кустарей всего 50 тыс. В 1894 г. кустарей осталось всего 20,5 тыс. человек, причем все это уже не прежние рабочие кустарных светелок, а кустари-одиночки, рассеянные фабрикой и влачащие весьма жалкое существование.

Подобный же процесс повторяется в льнопрядильном и полотноткацком промыслах, распространенных главным образом в губерниях Ярославской, Владимирской, Костромской. И здесь появление льнопрядильной машины в 50-х годах быстро убивает ручное льнопряденье. Механические ткацкие фабрики появляются лишь в 70-х годах, также быстро убивая существовавшие прежде светелки кустарей-предпринимателей в 2—3 станка; ткацкий промысел переносится к кустарям-одиночкам, пока развитие фабричного механического ткачества в 70-е годы не ликвидирует их почти окончательно.

До сих пор мы рассматривали такие отрасли кустарной промышленности, в которых развитие фабричной промышленности идет, так сказать, «органически», переплетаясь с развитием и упадком кустарных промыслов, иногда непосредственно из них возникая. В таких случаях механическое производство, хотя и ликвидирует постепенно ручное кустарное производство, но этот процесс затягивается иногда на десяток-другой лет. Но в некоторых случаях развитие вообще капиталистической промышленности сразу и катастрофически уничтожает целые отрасли. Это бывает особенно в таких случаях, когда какая-либо отрасль капиталистического производства начинает вырабатывать совершенно новый и более совершенный продукт, уничтожающий потребление старого продукта кустарного производства. Типичную в этом отношении судьбу испытал смоло-

куренный и угольный кустарный промысел под влиянием развития нефтяной и каменноугольной промышленности. Смолокуренный промысел в 1860—1870 годах был очень распространен во многих лесистых местностях, особенно, напр., в Рязанской, Нижегородской, Владимирской, Тамбовской, Пермской и некоторых других губерниях. Вместе со смолокурением здесь был очень развит и промысел по выжиганию древесного угля, который шел в местные кузницы и железоделательные заводы. Развитие нефтяной промышленности и выработка из нефтяных остатков смазочных масел очень быстро убили смолокурение, а каменноугольная промышленность и переход на гораздо более дешевый и производительный каменный уголь убивают выжигание древесного угля. В Рязанской и Тамбовской губ. эти промыслы совершенно исчезают уже в 80-х годах, в более северных губерниях, напр., в Нижегородской и Пермской, сохраняются до 1890-х годов, но теряют свое прежнее значение.

Наконец, самое развитие железных дорог в 70-х годах, ликвидируя гужевой транспорт, весьма резко сокращает ряд кустарных промыслов — тележный, санный, колесный, шорный и т. п., которые раньше, концентрируясь в лесистых местностях и вдоль основных гужевых магистралей, имели весьма большое распространение и значение.

Но, помимо такого непосредственного влияния на сокращение некоторых кустарных промыслов, развитие железных дорог оказало и более общее, но не менее отрицательное влияние на кустарную промышленность. Дело в том, что одним из условий, благоприятствующих возникновению кустарной промышленности, является наличность в хозяйстве собственного сырья или по крайней мере наличность такого дешевого сырья вообще на месте. Возникновение деревообрабатывающих промыслов, льнопряденья, пенькообрабатывающих промыслов, шерстоткацких и т. п. обусловливается главным образом тем обстоятельством, что крестьянское хозяйство имело много этого сырья — дерева, льна, пеньки, шерсти, которые за отсутствием сбыта почти не имели цены и поэтому их более выгодно было перерабатывать. С развитием железных дорог и образованием единого рынка, все это сырье сразу сделалось «товаром» и притом весьма ценным и ходким товаром, который более выгодно было сбыть и который поэтому потянулся к железным дорогам и портам, на внутренние фабрики и т. п. Все это повлияло на вздорожание сырья и убило прежде всего те промыслы, которые раньше работали на привозном сырье. Даже такие промыслы, как лапотный, простых

деревянных изделий, валяный и проч., вырабатывающие наиболее дешевые изделия, становятся невыгодными и уже не могут жить дешевизной вырабатываемых изделий в связи с вздорожанием лыка, дерева, шерсти и т. п. Часто вздорожание местного сырья и невозможность его кустарной переработки влечет за собой падение не только данного промысла, но и другого, с ним связанного. Так, напр., вздорожание леса и падение выжигания угля в северных губерниях, влечет за собой и падение местных кузнечных промыслов, так как мелкий кустарь-кузнец часто не может, за недостатком средств, перейти на покупной каменный уголь и бросает производство.

Так, постепенно, шаг за шагом, но весьма быстро, каждая новая фабрика, каждая новая отрасль фабричного производства отвоевывает новые позиции от старых «народных» кустарных промыслов: металлическая эмалированная посуда и ложка вытесняют деревянную кустарную посуду и ложку; пеньковый фабричный мешок вытесняет кустарный рогожный куль; фабричная рыболовная сеть — прежнюю кустарную; фабричное кружево — старинное кустарное кружево. Поэтому процесс роста крупной капиталистической промышленности был в то же время и процессом неуклонного упадка кустарной промышленности. И если 1850—1860 годы были для этой последней годами высшего расцвета, промышленный под'ем 1870-х годов уже подрывает прочность существования многих отраслей кустарничества, а под'ем 90-х годов либо окончательно уничтожает некоторые из них, либо приводит даже самые крупные из них к жалкому и малозначащему существованию.

— — —

ЛИТЕРАТУРА.

Эпоха первых десятилетий нашего промышленного капитализма сравнительно мало освещена и исследована в нашей литературе. Кроме общих монографий в главах XV — XVI, особенно *Ленин,* Развитие капитализма; о капитализации средств обращения в 1870-е годы смотри: *Кауфман,* Статистика русских банков, 1875. — *Судейкин,* Русские кредитные учреждения. Юридич. Вест, 1884, XVI. — *Мигулин,* Наша банковая политика, 1904. — *В. Покровский,* К вопросу об устойчивости активного баланса, 1898. См. также литературу о железнодорожном строительстве в гл. XVI.

Общий обзор промышленности за эти годы: «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1896. — *Тимирязев,* Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности с 1850 — 79 гг. 1881. К этим же годам преимущественно относятся: *Дементьев,* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет (здесь же очень подробный указа-

тель литературы за эти годы), 1897. Из истории отдельных отраслей: по железной промышленности *Гливиц*, Железная промышленность России, 1911 — *Скальковский*, Горнозаводская производительность России, 1879. — *Полетика*, О железной промышленности в России, 1864 — *Масленников*, К вопросу о развитии фабричной промышленности в России. Рост хлопчато-бумажного производства в период с 1866 — 1879 гг. Зап Геогр. Общ, т. VI

Из основных *статистических источников* особенно ценны: «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России», изд Деп торг и ман, 1889 — 1900, а также «Сведения о фабриках и заводах», 1866. — *Бок*, Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 г (Стат. времен Рос импер), 1872 — «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1885 г»

О кустарной промышленности: кроме Ленина, Туган-Барановского, см *Корсак*, О формах промышленности, 1861. — *Струве*, Историческое и систематическое место кустарной промышленности, сбор. «На разные темы» 1902 — *Прилежаев*, Что такое кустарное производство, 1882 — *В В* Очерки кустарной промышленности в России, 1886. — *Погрузов*, Кустарная промышленность в России, 1901 — *Рыбников*, Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий, 1913 — *Его же*, Мелкая промышленность России, 1922 — *Исаев*, Промыслы Московской губ., 1876 — 77. — *Харизоменов*. Промыслы Владимирской губ, 1882 — 1884 — *Плотников*, Кустарные промыслы Нижегородской губернии, 1891 — *Мещерский и Модзалевский*, Свод материалов по кустарной промышленности в России, 1874.

Источники «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности России», 17 томов, 1879 — 90 — «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», 5 томов, 1892 — 1898 — «Труды с'езда деятелей по кустарной промышленности», 1902 и 1910

Глава XVIII.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА.

(90-ые годы).

Общие условия эпохи

Промышленные кризисы 1873 г. и 1882 г., сильно подорвавшие только что начавшееся развитие нашей крупной капиталистической промышленности, продолжительный застой, охвативший после этого всю промышленную жизнь более, чем на десятилетие; полный развал деревни, закончившийся катастрофой голода в 1891 г.,—все эти обстоятельства явно вскрыли непрочность и узость той экономической базы, на которой в 70-х годах стало строиться здание русского капитализма.

Наследница дореформенного торгового капитала, наша пореформенная буржуазия охотно пошла на банковское, железнодорожное и промышленное грюндерство, поскольку в этой учредительской горячке создавались новые для нее и крупные источники быстрого накопления капитала. Но вместе с тем она не создавала для себя прочной производственной основы действительным развитием капиталистической промышленности. Крупные учредительские дивиденды, банковые операции с денежным капиталом, биржа, оперирование с жел.-дор. займами — давали такие крупные барыши, что не стоило затрачивать много усилий на прочное и трудное по существу обоснование новых промышленных предприятий, на поднятие новых производительных сил страны.

Поэтому-то, напр., инициатива заложения таких основных отраслей промышленности, как наша южная металлургическая, каменноугольная, нефтяная, соляная и пр., целиком принадлежала иностранному капиталу. Иногда построенные здесь рядом с иностранными туземные предприятия влачили жалкое существование, тогда как иностранные быстро развивались (напр., завод Пастухова рядом с заводами Юза). Но иностранный капитал, шедший в Россию,

в 70-х годах имел в значительной степени спекулятивный характер, рассчитанный более на быстрый оборот ценностями, займами и проч. (как видно из примера Главного общества росс. жел. дорог), чем на медленную разработку естественных богатств.

Таким образом, денежно-торговая буржуазия, не сумев создать себе в капиталистическом грюндерстве прочной производственной базы и не превратившись в настоящую промышленную буржуазию, не смогла обеспечить себе и своих классовых преимуществ. Наоборот, основой экономической силы денежной буржуазии попрежнему являлась торговая эксплоатация, главным образом, сельского хозяйства, а следовательно и подчиненная роль торгового капитала перед интересами землевладельческих классов. Поэтому классовое господство попрежнему остается в руках поместно-дворянского землевладения. Его интересами обусловлена была и общественно-экономическая реакция 1880—1890 годов, вылившаяся в новом повороте сословной дворянской политики, опеки над крестьянством, экономической политики поддержания дворянского землевладения и помещичьего сельского хозяйства и проч.

Но и эта политика, как мы видели, претерпела крах, приведя к катастрофе 1891 г. и к новому экономическому тупику. Победа сословно-дворянской хозяйственной политики не могла вывести народное хозяйство России из этого тупика, так как путь развития народного хозяйства шел совершенно в ином направлении — к созданию прочного национального капитализма и к укреплению его связей с мировым хозяйством, так как без последнего не мог прочно стоять и первый. Русское народное хозяйство торговым капиталом было уже всецело втянуто в мировое хозяйственное общение. К 90-м годам оно встретилось здесь уже с совершенно законченными и окрепшими национально-капиталистическими системами Англии, Германии, Франции, из которых каждая, перерастая свои национальные границы, стремилась к мировой экспансии, к колониальным захватам, к промышленно-финансовому подчинению отсталых стран.

Русскому народному хозяйству предстояло или, сохраняя свои «самобытные» отсталые формы хозяйства, быта, отношений, политики, окончательно превратиться в колонию западного капитала, с слабо развитой промышленностью, с массой нищенствующего крестьянства и с немногочисленной дворянско-феодальной верхушкой; или, закрепив свой национальный капитализм, добиться, по возможности, экономического равноправия, и, хотя бы в хвосте ка-

питалистических передовых стран, войти в систему мирового капиталистического хозяйства особой, хотя бы и зависимой национально-капиталистической системой.

Конечно, мы совершенно напрасно стали бы искать в самосознании эпохи и в ее идеологии точную формулировку именно этой основной проблемы хозяйственного развития. Но теоретически вопрос ставился именно как вопрос о создании и закреплении «национального капитализма». И именно только такой постановкой предрешалась победа этого хозяйственного пути Тогда как другой путь явно предуказывал общественный и хозяйственный регресс, возврат вспять от «прогрессирующего» капитализма Запада, — путь промышленного развития открывал возможность, если не догнать передовые капиталистические страны, то хотя бы не отстать от них. Поэтому именно победа осталась за «индустриализацией» народного хозяйства, т. е. за окончательным признанием единственного— капиталистического — пути его развития.

И нужно сказать, что результаты, достигнутые в этом направлении в течение 10—15 лет, количественно действительно были чрезвычайно велики, а по темпу своего развития обгоняли почти все существующие примеры капиталистического роста других стран. И понятно почему: вступая в среду развитой капиталистической системы, русское народное хозяйство быстро, в течение одного десятилетия, проходило те этапы, которые западно-европейский капитал проходил в течение нескольких десятилетий.

Но, с другой стороны, было бы неправильно считать, что такой расцвет капитализма окончательно очистил все народное хозяйство от остатков некапиталистической экономики и некапиталистических отношений, передав общественную и хозяйственную диктатуру в руки мощной промышленной буржуазии. Наоборот, даже в период расцвета и наивысшего под'ема русская буржуазия не вступала в борьбу за власть с господствующим дворянско-помещичьим классом, попрежнему оставляла в его ленном господстве и под его социально-экономической диктатурой основную базу народно-хозяйственного развития и своего собственного существования — деревню и крестьянство.

Город, капиталистическая фабрика, железные дороги, кредит— конечно, разлагали деревню и приобщали ее к «капиталистическому прогрессу». Но все же за этим блестящим капиталистическим фасадом чувствовалась недостаточность фундамента, так как недра народного хозяйства — деревня была еще малоземельна, некредито-

способна, слабо покупательно-способна, опутана старыми общественными отношениями, скована сословными ограничениями.

Эта экономическая маломощность деревни, позволявшая помещичьему классу эксплоатировать ее кабально-земельной зависимостью, держать ее в сословных ограничениях и под дворянской опекой, не могла, конечно, способствовать укреплению «капиталистического прогресса» и усилению эксплоатации деревни капиталом. Но все же в этом состязании за «право эксплоатации» деревни помещиком или капиталистом первое место долгое время оставалось за помещиком, окрашивая и политику 90-х годов все еще ярким феодально-дворянским колоритом.

Частично и в некоторых районах деревня успешно освобождалась от остатков старой экономики; в таком случае она становилась прочной основой и прочным рынком для развития отечественного капитализма. Но в общем наш капитализм в 1890—1899 гг. не смог капитализировать деревню в целом. Поэтому даже наиболее сильный «взлет» промышленного капитализма в 1890—1899 гг. не принес законченной капитализации всего народного хозяйства и вновь закончился крахом и продолжительной депрессией.

Капитализация деревни, как окончательное закрепление базы и завершение промышленного капитализма его развертыванием на деревню, относится уже к другой эпохе нашего капиталистического развития, когда национальный промышленный капитализм переходит уже в стадию развитого финансового капитализма.

Ход промышленного под'ема 1890-х годов

Дадим сначала общую картину промышленного развития 90-х годов.

Общие результаты роста капиталистической промышленности за эти годы представлены по официальному «Своду данных о фабрично-заводской промышленности в России» в следующей таблице:

Годы	Число предприятий	Число рабоч. (в тыс.)	Общая сумма производства (в мил. руб.)
1887	30 888	1 318,0	1 334,5
1890	32 254	1 434,7	1 502,6
1897	39 029	2 098,2	2 839,1

За десятилетие число предприятий возросло на 26,3%, число рабочих на 59,2% и сумма производства на 112,8%. Другими словами, сопоставление этих цифр показывает, что происходил не только абсолютный рост промышленности, но и ее концентрация и увеличение производительности.

Насколько именно 90-е годы дали сильный толчок в этом направлении, показывает темп прироста общей суммы производства, который, по свидетельству министра финансов, в 1878—1887 гг. давал в год 26.1 млн. руб., в 1888—1892 гг. — 41,6 млн. руб., а в 1893—1897 гг. 161.2 млн. руб. ежегодного увеличения промышленной продукции. И так как во главе этого роста стоял крупный акционерный капитал, то степень концентрации нашей промышленности в 90-х годах была выше, напр., германской. Так, если распределить производства на 3 группы по количеству занятых рабочих, то окажется, по подсчетам Зака, что в 1895 г. у нас имелось всего 15.9% мелких предприятий (10—15 раб.), тогда как в Германии 31.5%; крупных (свыше 500 раб.) у нас 45.2%, в Германии 15.3% [1]).

Приведем несколько данных, характеризующих развитие отдельных отраслей, сгруппировав их в следующую таблицу [2]).

	1887 г.	1897 г.	% прироста
I. Волокнистые вещества			
Число предприятий	2 847	4 449	56,3
Ценность производства в млн. руб.	463,0	946,3	104.4
Число рабочих в тыс.	399,2	642,5	60,9
из них			
Обработка хлопка			
Число предприятий	501	947	89,0
Ценность производ. в млн. руб.	231,7	430,2	85,7
Число рабочих в тыс.	207,7	316,1	52,2
II. Горная и горнозаводская			
Число предприятий	2 656	3 412	28 5
Ценность производ. в млн. руб.	156,0	393,7	152,4
Число рабочих в тыс.	390,9	545,3	39,2
III. Металлические изделия			
Число предприятий	1 377	2 412	75,2
Ценность производ. в млн. руб.	112,6	310,6	175,8
Число рабочих в тыс.	103,3	214,3	107,5
IV. Химическое производство			
Число предприятий	588	769	30,8
Ценность производ. в млн. руб.	21,5	59,6	177,2
Число рабочих в тыс.	21,1	35,3	67,3

[1]) *Зак*, Промышленный капитализм в России, стр. 9.

[2]) Составлено по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности России», 1889 — 1900.

	1887 г.	1897 г.	% прироста
V. Керамическое производство			
Число предприятий	2 380	3 413	43,4
Ценность производ. в млн руб.	28,9	82 6	185,8
Число рабочих в тыс	57,3	143,3	112,9
VI Все группы			
Число предприятий	30 888	39 029	26
Ценность производ. в млн. руб.	1 334	2 8 9	113
Число рабочих в тыс.	1 318	2 098	59

Отсюда видно, что хотя по абсолютным размерам производства на первом месте попрежнему стоит текстильная промышленность, но тяжелая индустрия (горнозаводская, металлическая) уже быстро догоняет легкую. За рассматриваемый период ежегодный прирост общей суммы производства по отдельным отраслям был: по горной 11,2%, по химической 10,7%, обработке дерева 9,3%, металлической 8,4%, керамической 8%, текстильной 7—8%, питательных продуктов 1,7%. В основе промышленного роста лежит таким образом тяжелая индустрия, связанная с производством средств производства.

Положение отдельных отраслей

Дадим в частности несколько цифр, характеризующих размеры производства главных отраслей промышленности.

Промышленное топливо — каменный уголь и нефть — впервые в 90-е годы дает чрезвычайно резкий скачок. Добыча каменного угля была, в млн. пудов:

Годы	Всего	В том числе в Донбассе	% общей добычи
1860	18,3	6,0	32,8
1870	42,4	15,6	36,8
1880	200,6	86,3	43,0
1890	367,2	183,3	49,9
1895	555,5	298,3	53,7
1900	995,2	691,5	69,5

Только за четыре десятилетия вся каменноугольная промышленность увеличила добычу в 55 раз и за одно последнее десятилетие в 3 раза, а Донбасс — сорок лет назад еще «дикое поле» — сделался колоссальным производительным центром, увеличив свою добычу за 30 лет в 27 раз, за одно пятилетие — в 2½ раза, взяв себе свыше двух третей всей выработки.

Не менее быстрый темп роста показывает нефтяная промышленность, с главным Бакинским районом.

Годы	Вся добыча нефти	В том числе в Баку	% общей добычи
1870	1,8	1,7	94,4
1880	34	25	73,5
1890	241	226	93 8
1895	386	385	99,7
1900	632	601	95,1

Увеличение за 20 лет в 20 раз — таков итог развития этой капиталистической отрасли промышленности, с подавляющим значением ее главного центра Баку.

Добыча железной руды и участие в ней юга характеризуется следующими цифрами (в млн. пудов):

Годы	Всего	В том числе в южном районе	% общей добычи
1870	45,9	1,3	2,8
1880	60,2	2,7	4.5
1890	106,3	23,0	21,6
1895	168,0	59,1	35,2
1900	367,2	210,1	57,2

Юг и здесь в течение последнего пятилетия решительно побеждает все другие районы горной промышленности.

Тяжелая металлургия идет в ногу с развитием горной промышленности. Выплавка чугуна и производство железа и стали представлены в следующих цифрах (в млн. пудов):

	Выплавка чугуна			Производство железа и стали		
Годы	Всего	В том числе юг	%%	Всего	В том числе юг	%%
1860	19,6	—	—	12,4	—	—
1870	20,7	0,3	1,4	14,5	—	—
1880	26,1	1,3	5,0	35,3	1,6	4,5
1890	55,2	13,4	24,3	48,4	8,6	17,8
1895	86,8	33,6	38,7	62,3	18,2	29,2
1900	176,8	91,6	51,8	134,4	59,2	44,0

Развитие не менее быстрое — за одно пятилетие вдвое в целом и в 3-4 раза для южной металлургии, решительно вытеснившей старую уральскую металлургию, понизив ее долю участия в общем производстве с 67% в 70-х годах до 28% в 1900 г. и повысив свою с 0,1% до 51%.

Дадим, наконец, несколько цифр, характеризующих итоги развития хлопчатобумажной промышленности. К сожалению, данные статистики этой отрасли производства особенно несравнимы за про-

должительный период времени, в виду развития сравнительно мелких предприятий, иногда затемняющих характер учета. По трем главным видам хлопчатобумажного производства имеем следующие цифры (В. Покровский, 276).

Годы	Бумагопрядильные		Бумаго-ткацкие		Ситценабивные	
	Число фабрик	Сумма произв. (в млн. руб.)	Число фабрик	Сумма произв. (в млн. руб.)	Число фабрик	Сумма произв. (в млн. руб.)
1870	44	48,4	744	48,0	130	30,7
1880	69	74,2	678	99,7	774	66,6
1890	66	106,6	349	136,3	413	91,9
1897	67	134,9	465	237,5	190	105,5

Более точные и подробные цифры роста производства за последнее десятилетие даются в следующих сопоставлениях по цифрам официальной «Статистики бумагопрядильного и ткацкого производства».

	1890 г.	1900 г.	% увеличения
Число прядильных фабрик	66	109	65
» ткацких »	83	118	42
» веретен (в тыс.)	3 457	6 646	92
» станков (в тыс.)	87	151	74
Потреблено хлопка тыс. пуд. . . .	8 328	16 007	92
Выработано сур. ткани (в тыс. пуд.)	6 671	11 702	75
Ценность хлопка (в млн. руб.) . .	81,6	192,1	135
» пряжи » » » . .	119,6	233,7	95
» сур. тканей	146,8	259,8	77

Увеличение производства за 10 лет почти вдвое, притом при значительно меньшем увеличении числа предприятий, т. е. общий рост промышленности при значительной ее концентрации — таков результат 90-х годов для хлопчатобумажной промышленности.

Таким образом русская промышленность в течение десятилетия 90-х годов быстро переходит к крупной капиталистической технике и к крупным формам производства.

Процесс концентрации

Не только обнаруживается общий рост промышленности, но основной признак капитализации ее — концентрация производства и повышение производительности. Степень концентрации промышленности в целом характеризуется, напр., таким сравнением данных, обра-

ботанных В. И. Лениным для 1879—1890 гг. и Погожевым для 1902 г. (для 1879—1890 гг., кроме рельсового производства; для 1902 г. для всех производств).

Группы фабрик с числом рабочих	1879 г.		1890 г.		1902 г.	
	% фабрик	В них % рабочих	% фабрик	В них % рабочих	% фабрик	В них % рабочих
100—499	79,7	44,2	79,6	42,1	73,8	30,7
500—999	13,3	23,0	12,8	20,2	15,2	19,5
1 000 и более	7,0	32,8	7 6	37,7	11,0	49,8

Крупные предприятия в начале XX века сосредоточивали уже половину всех рабочих, тогда как 20 лет назад — всего одну треть. Если для большей наглядности вычислить по тем же данным процент прироста фабрик и занятых на них рабочих по группам, получим следующие цифры прироста за 1874—1902 гг. (Балабанов).

Группа фабрик	Прирост числа фабрик	Прирост числа рабочих
100—499 рабоч.	53,6	60,7
500—999 »	66,9	71,3
Св. 1 000 »	123,0	141,4

По отдельным отраслям этот процесс находит себе еще более выпуклое выражение. Так, в горнозаводской промышленности за десятилетие 1890—1900 гг. в наиболее крупной группе — свыше 1 000 рабочих — при увеличении числа предприятий на 112,6% число рабочих увеличилось на 159,4%. В хлопчатобумажной промышленности за 1879—1894 гг. высшая группа дала увеличение на 65,8% числа предприятий и 88% числа рабочих, тогда как низшая группа увеличилась всего на 9,2% по числу предприятий и 4,4% по числу рабочих (Туган-Барановский).

Еще более возрастает концентрация самой продукции на наиболее крупных предприятиях, так как в этом направлении действует не только концентрация на них наибольшего числа рабочих, но и повышение производительности на 1 рабочего, вследствие лучшего оборудования. Так, напр., в нефтяной промышленности 9,5% всех фирм производили до 69% всей выработки нефти. В каменноугольной промышленности в 1898 г. 4% рудников выработали 43% всей добычи угля (Балабанов). В металлургической промышленности

тот же процесс концентрации и повышения производительности характеризуется следующими цифрами (Гливиц):

	1890 г	1900 г.
Выплавлено чугуна на 1 завод (в тыс. пуд.) . .	253	716
Число рабочих на 1 завод	899	1 325
» лошадиных сил на завод	255	1 286
» » » » рабочего	0,28	0,97
Выплавка чугуна на 1 дом. печь (в тыс пуд) .	286	629

Таблица свидетельствует о быстром техническом совершенствовании производства и его концентрации. Особенно интересен этот процесс при сравнении прогрессирующего юга с отсталым Уралом. В 1900 г. было в среднем (Гливиц):

	Урал	Юг
Выплавлено на 1 завод (в тыс. пуд.) . .	43,6	3 192
Лошадиных сил на 1 завод	244	6 159
Выплавлено на 1 домну (в тыс. пуд) . . .	342	2 035
Добыто руды на 1 рабочего (в тыс. пуд)	3,3	19,3

Такие результаты уральского производства обусловливаются вовсе не низкими естественными качествами уральской металлургии. Наоборот, Урал представляет богатейшие рудные залежи, отличающиеся неистощимостью и высоким качеством. Но Урал был побежден капиталистической техникой юга, высокоорганизованным производством, всей той новой экономикой, которую нес с собой капитализм, вместо старой, полукрепостной рутины.

После этого общего обзора промышленного под'ема 90-х годов, перейдем к выяснению его причин и источников, а также тех общих условий экономической политики, при которых он происходил.

Мы видим, что характерной чертой под'ема являлось то обстоятельство, что в основе его лежало развитие тяжелой промышленности. Понятно, что эта отрасль промышленности по характеру своему требует для своего быстрого развития двух основных условий: обеспеченного крупного рынка и быстрого прилива к ней крупного капитала. Первое условие было найдено в жел.-дор. строительстве, второе — в приливе иностранного капитала. Это были две основных базы под'ема 90-х годов. Но, конечно, поскольку капитализм, начав с тяжелой индустрии, захватил и все другие отрасли промышленности, постольку важным условием его развития и укрепления становился внутренний рынок. Таково было третье условие под'ема 90-х годов. Но, помимо этого, не менее важным условием

для успеха под'ема явилось создание благоприятствующей для него экономической политики, с одной стороны, облегчавшей прилив иностранного капитала для насаждения «национального капитализма», с другой — защищавшей его от иностранной конкуренции. Эти задачи были выполнены усилением протекционизма и осуществлением золотого денежного обращения. Эти основные причины и условия промышленного под'ема 90-х годов мы и возьмем как основные вехи в изучении промышленного капитализма 90-х годов.

Жел.-дор. строительство

В ряду причин, обусловивших под'ем промышленности в 90-х годах, в особенности тяжелой индустрии, на первом месте должно быть поставлено железнодорожное строительство. Именно оно, с одной стороны, явилось непосредственно тем рынком, который стал основным потребителем быстро развивающейся тяжелой индустрии; с другой стороны, новая волна расширения жел.-дор. сети быстро увеличила вообще вовлечение в денежное хозяйство новых районов, до тех пор слабо затронутых связями с общенациональным рынком.

После железнодорожной горячки 1870—1875 гг., давшей за пятилетие приращение жел.-дор. сети на 7,5 тыс. верст, железнодорожное строительство развивалось более умеренным темпом, дав за 15 лет 1876—1890 гг. всего 10,7 тыс. верст, т. е. в среднем всего около 600—700 верст в год. Но уже первое пятилетие 1891—1895 гг. дает 6 257 верст новых жел. дор., а следующее пятилетие 1896—900 гг.— 15 139 верст, и вся железнодорожная сеть вырастает до 56 130 верст. Другими словами, за одно десятилетие 1890-х годов выстроено было до 37% всей жел.-дор. сети или половина того, что было выстроено за предыдущие 50 лет. В дальнейшем у нас не имелось никогда такого сильного под'ема железнодорожного строительства, как в 1895—1900 гг.

Конечно, необходимо отметить, что и при этом усиленном жел.-дор. строительстве Россия далеко еще отставала по относительной густоте жел.-дор. сети от передовых капиталистических стран: в 1895 г. в России на 1 000 *км*^{2} было всего 1,5 *км* жел. дорог, тогда как в Англии 106, в Германии 80.

В отношении системы жел.-дор строительства произошло также некоторое изменение, сравнительно с 70-ми годами. Хотя правительство не отказывалось от частного строительства и даже поощряло частную инициативу, но тем не менее, после неудачного опыта с «Главным обществом», значительный удельный вес приобретает и казенное строительство. По подсчетам Шванебаха, во

время наиболее сильного под'ема жел.-дор. строительства второй половины 90-х годов, это строительство почти поровну распределяется между частным капиталом и государственным. Но собственно финансовое участие государства в жел.-дор строительстве было значительно большее, так как, кроме прямых государственных железнодорожных займов, особенно начинает развиваться система «гарантированных правительством» частных займов; в этом случае правительство гарантировало доходность этих займов, которые в сущности не отличались от обыкновенных государственных займов. Кроме того, правительство выкупало в казну некоторые, особо важные или задолженные жел. дороги. В результате роль государства вообще в железнодорожном хозяйстве страны сильно возросла.

К 1890 г. общая сумма всех жел.-дор. займов доходила до 1 363 млн. руб.; за последующее десятилетие (в министерство Витте) было реализовало гарантированных займов (без Восточно-китайской ж. д.) всего около 1 000 млн. руб. Сверх того, расходы казны на постройку новых жел. дорог, на улучшение сети и подвижного состава составляли около 1 350 млн. руб. (не считая 351 млн. руб. займа Восточно-китайскои жел. дороги). Не гарантированных займов было выпущено частными обществами на сумму до 205 млн. руб. Таким образом, можно считать, что общая сумма участия казны в жел.-дор хозяйстве за 1890—900 гг. доходила до 2,5—2,6 миллиардов рублей. К XX в. весь капитал в жел. дорогах в стране оценивался до 4,7 миллиардов рублей, из них до 3,5 миллиардов рублей принадлежало государству. Из этой суммы непосредственно казной в течение последнего десятилетия XIX в. произведено капитальных затрат (с Восточно-китайской жел дорогой) до 1 691 млн руб., т е. около половины всего государственного имущества в жел. дорогах.

Каковы же были источники этого «государственного» вложения капитала в железнодорожное строительство из своего рода «государственного капиталистического накопления» в железнодорожном хозяйстве? Из указанной суммы заграничными капиталами было покрыто около 341 млн. руб., остальные суммы были покрыты размещениями внутри страны, преимущественно из общебюджетных государственных ресурсов. Таким образом в этот период усиленного железнодорожного и промышленного строительства государство путем налогового пресса, прямых и косвенных налогов, водочной монополии, таможенных доходов и проч., выколачивало из населения в среднем до 120 млн руб. в год, которые затрачивало на эти орудия капиталистической промышленности — жел. дороги, а через них и

вообще на тяжелую индустрию. Какую преобладающую роль в деле капитализации и «огосударствления» мелких народных сбережений играли железные дороги, видно из того, что, напр., составлявшиеся из этих народных сбережений капиталы государственных сберегательных касс шли в громадной доле на поддержание жел.-дор. займов: на 1 января 1901 г из общего остатка сберегательных касс в 752 млн. руб. 637 млн. руб. были размещены в государственных ценных бумагах и из них 248 млн. руб. или до 37% в железнодорожных займах.

Прилив иностранных капиталов

Прилив капитала в промышленность, обусловивший ее под'ем в 1890—1900 гг., характеризуется следующими цифрами иностранных и русских акционерных обществ, учрежденных за эти годы. К 1889 г. у нас имелось 504 акционерных общества с капиталом в 911,8 млн. руб., в 1899 г. акционерных обществ имелось уже 1 181, с капиталом в 1 736,8 млн. руб. Другими словами, вложение капитала в промышленность за десятилетие увеличилось на 825 млн. руб., причем в 1896—1898 гг. ежегодное вложение акционерных капиталов доходило до 230—250 млн. руб., а в 1899 г.—431,9 млн. руб. Общая же сумма всех акционерных капиталов (основных, запасных, амортизационных и проч.) по данным министерства финансов в 1899 г. исчислялась в 2,3 миллиарда рублей.

В этом акционерном капиталистическом строительстве весьма крупную и все увеличивающуюся роль начинает играть иностранный акционерный капитал. За тот же период 1893—1900 гг. у нас возникло 191 новых иностранных акционерных обществ с общим капиталом в 634 млн. франков. Приэтом, хотя туземный капитал имел в акционерном строительстве преобладающую роль, тем не менее влияние иностранного капитала увеличивалось. Общая сумма иностранных капиталов в акционерных предприятиях, действовавших в России, в 1870 г. была всего 26,5 млн. руб. (всех капиталов), в 1880 г.—97,7 млн. руб., в 1890 г.—214,7 млн. руб., а в 1900 г.—911 млн. руб. (Оль). По подсчетам других исследователей, цифры иностранных акционерных капиталов несколько меньше: 765 млн. руб. (Шванебах) — 778 млн. руб. (Воронов)[1]). Во всяком случае из со-

[1]) Разница исчислений происходит большею частью вследствие разных способов перевода иностранной валюты на русскую. Ср *Оль*, Иностранные капиталы в хозяйстве довоенной России, 1925. *Воронов*, Иностранные капиталы в России, 1901 г., *Шванебах*, Денежное преобразование и народное хозяйство, 1901г., а также статистика акционерного дела в России, т. IV, ст. Пушкина

поставления приведенных выше цифр видно, что иностранный капитал в 1890 г. составлял несколько более $^1/_3$ всех акционерных капиталов, а в 1900 г. уже почти половину.

Весьма характерным представляется распределение новых акционерных обществ и их капиталов по отдельным отраслям народного хозяйства. Из акционерных обществ, возникших до 1889 г., банками, страховыми и транспортными обществами поглощалось до 34,4% капитала (313 млн. руб.); в обществах же, возникших в 1889—1899 гг. — всего 8,3% (59 млн руб.). Наоборот, промышленные предприятия поглощали в первый период 56,1% (578 млн. руб.), а во второй период уже 74,3% (715 млн. руб.). Отсюда видно, что отмеченный выше еще до 70-х годов характер перемещения акционерного капитала в область собственной промышленности продолжался и усиливался в 90-е года еще в большей степени.

Еще более рельефно это усиление чисто промышленного характера акционерного строительства 90-х годов видно из рассмотрения распределения акционерных капиталов по отдельным отраслям промышленности. Сравнивая цифры основных капиталов акционерных обществ в главных отраслях промышленности в 1890 г и 1900 г. по данным мин. финансов, получим следующие сопоставления:

	Основной капитал (в млн руб)		Прирост %
	1890 г	1900 г	
Горнопромышленная	85,7	392,2	358
Металлическая	27,8	257,3	826
Химическая	15,6	93,8	501
Керамическая	6,7	59,0	781
Волокнистая	197,5	373,7	89
Питательная	87,6	153,1	75
Все отрасли	580,1	1 742,3	200

Таким образом наиболее усиленно акционерное строительство развивалось в группах тяжелой металлургической, химической промышленности, а также в строительной (керамической), тогда как старые отрасли легкой индустрии — текстильная и питательная — вызвали прилив акционерного капитала в гораздо меньшей степени.

Тот же характер распределения капитала повторяют и иностранные акционерные общества. Основные капиталы иностранных акционерных обществ по тем же группам распределялись следующим образом (в млн. руб.):

	1890 г.	1900 г.	Прирост в %
Горнозаводская	70,1	437,9	525
Металлическая	14,0	145,3	938
Химическая	6,4	29,3	358
Керамическая	0,2	26,6	13 200
Текстильная	26,0	71,4	175
Питательная	7,6	11,4	50
Все отрасли	186,2	911,0	389

Приведенные цифры подтверждают те две особенности капиталистического под'ема 90-х годов, которые выражаются, во-первых, как под'ем в первую очередь тяжелой индустрии и, во-вторых, как под'ем в значительной степени на базе иностранного капитала. Влияние последнего особенно усиливается в последние годы рассматриваемого периода (особенно после установления золотой валюты 1897 г) и проявляется неравномерно в различных отраслях промышленности. В горной промышленности, напр., вложение иностранного акционерного капитала обгоняло вложение русского, благодаря чему иностранный акционерный капитал составлял в 1890 г. 58% всех капиталов, а в 1900 г.—уже до 70%; в металлической промышленности доля его участия повысилась всего с 32% до 42%, а в текстильной и питательной и др. русские акционерные капиталы занимали 90—98%

Чтобы покончить с вопросом об иностранных капиталах в нашей промышленности в 1890—1900 гг., приведем подсчеты того же автора (Оля) о распределении этих капиталов по странам их происхождения. Именно по национальностям состав всех акционерных капиталов распределялся в млн. руб.:

	1890 г.	1900 г.
Французские	66,6	226,1
Бельгийские	24,6	296,5
Английские	35,3	136,8
Германские	79,0	219,3
Американские	2,3	8,0

Таким образом к 1900 г. на первом месте стояли франко-бельгийские и вообще капиталы будущей «антанты», тогда как германские за рассматриваемое десятилетие были оттеснены с своего первого места на третье.

Промышленный рынок

Как мы видели, под'ем 90-х годов характеризуется тем, что наибольший рост дала тяжелая металлургия, горная промышленность, в частности — каменноугольная и нефтяная, керамическая и химическая.

Другими словами — отрасли тяжелой промышленности, взаимно обусловленные и связанные преимущественно с капитальным переустройством и расширением крупной капиталистической промышленности и с производством средств производства. Географически это проявилось в быстром росте новых промышленных районов — Донецкого, Криворожского, Бакинского и др. Наоборот, отрасли легкой индустрии, обусловливающие широкий массовый и особенно крестьянский рынок, как в области продуктов личного потребления (текстиль, сахар, обувь), так и в области производительного потребления (кровельное железо, мелкие железные изделия и инструменты) развивались слабее, ввиду низкой покупательской способности населения и небольшой емкости внутреннего рынка. Поэтому железоделательная индустрия в своем развитии ориентировалась главным образом на железные дороги и на самую же железную промышленность (машиностроение), и в значительно меньшей степени на массовый рынок (кровельное железо). Легкая индустрия также развивалась не столько на базе крестьянского рынка, сколько на базе более узкого городского рабочего рынка, определявшегося, в свою очередь, общим промышленным под'емом, т. е. той же преимущественно тяжелой индустрией и железными дорогами. Эти условия внутреннего рынка, вытекающие из характера нашего сельскохозяйственного развития, его медленности и отсталости, кладут основной отпечаток на характер и результаты нашего промышленного развития 90-х годов, подготовляя его грядущий кризис.

Обратимся теперь к выяснению характера рынка для отдельных отраслей промышленности и в первую очередь металлургической и металлической.

Ясно, что отмеченное выше увеличение железнодорожного строительства требовало громадного количества продуктов тяжелой индустрии и машиностроения — рельс, паровозов, вагонов и т. п. Если считать, что на одну версту железнодорожного пути требуется до 5 000 пуд. рельс, то отсюда видно, что только новое жел.-дор. строительство 1890—1900 годов создавало колоссальный спрос на этот продукт — до 15 млн. пуд. в год, а все жел. дороги за эти годы потребляли ежегодно до 800—1 000 паровозов, 1 000—1 300 пассажирских вагонов, 20—25 тыс. товарных вагонов, 20—22 млн. пуд. рельс и проч. [1]). По данным мин. финансов, весь вообще паровозный

[1]) *Гливиц.* Железоделательная промышленность, стр. 80.

и вагонный парк за рассматриваемый период увеличился более чем вдвое (паровозы на 93%, пассажирские вагоны на 119%, товарные на 118%). Но, конечно, кроме потребления этих продуктов тяжелой индустрии, железнодорожное строительство было связано с потреблением столь же крупных количеств кирпича, цемента, леса, что также отражалось быстрым увеличением спроса и развития производства этих отраслей промышленности, которые, как мы видели выше, стоят на одном из первых мест по темпу развития за эти годы. Наконец, увеличение железнодорожного движения вызвало сильнейшее потребление железными дорогами топлива, каменного угля, нефти, которые также находят в железных дорогах базу для сильнейшего скачка в своем развитии.

Конечно, этим непосредственным влиянием железнодорожного строительства не ограничивалось создаваемое им оживление спроса. Уже одна связь, устанавливаемая железными дорогами между массой новых городских и негородских пунктов, вызывала сильный под'ем городского строительства и увеличение потребления тех же продуктов тяжелой индустрии и строительных материалов. При этом, если в промышленный под'ем 70-х годов возрастающий внутренний спрос на продукты тяжелой индустрии удовлетворялся в значительной степени путем заграничного ввоза, то в 90-е годы возросшее потребление покрывалось уже в преобладающей степени внутренним производством. Так, в 1870—1879 гг. при 59,2 млн. пуд. потребления внутреннее производство составляло 24,4 млн. пуд., т. е. 41%, тогда как в 1890—1899 гг. при 127,5 млн. пуд. потребления внутреннее производство составляло 92,3 млн. пуд., т. е. 73%. Средняя душевая норма потребления чугуна в 90-е годы увеличилась почти вдвое — до 1,05 пуд. против 0,58 пуд., в 1880—1889 гг. Насколько тем не менее эта норма низка, показывают сравнительные цифры потребления, напр., Соед. штатов — 13,6 пуд., Англии — 9,4 пуд., Германии — 8,3 пуд.

Однако, эти суммарные цифры потребления еще не вскрывают характера рынка тяжелой индустрии. Если из общей массы ее производства выделить, с одной стороны, напр., такие продукты жел.-дор. строительства, как рельсы, с другой — такие продукты массового рынка, как кровельное железо, то получим следующие сопоставления, в млн. пуд.:

	1890 г.	1900 г.
Рельс	10,1	30,3
Кров. железа .	8,4	29,6

Таким образом рельс для жел. дорог производилось даже больше, чем такого продукта массового потребления, как кровельное железо, столь необходимого, казалось бы, для «соломенной» России. Притом, основная часть капиталистической тяжелой индустрии — южная металлургия — в громадной степени (до 68,8% производства) обслуживала железные дороги, а некоторые крупные заводы, как Дружковский, Новороссийский, были заняты производством рельс, бандажей и проч. на 87—100% своего производства. Правда, и это производство, как мы видели, не удовлетворяло внутренней потребности, и до 27%, т. е. до 35,1 млн. пуд. всех продуктов металлической промышленности, в переводе на чугун, покрывалось ввозом.

Такой же характер обслуживания преимущественно крупного промышленного производства получает рынок каменноугольной и нефтяной промышленности. Напр., Донецкая каменоугольная промышленность во вторую половину 90-х годов 36% своей продукции сбывала транспорту, 29% — металлургическим заводам, и лишь 25%—частным потребителям для производственного и личного потребления. Понятно, что рынком для нефтяной промышленности еще в большей мере (кроме керосина) является крупный промышленный рынок. Так, внутреннее потребление керосина в 1893 г. было 37.9 млн. пуд., в 1900 г —54,6 млн. пуд , мазута—114,5 млн пуд. и 286.4 млн. пуд.; всех вообще нефтяных продуктов — 182,4 млн. пуд. и 381,0 млн. пуд. Другими словами, внутреннее потребление керосина увеличилось на 44%, мазута на 150% и всех нефтяных продуктов — на 190%. Наша нефтяная промышленность была и все более становилась «мазутной», т. е. железнодорожно-промышленной, смазочной, а не «керосиновой», крестьянско-потребительной. В 1892 г. стоимость всего произведенного керосина превышала стоимость мазута в 3½ раза, а в 1900 г. она была уже в 1½ раза меньше. Так как такое большое количество нефтяных продуктов не могло быть поглощено внутренней промышленностью, то быстро растет экспорт их, увеличившийся с 4,7 млн. пуд. (в том числе керосина 2,6 млн. пуд.) в 1881—1885 гг. до 57,9 млн. пуд. (в том числе керосина 47.1 млн. пуд.) в 1891—1895 гг. и до 90,9 млн. пуд. (в том числе керосина 75,3млн. пуд.) в 1900 г

Несколько иной характер носит рынок сбыта легкой индустрии и наиболее типичной ее отрасли — хлопчатобумажной промышленности. Рынок ее в наибольшей мере основывается на внутреннем потреблении, которое в 90-е годы дает сильное повышение, бла-

годаря окончательному вытеснению хлопчатобумажной фабрикой из крестьянского потребления прежнего самотканного полотна. В 1890 г. душевое потребление бумажных тканей на одного жителя определялось у нас в 23 аршина при 115,5 млн. населения, т. е. всего 2,7 млрд. аршин, а в 1899 г. оно возросло до 36 арш. при 129,7 млн. населения, т. е. до 4,7 млрд. арш. Другими словами, душевое потребление возросло за 10 лет на 56,5% и валовое—на 75%. Между тем мы видели, что само хлопчатобумажное производство увеличилось за это время по ценности продукции на 107%, а по количеству переработанного хлопка на 100%. Поэтому, хотя эти нормы потребления по абсолютным своим размерам невелики (даже в 1904 г. потребление хлопка в России на душу населения составляло всего 5,3 фунта, тогда как в Англии 39 фунт., в Соед. штатах 20,4 фунт.), тем не менее расширение внутреннего потребления и рынка создавало основу роста хлопчатобумажной промышленности. Это обстоятельство было одной из важнейших причин того, что последующий кризис в наименьшей мере коснулся хлопчатобумажной промышленности.

Однако, здесь необходимо подчеркнуть тот особый характер рынка и вообще развития промышленности, который нашел себе отражение и в хлопчатобумажной промышленности. При относительно весьма небольшом внутреннем потреблении, вследствие низкой покупательной способности населения, быстро растущая наша хлопчатобумажная промышленность начинает развивать экспорт своих изделий, преимущественно на рынки ближнего и дальнего Востока. В 1890 г. весь вывоз хлопчатобумажных тканей не достигал 100 тыс. пудов, в 1900 г. он был уже 324,2 тыс. пудов, из них до 44% в Персию и 30% в Китай Так возникает наш так называемый «ситцевый империализм», стремление к завоеванию нашей капиталистической промышленностью внешних рынков за недостаточностью внутреннего потребления. И хотя, конечно, этот ситцевый империализм не создавал еще действительно империалистической стадии развития нашего капитализма в 90-х годах, тем не менее это относительное перерастание капиталистической промышленностью внутреннего рынка, вследствие недостаточной емкости последнего, характерно для нашей хлопчатобумажной промышленности.

Другой отраслью промышленности, также развивавшейся при суженном внутреннем рынке и при искусственно расширяемом внешнем, является наша сахарная промышленность. Но если до-

вольно высоко поставленная хлопчатобумажная промышленность выступала на внешнем рынке на почве своего технического и экономического прогресса, хотя бы и с помощью некоторых мер поощрения, то политика сахарной промышленности всецело основывается на искусственных мерах сжатия внутреннего рынка в целях повышения внутренних цен и бросового дешевого экспорта на внешние рынки. Синдицирование сахарной промышленности, проведенное в 1887 г. в интересах крупных фабрикантов-помещиков, правительственное контингентирование производства с 1895 г. и, наконец, система возврата акциза при вывозе сахара за границу — представляет первую у нас попытку монопольных промышленных об'единений в целях повышения прибылей заводчиков, путем повышения внутренних цен и путем бросового экспорта за границу. Поэтому, в то время, как, напр., в 1900 г., русский потребитель платил за сахар рафинад 6 руб. 15 коп., русский сахар в Лондоне продавался по 2 руб. 38 коп. пуд. При таких условиях внутренний рынок для сахарных продуктов за рассматриваемое десятилетие возрос в наименьшей степени, норма потребления почти не увеличилась, и все увеличение продукции шло на внешний рынок Так, на внутренний рынок в 1890/91 г. поступило 24,4 млн. пуд., в 1899/900 г. 37 4 млн. пуд., т. е. емкость рынка увеличилась на 54%, но почти исключительно за счет увеличения населения, так как душевое потребление увеличилось за это время всего на 9%, составляя 10½ фунт. на душу, сравнительно, напр., с 92 фунт. на душу в Англии. Зато вывоз за границу за это время возрос с 3,3 млн. пуд. до 12,5 млн. пуд., т. е. почти в четыре раза. Наш «сахарный империализм» таким образом был также основан на недопотреблении масс и на искусственном сужении внутреннего рынка.

Таможенная политика

Как мы видели выше, наш первый промышленный под'ем 70-х годов происходил в условиях фритредерской таможенной политики. Наш тариф 1868 г. был довольно «либерален» и слабо защищал зарождающуюся промышленность от иностранной конкуренции. Это было одной из причин безрезультатности под'ема 70-х годов для укрепления отечественной промышленности.

Поворот от фритредерства к усилению таможенного обложения относится еще к 1877 г., когда в фискальных интересах и в связи с падением курса рубля было введено взимание таможенных пошлин по тарифу 1868 г., но в золотом исчислении; это повышало обложение, примерно, на 40—50%. В то же время проводится усиленное

обложение ряда предметов преимущественно тяжелой индустрии, а также некоторых других товаров. Так, в 1877 г. отменяется беспошлинный ввоз паровозов и подвижного железнодорожного состава, облагаемого пошлиной в 1 руб. 25 коп. с пуда; затем вводятся и постепенно повышаются пошлины на чугун, железные изделия, хлопок, каменный уголь и др., и, наконец, неоднократно производится огульное повышение до 20% пошлин на все товары. Таким образом, хотя усиление таможенного обложения началось главным образом в фискальных интересах, однако, фактически уже к 90-м годам тариф наш носил протекционистский характер. Поэтому когда в 70-е годы был поставлен вопрос о необходимости развития и укрепления отечественной промышленности, должен был, естественно, выдвинуться и принципиальный вопрос о таможенной защите от непосильной для нее иностранной конкуренции. Протекционистская политика нашла себе выражение в тарифе 1891 г., представляющем образец чисто протекционистского, отчасти почти запретительного тарифа.

Уже в конце 70-х годов и в начале 80-х годов ряд промышленных организаций возбуждает перед правительством ходатайства о повышении таможенных пошлин на чугун, на металлические изделия, на машины и проч. Повышая пошлины на чугун и на металлическое сырье, приходилось вслед за этим повышать пошлины и на металлические изделия, т. е. в конечном счете ограждать всю промышленность в целом, за счет, конечно, внутреннего потребителя. Одним из интересных в этом отношении моментов нашей таможенной политики представляется вопрос об обложении сел.-хоз. машин, в беспошлинном ввозе которых были заинтересованы влиятельные круги сельских хозяев, в противоположность интересам промышленников, которые требовали их обложения до 90 коп. с пуда. После некоторой борьбы, сначала было принято компромиссное решение— 50 коп. с пуда, но затем эта пошлина была увеличена.

Обложение главных ввозимых товаров по тарифу 1891 г., сравнительно с тарифом 1868 г., видно из следующей таблицы (в коп. зол. за пуд).

	1868 г.	1891 г.
Каменный уголь	беспошл.	2—3
Руда железная	беспошл.	$10^1/_2$
Чугун не в деле	5	$45—52^1/_2$
Чугунные изделия	50—250	$112^1/_2—255$
Железо	20—50	90—150
Кузнечные и котельные изделия	100	255

	1868 г.	1891 г.
Рельсы	20	90
Машины фабр.-завод., кроме медных	30	250
Паровозы	75	300
Локомобили	30	170
Машины сел.-хоз.	беспошл.	70—140
Хлопок-сыр.	беспошл.	120—135
Хлоп. пряжа бел.	325	420—540
Хлопчатобумажн. изделия . .	28—110	35—135

Отсюда видно, что тариф 1891 г., сравнительно с 1868 г., повысил обложение некоторых товаров в 3-4 раза, получив характер почти запретительного. Тем не менее все же он не мог совершенно защитить страну от ввоза иностранных товаров, так как, большею частью благодаря высокому обложению сырых продуктов и относительно меньшему (по ценности) — изделий, из-за границы стали ввозиться именно эти последние. Наибольшее значение повышение тарифов приобретало для тяжелой металлургии машиностроительных заводов, отчасти для хлопчатобумажной промышленности центрального района (в ущерб Лодзи). Но во всяком случае, хотя и не прекратив доступ иностранных товаров и не устранив их конкуренцию отечественной промышленности, тариф 1891 г. настолько повышал внутренние цены, что обеспечивал и крупные промышленные дивиденды, и некоторое «воспитательное» (по выражению Листа) воздействие на русскую промышленность. Конечно, расплачиваться за это приходилось потребителю, так как благодаря таможенной защите русский потребитель принужден был платить за изделия отечественной индустрии в 2—4 раза дороже, чем эти продукты стоили в Западной Европе.

Какое же в конечном счете имела влияние эта правительственная политика на развитие нашей капиталистической индустрии?

Если смотреть на эту политику, как на временную, хотя и необходимую меру защиты от более сильной иностранной промышленности, нельзя отрицать ее положительного влияния. Необходимо, кроме того, отметить, что проведенные ставки «общего» тарифа не всегда удавалось осуществить, так как запретительные пошлины нашего тарифа на ввозимые иностранные изделия вызывали в качестве противодействия повышение иностранными государствами обложения наших вывозимых товаров, почему приходилось в порядке конвенционных тарифов понижать ставки. На этой именно

почве возгорелась в 1892—1894 гг таможенная война с Германией, в ответ на наш тариф повысившей обложение русских товаров, ввозимых в Германию. В результате таможенной войны договором 1894 г. введены были на многие товары пониженные конвенционные ставки.

Таким образом, то отрицательное влияние, которое в этот период оказывала покровительственная промышленная политика, заключалось не столько собственно в таможенных ставках, сколько в другом проявлении этого покровительства — в казенных заказах. Попытки обслуживания силами отечественной промышленности правительственных заказов на оборудование жел. дорог, портов, военного и морского ведомства и проч., делались уже в 1870 годах. Но иногда наша металлургия фактически не могла удовлетворить всем быстро возрастающим потребностям жел. дорог, почему приходилось обращаться к иностранным заводам. Когда был поставлен вопрос о промышленном протекционизме, было вновь выдвинуто запрещение производить правительственные заказы, в особенности на железнодорожное оборудование, за границей. Это вылилось в передачу крупных заказов некоторым заводам по монопольным ценам, т. е. фактически превратилось в передачу безвозвратных субсидий на поддержку тяжелой индустрии за счет государственной казны. Цены на заказы утверждались правительственными комиссиями по заявкам отдельных заводов, обыкновенно гораздо выше себестоимости продукта.

Так, в 1897 — 1898 гг. цена на рельсы была утверждена в 1 р. 10 к. — 1 р. 25 к., тогда как себестоимость производства на лучших южно-русских заводах была 77—89 коп., на «вольном» (не казенном) рынке эти рельсы продавались по 85—89 коп., а заграничные рельсы обходились в 60—65 коп. На постройку Сибирской жел. дор., напр., английские заводчики соглашались поставить рельсы по 75 коп., но заказ был отдан на русские заводы по 2 рубля. Такого рода «переплаты» казны (т. е. фактически субсидии) на одно железнодорожное оборудование по самым скромным расчетам достигали 15 млн. рублей в год, причем эти субсидии распределялись между 6—15 заводами-«фаворитами», во главе которых стояли обыкновенно лица, близкие к «сферам».

При таких условиях, понятно, что крупные промышленники, имея перед собой дорогой «казенный» рынок, совершенно не были заинтересованы в более дешевом массовом внутреннем рынке. Этим наша металлургия сама суживала и подтачивала базу своего су-

ществования, ставя себя всецело в зависимость от государственного покровительства, придавая своему развитию искусственный, нездоровый характер и подготовляя почву для дальнейшего кризиса. Ибо не могло быть прочного развития тяжелой индустрии, когда, напр., в 1897 г. душевое потребление чугуна в России исчислялось в 52 фунта, тогда как в Англии в 356 ф., в Германии в 254 ф., в Соед. штатах — 336 ф.

Денежная реформа и финансовая политика

Эпоха капитализма у нас, как и в других странах, унаследовала от предшествующей ей эпохи разложения натурального хозяйства расстроенное денежное обращение и неустойчивую бумажную валюту. Понятно, что для развития капитализма, тем более для привлечения иностранных капиталов в промышленность, являлась необходимость в устойчивой металлической валюте, вместо существовавшей неустойчивой бумажной Эта последняя, развивавшаяся у нас с конца XVIII века, как обычный спутник разложения натурального хозяйства и переходного времени к денежному хозяйству, совершенно несовместима была с прочным капиталистическим развитием.

Когда капиталы втягиваются на многое число лет, как, напр., в тяжелой индустрии, или тем более, когда эти капиталы вкладываются иностранными капиталистами, требуется твердый, устойчивый и преимущественно международный измеритель ценности, каким является золото. Поэтому, поскольку во главу угла нашего капиталистического развития 1890 годов было положено развитие тяжелой индустрии и приток иностранных капиталов, переход от бумажной валюты к золотой стал первейшей экономической необходимостью. И здесь, однако, необходимо указать, что установление золотой валюты было всецело в интересах промышленного капитализма и не в интересах крупных землевладельцев. Известно, что неустойчивая и падающая бумажная валюта способствует экспорту, давая экспортеру своего рода премию на разнице курса бумажных денег — более высокого внутри страны и более низкого за границей. Поэтому наше крупное землевладение, работающее на хлебный экспорт, было заинтересовано в сохранении бумажной валюты и всячески противодействовало осуществлению золотой реформы Но, конечно, если в период мирового сел.-хоз. кризиса 1880—1894 гг. возможность дешевого «бросового» экспорта русского хлеба основывалась в значительной мере на низкой бумажной валюте, то, наоборот, — в повышательный период международного

рынка, к 1900-м годам русский хлебный экспорт и при устоичивой валюте мог развиваться еще более прочно. Наконец, правильная организация внутреннего товарооборота была также крайне затруднительна при хаотическом состоянии денежной системы.

Поэтому интересы всего народного хозяйства в целом, интересы его капиталистического развития требовали перехода на устойчивую золотую валюту, несмотря на систематическую и весьма упорную оппозицию землевладельческого класса. Конечно, совсем другим вопросом является вопрос о том, за чей счет была проведена золотая реформа. Она требовала накопления громадных количеств золота, которое могло быть получено через активный торговый баланс, путем сокращения ввоза и увеличения вывоза, путем займов, увеличения налогового бремени. Таможенный протекционизм с конца 1880-х годов значительно сократил ввоз иностранных товаров. В то же время форсировался экспорт сел.-хоз. продуктов, в особенности хлеба, несмотря на общемировой кризис, сильное падение мировых цен и голодовки внутри страны. Знаменитая формула торговой политики, проводимая министром финансов Вышнеградским — «недоедим, а вывезем» — цинично и лапидарно вскрывала этот основной способ нашего золотого накопления. Эта формула недостаточно подчеркивала разве лишь одно обстоятельство, что Россия вывозила свой хлеб по цене, ниже самой низкой себестоимости производства, совершенно не оправдывавшей труд крестьянина и не дававшей возможности прогрессивного развития сельского хозяйства. Но во всяком случае, в результате такой политики наш торговый баланс действительно приобрел определенно положительный характер. Превышение вывоза над ввозом, составлявшее в среднем в 1882 — 1886 гг. всего 65,9 млн. руб. в год, в 1887 — 1891 гг. давало уже в среднем в год 307 млн. руб.

Другим источником золотого накопления являлось накопление бюджетных средств, главным образом путем бездефицитного сведения бюджета и развития на этой почве внешних займов, конверсий и других финансовых и кредитных операций.

В основе этого финансового благополучия 1890—900 годов лежало именно увеличение косвенных налогов (включая сюда и винную монополию), т. е. усиленное обложение масс населения. Так, в 1880 году из валового бюджета в 690 млн. рублей прямые налоги составляли 172 млн. руб., а косвенные 393 млн. руб; в 1892 г. из валового бюджета в 964 млн. руб. прямые — 168 млн. и косвенные 533 млн. руб.; наконец, в 1900 г. из валового бюджета в 1704

млн. рублей прямые налоги — 228 млн. рублей и косвенные 777 млн. руб.

В результате такой финансово-бюджетной политики, начиная с министра Вышнеградского и особенно при Витте, в Гос. банке стали сосредоточивать крупные запасы золота, в виде фонда для обеспечения будущей золотой реформы. В 1890 г. золотой запас исчислялся в 475 млн руб. при 928 млн. рублей кредитных билетов в обращении. В 1897 г. золотой фонд достиг уже 1 095 млн. руб. при 1 067 млн. руб кредитных билетов в обращении. При таком соотношении возможно было уже провести реформу денежного обращения, т. е. сделать кредитные билеты разменными на золото.

В наши цели не может входить подробное рассмотрение хода реформы. Укажем лишь на основные моменты ее проведения. Хотя формально основной монетной единицей у нас до реформы был серебряный рубль, т. е. у нас был серебряный монометаллизм, тем не менее правительство, по отмеченным выше соображениям и вполне правильно, решило перейти к золотому монометаллизму, хотя это и была самая дорогая монетная система.

Соотношение между золотым рублем и бумажным кредитным рублем взято было то, которое к этому времени, после некоторых регулирующих мероприятий по стабилизации курса рубля, фактически установилось на рынке, т. е. кредитный рубль был приравнен к 66 коп. золотом или прежний золотой империал в 10 рублей приравнен был к новым 15 золотым рублям. Другими словами, реформа была проведена в виде девальвации, т. е. понижением рубля до фактически установившегося рыночного его курса. Предварительно, в 1895 г разрешены были сделки на золото по курсу; далее разрешено было взимание золотом казенных платежей. В 1897 г. был окончательно утвержден закон о проведении золотой реформы, стала производиться чеканка новых золотых монет 5-рублевого достоинства в $^1/_3$ прежнего империала, и определены условия обеспечения кредитных билетов в обращении. Именно, вместе с преобразованием Госбанка в эмиссионное учреждение, его эмиссионное право было ограничено правилом, чтобы кредитные билеты в обращении до 600 млн. руб. обеспечивалась золотом наполовину, свыше 600 млн. руб. — полностью Другими словами, сверх золотого запаса Госбанк мог выпустить необеспеченных кредитных билетов на сумму 300 млн. руб. Эти эмиссионные правила обеспечения (в общем, сравнительно с эмиссионными системами других стран, довольно строгие) первые годы выполнялись даже свыше нормы, так

как золотой запас часто даже превосходил сумму кредитных билетов в обращении (в 1899 г. — 1 007 млн. руб. золота и 661 млн руб. кредитных билетов в обращении, т. е. на 646 млн. руб менее эмиссионного права).

Понятно, что золотой блеск этих колоссальных золотых запасов являлся основой для проведения дальнейших крупных кредитно-финансовых мероприятий правительства, преимущественно в целях развития крупной капиталистической промышленности. На базе этого золотого запаса развивалась кредитная политика, государственные займы, финансирование жел. дор. строительства, промышленности и проч.

Государственный долг к концу XIX столетия делает значительный скачок вверх. В 1876 г. он исчислялся всего около 3,9 миллиардов руб., в 1892 г. уже 4,9 миллиардов и в 1903 г. 6,7 миллиардов. Из этой суммы около 305 млн руб. потрачено было на конверсии старых займов и на увеличение золотого фонда, главная же масса — до 892 млн. руб. — на расходы по жел.-дор строительству. Но сверх этой суммы на эту же цель было выпущено гарантированных правительством жел. дор. займов в 1876 г.—767 млн. руб., в 1892 г. — 968 млн. руб., а в 1903 г. — 1 141 млн. руб, так что участие государства в жел. дор. хозяйстве к 1903 г. исчислялось до 2 033 млн. руб.

Присоединяя некоторые другие займы, можно примерно считать, что в течение 1890-х годов (в министерство Витте) государственный кредитный рынок возрос более чем до 3½ миллиардов рублей, из которых, примерно, до 2½ миллиардов рублей за счет внутреннего денежного рынка и 1 млрд. рублей путем заграничных государственных займов.

Эти колоссальные суммы и составляли основу того финансового и денежного оживления, которое направилось в народное хозяйство путем жел. дор. строительства, казенных заказов, промышленного, ипотечного и сел.-хоз. кредита, и т. п.

Итоги промышленного под'ема 1890-х годов

Итак, в течение 1890-1899 гг, побеждая мелкое производство, рутинную технику, отсталые общественные отношения, промышленный капитализм быстро двинул русскую промышленность в течение одного десятилетия далеко вперед. Конечно, по размерам производства в отдельных отраслях русская промышленность все еще довольно далеко отставала от передовых государств. Но за десять лет она все же продвинулась значительно вперед, а по темпу своего развития за

эти годы русская промышленность превосходила почти все страны Выплавка, напр., чугуна за десятилетие в Англии увеличилась на 18%, в Германии на 72%, в Соед Штатах на 50%, а в России на 190%, благодаря чему по производству чугуна Россия в мировом производстве занимала в 1880 г. 7-е место, в 1890 г — 6-е место, в 1895 г.—5-е и в 1900 г.—4-е место. Производство железа увеличилось в то же время в Англии на 8%, в Германии на 78%, в Соед. Штатах на 63%, в России на 116%. Каменноугольная промышленность возросла в Англии на 22%, в Германии на 52%, в Соед. Штатах на 61%, в России на 131%. Наконец, в хлопчатобумажной промышленности число веретен в Англии за 10 лет увеличилось на 3,8%, в Соед. Штатах на 25,6%, на континенте Европы на 33%, а в России на 76%; благодаря этому количество веретен в России в 1890 г. составляло 4% мирового числа веретен и 14% числа веретен на европейском континенте, а в 1899 г. уже 6% мирового и 18,7% европейского континента

Конечно, все эти относительные цифры дают несколько извращенную картину действительности в том отношении, что высокий процент увеличения обусловливается абсолютно небольшими цифрами производства, являясь характеристикой нашей отсталости. Но, тем не менее, все же 1890-е годы окончательно ввели русское народное хозяйство в систему мирового капиталистического хозяйства, как крупное национально-капиталистическое целое, с громадными естественными возможностями развития и с быстрым захватом всего народного хозяйства капитализмом. И если еще к началу этого периода находились голоса, считающие возможным «поворотить колесо истории» в сторону, обратную капитализму, то к началу нового столетия уже для самых убежденных идеологов докапиталистической России становилось все более ясным, что возврата назад от капитализма, со всеми его исторически-положительными и отрицательными чертами, быть не может Россия окончательно становилась буржуазной страной.

И все же, однако, этот буржуазно-капиталистический прогресс создавался не на достаточно широкой экономической и прочной общественной почве. Победа «буржуазного развития» без «буржуазной революции» приводила к тому, что и в общественной экономике и в общественных отношениях сохранялись еще если не вполне господствующие, то все же влиятельные старые общественные силы, тормозившие полный, окончательный и прочный расцвет

не только капиталистического содержания, но и буржуазной оболочки.

Поэтому в 1890-х годах это капиталистическое содержание все еще развивалось в старой «самодержавной», помещичьей, полукрепостной оболочке. Расшатываясь под влиянием растущих в ней внутренних сил, она все же сильнейшим образом тормозила это внутреннее развитие. В экономическом отношении это проявлялось в отрыве блестящего развития промышленного капитализма от отсталой, полукрепостной, нищей деревни, этой единственной рыночной базы для развивающегося национально-промышленного капитализма. И если в интересах промышленной буржуазии было возможно более скорое и полное изживание этих крепостнических тормозов промышленного развития, лежащих в деревне, в виде сословной связанности крестьянства с землей и общиной, не достаточно быстрой дифференциации, недостаточного развития товарности, недостаточной емкости деревенского рынка, — то интересы значительной части помещичьего класса, наоборот, лежали в сохранении сословной изолированности крестьянства, в сохранении его земельной тесноты и связанности с землей, в перенаселенности, в удержании на местах дешевой рабочей силы. Эти последние тенденции и в 1890-х годах, несмотря на значительное развитие к этому времени капитализма, все же оказываются преобладающими в правительственной политике и в отношении к промышленности, и в отношении к деревне.

Вот почему наш промышленный капитализм и в 1890-е годы не сумел и не успел создать себе единственной и наиболее прочной базы для своего дальнейшего развития — внутреннего рынка в капитализирующейся деревне. Вот почему и видимый расцвет его в эти годы был столь непродолжительным. Развитие экономической и политической жизни ставило его перед необходимостью или окончательно сделаться господствующей общественной силой, отказавшись от своих старых «попутчиков» — землевладельца, торгового капитала, разоренной деревни — либо в союзе с ними уничтожать базу своего собственного существования. Последнее было невозможно уже по одному тому, что «национальный» капитализм был уже тесно связан с «мировым» капитализмом и с его быстрым, тогда прогрессивным развитием. Но и на первое наш «национальный» капитализм оказался малоспособным.

Вот почему и последующие годы XX в. не являлись для него годами завоевания власти, выхода на широкую дорогу, создания

законченной и самостоятельной национальной системы промышленного капитализма, а годами ублюдочного существования в «конституционно-самодержавном» государстве, идущем на поводу у конкурирующих между собой империалистических систем мирового финансового капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

Экономика и экономическая политика 1890-х годов освещена в литературе и в статистических источниках значительно полнее предыдущих периодов Этого периода в той или иной мере касаются почти все указанные выше сочинения о развитии капитализма — Ильина, В. В Туган-Барановского, Н -она, Зака, Шульце-Геверница, Гливица, Балабанова Кроме того *Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, 1897 — *Фин-Енотаевский*, Современное хозяйство России, 1911 г. и переработанное 2-е издание — Капитализм в России 1890—1917 гг, 1925 — *Литвинов-Фалинский*, Наше экономическое положение, 1908. — *Его же*, Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, 2-е изд., 1904, *Радциг*, Железоделательная промышленность всего света, 1897 — *Ден*, Каменноугольная и железоделательная промышленность, 1907. — *Люксембург*, Промышленное развитие Польши, 1899. — *Янжул*, Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, 1887 — *Баранов*, Очерк развития текстильной промышленности, 1900 — *Максимович*, Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем, 1915 — *Белов*, Исторический очерк уральских горных заводов, 1896 — *Рагозин*, Железо и уголь на юге России, 1895. — *Матвеев*, Уральские металлы, 1894. — *Его же*, Железное дело в России, 1899 — *Фомин*, Очерк истории гвоздарной промышленности в России, Зап Харьк. ун 1897— *Каренгауз*, Развитие русского сел -хоз машиностроения, 1910. — *Левин*, Наша сахарная промышленность, 1908.

Об *акционерных обществах* в России: *Пушкин*, Статистика акционерного дела в России, 3 вып, 1897—1898 — *Левин*, Акционерные коммерческие банки в России, 1917. — «Акционерное дело в России. Статистика акционерных предприятий», 1897 — 1900. — «Статистика акционерного дела в России», ред *Дитмара*, Совет с'ездов горнопромышленников юга России 1900 — «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях», 1912. — См. также *Боголепов*, Биржевые ценности, 1915. Сводные балансы акционерных обществ давались в Ежегодниках Мин. Финансов См. также «Обзор деятельности акционерных предприятий России», Вест Фин, 1900 г

О железнодорожном строительстве и политике см. указания в гл. XV, а также *Мигулин*, Наша новейшая жел.-дор. политика (1893 — 1902) 1903.

О таможенной политике. — *Соболев*, Таможенная политика России, 1911 — *Ладыженский*, История русского таможенного тарифа, 1899. — *Витчевский*, Торговая, таможенная, и промышленная политика России, 1909 — *Колесов*, Таможенная политика 1850—1870 гг, 1890 —*Короленко*, О таможенных пошлинах на сел.-хоз. машины 1890. — *Кун*, Развитие нашего таможен-

ного обложения за последние десятилетия, 1917. — *Литошенко*, Таможенное обложение в России сел-хоз машин, 1910 — См также «*Материалы* к пересмотру общего таможеннгоо тарифа Российской импер. 1888 — 1892», и «*Материалы* к пересмотру торговых договоров», изд. Мин Фин 1914. — «*Сравнительное обозрение* тарифов по Европейской торговле 1868 — 1891 г и последовавших изменений по 1 января 1901 г», 1901

Вообще *о податной политике и финансовой* 90-х годов: *Шванебах*, Наше податное дело, 1903. — *Мигулин*, Русский государственный кредит. т. I—IV, 1900. — *Кошкаров*, Финансовые итоги последнего десятилетия, 1892 — 1901, 1903 — *Гуръев*, Очерк развития кредитных учреждений в России, 1904.

По *истории денежного обращения в России* вообще: *Кауфман*, Из истории бумажных денег в России, 1909. — *Его же*, Серебряный рубль в России, 1910. — *Его же*, Кредитные билеты, их упадок и восстановление, 1888 — *Гуръев*, Денежное обращение в России в XIX в., 1903.

О денежной реформе 1897 г. Гуръев, Реформа денежного обращения в России, 1896. — *Мигулин*, Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис, 1901 г — *Шванебах*, Денежное преобразование и народное хозяйство, 1901 — «Доклады и прения в В Эк О-ве по денежной реформе», 1896

Источники и статистические своды — см. указания в предыдущей главе, а также «Ежегодники» министерства финансов, «Статистические ежегодники» Совета с'ездов промышленности и торговли. — «Статистика производств облагаемых акцизом», см. также указания в следующей XIX гл.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

ЭПОХА ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА.

Глава XIX.

НА ПЕРЕЛОМЕ К ФИНАНСОВОМУ КАПИТАЛУ.

Кризис и депрессия 1900 — 1909 г.

Влияние мирового кризиса.

Из предыдущего изложения мы видели, что русское народное хозяйство к концу 1890-х годов представляло уже далеко не то, что оно представляло не только 30 — 40 лет назад, но даже 10 лет назад. Развитие капиталистической промышленности, расслоение докапиталистических форм хозяйства, укрепление связей с мировым капиталистическим хозяйством сделали последние 10 — 20 лет, к концу XIX в., отчасти под воздействием соответствующих мероприятий экономической политики, такой шаг вперед, что русское народное хозяйство органически вошло в состав мировой капиталистической хозяйственной системы.

И если в 1880 — 90-х годах в русской экономической литературе еще встречались последние отголоски недавней теории «самобытности» нашей экономики, экономики отсталого, изолированного, полукрепостного хозяйства, то уже к новому веку окончательно должны были исчезнуть последние идеологические потуги обосновать «самобытность» нашего хозяйственного развития и «повернуть колесо истории» назад от капитализма. Наоборот, после 1890-х годов в об'яснении хода нашего экономического развития приходилось исходить не только из признания общей закономерности нашего капитализма, но также из условий хода развития всего мирового капиталистического хозяйства в целом. Нетрудно было заметить, что многие из основных предпосылок хозяйственного под'ема 1890-х годов — изживание сельскохозяйственного кризиса, повышательное движение цен, прилив иностранного

капитала, усиление экспорта — все это было связано с промышленным под'емом в западных капиталистических странах. Это обстоятельство теснейшим образом связывало дальнейшую судьбу русского хозяйственного развития с западным капитализмом, и не только в его периодах под'ема, но и в его кризисах.

Все это не замедлило сказаться очень скоро, в тот момент, когда волна нашего под'ема шла очень быстро и наступательно вперед. С 1899 г. западно-европейский капитализм, также после продолжительного периода расцвета, начинает переживать кризис. Одним из важнейших показателей кризиса является, как известно, уровень учетного процента. В главных европейских центрах он составлял:

	1898	1899	1900
Париж	2,20	3,06	3,23
Лондон	3,26	3,75	3,96
Берлин	4,28	4,98	5,33

Другими словами, в 1899 г. Западная Европа вступила уже в период стесненности денежного рынка, вызвавшей необходимость повышения учетного процента. К концу 1899 года и в 1900 году денежное стеснение перешло в денежный кризис, этот спутник промышленного кризиса, который в 1900 г. уже охватил всю почти западно-европейскую капиталистическую промышленность.

Понятно, что такое положение не могло не отразиться и на нашем экономическом положении. Наша крупная капиталистическая промышленность, так быстро выросшая под воздействием иностранного капитала, не могла остаться не вовлеченной в общекапиталистический кризис. Но вместе с тем, в ней, как мы видели выше, были заложены такие внутренние особенности, которые еще более отягчали ее положение и сделали для нее этот кризис более тяжелым и длительным, чем для Зап. Европы.

Особенности русского кризиса

Капиталистический характер кризиса, разразившегося у нас в 1899 г., в период наивысшего процветания промышленности, конечно, совершенно ясен, несмотря на некоторые, бывшие тогда попытки иного об'яснения. (Зак. и нек. друг.) Самая неизбежность кризиса, как последствие окончательного вступления России на мировой путь капиталистического хозяйства, была также ясна таким наблюдателям, как Ленин, еще задолго до кризиса. Так, еще в 1897 г. Ленин писал: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает»,

торговля идет бойко, фабрики работают во-всю, и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д., и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности». (Т. I, 359). Но уже в августе 1901 г. Ленин писал: «Крах наступил такой крутой, какого Россия еще не видывала... Уже почти 2 года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывает новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами». (Т. IV , 46.) Понятны были и общие причины кризиса, которые коренятся, как известно, в росте несоответствия между неограниченностью капиталистического производства и ограниченностью потребления масс населения, между производством капиталистических средств производства и производством стредств потребления, в отрыве роста производства от роста рынка, в перепроизводстве товаров, которые при капиталистических условиях распределения не могут быть потреблены Но, кроме этой основной и общей причины капиталистического кризиса, наш кризис 1900 г. имел также «национальные» особенности, об'ясняемые всем характером нашего промышленного развития, благодаря чему он затянулся много дольше мирового, и действие его было неизмеримо сильнее, чем в других странах.

Действительно, все наше промышленно-капиталистическое развитие с 1870-х годов и особенно в 1890-е годы имело ту отрицательную особенность, что оно происходило на крайне узкой базе недостаточности внутреннего рынка. Разрыв между производством средств производства, которым характеризовался период промышленного под'ема, с его железнодорожным строительством, акционерным грюндерством, развитием крупной промышленности и узким потребительным рынком, ограниченным небольшим рынком потребления отсталого крестьянского хозяйства, должен был сказаться особенно резко и с особенно тяжелыми последствиями.

Грюндерство

Конец 1890-х годов был ознаменован у нас особенно усиленным биржевым ажиотажем и промышленным грюндерством. В это время западно-европейские страны имели еще такие избытки денежных капиталов, ищущих помещения, что учетный процент в Париже и Лондоне стоял иногда ниже 2%. При таких условиях западный капитал шел охотно

в Россию, где предпринимательство сулило ему высокие дивиденды, в 15—30 % и более.

На этой почве создавалось чисто спекулятивное промышленное грюндерство, капиталы вкладывались часто в дутые предприятия, в не работающие заводы и рудники, акции которых, однако, благодаря биржевой спекуляции, повышались в цене, обогащая карманы учредителей, но оставляя без производительного и оборотного капитала самые предприятия. Благодаря взяткам, бюрократизму, покровительству, часто «учредители» каких-либо промышленных предприятий клали в свой карман за свое посредничество в исхлопотании утверждения общества или концессии громадную долю акционерного капитала, оставляя собственно на оборудование предприятия 20 — 30 %.

Были, напр., случаи, подтвержденные официальным расследованием, что из акционерного капитала в 8½ млн. фр. было оплачено деньгами и пошло на предприятие всего 1½ млн. фр., остальные пошли учредителям, которые получили, сверх того, 1 млн. руб. наличными и 2 млн. фр. облигациями. И правительственному органу («Вестнику Финансов») приходилось признавать, что «огромные капиталы, собранные по реализации акций, проходя через учредительство, финансирование и разного рода посредничество, таяли с поразительной быстротой. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств, задолженными при самом возникновении.

Кроме иностранного капитала, дававшего обильную почву для спекулятивного грюндерства, в том же направлении действовал золотой дождь правительственных заказов и банковских кредитов. Когда казна платила, напр., по 1 р. 25 коп. за пуд рельс при рыночной цене на чугун в 40 — 45 коп. и на рельсы в 80 — 85 коп., тогда, конечно, высокие дивиденды были обеспечены, даже при низком финансовом и техническом состоянии предприятий. Часто получение одного крупного казенного заказа (для чего тоже требовалась взятка и влиятельное посредничество) составляло единственную цель учреждения целого такого предприятия. Достижение этой цели, если не укрепляло производство, то во всяком случае гарантировало благополучное возвращение капиталов основателям дутого предприятия.

Банковая система всецело усиливала это грюндерство. Государственный банк, стоявший во главе частных банков, поощрял, вопреки своему уставу, промышленное грюндерство так называе-

мыми «внеуставными» промышленными ссудами и развитием так называемых «онкольных» операций и соло-векселей. Частные коммерческие банки становятся во главе промышленного грюндерства, придавая тем самым «солидность» промышленному предпринимательству, привлекая к этому новые средства и способствуя биржевому ажиотажу. Обыкновенно, при учреждении какого-либо акционерного общества, банк гарантировал известный размер ссуды под акции, благодаря чему собственно акционерного капитала почти не требовалось. А после открытия такого общества учетом своих векселей в том же банке оно добывало себе и оборотный капитал. Так как обыкновенно с каждым крупным акционерным обществом была связана целая система других (с рудным и горным делом — металлургическое, рельсопрокатное, машиностроительное и т. п.) то, финансируя одно предприятие, банк должен был поддерживать и ряд других. Таким образом вокруг каждого банка образовывалась своя система финансируемых их предприятий, и крах одного часто вел к краху всей системы.

Конечно, все это не является какой-либо исключительной особенностью нашего капитализма. Те же явления наблюдались в грюндерские периоды под'ема и в других странах как нормальные явления капитализма. Но у нас они пали на особенно благоприятную почву нашей самодержавно-бюрократической государственности и общественности, с одной стороны, и экономической слабости, с другой. Поэтому они у нас расцвели особенно сильно, а результаты их сказались особенно губительным образом

Денежный кризис 1899 г.

Первые признаки надвигающегося кризиса стали появляться в августе 1899 г. в виде обнаружившихся денежных стеснений, как результат наступившего денежного кризиса в Западной Европе. Следуя за европейским банком, наш Госбанк повышает учетный процент до 5½ процентов, доведя его к декабрю 1899 г. до 7%. Частные коммерческие банки начинают также сокращать кредит и учет векселей.

Такое стеснение и вздорожание кредита тотчас отражается на состоянии промышленных акционерных предприятий, особенно на наиболее спекулятивных. Биржа учитывает все это наиболее чувствительно, понижая курсы всех промышленных акций. Уже в августе 1899 г настроение биржи становится настолько резко понижательным, что министерство финансов сочло нужным выступить с официальными успокоительными уверениями, отрицая

«возможность возникновения какого бы то ни было общего торгово-промышленного кризиса». И тем не менее, вслед за этим последовал крах многочисленных предприятий фон-Дервиза и Мамонтова, одних из крупнейших наших сложных банково-промышленных об'единений. В сентябре настроение биржи переходит уже прямо в паническое: кредит продолжает сокращаться, учетный процент повышается. Уже к концу 1899 г. становится ясным, что дело не ограничивается чисто денежным кризисом, а налицо уже промышленный кризис.

Падение цен и промышленный кризис

Промышленные предприятия, даже наиболее солидные из них, работавшие на полном ходу конечно, всегда нуждались в оборотных денежных средствах, в кредите для правильного оборота и реализации своих товаров. Стеснения в кредите тотчас отражаются на обращении, как невозможностью расширения производства товаров, так и затруднительностью их реализации. Предприятия, сами не получая кредита, стесняют и свой кредит под отпускаемые товары, что еще более ухудшает положение рынка. Избыток товара начинает давить на рынок. Единственное средство реализовать их — понижение цен. Но так как рынок уже подорван, его емкость сокращена, то, раз начавшись, падение цен начинает итти ускоренным темпом.

Дело начинается, конечно, с продуктов тяжелой индустрии. Напр.: цена на железные балки в Москве с 2 р. 30 к. в середине 1899 г. упала до 2 руб. к началу 1900 г., до 1 р. 45 к. к концу 1900 г., до 1 р. 25 к. к концу 1901 года и до 1 р. 10 к. к концу 1902 года. Цена на сортовое железо упала с 1 р. 68 к. в 1900 г. до 1 р. 40 коп. в 1901 г. Цена на чугун с 70 — 80 коп. в середине 1900 г. к концу года падает до 45 — 48 коп. Цена на рядовой уголь с 9 — 10 коп. в начале 1900 г. падает до 6 — 7 коп. в конце 1902 г. Цена на донецкий антрацит с 12 — 14 к. в начале 1900 г. падает до 7½ коп. в конце 1902 г. Цена на сырую нефть падает с 17 — 18 коп. в 1900 г. до 4 — 6 коп. к началу 1902 г.

Падение цен, начавшись в первой половине 1900 г., продолжалось почти весь 1902 г., — когда кризис достиг наибольшей глубины и обнаружил все признаки промышленного кризиса. Дело шло уже не о временных денежных и кредитных затруднениях, а о промышленном крахе, об обесценении самых предприятий. Это отражается на падении курса акций как банковых, так и промышленных бумаг.

Так, если сравнить январский 1899 г. высший курс бумаг с последующими годами, то получим следующие сопоставления. Высший курс акций был:

Годы	Петерб уч. и ссудн. банк	Петерб. межд банк	Русск. для внеш торг.	Брянск. завода	Дон. Юрьев. общ	Бак. Нефт. общ.
1899	809	597	450	511½	680	950
1900	665	430	343	475	530	830
1901	472	323	267½	240	2 0	695

Биржевая оценка капитальной стоимости промышленных предприятий и связанных с ними банков понизилась в 2—3 раза за 2 года. Капитализм аннулирует половину того что он «номинально», нажил. Естественным следствием этого становится не только такое падение номинальной ценности предприятий, но и фактическое сокращение их производства. Приведем несколько характерных цифр.

Выплавка чугуна начинает падать с 1901 г. во всех районах за исключением Польши, где падение началось с 1902 г., что видно из следующей таблицы, в млн пуд.

Годы	Южн Рос.	Урал	Польша	Цен. р.	Всего
1899	82,5	45,2	18,8	14,8	163,7
1900	92,6	50,2	18,2	14,0	177,5
1901	91,9	49,0	19,8	10,6	172,8
1902	84,7	44,6	17,2	9,9	156,5
1903	83,4	39,6	18,6	8,5	149,1

Таким образом, общая выплавка чугуна падает в 1901 г. на 5 млн. пуд. по сравнению с 1900 г. В 1902 г. она падает на 16 млн. по сравнению с 1901 г. Производство полупродуктов по всем районам сократилось в 1902 г., упав по сравнению с 1901 г. на 15 млн. пуд. Производство готовых продуктов начало падать с 1901 г., сократившись против 132,5 млн. пуд. в 1900 г. до 112,2 млн. пуд. в 1902 г.

Особенно резко сказался кризис на южной промышленности, возникшей, как мы знаем, наиболее недавно и всецело на иностранные капиталы. Приведем несколько цифр:

	1899 г.	1900 г.	1901 г	1902 г.
Число всех доменн. печей	48	55	56	56
Из них действовало . . .	35	29	31	23
Число рабочих (в тыс.) . .	45,4	41,4	38,6	35,8
Выплавка чугуна (в млн. пуд)	38,9	44,6	47,0	45,3

Таблица подчеркивает характерные явления кризиса, в первую очередь — сокращение числа действующих печей и числа рабочих (уже с 1900 г.) и, наконец, сокращение производства (которое еще в 1900 — 1901 гг. поддерживалось казенными, хотя несколько сокращенными заказами).

Те же явления обнаруживаются в железнорудном производстве, напр., в главном южном — Криворожском — районе.

Годы	Число действующих рудников	Добыто руды (млн. пуд.)	Число рабочих	Остаток товара (млн. пуд.)
1900	64	156,2	5 879	20,3
1901	48	111,3	4 226	35,6
1902	41	111,8	5 177	30,8
1903	40	149,5	7 004	24,2

И здесь 1901—1902 гг. — центр кризиса, сокращения числа рудников, падения добычи, товарного перепроизводства. Более сильные предприятия держатся и развиваются, слабые металлургические предприятия ликвидируются. С 1901 г. по 1904 г. из 70 акционерных металлургических предприятий ликвидировано 18 с капиталом в 55 млн. руб.; возникло 1 акц. предприятие с капиталом в 1 875 тыс рублей.

В особой форме кризис коснулся каменноугольной промышленности. Он проявился, главным образом, также в Донбассе, как наиболее тесно связанном, с одной стороны, с иностранными капиталами, с другой — с тяжелой металлургией, тогда как Уральский и Домбровский бассейны, связанные с ограниченным рынком местного потребления, пострадали в меньшей степени. Падение добычи каменного угля в Донбассе видно из следующей таблицы.

Годы.	Число копей	Добыча (млн. пуд.)
1900	290	691,4
1901	246	694,4
1902	240	642,1
1903	209	728,0

Те же самые явления падения производства с большей или меньшей силой, с большим или меньшим запозданием видим и в других отраслях — в нефтяной, химической и проч.

Наконец, кризисом захвачена была и легкая индустрия, хотя опустошения здесь не были столь велики, как в тяжелой индустрии. Причиной этого было то обстоятельство, что легкая индустрия, напр., хлопчатобумажная, в большей мере опиралась на внутренний широкий рынок, который в связи с сравнительно благоприятными урожаями сохранил свою покупательную способность. Поэтому, напр., в хлопчатобумажной промышленности само производство сократилось очень незначительно, испытав лишь небольшую заминку в 1900—1901 гг. и вновь продолжая довольно быстрый рост в последующие годы. Это видно из следующей таблицы:

Годы	Число веретен (в тыс)	Число самоткацких станков (в тыс.)	Переработано хлопка (в тыс. пуд.)	Потребление хл.-бум. тканей на 1 душу фунтов
1899	6 091	145,8	16 126	3,55
1900	6 645	151,3	16 006	3,51
1901	6 864	157,9	16 123	3,55
1902	6 996	164,7	17 427	3,70
1903	7 146	171,2	18 000	3,60

Из сравнения этой таблицы с вышеприведенными таблицами, рисующими положение тяжелой индустрии, хорошо видно то различное влияние, которое оказал кризис на эти производства. Сохранение и даже рост внутреннего производства позволили хлопчатобумажной промышленности сравнительно легко перенести кризис

Последствия промышленного кризиса

Посмотрим теперь, как отразился кризис на всей промышленности в целом. Понятно, что первым следствием его должно быть сокращение прилива новых капиталов в промышленность. Это видно из следующей таблицы об учреждении новых акционерных обществ за годы кризиса.

Годы	Общее число вновь учрежденных акц. обществ	В том числе иностранных	Основной капитал всех обществ (в млн. руб.)
1899	325	69	363,2
1900	202	40	250,7
1901	135	23	107,6
1902	78	13	73,1
1903	76	15	68,1

В 1900—1902 гг. прилив новых капиталов в промышленность сокращается особенно резко. В различных отраслях промышленности это сокращение прилива капитала происходит, конечно, не в одинаковом размере. Убыточные предприятия с пониженными дивидендами пострадали в этом отношении, конечно, в наибольшей степени; во главе их стояли преимущественно металлургические, машиностроительные, химические и тому подобные заводы и предприятия.

Другое последствие кризиса — массовое закрытие предприятий, как вследствие прямой несостоятельности, так и по другим причинам. Число несостоятельных предприятий, как единоличных, так и акционерных, крупных и мелких, в 1900—1902 гг. исчисляется во всяком случае сотнями, причем в числе несостоятельных, начиная с миллионных предприятий Алчевского, Дервиза, Мамонтова и др., значились первоклассные предприятия с несколькими миллионами рублей основных капиталов. Число закрываемых предприятий также исчислялось за годы кризиса в несколько сот в год; напр., в 1902 г., по весьма неточному учету, закрылось до 840 предприятий, не считая горных.

Понятно, что сокращение производства приводило к необходимости сокращения числа рабочих, почему 1900—1902 гг. являлись годами крупнейших локаутов и сильнейшей безработицы. Напр, благодаря закрытию предприятий в 1901 г. уволено было (не считая горной промышленности) 34,8 тыс. рабочих, в 1902 г.—33,3 тыс. рабочих. В каменноугольной промышленности Донбаса число рабочих сократилось с 67.5 тыс в 1900 г. до 58,5 тыс. в 1902 г.; в доменном и передельном производстве юга с 54 тыс. до 43,2 тыс. Кризис принимал в этом отношении местами настолько катастрофические размеры, что правительство принуждено было установить особо льготный тариф для отправки с предприятий рассчитанных рабочих на родину: летом 1901 г. только из одного Екатеринослава таким порядком было отправлено 10 тыс. чел. рабочих.

Депрессия 1903—1909 гг.

Наибольшей глубины кризис достиг у нас в 1902 году. С 1903—1904 гг. постепенно в различных отраслях промышленности начинают отмечаться признаки устойчивости и даже улучшения. В связи с изживанием кризиса в Западной Европе и укреплением денежного рынка, понижается учетный процент. Цены начинают вновь расти: чугун литейный, в 1902 г. продававшийся по 42—55 к. и даже по 38 к., в 1903 г. стоит уже 65,9 коп. пуд., а в 1904 г. 71,6 к. Цена на

сортовое железо с 1 р. 35 повышается до 1 р. 45 — 50 коп. Керосин, стоивший в 1902 г. 8,2 коп., в 1903 г. повышается уже до 12,6 коп., в 1904 г. до 20,8 коп. Вместе с этим биржа вновь начинает интересоваться дивидендными бумагами, и курс их повышается К концу 1903 г. в значительном повышении оказываются акции большинства промышленных предприятий, еще недавно стремительно шедшие под гору. Знаменитые «мальцевские», напр., повышаются с 335 руб. в декабре 1901 г. до 530 руб. в ноябре 1903 г.; «путиловские» — с 57 руб. до 100 руб. и т. д.

Медленно начинает вновь возрастать прилив капиталов в промышленность, в виде нового оживления акционерного строительства. Напр., было разрешено к открытию акц. обществ с капиталом:

Годы	Всего		Русских обществ		Иностр. обществ	
	Число	Сумма осн. капитал. (в млн. руб.)	Число	Сумма осн. капитал. (в млн. руб.)	Число	Сумма осн. капитал. (в млн. руб.)
1904	94	119,3	81	92,5	13	26,7
1905	75	72,3	65	64,3	10	8,0
1906	115	105,1	105	84,9	10	20,2
1907	131	156,9	119	125,9	12	31,1
1908	120	112,4	108	103,4	12	9,1

Хотя акционерное строительство далеко еще не дошло до максимального под'ема, какой был до кризиса (в 1899 г. 318 акционерных обществ с капиталом в 333 млн. руб.), тем не менее поворот в сторону повышения уже в 1904 г. по сравнению с 1903 г. (76 акционерных обществ с капиталом в 68 млн. руб.) отмечается уже определенно.

Понятно, ни война 1904—1905 гг. ни революция 1905—1906 гг. не могли способствовать увеличению акционерного строительства вообще, ни тем более усиленному приливу иностранного капитала. Это видно из того, что из указанного выше числа новых акционерных обществ, учрежденных в 1905 — 1907 гг., далеко не все фактически открыли действия. Именно, в 1905 г. из 10 обществ, уставы которых были утверждены, открыли действия лишь 4, в 1906 г. из 10 открыли действия 8, в 1907 г. из 12 открыли действия 4.

Правда, за эти годы иностранный капитал стал приливать в царскую Россию в иной форме: в 1906 г. был реализован государственный внешний заем в 2½ миллиарда франков, пошедший на ликвидацию последствий войны и подавление революции.

В 1909 г. был заключен новый внешний заем на 1 400 млн. франков. Тем не менее, для производительных промышленных целей 1905—1906 гг. характеризуются значительным сокращением притока капиталов. Поэтому в 1905 г. отмечается новая заминка, и только после ликвидации войны и выяснившейся неудачи революции 1906 г. капиталистическое предпринимательство вновь оживает.

Производственный под'ем 1904—1905 гг.

Что касается собственно производства, то уже с 1903 г. начинает отмечаться новый под'ем производительной деятельности. В дальнейшем, хотя война 1904 — 1905 гг. оказала разрушительное влияние на всю промышленность, но в первое время она способствовала росту отраслей промышленности, связанных с работой на армию. Такова была металлургия, от которой потребовалось усиление производства в области судостроения, изготовления подвижного состава железных дорог, производства военных орудий и снарядов. В связи с этим под'ем обнаруживают каменноугольная и нефтяная промышленность, а также льняная и кожевенная; последние для обмундирования армии.

Выплавка чугуна, достигнув в предшествующие годы под'ема максимума в 1900 г. в 177,5 млн. пуд. и упавши в 1903 г. до 149 млн. пуд., достигла в 1904 г. 180 6 млн. пуд, увеличившись за один год на 20,8%. Производство полупродукта, после максимального под'ема в 1901 г. (165.0 млн. пуд.) и следующего затем падения до 150 млн. пуд., поднимается в 1904 г. до 178,3 млн. пуд. Производство готового продукта, после максимума в 132,5 млн. пуд. в 1900 г. и падения в 1902 г. до 112 млн. пуд., повышается в 1904 г. до 152,6 млн. пуд. Связанное с военными действиями производство рельс, вагонов и паровозов увеличивается особенно значительно. Именно, сравнивая максимальные цифры 1900 г. и минимальные цифры кризиса 1903 г., в последующий год под'ема имеем:

Годы	Рельс (в млн. пуд.)	Вагонов (в тыс. шт.)	Паровозов (в шт.)
1900	22,4	32,6	1 055
1903	17,8	21,0	904
1904	21,6	24,2	1 110

Количество изготовленных в 1904 г. рельс, вагонов и паровозов поднялось почти до максимального повышения периода промышленного под'ема.

Заметно повышается также добыча каменного угля, особенно в Донбассе (с 728 млн. пуд. до 803 млн. пуд), кокса, нефти и пр.

продуктов тяжелой индустрии. В этом сказывался как начавшийся общий под'ем на мировом рынке, так и увеличение спроса на внутреннем рынке, в связи с войной.

Но понятно, что на продукты легкой индустрии и на предметы широкого потребления война оказала отрицательное влияние. Только производство некоторых предметов военного потребления (кожевенная, льняная промышленность) дало некоторое приращение, но для производства других предметов широкого потребления и массового внутреннего рынка 1904—1905 годы оказались вновь годами застоя. Особенно тяжело отразилась война на хлопчатобумажной промышленности. Количество переработанного хлопка уменьшилось с 22,1 млн пуд. в 1903 г. до 20,1 млн. пуд. в 1904 г.; ввоз заграничных текстильных машин упал до 193 тыс. пуд. на 1,7 млн. руб. против 254 тыс. пуд. на 2,3 млн. руб. Нижегородская ярмарка 1904 г. закончилась недоторжкой по мануфактуре и падением цен. Особенно сильно кризис чувствовался в Лодзинском районе, но и в центральном районе сокращалось производство, закрывались фабрики, сократилось число рабочих.

Влияние войны и внутреннего положения

В этом проявилось разрушительное влияние войны на крестьянское хозяйство и на внутренний рынок вообще. Под влиянием полной дезорганизации внутренней жизни, революции, а затем массовых черносотенных погромов во многих промышленных центрах и подавления революции, период 1905—1906 годов становится временем глубокой промышленной депрессии. В последние месяцы 1905 г. и в первую половину 1906 г., в связи с революционным движением и его подавлением, производство совершенно замирает, спрос сокращается до минимума. Всеобщая стачка, декабрьское восстание, аграрное движение, железнодорожные забастовки, а за ними погромы и карательные экспедиции,—все это приводит к полному параличу промышленную и торговую жизнь, производя в ней значительно более глубокую депрессию, чем произвела война за предшествующие годы.

Таким образом, после того, как война была окончена, а революция ликвидирована, в значительной мере с помощью иностранного капитала, в виде двух внешних займов на сумму 3,6 млрд. фр., русская промышленность оказалась в периоде такого же застоя и депрессии, как и в 1903 — 1906 гг. Но общие условия мирового рынка в 1907 — 1908 гг. были несколько иными, чем в предыдущие годы. В 1907 г. западный капитализм вновь переживал тяжелый кризис, с его обычными явлениями — перепроизводством, до-

роговизной капиталов, повышением учетного процента. Последний в 1907—1908 гг. вновь поднимается до 6—7% и только к началу 1909 г., вместе с изживанием кризиса, падает вновь до 3—4%.

При таких условиях, то стимулирующее влияние, которое производил до сих пор иностранный капитал, не могло быть в 1907—1908 гг. сколько-нибудь значительным. Но для того застойного состояния, в котором под влиянием внутренних причин находилась русская промышленность, в это время и не ощущалось надобности и недостатка в капиталах. Наоборот, после подавления революции 1905 г., русский капитал начинал вновь верить наступившему «успокоению» и стал вновь возвращаться в русла капиталистического обращения. Начали возвращаться вклады в банки, мелкие сбережения в сберегательные кассы и т. п. Так, остатки вкладов и капиталов в главных учреждениях, концентрирующих капиталы (в акционерных банках, городских банках, обществах взаимного кредита, в государственных сберегательных кассах), были на 1 января: 1906 г. — 2,8 млрд. руб., 1907 г. — 3,1 млрд. руб., 1908 г. — 3,3 млрд. руб., 1909 г.—3,4 млрд. руб. и 1910 г.—3,8 млрд. руб. Таким образом, накопление хотя и слабого темпа, но наблюдалось устойчивое. В связи с этим как русское, так и иностранное акционерное промышленное учредительство, как мы видели, в 1907—1908 гг. хотя несколько и развивается, но также весьма сдержанным темпом и в небольших размерах.

Поэтому и в отношении размеров производства послевоенные и послереволюционные 1907 — 1908 годы представляются годами продолжающегося застойного состояния. Приведем несколько цифр, характеризующих это положение для главных отраслей промышленности, сравнительно с послекризисным 1904 г., и в 1907 — 1908 гг., в млн. пудов:

Годы	Общая выплавка чугуна	Производство полупродукта	Добыча каменн. угля	Добыча нефти	Переработка хлопка
1904	180,6	178,3	1 196	656	18,2
1907	172,1	173,4	1 508	524	19,5
1908	171,1	174,8	1 609	529	21,1

Таким образом застойный характер носят все основные отрасли промышленности. Несколько более крупный под'ем добычи ка-

менного угля в 1906 — 1908 гг. об'ясняется, наоборот, резким сокращением добычи нефти, ее вздорожанием и вытеснением вообще каменным углем жидкого топлива, а также увеличившимся вывозом каменного угля за границу. Падение же добычи нефти и ее сильное вздорожание обусловлены были, в свою очередь, пожарами и погромами в нефтяных районах в 1905 году, истощением старых площадей и уменьшением бурения.

Наоборот, в текстильной промышленности период депрессии дает несколько более устойчивые цифры роста, так же как и в предшествующий период кризиса, главным образом, благодаря медленно идущему росту внутреннего потребления. Правда, это развитие внутреннего рынка шло очень медленно, благодаря низкой покупательной способности населения, и не отличалось устойчивостью, в связи с зависимостью массового крестьянского потребления от колебаний урожаев. Но тем не менее и на этот раз легкая индустрия, опиравшаяся на массовый рынок, оказалась в несколько более благоприятном положении, чем, напр., тяжелая металлургия, ориентировавшаяся попрежнему на основного потребителя — железные дороги — и за сокращением спроса с их стороны принужденная сокращать свое производство.

Итоги кризиса и необходимость реорганизации промышленности

Из изложенного видно, что со времени кризиса 1900 г. в течение восьми лет, т. е. до конца 1908 г., наша промышленность переживала длительный период застоя и депрессии. изжирать который она начинает лишь с 1909 года.

Обращаясь к причинам, обусловливавшим такую длительность и глубину промышленной депрессии, приходится искать их в том же общем характере нашего промышленного развития. которым отличался и промышленный под'ем 1895 — 1899 гг.

Мы видели, что этот под'ем имел в основе своей тяжелую индустрию, развивавшуюся в преобладающей степени на почве казенных заказов и железнодорожного строительства. Другими словами, этот под'ем должен был привести к значительному росту основных капиталов, перепроизводству средств производства, при относительном отставании производства предметов широкого потребления. Тогда как последнее могло развиваться только в меру очень небольшой емкости и низкой покупательной способности населения, особенно крестьянского, производство тяжелой индустрии, направленное на расширение средств производства и капитального оборудования страны железными дорогами. фабриками, машинострои-

тельством — развивалось под защитой запретительной таможенной системы и приобретало грюндерски-спекулятивный характер. Оторванное от внутреннего потребительского рынка, защищаемое от иностранной конкуренции, получающее искусственно высокие дивиденды, воспитываемое всей системой поощрений, казенных заказов — наше промышленное капиталистическое строительство вырождалось в производство ради производства, не считавшееся с конечной целью — потребительным рынком. Наоборот, взращиваемое за счет всевозможных общебюджетных вспомоществований, кредита, привилегий, оно, через налоговой и податной пресс, тем более обременительно ложилось на массы потребляющего населения, еще более подрывая его покупательную способность.

Фактически вся тяжесть этого накопления перелагалась таким образом на разоряющуюся деревню, на ее и без того слабо развитые производительные и покупательные силы, скованные остатками полукрепостных хозяйственных отношений. Этим ставились определенные и весьма узкие рамки капиталистическому накоплению, так как в пределах внутренней хозяйственной жизни оно не находило достаточно быстрого развития производительных сил, могущих дать почву для реализации этого накопления. Реализация на внешнем рынке была недоступна, вследствие той же технической отсталости, взращенной системой протекционизма. К тому же, первые попытки найти выход из положения на внешнем рынке были окончательно погашены, благодаря мировому кризису 1907 — 1908 гг.

Русский промышленный капитализм уже к началу XX в. перерос свои национальные границы и все более плотно входил в систему мирового капитализма. Его самодовлеющее национальное существование становилось тем более невозможным, что «национальная среда», в которой ему приходилось развиваться, была особенно отсталой и тесной. Дальнейшее замыкание в рамках этой отсталой «национальной самобытности» грозило полной невозможностью развития, поглощением всей системы более развитым западным капиталом, превращением ее в подчиненную, чисто колониальную систему.

Западно-европейский капитализм охотно шел на это — трехмиллиардные займы, предоставленные западным капиталом царизму в момент его борьбы с революцией, были не чем иным, как задатком за возможность будущей эксплоатации «русской колонии», если бы в ней удалось сохранить прежний самодержавно-феодально-колониальный режим.

Но все же, как ни велик был удельный вес иностранного капитала в национальном капиталистическом накоплении, в народном хозяйстве решающую роль должен был получить национальный капитал. После 1905 — 1906 тг. стало ясным, что экономические и социальные основы его существования должны быть в корне изменены. Экономически зависимый от мирового капитала и связанный с ним теснейшими финансовыми организационными и рыночными связями, он мог сохранить самостоятельность своего существования и развития, лишь расчистив в то же время почву для своего внутреннего укрепления.

Кризис и депрессия 1900 — 1908 гг. совершенно обнаженно выдвинули экономические, финансовые и организационные пути, единственно возможные в пределах капитализма для достижения этой цели: расширение внутреннего рынка, путем капитализации всей толщи народного хозяйства; отбор наиболее мощных капиталистических предприятий, путем концентрации и новых организационных об'единений промышленного капитала; укрепление своей финансовой мощи, путем окончательного сращения национального капитализма с мировым финансовым капиталом.

Понятно, что эти пути еще более, чем стремление национального промышленного капитала 1890-х годов, расходились с старыми путями самодержавно-крепостного помещичьего государства. К тому же, эти пути стали противоречить не только интересам русского капитала, но подверглись штурму и новых классов, восставших в 1905 — 1906 тг. на защиту возможности своего существования и развития. Русский капитализм в меру своих интересов использовал этот штурм, чтобы обеспечить ближайший этап для своего развития. Дальше компромиссного решения он пойти не мог как в силу своей финансовой зависимости и экономического рахитизма, так и в силу своей социальной беспомощности.

Вот почему следующий этап русского капитализма выливается в создание эпохи финансового капитализма, зависимого от иностранных империалистических систем и взращиваемого в рамках «самодержавно-конституционного» государства.

ЛИТЕРАТУРА.

Общей истории нашего хозяйственного развития в начале XX в. еще не написано даже в отдельных эскизах, хотя материал по этой эпохе имеется сравнительно достаточный и удовлетворительный. Общий очерк у *Фин-Енотаевского*, Капитализм в России, 1925, отд. III—VII. Общий характер капита-

лизма, как приобретающего характерные черты монополистического и финансового, достаточно подробно освещен в специальных работах о синдицировании промышленности, об иностранных капиталах, о роли банков и проч.; об этих вопросах литературу см. в следующих главах.

О кризисе 1900 г. и последующей депрессии: *Брандт*, Торгово-промышленный кризис в Зап. Европе и России, т. I — II, 1902. — *Афанасьев*, Денежный кризис, 1900. — *Фин-Енотаевский* в книге «Капитализм в России», отд. IV, а также в статье в «Науч. обозр», 1902 — *Мигулин*, Промышленный кризис в России , ст. в «Народн. хоз.», 1902 — 1903. — *Туган-Барановский*, Современный промышленный кризис, ст. в «Мир Бож», 1900, XI. — *Меерсон*, Промышленная депрессия в России 1906 — 1909 гг. В. Ком. Ак., 1924, *Штейнфельд*, К вопросу о причинах кризиса, ст. в «Народн. хоз.», 1902 г., IV. — *Его же*, Политика казенных заказов. «Нар. хоз», 1902, VIII. — *Балабанов*, Промышленность России в начале XX в., в сборн. «Общественное движение России», т. I. — См. также «Вестник Финансов», за 1900 — 1902 гг. и обширную общую периодическую прессу 1900 — 1902 гг.

Вообще о хозяйственном положении в 1900-х годах, кроме отдельных монографий и официальных статистических обследований, особенно богатый материал имеется в многочисленных публикациях органов об'единенной промышленности, Совета с'ездов представителей промышленности и торговли — в стенограммах совещаний, в периодическом журнале Совета с'ездов «Промышленность и торговля» и проч.

Статистические источники за этот период, кроме официальных, пополняются сведениями представительных органов промышленности. Из официальных изданий основные: «*Свод* данных о фабрично-заводской промышленности в России», 1900. — «*Статистические* сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом» (ред. *Варзара*) за 1900 г., СПБ, 1903 г. «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г» (ред. *Варзара*), СПБ, 1912 г. — «Фабрично-заводская промышленность Европ. России в 1910 — 1912 гг.»; 12 выпусков, 1914 г. «*Статистика* производств, облагаемых акцизом», ежегодно — «*Сборник* статистических сведений по горно-заводской промышленности России». Сводка главных из них в «Ежегодниках» Мин. Финансов. — Ценные сводки и обзоры за период 1907 — 1915 гг., см. «*Обзоры* главнейших отраслей промышленности и торговли» за 1907 — 1912 гг. и в сборн. «Народное хозяйство России», 1913—1915 гг., изд. М. Фин. Очень важным источником являются также «Об'яснительные записки» к государственным росписям министра финансов.

Из статистических изданий промышленников особенно ценны «Железная промышленность южной России» за 1901 — 1907 гг. — «Железно-рудная промышленность юга России», 1907. — «Обзоры Бакинской нефтяной промышленности». — «Статистика прядильного и ткацкого производства за 1909 — 1910 гг.», изд. О-ва содействия мануфактурной промышленности. Ценные сводки этих данных в «Статистических ежегодниках» Совета с'ездов представителей промышленности и торговли под ред. *Шарого*.

Глава XX.

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПОД'ЕМ 1909—1914 гг.

Начало синдикатского движения

Синдикатские соглашения предпринимателей возникают у нас еще в 1870 — 1880-х гг., когда впервые наиболее крупные страховые общества заключили монополистическую конвенцию для достижения единого страхового тарифа. В 1886 г. возник синдикат гвоздильных и проволочных заводов. В 1887 г. — синдикат сахарозаводчиков, ставший при содействии правительства важнейшим орудием регулирования нашей сахарной промышленности. Далее в 1892 г. возникает соглашение синдикатского типа между главными нефтяными фирмами, делаются попытки об'единения каменноугольных, металлургических предприятий и проч.

Но безусловно, что только экономическое развитие конца XIX в. и кризис 1900 — 1902 гг., вполне подготовили почву для синдицирования и трестирования нашей промышленности. Общие условия, которые подготовили переход к этим монополистическим промышленным об'единениям, лежали прежде всего в той высокой степени концентрации промышленности, которая была у нас связана с крупной ролью об'единенного акционерного и иностранного капитала. С другой стороны, и спрос на продукты руководящей тяжелой индустрии представлялся также в значительной степени об'единенным, вследствие преобладания крупных правительственных и железнодорожных заказов. Всем этим уже подготовлена была почва для синдикатских об'единений, лишь как простое оформление существовавшего руководящего положения некоторых промышленных групп.

Кризис 1899 — 1900 гг. и затем продолжительная промышленная депрессия, наконец, революционное рабочее движение 1905 — 1906 гг. дали сильнейший толчок к возникновению и быстрому росту предпринимательских об'единений. Прежде всего, кризис 1900 г.

ясно вскрыл то несоответствие производительных возможностей необычайно развившейся тяжелой индустрии с узкими потребительными возможностями внутреннего рынка. Узость массового внутреннего рынка привела к перепроизводству и падению цен, как только правительственные заказы перестали поглощать по дорогим ценам всю продукцию. Но кризис произвел отбор наиболее слабых предприятий, еще более укрепив и усилив удельный вес более крупных групп, вновь и еще более остро поставив перед ними как задачу общей реорганизации промышленности, так и задачу овладения рынком.

Уроки кризиса

В результате того урока, который дал нашей промышленности кризис 1900—1902 гг., перед ней выдвинулись, таким образом, три основных вопроса. Во-первых, вопрос о внутренней своей реорганизации и наиболее целесообразном восстановлении основного капитала, подорванного кризисом и еще более сильно разрушенного во время войны, революционных восстаний и контрреволюционных погромов. Во-вторых, — вопрос о наиболее выгодных путях овладения рынком удешевлением посреднических и торговых расходов и монопольным регулированием рынка самой промышленностью. И наконец — вопрос об изменении самого характера рынка в виде отказа от исключительного обслуживания казенных заказов и расширения покупательной способности массы населения, а в связи с этим — и существующего изменения в направлении производства.

Эти вопросы в первые же годы XX в. начинают оживленно обсуждаться в нашей экономической и особенно в специальной промышленно-капиталистической прессе, в органах представительных учреждений промышленников, в Советах с'ездов промышленности и торговли, в органах южной тяжелой металлургии и проч. Выходы из положения и разрешение всех вопросов были найдены в тех примерах, которые к этому времени давала передовая западно-европейская и американская промышленность. Овладение рынком и регулирование сбыта с помощью синдикатских об'единений, повышение производственных прибылей путем сокращения расходов по торговому посредничеству, монопольное овладение рынком и ценами, реорганизация всей промышленности и регулирование производства путем ее концентрации и вытеснения слабых конкурентов; достижение, таким образом, производственной монополии и установления, вместо конкурентного капиталистического хозяйства, капиталисти-

чески регулирующей монополии — таковы были новые задачи и пути переустройства промышленности.

Этот путь капиталистического разрешения кризисов и противоречий капиталистического хозяйства, к тому времени уже усиленно осуществлявшийся в Западной Европе и Америке, был положен в основу новых путей промышленного развития и у нас. Но вопрос осложнялся тем, что на западе промышленный капитализм, кроме широкого развития внешнего рынка, который был для нас мало доступен, опирался на широкий внутренний рынок и на высокую покупательную способность населения. Для нашего же капитализма внутренний рынок ограничивался покупательной способностью населения, которая была у нас чрезвычайно низка. Это осложняло положение нашей промышленности и в экономическом, и в социально-политическом отношении: экономически капитализм требовал развития внутреннего рынка, поднятия покупательной способности деревни, капитализации ее хозяйственных отношений; политически — капитализм для своих успехов требовал окончательного уничтожения остатков сословно-феодальной изолированности и изменения всего вообще отсталого государственного строя.

Но для самих руководителей крупной промышленности внутренний рынок представлялся все же чем-то очень тесным, трудно достижимым, и потому им казалось более выгодным и целесообразным итти по другому пути. «Мечтать об укреплении нашей металлургической промышленности на почве подков, осей, кованых колес, плугов, спасительных для русского крестьянина железных крыш, — практическим людям вовсе не приходится», так формулировал свое отношение к проблеме внутреннего рынка центральный представительный орган промышленности, Совет с'ездов, в своей записке 1908 г. Понятно, чтобы «укрепить» промышленность на этой почве, нужно было перерождение нашей деревни, развитие ее производительных сил, освобождение ее от пут экономической и сословной отсталости. Поэтому, не будучи в состоянии полностью разрешить эту задачу, выполнение которой было не в интересах землевладельческой руководящей верхушки, руководящая промышленная верхушка, особенно тяжелая металлургия, принуждена была обратиться к той же системе казенного рынка, правительственных заказов, субсидий, покровительства и т. п., уплачивая за это покровительство отказом от своего социально-политического господства.

Все это и привело к тому сочетанию у нас, с одной стороны, высокоразвитых образцов крупной комбинированной в синдикаты и тресты, монополистически организованной промышленности, ярко выраженных явлений финансового капитализма, а с другой — самобытных образцов «самодержавно-конституционных» отношений, общей социально-экономической отсталости. Таким сочетанием и характеризуется наше хозяйственное положение в первые полтора десятилетия XX в., вплоть до мирового столкновения капиталистических систем, в котором русский капитализм принужден был принять участие, как наиболее отсталый и зависимый член этой системы.

Другая экономическая задача и другой противник, который стоял перед об'единяющимся промышленным капиталом, был торговый капитал. Несмотря на быструю капитализацию у нас орудий обращения — железных дорог и проч. — все же торговое посредничество обходилось у нас слишком дорого. В противоположность западным странам, торговая прибыль у нас была выше производственной. Быстрый рост производственного капитала к началу нового столетия поставил перед ним новую задачу — освобождение от слишком высоких расходов на обращение, торговые и посреднические расходы. Например, тогда как дивиденд акционерных производственных машиностроительных и механических предприятий в 1906 — 1908 гг. был 2 — 2,7%, дивиденд торговых предприятий по этим же продуктам был 6 — 7,9%. Единственный способ освободиться от таких высоких посреднических торговых расходов для промышленного капитала открывался также в синдикатских об'единениях с целью непосредственного выхода на рынок.

Возникновение синдикатских об'единений

Вот почему уже в 1901—1902 гг., как только была изжита непосредственная острота кризиса и крушений 1899 — 1900 гг., идея синдицирования промышленности становится модной среди руководящих промышленных кругов. В ней они видят средство выхода из существующего кризиса и избежания последующих затруднений. Эта идея начинает постоянно проводиться в речах ораторов на с'ездах промышленников, в специальной печати, в докладных записках, представляемых правительству. Само правительство официально заявило, что оно «не встретило бы препятствий», если бы промышленность «признала бы полезным в об'единении усилий искать выхода из существующего затруднения».

В 1901 г. на с'езде горнопромышленников юга России решено было приступить к организации синдиката.

Синдикаты в металлургии

В 1902 г. образуется уже ряд крупнейших синдикатских об'единений. Наиболее важное из них — «Первое акционерное о-во для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет»), которому поручается продажа листового и универсального железа (об'единение сразу до 70 — 72% всего сбыта); затем в 1903 г. балок и шевелеров (до 75% всего сбыта); затем к нему же постепенно переходит продажа бандажей и вагонных осей, чугунных труб, сортового и фасонного железа, рудничных рельс и проч. Таким образом Продамет к 1908 г. об'единял 12 — 15 крупнейших заводов, все главнейшие отрасли металлургического производства и до $^2/_3$ — $^3/_4$ всего сбыта. С формальной стороны Продамет, как контора по продаже изделий, представлял из себя сложное об'единение по 5 особым договорам для каждого отдельного вида производства, с несколько различными условиями об'единения входящих в Продамет предприятий. Но общий характер деятельности и регулирования производства и сбыта об'единялся, конечно, единой синдикатской политикой. Она свелась с первых же дней учреждения синдиката к выработке общих цен, регулированию условий кредита, распределению сбыта и его районов и т. п.

Результаты такой политики видны хотя бы из того, что через месяц после образования синдиката цены на юге поднимаются с 1 р. 40 коп. до 1 р. 70 коп. и затем хотя и понижаются, благодаря конкуренции предприятий, не вошедших в синдикат, тем не менее остаются на 20% выше, чем досиндикатские цены. Конкурентами синдиката являлись как некоторые южные заводы (Юзовский), так особенно польские. Тем не менее постепенно Продамет об'единяет некоторые новые заводы и целые районы, держа в своих руках, как сказано, до ¾ всего сбыта и являясь поэтому решающим фактором рынка.

В том же 1902 г. организуется другой крупный синдикат по продаже железных труб ((«Трубо-продажа»), сосредоточивающий у себя продажу водопроводных, газопроводных, фабричных, нефтепроводных и проч. труб и об'единяющий десять русских и иностранных заводов, существовавших в России. «Оригинальность» этого синдиката заключалась в том, что он имел «негласный» характер и являлся в сущности синдикатом иностранных заводов, имеющих в России свои производственные отделения (заводы Laure Hütte, Гута Банкова и др.). Поэтому правление синдиката было в Берлине, а в России существовал... скромный «Торговый дом Трубо-продажа», фак-

чически простой московский агент германского синдиката. Синдикат, благодаря этому, обнимал почти все 100% русского сбыта труб, ведя обычную синдикатскую политику.

В том же 1902 г. возник третий крупный синдикат по продаже специальных чугунов (ферро-марганов и др.), об'единяющий 6 южных заводов и около 90% всего производства.

Вслед за этими тремя пионерами синдикатского движения оно начинает захватывать постепенно все другие отрасли. После неудачных попыток об'единения в 1905 году, на юге уже в 1908 г. образуется синдикат горнопромышленников по продаже руды («Продаруд»), об'единяющий сразу 6 главных южных рудных предприятий с производством до 80% всей руды.

Таким образом в течение 6—8 лет после кризиса подавляющая часть нашей тяжелой металлургии, особенно на юге, была синдицирована. Из отдельных ее производств вне синдикатских об'единений оставался один лишь чугун, что об'яснялось неодинаковыми условиями производства на разных чугуноплавильных заводах — с одной стороны, работающих на собственной руде и угле, и с другой — работающих на покупных продуктах.

Не менее остро, чем для южной промышленности, ставился вопрос о регулировании производства и рынка для металлургической промышленности Урала, особенно сильно страдавшей от победоносной конкуренции юга. Вопрос о синдикате уральской металлургии был поставлен на с'езде уральских горнопромышленников в том же 1902 году, но «отечественный капитал» не мог столковаться так скоро, как южный, западно-европейский. После многих споров, соглашение было достигнуто лишь в 1904 г. в виде конвенции и создания об'единенного «Комитета уральских горных заводов» в составе 12 наиболее крупных уральских заводов с производством до 80% уральского кровельного железа. Конвенция регулировала как общее производство железа и распределения его между заводами, в целях сокращения выпуска его на рынок и поддержания цен, так и условия продажи, кредита, сортировки и проч. Просуществовав до 1906 года, конвенция распалась, но вместо нее был с 1907 года образован более прочный синдикат «Кровля», об'единивший сначала до 75% производства кровельного железа, а затем и некоторые другие продукты. По примеру «Кровли» стали образовываться синдикаты и по другим производствам — сортового железа, белой жести (18 фирм с производством 1 375 тыс. пуд., т. е. почти все русское производство).

Далее в 1907 году был организован синдикат заводов сельскохозяйственных машин в форме «С'езда фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий», который об'единил к 1913 году 18 крупнейших фирм и сконцентрировал в своих руках до 73% производства сеялок и 72% других сельскохозяйственных орудий. Образование синдикатов вызвало между прочим большую тревогу в сельскохозяйственных кругах, опасавшихся повышения цен. И действительно, первое же свое выступление синдикат ознаменовал общим повышением цен, сокращением кредита земствам и кооперативам стеснением условий продажи.

В 1904 году организовался синдикат вагоностроительных заводов «Продвагон» («Общество для продажи изделий русских вагоностроительных заводов») из 13 заводов, с почти полной монополизацией сбыта вагонов; так, в 1905 году «Продвагон» продал 97,5% в 1906 г. — 97%, в 1907 г. — 95% всей русской продукции. Другой аналогичный синдикат паровозостроительных заводов об'единял 7 — 8 русских заводов, тоже с 90 — 100% всей продукции. В 1909 году организовался синдикат рельсо-прокатных заводов, как часть крупного международного об'единения во главе с американскими фирмами. Наконец, за этими синдикатами следовал синдикат «Медь», об'единивший почти все крупные заводы этого производства и державший под своим контролем к 1913 г. до 94% всего производства; далее синдикат «Платина» и др.

Естественным результатом такого быстрого синдицирования металлической промышленности должен быть переход от синдиката к металлургическому тресту, т. е. к более глубоко проводимому производственному об'единению и регулированию. Переговоры об образовании треста начались еще в 1900 — 1902 г., когда, однако, не оказалось достаточно подготовленной для этого почвы, и дело свелось к синдикатским об'единениям. Но в 1908 году 9 крупнейших южных металлургических предприятий подписали, по инициативе крупнейшего Южного-русского общества, предварительный договор о слиянии их в одно «Акц. об-во металлургических заводов, рудников и копей». Капитал треста был определен в 171 млн. руб., и производство входящих в него заводов охватывало до 82—84% производства чугуна и болванок всех южных заводов (42—52% всей России); 88-89% рельс и балок южных заводов (73—74% всей России); 78% сортового железа (36% всей России). Этот единый металлургический трест, правда, не осуществился. Но тем не менее чрезвычайно важно то обстоятельство, что, начав с синдикатских

об'единений в области сбыта, южная металлургическая промышленность быстро пришла к идее образования единого металлургического производственного треста. Урал оставался вне его, но это было не столько опасно для южного треста, владевшего в целом до 45% всероссийской металлургической промышленности, сколько для самого Урала, имевшего перед собой технически более высокого и экономически более мощного об'единенного противника.

Об'единение каменноугольной промышленности

В каменноугольной промышленности синдикатское движение нашло себе осуществление в образовании трех синдикатов в трех основных каменноугольных районах — Донецком, Домбровском, Уральском. Донецкий синдикат, реорганизованный в 1906 году в крупнейший синдикат «Продуголь» («Русское общество торговли минеральным топливом Донецкого бассейна»), об'единял 18 крупнейших угольных предприятий Донецкого бассейна с выработкой 75% всей добычи угля на юге. Правление этого мощного каменноугольного об'единения, преимущественно франко-бельгийских предприятий, находилось в Париже. В 1907 — 1908 гг. были образованы два сибирских каменноугольных синдиката, Черемховский и Забайкальский. Таким образом, все основные районы каменноугольной промышленности были синдицированы, и в руках синдикатов, во главе с Продуглем, находилось до 75% всего национального производства.

И замечательно то, что этот синдикат, ни по своей организации, ни по своей политике ничем не отличавшийся от других синдикатов, вызвал противодействие со стороны не-синдицированной и даже синдицированной металлургии, так как его политика привела к кризису топлива и тяжело ударила по предприятиям, работавшим на покупном топливе. В результате, крупные синдицированные металлургические предприятия начинают стремиться к приобретению для обеспечения производства собственных угольных шахт.

Таким образом на почве взаимной борьбы этих капиталистических организаций у нас впервые возникает высшая форма производственных об'единений, в виде сложных «вертикальных» комбинатов. Большого развития это движение, однако, не успело получить.

Нефть

Синдицирование нефтяной промышленности началось еще в 1890-ые годы, когда при содействии правительства был образован в 1892 г. «Экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков», с целью более успешной кон-

куренции на внешнем рынке с американским трестом «Standard Oil Company» в области экспорта керосина. Мы видели, что концентрация нефтяной промышленности достигла у нас высокой степени, что облегчало процесс ее синдицирования. Например, в 1900 году 16 фирм, с добычей нефти свыше 10 млн. пуд. каждая в год, имели в своих руках около 65% всей добычи нефти и 55% всех скважин. В области же торговли керосином две фирмы «Т-во бр. Нобель» и О-во «Мазут» сосредоточили в своих руках 70% всего отпуска керосина и нефтяных остатков. Особенностью положения нашей нефтяной промышленности являлось то обстоятельство, что она была в наивысшей степени «интернационализирована», т. е. фактически громадная часть акций русских нефтепромышленных обществ находилась в портфелях или под контролем крупнейших международных акционерных обществ. В результате такого положения, к 1912 — 1913 гг. все нефтедобывание в России было сосредоточено в руках или находилось под контролем 4-х крупнейших обществ: русско-американской «Генеральной нефтяной компании» («General Oil Company» (Манташев, Каспийское о-во и др.); английской компании «Шелль» (группа Лианозова); голландской «Королевской генеральной компании» («Русское нефтепромышленное о-во») и, наконец, «Т-во Нобель» — самой крупной группы, находившейся, кроме того, в особых соглашениях с транспортно-нефтяными предприятиями и монопольно державшей в своих руках весь нефтяной и керосиновый рынок.

Легкая индустрия

Скажем теперь несколько слов о синдикатах в других отраслях промышленности, преимущественно в легкой индустрии. Здесь процесс синдицирования шел медленнее и слабее, но все же в период депрессии он стал обозначаться все более отчетливо. В текстильной промышленности синдицирование началось с польской промышленности, когда в 1908 году образовался синдикат лодзинских хлопчатобумажных фабрикантов с капиталом в 30 млн. руб. Это дало толчок к синдицированию текстильной промышленности в центральном районе. Существовавшее до тех пор «Совещание мануфактурных промышленников московского района» было реорганизовано в «Общество хлопчатобумажных фабрикантов», об'единившее 47 предприятий с 3,7 млн. веретен (из общего числа 8,8 млн. вер.) и 61 тыс. ткацких станков.

В 1912 г. образуется синдикат в льняной промышленности — «Русское льнопромышленное акционерное общество». Образование

синдикатов в текстильной промышленности проявило себя тотчас теми же последствиями, как и в других случаях. В то время, как в 1904 г. московский ситец стоил 11 коп., в 1907 году, после образования синдиката, цена его поднялась до 14½ коп. и удерживалась синдицированным предприятием и в 1908 г., хотя «дикие» фабриканты понизили свои цены на 10—20%.

Не останавливаясь более подробно на других синдикатах, упомянем лишь наиболее важные из них. Сюда относятся, напр., об'единение цементных заводов («Русское товарищество торговли цементом», до 90% всего производства); резиновых заводов («Треугольник» в 1907 г. до 100% производства); крупнейшие об'единения соляных предприятий, руководимые обществом «Океан», образованным по типу продажной конторы. Далее, табачный синдикат, образованный в 1912—1913 гг, под влиянием и руководством международного табачного синдиката (75% производства); синдикаты спичечных фабрик, асфальтовых заводов, стекольных и зеркальных заводов (все существующие заводы), пробочный синдикат, электрический синдикат и много других.

Транспортные синдикаты

Необходимо отметить, что, помимо чисто производственных отраслей, синдикатские об'единения в сильной степени проникли и в область транспорта. В железнодорожном деле частные об'единения исключались ввиду сосредоточения значительной части жел.-дор. линий в руках казны. Но и здесь синдикатские тенденции нашли себе влияние в упомянутых выше вагоностроительных и паровозостроительных синдикатах. Зато очень бурно стало развиваться синдикатское движение в речном транспорте, в котором раньше имелась масса конкурирующих обществ. Эти общества начали в 1906—1909 гг. об'единяться в синдикаты, захватившие все речные сообщения — Волгу, Каму, Оку, Днепр, сибирские реки. Почти в то же время последовало и синдицирование морских транспортных обществ («Ропит»). Как в области речного, так и в области морского транспорта синдицирование приводило тотчас к установлению повышенных тарифов, часто вызывавших протесты со стороны заинтересованных учреждений, почти всегда безрезультатные.

Таким образом к концу первого десятилетия XX в. не было ни одной даже сравнительно мелкой промышленности или транспорта, в которой не имелось бы налицо синдицирования. Только благодаря отсталости нашего законодательства это синдицирование происходило часто не в открытой форме синдикатов, а в зату-

шеванной форме — обществ и контор для продажи, даже простых «с'ездов» (напр., с'езды мукомолов) или совершенно тайных соглашений. Благодаря этому, иногда трудно выяснить степень и глубину об'единения нашей промышленности и поглощения в ней конкурентного начала монополистическим. Но что это монопольное начало зашло уже далеко, по крайней мере, в руководящей тяжелой металлургии, видно из того, что уже тогда некоторые исследователи синдикатского движения признавали, что наша тяжелая промышленность организационно и экономически подготовлена к национализации (Кафенгауз).

Итоги синдикатского движения

Мы видим, таким образом, что синдикаты всецело достигли одной из поставленных им целей — овладения и полного охвата рынка, с целью повышения цен. Но понятно, что одного овладения наличным рынком было еще недостаточно для развития промышленности. Ей нужен был также развивающийся рынок, в особенности для таких отраслей, как быстро прогрессирующая металлургия. Синдикаты должны были в первую очередь поставить вопрос об этих новых рынках и источниках сбыта. Искать их возможно было конечно либо во внешнем рынке, либо в развитии внутреннего. В отношении первого политика синдикатов способствует развитию «бросового» экспорта по пониженным ценам за счет повышения внутренних цен. Такова была основа повышения экспорта нашего сахара, спирта и некоторых других продуктов на восточные и западные рынки. Такова же была основа впервые более или менее крупного выхода на внешний рынок нашей металлургической промышленности. В 1906 году вывоз чугуна за границу, под влиянием политики образовавшегося синдиката, сразу повысился до 1,3 млн. пуд., а в 1907 г. до 4,5 млн. пуд, против 59 тыс. пуд. в 1905 г.; вывоз железа и стали не в деле в 1906 — 1907 гг. был 1,9 млн. пуд. и 15,0 млн. пуд. против 867 тыс. пуд. в 1905 г. Однако, этот первый успех нашей металлургии на внешнем рынке быстро же и исчез, вследствие европейского кризиса. В 1908 г. вывоз чугуна вновь сократился до 584 тыс. и до 58 тыс. в 1909 году. Надежда на «завоевание» внешнего рынка таким образом не оправдалась даже путем «бросового» экспорта.

Оставался внутренний рынок. Но по отношению к нему наша металлургия, как мы видели выше, была настроена пессимистически. Овладение внутренним рынком представлялось для нее и трудным, и не стоящим внимания делом.

Гораздо большие надежды она возлагала — несмотря на недавние уроки кризиса и депрессии — на крупные железнодорожные заказы, на новый под'ем грюндерства. К этому наша промышленность шла гораздо более охотно. И последующий под'ем 1909—1913 годов был в значительной степени основан на том же расширении железнодорожного строительства. Но все же, быстро развивающаяся капитализирующаяся деревня сыграла в этом под'еме значительно большую роль, чем в под'еме конца XIX столетия.

Недостаточность синдикатского движения

Развитие синдикатского движения в 1900—1908 годах в значительной степени подготовило почву для создания производственных промышленных монополий. Но все же, в самих синдикатах еще не было законченной системы полной концентрации производства и производственных монополий. Синдикаты формально представляли из себя об'единенную контору по продаже изделий и в конечном счете только регулировали рынок, распределяли его между участниками, устанавливали цены, нормировали сбыт, но гораздо реже самое производство. Этим они, конечно, усиливали процесс конкурентной борьбы между предприятиями, укрепляя положение более мощной синдицированной группы и еще более ухудшая положение несиндицированных, менее мощных и хуже оборудованных предприятий. Но все же они не шли далеко вглубь реорганизации самого производства, как отдельных предприятий так и всего об'единения в целом, т. е. не превращались в законченные тресты, как производственно монопольные об'единения.

Единственное образование трестового характера, образовавшееся у нас в южной металлургии, как мы видели, формально не нашло себе осуществления. В деятельности же самих синдикатов непосредственное руководство и регулирование производством встречалось сравнительно редко. Такие случаи непосредственного регулирования производством трестового характера встречались, напр., в деятельности «Кровли», установившей для уральских заводов 2 сорта выработки железа, вместо 4. Продамет прекратил на Сулинском заводе продажу некоторых сортов железа. Тот же Продамет закрыл Страховицкий завод (в Польше), ввиду высокой стоимости выработки, выплачивал акционерам бездействующих заводов соответствующую долю из прибылей других заводов. Зеркальный синдикат, образовавшись из 4 заводов, закрыл производство на двух, выплачивая акционерам их соответствующую долю прибылей.

Этим и немногими другими примерами почти исчерпывается непосредственное производственное руководство и реорганизация производства нашими синдикатами. И понятно почему. Устанавливая соглашения между предприятиями, входящими в синдикат, и устраняя, следовательно, между ними конкуренцию, синдикат с другими своими противниками, с излишними, дешевыми или плохо оборудованными предприятиями, мог бороться только обычными способами конкурентной борьбы, а не покупая и закрывая их, как это делают тресты. Для этого наши синдикаты, в особенности вначале, не были настолько мощными. Для образования синдиката приходилось поэтому подбирать сравнительно однородные по технике и экономике предприятия и ограничивать об'единения соглашениями лишь по отдельным продуктам. По этой причине, как мы видели, вначале именно и затруднялось образование синдикатов более общего характера, охватывающих все отрасли, и вместо этого приходилось синдикатские соглашения оформливать в ряд отдельных договоров.

Другими словами, наши синдикаты вначале еще не могли достичь производственной монополии и законченной производственной концентрации. Кризис 1900—1903 гг. сильнейшим образом расчистил место для подготовки такой производственной монополии путем «естественного отбора» более сильных предприятий от слабых. Так, в 1901—1904 гг. ликвидировалось 16 акционерных машиностроительных и механических предприятий с капиталом в 7 254 тыс. руб, т. е. в среднем около 450 тыс. на предприятие. Следовательно, ликвидировались сравнительно мелкие и плохо оборудованные предприятия. Но уже в 1905—1909 гг. было ликвидировано 10 предприятий с капиталом в 12 455 тыс. руб., т. е. в среднем 1 240 тыс. руб. на предприятие (Ванаг). За пять всего лет синдикаты настолько окрепли и подготовили почву для производственной концентрации, что стали вытеснять и ликвидировать крупные миллионные предприятия.

Процесс концентрации

Процесс «естественного отбора» и концентрации промышленности за время кризиса и депрессии сделал весьма большие успехи. Напр., если взять общее число предприятий, распределив их по величине, сообразно числу рабочих, в начале кризиса и в конце его, то получим следующие цифры, в процентах к общему числу [1])

[1]) Статист. ежегодник, под ред. Шарого, за 1914 год.

	% заведений в группе		% числа рабочих	
	1901 г.	1910 г.	1901 г.	1910 г.
Мелкие до 50 чел. . . .	70,5	65,7	14,3	11,6
51—500 чел.	26,0	29,3	39,0	34,9
500 и выше чел.	3,5	5,0	46,7	53,5

Самые крупные предприятия-гиганты увеличились и в числе своем, и по числу занятых рабочих, тогда как остальные группы дали по последнему признаку сокращение. При этом, для сравнения можно указать, что в Соед. Штатах на предприятиях мелких и средних (до 500 рабочих) работало 69% общего числа рабочих, на крупных (свыше 500 чел.) 31%, т. е. процесс концентрации по числу рабочих у нас был выше, чем в Соед. Штатах.

Другой, более подробный источник — официальная «Фабрично-заводская статистика» [1]), дает следующие характерные цифры основных тенденций развития промышленности с 1887—1908 гг.

Годы	Число заводов	Сумма произв. (в млн. руб.)	Число рабочих (в тысячах)
1887	30 888	1 331,5	1 318,0
1897	39 029	2 839,1	2 098,2
1908	39 866	4 908,7	2 679,7

Процентное отношение роста за период 1887—1908 годов мы имеем следующее:

	1887—1897 гг.	1897—1908 гг.
Число предприятий увеличилось на	28,3%	2%
Общая сумма произв. » »	53%	73%
Количество рабоч. » »	59,9%	28%

При некоторой неточности и несравнимости учета, все же из этих цифр видно, насколько более интенсивен был процесс концентрации в начале XX в. (увеличение производства на ¾ при почти том же числе предприятий) сравнительно с концом XIX в. (увеличение производства на половину при увеличении числа предприятий более, чем на четверть). Притом, интересным представляется то обстоятельство, что особенно значительно концентрационный процесс и техническое улучшение сказались в результате кризиса. Именно, по тем же данным Варзара за время с 1900 г. по 1908 г., мы имеем приращение числа заведений на 4,9%, суммы производства на 49,9%, числа рабочих на 16%, числа двигателей на 20,8%,

[1]) Фабрично-заводск. статист., под ред. Варзара, за 1908 г.

мощности двигателей паровых сил на 43,2%; т. е. при незначительном увеличении числа предприятий производительность их и оборудование двигательной силы возросли за 8 лет почти наполовину.

Понятно, еще более рельефно этот процесс концентрации выражается не в этих общих цифрах, а по отдельным производствам. Так, в металлургической промышленности в 1895 году у нас был всего один завод с производством чугуна в 10 млн. пудов, и это производство составляло 12% всего русского производства. В 1900 г. таких заводов было 2 с производством 30 млн. пуд., составлявшим 17,2% всей продукции; в 1908 году 5 заводов с 71 млн. пуд. (41,5%) и в 1913 г. 9 заводов с 150 млн. пуд. (53,1%) (Ванаг). Таким образом, в течение первого десятилетия XX ст. 9 металлургических гигантов захватили уже более половины всего производства чугуна. В нефтяной промышленности процесс концентрации зашел еще более глубоко: в 1912 г. на нефтеперегонные заводы с выработкой менее 1 млн. пуд. приходилось лишь 1,1% всей выработки Бакинского района, а 6 крупных предприятий с продукцией свыше 5 млн. пуд. имели 65% всей продукции и из них 2 завода с выработкой свыше 10 млн. пуд. — 29,6%. В каменноугольной промышленности в 1891 г. на долю крупных предприятий с добычей свыше 5 млн. пуд. приходилось в Донбассе 47,8% всей добычи, а в 1912 г. 84,5%. В рельсопрокатном производстве из 13 существовавших заводов 7 производили 90% выработки.

Техническая реорганизация промышленности

Вместе с такой концентрацией повышалась и производительность отдельных предприятий. Выше мы приводили цифры, характеризующие рост производительности в металлургической промышленности в 1890—1900 гг.

Теперь приведем для сравнения цифры, относящиеся к 1909 г.

	1900 г.	1909 г.
Выплавлено чугуна на 1 заводе (в тыс. пуд.) . .	716	1 025
Число рабочих на 1 завод	1 325	1 545
» лошад. сил на завод	1 286	1 805
» » » » рабочего	0,97	1,17
Выплавка чугуна на 1 дом. печь (в тыс. пуд.) .	629	1 138

Сравнительно с 1900 г. выплавка на 1 завод увеличилась почти на 50%, а с 1890 годом — в 4 раза. При этом прогрессирующий юг особенно быстро обгонял отсталый Урал; напр., на один завод выплавлялось чугуна в 1909 году на юге 5 375 тыс. пуд., на Урале

всего 367 тыс. пуд.; на одну печь на юге 2 670 тыс. пуд., на Урале 453 тыс. пуд.; на 1 рабочего на юге 2 321 пуд., на Урале 240 пудов. Но уже в 1912 г. выплавка на 1 печь на юге повысилась до 3 152 тыс. пуд., а в среднем по России до 1 525 тыс. пуд. Для сравнения можно указать, что за те же годы в других странах выплавлялось чугуна на 1 печь в Англии 2 млн. пуд., в Германии 2,6 млн. пуд. и в Соед. Штатах 5 млн. пуд. на одну печь и 2 560 пуд. на 1 рабочего. Таким образом наша южная металлургия превосходила западно-европейскую, хотя и уступала северо-американской.

Другим признаком технического, прогресса, который развила наша промышленность в течение кризиса и депрессии, является увеличение мощности двигателей и замена паровых двигателей более совершенными двигателями внутреннего сгорания и электрическими. Общая мощность механических двигателей в промышленности возросла с 853 тыс. лошадиных сил в 1900 г. до 1 206 тыс. лошадиных сил в 1908 г. (кроме горной, транспорта и военных заводов), т. е. почти на 50%. Правда, по абсолютным итогам механических сил, русская промышленность значительно отставала от западно-европейской и американской. В Германии в промышленности применялось в 1907 году 7,9 млн. лошадиных сил, в Соед. Штатах в 1910 г. 18,7 млн. лошадиных сил, а в расчете на 1 жителя это давало в России 1,6 лошадиных сил, в Соед. Штатах 25 лошадиных сил, в Германии 13 лошадиных сил, в Англии 24 лошадиных силы Но эти цифры свидетельствуют лишь вообще о недостаточности охвата крупным капитализмом всего нашего народного хозяйства в целом.

Что же касается самой промышленности, то если рассчитать имеющиеся механические силы на 1 рабочего, занятого в промышленности, то получим другую картину. Именно, на 1 промышленного рабочего у нас приходилось в 1908 г. 91,9 лошадиных сил (без горн. промышленности), в Соед. Штатах в 1910 г. 282 лошадиных силы (тоже), в Англии в 1907 году 152,7 лошадиных сил, в Германии 72,9 лошадиных сил, во Франции 84,9 лошадиных сил. Таким образом, по этому основному признаку соотношения основного капитала с переменным мы видим, что наша промышленность, сильно уступая американской и английской, превосходила западно-европейскую континентальную.

Из отдельных технических успехов, усвоенных нашей промышленностью в течение кризиса и депрессии, необходимо указать,

напр., в металлургической промышленности на почти полное вытеснение древесного топлива минеральным.

Тогда как в 1910 г. на последнем выработано было 57% чугуна, в 1907 г. 72,3%. Точно так же быстро шло вытеснение производства сварочного железа литым: в 1890 г. литого железа вырабатывалось в России 44%, в 1900 г. 84%, а в 1909 г. 96%, притом оставшиеся 4% исключительно за счет отсталого Урала, так как юг всецело перешел на литое железо. Точно так же происходит быстрое вытеснение мартеновской сталью бессемеровского способа: первая составляла в 1890 г. 68% всего металла, в 1900 г. 74%, в 1909 г. 81%. Мощность двигателей в южной металлургической промышленности исчислялась так: число сил паровых машин сократилось с 220 тыс. лошадиных сил в 1904 г. до 192 тыс. лошадиных сил в 1910 г., а электрических увеличилось с 19 тыс. киловатт до 84 тыс. киловатт. Наконец, в текстильной промышленности технический прогресс характеризовался вытеснением сельфакторных веретен ватерными: число ватерных веретен по отношению к числу сельфакторных было в 1900 г. 77%, а в 1910 г. 122%.

Количественные итоги промышленного под'ема

Дадим теперь количественные итоги развития нашей промышленности после кризиса и депрессии, т. е. к концу предвоенного развития нашего капитализма Размер производства по главнейшим отраслям промышленности дает следующая таблица[1])

Годы	Чугун	Железо и сталь	Кровельн. железо	Рельсы	Медь	Каменн. уголь	Нефть	Кокс	Потреблен. хлопка
	(млн. пудов)								
1900	177	163	14,0	30,2	0,5	1 003	631	137	16,1
1903	150	135	14,4	19,4	0,6	1 094	630	112	16,6
1909	175	163	20,7	29,1	1,3	1 591	563	161	21,3
1910	186	184	22,9	29,5	1,4	1 522	588	168	22,1
1911	219	203	20,7	31,0	1,6	1 739	558	202	21,4
1912	256	227	22,4	38,2	2,1	1 904	569	236	25,7
1913	283	246	25,3	35,9	2,0	2 214	561	271	25,9

Из таблицы видно, что после того опустошения во всех почти отраслях производства, которое произвел кризис 1900—1902 годов уже за период депрессии 1903—1909 годов, промышленность почти восстановила (а в некоторых случаях превысила) свой уровень до

[1]) Народное хозяйство России, 1913 г.

кризиса. За последующие же пять лет под'ема этот уровень по всем производствам был превзойден (кроме нефти), для некоторых отраслей вдвое против высшей точки до кризиса (кам. уголь).

Так как территориально наибольший под'ем горной и тяжелой металлургии имел место на капиталистическом юге, то годы под'ема, 1909—1913 гг., еще более сильно изменяют соотношение отдельных производительных районов, главным образом, прогрессивного юга и отсталого Урала и других менее важных районов. Это возрастание удельного веса юга, наметившееся, как мы видели, еще в 1890-х годах, в первое десятилетие XX века прогрессировало таким темпом:

		1900 г.	1913 г.
Выплавка чугуна всего	млн. пуд.	177	283
В том числе Южный район	» »	91,5	189,7
» » » »	%	51,7	67,0
» » Урал	млн. пуд.	50.5	55,8
» » »	%	28,5	19,7
Производство железа и стали всего	млн. пуд.	163	246
В том числе Южный район	» »	75,8	141,0
» » » »	%	46,5	57,3
» » Урал	млн. пуд.	33,8	40,8
» » »	%	20,7	16,6
Добыча каменн. угля всего	млн. пуд.	1 003	2 214
В том числе Южный район	» »	671,6	1 560,9
» « » »	%	67.0	70,5
» » Урал	млн. пуд.	22,7	73,4
» » »	%	2,3	3,3

Таким образом, южный металлургический район к 1913 году окончательно вытеснил из производства уральскую металлургию, которая еще в 1900 г. все же составляла до половины южной, а в 1913 г. была в 3 — 4 раза менее южной, а по каменному углю роль Урала свелась совсем на нет.

Несколько иной характер перемещения наблюдается в нефтяной промышленности вследствие истощения старых бакинских месторождений, а также в связи с разгромом их в 1905 — 1906 гг. и, наконец, вследствие быстрого роста других нефтеносных районов. Поэтому добыча нефти распределялась так (в млн. пудов):

	1900 г.	1910 г	1913 г.
Всего	631	588	561
В том числе в Бакинском р	600,4	501,8	466,2
» » » » Грозненском р.	30,7	74,6	73,0

Таким образом, наша Бакинская нефтяная промышленность, достигнув максимума производства в 1905 г., после этого переломного года, под влиянием указанных внутренних причин, а также под влиянием ухудшения мировой кон'юнктуры с нефтью, уже не достигает прежних цифр. За то, с одной стороны, быстро развивались другие районы (Грозненский, Майкопский, Эмбенский), а с другой — улучшалась техника добывания, о чем свидетельствует увеличение тартального способа добычи, увеличение числа усовершенствованных двигателей (внутреннего сгорания, электрических) и проч.

Приведем некоторые дополнительные данные, характеризующие развитие некоторых других отраслей за эти годы. Один из важнейших признаков развитого капитализма, машиностроение достигло к 1912 г. 136,6 млн. руб. против 101,9 млн. руб. в 1910 г. В частности сельскохозяйственных машин было выработано в 1912 г. на сумму 52,3 млн. руб. против 38,3 млн. руб. в 1908 г., 13,3 млн. руб. в 1900 г. и 9,2 млн. руб. в 1897 г. Хотя общее производство машин все еще было невелико, но оно дало весьма значительное повышение. Еще же более знаменательным являлся рост производства сельскохозяйственных машин, увеличившегося за 15 лет в 15 раз.

Из легкой индустрии приведем несколько цифр по хлопчатобумажной промышленности.

	1900 г.	1909 г.	1913 г.
Число веретен . . . . . тыс.	6 646	8 064	9 200
Колич. перераб. хлопка . тыс пуд.	16 007	21 274	25 900
Число прядильн. станков . тыс.	151	200	230
Выработано пряжи . . . . млн. пуд.	14,6	20,2	22,7
» тканей . . . . » »	11,7	17,0	19,6

Для льняной промышленности можно сделать следующие сопоставления:

	1900 г.	1909 г.	1913 г.
Число веретен . . . . . тыс.	337	412	394
» ткацких станков . . . »	11,0	14,1	15,9
В том числе механических . »	9,6	13,4	15,3
Переработано сырья . . . . . тыс. пуд.	3 132	4 484	4 719
Выработано пряжи . . . . . » »	2 042	3 088	3 039

Несмотря на несколько более медленный рост льняной промышленности сравнительно с хлопчатобумажной, обработка льна обнаруживает рост механизации и увеличения выработки, несмотря даже на сокращение числа веретен.

Рост сахарной промышленности за рассматриваемый период характеризуется следующими цифрами: общая выработка сахара увеличилась с 49 млн. пуд. в 1900 г. до 92,6 млн. пуд. в 1909 г. и 108,4 млн. пуд. в 1913 г., в том числе выработано рафинада 24.4 млн. пуд. в 1900 г., 42,8 млн. пуд. в 1909 г. и 57,8 млн. пуд. в 1913 г.

ЛИТЕРАТУРА.

Вопрос о синдицировании нашей промышленности в 1900-е годы в литературе освещен далеко не полно, так как само синдицирование большею частью происходило в скрытой форме.

О синдицировании промышленности писали: *Гольдштейн*, Синдикаты и тресты, 1912. — *Кафенгауз*, Синдикаты в русской железной промышленности, 1910. — *Цыперович*, Синдикаты и тресты в России, 1919. — *Янжул*, Промысловые синдикаты, 1895. — *Гурьев*, Промышленные синдикаты, 1902. — *Рафалович*, Промышленные синдикаты за границей и в России, 1904. — *Фармаковский*, Синдикатские этюды, 1908.

О под'еме 1909—1914 гг. см. литературу общую и по отдельным отраслям, указанную в предыдущей главе; там же статистические источники, наиболее важные для этого периода.

Глава XXI.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Источники и пути внутреннего накопления

Из изложенного видно, что, пережив кризис и депрессию 1900 — 1908 гг., наша промышленность начинает технически и экономически реорганизовываться в направлении концентрации производства, технического переоборудования его, восстановления основного капитала, растраченного и разрушенного в период депрессии, наконец, в направлении вообще отбора наиболее крупных жизнеспособных предприятий и ликвидации мелких и нежизнеспособных. Ясно, что для этого требовались новые крупные затраты капитала, которые могли итти или за счет иностранного капитала, или за счет накопления туземного капитала.

Посмотрим же, откуда наш промышленный капитализм черпал свои средства на эту реорганизацию промышленности, на восстановление и усиление своих капиталов.

Вопрос о том, происходило ли развитие русской промышленности в XX в. в преобладающей степени за счет иностранного капитала, или, наоборот, удельный вес этого последнего понижался за счет роста туземного накопления, т. е. происходила ли у нас «национализация», или «денационализация» нашего капитала, представляется спорным в нашей экономической литературе. Наша официальная дореволюционная статистика принимала версию о «национализации», поскольку отнесение того или иного капиталистического предприятия и общества к «иностранному» или «русскому» делалось по тому признаку, действует ли общество на основе «русского» или «иностранного» устава. Понятно, что подобная статистика давала извращенные выводы, так как и в «русские» общества была вложена значительная доля иностранных капиталов. Понятно, что прямое пользование этими официальными цифрами без критического к ним отношения ничего не может дать. Но в то же время

нельзя оставлять без внимания те крупные источники туземного накопления, которые с хозяйственным под'емом XX в. должны были давать особенно значительные источники для прилива капитала в промышленность.

Рассмотрим сначала факты и цифры, свидетельствующие о наличии значительных источников внутреннего накопления капитала и прилива его в промышленность. Они выражались в накоплении средств и доходов от различных сторон хозяйственной деятельности, в частности от экспорта сельскохозяйственных продуктов и концентрации их в виде мелких сбережений в сберегательных кассах, в банковой системе государственного и коммерческого кредита, в эмиссии различных ценных бумаг, фондов, акций, в системе акционерных предприятий и пр. К сожалению, наша статистика по всем этим вопросам дает лишь отрывочные данные, позволяющие лишь иллюстрировать и наметить самые общие тенденции об условиях и ходе внутреннего накопления. Поэтому остановимся на отдельных более характерных моментах, характеризующих эти тенденции и общие условия внутреннего накопления.

Выше мы указывали, что в XX в. особенно значительно усилился наш положительный торговый баланс и через него — оседание в стране массы ценностей, идущих в значительной степени в виде капитала в промышленность Этот торговый баланс давал к началу XX в. в среднем от 100 млн. до 250 млн. руб. в год, а в 1909 г. достиг рекордной цифры 580 млн. руб. Этот «золотой поток» должен был, конечно, в значительной степени оседать в виде промышленного капитала. Безусловно превращалась в промышленный капитал и известная доля доходов от других источников народохозяйственной деятельности.

К сожалению, мы и здесь не имеем сколько-нибудь прямых и точных сведений о характере и размерах этого явления, почему приходится ограничиваться косвенными данными.

Прокопович исчислил (конечно, весьма приблизительно и неточно) «народный доход» по 50 губ. Европейской России для 1900—1913 гг.

Приведем суммарные цифры его исчислений [1]):

---

[1]) *Прокопович.* «Опыт исчисления народного дохода по 50 губ. Европ. России в 1900—1913 гг», стр 67 и сл.

	1900 г. (в млн. руб.)	1913 г.	Увеличен. %
Сельское хозяйство	2 985,1	5 630,2	+ 88,5
Лесоводство и рыболовство	626,1	730,0	+ 16,6
Промышленность	1 402,2	2 566,6	+ 83,0
Транспорт	531,2	1 055,1	+ 98,9
Строительное дело	473,1	842,7	+ 78,1
Торговля	561,9	980,9	+ 74,6
Итого	6 579,6	11 805,5	+ 79,4

В приведенных исчислениях в увеличении дохода сказывается как увеличение самой продукции, так и цен ее; в таких условиях увеличение доходности сельского хозяйства стоит на втором месте среди других отраслей народного хозяйства и впереди как промышленности, так и торговли. Но если исчислить продукцию всех отраслей по однообразной цене 1900 г., чтобы таким образом устранить влияние роста цен и установить непосредственный рост самой продукции, то получим следующие сопоставления:

	1900 г. (в млн. руб.)	1913 г.	Увеличен. %
Сельское хозяйство	2 985,1	3 995,0	+ 33,8
Лесоводство и рыболовство	626,1	598,4	— 4,3
Промышленность	1 402,2	2 282,3	+ 62,2
Транспорт	531,2	803,5	+ 51,4
Строительное дело	473,1	703,8	+ 48,8
Торговля	561,9	787,4	+ 40,7
Итого	6 579,6	9 170,3	+ 39,4

Если считать эти цифры правильно передающими соотношение в доходе отдельных отраслей народного хозяйства и их развитие за 1900—1913 гг., то можно видеть, что количественный рост продукции промышленности стоит на первом месте сравнительно со всеми другими отраслями, тогда как, наоборот, по ценности рост промышленной продукции стоит ниже транспорта и сельского хозяйства. Другими словами, такой материальный рост промышленности мог развиваться только благодаря тому, что к ней приливал капитал из других отраслей народного труда, хотя и развивающихся несколько более медленно, чем промышленность, но благодаря более выгодным ценностным соотношениям, дающим относительно более высокий доход.

Конечно, определить размеры этих доходов, оседающих, напр., из сельского хозяйства и капитализирующихся в промышленности,

невозможно по имеющимся данным. Но самая наличность этого процесса несомненна. Статистически она выражается оседанием народных сбережений в различных органах и путях кредитно-банковой системы капиталистического обращения и перераспределением их в значительной степени по линии промышленности. Ниже мы рассмотрим некоторые из основных путей этой концентрации и перераспределения.

а) Сберегательные кассы

Кризис 1900 — 1902 гг., а затем последующая война, революция и контрреволюционное движение не могли не отразиться на сокращении роста внутреннего накопления. Если брать показатели мелкого внутреннего накопления, сберегательные кассы, то массовая выемка вкладов населения в 1905 г. привела к абсолютному сокращению вкладов на 79 млн. руб. Но все же, с 1907 г., а затем особенно с промышленным под'емом 1909 — 1913 гг., вновь начинается довольно значительное возрастание вкладов. Именно остатки денежных вкладов в сберегательных кассах были (в млн. руб.):

На 1 января	1900 г.	. . . . .	679,9
» » »	1903 »	. . . . .	920,1
» » »	1906 »	. . . . .	831,2
» » »	1909 »	. . . . .	1 207,6
» » »	1913 »	. . . . .	1 594,9
» 1 июля	1914 »	. . . . .	1 704,2

Вместе с процентными бумагами вкладчиков на 1 июля 1914 г. сумма вкладов достигала 2 073 млн. руб. Отсюда видно, что тогда как до 1903 г. прирост вкладов в год давал 80—85 млн. руб., — 1903 — 1907 гг., (за исключением массовой выемки в 1905 г. — 79 млн. и возвращения в 1906 г. — 204 млн. руб.) давали в год около 102 — 114 млн. руб. приращивания вкладов, 1909 г. всего 32 млн. руб., 1910 — 1911 г. 60 — 67 млн. руб. и 1912 — 1913 гг. 43 — 38 млн. руб. Таким образом, хотя за 14 лет размеры накопления через сберегательные кассы увеличились свыше 1 миллиарда рублей, но за последние годы они стали несколько сокращаться.

Необходимо впрочем отметить, что сокращение темпа накопления через сберегательные кассы, повидимому, не означало сокращения вообще мелкого накопления. Оно об'ясняется, с одной стороны, тем, что в эти годы усилились другие формы сосредоточения мелких сбережений, именно через учреждения мелкого кредита. Так, напр., размеры оборотных средств (собственных капиталов, вкладов и

займов) во всех учреждениях мелкого кредита (кооперативных и сословных) на 1 января 1909 года составляли всего 258 млн. руб., 1912 года — 459 млн. руб., 1914 г. — 779 млн. руб., а на 1 июля 1914 г. — 954 млн руб., из них собственно в кооперативных учреждениях 773 млн. руб. Другая причина лежала в том, что за 1909—1914 гг. главный вкладчик сберегательных касс — накапливающая деревня — (земледелие и сельские промыслы давали свыше 25% всех вкладов) стала направлять, как мы увидим далее, свои сбережения на непосредственное применение ввиде приобретения инвентаря, скота, хуторского устройства и т. п.

Эмиссия процентных бумаг

О размере и росте вложения капиталов в промышленность (непосредственно, в виде акционерного промышленного и железнодорожного капитала, или посредственно, через государственные займы и банковые акции) свидетельствуют также размеры эмиссии ценных бумаг за годы под'ема.

Именно они были (в миллионах рублей):

Годы	Всего	В том числе в России	За границей
1908	899,6	645,2	254,4
1909	795,3	449,8	345,5
1910	918,9	713,8	205,1
1911	1 236,3	980,3	256,0
1912	1 350,0	898,0	452,0
Всего . . .	5 200,1	3 687,1	1 513,0

В 1913 г. было вновь реализовано на внутреннем рынке 570 млн. руб., так что за пять лет (1908—1913 гг.) эмиссия фондовых бумаг достигла 6 млрд. руб. При этом, из указанной суммы 2 292 млн. руб. представляли процентные бумаги, 1 128 млн. руб. — промышленные акции, 413 млн. руб. — банковые, 727 млн. руб. — железнодорожные и 375 млн. руб. — государственные займы. Таким образом, за рассматриваемый период эмиссия распределялась, примерно, так: около 12% государственные займы, 45% ипотечный кредит и 43% — торговопромышленные и железнодорожные займы. Отсюда видно, что громадная доля новых капитальных средств шла в сельское хозяйство, вернее — в значительной степени на земельную мобилизацию, особенно сильно проявившуюся в этот период в виде распродажи поместным дворянством своих земель крестьянам, на капитализацию земельной ренты.

в) Кредитная система

Процесс накопления в кредитных учреждениях характеризуется следующими цифрами роста собственных капиталов и притока чужих средств, на 1 января соотв. года (в млн. руб.) [1]):

	Собственн. капиталы		Вклады		Итого	
	1909 г.	1914 г.	1909 г.	1914 г.	1909 г.	1914 г.
Государств. банк	55	55	210	263	265	318
Акционер. банки .	312	836	977	2 539	1 289	3 375
Городск. » .	50	58	103	171	153	229
О-ва взаим. кр. .	62	151	270	595	332	746
Итого . . .	479	1 100	1 560	3 568	2 039	4 668

Таким образом, размеры средств, которыми располагала банковая сеть (без ипотечных банков) за 15 лет увеличилась более чем вдвое — на два с половиной миллиарда руб.

Наиболее характерным представляется абсолютный и относительный рост средств, которыми располагали акционерные коммерческие банки. В этом отношении представляется интересным проследить рост числа акционерных банков и их капиталов за более продолжительный ряд лет. Это дает следующая таблица:

На 1 января	Число банков	Собственн. капит. (в млн. руб.)	Вклады
1870 г. . .	6	15,7	96,3
1895 » . . .	34	175,5	309,7
1900 »	39	280,0	552,0
1910 »	31	332,0	1 262,0
1914 »	47 [2])	836,0	2 539,0

Только за 4 года, 1910 — 1914 гг., акционерные банки увеличили свой капитал на 504 млн. руб., тогда как во все предшествующие годы банки накопили капитала всего 332 млн. руб., и привлекли новых вкладов за эти же 1910 — 1914 гг. на 1,3 млрд. руб., тогда как за 10 предшествующих лет — всего 550 млн. руб. При этом, весьма характерным является то обстоятельство, что в 1900—1914 гг. и в банковом деле происходит та же концентрация, как и в промышленности. За это время происходит слияние многих отдельных более мелких банков в более крупные банки-гиганты. Так,

[1]) Составлена на основании балансов на 1 января 1909 и 1914 г.; городские банки — на 1 января 1909 г. и 1913 г.

[2]) Кроме того 3 банка, действующих на «особых основаниях». 2 Рижских и 1 Либавский.

например, в 1901—1904 гг. образуется один из крупнейших — Азовско-Донской банк из прежнего Петербургско-Азовского, Минского и Киевского коммерческого. В 1908 г. организовался Соединенный банк из Московского международного, Орловского и Южно-русского. Северный банк в 1910 г. сливается с Русско-китайским — в Русско-азиатский. Достаточно указать, что доля 13 крупнейших тогдашних петербургских банков в собственных капиталах всех акционерных банков возросла с 49% в 1900 г. до 66,5% в 1913 г. и 65,2% в 1914 г. В среднем на 1 петербургский банк приходилось 12 млн. собственных капиталов, тогда как московских — 19 млн. руб. и провинциальных — 5 млн. руб. Распределение вкладов концентрировано еще более: на 1 января 1914 г. петербургские банки сосредоточивали 72,2% всех вкладов против 54,0% в 1900 г.

Иностранные капиталы в русской промышленности

Кроме внутреннего накопления, значительным источником прилива капитала в промышленность в годы промышленного под'ема вновь становится крупный акционерный и в частности иностранный капитал.

Мы видели, что годы кризиса и последующей депрессии привели к довольно резкому сокращению акционерного учредительства вообще, в том числе и иностранного. Но уже с 1907 г., а затем (после минования мирового кризиса 1907—1908 гг.) особенно усиленно с 1910—1911 гг., акционерное учредительство вообще, в том числе и иностранное, начинает вновь быстро возрастать. Дадим таблицу акционерных обществ, вновь разрешенных в 1909 — 1913 гг., по сравнению с числом обществ, разрешенных в 1900 г.

Годы	Всего		Русских обществ		Иностранных обществ	
	Число	Основн. кап. (в млн. руб.)	Число	Основн. кап. (в млн руб.)	Число	Основн. кап. (в млн руб.)
1900	202	250,7	162	201,2	40	49,5
1904	94	119,2	81	92,5	13	26,7
1909 . .	131	108,9	116	95,97	15	12,9
1910	198	224,3	181	190,5	17	33,8
1911	262	320,9	222	240,9	40	80,0
1912	342	401,5	322	371,2	20	30,3
1913	372	545,2	343	501,1	29	44,1

Отсюда видно, что уже к 1911 г прилив акционерного капитала почти догоняет максимальные цифры предшествовавшего под'ема (1899 г. — 363 млн руб.), а в 1912—1913 г. уже значительно превосходит все предшествующие годы. При этом характерным представляется то обстоятельство, что развитие акционерного строительства идет не только за счет организации новых промышленных предприятий, но еще в большей мере за счет реорганизации прежних единоличных предприятий в акционерные. Именно, в эти годы из всей суммы капиталов вновь учрежденных акционерных обществ, до 65—75% приходилось на общества, реорганизуемые из единоличных в акционерные. Очевидно, те задачи и требования, которые пред'являла промышленность по отношению к капиталу, были таковы, что единоличный капитал уже не был в состоянии удовлетворить им, и только акционерная форма концентрации масс капитала давала значительные источники для прилива капитала в промышленность.

Однако приведенными цифрами вопрос о роли иностранного капитала в русской промышленности в начале XX в. еще не разрешается. Как уже было указано, цифра прилива иностранного капитала неправильно, по чисто формальному признаку устава, разрешалась нашей официальной статистикой. Фактически участие иностранного капитала в русских акционерных предприятиях было значительно больше, но, за невозможностью произвести исчерпывающие подсчеты, цифры отдельных исследователей этого вопроса несколько колеблются.

Так, по подсчетам Воронова [1]), в 1900 г. в России действовало всего 1 595 акционерных частно-хозяйственных обществ (русских и иностранных), имевших в своем распоряжении основной капитал в 2 396 млн. руб.; из них иностранных было 269 обществ с 691 млн руб., что в процентах составляло 28,18% всей суммы основного капитала акционерных обществ. За период 1900—1914 гг. число акционерных компаний значительно возросло, достигнув 2 163 предприятий. По подсчетам Крицмана [2]), из 2 163 предприятий, принадлежавших перед войной в России акционерным обществам, с основным капиталом почти в 4 миллиарда руб., в 327 предприятий был вложен иностранный капитал в размере 1 340 млн. руб., т. е. в седьмую часть всех предприятий был вложен иностранный капи-

[1]) *Воронов*, Иностранные капиталы в России, 1901, ст 22.

[2]) *Крицман* — Русская промышленность перед революцией. Еженед. Комин 1923 г стр 334.

тал в размере третьей части всего основного капитала всех акционерных обществ. Эта общая сумма иностранного капитала весьма близко совпадает с данными Зива, который определяет ее к 1914 г. в 1 532 млн. руб., включая и банки, на долю которых иностранного капитала приходится по его подсчету 250 млн. руб. Так что за вычетом этой суммы мы получим 1 282 млн. руб. приходившихся на собственно-акционерные предприятия [1]). Наконец, П. Оль [2]) общую сумму иностранного капитала в России исчисляет в 1916—1917 гг. в 2 242 млн. руб. В эту сумму входит 256 млн. руб. облигационного капитала и 237 млн. руб. бывшего в кредитных учреждениях, главным образом в банках. Так что собственно акционерного иностранного капитала в русские промышленные предприятия к началу революции было вложено 1 749 млн. руб. Так как общая сумма всего акционерного капитала определялась около 4 млрд. руб., а за годы войны мы имели прирост акционерного капитала в сумме до 997,2 млн. руб., то общая сумма всех акционерных капиталов к 1917 г. может быть определена до 5 млрд. руб., из нее на долю иностранного капитала приблизительно приходилось 1,7 млрд. руб. или около 34%.

По отраслям производства иностранные акционерные и облигационные капиталы, вложенные в промышленность, к 1916—1917 г., по данным П. Оля, распределялись следующим образом:

Отрасли производств	Тыс. руб.
Горная промышленность	834 320
По обработке металлов	392 709
Городские недвижимости и строит	259 930
Кредитные учреждения	237 200
Текстильная промышленность	190 494
Химическая »	83 593
Торговые предприятия	80 715
По обработке питат. вкусов. веществ	37 330
Бумажные и полиграфические	31 404
Транспорт, дор. и подвижн. состав	26 650
Лесопильн. и по обработке дерева	25 736
По обработке минеральн. веществ	18 239
» » животн. продукт.	14 450
Страховые	8 700
Итого	2 242 974

[1]) *Зив*, Иностранные капиталы в русск. гор. пром., ст. 123.

[2]) *П. Олъ*, Иностранные капиталы в России, 1922 г.

В предприятиях горной промышленности и по обработке металлов было 1 227 млн. руб. или 54,7% всей суммы иностранного капитала.

По главным отраслям горной промышленности иностранные капиталы распределялись следующим образом: металлургические предприятия с доменными печами — 268 747 тыс. руб., нефтяная промышленность — 253 520 тыс. руб., каменноугольная — 159 951 тыс. руб., медная промышленность — 60 914 тыс. руб.; золотопромышленность — 41 792 тыс. руб. и т. д.

Иностранные капиталы, вложенные в металлургическую промышленность и по машиностроению, распределяются главным образом между машиностроительными предприятиями — 81 845 тыс. руб., сельскохозяйственным машиностроением — 81 128 тыс. руб., металлургическими предприятиями переделочными — 45 152 тыс. руб., электротехническими предприятиями — 45 353 тыс. руб. и т. д.

Что касается иностранного капитала, вложенного в городские предприятия, то наибольшая сумма приходилась на общества электрического освещения — 99 627 тыс. руб. и трамвайные общества — 50 553,5 тыс. руб.

Если, применяя подсчеты Оля об иностранных капиталах, вложенных по отдельным отраслям, вычислить долю участия в общем акционерном капитале в каждой данной отрасли в 1916/17 г.. то получим следующие сопоставления:

	Весь капитал акц и облиг. (в млн. руб.)	В том числе иностран. (в млн. руб.)	%
Горное дело	917,8	834,3	90
Выплав. и обраб. метал. .	937,8	392,7	42
Текстильная пром. . . .	685,4	190,5	28
Химическая » . .	166,9	83,6	50
Обработка дерева . . .	68,8	25,7	37

Наконец, вложенные в акционерные общества иностранные капиталы по их национальности распределялись следующим образом:

	Тыс. руб.	%
Французские капиталы	731 746,6	32,6
Английские »	507 497,8	22,6
Германские »	441 593,2	19,7
Бельгийские »	327 602,5	14,3
Американские »	117 750,0	5,2
Голландские »	36 456,7	1,6
Швейцарские » . . .	33 479,1	1,5
Шведские »	23 772,3	1,1

	Тыс. руб.	%
Датские капиталы	14 737,7	0,7
Австрийские »	7 550,0	0,4
Итальянские »	2 506,2	0,1
Норвежские »	2 300,0	0,1
Финляндские »	2 000,0	0,1
Итого	2 242 974,1	100,0

Таким образом в нашем акционерном строительстве «антантовские» (англо-франко-бельгийские капиталы) занимали до 69,5%, тогда как германские всего 20%. Это обстоятельство, конечно, предрешало вопрос о характере участия России в мировой войне.

Приведенные данные дают также ответ и на вопрос о «национализации» или «денационализации» нашего капитализма в XX в. Весь акционерный капитал с 1900 г. по 1914 г. увеличился на 47%. Доля иностранного капитала, отнесенная ко всему акционерному капиталу, возросла с 28% в 1900 г. до 32—33% в 1914 г. По темпу роста иностранный капитал возрастал сильнее, чем шло туземное накопление. Так, иностранный капитал за 1900—1913 гг. возрос на 85,5%, а русский капитал — на 59,3%. Понятно, что приведенные исчисления весьма неточны и приблизительны. Но во всяком случае из них видно, что хотя по темпу роста вложение иностранного капитала обгоняло вложение туземного, но все же по абсолютной величине туземный капитал имел преобладание.

Таким образом, хотя по абсолютным размерам туземный капитал в нашей капиталистической системе имел больший вес, чем иностранный капитал, тем не менее вся система в целом все больше и больше подпадала под влияние иностранного капитализма, который внедрялся в нашу капиталистическую систему быстрее, чем развивалось туземное накопление. Перспективы такого положения были, конечно, ясны. В условиях русского «самодержавно-конституционного» государства, со всеми его тормозами для быстрого капиталистического и общественного развития, русскому капитализму не оставалось ничего другого, как зависимое положение и все большее поглощение более сильными капиталистическими системами запада. Противоположный выход, попытка выйти на более широкий путь самостоятельного и более быстрого развития, мог быть найден только через «буржуазную революцию», через изменение всех общественных, экономических и политических условий, препятствующих быстрому росту капиталистических отношений. Но на это наша буржуазия не только не оказалась способна, но, наоборот, после

революции 1905 — 1906 гг. русская буржуазия стала смотреть на самодержавное правительство, как на своего защитника и во всяком случае не как на противника.

Банки и промышленность

Однако, и всем сказанным все еще не разрешается вопрос о характере нашего капиталистического развития в XX в. и о проблеме его денационализации. Вопрос решался не только тем капиталом, который непосредственно вкладывался в акционерные общества, но теми явлениями и условиями зависимости, которые возникали в связи с развитием банковой системы и с новыми формами «финансового капитала».

Мы видели, что наш промышленный капитализм, развив в 1897—1900 гг. до максимума свое капиталистическое строительство с помощью акционирования и использования капиталов, концентрированных в банковской системе, настолько развил свое производство, что при ограниченности внутреннего потребления и рынка должен был неизбежно дойти до кризиса. Но уже в 1909 — 1913 гг. вновь начинается быстрый под'ем, с новым и гораздо более крупным усилением своих капиталов и расширением производства.

Этот новый размах капиталистического строительства и новые его перспективы становятся все более не под силу отдельным капиталистам. Для выполнения своих новых задач капитализму необходимо было мобилизовать и концентрировать в своих руках весь общественный капитал, все «народные сбережения» превратить в капитал. Капиталистическая организация кредита, начиная с крупных банков, государственного и акционерных, и кончая сберегательными кассами, собирающими в единое мощное финансовое русло мелкие сбережения, система акционирования промышленных предприятий, система эмиссий различных ценных бумаг — все это, как мы видели выше, в высокой степени способствовало росту и усилению мощи капиталистической промышленности. Эта система использования для промышленных целей кредитной государственной и акционерной системы и учреждений, сосредоточивающих мелкие сбережения государственных сберегательных касс, получает особенно широкое значение в период под'ема 1909 — 1913 гг. Обычно промышленный капитал черпает в кредитной системе, главным образом, лишь краткосрочные средства, в виде учета векселей и ссуд, получая основной капитал либо в единоличном накоплении, либо через акционирование. Теперь за недостаточностью этих источников он по необходимости стал пред'являть к кредитной системе но-

вые требования. На переоборудование и реорганизацию промышленности, на восстановление технической основы производства капиталисту требуются уже не краткосрочные ссуды, а долгосрочный кредит, на котором мог бы быть построен основной промышленный капитал. Акционирование единоличных предприятий открывает выход такой нужде в приливе средств для основных капиталов.

Вот почему еще в период депрессии наблюдается массовое превращение единоличных предприятий в акционерные, которые в поисках за расширением и укреплением своей финансовой базы, начинают привлекать к себе непроизводительно лежащие свободные капиталы. Поэтому развитие акционирования вообще, и особенно превращение единоличных предприятий в акционерные, свидетельствует обычно о процессе концентрации промышленности и усилении ее основных капиталов. Но те требования, которые пред'являла наша промышленность в 1909 — 1913 гг. на основные капиталы, уже значительно превосходили обычные до сих пор формы и размеры использования промышленным капиталом капиталистической системы кредита. Промышленному капиталу необходимо было ближе приобщиться к тому колоссальному резервуару свободных денежных капиталов, который представляла из себя капиталистическая кредитно-банковая система.

Капитализм приходит к той стадии своего развития, который, как финансовый капитализм, характеризуется «сращиванием» основного капитала промышленности с банковым капиталом.

Несмотря на то, что по официальным уставам нашим банкам воспрещалось выходить из своих чисто кредитных функции и заниматься финансированием промышленности, это требование давно было опрокинуто жизнью. Банки становятся не только кредитором промышленного предприятия, но и его кассиром, владельцем его текущих счетов, владельцем и собственником его акций, его основного капитала, а вместе с тем и распорядителем всей его судьбы. И если использование промышленным капиталом банковой системы для своего текущего кредита еще не лишает промышленный капитал самостоятельности, то новая стадия развития и новая форма финансирования ставят промышленное предприятие в полную зависимость от банковского капитала.

Тесная зависимость промышленных предприятий от банкового капитала стала возрастать у нас еще с конца 1890-х годов, под влиянием тех же моментов усиления удельного веса банков и

нужды в кредитах промышленности. Приведем несколько примеров из исследования по этому вопросу Левина и Брандта [1]).

«Русский торгово-промышленный банк» финансировал в 1895 г. Восточное общество товарных складов, Истьинские заводы, Волжский стальной завод, Никополь-мариупольское общество, Российское золотопромышленное общество, Общество тульских меднопрокатных и патронных заводов, Московское стеклопромышленное и др. Задолженность их банку превышала 14 млн. руб. Кроме кредитования, банк владел 13 735 акциями Никополь-мариупольского о-ва и 11 836 акциями о-ва Гартман; в 1898 г. он имел в своем портфеле 519 акций Волжского стального завода, 97 акций Петербургского вагоностроительного завода, 87 паев Сергинско-уфалейского завода и мн. др. Из количества имеющихся акций обращает на себя внимание Никополь-мариупольское общество и завод Гартман: банк являлся полным хозяином этих двух акционерных обществ, владея большинством акций и облигаций.

В портфеле «Учетного и ссудного банка» в 1898 г. фигурируют 1 307 акции Бакинского нефтяного общества, 430 акций Донецко-юрьевского мет. о-ва, 600 акций машиностроительного завода Лесснер, 400 акций о-ва стекольного производства Ликфельд.

В портфеле «Русского для внешней торговли банка» имеются 370 акций о-ва бр. Бромлей, облигации Никополь-мариуп. о-ва, о-во Сормово и др. В портфеле «Международного банка» имеются 4 000 акций машиностроительного завода Гартман, 1 492 акции Московского стеклопромышленного о-ва, 4 003 акции золотопромышленного о-ва, 2 031 акции Никополь-мариупольского о-ва.

В портфеле «Частного коммерческого банка» мы встречаем те же акции Волжского стального о-ва, Северного стекольного о-ва, Коломенского машиностроительного завода, Путиловского завода, завода Гартман и др.

Вообще промышленные ценности в портфелях банков уже тогда составляли весьма крупную долю. Так, процентное отношение промышленных ценностей к сумме всех наличных ценностей у банков было:

Годы	Межд. банк	Учетный и ссуд банк	Торг.-пром. банк	Частн. ком. банк
1896	23,4	17,9	31,4	70,4
1897	23,8	17,4	49,0	59,3
1898	25,5	23,4	53,3	62,2

[1]) *Брандт*, Торгово-промышленный кризис в Зап. Европе и в России, часть II, стр. 53 и *Левин*, Акц. коммерческие банки, стр. 267.

Следовательно, промышленные ценности еще в 1898 — 1900 гг. составляли в банках уже довольно значительную долю и имели тенденцию увеличиваться. Поэтому, когда в 1900 г. разразился промышленный кризис, он захватил и ряд банков, тем сильнее, чем больше портфели банков были обременены промышленными ценностями. Напр., Международный банк потерял около 4½ млн. руб.; сильно пострадали Петербургский учетный и ссудный, Петербургско-азовский, Рижский коммерческий, Харьковский торговый и другие банки.

Сравнивая, однако, основные и облигационные капиталы самих акционерных обществ, можно видеть, что доля акций и облигаций, принадлежавших банкам, являлась еще небольшой, и говорить о первенствующем значении банков в то время еще нельзя, кроме разве таких обществ, как завод Гартман и Никополь-мариупольское о-во и некоторые др.

Таким образом, хотя уже в конце 1890-х годов мы имели ряд отдельных случаев почти полного подчинения тех или иных предприятий банковому капиталу, однако, о подчинении их, как о системе, говорить еще не приходилось. Кризис 1900—1902 гг. сильнейшим образом подорвал эту самостоятельность промышленного капитала. При наличии кризиса и убытков, акционерным предприятиям, во избежание краха и ликвидации, приходилось прибегать к «финансовой реорганизации». Она состояла обычно в том, что при наличии крупных убытков вся сумма их обычно списывалась с основного капитала, т. е. собственный основной капитал акционерного общества сильно уменьшался. После такого «санирования», банк брал на себя выпуск новых акций, т. е. обеспечивал прилив нового капитала, причем он являлся здесь, как посредник (за известное комиссионное вознаграждение в виде тех же акций иногда до 10 — 20% их), или прямо брал их в свой портфель, т. е. фатически становился собственником значительной части акционерного капитала. Для приобретения совершенно решающего влияния в делах общества, банку или группе их достаточно было иметь даже значительно менее половины акций.

В период кризиса и депрессии, такого «санирования» акционерных капиталов, финансовой реорганизации, или реорганизации единоличных предприятий в акционерные, не избежало почти ни одно сколько-нибудь крупное промышленное предприятие. Все это вызывало большой спрос на капиталы и толкало промышленность в об'ятия банкового капитала. Но русская банковая система и бан-

ковый капитал, несмотря на быстрое свое развитие, все же далеко не могли удовлетворить спрос на капитал со стороны промышленности. Поэтому русскому капитализму пришлось, развивая свою банковую систему и укрепляя ее связь с промышленностью, в то же время, в поисках финансовой базы для своего дальнейшего развития и укрепления, обращаться к мировому банковому капиталу. Русский финансовый капитализм получает таким образом характер несамостоятельной и зависимой системы.

Характер русской банковой системы

После кризиса 1900 г. и депрессии 1902—1906 гг., неблагоприятно отразившихся на капиталах, вкладах и текущих счетах наших банков, к 1910—1915 гг. отмечается чрезвычайно резкий под'ем в состоянии коммерческих банков. Так, по подсчетам Фин-Енотаевского, состояние акционерных коммерческих банков к 1915 г. характеризуется следующей таблицей:

Годы	Число банков	Число отделений	Основной капитал	Все капиталы	Вклады и тек. счета
			(в млн. рублей)		
1899 . . .	35	167	138 8	147,1	307.7
1900	39	242	1c8 4	275,2	547,9
1905	35	295	192,0	269,3	775,6
1910 . . .	31	492	236,6	332,1	1 262,2
1915 . .	50	762	632,0	906,1	2 2.3,2

Таблица показывает, что собственный капитал акционерных банков, так же как текущие счета и вклады, после сокращения или медленного роста к 1905 г., дают резкий под'ем к 1915 г. Годы после революции 1905 г. и особенно последние перед войной были годами активного наступления иностранного и особенно французского капитала на русскую банковую систему. Предвоенная история крупнейших русских банков — Северного, Петербургско-азовского, Учетного, Ссудного, Русско-китайского — была историей поглощения, подчинения, слияния их с французскими банками, притом без всякой борьбы за свою независимость, за исключением неудачной борьбы за независимость, проявленную Сибирским банком.

В результате по подсчетам Ронина[1]), из основного акционерного капитала 18 главных банков к 1914 г. в сумме 435,5 млн. руб., 185,5 млн. руб., т. е. 42,6%, принадлежало иностранному капиталу.

---

[1]) *Ронин*, Иностранные капиталы и русские банки, стр. 84—85.

Из этого числа на долю Германии приходилось 77,2 млн. руб. или 17,7%, Франции 95,25 млн. руб. или 21,9%, Англии 13 млн. руб. или 3%.

Некоторые банки были в преобладающей степени «иностранными»: Русско-азиатский (72%, из них французского 60%), Сибирский (60%, из них французского 40%), Рижский коммерческий (50%, все немецкие), Московский частный (56%, все французские).

Одновременно с этим шла и сильная концентрация внутри банковой системы. Так, если распределить, как делает Ронин, все банки на 4 группы по размерам основных капиталов, то движение их будет таково:

Группы с капиталом	Число банков		У них капитала в % к общей сумме	
	1900	1914	1900	1914
до 9,9 мил. руб.	30	24	43,7	10,8
от 10—19,9 мил. руб. . .	6	11	32,9	22,5
» 20—29,9 » » . . .	2	4	23,4	14 6
» 30 и выше	—	7	—	52,1

Мелкие банки за 13 лет сократили удельный вес своих капиталов почти с половины до одной десятой, тогда как крупные, не существовавшие в 1900 г., через 13 лет обладали уже более, чем половиной всех капиталов.

Таким образом, наша банковая система накануне войны обнаружила в сильнейшей степени выраженные тенденции к концентрации, дошедшей если не до монополии, то до подавляющего значения небольшого числа (7) банков. Притом в банковой системе, в значительной мере даже более, чем в промышленности (до 42,6%), наблюдалась зависимость основных капиталов от иностранного капитала (не считая при этом прямой текущей задолженности иностранным банкам). Если сопоставить эти факты с крайней степенью концентрации в промышленности, доходившей в некоторых отраслях до создания почти монопольных об'единений — будет видно, что налицо у нас были все главные явления, характеризующие систему финансового капитализма.

Но наблюдалось ли у нас — и если наблюдалось, то в какой степени и с каких пор—то «сращивание» банкового капитала с промышленным, которое составляет характерную черту финансового капитала? А вместе с тем в чем же заключаются особенности того периода империализма и монополистического капитализма, который

в начале XX в. можно обнаружить в нашем капиталистическом развитии и какими именно годами можно датировать у нас начало эпохи финансового капитализма?

Проблема финансового капитала в литературе

По этим обоим вопросам в нашей экономической литературе даже марксистского лагеря (не говоря уже о других экономических течениях, вовсе не замечавших наличности у нас финансового капитализма или отрицавших его особенности) не имеется единого ответа.

Понятно, что в нашу задачу здесь не может входить рассмотрение всей проблемы финансового капитала, как она впервые более подробно развита Гильфердингом, на основе дальнейшего развития марксовой теории капитала и перенесения ее на новейшие этапы капитализма [1]). Мы должны остановиться здесь лишь на основных чертах его характеристики для установления в дальнейшем наличности степени развития и особенностей русского финансового капитализма.

Ленин, рассматривая определение финансового капитализма Гильфердингом, вносит в него весьма существенное дополнение. Приведя основное место из Гильфердинга: «Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляется по отношению к ним собственником этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал — следовательно, капитал в денежной форме, который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом... Финансовый капитал—находящийся в распоряжении банков и применяемый в промышленности». Приведя такое определение Гильфердинга, Ленин говорит: «Это

---

[1]) Теория финансового капитала, как она развивается у *Гильфердинга*, целиком отрицается *Фин-Енотаевским*, считающим, что она противоречит марксовой теории и совершенно не оправдывается фактическим развитием капитализма в XX в. См. его «Финансовый капитал и производительный», М., 1926 г. Понятно, *Фин-Енотаевский* вместе с тем и отрицает наличность «финансового капитализма», в гильфердинговском смысле, в России. Ни теоретические его обоснования, ни фактические доказательства не кажутся убедительными, но, конечно, здесь мы можем останавливаться лишь на последнем вопросе, приводя в тексте фактическое освещение развития финансового капитализма в России в начале XX в.

определение не полно постольку, поскольку в нем нет указаний на один из самых важных моментов, а именно на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии... Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее, слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия».

Но финансовый капитализм есть лишь один из моментов экономической системы империализма, т. е. той высшей стадии развития капитализма, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами, и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

Таково экономическое содержание понятия империализма в определении Ленина, которое сводится, таким образом, к следующим пяти признакам.

«1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни.

2) Слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового» капитала финансовой олигархии.

3) Вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение.

4) Образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир.

5) Закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [1]).

Понятно, что основными экономическими признаками империализма, которые обязательно должны быть налицо при конкретном историческом анализе империализма в той или иной стране, например, в России, являются первые два. Наоборот, вывоз капитала, вместо вывоза товаров, знаменует лишь вполне развитой финансовый капитализм, и в более отсталых или зависимых формах он может почти отсутствовать. Наконец, не только экономической, но и политической мощью страны определяется характер участия и степень самостоятельности как в международных монополистических сою-

---

[1]) *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма, Собр. соч., т XIII, стр. 20—21.

зах предпринимателей, так и особенно в территориальных захватах и разделах.

Поэтому приведенные теоретические положения Ленина дают полный и развернутый анализ того нового, что образует собой империализм, как этап в развитии капитализма. Империализм или монополистический капитализм означает прежде всего огромный процесс обобществления хозяйства не только в рамках «национального», но и мирового. Огромный рост акционерных компаний, гигантских предприятий, горизонтальное и вертикальное об'единение крупнейших предприятий в форме трестов, комбинатов и концернов; изменение функций банков и органов денежного посредничества в органы, фактически распоряжающиеся всем общественным капиталом, а, следовательно, и производством; другими словами, до максимума доведенный в пределах капиталистического хозяйства процесс обобществления производства, управляемого, однако, кучкой финансовой олигархии — все это знаменует, что капитализм в его монополистической стадии явно перерос ту общественную форму, в которую он развился. Противоречия между развитием общественных отношений, между ростом мирового хозяйства и национальной формой общественных отношений, между ростом мирового хозяйства и национальной формой присвоения должны приводить к тем все учащающимся и углубляющимся экономическим кризисам и военным конфликтам, которыми так богат период конца XIX и начала XX веков.

Вопрос о финансовом капитализме в России

В какой же мере эти признаки империализма и финансового капитализма нашли себе проявление в нашем хозяйственном развитии?

И прежде всего, достиг ли действительно наш капитализм в XX веке той стадии развития, которая может быть характеризована, как империализм и господство монопольного финансового капитала?

Категорически отрицательный ответ на него дает Фин-Енотаевский как в своих прежних, так и в новейших работах [1]). Его отрицательный ответ обосновывается в большей части на отрицании теоретической правильности построений Гильфердинга вообще. Ошибочность критики Фин-Енотаевского теории финансового капитала приводит его и к категорическому, но мало обоснованному решению

[1]) *Фин-Енотаевский*, Современное хозяйство России, 1911 г. в позднейшей переработке «Капитализм в России», 1925 г. и особенно «Финансовый капитал и производительный», 1926 г.

по отношению к России. «Никакого «слития», никакого «сращения» иностранного банкового, вообще приносящего процент капитала с функционирующим у нас производительным капиталом, как правило, не было. Иностранный финансовый капитал, в полном смысле, распоряжался своим фиктивным капиталом, своим капиталом-собственностью на денежных рынках и биржах Парижа, Лондона, Брюсселя, Берлина и, если хотите, Петербурга, но это не значит — распоряжаться и руководить русским капиталистическим производством». К сожалению, этот категорический вывод весьма слабо обоснован фактическими и историческими данными, если не считать немногих случайных цифр, иронических «кавычек» над «открытиями» «молодых из ранних» исследователей, утверждающих наличность у нас финансового капитализма, нескольких слабых личных воспоминании и анекдотов из истории банков в России.

Основная теоретическая ошибка, приведшая к таким выводам, заключается в представлении, что для «распоряжения» промышленностью банковым капиталом ему нужны такие же технические приемы «руководства», как у непосредственного технического «распорядителя предприятием», капиталиста-функционера. Между тем, банковый капитал «распоряжается», «вмешивается», а, следовательно, и «руководит», именно не теряя своей «банковой» сущности, как «капитал, приносящий процент», с помощью всей сложной системы кредита, учетного процента, обращения акций и т. п. и без превращения в «капиталиста-функционера», «реально управляющего производством». Но даже и это последнее часто имеет место, когда банк ставит «своих лиц» в правления промышленных обществ. Отсюда неправильность полного отделения Фин-Енотаевским банкового «капитала соответственности» и деятельности банков, как «кредитных учреждений» и как «торговцев деньгами», от реального участия их в промышленности.

Точно так же совершенно неправильно видеть отсутствие таких реальных промышленных интересов банков в том обстоятельстве, что в них «хозяйничали авантюристы», что они шли туда «только грабить». Нельзя, конечно, представлять и промышленного капиталиста каким-то самоотверженным деятелем, преданным идее «развития производства». Авантюристические, взяточнические, спекулятивные тенденции у нас были, может быть, вообще более сильны, чем в других странах. Как туземный, так и иностранный капитал хорошо «приспособились» к такой «самобытности». Однако, отсюда еще далеко до правильности утверждения, что иностранному капи-

талу «в интересах своего самосохранения... приходилось плясать под чужую дудку больше, чем под свою». Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую и трагическую политику Lena Goldfields в Бодайбо, чтобы иллюстрировать вполне самостоятельную и настоящую «колониальную» политику иностранного капитала в России.

На противоположном полюсе в трактовке вопроса о финансовом капитализме в России стоит Ванаг[1]). Анализируя русскую банковую систему и определяя, сколько акций в том или ином банке приходится на долю иностранного капитала, Ванаг зачисляет этот банк со всем его капиталом в сферу «заинтересованности» и «распоряжения» той или иной группы иностранного капитала. Например, к группе французских капиталов относятся Русско-азиатский банк, в котором французскому капиталу принадлежит 57,6% всех акции, Частный коммерческий с 30% акций, Соединенный банк с 45,5% акций и т. д. Ванаг складывает все основные капиталы этих банков (в том числе, например, и Частного коммерческого, в котором иностранному капиталу принадлежало менее трети акции) и, получая сумму 231 млн. руб., составляющую 53,2% всего основного капитала русских банков, Ванаг этой цифрой и определяет степень «заинтересованности» и «распоряжения» французским капиталом в русских банках. Для немецкого капитала цифры, таким же способом полученные, определяются в 158 млн. руб., т. е. 36,4%, для английского 45 млн. руб. или 10,4% всего основного капитала. В итоге таких исчислений оказывается, что из общей суммы основных капиталов русских банков в 585 млн. руб., доля, которую «распоряжался» иностранный капитал, определяется в 434 млн. руб. или 74,2%, т. е. три четверти всего русского банкового капитала, причем из всей суммы капиталов «иностранных» банков, на долю антантовского капитала приходится 63.6%, на долю германского — 36,4%.

Понятно, что при таком способе учета излишне усиливается доля влияния иностранного капитала. Не говоря уже о тех случаях, когда иностранному капиталу принадлежит 30 — 45% акций, даже в случаях обладания более чем половиной акционерного капитала, этим не определяется полное господство иностранного капитала, в особенности принимая во внимание большую зависимость всех наших акционерных банков от Государственного банка.

---

[1]) *Ванаг,* Финансовый капитал в России накануне мировой войны, 1925 г

Но, конечно, еще большую ошибку делает Ванаг, переходя от этих исчислений к определению роли банков и иностранного банкового капитала в нашей промышленности, т. е. к определению степени «сращивания» промышленного капитала с банковым. Применяя тот же способ определения доли различных банков во владении акциями промышленных предприятий, Ванаг приходит к заключению, что накануне войны у нас в металлургической промышленности банкам принадлежало 87,9% всех акционерных капиталов, в частности в доменном производстве — 96,5%, в железо-рудном производстве — 61,1%, и из них до 67,5% принадлежало французским капиталам. В паровозостроении все 100% принадлежали банковому капиталу, в том числе 30% французскому, 24% франко-немецкому, 40% немецко-русскому. В каменноугольной промышленности банкам принадлежало: 75% акционерного капитала, а в южной до 79,8%, причем три четверти этой суммы принадлежало французскому капиталу. В нефтяной промышленности банкам принадлежало 86% акционерного капитала, в золотоплатиновой — 79,8% в электротехнике — 65,7%, в частном жел.-дор. транспорте — до 90% и т. д.

Благодаря указанному неправильному методологическому допущению, в этих цифрах, конечно, чрезмерно усиливается степень «сращивания» банкового капитала с нашей промышленностью и вообще производственно-регулирующая роль банков. Но во всяком случае самый факт наличности у нас явлений финансового капитализма и весьма близкого в некоторых случаях слияния банкового капитала с промышленным и регулирующей роли банков, независимо от той или иной величины (повидимому, меньшей, чем определяет Ванаг), не подлежит сомнению.

Другой стороной вопроса о нашем финансовом капитализме является — к каким годам следует относить его начало? По этому вопросу в нашей литературе также не существует единогласного решения. М. Н. Покровский датировал начало у нас империализма во всяком случае с конца 90-х годов, а в известном смысле даже с половины XIX века.

Правда, в основу понимания империализма кладется не характер его, как «монополистического капитализма», связанного с банковым капиталом, а два других признака — высокие таможенные пошлины для защиты монопольного положения отечественной промышленности и захватные стремления новых территорий. Ванаг, рассматривая сложение у нас империалистического капитализма и

в частности его важнейший момент — сложение финансового капитала — считает, что эти явления сформировались у нас только после 1905 г. Нельзя не признать в общем правильным последнее мнение. Отдельные элементы империалистического капитализма существовали у нас и раньше (не говоря уже о исключительно высоких таможенных пошлинах, но также и в виде сильной концентрации промышленности, связи ее с банками, синдикатских об'единений). Но все же законченный характер организованного финансового монополистического капитализма наш капитализм начинает принимать со второй половины первого десятилетия XX века, а к началу мировой войны он представляется уже окончательно сформировавшимся.

Заключение

Таким образом, необходимо признать, что после кризиса и депрессии первого пятилетия XX в. у нас сформировывается система финансового капитализма с основными явлениями, ее характеризующими: концентрацией промышленности, доходившей до монополии, преобладающей и руководящей ролью банкового капитала; слиянием его с промышленным, участием в международных банково-финансовых и политических комбинациях и территориальных разделах. Но в этот мировой союз русский капитал вошел все же, как весьма скромный по своему финансовому влиянию член, вполне подчиненный западно-европейским финансовым системам. Притом, это подчинение измерялось почти равными долями зависимости каждой из ее антагонистических частей — франко-английской (антантовской) и германской, но с быстрым усилением франко-английского влияния.

Поэтому в общей мировой системе финансового капитализма русский капитал не мог особенно заметно сам развивать свою финансовую экспансию в другие страны, и только восточная политика русского империализма была окрашена именно такой финансовой экспансией. В своих отношениях с западными капиталистическими системами русская финансово-капиталистическая система являлась сама об'ектом эксплоатации западных финансовых систем.

Эти отношения не были отношениями совершенного подчинения колониальной страны и эксплоатации ее некапиталистических хозяйственных элементов системой чужого капитала. Наоборот, самостоятельная туземная капиталистическая система была создана, как мы видели, уже достаточно мощная. Но все же, это была зависимая, «дочерняя» финансовая система, которая совместно и под руководством своей «материнской» системы организовала и быстро

развивала капиталистическую эксплоатацию еще обширной, остав шейся внутри страны «некапиталистической» среды.

Вот почему для русской капиталистической системы и в XX веке первостепенное и решающее значение продолжает иметь внутренний рынок и быстрота внутреннего процесса капитализации страны. При создавшихся условиях это была единственная база не только для возможности ее дальнейшего развития, но и для завоевания самостоятельного значения. Эти «национальные» тенденции стояли в противоречии с интересами и отношениями к русской капиталистической системе западного империалистического капитализма: для последнего нужна была не столько финансовая мощь русского капитализма, сколько «некапиталистическая среда» русского народного хозяйства. Эта среда давала конкурирующим западным системам, с одной стороны, необходимые в их империалистической внутренней борьбе миллионы штыков, а с другой стороны — ту колонию, куда они сбывали уже не свои капиталы, а просто товары, и откуда получали колониальное сырье.

Таким образом, то основное противоречие, которое лежало в основе всего нашего хозяйственного развития — с одной стороны, быстрое эволюционирование торгового капитализма в развитые формы промышленного капитала, с другой — затяжное сохранение некапиталистической среды как об'екта чисто торгово-капиталистической эксплоатации, и поэтому недостаточность создания базы для развития промышленного капитализма — это противоречие было донесено нашей хозяйственной историей до высших этапов нашего капиталистического развития. И хотя капитализация всего народного хозяйства в целом в XX в. делала громадные успехи, но это противоречие не смягчалось.

Наша слабая финансово-капиталистическая система, хотя и со значительной частью туземного капитала, развивалась под сильнейшим воздействием иностранного капитала, который пред'являл к ней и соответствующие требования. Хозяйственные интересы нашего капитализма уже накануне войны не совпадали с интересами западноевропейских финансово-капиталистических систем: русский капитализм имел перед собой громадную задачу — окончательную капитализацию всего народного хозяйства, капитализацию деревни, уничтожение представляемой ею «некапиталистической среды». Но для европейского финансового капитализма уничтожение этой «некапиталистической среды», превращение многомиллионного крестьянства в революционно-настроенные массы промышленного пролета-

риата значило уничтожение миллионов штыков, безмолвного пушечного мяса, нужного во время войны для защиты интересов антантовского капитала; во время мира — для сбыта в эту некапиталистическую среду своих товаров.

Понятно, что и русский капитализм непрочь был принять участие в хищнической внешней экспансии на некапиталистический восток, в военном переделе мира. Но все же в этот военный передел он пошел как наиболее слабый в финансовом и экономическом отношении вассал. А поэтому, будучи наиболее слабой из борющихся систем, он с наибольшим риском ставил на карту не только эти свои реальные интересы, но и самое свое существование. Даже в лучшем для него случае, при «победоносном» исходе борьбы, для него оставалась надежда лишь сохранить государственно-политическую, а вместе с тем и экономическую систему русского империализма с его зависимостью от западного капитала. Понятно, что война должна была принести русскому капиталу обогащение и усиление накопления, как благодаря крайнему напряжению внутренних ресурсов, вызванному усилением налогового бремени для массы населения, так и новому притоку иностранного капитала через военные кредиты «союзников», и, наконец, через военные заказы, вакханалии военных грабежей и хищений. Но, конечно, всем этим еще более подрывалась основная экономическая база для дальнейшего развития капитализма, и в первую очередь — окончательно подрывался тот внутренний рынок и покупательная сила массы населения, на основе развития и укрепления которого русский капитализм только и мог завоевать и приобрести себе более или менее независимое от западных систем положение. В результате, разрушив возможность осуществления наиболее реальных и самостоятельных своих интересов, русский капитализм мог получить от войны только еще дальнейшее усиление своей финансовой зависимости и своего вассального положения перед западными финансово-капиталистическими системами.

Но если на слабой и зависимой базе всего предшествовавшего нашего экономического развития не могло создаться прочных государственных и капиталистических форм империализма, то расшатывание этой слабой базы в течение трех лет войны не могло не привести к тому, что судьба и падение государственно-политических форм стала вместе с тем и судьбой их финансово-экономического содержания.

ЛИТЕРАТУРА.

Вопрос о финансовом капитале в русской промышленности поставлен в русской экономической литературе лишь в последние годы. По общей постановке: *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма, соч. т XIII — Сравн. *М. П. Покровский*, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв, 1924 — Наиболее обстоятельное фактическое исследование вопроса у *Ванага*, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, 1925 — *Ронин*, Иностранный капитал и русские банки. 1926. — *Фин-Енотаевский*, Финансовый капитал и производительный, 1926. — *Гиндин*, Банки и промышленность в России 1927

Вообще о положении промышленности в 1909—1913 гг. см —*Кафенгауз*, Промышленный под'ем 1909—1913 гг и ближайшие перспективы промышленного развития России, Тр. В. Э. О, 1914 г 1—2.—*Гриневецкий*, Послевоенные перспективы русской промышленности, 1919.

Вообще о положении и доходности отдельных отраслей народного хозяйства *Прокопович*, Опыт исчисления народного дохода, 1910 — 1913 гг., 1918.

В частности, специально по вопросу об *иностранных капиталах* в русской промышленности.—*Брандт*, Иностранные капиталы в русской промышленности, I — II, 1898 — 1899. — *Зак*, Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности, 1914. — *Левин*, Германские капиталы в России, 1914. — *Зив*, Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, 1917. — *Воронов*, Иностранные капиталы в России, 1901. — *П. Оль*, Иностранные капиталы в России, 1922 (наиболее полная и позднейшая сводка). — *Его же*, Иностранные капиталы в хозяйстве довоенной России, 1925. *Эвентов*, Иностранные капиталы в нефтяной промышленности, 1925 — *Першке*, Русская нефтяная промышленность, 1913. — См. также сборник «Русские биржевые ценности», под ред Боголепова, 1914.

Статистические материалы и источники см. в литературных указаниях к предыдущим главам.

Глава XXII.

КАПИТАЛИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ И НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА.

Общий характер аграрного развития

Мы видели, что сословно-дворянская политическая реакция, начавшаяся под влиянием экономического кризиса 80-х годов и дошедшая до апогея ко второй половине 1890-х годов, пришла к этому времени в противоречие с начавшимся промышленным под'емом, с быстрым и прогрессивным формированием «национального капитализма». Однако, закрепощенная, окруженная стеной всяческих сословных и экономических ограничений, беднеющая деревня представлялась настолько узкой экономической и рыночной базой для этого капитализма, что, после немногих лет быстрого расцвета, он должен был впасть в сильнейший кризис и длительную депрессию. В свою очередь, политическая хилость нашего капитализма даже в XX в. приводила все еще к преобладанию удельного веса феодально-помещичьих элементов, к невозможности для нашей промышленности выйти на дорогу свободного буржуазного развития. Элементы крепостнической деревни в нашей экономике сохраняются поэтому вместе с элементами политического господства феодально-помещичьей верхушки в нашей политической жизни вплоть до XX века.

Но вместе с тем, наш промышленный капитализм, силою своего экономического развития, к этому времени уже перерос свои национальные границы и составлял неразрывное целое с мировым капитализмом. Феодально-помещичья и самодержавная оболочка все более противоречила интересам и широким перспективам промышленного развития. Интересы помещиков все еще жили нищенствующей, малоземельной деревней, дорогой для нее землей, дешевой ее рабочей силой. Наоборот, интересы капиталистического развития требовали деревни крепкой, хозяйствующей, обеспеченной землей и средствами производства, с высокой покупательной способностью.

Слабость и отсталость всего предшествующего социально-экономического развития привели к тому, что наша крупная промышленная буржуазия не сумела настолько заострить эти свои противоречия с правящей феодально-дворянской верхушкой, чтобы открыто вступить с ней в конфликт и выйти из него победительницей. Наоборот, наша первая революция получила преобладающий характер крестьянской, мелкобуржуазной революции с активным революционным руководительством городского промышленного пролетариата (Ленин). Это последнее обстоятельство, испугавшее промышленную буржуазию, заставило ее не только искать защиты у того же крепостническо-дворянского правительства, но и стать его активным союзником в борьбе как с крестьянским аграрным, так и с рабочим движением. В результате, революция 1905 г. по своим последствиям не получила характера законченной «буржуазной» революции, какой по существу она была. Промышленная буржуазия не только не использовала, в своих выгодах и для борьбы с самодержавием и крепостничеством, восстания и баррикады городского промышленного пролетариата, но, наоборот, стала против этого своего классового врага в союзе с крепостничеством. В деревне верхушка крупной сельской буржуазии также еще не была достаточно сильна и крепка, а экономически имела основу не столько в капиталистическом производстве, сколько в ростовщической эксплоатации бедноты и, следовательно, была также противником революции. Масса же среднего крестьянства, мелкобуржуазного по своим экономическим стремлениям, еще не вполне ясно сознавала единство своих экономических и политических интересов данного момента с революционными устремлениями городского пролетариата.

Таким образом революция 1905 года не произвела того сдвига в общественных и экономических отношениях, который должна была бы произвести буржуазная революция, окончательно расчищающая почву для чисто капиталистического развития и для завоевания капитализмом последнего некапиталистического оплота деревни. Тем не менее, даже еще до революции 1905 года, после аграрных разгромов 1902 года, и еще более — после революции 1905 года, вопрос о необходимости и своевременности окончательной очистки общественной почвы от остатков полукрепостных сословных отношений в деревне был поставлен уже совершенно определенно.

И на этот раз, как и в 1861 году, власть видела, что угроза «революции снизу» будет продолжаться, если не произвести «революцию

сверху», т. е. революцию, дающую возможность экономического развития, но с сохранением интересов господствующего класса. Как и в 1861 году, этот класс, под угрозой новой аграрной революции, «отказывался» от своих поместных прав, от права крепостной эксплоатации нищенствующей деревни, выдвигал лозунг крепкого хозяйствующего крестьянина, но конечно, под одним условием — выгодной ликвидации этих своих прав на землю и на эксплоатацию крестьянского труда. В новых условиях для этого нового «раскрепощения деревни» не требовалось никаких торжественных манифестов. Для этого достаточно было простых экономических мероприятий — свободы мобилизации земли, раскрепощения крепкого деревенского меньшинства от ига малоземельной, несостоятельной и некредитоспособной массы, кредитных мероприятий дворянского и крестьянского банков и проч.

Таким образом, с начала XX века, и особенно со второй половины первого его десятилетия, вместе с быстрым ростом нашего промышленного развития, начинает происходить и значительный сдвиг в нашей аграрной экономике. И в идеологии деревни, и в экономической политике, и в экономике деревни лозунгом становится чисто буржуазный тип развития. Источника этого сдвига и этой новой идеологии следует искать не только в экономике самой деревни, но пожалуй, еще более—вне деревни, в экономике нашего промышленного развития. Промышленность и промышленный капитализм, шедший впереди деревни, стимулировал ее развитие, вел ее за собой. «Крепкий мужик» нужен был для промышленного капитализма, а не для помещика-рантьера, эксплоатирующего бедноту. Идеология «крепкого мужика» была выдвинута развивающейся промышленностью. Господствующий поместный класс поддерживал эту идеологию и экономику крепкого мужика, с одной стороны, под неизбежной угрозой аграрной революции, видя в этом «крепком мужике» своего союзника в деревне против аграрных устремлений бедноты. С другой стороны — он имел в виду использовать в своих выгодах эти наиболее сильные слои деревни для продажи им или через них своих ликвидируемых поместий.

Понятно, что для осуществления этой идеологии и экономики «крепкого мужика» почва в деревне была уже подготовлена. Все предшествующее развитие, дифференциация и капитализация деревни создали уже достаточно прочный и экономически сильный класс деревенской буржуазии, на который при дальнейшем успехе его роста и закрепления можно было уже экономически и политически

опереться. Оставалось только изменить оболочку новых, назревших общественных отношений. Прежняя идеология и экономика деревни, нужная поместному классу для ее кабально-земельной эксплоатации, основывалась на деревне отстало-общинной, сословно-изолированной, малоземельной. Аграрные волнения и революция опрокинули уверенность в покорности и спокойствии этой опекаемой деревни и в возможности удовлетворять ее земельную нужду лишь в пределах «уравнительных» начал общинного землевладения. Для правящего землевладельческого класса не оставалось ничего другого, как свою прежнюю ставку на «православно-самодержавную» идеологию и «общинно-уравнительную» экономику крестьянства заменить ставкой на «крепкого мужика» и на «буржуазные» начала его экономики. Поместный класс стал стремиться к использованию открывавшегося перед ним и вполне расчищенного «прусского» пути сельскохозяйственного буржуазно-капиталистического развития. Но если в 1861 году реформа «освобождения сверху» была произведена во-время, временно отстранив необходимость «освобождения снизу», то в XX веке наша экономика и общественная жизнь вступили на новый путь буржуазного развития с таким запозданием, что уже не могли спастись от крушения.

Но наш капитализм XX века влиял на экономику деревни не только тем, что стимулировал ее капиталистическое развитие, вызывал ее интенсификацию, повышал ее товарность, создавал себе в ней сырьевую базу Тесная связь нашего капитализма с мировым капиталом, его подчиненность последнему, недостаточное развитие внутреннего промышленного рынка для сельскохозяйственного сырья — все это имело следствием подчинение и нашего сельского хозяйства мировому капиталу. Но если последний шел в нашу промышленность в высших формах развитого финансового капитализма, то наше сельское хозяйство мировой капитал стремился эксплоатировать как подчиненную ему колонию, как свою продовольственную и сырьевую колониальную базу, т. е. в худших и наиболее отсталых и тяжелых формах капиталистической эксплоатации. Хотя с ростом отечественного промышленного капитализма емкость внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства увеличивалась, но тем не менее товарные избытки сельского хозяйства далеко не вмещались на внутреннем рынке. Наше сельское хозяйство XX века входило в систему мирового хозяйства попрежнему, как колониальная страна, — своим дешевым продовольствием и сырьем. И в этом отношении интересы нашего промышленного развития совпадали

с интересами развития сельского хозяйства в смысле настоятельной необходимости освобождения от такой полуколониальной зависимости нашей от иностранного капитала. Но, поскольку наш промышленный капитализм не мог достигнуть в системе мирового хозяйства вполне независимого положения, постольку его отсталость не могла освободить и наше сельское хозяйство от его колониальной зависимости от мирового капитала.

Таким образом, основные черты нашей аграрной экономики XX века сводятся к начавшейся ликвидации в деревне остатков старых поместных полукрепостных отношений, к ликвидации сословных ограничений и пут земельного быта, к быстрому росту буржуазных отношений, к интенсификации и капитализации деревни и к углублению ее дифференциации; в то же время — к быстрому росту ее товарно-капиталистических связей с внутренним рынком, все к большему закреплению экономического единства с промышленностью, но при сохранении, однако, все еще подавляющей зависимости от мирового капитала, как полуколониальной экспортной страны.

Ниже мы и остановимся более подробно на отдельных этих главнейших моментах нашего аграрного положения и развития в XX веке.

Интенсификация сельского хозяйства

Промышленный под'ем конца 1890-х годов, а затем под'ем 1909—1913 гг. сказались на сельском хозяйстве значительным ростом общей продукции и в особенности интенсификации производства. Общий рост сельскохозяйственной культуры сказывался прежде всего в росте посевных площадей с особенно быстрым темпом их движения на восток. Общий рост посевных площадей по 71 губ Европейской и Азиатской России с 88,3 млн. десятин в 1901—1905 гг. повысился до 97,6 млн. десятин в 1911—1913 гг., причем нечерноземная полоса почти сохранила посевы на одном уровне (21,3 млн. и 21,8 млн.), тогда как черноземная увеличила их на 14,1% (с 49,7 млн. до 56,7 млн. десятин), а Азиатская Россия почти вдвое (с 5,1 млн. до 9,5 млн. дес.)

Процесс интенсификации характеризуется хотя и медленной, но все же определенно выраженной сменой зерновых хлебов техническими растениями, корнеплодами, травами и т. п. Так, за три последних предвоенных пятилетия рост посевных площадей в 71 губ. и области бывшей империи исчислялся следующими цифрами в тыс. дес.:

	Всего посевов	В том числе зерновых хлеб. и стручковых растений	Технических и прочих растений
1901—1905 г	88 289	81 843	6 446
1906—1910	92 057	85 605	6 452
1911—1913 . .	97 630	90 645	6 985

Зерновые хлеба не только сохраняли и в XX веке свой прежний подавляющий удельный вес в общем земледельческом хозяйстве страны, но даже его увеличили. Но все же технические и специальные культуры (картофель, свекла, лен, конопля) увеличивали свои посевные площади, понятно, в небольших абсолютных размерах. Так, за рассматриваемый период в наибольшей степени увеличилась посевная площадь под сахарной свеклой (на 39,5%), несколько меньше под картофелем (15,8%) и сократилась (на 11,1%) под льном и коноплей, тогда как под зерновыми хлебами она увеличилась на 108%. Притом, однако, этот рост зерновой культуры шел лишь в южных и окраинных губерниях, тогда как в губерниях нечерноземных посевная площадь росла за счет увеличения незерновых культур. Так, за тот же период во всей нечерноземной полосе посевная площадь увеличилась всего с 15,39 млн. дес. до 15,61 млн. дес. т. е. 1,4%, в том числе под картофелем, льном, коноплеи с 1,65 тыс. дес. до 1,82 тыс. дес., т. е. на 10,3%; тогда как на Северном Кавказе она увеличилась с 4,68 млн. до 6,88 млн. т. е. на 47,0%: в Степном крае с 2,87 млн. до 4,67 млн., т. е. на 62,7%. притом целиком за счет расширения зерновых посевов.

В результате таких перемен соотношение главных групп культур за рассматриваемый период заметно изменилось. В Европейской России на 100 дес. посева приходилось:

	Зерновых		Корнеплодов		Кормовых трав	
	1901—05 г.	1913 г.	1901—05 г.	1913 г.	1901—05 г.	1913 г.
Нечерноземная .	86,3	84,4	5,1	5,8	1,6	3,0
Черноземная . .	92,5	91,4	3,6	4,0	0,5	0,7
Всего .	91,0	89,7	3,9	4,4	0,8	1,4

Из других важных промышленных растений посевы хлопка увеличились за рассматриваемый период на 111,6%, кормовых трав — на 79,3%, подсолнуха — на 61%, табака — на 18,5%.

Значительно хуже обстояло дело с скотоводством, хотя, за отсутствием сколько-нибудь достоверных официальных сведений, не-

возможно привести точных цифр. По приблизительным подсчетам за время с 1900 г. по 1913 г. количество лошадей увеличилось с 19,7 млн. до 22,8 млн., крупного рогатого скота с 31,7 млн до 31,9 млн., свиней — с 11,7 млн. до 13,5 млн. и овец уменьшилось с 47,6 млн. до 41,4 млн. Но количество скота всех видов (кроме разве лошадей) в расчете на душу населения или на десятину посева более или менее значительно сократилось. Например, на 100 дес. посева приходилось скота в 1901 — 1905 гг. и в 1913 г.: лошадей 29 голов и 31 голова, крупного рогатого — 46 гол. и 42 гол., овец 65 гол. и 56 гол. и свиней 18 гол. и 18 гол. Это обстоятельство показывает, что, несмотря на отметившийся в 1900—1914 гг. процесс интенсификации, наше сельское хозяйство в целом еще не окончательно изжило кризис трехполья и несло его последствия в виде утрированного развития посевной зерновой площади, сокращения кормовой площади, уменьшения количества скота.

Другим признаком интенсификации сельского хозяйства является увеличение потребления сельскохозяйственных машин и удобрений. Потребление сельскохозяйственных машин, исчислявшееся в 1900 г. в 27,9 млн. рублей и в 1908 г. — 61,3 млн. рублей, в 1913 г. определялось уже в 109,2 млн. рублей, из которых на 48 млн. рублей ввозилось из-за границы.

Наконец весьма важный признак интенсификации — искусственные удобрения. Их было ввезено в 1900 году 6 млн. пудов, а в 1912 г. 35 млн. пудов. Внутреннее же производство фосфатов всех видов, исчислявшееся к 1908 году в 1 425 млн. пудов, к 1912 г. увеличилось до 2 235 млн. пудов.

Рост товарности

Таким образом сельское хозяйство, с одной стороны, все более становилось сырьевой базой для внутренней индустрии — льняной, сахарной, табачной, шерстяной и проч., с другой — все более потребляло основных продуктов промышленности в виде машин, удобрений и проч. Благодаря этому расширялась и углублялась товарность сельского хозяйства вообще и в особенности продуктов интенсивных культур сельского хозяйства. Но при таком увеличении общей товарности, как признака увеличения служения внутреннему рынку, еще в большей степени увеличивалась экспортность продуктов сельского хозяйства, т. е. усиливалось служение его внешнему рынку. Так, если взять, с одной стороны железнодорожные перевозки показателем товарности сельскохозяйственных продуктов, то увеличение перевозок и экспорта

в 1911—1913 гг. по сравнению с 1901—1905 гг. характеризуется следующими относительными цифрами (1901—1905 гг. = 100)[1]:

	Рост перевозок	Рост экспорта
Зерновых хлебов	122	107
Свекловицы	246	98
Картофеля	161	365
Сахара	159	207
Спирта	160	409
Крахмала	167	1 527
Льна и конопли	131	131
Табака	136	192
Мяса	1 119	227
Яиц	141	127
Молочных продуктов вообще	212	204
Масла	159	200
Птицы битой	150	180

Отсюда видно, что продукты интенсивных культур и их технической переработки, а также продукты животноводства увеличивали свою товарность гораздо в большей степени, чем продукты экстенсивного хозяйства, зерновые хлеба. Но в то же время большая часть этих продуктов еще в большей степени увеличивала свою экспортность, т. е. служение внешнему рынку.

Таким образом, хотя роль внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства в течение первых 10—15 лет XX века значительно возросла, но для большинства сельскохозяйственных продуктов, как продовольственных, так и сырьевых, внешний рынок занимал все же чрезвычайно крупную, иногда подавляющую и при том увеличивающуюся часть. Так, если взять процентное отношение вывозных перевозок к общему железнодорожному движению, то в 1901 — 1905 гг и в 1911 — 1913 гг., оно будет:

	1901—1905 гг.	1911—1913 гг.
Зерновые хлеба	57 9	45,8
Лен и конопля	75,3	75,6
Пенька	52,5	48,2
Отруби	77,0	73,8
Картофель	11,3	26,4
Сахар	12,6	16,4

Таким образом, хотя, например, зерновые хлеба уменьшили свою долю служения внешнему рынку, но все же почти половина

[1]) «Сельское хозяйство в России в XX в.» Сборник стат. свед. 1925 г.

хлеба, проходящего по железным дорогам, шла на экспорт, а для льна и отрубеи эта доля повышалась до трех четвертей. Такие продукты интенсивного сельского хозяйства, как картофель, сахар и друг. хотя и отправлялись на внешний рынок в значительно меньшей доле, но за десятилетие вывоз их сильно увеличился. Все это свидетельствовало о все еще недостаточной потребительной способности внутреннего рынка как на сырьевые продукты для внутренней промышленности, так и на продовольственные продукты для населения. Зависимость от иностранного рынка русского сельского хозяйства была все еще очень велика. Иностранный капитал все еще эксплоатировал Россию в значительной степени как колонию, как источник дешевого хлеба и некоторых видов промышленного сырья.

Недостаточность нашего промышленного развития, недостаточность покупательного спроса и невозможность внутренней переработки всего сельскохозяйственного сырья служили препятствием для интенсификации сельского хозяйства. Особенно резко это отражалось на таких отраслях, как лен, которые более чем половину своего производства отправляли за границу. Так, за 1909 — 1912 гг. из 17 млн. пуд. сбора волокна отправлено за границу 9,9 млн. пудов, на внутренних же фабриках переработано 3,8 млн. пудов. Таким образом, до 3,3 млн. пудов оставалось для кустарной переработки и для домашнего потребления в крестьянском хозяйстве. Не говоря уже о невыгодности с народнохозяйственной точки зрения такого положения, оно приводило к тому, что цены на лен падали, убивая эту выгодную отрасль промышленности.

Вследствие недостаточности промышленного потребления, в сельском хозяйстве оставался по всем почти продуктам более или менее крупный избыток. Очевидно, что процесс интенсификации сельского хозяйства стимулировался не только и даже не столько внутренним рынком и промышленностью, сколько внешним рынком. Внешний рынок прежде всего поддерживал высокие и выгодные цены на сельскохозяйственные продукты, так как мировая сельскохозяйственная кон'юнктура была повышательной, благодаря чему ценность сельскохозяйственной продукции значительно повысилась.

Изменения в доходности отдельных отраслей

В результате такого благоприятного воздействия рынка как внутреннего, так и внешнего, увеличивалась не только продукция сельского хозяйства, но еще более и его доходность. Мы видели, что, по исчислениям Прокоповича о национальном доходе в 1900 и в 1913 гг., доход от сельского хозяйства, принимая во внимание повышение

цен, увеличился за это время на 88,5% против 79,4% увеличения всего национального дохода от всех отраслей народного хозяйства. В этом отношении сельское хозяйство стояло впереди и промышленности (83,0%) и торговли (74,6%), тогда как увеличение собственно продукции за это время определилось всего в 33,8%, т. е. значительно ниже промышленности (62,3%) и торговли (40,7%).

Изменение взаимоотношений отдельных отраслей сельского хозяйства рисуется, по тем же данным, следующими цифрами, в млн. рублей в процентах:

	1900 г.	1913 г.	% увеличения доходности
Доход от всего сельского хозяйства . .	2 985	5 630	88,6
В том числе от зерновых хлебов	1 458	2 696	84,9
» » торг. пром. раст.	384	730	90,1
» » садоводства и огородн.	261	404	54,8
» » от скотовод. вообще . .	831	1 730	108,2
» » молочного хозяйства . . .	407	754	85,3
» » мясного » . .	160	338	111,3
» » овцеводства	117	257	119,7
» » свиноводства	94	284	202,1

Таким образом, по относительному увеличению доходности на первом месте стоят отрасли животноводства (свиноводство, овцеводство, мясо и др.), а из отраслей земледелия — торговопромышленные культуры, хотя по абсолютным размерам доходности на первом месте попрежнему стоят зерновые хлеба.

Несколько иные данные получаются, если мы продукцию 1913 г. пересчитаем по ценам 1900 г., т. е не будем учитывать влияния повышения цен, а только изменение размеров продукции. В таком случае получим следующие цифры:

	% увелич. доходности (по ценам 1913 г.)	% увелич. продукции (по ценам 1900 г.)
Все сельское хозяйство	88,6	33,8
В том числе зерновые хлеба	84,9	38,8
» » торг. пром. растения . .	90,1	44,5
» » садоводство и огороднич. . .	54,8	19,2
» » скотоводство вообще . . .	108,2	26,7
» » молочное хозяйство	85,3	26,5
» » мясное »	111,3	10,0
» » овцеводство	119,7	29,1
» » свиноводство	202,1	60,6

Отсюда видно, что по увеличению производства вообще продукты земледелия и в частности как интенсивные торговопромышленные культуры, так и зерновые хлеба стоят впереди большинства продуктов животноводства, кроме свиноводства, стоящего на первом месте по увеличению производства. Но, благодаря повышению цен, доходность от всех продуктов животноводства увеличилась значительно больше, чем от земледелия. Другими словами, мы имели не столько производственные сдвиги в направлении интенсивных отраслей хозяйства (кроме свиноводства), сколько более благоприятные для них сдвиги цен, вследствие усиления городского и промышленного спроса на эти продукты. Само же производство попрежнему сохраняло преобладающий экстенсиво-зерновой характер.

Сел.-хоз. экспорт и иностранный капитал

Насколько велико было значение экспорта сельскохозяйственных продуктов в деле увеличения народного дохода от сельского хозяйства, видно из следующей таблицы роста ценности экспорта главнейших групп сельскохозяйственных продуктов в млн. руб. и в процентах:

	1901—1905 гг.	1911—1913 гг.	Рост %
Зерновых продуктов, муки и отрубей . .	447	596	133
Продукт. интенс. земледелия	139	253	182
Продуктов скотоводства	115	277	241
Всего	701	1 126	161

Таким образом экспорт сельскохозяйственных продуктов, как источник национального дохода и накопления, увеличился в течение десятилетия в полтора раза. При этом необходимо отметить, что в наших связях с мировым хозяйством по абсолютным размерам на первом месте продолжал стоять зерновой экспорт, который приносил в народное хозяйство ежегодно свыше полмиллиарда ценностей. Так, если сравнить рост ценности хлебного экспорта в среднем за год, то в предвоенные пятилетия XX века сравнительно с предшествующими годами он был [1]):

Годы	Ценность ввоза (в тыс. руб.)	Рост ценности (в %)	Годы	Ценность ввоза (в тыс. руб.)	Рост ценности (в %)
1861—1865	56 284	100	1901—1905	446 824	794
1871—1875	172 378	306	1906—1910	539 301	958
1881—1885	300 085	533	1911—1913	605 915	1 077
1891—1895	296 711	527	1909—1913	655 488	1 666

[1]) Лященко, Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства 1927 г., гл. XV.

Этот хлебный экспорт явился, как было указано выше, одним из главнейших источников внутреннего, национального накопления капитала, особенно увеличившись в XX веке.

Таким образом, расцвет нашего промышленного капитализма и внутреннего накопления шел в значительной степени за счет колониального служения сельского хозяйства мировому капиталу дешевым хлебом и дешевым сырьем. В этой форме выливалась для сельского хозяйства наша зависимость от иностранного капитала.

Дело в том, что уже с 1890-х годов, и особенно значительно с 1900-х годов, наша экспортная торговля вообще, и в особенности хлебная, яичная, масляная и др., стала подпадать под влияние банкового и в частности иностранного капитала. Мы видели, что в XX веке иностранный капитал усиленно шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий. Но тот же иностранный капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами. Экспортные операции с сибирским маслом, воронежскими яйцами и птицей, тамбовским бэконом, псковским льном — и повсеместно — с хлебом начинают все более интересовать иностранный торговый капитал Он начинает приливать в экспортную торговлю и руководить ею или непосредственно, основывая у нас свои экспортные конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецких, греческих, итальянских, датских, английских и др.), или специальные экспортные общества (как общество вывозной торговли), или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала. Также не без участия иностранного капитала развиваются у нас специальные виды кооперативной переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, особенно, например, по кооперативному экспорту сибирского масла, сбыту яиц и проч. Английские крупные капиталистические фирмы снабжали сибирскую кооперацию кредитом, сепараторами, машинами, тарой для экспорта и вообще держали в своих руках основные нити нашего масляного экспорта. Еще в большей мере влияние иностранного капитала сказывалось в таких экспортных отраслях, которые требовали крупного капиталистического оборудования, как, например, экспорт бэкона и других скоропортящихся продуктов трубующии дорого стоящих холодильников и холодильного транспорта. Такие общества холодильного дела и транспорта, как Унион, Петербурское общество товарных складов (имевшее холодильник по величине первый

в Европе) работали в значительной мере, иногда почти исключительно, с помощью иностранного капитала или с помощью иностранного банкового кредита.

Главными банками, принимавшими наиболее широкое участие в торговых вообще и в особенности в хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-донской, Международный, Петербургский частный комерческий, Северный, Русско-азиатский, — работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный — немецкими. Из остальных крупных банков, широко ведших, например, хлебную торговлю, но более сохранивших свою «национальную» самостоятельность, заметную роль имел лишь Волжско-камский банк — символ крупного торгового национального капитала, сколоченного на Волге и Каме еще со времен хлебных барж и бурлачества. Так как мы выше указывали, что доля участия иностранных капиталов в основных капиталах упомянутых банков определяется примерно около 35—50%, то примерно этими цифрами можно определить и степень зависимости нашей экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами от иностранного банкового капитала.

Таков был общий характер влияния нашего промышленного капитализма вообще и в частности иностранного капитала на развитие сельского хозяйства в 1900-е годы. Как видно из сказанного, наше промышленное развитие, и в особенности под'ем конца 90-х годов и под'ем 1909 — 1913 гг., в сильнейшей степени способствовали и под'ему сельского хозяйства, его интенсификации и капитализации. Но тем не менее, наш капитализм не обладал еще достаточной мощностью, чтобы всецело использовать все ресурсы сельского хозяйства. Поэтому последнее все более подпадало под влияние внешнего рынка и иностранного капитала. А последний эксплоатировал наше сельское хозяйство, как источник необходимого для него дешевого сырья и продовольствия. Поэтому, хотя мировой рынок и оказывал положительное влияние на развитие и повышение доходности нашего сельского хозяйства, но все же положительной задачей и для сельского хозяйства, и для промышленности явилось освобождение от такой полуколониальной зависимости от иностранного капитала. Наша хозяйственная и капиталистическая отсталость была однако к этому непреодолимым препятствием.

Обратимся теперь к рассмотрению тех внутренних социально-экономических сдвигов, которые на почве этой общей экономики страны создавались в нашей деревне в начале XX века.

Процессы дифференциации деревни

Прежде всего промышленный под'ем, рост товарности и рыночных отношений, установление широких связей с мировым рынком не могли не отразиться на развитии процессов капитализации в тех частях сельского хозяйства и в тех социальных слоях сельского населения, которые все еще не всецело были захвачены капиталистическими отношениями К началу XX в., и особенно в течение первого десятилетия его, можно наблюдать значительное усиление процесса дифференциации деревни. Приведем несколько иллюстраций из относящих к тому времени земельных переписей и бюджетных исследований.

Процесс расслоения хозяйственного положения деревни под влиянием капиталистических и товарно-рыночных тенденций понятно лучше всего вскрывается теми признаками, которые непосредственно отражают этот капиталистический и товарно-рыночный характер. Поэтому, например, по признаку земельного обеспечения и даже по живому инвентарю дифференция вскрывается в гораздо меньшей степени, вследствие наличности некоторых уравнительно-потребительских моментов в землепользовании и в пользовании скотом Но и в отношении земельного обеспечения можно обнаружить весьма сильную дифференциацию деревни, неравномерность распределения земли и сосредоточение ее в руках небольшой по численности группы. Так, по переписи 1905 года распределение крестьянских дворов по размерам надельного землевладения в процентах общей площади по отдельным группам было таково:

Группа	% дворов	У них земли %
1—4 дес.	15,8	3,6
4—8 »	33,7	19,0
8—20 »	40,0	41,8
Свыше 20 дес.	10,5	35,6

Если брать последние две группы, как крупно-посевные, ведущие предпринимательское хозяйство, то окажется, что половина дворов имела свыше трех четвертей надельной земли, тогда как одна шестая часть всех дворов носила пролетарский характер, имея всего одну тридцатую часть надельной земли.

Еще более выпукло хозяйственная дифференциация может быть вскрыта по наличности инвентаря, особенно более сложного и дорогого, по применению наемного труда, по наличности товарных ос-

татков — по этим основным признакам товарнокапиталистического хозяйства.

Возьмем, например, данные по Самарской губернии. Здесь в местностях с посевом на хозяйство 7,1 дес. приходится на 100 хозяйство всего 2,6 жатвенных машин; в местностях же крупно-посевных, с посевом 10,3 и более десятин — 12,1 машин на 100 хозяйств. То же соотношение для веялок будет 11,2 и 32,0, для сеялок 1,0 и 4,2. Другими словами, многопосевные местности представляют из себя крепкие хозяйства фермерского типа, потребляющие мертвого инвентаря в 3—4 раза более, чем местности, менее обеспеченные посевом.

В той же Самарской губернии на 100 рабочих своей семьи приходится постоянных наемных рабочих в хозяйствах с посевом до 3 дес., всего 0,2 рабочих, с посевом 3—9 дес. 0,9 рабочих, тогда как в хозяйствах с посевом свыше 30 дес. наемных рабочих 42,2 на 100 чел. рабочих своей семьи.

Число хозяйств, нанимающих постоянных рабочих, в первых двух группах — 0,6—1,0%, тогда как в высшей группе — 61,5%. И здесь, таким образом, обнаруживается достаточное резкое выделение верхушки капиталистических хозяйств, эксплоатирующих наемный труд.

Товарный характер этих же верхушечных групп вскрывается, например, следующими цифрами продажи зерна по группам хозяйств (по данным Харьковского общества сельского хозяйства): в группе до 2 дес. — 3,4 руб., 2—4 дес. — 27 руб., 8—10 дес. — 100 руб. 60 коп., свыше 30 дес. — 876 руб. 70 коп. По аналогичным данным для Полтавской губ. хозяйства с площадью менее 1 дес. имели хлебных запасов 4 пуд., 1—2 дес. — 16 пуд., 9—15 дес. — 111 пуд. 25—50 дес. — 381 пуд.

Таким образом все эти данные показывают, что ко второму десятилетию XX века, вместе с промышленным под'емом, усилением товарного обращения, повышением цен на сельскохозяйственные продукты шел довольно значительный процесс интесификации и под'ема сельского хозяйства, но вместе с стем шел и процесс дифференциации деревни, с выделением крепкой, хозяйствующей мелко- и среднебуржуазной верхушки. Она улучшала свое хозяйство, увеличивала свое производство скупкой и арендой земли, развивала производство более высокорентабельных технических и интенсивных культур, усиливала применение машин, удобрений, наемного труда, повышала доходность сельского хозяйства.

Конечно, этот процесс интенсификации и капитализации сельского хозяйства получал важное экономическое значение для крестьянского хозяйства, в части своей становящегося на рельсы товарно-капиталистического производства. Но не менее важное значение этот процесс капитализации получал и в социальном отношении. Под его влиянием все более падало значение недавно исключительно господствующей в деревне социальной силы дворянского поместного сословия, возвышалась новая социальная сила «чумазых лордов» из купцов, мещан и «крепких» крестьян. Рядом с этой силой, конечно, возрастала новая, пока неорганизованная сила деревенского пролетариата, безземельного и малоземельного крестьянина. Но понятно, что оплотом хозяйственного порядка могла явиться не эта пролетаризирующаяся и беспокойная масса, а новая сила «крепкого» хозяина, крепкого крестьянина. Естественный процесс социально-экономических сдвигов деревни и правительственная аграрная политика 1900-х годов особенно ясно приводят к этим переменам нашего аграрного строя.

Падение дворянского землевладения

Аграрное движение 1902 г. и затем революция 1905 — 1906 гг. сказались чрезвычайным усилением мобилизации помещичьего землевладения, усилением ликвидации дворянских имений. Если сравнить размеры дворянского землевладения непосредственно после реформы и ко второму десятилетию XX века, то окажется, что дворянство потеряло более половины своих земель. Действительно, площадь дворянского землевладения по 47 губ. Европейской России и сокращение ее по десятилетиям были таковы:

Годы	Всего тыс. дес.	Потеряно против предыдущего периода (в тыс. дес.)	Потеряно против предыдущего периода (в %)
1862	87 181	—	—
1872	80 735	6 446	7,4
1882	71 245	9 490	11,8
1892	62 935	8,310	11,7
1902	53 178	9 757	15,5
1911	43 205	9 973	18,8

Таким образом, и по абсолютным размерам, и по темпу потери земли, замечается особенно резкое увеличение в 1902 — 1911 гг. Тогда как годовой процент потери земли за десятилетие 1872—1882 гг. был 1,2%, за десятилетие 1902—1911 гг. он был уже 1,9%.

Кто же приобретал эти земли? По другому источнику нашей земельной статистики (по данным бывш. Деп. окладн. сборов), общая потеря дворянского землевладения за 1906—1910 гг. достигала 6 563 тыс. дес., тогда как увеличение землевладения купцов и юридических лиц — 1 043 тыс. дес., и крестьян — 5 617 тыс. дес. (в том числе лично 1 871 тыс. дес. и товариществами 2 998 тыс. дес.). Если считать, что покупка купцами и юридическими лицами, а также крестьянами лично и частью товариществами представляют капиталистические покупки, то отсюда видно, что за одно пятилетие 1906 — 1910 гг. землевладение капиталистического характера увеличилось свыше 5½ млн. за счет сокращения прежних дворянских поместий, тогда как не более одного миллиона десятин куплено было «обществами», т. е. поступило в общественную собственность более малоземельных и маломощных крестьян

Таким образом, процесс разложения прежних дворянских латифундий и утечка их в руки торгово-промышленного класса и более сильного крестьянства шел чрезвычайно интенсивно. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что если распределить все сделки по продаже и покупке земли по размерам имений, то, например, в купеческом землевладении группы мелких имений 10—150 дес. более теряли, чем приобретали, (например, землевладение 10—50 дес. уменьшилось на 1 млн. дес.), тогда как группы крупных имений от 500 до 5 000 дес. и выше — более приобретали, чем теряли (например, землевладения в 2 000 дес. и выше увеличились на 1,8 млн. дес.). Только дворянское землевладение давало чистую потерю по имениям всех размеров: очевидно, элементы разложения в этом остаточном типе старого поместного хозяйства были сильнее, чем «здоровые» элементы капиталистических и предпринимательских хозяйственных начал.

Подготовка новой аграрной политики

Таким образом, уже к началу 1900-х годов становилось ясным, что экономика властно требует пересмотра и изменения всей «деревенской» политики, раскрепощения деревни для освобождения созревших в ней новых капиталистических тенденций и для ликвидации старых сословнопоместных полукрепостных отношений. Но скоро стало также ясно, что и политические соображения должны побуждать господствующий класс к ускорению этой ликвидации, пока еще имелась возможность наиболее выгодной для него развязки этих отношений.

Аграрное волнение 1902 г., а затем аграрное революционное движение 1905 — 1906 гг. были для правительства решительным толчком к тому, чтобы пересмотреть основы аграрной политики, прочно утвердившейся со времени реакции 1880—1890 годов. Стало ясно, что ставка на сохранение земельно-сословной изолированности крестьянства была бита. Несмотря на искусственное привязывание крестьянства к земле через общину, круговую поруку, сословные ограничения, развитие экономической жизни разбивало эти ограничения, разлагало общину, дифференцировало крестьянство, выделяя из него, с одной стороны, крепкую хозяйственную и собственническую верхушку, с другой — выбрасывая пролетаризирующуюся и революционизирующуюся массу.

Правительство стало ясно сознавать, что опираться на крестьянство в целом, как на оплот порядка и самодержавия, уже невозможно. На прежние способы сохранения изолированности крестьянства в виде круговой поруки, общины, начинают смотреть, как на вредный остаток старого быта, поддерживающий в крестьянстве идею «права всех на землю», идею общности земли и т. п., в противоположность буржуазному началу — личной и неприкосновенной частной собственности. Понятно, что для того, чтобы поддерживать и развивать эти новые идеи частной собственности, необходимо было опереться на новые буржуазные слои крепкого крестьянства, необходимо было дать им возможность освободиться от нивелирующего влияния крестьянской массы и бедноты. С другой стороны, необходимо было бросить некоторые подачки беднеющему и разоряющемуся крестьянству, в виде облегчения тяжести выкупных земельных платежей или в виде некоторого расширения земельного кредита для приобретения земли. Только таким путем казалось возможным, с одной стороны, затушевать безнадежную остроту земельного вопроса, а с другой — найти в деревне новую экономическую и политическую базу.

С самого начала XX века вопрос о деревне с ее хозяйственным и земельным неблагополучием становится одним из важнейших вопросов экономической политики и главнейшей темой многочисленных правительственных комиссий. Уже неурожай 1901 года, а затем волнения 1902 г. вызвали к жизни образование в 1901 году комиссии по исследованию причин оскудения центра. В 1902 году при министерстве внутренних дел образуются особые «редакционные комиссии» для общего пересмотра всего законодательства о крестьянах, в том числе и многих важных вопросов экономического

порядка — о землевладении, общине, круговой поруке и проч. Наконец, в том же 1902 году с большим шумом было создано под председательством Витте знаменитое «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Кроме центрального органа, состоявшего из чиновников и представителей «общественности», в лице помещиков, земских гласных и т. п., было образовано 618 местных комитетов, из них 536 уездных с числом членов до 12 тыс. человек, также исключительно из помещиков, чиновников, представителей земства (крестьян было лишь 2%).

Замечательно то, что уже в этих многотомных трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности впервые были высказаны мысли, вошедшие впоследствии в основные положения столыпинской реформы 1906 года. Местные комиссии видели причины крестьянского неблагополучия в технической отсталости. Поэтому большинство комитетов высказывалось за переход от трехполья к многополью, рекомендовало посевы трав и корнеплодов и т. п. Но так как на пути к улучшению техники в сельском хозяйстве стояла община, то большинство комитетов приходило к заключению о необходимости содействовать переходу сельских общин к подворному и хуторному владению, предоставив отдельным крестьянам право выделять свои наделы из общинного землепользования, даже помимо согласия «мира». Кроме того, указывалось также на необходимость устранить обособленность крестьян в правах земельных, гражданских и личных, чтобы дать выход из общей хозяйственной отсталости крестьянства наиболее предприимчивым.

Революционное движение 1905 года и аграрные восстания первоначально вызывают панику среди дворянства и проекты проф. Мигулина и Н. Кутлера о частичном отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян. Но с подавлением революции и с наступлением реакции не только эти проекты были отвергнуты, но даже виттевское «Особое совещание» было признано слишком левым и было распущено. Единственно, что осталось реального в результат работ многочисленных комиссий 1901 — 1905 гг. — это была отмена законом 3 ноября 1905 года выкупных платежей (нужно сказать уже целиком, а по подсчетам некоторых авторов даже с избытком выплаченных крестьянами)

После революции 1905 года внимание правительственной аграрной политики сосредоточивается, с одной стороны, на необходимости подавления той остроты земельного вопроса, которая вызвала

аграрное движение 1905 года, а с другой — на противодействии аграрным проектам отчуждения частновладельческих земель, вырабатывавшимся в Государственной думе. Вновь целая серия комиссий при Мин. земледелия и внутренних дел спешно разрабатывала проекты крестьянского землеустройства (4 марта 1906 г.), об уравнении крестьян в личных правах с другими сословиями, о расширении деятельности Крестьянского поземельного банка, о передаче крестьянскому банку для продажи малоземельным крестьянам удельных земель (12 августа 1905 года) и казенных земель (27 августа). Разогнав II Государственную думу, проведя эти необходимые «уступки» перед угрозой аграрной революции, правительство подготовляло те новые свои позиции в аграрном вопросе, на которых правительство и помещики чувствовали бы себя в безопасности от повторения аграрных волнений, от «черных переделов», от нарушений неприкосновенности частной собственности.

Реформа Столыпина

Для этого необходимо было отказаться от общинного землевладения, от семейной собственности, глубоко внедрить в крестьянский быт чисто буржуазные принципы неприкосновенности личной земельной собственности, выделить из крестьянства тот крепкий хозяйственный слой, который мог бы явиться носителем и защитником этих новых идей После неудачи виттевских проектов периода растерянности и страха, пришедшая на смену им «твердая власть» в лице Столыпина осуществила эти идеи в знаменитом указе 9 ноября 1906 года, ставшем затем после проведения через III Государственную думу, законом 14 июня 1910 г.

Сущность реформы Столыпина, проведенной в этих законах, заключается в следующем. Все крестьянские земельные общества были разделены на две группы: общины, не производившие переделов земли со времени наделения землею, и общины, производившие таковые переделы. Первые, так называемые «беспередельные» общины были признаны прямо перешедшими к подворно-участковому землевладению, и все участки земли отдельных домохозяев закреплялись за ними на основе личной собственности. В обществах, где пределы производились, там всякий домохозяин мог требовать во всякое время укрепления в его личную собственность всей причитающейся ему земли. Притом, если фактическое число разверсточных единиц в семье и следовательно количество причитающейся ему земли уменьшилось, то излишки земли укреплялись при уплате обществу первоначальной выкупной стоимости земли В слу-

чае чересполосности закрепленных полос, домохозяин имел право требовать, чтобы общество выделило ему участок по возможности к одному месту, причем, если требование о выдаче пред'являлось в момент общего передела, то такой выдел к одному месту является для общества обязательным. Точно так же выдел к одному месту обязателен для общества, если этого требовало не менее $^1/_5$ всего числа домохозяев.

Кроме единоличного выдела из земельного общества, закон разрешал переход целыми обществами к владению на отрубных участках постановлением простого большинства голосов всех домохозяев в селениях с подворно-участковым владением и большинством $^2/_3$ голосов — в селениях с общинным владением. Во всех указанных случаях выделившиеся сохраняли право пользования совместными угодиями — сенокосом, лесом и проч.

Таковы главнейшие положения закона 14 июня 1910 г. Из сказанного видны те крупные перемены, которые вносила реформа в крестьянское землевладение. Предоставляя всем право выхода из общины, закон явно покровительствовал тем, у которых к моменту выдела сосредоточивалось больше земли, чем приходилось в среднем на душу во всем обществе. Притом, эти излишки закреплялись по пониженной расценке, по выкупным ценам 1860—1880 гг., т. е. в 2—3 раза ниже цен 1906—1910 гг. Вместе с тем реформа открывала возможность продажи земли теми хозяйствами, которые имели мало земли и которые жили не земледелием, а промышленным трудом. И хотя закон ограничивал возможность сосредоточения и скупки надельной земли (в великороссийских и малороссийских губерниях не свыше 6 душевых наделов), тем не менее фактическая возможность концентрации земли была очевидна. Не менее важное значение имела та «идеология», которая была положена в основу новых земельных отношений: идеология крестьянина — личного собственника, разорвавшего с передельно-общинными порядками и охраняющего «неприкосновенность» своей личной, отрубной и хуторской собственности.

Указ 9 ноября вызвал во всех тогдашних политических наших партиях, кроме крайних правых и октябристов, резко отрицательное отношение, по совершенно различным, конечно, мотивам. Но для нас более важным представляется вопрос: как отнеслась к столыпинской реформе сама деревня, и была ли в ней уже подготовлена почва для развития и укрепления этих чисто буржуазных земельных отношений?

Необходимо признать, что реформа взяла решительный и весьма верный курс с точки зрения достижения тех целей, которые она себе поставила — подорвать существование общины, выделить наиболее крепкие группы крестьянства и выбросить те группы, у которых связь с землей и без того была непрочна.

Если обратиться к цифровым итогам реформы за первые 9 лет ее действия (с 1907 года), то получим следующие данные.

К первому января 1916 г. всего по Европейской России заявило требований об укреплении земли в собственность 2 755 тыс. домохозяев. Из них выделилось из общины 2 008 тыс. домохозяев с площадью в 14 123 тыс. десятин. Кроме того, получили удостоверительные акты в общинах, где не было переделов, 469 тыс. домохозяев с площадью в 1 796 тыс. дес. Итого вышло из общины и укрепило землю в личную собственность 2 478 тыс. домохозяев с площадью в 16 919 тыс. дес. Это составляло от общего количества дворов по 40 губерниям Европейской России около 24%. Далее, если к выделившимся и получившим удостоверительные акты прибавить еще 2 млн. домохозяев с площадью в 14 млн. десятин, которым предстояло получить удостоверительные акты, то процесс разложения общины будет еще более интенсивным По подсчетам Дубровского он определяется в 40,8%. Цифра довольна внушительная.

Интересным однако, представляется проследить ход осуществления реформы по отдельным годам. Именно, выход из общины по годам рисуется следующими данными:

Годы	Число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в собственность	Число домохозяев, окончательно вышедших из общ.
1907	211 922	48 272
1908	840 059	508 344
1909	649 921	579 009
1910	341 884	342 245
1911	242 328	145 567
1912	152 397	122 314
1913	160 304	134 554
1914	120 321	97 877
1915	36 497	29 851
Итого . . .	2 755 633	2 008 432

Таким образом наибольшее число выхода из общины дают 1908—1909 годы. Это об'ясняется тем, что в это время выходили

из общины наиболее заинтересованные, т. е. или наиболее зажиточные, или те, которые стремились скорее ликвидировать свое земледельческое хозяйство. В последующие годы поэтому мы видим систематическое понижение укреплений и выделов.

Укрепление земли в личную собственность, по районам, также весьма неодинаково. Именно, со времени издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 года, по данным земского отдела министерства внутренних дел, оно распределялось по районам [1]):

РАЙОНЫ	% отношение числа домохозяев, укрепивших землю			% отнош. укрепленной земли ко всей площ. надельного землевладения
	к числу домохозяев, заявивших требование	к числу владеющих землею на общинном праве	Площадь окончат. укреплен. земли	
Юго-западный	98,4	48,6	77 987	50,7
Новороссийский	85,1	42,7	2 495 577	34,2
Белорусский	82,8	33,8	1 138 784	30,4
Центр.-черноземн.	75,1	27,6	2 057 303	17,5
Нижн.-волжский	58,6	21,7	2 843 142	12,2
Средне-волжский	64,2	19,1	1 829 325	11,8
Центр.-промышленн. . . .	73,2	16,7	1 378 464	12,9
Малороссийский	75,4	16,5	651 462	13,8
Приозерный	69,2	12,7	773 245	10,4
Северный	50,8	6,6	137 458	3,7
Итого	70,8	21,8	13 939 934	16,4

Отсюда видно, что на первом месте по количеству укрепления земли в личную собственность стоит юго-западный район, наиболее капиталистически развитой. Далее, идут районы Новороссийский, Белорусский, в наименьшей мере районы отсталого некапиталистического хозяйства.

Влияние Крестьянского банка

Вместе с реформой Столыпина в качестве важнейшего органа ее осуществления в деле мобилизации земельной собственности и ликвидации дворянских имений со времени революции 1905 г. получает исключительно важное значение Крестьянский банк. Получив право

[1]) Дубровский, Столыпинская реформа, стр. 107

самостоятельной покупки частных (т. е. преимущественно дворянских) имений, банк становится могущественным орудием наиболее выгодной для поместного класса ликвидации его имений. Насколько в этом отношении деятельность Крестьянского банка стала быстро развиваться, показывают следующие цифры. Тогда как за время с 1895 г. по 1905 г. через банк продано было 504 имения, в 961 тыс. дес., стоимостью 68 млн. рублей, в один 1906 год — 700 имений, в 1 144 тыс. дес. стоимостью 124 млн. рублей, в 1907 г. — 1 191 имений, в 1 520 тыс. дес., стоимостью 159 млн. руб., за десятилетие 1906—1915 гг. — 3 257 имений, в 4 326 тыс. дес., стоимостью 465 млн. руб. Кроме того, в земельный же фонд банка было передано 1 258 тыс. дес. земли удельных имений, стоимостью 71 млн. рублей. Общий земельный фонд банка за рассматриваемое десятилетие исчислялся в 6,4 млн. дес., стоимостью 578 млн. рублей.

Этот земельный запас и был тем основным земельным фондом, которым правительство могло с успехом оперировать, с одной стороны, для поддержания выгодных для помещиков ликвидационных цен их имений, с другой — для насаждения крепкого крестьянства. Что цены ликвидации были действительно выгодны для помещиков, показывает то обстоятельство, что средняя покупная цена десятины земли Крестьянского банка в 1895—1905 гг. была 71 руб., а в 1906—1915 гг. 131 руб., при чем даже в годы наивысшей «паники» земельного дворянства, в 1906—1907 гг., цена была 122—129 руб. дес., а в 1910 г дошла до 140 руб.

Что касается распределения этого земельного фонда между различными категориями покупателей по степени их земельной нужды, то этот вопрос хорошо освещает следующими подсчетами проф. Н. Огановский: в 18 губерниях с большим числом малоземельных крестьян (свыше 30%), на 1 447 тыс малоземельных дворов имелся земельный фонд банка всего в 588 тыс. дес., т. е. на один двор 0,4 дес.. наоборот, в 18 губерниях всего с 145 тыс. малоземельных (до 10% всех дворов) земельный фонд был в 1 987 тыс. дес. или по 13,7 дес. на двор. Ясно, что земельный банковский фонд и не мог предназначаться для удовлетворения земельной нужды малоземельных. Банк стремился проводить в своей деятельности ту политику, которая была положена в основу столыпинской реформы — политику создания единоличного и крепкого крестьянского хозяйства. Это видно из того, что ликвидация земельного фонда в 1907 — 1916 гг. дала следующие результаты по категориям хозяйственного устройства покупателей. Было продано земельного фонда: отрубникам 54,6%,

хуторянам 23,4%, сельским обществам 17,0%, прочим 5%. Банк насаждал, таким образом, хуторское и отрубное землевладение.

Притом, если взять распределение покупщиков по обеспеченности их землею до покупки у банка или при его содействии, то окажется, что около четверти земли покупалось безземельными, около половины — владевшими до 6 дес. и около четверти — многоземельными, владевшими свыше 6 дес. Однако было бы неправильным предполагать, что деятельность банка была на три четверти направлена и на укрепление земельного благополучия середняцких и пролетарских слоев деревни. Уже самая тяжесть условий покупки земли у банка и через банк закрывала возможность заведения самостоятельного хозяйства этим путем действительно пролетарскими элементами деревни. А если к тому же прибавить, что средние размеры покупки земли безземельными в 1½—2 раза превышали средние размеры покупки земли вообще, то отсюда можно с вероятностью предположить, что значительная часть покупок безземельных — была покупкою «сельской буржуазии» — безземельными лавочниками, торговцами, подгородными мещанами, вообще зажиточными слоями, располагающими теми средствами, которые требовались для банковских покупок (Дубровский).

Реформа Столыпина и деятельность Крестьянского поземельного банка не только способствовали образованию и укреплению капиталистической верхушки деревни. Они формировали и разложение на другом полюсе деревни, в виде усиления обезземеливания и образования безземельного пролетариата путем продажи земель. Как сама реформа Столыпина, так и разрешение продажи и залога надельных крестьянских земель вызвали усиленную мобилизацию этих земель. За время 1908 — 1915 гг. до 1,2 млн. крестьянских дворов продали свою землю в количестве 3,9 млн. дес. на сумму 445 млн. рублей. Состав продавцов и причины продажи были различны: кроме переселения, случайных причин и т. п., часть хозяйств продавала землю вследствие полной своей пролетаризации, разрыва с земледелием, ухода в города и в промышленность; часть, наоборот, продавала надел в одном месте, чтобы купить землю и завести хозяйство в другом. По специальному правительственному обследованию этого вопроса в 12 уездах, пролетаризация хозяйства, как причина продажи надельной земли, давала от четверти до половины всех случаев, стремление же завести собственное более крепкое и самостоятельное хозяйство в другом месте — от трети до половины всех случаев. В таких формах проявлялся и усиливался под

влиянием реформы Столыпина процесс пролетаризации деревни, с одной стороны, и укрепления в ней крепких хозяйственных элементов — с другой.

Таковы были основные черты и итоги новой аграрной политики и нового поворота в нашем сельскохозяйственном и аграрном развитии в XX веке. Ставка на сильного хозяина, уничтожение архаических остатков общины, сословной изолированности крестьянства должны были расчищать дорогу капитализму в деревне. Этим предполагалось навсегда устранить угрозу аграрной революции и направить аграрное развитие России по новому буржуазному руслу, с массой крепкого крестьянского зажиточного хозяйства, во главе с крупным помещичьим хозяйством капиталистического уклада.

Но реформа Столыпина, стремясь осуществить эту цель, несла вместе с собой в деревню и тот антагонизм, который еще более революционировал деревню, создавая пропасть между небольшой верхушкой сельской буржуазии и массой деревенской малоземельной и безземельной бедноты.

Ставка на «прусский тип» нашего аграрного развития была бита. Реформа Столыпина не принесла разрешения экономической проблемы для нашего капиталистического развития и не смогла обеспечить его социально-политическое существование.

ЛИТЕРАТУРА.

По вопросу о *земельных отношениях* и мобилизации землевладения в 1900-е гг: *Святловский*, Мобилизация земельной собственности в России, 1911 (указатель литературы). — *Лященко*, Мобилизация землевладения и ее статистика, 1905 — *Косинский*, Основные тенденции в мобилизации земельной собственности, 1917. — *Его же*, К аграрному вопросу, 1906. — «Материалы по статистике движения землевладения», 1896 — 1913. — «Статистика землевладения 1905 г.», изд. ЦСК. 1907 — См. так же «Аграрное движение в России, 1905 — 1906 гг. (по анкете В Э. О-ва)», *Пешехонов*, Аграрная проблема в связи с крестьянским движением, 1906. — *Маслов*, Аграрный вопрос, т. II (неск. изд.).

О Крестьянском банке и о земельной политике: *Зак*, Крестьянский поземельный банк, 1883 — 1910 — 1911 (подробный указатель литературы). — *Красик*, Крестьянский банк и его деятельность 1883 — 1905 гг, 1910 — *Батуринский*, Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк, 1925 (подробный указатель литературы).

О реформе Столыпина и капитализации деревни: *Лосицкий*, Распадение общины, 1912. — *Чупров*, По поводу указа 9 ноября 1907 г., 1908 — *И. Черны-*

шев, Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1907 г., 1912. — *Его же,* Община после 9 ноября 1906 г., 1917. — *Прокопович,* Аграрный кризис и мероприятия правительства, 1912. — *Бруцук,* Землеустройство и расселение за границей и в России, 1909. — *Коффод,* Крестьянские хутора на надельной земле, т. I — II 1905. — *Его же,* Русское землеустройство, 1914. — *Билимович,* Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство, 1907. Оба последних автора являются, особенно Коффод, крайними защитниками идей столыпинской реформы. — Сторонником хуторской системы является также *Першин,* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907 — 1916 гг. и судьба его во время революции (1917 — 1920 гг.), 1922 — Из новейших исследований: — *Дубровский,* Столыпинская реформа, 1925 г. — *Карпов,* Аграрная политика Столыпина, 1925. — *Шестаков,* Капитализация сельского хозяйства России, 1925. — «Аграрный вопрос в совете министров», изд. Центрархива, 1924.

Официальные материалы по крестьянскому вопросу в начале XX века: «*Материалы* высочайше учрежденной комиссии по исследованию вопроса о движении благосостояния сельского населения средне-земледельческих губ. сравнительно с другими местностями Европейск. России», 3 тома, 1903 — «*Исследование* экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды особого совещания 1899 — 1901 гг.», сост. *Поленов,* 1901. — Громадное, трудно поддающееся обозрению количество материалов собрано в «Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности» «Материалы, поступившие в особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». — «*Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (по всем губерниям)». «Своды трудов местных комитетов» по отдельным вопросам — аренда, податной вопрос, мелкий кредит, землепользование и пр Более сокращенное изложение в 2 томах сборника «*Нужды деревни*», 1904.

Глава XXIII.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ И РАСПАД СИСТЕМЫ.

Свое изложение истории развития русского народного хозяйства мы можем, собственно, закончить рассмотрением положения нашего промышленного и аграрного развития накануне мировой войны. И не потому, что военное развитие нашего капитализма представляет что-либо исключительное по своей сущности, по своей «ненормальности», противоположное «нормальному» ходу развития капитализма в мирное время. Наоборот, война была лишь естественным следствием тех отношений финансово-монополистического капитализма мирового масштаба, в которых деятельным и активным членом являлся русский капитализм. Характер его развития, формирования и зависимости обусловил и участие России в мировой войне, и притом на определенном ее фронте, равно как и характер тех новых явлений капиталистического порядка, которые стали формироваться в России, так же, как и в других странах в период военного кризиса.

Но тем не менее, эти новые явления военного капитализма, в особенности именно в русской хозяйственной истории, являются не столько этапом в развитии ее капиталистического хозяйства, сколько симптомом ее агонии и сдвигов ее экономики, как предпосылок революции. Как таковые, они еще не отошли в «область истории», эта история их еще не написана, и они должны подлежать особому изучению, как непосредственные и ближайшие предпосылки революции. Однако, все же было бы неправильным и неполным закончить изучение истории русского народного хозяйства на его высшем предвоенном этапе развития, не остановившись на формах и основных проявлениях краха всей его системы. Поэтому, подводя итоги истории русского народного хозяйства и его капиталистического развития, мы скажем несколько слов и об основных чертах нашей военной экономики.

Конечно, как самое крушение этой системы, так и общие формы и причины его можно было понять и предвидеть и из общего характера нашего капиталистического развития, особенно последних этапов его. Однако, подобно тому, как в течение всего хода нашего капиталистического развития мы наблюдали весьма значительные «особенности», отличавшие его от типичных формирований западноевропейского капитализма, так и процесс его разложения в военном кризисе сложился у нас несколько иначе и с иными последствиями, чем на западе.

Итоги довоенного развития

Рассматривая весь период нашего капиталистического развития, начиная с его зарождения, еще в рамках и в условиях крепостного хозяйства, и кончая наиболее развитыми его формами финансового капитализма в предвоенные годы, мы видели, что капиталистическое развитие русского народного хозяйства отличалось двумя особенностями. С одной стороны, оно весьма быстро проходило все этапы капитализма, быстро и интенсивно усваивая все его характерные внешние черты и формы. Но, с другой стороны, не менее важной чертой нашего капитализма являлось то обстоятельство, что развитие его на всем протяжении протекало при наличии чрезвычайно сильных влияний другой, противодействующей и отсталой социально-экономической среды, пережитков крепостнической системы.

Скорость прохождения нашим капитализмом всех этапов капиталистического развития и усвоения высших его внешних форм зависела в значительной мере и прежде всего от того, что Россия наиболее поздно, сравнительно с другими западно-европейскими странами, вступила на путь капиталистического развития и проходила его под сильнейшим воздействием передовых капиталистических стран. Все основные моменты и вехи капитализма — концентрация и централизация промышленности и промышленного капитала, усовершенствование техники, акционирование, развитие банков и монополистических организаций капитала — все это, если даже наступало у нас с некоторым запозданием, но усвоивалось сразу и быстро, часто непосредственным перенесением этих форм, организаций и отношений из западно-европейского капитализма. Темп и интенсивность нашего капиталистического развития в годы его под'ема поэтому часто превосходили темп развития западно-европейских стран.

И однако это еще не приводило к созданию действительно прочной и передовой системы промышленного капитализма. Наоборот,

его развитие у нас осложнялось теми продолжительными историческими пережитками нашего общественно-экономического строя, которые эпоха капитализма унаследовала от эпохи докапиталистической. Слабое развитие городского ремесла, не давшее у нас тех прочных экономических и технических предпосылок для промышленного капитализма, как это было в Западной Европе, и, наоборот, чрезвычайно широкое и продолжительное влияние торгового капитала и связанная с ним крепостная система хозяйства — были теми причинами, которые обусловили «особенности» нашего капитализма не только на первых этапах его исторического развития, но и позднейших, более законченных его формах.

Действительно, мы видели, что основные предпосылки капиталистического хозяйства и промышленного капитализма и с организационно-технической, и с социально-экономической стороны заложены у нас были еще в первой половине XIX столетия. Тем не менее, все же система крепостного хозяйства в целом ставила сильнейшее препятствие и узкие рамки развитию в ней элементов промышленного капитализма: капиталистическая машина противоречила неквалифицированному, непроизводительному, «даровому» крепостному труду; капиталистическая фабрика стояла в противоречии с привилегированной вотчинной крепостной фабрикой; массовый характер капиталистического производства и необходимость широкого рынка стояли в противоречии с натуральным характером крепостного хозяйства и с узостью потребительного рынка. Поэтому, промышленный капитализм в его развитых организационно-технических формах и законченных социально-экономических отношениях начал создаваться лишь со второй половины XIX столетия, когда были окончательно закреплены возможности этого развития. Другими словами, в то время, когда западно-европейский капитализм стоял уже на высокой стадии технического и экономического развития, когда он пережил уже несколько революций, расчистивших общественную почву для его развития, наше народное хозяйство только начинало медленно освобождаться от оков крепостного хозяйства.

Поэтому, только со второй половины XIX века более прочно и полно нашим промышленным капитализмом стала усваиваться капиталистическая техника; процесс накопления туземного капитала дал уже достаточно крупные результаты; стали более быстро и прочно образовываться кадры промышленных рабочих; стал более быстро разлагаться натуральный хозяйственный строй, заменяясь

денежным хозяйством. Но все же до последней четверти XIX столетия капиталистическое развитие идет в значительной степени на капитализацию средств обращения, на создание железных дорог, банков, и в меньшей мере — на капитализацию самого производства. Все это еще более замедляет процесс превращения торгового капитала в производственный, так как развитие капиталистических орудий обращения не только не ослабляет, но, наоборот, усиливает положение торгового капитала. Поэтому наш первый капиталистический под'ем 1870-х годов не смог еще создать и заложить основ системы «национального капитализма» с определенными стремлениями его экономики, как внутри самой его системы (концентрация производства, вытеснение ремесла и «кустарного» производства и др.), так и вне ее, на мировом рынке, в ее мировых связях с другими капиталистическими системами.

Но если уже крепостное хозяйство, несмотря на наличность и даже преобладание в нем «натуральных» элементов, не могло жить изолированной от мирового хозяйства жизнью и разлагалось в значительной степени под воздействием последнего, то понятно, что «национальный капитализм» 1890-х годов был целиком включен в систему мирового хозяйства. Но в то же время «национальное» об'единение капиталистических стремлений, противопоставляемое другим национальным капиталистическим хозяйствам, должно было находить себе вследствие нашей промышленно-технической отсталости наиболее законченное выражение в запретительных таможенных ограничениях своего производства от иностранной капиталистической конкуренции. Вопрос шел, конечно, не о «национальной ограниченности», а о борьбе с другими конкурирующими системами мирового хозяйства, о борьбе за самостоятельное место в среде этих систем. Но если стремления «национального» капиталистического хозяйства в 1890-х годах сделали большие успехи внутри самой системы в смысле усвоения капиталистической техники производства и обращения, концентрации капиталов, централизации производства, вытеснения мелкого производителя, ремесленника и кустаря, крупным капиталистическим, то в смысле положения русского капитализма в системе мирового хозяйства не обнаруживается ни заметных количественных успехов, ни завоевания самостоятельности, как совершенно независимой и руководящей капиталистической системы. Наоборот, влияние иностранного капитала при формировании нашей капиталистической системы уже в 1870-х годах было настолько велико и настолько обгоняло рост туземного на-

копления капитала и приложения его в производстве, что независимой и самостоятельной экономической системы «национального капитализма» у нас все же создано не было.

Таким образом, наше капиталистическое развитие не приводило нас в системе мирового хозяйства и мирового капитализма, к положению «колонии» передовых промышленно-капиталистических государств· для этого успехи развития «отечественного» капитализма — накопления капитала, создания развитых промышленных форм — были все же слишком значительны. Но, с другой стороны, наш капитализм не мог приобрести, в силу отсталости своей экономики, ни самостоятельного положения в ряду мировых капиталистических систем, ни значения решающей социально-политической силы внутри своей государственной и экономической системы. «Национальная самобытность» его проявлялась попрежнему в том, что на-ряду с усвоением нашим капитализмом, под непосредственным влиянием иностранного капитала, многих прогрессивных его технических и экономических форм, он и в 1890-е годы продолжает жить на крайне узкой базе отсталой экономики страны, с ее отсталыми социально-экономическими отношениями и крепостными пережитками. Поэтому и наиболее блестящий в 1890-х годах расцвет, которого когда-либо достигал наш капитализм, окончился также кризисом и депрессией, у нас более продолжительными и глубокими, чем для западного капитализма.

Но уже вполне вовлеченный в сферу действия «абсолютных» законов капиталистического развития и их мировых взаимоотношений, наш «национальный» капитализм мог изжить свои кризисы и болезни только единственным для всякого капитализма путем — переходом в высшую организационно-экономическую фазу капиталистического развития. Если недостаточно высокая техническая организация и оборудованность отдельных предприятий, конкурентная борьба, недостаточность концентрации и централизации, недостаточность внутреннего рынка и товарное перепроизводство приводили к кризису, то для капитализма единственным средством изживания этого кризиса становилось — новое переоборудование промышленности, достижение новых высших успехов техники, вытеснение более отсталых предприятий, устранение конкурентной борьбы, монополистическое овладение рынком. Промышленный «конкурентный» капитализм неизбежно приходил к финансовому «монополистическому» капитализму. Наше капиталистическое раз-

витие со второго пятилетия XX века, пережив кризис и произведя реорганизацию и переоборудование промышленности, вступает в новую стадию «финансового» капитала.

Но если в рамках «национального» капитализма капиталистические монополии были менее осуществимы и требовали во всяком случае героических средств их защиты запретительными пошлинами от иностранной конкуренции, то руководство иностранного финансового капитала и сращивание его с промышленностью резко изменили все условия нашего промышленно-экономического развития. Финансовый капитал требует для своего существования масштаба мирового хозяйства, а не «национального», и во всяком случае предполагает уже безусловную неизбежность для отдельных «национальных систем» связать свою жизнь с жизнью, борьбой и судьбой финансового капитализма.

Предпосылки мирового военного кризиса

Мы видели, что к концу первого десятилетия XX века в русском капитализме вполне ясно обозначились основные признаки финансово-капиталистической его структуры. «Сращивание» промышленного капитала с банковым достигло в некоторых отраслях полного монопольного завершения, — в других, во всяком случае, преобладающего или почти монопольного положения, и лишь в очень немногих сравнительно отраслях легкой индустрии сохранилось преобладание конкурентных форм промышленного капитализма. При этом, эти монополистические тенденции проявлялись не только в уничтожении конкуренции и в монополизации самого промышленного производства, но и в монополистических об'единениях самого руководящего финансового капитала. Одновременно с ростом производственно-сбытовых промышленных об'единений и концентрацией их шло и в банковом деле сосредоточение в руках немногих руководящих банков преобладающей доли крупного промышленного капитала.

Те особенности русского капитализма, в виде его общей экономической отсталости, которые налагали отпечаток на его ход развития и его судьбы в предшествующие этапы, теперь, в эпоху финансового капитализма, должны были сказаться еще более чувствительно. Если недостаточность туземного накопления промышленного капитала должна была обусловить значительную степень участия иностранного капитала в обосновании и в развитии нашего промышленного капитализма, то создание финансово-капиталистических монополий в наших условиях должно было тем более не-

избежно привести к усилению связей и зависимости от мирового финансового капитала.

Для переоборудования и реорганизации русской промышленности после кризиса и депрессии 1900 — 1908 гг. и тем более для осуществления дальнейших монополистических ее тенденций в русском народном хозяйстве не было накоплено «национального» банкового финансового капитала достаточных размеров и мощности. Наоборот, наша банковая система представляла в значительной своей части филиал финансового капитала западных национальных финансовых систем — французской, английской, немецкой. Это предрешало зависимый, несамостоятельный характер той системы финансово-монополистического капитализма, которая стала слагаться у нас в XX веке. Это же предрешало и ту военную комбинацию систем западного финансового капитализма, в которой Россия неизбежно принуждена была участвовать. Но это же обстоятельство и предрешало ее крушение в последующем военном развитии монополистического капитализма.

Дело в том, что если промышленный капитализм в своих «национальных» системах обладает «пацифистской» видимостью, производя «мирное» завоевание своими товарами новых рынков и стран, то система финансового капитализма по существу своему представляется определенно агрессивной. — Пацифистские видимости финансового капитализма сохраняются лишь до тех пор, пока в рамках каждой руководящей «национальной» системы финансовый капитализм не только монопольно подчинит себе все народное хозяйство, но и государственный аппарат, превратившись из «мирного» торгового завоевателя-промышленника в милитаристический государственный капитализм. И поскольку в то же время всякая сколько-нибудь крупная «национальная» система финансового капитализма стремится выйти из своих узких национальных границ и приобрести мировое господство — постольку мощные системы финансового капитала обнаруживают стремление не только к экономическому подчинению других, более слабых национальных финансовых систем, но и к подчинению их государственного аппарата, в качестве финансируемого «союзника», в мировой империалистической борьбе.

«Государственный капитализм» военного периода

Мировая война особенно ясно вскрыла во всех странах тенденцию к перерождению до-военного финансово-монополистического капитализма в военный «государственный капитализм», в котором монополисти-

ческое экономическое господство финансовой олигархии открыто сливается с «государственным» регулированием экономической, промышленной, сельскохозяйственной и финансовой жизни страны. Эта социально-экономическая сущность нового этапа в развитии капитализма во время войны закрашивалась яркими чертами национального шовинизма, громкими эпитетами «борьбы за национальное существование», «общественного» блага, даже «государственного социализма». По своей экономической сущности все это представляет не что иное, как полное овладение финансово-монополистической олигархией государственным — и в первую очередь военным аппаратом, для военной борьбы и защиты своих интересов и возможности дальнейшей экспансии.

Мировая война вместе с колоссальным расхищением производительных сил и средств привела, таким образом, к дальнейшему усилению централистических и монополистических тенденций капитализма вообще и в особенности наиболее мощных его группировок. Это достигалось и облегчалось именно узаконением крайнего государственного вмешательства в промышленность и в экономическую жизнь страны вместо прежних принципов невмешательства. Находя оправдание всему этому в «военной необходимости», государственная власть во всех странах начинает в той или иной мере регулировать как производство, так и снабжение и распределение продуктов. Во всех странах проводится милитаризация промышленности и при том тем более полно, чем более концентрированный и монополистический характер она носила до тех пор. Даже в цитадели промышленной свободы, в Англии, «закон о защите страны» давал возможность правительству полного распоряжения всем производством. То же самое наблюдалось во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах. «Сращивание» государственной власти с промышленностью и с финансовым капиталом выражалось везде в установлении ряда монополий, частных «национализаций» некоторых отраслей промышленности, в государственном контроле над производством, в образовании смешанных обществ, в которых наравне с крупным финансовым капиталом, пайщиком и акционером являлось государство. Даже размельченное сельское хозяйство подпадает под влияние государственного регулирования, путем установления рыночных монополий (например, монополии хлебной торговли и др.), регулирования рынка, установления твердых цен и т. д.

«Государственный капитализм» стал неизбежной и общей для всех борющихся стран организационной формой, в которую вылились прежние экономические формы монополистического капитализма. И так как военный исход борьбы был обусловлен экономической мощностью борющихся капиталистических систем, то эта их экономическая мощность обусловила и судьбу их государственных образований. Поэтому в побежденных странах крушению подвергся и их военно-государственный аппарат, даже в тех случаях, когда он был более прочно организован (например, в Германии), чем в странах победительницах, где он сохранился, хотя и был менее совершенно организован (например, во Франции и в Англии). Но и в тех, и в других — капитализм оказался настолько прочным, что пережил даже крушение своего государственного и военного аппарата, чтобы вступить в новую эпоху дальнейшего развития и обострения мировых противоречий.

Мы отвели столь значительное место рассмотрению тенденций мирового капитализма именно потому, что вне их совершенно невозможно рассмотрение капиталистического разложения России во время военного кризиса. Повторяя развитие военной экономики своих более сильных «союзников», при усиленном их финансировании, Россия повторяет и их организационные экономические и финансовые формы приспособления своей промышленности к военным задачам.

Война и милитаризация русской промышленности

Война резко обострила намечавшуюся уже с 1913 года промышленную депрессию, превратив ее в острый, «военный» кризис перепроизводства, как в области некоторых отраслей промышленности, так и в сельском хозяйстве. Это должно было коснуться как вообще предметов широкого массового потребления, так и экспортных продуктов сельского хозяйства, хотя по отношению к последним несколько менее сильно, чем ожидалось, так как отсутствие экспорта было заменено повышенным военным правительственным спросом. В области промышленности уже к началу 1915 г. обнаружилось значительное сокращение производства, частью в связи с кризисом, частью в связи с массовыми мобилизациями рабочих. Вследствие такого сокращения производства перепроизводственный кризис скоро начинает изживаться, переходя в дальнейшем по некоторым отраслям в кризис недопроизводства.

Гораздо большее влияние на дальнейшие судьбы нашей промышленности имели милитаризация промышленности и приспосо-

бление заводов к нуждам войны, вначале путем частной инициативы предпринимателей для выполнения выгодных военных заказов, а затем в принудительном порядке. Военные заказы уже с осени 1914 г. занимают всю деятельность наиболее крупных металлообрабатывающих и металлостроительных заводов — Сормовский, Брянский, Коломенский. Но уже с 1915 г. начинается приспособление к военным целям всех сколько-нибудь пригодных металлообрабатывающих заводов, впрочем — с очень малым количественным и качественным успехом, вследствие неприспособленности и слабого технического оборудования этих заводов. То же самое, но еще с меньшим успехом, происходит в химической промышленности, приспособленной под выделку взрывчатых и т. п. веществ военного употребления.

Далее следовали кожевенная и обувная промышленность, текстильная, хлопчатобумажная и шерстяная, начавшие вырабатывать продукты, необходимые для интендантства.

Результаты первого года военной работы промышленности оказались весьма плачевными. Уже к весне 1915 г. было ясно, что наша промышленность совершенно не в состоянии справиться с теми военными задачами, которые ставились перед нею участием государства в мировой империалистической борьбе. И так как правительственный аппарат оказался совершенным банкротом, чтобы сделать хотя что-нибудь для улучшения положения, то наша промышленная буржуазия делает попытку создания, по образцу запада, особых организаций, берущих в свои руки обслуживание военных нужд государства с помощью широкого проведения военной мобилизации промышленности. С мая 1915 г. промышленная буржуазия и капиталистические группы землевладельческого класса организуются в общественные организации—военно-промышленные комитеты, Всероссийские городской и земский союзы. Первые берут на себя часть проведения мобилизации более крупной промышленности, а также организацию и приспособление к военным нуждам мелкой кустарной промышленности. Вторые берут на себя в известной части работу по снабжению армии.

Общая деградация промышленности

Но в наших условиях эта «общественная» организация капитала, в помощь расшатанному государственному аппарату, оказывается также попыткой с негодными средствами. Прежде всего низкое техническое оборудование нашей промышленности, в особенности по производству машин и орудий, не позволяло произвести соответствую-

щее переоборудование для новых производств, вследствие прекращения ввоза машин из-за границы. Накануне войны из всей ежегодной потребности в техническом оборудовании нашей промышленности, в сумме до 720 млн. руб., до 37% покрывалось иностранным ввозом, а в частности машины для промышленности — до 58%. Кроме того, крайний недостаток квалифицированных рабочих. стеснение в транспорте, кризис топлива, общий развал, все более захватывавший всю экономическую и общественную жизнь—довершали безвыходность положения.

Тем не менее, некоторые количественные итоги повышения продукции были достигнуты. «Военные» отрасли промышленности несколько увеличили свое производство. Так, по данным Гриневецкого, в одном из главных районов, работавшем «на оборону», в 15 губерниях Центрально-промышленного района, число рабочих, сравнительно с довоенным, увеличилось в 1916 г. на 19% и в частности в металлообрабатывающей промышленности на 190%, преимущественно за счет привлечения неквалифицированной рабочей силы. Такое же положение с металлообрабатывающей промышленностью было в Петроградском районе, а также на Урале. Гораздо хуже обстояло дело с другими отраслями промышленности, даже выполнявшей военные заказы. Так, хлопчатобумажная промышленность центрального района сократила число рабочих с 391 тыс. чел. в 1913 г. до 322 тыс. чел. к 1917 году. Вообще, несмотря на всю «мобилизацию», общее число промышленных предприятий и число рабочих на них обнаруживали сокращение Так, по данным фабричной инспекции, общее число предприятий, подчиненных ее надзору (т. е. более крупных), за исключением Варшавского округа и Курляндской губ., занятых германцами, было:

Годы	Число заведений	Число рабочих, тыс.	Годы	Число заведений	Число рабочих, тыс.
1913	13 485	1 947	1915	12 649	1 923
1914	13 858	1 943	1916	12 492	2 094

Если уменьшение числа предприятий могло бы быть об'яснено рационализацией и концентрацией производства, то уменьшение до 1915 г. числа рабочих, при небольшом лишь увеличении в 1916 г.. свидетельствовало о незначительности результатов военного напря-

жения нашей промышленности. Притом, наибольшая часть указанного увеличения числа рабочих приходится на женский, детский и вообще неквалифицированный труд.

Кризис металлургии

При таких условиях понятно, что общие производительные силы промышленности продолжали падать даже в отраслях, наиболее тесно связанных с военными целями. Приведем цифры, характеризующие положение металлургической промышленности (без Польши), в млн. пудов:

Годы	Чугун	Полупродукт	Продукт	Кам. уголь	Нефть
1913	257,4	263,9	219,5	2 200	563
1914	249,3	272,4	222,7	2 175	557
1915	225,3	251,3	199,4	1 905	568
1916	231,9	260,9	205,9	1 954	602
Полов. 1917 г. . .	98,9	102,8	79,2	873	260

Отсюда видно, что некоторое улучшение производства в 1916 г., частью как результат реорганизации промышленности, было, но оно было крайне небольшое, и размеры производства все же не достигли довоенных цифр, а в первую половину 1917 г. производство обнаруживало уже катастрофическое сокращение.

Но еще более катастрофическое влияние на народное хозяйство и на подрыв его основных производительных сил оказали не столько абсолютные размеры сокращения производства, сколько его исключительное военное направление. Милитаризованная промышленность отнимала от хозяйственной жизни страны все — металл, топливо, финансовые средства, рабочих. Так, по данным военно-промышленного комитета, на удовлетворение потребности страны в черном металле (определявшейся до войны в 305 млн. пуд.) в 1915 г. из общей массы 241,3 млн. пуд. производства железа в распределение назначено было всего 48 млн. пуд. на частный рынок и 15,8 млн. пуд. на промышленное потребление. Из других продуктов железоделательной промышленности массового потребления, напр., производство строительного железа сократилось с 41 млн. пуд. до 15,7 млн. пуд. Поступление заказов главному нашему распределительному синдикату, Продамету, уже в 1916 г. сократилось до 79 млн. пуд. железных продуктов всех видов, в 1917 г. до 48 млн. пуд против 148 млн. пуд в 1913 году.

Кризис топлива

То же самое необходимо отметить и в распределении топлива. Что касается каменного угля, то даже повысившаяся в 1916 г. выработка его, благодаря прекращению ввоза из-за границы, не могла покрыть всей потребности. Но небольшой сравнительно дефицит, определявшийся в 60—70 млн. пуд., благодаря неумелой политике распределения и созданию категорий привилегированных (исключительно связанных с войной) и непривилегированных (всех остальных) потребителей, держал страну в состоянии острого топливного голода. То же самое наблюдалось с нефтью и всеми другими основными отраслями промышленности.

Политика правительственного распределения металла и топлива, направленная на удовлетворение исключительно военных нужд, не разрешая сколько-нибудь удачно снабжение «военной» промышленности, особенно губительно отражалась на всех других отраслях и на всем народном хозяйстве в целом, производя полный разгром и вызывая умирание некоторых важнейших отраслей. Особенно губительным образом металлический голод и политика распределения металла сказались на производстве сел.-хоз. машин и орудий. Уже к концу 1914 г. наиболее крупные сел.-хоз. машиностроительные заводы сократили производство машин до одной трети довоенного, а в 1916 году производство 173 наиболее крупных заводов составило всего 25% довоенной выработки сел.-хоз. машин. Большинство этих заводов было переведено на военное производство, оставшимся же заводам, вместо потребных им 15 млн. пуд. металла, было отпущено всего 1,3 млн. пуд. Если таково было положение крупных заводов, то положение мелких починочных и т. п. мастерских, деревенских кузниц было совершенно катострофическим: за отсутствием металла и топлива и вследствие мобилизации населения, они совершенно прекратили свою работу по ремонту сел.-хоз. инвентаря, что еще более ухудшило положение с ними. Наконец, к этому необходимо прибавить почти полное прекращение импорта сел.-хоз. машин, который давал перед войной ежегодно до 9,7 млн. пуд. и покрывал до 50% всей потребности страны; в 1915 г. было ввезено всего 196 тыс. пуд., а в 1916 г. 391 тыс. пуд. Таким образом, благодаря сокращению внутреннего производства до 20—25% довоенного, а ввоза — до 4% довоенного, только 8—9% потребности сельского хозяйства в машинах могло быть удовлетворено. В результате, благодаря такой политике, мы не только «почти утратили весьма ценную отрасль промышленности» (Гриневецкий), сел.-хоз.

машиностроение, но подтачивали и основные производительные силы в сельском хозяйстве. Некоторое изменение военной экономической политики в 1915 — 1916 гг. оказалось уже запоздавшим. И по существу, конечно, оно не могло спасти положения.

Кризис и падение сельского хозяйства

Мы подходим, таким образом, к другой основной части нашего народного хозяйства, подвергшейся сильнейшему регрессу во время войны — к сельскому хозяйству.

Непосредственно и больше всего война отразилась на сельском хозяйстве массовыми громадными мобилизациями населения. Вместо довоенной армии в 1 370 тыс. чел. за время войны до половины 1917 г. было мобилизовано до 15 млн. чел., при чем первый же год из'ял из народного хозяйства до 7,4 млн. чел., преимущественно сел.-хоз. населения полного рабочего возраста. По переписи 1917 г. в большинстве губернии не менее трети, а в некоторых до половины общего числа крестьянских хозяйств осталось без работников. Снабжение военно-пленными и беженцами мало помогало делу и по своей незначительности, и по неравномерности распределения.

При таком расхищении живой рабочей силы, война в корне подорвала и все средства производства в сельском хозяйстве. Разрушение одного вида важнейших средств производства, сел.-хоз. инвентаря, мы уже рассмотрели. Другим весьма важным моментом, также тесно связанным с сокращением внутреннего производства и ввоза, являлось потребление минеральных удобрений. До войны из общего количества их потребления, в размере 42 млн. пуд., только около 11 млн. пуд. производилось внутри страны и 31 млн. пуд. ввозился из-за границы, преимущественно из Германии. При сокращении ввоза почти до нуля внутреннее производство также сократилось, благодаря милитаризации химической промышленности, почему в 1916 г. рынок также мог удовлетворить всего до 8-9% потребности. Совершенно такое же явление наблюдалось по некоторым сельскохозяйственным культурам в области снабжения улучшенными семенами, ввозимыми раньше из-за границы.

Наконец, еще более сильно война ударила по другому основному виду средств сел.-хоз. производства — скоту. Безрассудная политика массовых мобилизаций лошадей в крестьянском хозяйстве, не считаясь со степенью обеспеченности его тяговой силой, привела к тому, что громадная масса хозяйств превратилась в без-

и малолошадных. Всего ко второй половине 1917 г. было мобилизовано лошадей до 2,1 млн. гол., а общее число рабочих лошадей по 50 губ. Европейской России сократилось с 17,9 млн. гол. в 1914 г., до 12,8 млн. гол. в 1917 г. Не менее значительным было сокращение вообще крупного рабочего скота, и в частности волов, в связи с усиленными реквизициями и убоем для продовольствия армии, на что пошло до 18 млн. голов.

Результат такого положения мог быть только один — резкое сокращение сел.-хоз. производства во всех его видах, и особенно по наиболее важным товарным отраслям. Размеры посевных площадей по главным хлебам сократились к 1917 году до 78 млн. дес. против 88,6 млн. дес. в 1914 г., т. е. почти на 10 млн. дес., из которых продовольственные хлеба сократились за эти годы с 51,2 млн. дес. до 45,1 млн. дес. Наиболее сильное сокращение давали главные торговые и производственные районы (Сев. Кавказ, новороссийские губ.), и наиболее ценные торговые хлеба — пшеница, ячмень. Еще более, чем посевные площади, упали урожаи хлебов вследствие падения урожайности. Валовые сборы всех зерновых хлебов и картофеля в среднем за 1909 — 1913 гг. исчислялись в 7,0 млрд. пудов, в 1914 г. в 6,9 млрд. пуд., в 1916 г. упали до 5,1 млрд. пуд. и в 1917 г. 5,0 млрд. пуд.; в том числе продовольственные зерновые хлеба сократились с 2,8 млрд. пуд. в довоенное пятилетие (и 2,9 млрд. пуд. в 1915 г.) до 2,2 млрд. пуд. в 1916 — 1917 гг.; а кормовые зерновые (ячмень и овес) с 2,1 млрд. пуд. в довоенное пятилетие до 1,1 млрд. пуд. в 1916 г.

Продовольственный кризис

Однако, если принять во внимание, что до войны наш зерновой ввоз отнимал от народного продовольствия до 600 — 750 млн. пуд., то при полном прекращении его указанное сокращение урожаев не могло бы дойти до продовольственной катастрофы. Однако уже в 1916 г. она была налицо. Причиной этого явилось не только указанное падение сельскохозяйственного производства, но и вся совокупность расстройства экономической жизни и продовольственно-снабженческая политика правительства. Направив все промышленное производство на нужды войны, правительственная политика лишала деревню снабжения товарами как производительного, так и личного потребления. Деревня переставала не только сеять, но и продавать свой хлеб, особенно когда с усиленным выпуском бумажных денег ценность их стала падать. Уже к 1915 г. продовольственная катастрофа была ясно видна. В области продовольствия и регулирова-

ния сельского хозяйства и сел.-хоз. рынка, ввиду невозможности в обычных условиях справиться с затруднениями, возникает необходимость развития таких же государственных монопольных и регулирующих организаций, которые были учреждены для регулирования промышленности и транспорта. В августе 1915 г. учреждается «Особое совещание по продовольствию», хотя формально лишь с совещательными функциями, но с широкими, почти диктаторскими, полномочиями председателя и его местных «уполномоченных» — губернаторов.

С этих пор дело заготовок по продовольствию для населения (кроме армии, заготовки для которой оставлены были в руках военной власти) переходит к правительству и частью к местным городским и земским самоуправлениям. Централизованным правительственным аппаратом было заготовлено в 1914—1915 гг. 305 млн. пуд., в 1915—1916 гг. 502 млн. пуд., в 1916—1917 гг. 540 млн. пуд. Другими словами, правительственные заготовки снимали почти полностью все товарное зерно, уничтожив свободный хлебный рынок. Однако такое положение далеко не свидетельствовало об успешности разрешения продовольственного кризиса и хода снабжения. Заготовки были основаны на системе твердых цен, которые, при падении валюты и расхождении с ценами на промышленные товары, далеко не удовлетворяли производителя. После того, как частичные реквизиции также перестали помогать делу, в декабре 1916 г. решено было приступить к принудительной хлебной разверстке, в которую включено было 772 млн. пуд хлеба, крайне неравномерно и нецелесообразно распределенной.

Таким образом, все продовольственные мероприятия и сел.-хоз. политика во время войны сильнейшим образом ударяли по крестьянскому хозяйству, притом именно по наименее экономически сильным его группам. Уже к 1916 г. были налицо в полной мере разрыв города и деревни, полная дезорганизация их рыночных связей, одинаково катастрофическая как для города, так и для деревни.

Кризис финансового хозяйства

Таковы были основные сдвиги в главных отраслях производства во время войны. Для полноты характеристики к сказанному надо прибавить лишь несколько слов о финансовом положении государства за это время. Ясно, что те колоссальные расходы, которых требовала война, не могли покрываться из обычных бюджетных средств, которые стали давать все возрастающий дефицит. Так, за 4 года войны

цифры расходов, вызванных войной, и бюджетных дефицитов были таковы (в млн руб.):

Годы	Военные расходы	Бюджетный дефицит	Годы	Военные расходы	Бюджетный дефицит
1914	1 234	1 898	1916	14 573	13 756
1915	8 620	8 561	1917	22 561	22 568

Таким образом, по официальным подсчетам, 4 года войны потребовали непосредственных расходов государства до 47 млрд. рублей, и бюджетный дефицит, несмотря на увеличение налогов, достиг свыше 43 млрд рублей. Для покрытия военных расходов и дефицита за годы войны до второй половины 1917 г. было сделано займов на сумму 42,5 млрд. руб., в том числе 8,5 млрд. заграничных займов, 11,6 млрд. руб. внутренних долгосрочных и 21,5 млрд. руб. внутренних краткосрочных.

Другим источником покрытия военных расходов явилось крайнее усиление эмиссии бумажных денег, с прекращением размена их на золото, ради сохранения золотого фонда. Развитие за годы войны эмиссии и падение параллельно с ней ценности денег, вследствие роста товарных цен, были таковы:

	Кредитных билетов в обращении	Индекс роста товарных цен
На 1 июля 1914 г.	1 630	100
» 1 января 1915 »	2 946	115
» » » 1916 »	5 617	238
» » » 1917 »	9 103	702
» 1 октября 1917 » .	17 175	1 171

При таком быстром увеличении кредитных билетов в обращении золотой фонд Государственного банка, исчислявшийся на 1 июля 1914 года в 1 744 млн. руб. и дававший на 98,2% покрытия бумажноденежного обращения, сократился на 1 января 1917 года до 1 474 млн. руб., а на 1 октября 1917 г. до 1 295 млн. руб., давая всего 6,8% покрытия бумажноденежной массы. Оторвавшись от своего золотого основания, при дефицитном бюджете, при сокращении промышленной деятельности и кредита, наши бумажные деньги стали быстро падать в своей ценности, а товарные цены быстро расти, еще более усугубляя катастрофичность общего положения.

Неблагоприятное влияние расстройства денежной системы и падения ценности денег усугублялось еще тем обстоятельством, что

наш внешний вывоз почти совершенно прекратился, и торговый (а тем более и расчетный) баланс стал отрицательным. Так, баланс нашей внешней торговли за время войны был по всем границам (в млн. руб.):

	Привоз	Вывоз	Баланс + или —
1913—1914 гг. (до 1 июля)	1 470	1 697	+ 227
июль-декабрь 1914 г.	297	228	— 69
1915 г.	1 131	397	— 734
1916 »	2 675	579	— 2 096

Таким образом, за два с половиною года войны отрицательный баланс по внешней торговле дал 2,8 млрд. руб., т. е. разница недобора, сравнительно с положительным довоенным балансом, достигла свыше 1 млрд. руб. в год. Это еще более ухудшило положение нашего рубля на заграничных биржах и усугубляло тяжесть нашего неблагоприятного расчетного баланса по чрезвычайно возросшей иностранной задолженности.

Расстройство финансового хозяйства неблагоприятно отражалось на кредите, который стал также значительно сокращаться. Так, один из важнейших видов краткосрочного коммерческого кредита, учет векселей, сокращался Государственным банком в следующих размерах: на 1 октября 1914 г. балансовый остаток по учетно-вексельной операции был 709 млн. руб., на 1 января 1915 г. 619 млн. руб., на 1 января 1916 г. 382 млн. руб., на 1 января 1917 г. 251 млн. руб., на 1 апреля 1917 г. 211 млн. руб. Сокращая, таким образом, кредитование промышленности, Государственный банк особенно усиленно развивал кредитование нового своего «должника»— казны: выпускаемые казной так называемые «краткосрочные обязательства государственного казначейства» («векселя» казны) стали в громадных суммах учитываться банком. На 1 января 1917 г. учет этих обязательств по балансу давал сумму 6 866 млн. руб., а на 1 октября 1917 г. 14 098 млн. руб. Таким образом, все активные операции банка были направлены на кредитование казны и ее военных расходов.

В то же время как в Государственном банке, так и в частных банках обнаруживается значительный рост вкладов и текущих счетов. Так, балансовые остатки вкладов и текущих счетов по нашей кредитной системе (Государственный банк, частные коммерческие банки, об-ва взаимного кредита, городские и общественные банки без сберегательных касс) были таковы:

	Гос. банк	Частные и проч. кредит. учрежден.
На 1 января 1914 г.	235	3 218
» » 1915 »	482	3 535
» » 1916 »	960	4 346
» » 1917 »	1 652	7 566

Таким образом, обнаруживается значительное увеличение в привлечении частных средств и сбережений в нашу кредитную систему, особенно в Государственный банк, увеличивший это привлечение к 1917 г. почти в шесть раз против довоенного. Понятно, что если принять во внимание происшедшее падение покупательной ценности денег, то будет ясно, что это накопление и эти сбережения были, в действительности, фиктивны. Но еще более важное значение описанных изменений в нашей денежно-кредитной политике имело то обстоятельство, что, усиленно привлекая денежные средства из народного хозяйства, Государственный банк все в большей массе бросал их не на кредитование промышленности, сельского хозяйства и торговли, а на кредитование военных расходов. Таким образом можно констатировать за время войны чрезмерно быстрое увеличение «фиктивного» денежного капитала и все более возрастающее использование его не на производительные цели, а на военное истребление.

Падение национального дохода и богатства

Ясно, что такое положение народного и государственного хозяйства при громадных военных расходах не могло не сказаться самым губительным образом на истощении и падении всего народного благосостояния и доходов. По подсчетам Прокоповича, наш «национальный» доход, исчислявшийся им накануне войны в 16,4 млрд. руб., во второй год войны упал до 13,9 млрд. руб. и в третий год — до 12,2 млрд. руб., т. е. сократился более, чем на четверть. Война поглотила, таким образом, от 27% всего народного дохода в первый год, до 49,3%, т. е. почти половину народного дохода, в третий год военных действий. Достигалось это как с помощью самого сильного напряжения налогового пресса, так и особенно с помощью усиленного выпуска обесцениваемых бумажных денег — этого самого жестокого, разорительного и неравномерного налогового бремени. Но, повидимому, следует предполагать, что военные расходы не только поглощали уже в третий год войны до половины национального дохода, но в значительной степени затронули и «национальный капитал», т. е. шли за счет не только отсутствия нового

накопления капитала в средствах производства и т. п., но и за счет истощения старого капитала и сбережений. По подсчетам Фин-Енотаевского расходы России на войну составляли по 1 августа 1917 г. до 19,6% ее национального богатства, до 52% национального дохода и 313% ее сбережений.

Такому значительному истощению национального дохода, капитала и сбережений не противоречит очень крупное увеличение вкладов и сбережений в сберегательных кассах: с 2,0 млрд. руб. на 1 января 1914 г. они увеличились до 2,8 млрд. руб. к 1 января 1916 г. и 3,7 млрд руб. к 1917 г. Но, принимая во внимание обесценение денег и падение покупательной силы их, можно видеть, что реальное значение этого накопления населением денежных сбережений было фиктивно и отставало от довоенного.

Распад системы. Итак, мы видим, что война уже к 1916—1917 гг. поставила все народное хозяйство перед катастрофическим расстройством, падением производительных сил, сокращением «национального богатства», капитала и дохода. Война, как наиболее резкое и острое проявление общего капиталистического кризиса, произвела особенно резкое потрясение и опустошение в народном хозяйстве. И как в обычных капиталистических кризисах, в особенности в эпоху финансово-монополистического капитализма, так и результатом его во время войны было развитие процесса дальнейшей концентрации, дальнейшего усиления монополистических образований, дошедших во время войны до наиболее законченных форм «государственного капитализма», до полного регулирования капиталистическим государством всей хозяйственной жизни страны. Конечно, одновременно с этим должны были расти и углубляться и общее социально-экономическое расслоение и противоречия капиталистического общества, вместе с возрастанием социальной силы противоположных интересов пролетаризируемых классов.

Россия во время военного кризиса, как и в предыдущую эпоху капиталистического под'ема, пережила все эти явления перерождения финансово-монополистического капитализма в «государственный капитализм». Во все предыдущие эпохи ее капиталистического развития, ее экономическая слабость и отсталость общественных отношений приводили к непрочности всех явлений ее капиталистического хозяйства, к незаконченности и непрочности их, — то же мы видим и в этот период военно-капиталистического кризиса.

Слабость ее промышленного, технического и финансово-экономического развития не создала достаточно прочной почвы ни для успешности технически-промышленного оборудования ее военной борьбы, ни для изживания производственно-промышленного и сельскохозяйственного кризиса, ни для самостоятельных финансовых источников ведения войны. Зависимость ее финансового капитализма от западно-европейских систем во время военного кризиса превратилась в полную финансовую, техническую и военную подчиненность и служение им. Но результаты этого кризиса для нее самой не могли не быть иными, чем для более сильных государственно-капиталистических систем ее союзников. Ее экономическая слабость и отсталость привели не к временному преодолению «государственным капитализмом» катастрофических отношений мирового капиталистического кризиса, как в Западной Европе, а к краху всей как государственной, так и социально-экономической ее системы.

ЛИТЕРАТУРА

Законченных монографий о системе и итогах нашего военно-капиталистического хозяйства не имеется; значительный материал разбросан или в статьях текущей прессы, или в отдельных официальных материалах. Наиболее полные сведения у *Прокоповича*, Война и народное хозяйство, 2 изд 1918, а также у *Гриневецкого*, Послевоенные перспективы нашей промышленности, 1921. Отдельные главы также у *Фин-Енотаевского*, Капитализм в России, 1925 — *Боголепов*, Война, финансы и народное хозяйство, 1925. — «Денежное обращение и кредит». Сборник, 1922. — Официальные сводки: «Влияние войны на некоторые стороны экономической жизни России», 1916. — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны» О-ва имени Чупрова. — «Анкета о дороговизне», изд. Всероссийского союза городов — Громадный материал в «Известиях» Центрального военно-промышленного комитета, в «Известиях» земского и городского союзов, а также в органе «Промышленность и торговля», в «Вестнике финансов», в ежегоднике «Народное хозяйство России», 1916 г. и др. периодич. прессе, особенно в журналах «Народное хозяйство», «Русское богатство», «Современный мир».

О положении сельского хозяйства и продовольствия общие сводки см. *Гордеев*, Сельское хозяйство в войне и революции, 1925. — *Кондратьев*, Рынок хлебов, 1922 (указатель литературы и источников), а также «Известия по продовольственному делу», журнал «Продовольствие и снабжение», издания Министерства земледелия, земского союза и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

От автора 3
Введение 5

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Первобытное хозяйство.

Глава I. Колонизация страны и зачатки народного хозяйства 17

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Эпоха феодально-городского хозяйства.

Глава II. Общая характеристика эпохи феодализма 54
» III. Сельское хозяйство и земельные отношения в эпоху феодально-вотчинного хозяйства 66
» IV. Торговля и город в эпоху феодально-вотчинного хозяйства . . 101

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Начало торгового капитализма.

Распад феодально-вотчинной системы и возникновение денежного хозяйства.

Глава V. Общая характеристика эпохи торгового капитала . . 123
» VI. Сельское хозяйство и земельные отношения 137
» VII. Городское хозяйство Московской Руси 160
» VIII. Торговля и рынок 170

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Торговый капитализм и его завершение в крепостном хозяйстве.

Стр.

Глава IX. Общая характеристика крепостного хозяйства 185
» X. Экономика крепостного земледельческого хозяйства и ее противоречия 195
» XI. Крепостная промышленность 212
» XII. Кризис и ликвидация крепостного хозяйства 234
» XIII. Реформа 1861 г., ее социально-экономические условия и последствия 256

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

Промышленный капитализм.

Глава XIV. Предпосылки и общий характер развития промышленного капитализма 274
» XV. Сельское хозяйство после реформы 300
» XVI. Процесс образования внутреннего рынка 334
» XVII. Эпоха грюндерства и формирования национального капитализма (70-е годы) 352
» XVIII. Закрепление национального капитализма (90-е годы) . . . 375

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

Эпоха финансового капитала.

Глава XIX. На переломе к финансовому капиталу. Кризис и депрессия 1900—1909 гг. 406
» XX. Монополизация промышленности и под'ем 1909—1914 гг. . . 424
» XXI. Финансовый капитал и русская промышленность 444
» XXII. Капитализация деревни и новая аграрная политика 471
» XXIII. Итоги развития и распад системы 498

